

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

6

Ник. Некрасов

Н. А. НЕКРАСОВ

Акварель И. Д. Захарова
1843 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА 1—10

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ШЕСТОЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1840—1859 гг.

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

$Н\frac{4702010000-610}{042(02)-83}$ Подписное.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПЬЕСЫ

1840

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ В СТИХАХ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ С ЭПИЛОГОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старик.
Женщина.
Михаил, сын их.
Извозчик.

Сцена 1

Простая крестьянская изба; посередине деревянный стол. Старик починивает сеть; пожилая женщина сидит за самопрялкой; вдали в задумчивости сидит мальчик с книгой.

Старик

Плохие времена; прогневался на нас
Правдивый бог; хлеба, покосы плохи:
Того гляди, придется голодать,
Придется продавать последние лаптишки;
На ту еще беду ни щука, ни карась,
Ни сельди, ни треска не ловятся изрядно.
Ох, ох! старуха! худо время!

Женщина

Ась?
Кажись, ворчишь недоброе ты что-то,
Господь даст день и пищу, — не тужи!

Старик

Да, хороша пословица, а знаешь
Пословицу другую: на бога надейся,
Да не плошай и сам? и эта хороша;
Вздохнешь и нехотя, как нету ни гроша;
А силы всё слабее да слабей,
Ох! что-то мы с тобой, старуха,
Тогда начнем, как выбьемся из сил!

Женщина

Зато наш сын войдет в то время в силу:
На старости призрит, прокормит нас.
Поди сюда, Михайло, о тебе,
Ты слышишь, речь идет, поди скорее!

Михаил

Что, матушка? Я книжки зачитался;
Как много тут хорошего, давно
Я не был так доволен: как-то сердцу
Приятно, как начну читать псалтырь.
Послушай-ка! прочту тебе страничку!

Женщина

Ох, дитятко, ох, горе-богатырь!
На горе выучил письму отец Никифор!

Старик

Доподлинно на горе: малец взрослой,
А нет, чтобы отцу в работе помогать.

Женщина

Чтоб матери горшки переставлял...

Старик

Чтоб иногда развесил мне хоть сети
Для сушки...

М и х а и л
(огорченный)

Матушка, отец родимой мой!

С т а р и к

Всё с книгою сидит, читает; дети, дети!
Для вас трудись руками и спиной,
А вы ленитесь...

Ж е н щ и н а

Рвете рубашонки
Да дрянные читаете книжонки!

М и х а и л

Помилуй, матушка, отменнейшие книги,
И даже есть картиночки в иных...

С т а р и к

Опять свое!

М и х а и л
(жалобно)

Да не сердись, родимой;
Что мне велишь, всё сделаю тотчас;
Рад помогать тебе, что силы станет,
И буду лишь тогда читать,
Как дело кончу...

С т а р и к

Ну, родимой, ладно!

М и х а и л

(ласкаясь к нему)
Прости, коли сердит!

Старик
(целует его)

Ну, будь вперед умнее!

Женщина

Да, да! умнее будь!

Михаил

Да, буду я умнее!
Я, батюшка, теперь уж не дитя,
Пройдет пять лет,— как ты, я взрослый буду
И стану работать за всех вас; вам
Покойно будет; всем займусь исправно,
Лишь вы зато читать мне не мешайте,
Как дело кончу...

Женщина

Да скажи на милость,
Что к чтенью вдруг тебя так пристрастило
И что, скажи, хорошего есть в книгах?

Михаил

О много! много! матушка!

Женщина

Да что же?

Михаил

Не знаю, как сказать, а только хорошо;
Когда я в первый раз взял книгу
И начал буквы разбирать —
Почувствовал я в сердце радость,
Готов был с книгой умереть!
Глаза мои к словам прильнули,
Душа их смыслом увлеклась;
Я дальше, дальше — всё другое,

И всё так чудно, хорошо!
Куда, я сам не знаю, мысли
Меня манили за собой,
И вот с тех пор люблю я книги
И буду их читать всегда!

Старик

Да что же толку? Ты ведь будешь
Крестьянином таким же, как и я,
А я не знаю в книгах ни бельмеса,
Да прожил век не хуже грамотея.

Женщина

Ась?

Михаил

Я слышал, батюшка, и в книгах
Читал, что есть такой народ,
Который знает всё на свете:
Считает звезды в небесах,
Всё, на чем свет стоит, изведал
И, как вертится свет, постиг...
Таких, слышь, в Питере немало,
И всем им там большой почет,
Какого немцам не бывало:
Сама царица их блюдет!

Старик

Так что же в том? не хочешь ли и ты
Таким же быть заморским колдунишкой!

Михаил

Признаться, батюшка, я думал,
Когда бы ты позволил мне,
Поехать в Питер, обучаться
Охота забирает страх...
Об этом мысль не оставляет
Меня; попробовал бы сам
Писать такие же я книги...

Женщина

Вот что затеял, вот те раз!
Еще он смеет озорничать!
Пусти его, вишь, в Питер: хочет он
Учиться, а отца и мать
Покинуть.

Старик

Не годится, Миша,
Такие думы замышлять; и что
С них проку? Лучше хлеб насущный
Ты честно добывай, крестьянином живи,
Куда уж нам до мудрости столичной!
Ты там себе пристанища не сыщешь,
Умрешь там с голоду...

Михаил

Я рад
Всё претерпеть, лишь можно б было
Мне там в училище вступить,
О, как бы я учиться начал!
Всё б для науки я забыл!
Мне, право, батюшка, порой
На ум идет, что без науки
Могу я умереть со скуки;
Давно уж я грущу душой.
Все книги, что отец Никифор
Оставил мне, уж я прочел,
Почти уж выучил на память,
А жить без книг я не могу...
Свези же в Питер, мой родимый,
Меня и в школу там отдай!
Я скоро выучусь: приеду
И с вами снова буду жить!

Старик
(строго)

Откуда ты набрался этой дичи?
Не смей об этом больше говорить:
Мальчишка, ты не понимаешь дела...

Знать, этого ты духу набрался
Из книг; подай — я их все спрячу;
Отдам тогда, как будешь поумней!

М и х а и л
(умоляющим голосом)

Пусти учиться!

Ж е н щ и н а

Ась!

М и х а и л

Хоть книги-то оставь!

С т а р и к

Подай сюда, иль сам возьму их, ну!

Михаил с отчаянием подходит к углу, в котором образа, берет книги и дрожащими руками подает отцу.

М и х а и л
(в слезах)

Оставь хоть две!

С т а р и к

Нет, ты избаловался:
Работать не работаешь, шалишь
Да дичь еще такую замышляешь!

Ж е н щ и н а

Знать, правда, что недобр тот человек,
Который возится с нечистой силой книжной!
Я, грешная, отроду не читала,
Да и читать не приведет господь,
Хоть до седых волос уж дожила я...
А он, молокосос!..

Михаил

Ах, матушка! за что
Все на меня? Как я теперь несчастен!..

Старик

Из головы дурь выкинь, помогай
Работать мне прилежно; приучайся
Хлеб добывать трудом, и помни век,
Что не бывать тебе, пока живу я,
В столице, не видать поганых книг!..
Иди же, спи спокойно...

Михаил

Ах, родимой,
Могу ли спать спокойно? Хоть одну
Исполни просьбу: я...

Старик
(строго)

Не смей и говорить!

Михаил заливается слезами и долго горько рыдает.

Сцена 2

Поле. Вдали лес. Вправо большая дорога.

Михаил
(один)

День ото дня мне тяжелей:
До вечера от утра за работой,
Которая не по сердцу, сижу;
Отец за мной так строго смотрит,
Все книги спрятал, а без них
Мне тяжко, скучно, я страдаю...
Бывало, так легко душе,
Когда я чтеньем занимаюсь,

Стараюсь разгадать: зачем
И почему написано в ней то-то
Или другое? Время так летит,
Не замечаю я его теченья...
Бывало, мысль надеждой занята,
Что я учиться буду, буду сам писать,
Что не простым я буду человеком
И, может быть, других перегоню...
Что и отца и мать утешу я
Собою, облегчу их участь...
И всё-то вдруг пропало, разлетелось:
Крестьянин я, крестьянином умру!
Отец не понимает польз своих
И отпустить меня не хочет в Питер...
А надо мне учиться, самому
Приняться сочинять, да, надо!
К тому назначен я судьбой и знаю,
Что говорил мне тот небесный вестник,
Во сне который посетил меня!
Он мне сказал: «Высок удел,
Который для тебя назначен,
Иди лишь не кривым путем,
Будь честен, добр, покорен, прямодушен,
К чужому зависти не знай:
И своего довольно будет!
Учись прилежно; силы все
Употреби ты на науку,
Иначе будешь мужиком!»
И вдруг пропал; тут на меня
Повеял запах ароматный...
Сначала я не понимал,
Что делать; после догадался,
За книгу взялся в тот же час
И с той поры всё думал, думал,
Как бы учиться, как бы мне
Моей судьбины не прогневать!..
Читал прилежно и порой
Стихи сам пробовал писать я,
И как тогда я весел был!
Теперь надежды я лишился;
Что делать мне?

По дороге проезжают несколько путешественников.

Счастливый путь!
Они, быть может, едут в Питер!
А я, я должен здесь грустить
И не учиться, не послушать
Того, что сон мне предсказал!
О, что мне делать! я просил
Отца раз пять — не отпускает
И не отпустит; бредом он
Зовет мои предположенья...
А доказать я не могу,
Что он ошибся! Как же быть?
Как в Питер мне попасть? не знаю!
Когда б не гневался отец,
Тихонько б я ушел отсюда!
Но как? дороги не найду!

По дороге проходят несколько пешеходцев.

Они идут... а что же я,
Ходить тож, кажется, умею.
Спрошу, где, как?.. язык ведь есть!..

(В ужасе.)

А мать, отец? Оставить их
На сокрушенье, на рыданья?
Они меня балуют так,
Лишь на меня у них надежда...
Уйду... покоя их лишу,
Они почтут меня погибшим!..

(Решительно.)

Пусть так... но я им докажу,
Что не погиб я, ворочусь я
Ученый, умный, ото всех
Почтен, с чинами и с богатством,
И пусть бранят тогда меня
За то, что я от них укрылся!
Иду... о господи, прости,
Что я родителей оставлю;
Что не послушался я их!
Иду, иду!..

По дороге проезжают извозчики с кладью. Михаил идет к ним.

Спрошу, где Питер,
На первый раз хотя у них...

(Обращается к извозчику.)

Где в Питер мне пройти поближе,
Скажи, старинушка?

Извозчик

Что, свет?
Да ты зачем идти туда намерен?
Ведь Питер-то — отсюда не видать!

Михаил

(в замешательстве)

Да так, мне надобно... Скажи,
Пожалуйста, скорей!

Извозчик

Так ты не шутишь?

Михаил

До шуток ли?

Извозчик

Да как же ты пойдешь,
И что тебе идти-то за охота?

Михаил

(в сторону)

Ах, боже мой! что ж я ему скажу?

(Вслух.)

Пожалуйста, скажи; там у меня родные,
А здесь я сирота!

Извозчик

Теперь я понимаю...
Да только всё того мне не понять,
Как ты дойдешь? Ведь ты и мал и беден!

Михаил

Дойду, дойду...

Извозчик

Пристанешь, захвораешь!

Михаил

Нужды нет!

Извозчик

Жалко мне тебя...
Садись на воз, я подвезу покуда.

Михаил
(садится с веселой улыбкой)

Вот видишь: ты тужил,
Как я дойду, а первый сам помог мне,
На свете не без добрых, знать...

Извозчик

И не без злых!

(Ударяет кнутом по лошади и уезжает вместе с Михаилом.)

Входит старик, отец Михаила, и за ним жена его.

Старик

Да где же наш Михайло? Что за пропасть,
День целый я ищу его напрасно,
Помилуй бог, уж не пропал ли он?
Искал, искал, ну так, что утомился!
Где он? Не в Питер ли ушел, шалун,
Не утонул ли, не упал ли в яму?..
О господи! как сердцу тяжело!
Как будто должен я его лишиться!

Женщина
(входит)

Ах, горе, горе! мы его лишились.
Искала я везде, и у соседей

Я спрашивала — нет... О, боже мой!
Да где же он? да что же с ним случилось!

Старик

Везде искала — нет! О, страшное сомненье
Исчезло! Новою бедой господь
Карает нас: его святая воля!
Одна была надежда — миновалась...

Женщина
(плачет)

Пропала наша лучшая надежда.

Старик

Один был сын — и тот недолго был!
О горе, горе нам, старуха!

Женщина

Горе, горе!

Плачут отчаянно.

Эпилог

Действие происходит через пятнадцать лет. Кабинет, великолепно убранный. Ломоносов сидит в задумчивости, сочиняя стихи.

Ломоносов

Ну, это будет хорошо... Что ж дальше?
Подумаю, так что-нибудь придет...

(Думает.)

Нет ничего... На мысль воспоминанья
Приходят, я их разбудил стихом.
«Как прошлое для нас заманчиво и ново!»
Давно ль еще я был совсем не то!
Я помню, был когда-то я в деревне,
Читал псалтырь и сказку о Бове
И приходил в восторг от разной дряни.

Я помню, как отец меня бранил
За леность, за любовь к науке. Он
Не верил ни учению, ни людям
И был уверен, что ученье вздор!
Покойный сон страдальческому праху —
Тяжелый крест он до могилы нес,
И жаль, что весть отрадная о сыне
Не усладила дней его последних.
А мать моя,— она меня любила,
Хоть тоже от нее за книги доставалось!
А как я их ужасно огорчил,
Когда вдруг скрылся и́з дому... Как много
С тех пор со мной случилось перемен!
Трудов немало перенес я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал.
Сам шел всегда без руководства,
Век делал то, что честь велит,
И не имел хоть благородства,
А благородней был других...
Зато достиг своих желаний,
Учиться дали средства мне —
Я быстро шел путем познаний
И на хорошем был счету...
И вот я шел да шел, трудился,
Свой долг усердно исполнял
И этим кой-чего добился:
Теперь я тот же дворянин!
Но это всё еще ничтожно,
Совсем не этим я горжусь,
Такое титло всем возможно.
Горжусь я тем, что первый я
Певец Российского Парнаса,
Что для бессмертья я тружусь...
Горжуся тем, что, сын крестьянской,
Известен я царице стал
И от нее почтен вниманьем
И ей известен как пиит.
Горжуся тем, что сердце Россов
Умел я пеньем восхитить,
Что сын крестьянской Ломоносов
По смерти даже будет жить!

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

ДЕТСКИЙ ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

(Посвящается десятилетнему мальчику Владимиру Федоровичу Фермору)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г-н Миллер, содержатель мужского пансиона.
Г-н Шпринк, учитель немецкого языка.
Ваня, 14 лет } пансионеры.
Митя, 12 » }
Слуга и пансионеры.

Явление 1

Театр представляет учебную комнату, по правую руку рядом несколько скамеек для учеников, напротив стол и стул для учителя, в углу доска. Утро, бьет семь часов. Ваня входит с книгой в руках.

Ваня. Нет, не буду учить, нарочно постараюсь досадить ему, чтоб он знал, что значит обидеть меня! И за что? за ничтожную шалость, в которой не я один, а мы все виноваты... Нет, господин Шпринк! вы увидите, что оставить меня без обеда,— не кого другого; нет! я этого так не оставлю... Не буду учить уроков, буду шалить, топать, петь в классе,— что вы мне сделаете? А вас между тем это так разозлит, что волосы на дрянном паричишке вашем станут дыбом...

Нет, за себя я постою
И отомщу, поверьте, славно,
У вас я в классе запою,

То замяукаю забавно,
То всё за вами повторять
Таким же буду жалким тоном,
С немецким русское мешать,
Над вашим хохотать поклоном,
Поступки ваши осуждать,
Смотреть на вас как на барана,
И докажу, что понимать
Обиду мне уже не рано!

Если б все наши учителишки вздумали так делать, то это просто беда, хоть выйти из пансиона; а впрочем, что за беда, пожалуй, я и выду, вот завтра праздник: скажу маменьке, может, и позволит; но прежде всё-таки нужно досадить Шпринку... Да что я не сделаю это поскорее... сегодня? Только бы никто не узнал. Что бы это придумать?.. Ах, и в самом деле, вот хорошо! *(Смеется от удовольствия.)* В передней есть стул, у которого одну ножку вчера мы отломали... возьму я его, приставлю кой-как ножку, этот вынесу, а тот и оставлю здесь... никто и не заметит; они оба одинакие... зато как же славно он шлепнется... Поскорей надо действовать... чтоб всё к восьми часам кончить... *(Берет стул и уходит.)*

Явление 2

Митя.

Митя. Видно, еще рано, никто не пришел; это хорошо, сяду здесь и протвержу свой урок покуда, мне никто не помешает... А где это стул учительский, видно, его починить взяли? *(Садится и берет тетрадь.)* Ах, я совсем не ту тетрадь взял. *(Уходит.)*

Явление 3

Ваня *(входит со сломанным стулом)*. Вот так, прекрасно... пусть-ка сядет! *(Ставит стул на место и подставляет четвертую ножку.)* Очень хорошо... Однако ж, кажется, она его и сдержит... Попробую... *(Осторожно садится, ножка подламывается, и он едва успевает соскочить.)* Браво!

Он придет, его обычай
Я давно уже смекнул,
Без поклонов и приличий
Прямо сядет он на стул,
Лоб его или затылок
С полом чокнется как раз,
Он сердит, горяч и пылок,
Закричит тогда на нас.
Станет спрашивать, кто штучку
С ним такую отпустил,
И боюсь, чтобы трясучку
Он со злости не схватил!

Он будет бегать, злиться, спрашивать: кто? а я себе притаюсь да и буду молчать... От кого он узнает? *(Ставит стул в порядок.)*

Входит Митя.

Явление 4

Ваня и Митя.

Ваня. А, Митя! что ты? с уроком... доброе дело, брат, учи, учи... а то господин Шпринк рассердится, оставит тебя без обеда... Не пустит завтра домой... Бедный Митя!..

Митя *(в сторону с изумлением)*. Кто принес этот стул? уж не Ваня ли, что он проказит? *(Громко.)* Что ты, Ваня, тут делаешь?

Ваня. Ничего, так, рассуждаю себе, как глупы наши учителя и как глупы мы, что их слушаемся...

Митя. Стыдно, братец, так говорить об них: они тебе кроме добра ничего не желают... А кто поставил этот стул? я входил — так его не было.

Ваня *(в замешательстве)*. Не знаю, я сам пришел только...

Митя. Но эти книги, которые теперь у тебя в руках, давеча тут лежали...

Ваня *(испугавшись)*. Это так, я их забыл вчера...

Митя *(в сторону)*. Он сделал что худое, право, я боюсь..., *(Ему.)* Ты выучил немецкий урок?

Ваня. Вот еще, стану я учить!.. Да зачем это?.. Ведь не будет же он всегда оставлять меня без обеда,— да и этот раз ему не пройдет так!

Явление 5

Входят ученики с тетрадями и книгами и занимают места.

Один из пансионеров. Скоро восемь часов... придет господин Шпринк.

Ваня. А что, вы его боитесь, что ли? Пусть себе придет... всякого немчуры бояться...

Другой из пансионеров. Точно, Ваня, какой-нибудь колбасник, а мы, дворяне, должны его слушать.

Митя. Но он учитель, он старше нас.

Второй. Вот вздумал!..

Между ними подымается спор; прочие пристают к ним, и шум усиливается; входит г. Шпринк, который говорит нечисто по-русски.

Шпринк. Тише, тише!

Ваня *(про себя)*. Вишь вбежал, точно бешеный, а вот сейчас осядешься.

Шпринк ходит по комнате, потом подходит к стулу и садится, ножка подламывается, он упадает.

Ученики. Ха-ха-ха!.. ха-ха-ха!

Шпринк *(подымаясь)*. Мальшишки, невежи, как вы смели, вот я вас! *(Подходит к старшему.)* Вы старший, вы должны знать!?

Старший. Ничего не знаю; в класс сегодня я пришел только за минуту до вас; впрочем, может быть, это случилось по ошибке слуги...

Шпринк. Вы так думаете! Хорошо, я справлюсь... *(Зовет слугу.)*

Митя *(тихо)*. Ну так и есть, это Ванины проказы! Посмотрим, чем всё это кончится! *(Ване.)* Ваня! отчего ты так бледен?

Ваня. Так, мне что-<то> скучно...

Входит слуга.

Шпринк. Что это такое! Вы стул изломанный мне подали, я упал, ушиб себе левую ногу и правое плечо...

Слуга. Помилуйте, господин Шпринк! Стул был целехонек. *(Смотрит на стул.)* Да это не тот совсем, который я вам поставил, кто-то подменил, у меня в прихожей был приготовлен для починки.

Шпринк *(в бешенстве)*. Так это из вас кто-нибудь! нет никакого сомнения... сказывайте — кто? а то хуже будет. *(Подходит к каждому.)* Вы, вы, вы, вы?.. *(К Ване.)* Вы?

Ваня. Помилуйте, господин Шпринк, вы еще вчера меня без обеда оставили, могу ли я так скоро забыть это и сделать новую шалость, чтобы подвергнуться опять наказанию!..

Митя *(про себя)*. Как он хитро лжет!

Шпринк. Не хотите признаться, так я на своем поставлю, всем вам достанется... Я попрошу содержателя. *(Убегает в гневе.)*

Ваня. Ха-ха-ха! Вот случай чудесный! Да кто это, братцы, сыграл с ним такую штуку! Давно бы пора! пусть его злится...

Митя. Ой, Ваня, смотри, не было бы хуже после!

Один из пансионеров. Да что, уж заодно теперь, братцы, давайте шалить больше!

Несколько голосов. И точно, точно, давайте петь...

Ваня. Вот прекрасно! Что нам всем сделают... Я запою первый, чур не спасовать. *(Поет, некоторые ему подтягивают.)*

Уж цветочки пышно
В поле развернулись,
Птичек пенье слышно,
Рощи улыбнулись,
Всё цветет прелестно,
Май во всей природе,
Братцы, как чудесно
Гулять на свободе!

Явление 6

Входит впереди **Миллер**, за ним **Шпринк** и на ухо рассказывает ему что-то.

Миллер. Господа! Вам известно, что скорое раскаяние уничтожает проступок, как бы он велик ни был, и потому советую тому, кто сделал нынешнюю шалость, лучше поскорей признаться. Не то, уверяю вас, худо будет!

Пансионеры *(все)*. Я не знаю, и я, и я, и я...

Миллер *(в гневе)*. Не может быть! Кто-нибудь из вас виноват же! Лучше пусть признается точно, кто сделал это! А если он этого сам не сделает, то я советую вам не держаться своей школьной привычки, а указать на виновного. Иначе вы все потерпите наказание...

Ученики *(меж собой)*. Если бы мы знали, кто бы это мог сделать... Нет, мы не можем сказать, кто это сделал, потому что сами не знаем...

Миллер. В последний раз говорю. Или признавайтесь, или все будете наказаны.

Митя *(про себя)*. Если б я знал наверно!.. Да нет! по понятиям моих товарищей, это неблагородно... они будут гнать меня... Нет, лучше смолчу...

Миллер. Что ж, говорите! долго ли я буду вас просить?

Ваня *(про себя)*. Нечего говорить-то! Никто не знает! Ловко же я устроил.

Ученики *(плачущим голосом)*. Право, мы не знаем, господин Миллер. Мы были в спальне... Может быть, тогда кто-нибудь...

Миллер. Кто пришел раньше всех в класс?

Один из учеников. Ваня и Митя; они прежде всех ушли из спальни...

Ваня. Я не в классе был, я гулял в нашем саду, потом, когда пришел в класс, то застал уже в нем Митю...

Миллер. Но я уверен, что Митя этого не сделает! Он мальчик умный и скромный... Что же, признавайтесь,— кто это сделал.

Ученики. Не знаем.

Миллер *(в гневе)*. Прошу покорно! Какое упрямство в детях! Господа, если вы не хотели, чтоб был наказан виновный, то вы будете все примерно наказаны! Ни

одного из вас на завтрашний праздник не отпускаю к родителям.

Некоторые из учеников. Ах! Но мы не виноваты. *(Плачут.)* Ведь мы не знаем!

Миллер. А кто мне поручится, что это правда!

Ваня *(про себя)*. Есть чего бояться! Не идти домой так не идти, а всё-таки я на своем поставил.

Митя *(тихо Ване.)* Ваня! Признайся лучше, мне кажется, ты виноват, за что же все эти бедные мальчики будут терпеть?

Ваня *(в испуге)*. Что ты говоришь! Да я столько же тут виноват, сколько и ты.

Между учениками подымается ропот, многие плачут.

Несколько учеников. Простите, господин Миллер, право, мы не знаем.

Миллер. Ни за что невозможно простить!

Ропот учеников усиливается; они плачут.

Один из учеников. Что скажет, маменька! я обещал ей вести себя хорошенько, чтобы не заслужить наказания!

Другой. Папенька обещал мне сделать подарки для завтрашнего праздника, а теперь... о, как я несчастен!..

Третий. Если б я знал, кто это бессовестный, который заставляет всех нас плакать!

Митя *(тихо Ване)*. Ваня! друг мой! не стыдно ли тебе притворяться! Посмотри: ты причиною слез товарищей!..

Ваня. Что ты тут выдумываешь! С чего ты взял, я совсем ничего не знаю...

Митя. Но кто же подставил этот стул?

Ваня. Когда я пришел, этот стул уже был тут.

Митя. А когда это было?

Ваня. За полчаса до твоего прихода...

Митя *(про себя)*. Нет сомнения, что это он сделал! Ах, какое у него дурное сердце! Ваня, повинись...

Ваня *(с гневом)*. Отвяжись от меня, твои подозрения очень глупы!

Митя *(про себя)*. Что же мне делать! Как мне жаль моих товарищей, они терпят совсем напрасно... Если бы

я не боялся ошибиться или прослыть низким... они бы были свободны...

Ваня *(про себя)*. Отчего этот Митя подозревает меня? Впрочем, что за важность. Он не знает наверно, а если и пожалуется, так всю беду я свалю на него же... Ага! господин Шпринк, попались! Чего эти мальчишки плачут? Велика важность не быть один праздник дома! Положим, между ними есть маленькие, есть новички, но всё это ничего!

Миллер. Сколько хотите плачьте, это не поможет, упрямство — порок непростительный. Дети! У вас обыкновенно бывают странные понятия о чести: вы боитесь обличить проступок своего товарища, потому что вас прозовут низкими. Поверьте, эта боязнь ни на чем не основана, низок тот, кто скрывает пороки товарищей и тем мешает начальникам принять меры к их исправлению. Кроме того, что ваш нынешний поступок дурен, вы грешите против бога и справедливости. Жалею вас, но принужден поступить с вами строго, для вашей же пользы... *(Шпринку.)* Окончите с ними урок, а я между тем уведомлю гувернеров, чтоб их не отпускали... *(Уходит.)*

Некоторые из учеников. Господин Шпринк, мы не виноваты; заступитесь за нас; попросите господина Миллера.

Ваня. Гу! Гу! ш! ш! ш! *(Он всячески старается увеличить шум в комнате.)*

Шпринк *(с гневом)*. Что это значит! Вам мало этого наказания! Тише!

Топает ногой, Ваня тоже топает.

Кто это?

Все молчат.

Нет, с вами нельзя поступить как с добрыми детьми. Тише! Господин К., говорите урок.

Один из учеников *(захлебываясь от слез)*. Я не могу отвечать моего урока, потому что у меня вчерась книга пропала...

Шпринк *(сердится)*. Хорошо, я запишу, что вы не знаете! *(К другому.)* Говорите вы!

Другой ученик. У меня в книге та страница, на которой нынешний урок, залита чернилами...

Шпринк *(бесится; бьет звонок; он берет шляпу, уходя)*. Нет, это вам не пройдет даром! Я настою на том, чтоб вас не пустили домой...

Явление 7

Ваня, Митя и прочие ученики.

Хор учеников.

За что мы страдаем, за что мы страдаем,
Один кто-нибудь напроказил из нас,
А все наказанье его разделяем,
И капают слезы невольно из глаз;
Что маменька скажет, сестрицы что скажут,
Когда не придем мы на праздник домой!
На наши гостинцы с насмешкой укажут
И их уберут до субботы другой!
За что нас постигло такое несчастье!
Мы думали праздник роскошно провесть
Меж дружбы привета и ласки участья,
А нам не дадут здесь, пожалуй, и есть.
Нет, это ни на́ что совсем не похоже!
Кому ж мы обязаны этой бедой!
Что всё это значит? О боже, о боже!..
За что не пойдем мы назавтра домой!..

Митя. Как они плачут! мне их жаль, очень жаль; мне кажется, я бы лучше один согласился терпеть, только б они были веселы...

Ваня. Как это их огорчает! Мне даже их немного жалко, да что за дело, поплачут и перестанут, неужели мне одному терпеть... Теперь веселее... *(Мите.)* Полно горевать, ведь это малодушно, братец!

Митя. Не за себя, мне за них больно! Видишь, как они огорчены...

Ваня. И полно, их слезы происходят от глупости. Как порассудишь, так не побывать один праздник дома — сущий вздор.

Митя *(с укором)*. Особенно для того, кто заслужил это.

Ваня. Что это значит? Не думаешь ли ты, что я виноват...

Митя *(берет его за руку)*. Ваня, будь друг! не криви душой: ведь это ты сделал... Признайся, попроси у Шпринка прощенья, он добр и, верно, простит.

Ваня. Стану я просить у него прощенья! Да и в чем это?

Митя. Неужели то, что другие невинно за тебя страдают, не трогает твоей совести? Право, я не понимаю тебя...

Ваня. А я тебя не понимаю; ты, брат, толкуешь что-то вроде господина Миллера...

Митя. Я говорю то, что должен говорить в таком случае всякий благородный человек! Стыдно заставлять других терпеть за свой поступок! Если ты не признаешься, то я на тебя скажу, я ведь знаю, что ты переменил стул...

Ваня *(в испуге)*. Я! вот забавно! Да чем ты это докажешь? Или ты хочешь быть доносчиком, этак товарищи не делают.

Митя. Ты так думаешь! по-твоему, это неблагородно, хорошо, я найду другое средство.

Входит Миллер.

Явление 8

Те же и Миллер.

<Миллер>. Что ж, господа, вы не нашли виновного? Ну, видно, придется вам поскучать для праздника, да еще притом и попоститься, потому что намерен всех вас оставить без обеда!

Некоторые из учеников. Ах! Да мы ничего не сделали!

Митя *(про себя)*. Должно решиться, я мог бы спасти и их, и себя, но он говорит, что это неблагородно, так я хоть их спасу. *(Подходит к Миллеру с заплаканными глазами.)* Господин Миллер! мне нужно вам что-то сказать!

Миллер. Что? Не хотите ли вы просить отпуска домой? Нельзя, мой друг, хотя я и уверен, что вы не виноваты, но тогда и другие будут иметь право проситься.

Митя. Ах, господин Миллер! Я меньше всех заслу-

живаю доброго мнения, которое вы обо мне имеете; я меньше всех имею право проситься домой...

Миллер. Почему?

Митя. Потому... потому... *(Решительно.)* Потому что я и есть тот самый виновный...

Миллер. Как! Неужели! Не может быть! Вы всегда были у меня на хорошем счету и, по справедливости, заслужили название умного и скромного мальчика...

Митя. Отпустите других, пусть я один буду наказан, я этого достоин, я переменил стул...

Ваня *(вслушиваясь, про себя)*. Что оп говорит? Он переменил стул! Просит, чтоб его наказали, а других отпустили?..

Миллер. Но что же вас заставило?

Митя. Я сам не могу себе дать отчета...

Я сам не знаю, отчего
Такую вдруг я сделал шалость,
Сперва боялся я всего,
Боялся проступиться малость...
А тут охота вдруг пришла,
Я не подумавши решился,
Охота силы придала,
И я ужасно оступился!..

Миллер. Жаль мне вас, сердечно жаль, однако ж я отчасти рад, потому что это удостоверяет меня в благородстве вашего характера...

Ваня *(про себя)*. О! что он сделал! За что его теперь накажут! Как он мне странен! Сам на себя сказал, а я думал, он на меня скажет, какой он добрый! Мне жаль его вдвое, чем давеча всех моих товарищей! Надобно признаться, что у него душа лучше моей, я, виноватый, не хотел потерпеть, чтоб избавить товарищей, а он... нет, это несправедливо... О! что я сделал!.. Как теперь спасти его... Лучше бы я и не трогал этого стула! Бедный Митя!

Миллер *(к ученикам)*. Господа, вы невинны и можете идти домой, когда за вами пришлют слуг, виновный нашелся и признался. *(Обращаясь к Мите.)* А вы...

Ваня *(с усилием, быстро вскакивает и бежит к Миллеру)*. Господин Миллер, господин Миллер, это не он сделал, божусь вам, не он... Он нарочно сказал...

Миллер. Как, что такое? Кто же?

Митя. Полноте его слушать, он этого не знает, накажите меня.

Ваня. Нет, Митя, я не хочу, чтобы ты за меня терпел.

Миллер. Что такое?

Ваня. Это я переменил стул у Шпринка, поставил ему безногий, а целый отнес в переднюю. Божусь вам, господин Миллер...

Поверьте мне,— не допущу,
Чтоб потерпел за грех мой Митя,
Я сам наказан быть хочу,
Его домой вы отпустите!
Укоры совести моей
Хочу раскаяньем исправить!
И не хочу к вине моей
Другой вины еще прибавить!

Я виноват, я это чувствую, простите, господин Миллер! простите! И поверьте, что я вперед буду лучше! Благородный поступок Мити сначала изумил и насмешил меня, потом проник до глубины сердца... я ужаснулся самого себя... Извините меня, товарищи.

Прости меня, мой Митя милый,
Великодушьем ты своим,
Как бы какой волшебной силой,
Всем сердцем завладел моим...
Полюбит, как родного, Митя,
Теперь тебя душа моя...

Митя *(Миллеру)*.

Теперь и вы его простите
Так точно, как прощаю я.

(Заключает Ваню в объятья.)

Миллер *(Мите)*. Поди обними меня, добрый мальчик... Вот, дети! будьте все на него похожи; действуйте так же великодушно; вы видите, он хотел собой для вас пожертвовать, но бог не допустил до этого; начав свое доброе дело, Митя, кроме того, избавил еще Ваню от дурной привычки быть скрытным и злопамятным. *(Обнимает Митю.)*

Митя. Но простите же его, добрый господин Миллер!

Миллер. Этого я не мог бы сделать без господина Шпринка, если б не был уверен, что он добр и охотно простит того, кто чистосердечно раскаивается и обещает исправиться... *(Ване.)* Прощаю вас, вы можете также идти домой, к своей маменьке, благодарите Митю...

Ваня. О, как хорошо быть добрым!

Миллер. И как легко! Стоит только положить себе правилом в жизни идти прямо и действовать открыто: честному человеку нечего стыдиться своих проступков... *(Обращаясь к ученикам.)* Ну, теперь вы все свободны, благодарите доброго Митю... Научитесь из этого примера быть добрыми, откровенными и незлопамятными... Играйте теперь и будьте спокойны! *(Уходит.)*

Хор учеников.

Мы недавно горевали,
Нам грозил голодный пост,
Просто так нас напугали,
Что мы все поджали хвост,
Но теперь мы все довольны,
Поиграем прежде здесь
И домой, счастливы, вольны,
Побежим конфекты есть...
А чтоб снова нам печали
Не случилося такой,
От проказ мы будем дале,
И пойдет всё чередой.
Мы теперь постигли ясно,
Что в проказах нет пути
И что истинно прекрасно —
Хорошо себя вести!

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ

ДЕТСКИЙ ВОДЕВИЛЬ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г-н Видовский, помещик.
Феденька, его сын, 12 лет.
Дальвиль, гувернер Феденьки.
Володя, 13 лет, приятель Феденьки.
Иван, слуга.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Театр представляет хорошо убранную комнату. В глубине сцены софа и несколько кресел, по бокам зеркала, направо дверь, ведущая в залу, а налево дверь в кабинет.

Явление 1

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Всё ли готово для бала?

Дальвиль. Буфет убран, мебель расставлена; всё готово.

Видовский. А что делает Феденька?

Дальвиль. Иван его завивает, я думаю, уже в третий раз.

Видовский. Ах, как это вы позволяете!

Дальвиль. Что ж делать! Бал, который вы сегодня даете, вскружил ему голову; он говорит, что хочет сегодня танцевать, прыгает, рвется, повертывается и беспрестанно портит свою прическу. Это ни на что не похоже.

Видовский. Это непостижимо! Прошлый год он решительно не любил танцев.

Дальвиль. А теперь совсем другое. Он так их полюбил, что встал сегодня прежде меня и, не думая о завтраке, принялся танцевать.

Видовский. Что ж это значит? Верно, у него есть к тому причина.

Дальвиль *(смеясь)*. Разумеется, есть.

Видовский. Какая же? Объясните ее мне поскорей!

Дальвиль. Причиною тому то, что маленькая Софья будет на балу, что она очень хороша собою и что она отлично танцует.

Видовский. Вы так думаете?

Дальвиль. Я уверен: он любит Софью всем сердцем.

Видовский. Но ему не более двенадцати лет!

Дальвиль. Я вас уверяю, что он судит о красоте и достоинствах Софьи как двадцатилетний.

Видовский. Нет, это слишком много! Надо его образумить. С двенадцати лет начать любить: это ни на что не похоже; он должен быть поскромнее. Погодите здесь, я сейчас приду, мне нужно кой-что приказать. *(Уходит.)*

Явление 2

Дальвиль и Феденька.

Феденька *(вбегает, напевая и припрыгивая)*.

Что за наслаждение
Ловко танцевать!

Дальвиль. Monsieur! * Вы опять уже растрепаны.

Феденька.

Можно, без сомнения,
Всех очаровать!

(Делая несколько па.) Это проклятое па!.. я никак не могу его затвердить!

Дальвиль. Феденька, я вам говорю.

---

* Сударь! *(франц.)*

Феденька. Ах, monsieur Дальвиль...

Дальвиль. Я удивляюсь вашему послушанию и твердости вашего слова... «Я не буду больше танцевать,— говорили вы мне,— я вам обещаю».

Феденька *(обидясь)*. Это правда, я обещал, но не давал честного слова... Я никогда не поступаю против моего честного слова.

Дальвиль. Поэтому вам нельзя верить, покуда вы не дадите клятвы. Но как не должно расточать клятв, их должно употреблять только в важных случаях жизни, то с нынешнего дня я вам вовсе не буду верить.

Феденька. Вы не будете мне больше верить?

Дальвиль. Да, разумеется.

Феденька. Но...

Дальвиль. Не скрою от вас, что если я должен буду не верить вашему честному слову в пустяках, то в важных делах и подавно...

Феденька *(плачевным голосом)*. Это значит, monsieur, что вы меня больше не любите... мы всегда верим честному слову любимого человека. Я верю всему, что вы говорите.

Дальвиль. Разве я вас когда обманывал?

Феденька. Нет.

Дальвиль. Итак, вы мне во всем верите, хотя <я> никогда не давал вам честного слова. Знайте, Феденька, что *да* и *нет* честного человека стоят всех клятв, что правда есть первая добродетель человека и что улика есть самая жестокая и ужасная обида, какую только можно получить.

Феденька. А! так я вас уверяю, что с нынешнего дня я никому, исключая моего папеньки, не позволю уличить себя в чем бы то ни было.

Дальвиль. Вы будете драться!

Феденька. Разумеется...

В двенадцать лет уж мой папá
Губил врагов ружьем и шпагой,
И мне грудь щедрая судьба
Согрела тою же отвагой,
И я готов прицелить в лоб
Тому, кто честь мою затронет,
Он оплошал; я хлоп-хлоп-хлоп!
И полумертвый он застонет.

Дальвиль. Но не лучше ли употреблять свое мужество на врагов отечества, чем драться с своим соотечественником?

Феденька. Всё это я очень хорошо понимаю, monsieur Дальвиль, и даю вам честное слово говорить всегда правду.

Дальвиль. Ваше обещание меня очень радует; надеюсь, что оно будет непоколебимо и что ваши слова *да* или *нет* будут стоить всех клятв на свете. А, вот и ваш папенька.

Явление 3

Видовский, Дальвиль и Феденька.

Видовский. Я пришел сказать тебе, милый Федя, неприятную новость: ананасов нигде не нашли, и потому мороженое, которое ты приказал приготовить...

Феденька. Ничего, папенька; всё равно.

Видовский. Это тебя не огорчает?

Феденька. Нет, папенька.

Видовский. А я этому не верю.

Дальвиль. О, как скоро m<ons>ieur Théodore сказал *нет*, то будьте уверены, что это правда. Его *нет* стоит всякой клятвы...

Видовский. Тем лучше. Как мне приятно, что я вижу в моем сыне такие прекрасные качества!

Феденька *(печально)*. Папенька...

Видовский. Что с тобой, мой друг? Отчего этот печальный голос?

Феденька. Так-с.

Дальвиль. Да у вас слезы на глазах, что с вами?

Феденька. Оттого, что я сейчас провинился... вы не скажете, что я не сдержал своего слова?

Дальвиль. Скорое, откровенное раскаянье уничтожит всё, что вы ни сделали...

Феденька *(печально)*. Папенька... я не люблю ананасного мороженого, для меня всё равно, если его не будет, но мне всё-таки это неприятно, потому что на прошлом бале многие барышни спрашивали у моей тетеньки этого мороженого. Вот мне и хотелось, чтоб оно сегодня у нас было.

Видовский. Ну так ты не должен бы говорить: всё равно.

Феденька. *Для меня* всё равно.

Видовский. Полно, мой Феденька, не отпирайся! Вот, видишь ли, ты сейчас сказал маленькую неправду и теперь, чтоб оправдаться, ослабляешь смысл своих слов и хочешь как-нибудь увернуться.

Феденька. Не гневайтесь, папенька. Я сейчас поправлюсь и расскажу вам всё...

Видовский. Ну, хорошо; расскажи нам, кто эти барышни, которые любят ананасное мороженое?

Феденька *(в замешательстве, довольно тихо).* Это Софи, папенька.

Видовский. Гм, я не слышу!

Феденька. Софи!

Видовский. А другие?..

Феденька. Да вот и все, папа...

Видовский. Зачем же ты сказал *многие* барышни? *(Улыбаясь.)* Верно, от ветрености?

Феденька. Нет, папа... нарочно...

Видовский. Для чего?

Феденька. Я не смел говорить об одной Софье.

Видовский. Поди, поцелуй меня, добрый Феденька! Вот что значит отвечать прямо. Если б ты знал, как это меня радует! Дитя мое! у тебя добрая душа, не вселяй в нее никогда этой пустой скрытности.

Феденька. Уверяю вас, милый папенька, что я всегда буду справедлив и откровенен.

Чтоб вас не гневать никогда
И быть достойным вашей ласки,
Чтоб при улике от стыда
В лице не вспыхнул пламень краски,
Я обещанье вам даю
И свято выполню, поверьте!
Во всех делах, всю жизнь мою
Лишь правду говорить до смерти!..

Видовский. Ну, теперь скажи мне, отчего ты боишься говорить об Сонюшке?

Феденька. Право, я сам не понимаю...

Видовский. Говорят, что ты расположен к ней, что ты беспрестанно повторяешь ее имя всем и говоришь

об ней; только мне одному ты еще ни слова не сказал о твоей страсти... А знаешь ли, что это значит? Видно, что ты не имеешь ко мне должной доверенности.

Феденька. О нет, папенька; я только и имею доверенность к вам да к monsieur Дальвилю...

Дальвиль. Неправда, Феденька. Вы мне много говорили о m-lle Sophie, но я не могу забыть того, что самые важные тайны на этот счет были рассказаны сперва Ивану, Климу и всем лакеям.

Видовский. Есть кому доверять! Итак, все, думая, что Сонюшка вскружила тебе голову, обманываются: если б ты ее в самом деле любил, то верно б был поскромнее.

Феденька. Ах, папенька, уверяю вас, что она еще ни разу не оказывала мне никакого предпочтения.

Видовский. А если б она тебе его оказывала, разве ты на это согласился бы, Феденька?

Феденька. Нет, папа.

Видовский. Можно подумать, что ты скрываешь привязанность, которую она тебе оказывает.

Феденька. Папа, миленький папа, прошу вас, запретите Ивану и Климу кому-нибудь об этом говорить.

Видовский. Но, может быть, они уже рассказали всё пятидесяти человекам, Феденька! Убегай особенно пороков, ведущих к другим, которых уже нельзя поправить... Про тебя еще говорят, что ты всегда носишь в кармане розан, который дала тебе Софья.

Феденька *(быстро)*. Который она мне дала!.. Ах, боже мой! Можно ли так лгать! Этот розан упал из ее волос на прошлом балу, а я его поднял так, что она не приметила.

Видовский. Видишь ли, как правда уничтожается, переходя из уст в уста. Ты гораздо бы лучше сделал, если б ничего не говорил об этом розане.

Феденька. Но кто ж вам сказал такую ложь?

Видовский. Твоя тетенька.

Феденька. Тетенька! Может ли быть?

Видовский. Может быть, ей кто рассказал, ты знаешь, и между добрыми людьми есть злые.

Дальвиль. Впрочем, это очень неприятно для m-lle Софи.

Феденька. Миленький папенька, прошу вас, напишите тетеньке...

Видовский. Я знаю, что это не было бы бесполезно, но она так уверена, и я...

Феденька. Как... Папенька, вы уверены?

Видовский. Но отчего же ты так привязан к этой розе? Нельзя не поверить.

Феденька. О, папа! уверяю, и даже божусь... Я вам всё рассказал, ваше сомнение приводит меня в отчаяние. Ах! эта роза! Я ее закину куда-нибудь! Я вас уверяю, что Софи не оказывала мне никакого преимущества, она даже не любит танцевать со мной и говорит, что я худо танцую...

С ней в танцах мне всегда неловко,
Она с другими так резва,
Приветно машет им головкой,
Твердит веселые слова,
Они кружатся, как голубки;
Но только я, скрепясь душой,
К ней подойду — надует губки
И просто ходит лишь со мной,
А не танцует, как с другими;
И говорит она, папа́,
Что не сравнюсь я в танцах с ними,
Что будто я сбиваюсь в *па!*

Вот как она со мной поступает. *(Умоляющим голосом.)* Ах! если б вы всё это написали тетеньке!

Видовский. Может быть, Софья и не давала тебе розана, я не видел, чтоб она когда-нибудь кокетничала.

Феденька. О, папенька, будьте уверены, что она этого не сделает, если б она кокетничала, то я никогда не любил бы ее так.

Видовский. Если ты ее любишь, то постарайся, по крайней мере, приобресть те качества, которые тебя в ней прельщают. Не будь больше так ветрен.

Феденька. Я надеюсь, папа, что вы разуверены насчет этой розы.

Видовский. Если я увижу большую перемену в твоем поведении и характере, то я уверюсь, что ты Софью любишь основательно, и о розе говорить больше не буду.

Феденька. Хорошо, папа, увидите; вы будете довольны мною.

Явление 4

Те же и Иван.

Иван *(подавая Видовскому письмо)*. Сейчас принесли-с.

Видовский. Хорошо. *(Читает.)* А! это от тех, которые не будут.

Феденька. Сегодня вечером?

Видовский. Да.

Феденька *(с любопытством)*. Ну что же, папенька?

Видовский *(смеясь)*. Ах, какой ты любопытный!

Феденька. Что, папа?

Видовский. Не бойся, не бойся, от m-lle Софи нет.

Феденька. А Володя будет?

Видовский. Будет; я думаю, тебе было бы жалко, если б он не приехал.

Феденька. Ну... не слишком...

Видовский. Как... вы были сперва такие верные друзья!

Феденька. Мы уж больше не друзья.

Видовский. Почему?

Феденька. Он такой невежа, особенно на балу... Словом, мне бы не хотелось видеть его у нас сегодня.

Дальвиль. Он довольно хорошо танцует, и я уверен, что он никогда не сбивался в па.

Феденька. Так неужели он всегда хочет танцевать?.. Я уверен...

Видовский. Ты уверен... продолжай, Феденька.

Феденька. Что он не раз выбирал Сонюшку, потому что она очень хорошо танцует.

Видовский. Так за это вы и поссорились?

Феденька. Да, отчасти.

Видовский. А, так ты ревнив.

Феденька. Но, папа, она с ним танцует, а со мной просто ходит.

Видовский. Согласен, что это неприятно; но, чем дуться, лучше учись хорошенько танцевать.

Феденька. Ах, папа, вот уж неделю, как я учусь беспрестанно.

Видовский. Знаю, мне даже сказали, что ты для танцев пренебрег все другие занятия. Видно, ты уверен, что понравишься Сонюшке, если будешь хорошо танцевать; в таком случае она не стоит любви, и мне жаль тебя.

Феденька. О нет, папенька, она такая умная.

Видовский. Ну так твоя ревность совсем не у места. Когда я не беру тебя играть с собой в вист, заключаешь ли ты из того, что я тебя не люблю?

Феденька. Нет, папа; это потому, что я худо играю.

Видовский. А здесь разве не всё равно? Сонюшка предпочитает тебе того, кто хорошо танцует. Знай, Феденька: ревность также большой порок в человеке. Ты непременно хочешь быть ревнивым, а вместо того просто завистлив и презираешь Володю.

Феденька. А разве нет, папа, случаев, в которых ревность извинительна?

Видовский. Я еще не видывал таких случаев.

Явление 5

Те же, Иван.

Иван *(Видовскому)*. Музыканты пришли; не прикажете ли освещать залу?

Видовский. Да. Я сейчас сам туда пойду, пойдемте, monsieur Дальвиль.

Уходят.

Явление 6

Феденька (один).

Феденька. Боже мой! я всё еще не выучил хорошенько этого трудного па! Неужели мне опять не удастся протанцевать лучше Володи. Нет, выучусь... *(Танцует и поет.)*

В кругу стройных пар
Теперь Вольдемар
Не будет уж лучшим танцором;

Начну танцевать
И всех чаровать
Мельканьем воздушным и скорым;
Не скажут теперь,
Что Феденька зверь,
Неловкий, степной и упрямый,
«Вот, вот кавалер,
Для всех он пример!» —
Воскликнут прекрасные дамы.
Не нехотя мне
Уж руку оне
Теперь подадут,— с восхищеньем.
Хоть всех их зови;
И даже Софи
Посмотрит тогда с удивленьем!

(Напевая, убегает.)

Под конец действия слуга приносит несколько шпаг и кладет их на софу.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Театр представляет ту же комнату, что и в первом действии.

Явление 1

Иван (один).

Иван. Ах, как здесь хорошо, там так душно! уж как я устал, беспрестанно подавай то пирожное, то мороженое. Ох уж эти барчата, даром что малы, а едят так скоро, что не успеешь подавать. Что это с молодым барином сделалось; он не съел ни одного пирожка... А, да вот и он!

Явление 2

Иван и Феденька.

Иван. Как, барин, вы разве не будете больше танцевать?

Феденька. Я пришел только отдохнуть.

Иван. Что вы, сударь, такой печальный?

Феденька. Так, ничего.

Иван. Полноте, сударь; ведь я вас знаю... ступайте скорей, а то Софья Николаевна будет ангажирована.

Феденька *(с досадой)*. Я больше не хочу танцевать с ней, точно так как и с другими...

Иван. А роза, ананасное мороженое, стихи? Позабыли!

Феденька. Я шутил. Роза, которую я тебе показывал, и не думала быть Сонюшкиной.

Иван. Значит, вы совсем не любите этой барышни?

Феденька. Нет, право, нет.

Иван. Верю, верю, сударь; так и надо.

Феденька. Отчего?

Иван. Оттого, что в ней, по мне, нет ничего особенного.

Феденька. Разве ты заметил что дурное в ее лице?

Иван. Я мало смотрел на нее.

Феденька. Ты, должно быть, принял за нее другую, а ее никогда не видывал.

Иван. Позвольте, позвольте, кажется, раз двадцать я видел ее у вашего папеньки на детских концертах. У нее русые волосы?

Феденька. Да.

Иван. Большие голубые глаза с длинными ресницами?

Феденька. И зрачки черные; прекрасные, шелковые волосы, маленький носик.

Иван. Да, сударь, барышня недурна, нечего сказать.

Феденька. Еще бы.

Иван. Она, кажется, немного плохо играет на фортепьянах.

Феденька *(с досадою)*. Что ты лжешь!.. Она играет, как ангел!

Иван, хитро улыбаясь, уходит.

Как он смеет так смеяться над Сонюшкой!

Явление 3

Видовский и Феденька.

Видовский. Что ты здесь делаешь, Феденька? Отчего ты не в зале?

Феденька. Я сейчас пойду туда.

Видовский. Но зачем ты ушел? Говори правду и не увертывайся, ты мне это обещал.

Феденька. Право, оттого, что мне скучно.

Видовский. А отчего тебе скучно?

Феденька. Оттого, что я танцевал только один раз.

Видовский. Кто же тебе помешал?

Феденька. Я не мог,— она всегда ангажирована.

Видовский. Она... верно, Сонюшка? Но танцевать весь вечер с одной невежливо и неумно.

Феденька. Но ведь я без дурного намеренья.

Видовский. Тем лучше, я того и хочу. Но тебе пора танцевать. Сонюшка скоро должна танцевать.

Феденька. Я уже ее ангажировал.

Явление 4

Видовский (один).

Видовский. Он не предвидит горя, которое его ожидает, она уже танцевала с Володей. Как он рассердится. Бедный Феденька, мне его жаль!

Явление 5

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Ну, что делает Феденька?

Дальвиль. Он зол ужасно. Сонюшка подошла к нему и сказала, что она долго ждала его, но наконец, по приказанию маменьки, танцевала с Володей. Феденька покраснел и не мог ничего сказать, слезы навернулись на его глаза. Я стоял за колонной и наблюдал за ним. Он подошел к Володе и сказал вполголоса очень сурьезно: «Милостивый государь! Я хочу с вами поговорить в той комнате»,— и указал на дверь, ведущую сюда.

Видовский. Что это значит?

Дальвиль. Выслушайте до конца. Когда Володя спросил: для чего? — он повторил в другой раз, что хочет с ним поговорить наедине. Наконец они условились сойтись в этой комнате. Я приказал Ивану известить нас, когда они выйдут из зала.

Видовский. Посмотрим, что будет дальше.

Дальвиль. Что вы хотите делать?

Видовский. Спрячемся в кабинет, оттуда мы услышим и увидим всё, что они будут говорить и делать здесь.

Явление 6

Те же, Иван.

Иван. Кадриль кончилась, они сейчас придут сюда.

Видовский *(Ивану)*. Когда они придут, оставь их одних. Спрячемтесь, Дальвиль.

Дальвиль. Но вы, кажется, боитесь?

Видовский. Да, признаюсь. Вы знаете, как мне дорого это дитя.

Иван. Они идут.

Видовский. Пойдемте скорей. *(Ивану.)* Когда они спросят, где мы, скажи, что с гостями.

Видовский и Дальвиль уходят в кабинет.

Явление 7

Феденька, Володя и Иван.

Феденька. Иван, оставь нас; нам нужно быть одним. Если папенька или monsieur Дальвиль спросят, где мы, скажи, что повторяем здесь contre-dance, который мы сейчас будем танцевать. Мы здесь ненадолго запремся, смотри, чтоб нам никто не мешал. А где папенька?

Иван. С гостями в зале. Как же вы будете танцевать без скрипки?

Володя. Скрипач придет, уходи только поскорей.

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Явление 8

Володя и Феденька.

Феденька. Теперь запрем дверь. *(Запирает дверь, ведущую в залу.)*

Володя. Этот бедный Феденька сегодня с ума сошел.

Феденька берет с софы две шпаги.

Феденька, чего ты там ищешь?

Феденька. Выбираю две шпаги, одну для себя, другую для тебя.

Володя. Ты хочешь драться, что ли?

Феденька *(держа в руке две шпаги)*. Вот возьми себе эту.

Володя. Понимаю. Если так, то скажи, по крайней мере, за что мы будем драться. Я совсем не знаю.

Феденька. Давеча я был на тебя очень сердит, ты сам должен догадаться за что, и просил тебя сюда. Но теперь гнев мой несколько остыл, мне не хочется огорчать папеньку, и потому, если ты попросишь у меня прощения, то мы не будем драться.

Володя. Прощения! А в чем я у тебя буду просить прощения?

Феденька. Я знаю только то, что ты или должен просить у меня прощения, или со мной драться. Если не хочешь извиниться, то давай драться.

Володя. Но я имею гораздо больше права требовать, чтоб *ты* просил у меня извинения. Ведь ты всё начал.

Феденька. Оттого, что ты виноват.

Володя. В чем я виноват?

Феденька. Мне сказали, что ты про меня говорил то, что мне совсем не нравится.

Володя. Неправда. Я про тебя ничего худого не говорил. Впрочем, назови мне того, кто тебе это сказал: я с ним должен драться, а не с тобой.

Феденька. Никогда я тебе не скажу его имени; я дал честное слово.

Володя. Ну так ты это сам выдумал для того, чтоб придраться ко мне.

Феденька. Что?.. Ты говоришь, что я выдумал? Бери скорей шпагу — и начнем.

Володя. Погоди, погоди. Ведь я знаю настоящую причину твоей на меня злобы, она произошла оттого, что я гораздо чаще танцую с Сонюшкой, а тебе не удается.

Феденька. Ты плохой отгадчик. Чтоб тебя в этом уверить, я сознаюсь, что совсем не расположен к Сонюшке, а люблю другую.

Володя. Давно ли?

Феденька. Еще прежде, чем узнал Сонюшку. Впрочем, оставим этот разговор и приступим к делу.

Володя. Но послушай, я не хочу и не должен драться с тобой: я старше и сильнее тебя, ты предо мной ребенок.

Феденька *(в гневе)*.

Я ребенок! нет, не числю
Я себя в кругу детей,
Я уж чувствую и мыслю,
Понимаю цель вещей!
Я ребенок! нет, не плачу
Я над сломанным коньком,
Разных лакомств я не прячу,
Чтоб их после съесть тайком.
Я ребенок! нет, сознаньем
Уж забилась грудь моя,
Уж волнуюсь то мечтаньем,
То безвестным чем-то я.
Я ребенок! нет, игрушки
Уж не радуют меня,
Не боюсь я грома пушки,
Не бегу я от огня.
Я ребенок! нет, я знаю,
Для чего свинец и меч,
И обиду понимаю
Точно так, как ласки речь.
Я ни другу, ни злодею
Той обиды не прощу;
А что смыть ее умею,
Становись! — я отомщу.

(Махает шпагой.)

Володя. Ха-ха-ха! Право, ты забавен. Но моя шпага лучше и длиннее твоей, как же я стану драться? На моей стороне двойной перевес.

Феденька. Послушай, я подумаю, что ты трусишь, если будешь еще отговариваться.

Володя. Трушу! о, теперь я так же хочу драться, как и ты. Но не хочу, чтоб бой был неравный, поменяемся шпагами — и я готов.

Феденька. Если ты думаешь, что моя хуже, то я нарочно оставлю ее у себя.

Володя. Не забудь, что, кроме того, я сильнее тебя.

Феденька. А я ловче тебя и лучше фехтую. Ну, становись.

Володя. Погоди немного.

Быстро приближается к Феденьке, вырывает у него шпагу и бросает ему свою.

Феденька. Ах, боже мой! что ты делаешь!

Володя. Теперь мы можем драться.

Феденька. Отдай мне мою шпагу.

Володя. Я тебе говорю, возьми мою и кончим скорей; ну, защищайся!

Феденька. Я иначе не буду драться, как ровными шпагами. На софе много шпаг, пойдем и выберем ровные.

Володя. Хорошо.

Феденька. Поторопимся.

Идут к софе, выбирают ровные шпаги.

Вот теперь прекрасно; ну, не теряем времени.

Володя. С радостью.

Становятся в позицию; в ту минуту Видовский и Дальвиль входят.

Явление 9

Те же, Видовский и Дальвиль.

Феденька *(в испуге)*. Боже!.. мой папенька!..

Видовский. Феденька и ты, милый Володя, хотите ли взять меня своим посредником?

Володя. Очень хорошо!

Дальвиль. А что скажет monsieur Théodore?

Феденька. Папенька, я ожидаю ваших приказаний.

Видовский. Итак, если вы меня делаете своим судьею, то я начинаю: Феденька виноват кругом, но я надеюсь, что он постарается исправить свои ошибки.

Феденька. Да, папенька, я чувствую, что виноват. Умоляю вас, научите меня, как просить прощения у Володи.

Видовский. Нет, я тебе ничего не скажу; помни только, что ты оскорбил того, кого прежде любил.

Феденька. Если он мне позволит, то я с радостью готов обнять его.

Володя *(идет к нему)*. Поди сюда, милый Феденька.

Феденька.

Прости мне, Воля, ради бога,
Тебя я много оскорбил!

Володя.

За то ты и наказан много,
Поди ко мне, я всё простил.

Феденька.

Мы прежде очень дружно жили,
И был с тобою счастлив я.

Володя.
Мы дружбу ту возобновили,
И будем вечные друзья!

Феденька.

Да, да; ничто уж, друг сердечный,
Нас с этих пор не разлучит.

Феденька и Володя *(вместе)*.

Мы будем дружны вечно, вечно!
Бог наш союз благословит!

(Обнимаются и целуются.)

Дальвиль. Вот славные дети!

Видовский. Теперь, Феденька, проси у меня прощенья. *(Протягивает ему руку, Феденька целует ее.)* Ты сегодня очень оскорбил меня и обещал исправиться. Прощаю тебе, всё забыто. Надеюсь, что этот случай заста-

вит тебя быть скромнее и что с этого дня ты будешь стараться хорошо учиться и вести себя.

Феденька. Да, папенька, будьте уверены, что с сегодня я не сделаю ничего для вас неприятного. *(Целует его руку.)*

Я буду хорошо учиться
И хорошо себя вести,
Лишь стану с умными дружиться,
А шалунам скажу прости.
Сперва обдумывать я стану
То, что я сделать захочу,
И уж ни Климу, ни Ивану
Своих я тайн не сообщу;
А побегу, папа́, к вам прямо,
Всё откровенно расскажу
И без надменности упрямой,
Как поступить, у вас спрошу.
И поступлю, как вы велите,
И благородней, как могу,
Вы обещание примите,
Папа́, поверьте, я не лгу.

(Ласкается к Видовскому.)

Видовский. Ну хорошо, я на тебя надеюсь... Теперь, друзья, идите в залу, танцуйте, веселитесь хорошенько.

Феденька. Пойдем, Володя.

Володя. Пойдем, милый Феденька; и прошу сдержать слово, больше не ссориться.

Уходят.

Явление 10 и последнее

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Я горю нетерпением увидеть отца Володи и рассказать ему эту забавную историю.

Дальвиль. Но прежде заставьте Феденьку танцевать с Сонюшкой.

Видовский. Да, непременно! Пойдемте.

1841

УТРО В РЕДАКЦИИ

ВОДЕВИЛЬНЫЕ СЦЕНЫ ИЗ ЖУРНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Кабинет, опрятно и довольно роскошно убранный; по стенам развешано множество портретов писателей и артистов: на книжных шкафах бюсты Вольтера, Руссо, Пушкина, Крылова, Шиллера и Гете. У стены письменный стол, уставленный разными красивыми безделками, в систематическом порядке, и покрытый бумагами и книгами. Семячко, журналист, сидит у стола.

Семячко. Пропасть дела. Мало того что пиши, да пиши еще наскоро, на заказ, пиши под мерку наборщика: именно столько, сколько надо в нумер. А тут, глядишь, придется что-нибудь выбросить, и опять добавляй; и всё в меру и в строку. Чуть свет бесчеловечные наборщики пришлют тебе несколько форм корректуры... сиди, читай да думай о том, что написать к завтрашнему нумеру. А тут принесут газеты; смотришь, какой-нибудь благоприятель уж и позаботится поздравить тебя с добрым утром. Сердиться на него не стоит, а всё досадно. Чуть успокоишься, сядешь за перо,— звонят в колокольчик... И ворвется какой-нибудь посетитель; друг он, не друг, а так, посетитель. Потом другой, третий... толкуй с ними... Очень приятно!..

Чуть проснешься, нет отбоя
От задорливых писак,
Не дают тебе покоя,
Жгут сигары и табак,
Предлагают вам услуги,
Повестцу вам принесут
И, как будто на досуге,
С жаром вам ее прочтут.
Тот пучок стихотворений

Вам изволит предлагать;
Сам не знает ударений,
А ударился писать.
Тот свою дрянную сказку
Подает в десятый раз:
«Я поправил тут завязку,
Стал короче мой рассказ».
Тот с безграмотной статьею
Силой ломится к вам в дверь:
«Извините — беспокою,
Но последний раз теперь».
Тот придет с пиесой дикой:
«Прочитать я вас прошу,
Человек-де вы великой,
Вашим мненьем дорожу»,
И начнется искушенье...
И пойдет тут кутерьма.
Просто сущее мученье,
Ходишь точно без ума.
Тут клянешь литературу,
Проклинаешь сам себя;
В лапах держишь корректуру,
А *держать* ее нельзя.
А тут, смотришь,— вдруг газеты
Новый нумер принесут,
В нем тебя сживают с света,
По карману больно бьют...
А тут, смотришь,— гневный фактор
Впопыхах к тебе бежит:
«Господин, дескать, редактор,
Типография стоит!»
Как-нибудь гостей проводишь,
Над статьей начнешь корпеть,
Что попало производишь,
Только б к сроку подоспеть!
Вдруг... о, страх! толпою гости,
Как враги, нахлынут вновь;
От досады ноют кости,
Приливает к сердцу кровь.
День проходит, день потерян...
Заглянуть беда вперед,
На другой день — будь уверен —
То же самое пойдет!

Что делать?.. Отказать совестно... назовут гордецом. Им очень хорошо известно, что журналист всегда дома... Притом думаешь, что и за делом; а на поверку выходит, что просто им дома соскучилось... Да и говорить с ними не о чем.

Как скучны эти господа!
Жить не дают совсем в покое.
Придут и сядут без стыда,
Болтают битый час пустое,
А ты тут думай: вот беда!
Я не один и нас не двое.

Хоть бы сегодня меня не потревожили... У меня так много дела. Надо прочитать вот эту корректуру да написать статью в фельетон, а то завтра нумер не выдет; а это беда, решительная беда... На исправный выход газет и книжек у нас очень, очень много смотрят. Давай хоть вздор, перепечатанный из старых книг,— всё хорошо; дай превосходнейшие вещи днем позже — скажут: *дрянь. (Садится и читает корректуру. Входит человек и подает газету. Семячко берет и читает.)* Так и есть... Опять ругательство. Задарин каждый день меня угощает, видно, я ему солоно пришелся. *(Читает и вскакивает.)* Нет, это уже ни на что не похоже. Он просто лично меня оскорбляет... *(Успокаивается.)* Впрочем, за что сердиться? От лжи, клеветы и низких намеков мое доброе имя не пострадает. Пойду вперед добросовестно — публика рассудит, какое мнение выше: *продажное* или *неподкупное*.

Слышен звонок.

Ну, кто-то идет...

Входит Оболтусов, с рукописью под мышкой.

Оболтусов. Мое почтение.

Семячко. Здравствуйте. (Ну, теперь от него не отвяжешься!)

Оболтусов. У меня есть до вас просьба, которая, без сомнения, будет вам очень, очень приятна. Вам известно, что, несмотря на цветущую мою молодость, я изучил уже Гомера, Софокла, Еврипида, всех древних и новых, могу читать на греческом, латинском, арабском и санскритском так же свободно, как и на русском. Я зани-

маюсь изучением российских древностей и разбором финских рунов, пишу стихи большею частию в греческом вкусе и китайском духе; наконец, что вы скажете, если я объявлю вам, что я иногда, уделяя время легкой словесности, писал повести. Долго мне не хотелось печатать их... знаете, после исторических исследований, возни с древними как-то казалось неловко... Однако теперь я решился... Не просто решился, а, изволите видеть... написал два билетика,— на одном: *«печатать»*, на другом: *«не печатать»*, положил в папенькину барашковую шапку... она такая глубокая... да и дал вынуть кузине... прекрасная девушка — лет в шестнадцать. Гляжу — вынулось: *«печатать»*. Вот я принес мою повесть к вам: напечатать. Меня умоляли об ней другие журналы, но я уж решил, что вам.

Семячко. Благодарю. Оставьте ее, я просмотрю, и если...

Оболтусов. Угодно, я расскажу вам сюжет? Дело состоит в том...

Семячко. Нет, уж позвольте... Я сам прочту...

Оболтусов. Вот вам еще стихотворение «Комар» — в китайском вкусе. Дело состоит в том, что комар сел на руку одной молодой девушки и до того напился ее кровью, что не мог лететь. Девушка видела его во власти своей, но... такова сила добродетели... не послушалась чувства мщения: спокойно дождалась, когда комар собрался с силами, и когда он улетал, то сопровождала его благословениями, желанием «здравия» и всякого благоденствия. Умилительно-нравственная сцена, совершенно в роде *Катса* или *Бильдердейка*. Я тоже хочу приготовить томов сорок в этом роде. А вот вам еще статья о чухломских древностях...

Семячко. Подобная статья о древностях Чухломы была уже вами напечатана в другом журнале: она исполнена ошибок и противоречий.

Оболтусов. Помилуйте, стоит ли на это обращать внимание...

Семячко. Однако вы даже перепутали названия замечательных зданий, доселе существующих, и многие из них на другие места переставили.

Оболтусов. Что ж тут важного?.. Кто там живет, тот тотчас и видит, в чем ошибка, а я делаю исследования исторические. Вот еще не угодно ли отрывок из моей поэмы? Дело состоит в том, что театр освещен и... да, я

забыл самое главное: я перевожу плоды величайшего гения древности... Потрудитесь объявить в вашей газете, что один известный литератор, или известный писатель и ученый, принял на себя труд, ну и т. д... понимаете?..

Семячко. Очень понимаю, чего вы хотите.

Оболтусов. Итак, я надеюсь, что вы исполните мою просьбу. А за повесть мне, я думаю, и деньги получить можно.

Семячко. У нас деньги обыкновенно платятся, когда статья напечатается, и притом только известным литераторам, заслужившим имя в публике.

Оболтусов. Да вот как вы напечатаете мою повесть, так я и буду известный литератор, а деньги до того времени подожду.

Семячко. (Долгонько ждать придется.)

Оболтусов. Итак, до свидания. *(Уходит.)*

Семячко. Молодец... в 16 лет всю мудрость поглотил. Чему же мы до сей поры учимся?.. Он на восточных языках читать не умеет, а переводит «Саконталу», не знает истории, а пишет историческую критику... и какой китаец!.. Ах! боже мой! уж половина двенадцатого. Что будет, если я не успею... *(Читает корректуру.)* Славная статья... только половину надо выкинуть.

Слышен звонок.

Опять, да что же это, наконец?

Входит Пельский.

А! это вы?.. Ну, слава богу, вы мне поможете, милейший мой. Вот вам, почитайте от скуки. Вы, кажется, ничего не делаете.

Пельский. Помилуйте, кто вам сказал?.. Да я целый день за работой.

Семячко. А всё ничего нет. Что ж вы сделали?

Пельский. Повесть написал, другую начал, драму продолжаю, к чужому водевилю куплеты приделываю, поэму переделываю, литературные сцены пишу.

Семячко. Всё вдруг... Вот от этого-то у вас и не выдет ничего путного. Что вы так расстроены?

Пельский.

В моей душе мороз трескучий,
А над душой клубятся тучи,

А за душою ни гроша.
О, как пуста моя душа!..

Жизнь глупа, очень глупа. Особенно наша литературная.

Семячко. Стыдитесь жаловаться. У вас есть определенная работа. Сделал, да и гуляй себе на все четыре стороны. Вы ни за что не отвечаете, а мы отвечаем даже за вас. Вы глупо напишете, нас бранят; вы сделаете промах, нас обвиняют в неосмотрительности. Ваша жизнь завиднее нашей, вы сотрудники, а мы труженики.

Пельский. Оно отчасти так, да вы сами виноваты. Ваши враги вас бранят, смеются над вашей фамилией, делают из нее каламбуры; а вы не отвечаете им.

Семячко. Я литератор, а не торговка с рынка. Я могу входить в спор литературный, где от столкновения мнений может произойти польза для науки, искусства или словесности, но в торгашнические перебранки, порождаемые спекулятивным взглядом на литературу моих противников, я входить не могу и не намерен.

Пельский. Положим, так, да публика-то на их стороне, она думает, что вы молчите потому, что не имеете ничего сказать в оправдание.

Семячко. Пусть себе думают что хотят. Я для этого не намерен отступать от моих правил и пятнать страницы моей газеты тою ржавчиною литературы, которую желал бы смыть кровью и слезами. Я хочу исполнять свое дело добросовестно и честно. Кто любит то и другое — тот поймет меня без полемических вылазок.

Слышен звонок.

Вот опять кто-то... Беда мне с посетителями! Вот, кстати, посмотрите, какое уморительное письмо я получил сегодня.

Пельский *(читает)*. «Посылаю к вам мою комедию для помещения в *** и прошу вас выслать мне за нее к празднику тысячу рублей серебром!» Ого-го! какой хват! Мы целый год тянем лямку, да этак не выписываем. Чудаки! Забились в провинцию и думают, что здесь деньги куры не клюют.

Семячко. Да посмотрите, какая вздорная вещь... Смысла нет. Разоряют меня эти господа... беспрестанно нужно платить за объявление да посылать в почтамт.

Входит Шрейбрун, в нанковом сюртуке, с клеенчатым картузом в руках, и низко кланяется; за ним входит женщина и двое запачканных мальчишек, одетых в курточки.

Шрейбрун *(низко кланяясь)*. Извините, беспокою вас, крайняя нужда, ребятишки плачутся. У меня их, я вам откровенно скажу, не столько, что вы здесь видите... эти побольше, а то есть еще маленькие, которые чуть ходят, и еще самые маленькие, которые совсем ходить не умеют. Всего восемь человек, а девятый... но вы сами видите, в каком положении моя жена... жена, подойди поближе!

Семячко. Что вам угодно?

Шрейбрун. Дед мой был содержателем трактирного заведения в **гофе. Работая усердно и продавая иностранные вина российского производства, он зашиб-таки себе копеечку; в то же время жена его, покойная моя бабушка, скончалась... дед мой... но надо вам прежде сказать, что это была за чудная женщина; наше семейство по справедливости гордится ею. Она, видите ли...

Семячко. Позвольте вам заметить, что я в первый раз вас вижу и лучше бы хотел знать, с кем имею честь говорить.

Шрейбрун. Фон Шрейбрун, внук содержателя трактирного заведения в **гофе.

Семячко. Теперь прошу объяснить причину вашего посещения.

Шрейбрун. Отец мой в малолетстве занимался резанием листов курительного табака и получил от этого необыкновенную страсть к курению. Потом он начал курить водку, и эта страсть имела пагубные последствия: куря табак, он любил запивать его пуншем; для этого ходил в гостиницу, где, скучая пить в бездействии, играл в кости; таким образом, табак был причиною, что он в год прокурил всё свое достояние. За год до этого несчастия я, не ожидая такого оборота дел, женился на прекрасной, но бедной девице — Каролине Христиане Эрнестине Амалии, которую и теперь обожаю. Каролина! поди поцелуй своего верного мужа.

Каролина подходит и целует его.

Семячко. (Что за комедия!..) Ну-с?

Шрейбрун *(со слезами)*. Добрая она, очень добрая женщина; в ней всё мое утешение. Если вы не женаты,

государь мой, выберите себе такую же жену; не будете раскаиваться. Вскоре жена моя подарила мне сынишку, и счастье мое увеличилось. Он весь в меня... Поди сюда, Иозеф, и ты, Иоганн! Обнимите своего несчастного отца.

Дети обнимают его; он плачет.

Добрые, предобрые дети... Дай бог и вам таких.

Семячко. (Я теряю терпение! Если он будет продолжать, он отнимет у меня всё утро, а мне дорога каждая минута.) Что ж дальше?.. Только, сделайте одолжение, сократите ваш рассказ. Я горю нетерпением узнать развязку.

Шрейбрун. Она в высшей степени трагическая. Всё, что осталось после отца... Увы! после него осталось только несколько ящиков сигар и одиннадцать пенковых трубок... Я продал... но ненадолго стало мне выручки. Я разорился и принужден был идти по миру. Я упал на грудь моей Каролины и горько заплакал. *(Плачет.)* Поди ко мне, добродетельнейшая женщина! Помнишь ли ты этот роковой день?..

Каролина заливается слезами и падает к нему на грудь.

Пельский. (Да, черт возьми! прогоните их.)

Семячко. Милостивый государь, извините, если я вам скажу, что мне некогда, и потому прошу вас поскорей объяснить, какое вы имеете дело?

Шрейбрун. Чем шататься по миру, я решился лучше идти в наставники юношества; но... видно, уж такая несчастная участь моя... до сей поры я, немец, не могу добиться учительского места. Вот уж восемь лет живу здесь; шарманка и мое слабое искусство в песнопении доставляли мне пропитание; но, увы! шарманка испортилась, и я с семейством охрип от холода... Жена! дети!.. падайте на колена перед его милостию! Он только может помочь нам.

Каролина и двое детей бросаются на колени.

Обнимайте его колена; называйте благодетелем.

Жена и дети. Благодетель!

Семячко. Да встаньте, ради бога. Что за сцена: вы меня с ног сшибете.

Шрейбрун. Будьте великодушны... не оставьте обратить взор сострадания на слезы детей и на меня — представителя благородной фамилии — внука...

Семячко *(вынимает деньги из бумажника)*. Вот, извольте... сколько могу... двадцать пять рублей...

Шрейбрун. Нет, нет! помилуйте, как можно!

Семячко. Так вот пятьдесят. Только уйдите от меня. Мне некогда, право, некогда.

Шрейбрун. Нет, нет... деньги — фуй! Как можно! не деньгами вы можете помочь...

Семячко. Чем же? Говорите скорей. (Вот послал бог беду и в какое время!)

Шрейбрун. Изыскивая средства к существованию, я несколько раз подавал прошение о помещении меня на учительское место, о воспитании детей, о денежном вспомоществовании, и на все просьбы мне отказано. Несчастия мои никого не тронули. Милостивый государь, вы так хорошо владеете пером, вы так хорошо пишете комедии; напишите мне прошение: оно всех тронет до слез, надо мною сжалятся. Жена, дети, падайте на колена, целуйте подошву ног вашего благодетеля!

Жена и дети бросаются к ногам Семячко.

Семячко. (Что тут прикажете делать?.. Скажу, что напишу, только бы отделаться.)

Шрейбрун. Будьте благодетель, я стою на краю гибели... поддержите меня...

Похвально, должно и прилично
В беде несчастным помогать;
Ведь вы владеете отлично
Высоким даром убеждать.
Вы тронуть можете словами,
Мне не прожить без вас и дня.
Я на коленях перед вами,
Поставьте на ноги меня!

Семячко. Хорошо; я подумаю о вашей просьбе, наведайтесь ко мне на днях...

Шрейбрун *(с радостью)*. О, как я счастлив! Жена, дети, подите оросите слезами надежды грудь мою!

Всё семейство обнимается.

Прощайте, я оставляю вас, благодетель мой, чтоб увидеть в другой раз вестником нашего спасения. Благодарность моя и нашего семейства... жена, дети! да что ж вы стоите как статуи, благодарите!

Семячко. Не стоит благодарности; до свидания...

Шрейбрун. До радостного свидания.

Уходят, низко кланяясь.

Пельский. Я чуть не лопнул со смеху.

Семячко. Вам смешно, а мне плакать хочется; уж скоро час...

Слышен звонок.

Вот опять кто-то...

Входит Будкин, франт в закрученных усах, раззавитой и раздушённый.

Будкин. Я имею удовольствие видеть господина Семячко?

Семячко. Так точно. Что вам угодно?

Будкин. Я так уважаю вас по вашим сочинениям, так восхищаюсь ими... С восторгом узнал я, что вы издаете журнал, и поспешил подписаться... Не позволите ли?..

Семячко. Для этого у меня есть контора, пожалуйте туда.

Будкин. Скажите, а я этого не знал... Но уж всё равно, позвольте у вас... вот деньги. *(Кладет на стол.)*

Семячко. Уж если вам так хочется, то пожалуйте ваш адрес. *(Звонит, лакей входит)*. Отошли этот адрес и деньги в контору.

Будкин. Надеюсь, что этот случай доставит мне удовольствие иметь вас в числе моих знакомых... Я всегда читаю ваши театральные статьи и ими восхищаюсь... А, кстати, были ли вы в последнем бенефисе? Не правда ли, как хорошо играла Глазкина? Талант, решительный талант... вот вы строги к ней...

Семячко. Что делать, извините, я пишу по убеждению. *(Закуривает сигару.)*

Будкин. А! вы любитель сигар... Ах, какие я на днях достал сигары! Настоящие гаванские, прямо из Америки... Я по случаю, знаете, через одного посланника...

Семячко. Не *американского* ли?

Будкин. Да, да, американского! Но это манна, я вам скажу. Окажите дружбу; позвольте поделиться с вами... Я вам сегодня же пришлю одну тысячу...

Семячко. Не беспокойтесь, очень благодарен, у меня их большой запас.

Будкин. Ничего! еще больше запасете. Так мы говорили... Отчего же иногда и не похвалить талант... А? сделайте одолжение, приезжайте сегодня к Кулону... мы там пообедаем... я так дорожу вашим обществом... В последний раз Глазкина была верх совершенства; жаль, что вы ее не видали. Грех сказать об ней что-нибудь дурное или что-нибудь хорошее о ее соперницах, чем она еще больше обижается... Да мы с вами об этом еще потолкуем; приходите же к Кулону...

Семячко. Не могу, я очень занят...

Будкин. Дела в сторону... А скажите откровенно, неужели вы то же думаете о Глазкиной, что пишете?

Семячко. Я пишу, что думаю.

Будкин. Ну, полноте; она с большим талантом и об вас так хорошо отзывается. Пора вам переменить гнев на милость... *(Смотрит на часы.)* Что это, ваши столовые часы стоят? Э! да это здешние, сборные... Нет, вот у меня есть настоящие французские... Контрабанда! Из Парижа вывез... Полторы тысячи франков там заплатил... Окажите дружбу — позвольте вам прислать...

Семячко. Для чего, помилуйте?..

Будкин. У меня они лишние; мне очень приятно будет услужить вам для первого знакомства. А право, Глазкина хорошая актриса... Согласитесь сами, что вы были несколько строги к ней...

Семячко. Я сказал свое мнение и не отступлюсь от него.

Будкин. Но она могла исправиться, перемениться, сделать успехи... Однако, я вижу, вы дорожите временем, не хочу мешать... так мы увидимся?.. Не так ли? — в пять часов у Кулона... мы там потолкуем за бутылкой шампанского об искусстве... Кто не переменял мнений!.. Глазкина всегда так много говорит об вас хорошего... она так дорожит вашим мнением... но об этом за десертом. Итак, вы будете?

Семячко. Если позволят дела...

Будкин. Как хотите, а я не уйду, пока вы не дадите слова.

Семячко. Нечего делать, буду.

Будкин. Хорошо, я жду... До свидания.

Семячко. Мое почтение.

Будкин уходит. Семячко садится писать.

Пельский. Вы статью дописываете?

Семячко. Нет, пишу записку, что дела задержали меня, что я никак не могу обедать с этим молодцом.

Пельский. Как? Вы раздумали?

Семячко. Помилуйте... Разве вы не поняли его цели? Он пришел подкупить мое беспристрастие, ему нужно, чтоб я хвалил эту актрису...

Пельский. Да, да, да!

Семячко. Человек!

Входит слуга.

Когда будет приходить этот господин или пришлет что-нибудь — не принимать; говори, что меня дома нет; что я съехал, выехал из города, что ошиблись домом, подъездом, что хочешь, только б я его не видал.

Слуга. Слушаю-с. Из типографии, сударь, пришли... Какой-то билигарфии просят... двенадцать строк не хватило.

Семячко. Библиографии! Хорошо, скажи, что пришлю.

Слуга уходит.

Еще беда!.. Надо писать разбор книги в двенадцать строк...

Слышен звонок.

Кого-то бог несет? При каждом ударе колокольчика у меня сердце так и вздрогнет... Шепните ужо человеку, чтоб он никого не пускал.

Входит Пуговицын, в худом вицмундире, с бархатным воротником; по приемам и физиономии видно, что закоренелый подьячий.

Пуговицын. С глубочайшим и таковою же... Ваш нижайший слуга... Пуговицын-с.

Семячко. Что вам угодно?

Пуговицын. Я, вот изволите видеть, с малолетства в земском суде служил. Сначала я был писцом, потом с божией помощью вышел в заседатели. По особенно-

му благоволению местного начальства, быв неоднократно посылаем на следствия, в продолжение службы произвел их до пятисот, без всякого содействия капитан-исправника и дворянского заседателя, который, не тем будь помянут... теперь уж он *(показывая вверх)* там...

Семячко. А что далее?

Пуговицын. Вот, изволите видеть, самыми обстоятельствами я был поставлен на такую выгодную позицию, с которой мог безукоризненно наблюдать нравы и обычаи. Я наблюдал с разборчивостью и надлежащей осмотрительностью и записывал мои наблюдения. Ныне я вышел в отставку; приехав сюда, дошло до сведения моего, что вы изволите платить полтораста рублей за лист... Надеюсь, что не откажете принять мои сочинения.

Семячко. Я посмотрю... (А! чтоб его черт взял... уж два часа.)

Пуговицын. Могу поручиться за верность... всё истинные происшествия: по горячим следам схвачено... Да вот, не угодно ли, я прочту что-нибудь... Вот-с повесть «Нищая». Это, изволите видеть, чистая истина,— у нас в земском суде и теперь дело хранится. Она была, сердечная, из благородной фамилии; зарезала несколько человек, так, не нарочно, совершенно невинным образом... Так вот, видите, я и назвал повесть «Нищая, или Невинная виновница».

Вбегает Трезвонов.

Семячко. (Вот тебе на!.. Еще один... Теперь их не выживешь.) *(Пельскому.)* Читайте хоть вы корректуру поскорей...

Пельский. Читаю, читаю.

Трезвонов. Простите великодушно... Дворовый человек ваш сказал, что вас дома нет, но я вошел помимо его объяснения; мне крайняя нужда, я же третий раз прихожу. *(Становится в позицию и декламирует.)*

Со брегов Оки цветущих
Дух мой рвался на Парнас,
И, помимо всех живущих,
Наконец я вижу вас...

Это приветствие — экспромтом; а вот теперь послушайте стихотворение, которым я хочу подарить ваш журнал. *(Читает.)*

Четыре есть реки на белом свете — длинных,
Широких и больших, глубоких и картинных;
Четыре красоты на белом свете есть,
Величие души, богатство, слава, честь...
Но в бренной жизни сей, в превратном этом мире
Пороков и грехов — четырежды четыре!

Пельский. (Как это дико! Да это что-то à la Грибовников.)

Семячко. (И слезы и смех... А статья моя всё не пишется.)

Трезвонов. Так вот вам-с; напечатаете — еще дам.

Семячко. Очень благодарен.

Трезвонов. Ну, одно дело с плеч долой. Теперь в театральную дирекцию: хочу поставить трагедию.

Пуговицын. А вы и трагедии пишете?

Трезвонов. Как же, это главное мое занятие.

Лакей *(входит)*. Из типографии, сударь, пришли, требуют назад корректуры да оригиналу просят, говорят, что, если к четырем часам не будет, нумер завтра не выйдет.

Семячко. В четыре, а теперь уже половина третьего! (Притом этих господ до завтра не выживешь...) Пельский, дайте ему корректуру, сколько прочитано.

Трезвонов. Так, так... вот хоть спросим их... по триста рублей за акт оригинальный...

Пуговицын. Скажите, а я и не знал. Вот мне всего лучше для театра писать, непременно буду... двойная польза...

Трезвонов. Послушайте-ка. Я вам прочту отрывочек...

Пуговицын. С удовольствием.

Семячко. Господа, извините меня, право, мне некогда; если угодно читать, пожалуйте в эту комнату.

Трезвонов. Очень хорошо-с.

Трезвонов и Пуговицын уходят в соседнюю комнату.

Семячко. Ну, слава богу! Теперь начну писать статью, а вы дочитывайте корректуру.

Садятся за работу.

Прыткой *(актер, входит)*. Здравствуйте, что поделываете? здоровы ли вы?

Семячко. Слава богу! Только дела пропасть.

Прыткой. Слава богу — лучше всего. У нас за кулисами теперь только и толкуют о вашей новой пиесе. Бусов громко кричит, что она никуда не годится, что она нелепа. Как можно лгать так бессовестно! Без лести, на мой вкус это прекрасная пиеса; я защищал вас, спорил с Бусовым, а он не перестает говорить свое... Признаться, он человек неспокойный, завистливый... А как он дурно играл в последний раз! Роли никогда не знает, всё по суфлеру, путается в выходах, ломается, фарсит — просто ужас! Вы видели?

Семячко. Видел; мне показалась его игра довольно натуральною.

Прыткой. И полноте, как можно! Загордился очень, никого не слушает, а про ваши замечания говорит, что если б он по ним действовал, то его назвали бы сумасшедшим... Каково? Ваши замечания... да если я пользуюсь сколько-нибудь благосклонностию публики, то единственно вам обязан. Вы так понимаете искусство, что нельзя не последовать вашему совету.

Семячко. (К чему-то это поведет? А часы всё летят да летят, наборщики сидят без дела!)

Прыткой. Я к вам с просьбой, с большой просьбой. Если вы откажете — я погиб.

Семячко. Что такое, мой любезнейший?

Прыткой. Мне назначен бенефис. Не знаю, радоваться или плакать. Переводных пиес брать не хочется. Из оригинальных я ничьей, кроме вашей, не возьму... все пишут так однообразно и не нравятся публике... Вам стоило бы только присесть...

Семячко. Другими словами: вы хотите, чтоб я написал вам к бенефису пиесу. Времени у меня нет, притом я дал себе слово не писать больше для театра.

Прыткой. Вы дали слово... грех, грех! Кто же после этого будет писать для сцены, на что будет смотреть публика?

Семячко. И без меня у нас много великих драматургов. Куда нам! Публика и не заметит моего отсутствия.

Прыткой. Вы решительно отказываетесь? Вы лишаете меня сбора, лишаете счастья видеть публику у себя на празднике... Бог вам судья! Пойду и сейчас же откажусь от бенефиса...

Семячко. (Ступай, голубчик, только оставь меня в покое.)

Прыткой. Что вам стоит написать небольшую пиесу хоть в одном акте; пожалуйста!

Семячко. Послушайте, обещать наверное я не могу, а если мне время позволит...

Прыткой. Ну, слава богу, на душе легче!.. Я не ошибся в вас... Вы давали пиесы Бусову, который беспрестанно бранит вас, так неужели мне откажете? Я вас уважаю от души и всегда горой стою за вас. Итак, я надеюсь... Помните же обещание... Мне рольку, да нельзя ли покороче и, пожалуйста, без куплетов, учить и некогда и не хочется...

Семячко. Хорошо, хорошо!

Прыткой уходит.

Хорош молодец, просит для себя в бенефис пиесу, а лень куплеты выучить.

Пельский. А слышали, что Бусов-то делает? А вы еще его хвалите...

Семячко. Вы и поверили... Это сплетни, мой милый. Он, видно, поссорился с Бусовым, к тому же они соперники, так и пришел вооружить меня против него... Ах, как поздно!.. уж четыре часа, надо писать.

Трезвонов *(вбегает)*. Одно слово, одно слово!.. господин Семячко... вот у нас вышел спор... Изволите видеть: у меня действие в Риме, за семь лет до рождества Христова. Театр представляет наводнение. Жители встревожены, палят из пушек... Так вот они говорят, что пушек не было...

Пуговицын *(вбегает)*. Не пушек... Я совсем не то сказал. А вот видите, в чем дело. Однажды, по формальному предписанию местного начальства,— оно и теперь у меня хранится,— отправился я на следствие... вот сижу, делаю опись имению покойного; вдруг вижу, между прочим, книгу. Я от природы к литературе имел влечение: прямо развернул да и стал читать, и начитал там, что порох изобретен множество — не помню именно сколько — веков после рождества Христова. Как же теперь они могли палить из пушек, когда порох не был еще изобретен?

Семячко. Ваша правда.

Трезвонов. Как, помилуйте!.. Да разве нельзя стрелять чем другим без пороху?.. Возьмем самые простые

явления природы, например: намедни был ужасный мороз... так стрелял, что целую ночь мне спать не дал; опять возьмите, как мебель стреляет, когда стоит в сухой комнате.

Семячко. Да, да... вы оба правы, господа; нет никакого сомнения...

Трезвонов. Ну вот, так и есть. Уж я ли ошибусь в таких пустяках.

Пуговицын. Однако ж и я сказал не без основания...

Уходят.

Семячко. Да что же это будет?.. Когда же они уйдут?.. Вот уже смерклось...

Пельский. Просто прогнать их.

Семячко. Нехорошо: обидишь... Ведь они добры, только глупы: теперь, может быть, успокоятся. *(Садится за работу.)*

Пуговицын *(а за ним Трезвонов)*. Опять-таки не так. Вот они разрешат наш спор; они в этом деле опытны...

Трезвонов. Послушайте. У меня сказано в IV явлении:

На улице народ бездомный прохлаждался,
И между ними вдруг вельможа показался;
Тут нищие толпой отхлынули с дороги,
Безногий же упал ему с почтеньем в ноги.

Пуговицын. Я, видите, говорю, что не должно безногому падать в ноги, потому что в отношении к вельможе он уже и так в почтительной позиции.

Семячко. Можно, господа, всячески можно... И так и сяк... Только, пожалуйста...

Трезвонов. Ну вот и вышло по-моему.

Пуговицын. Нет, по-моему.

Уходят.

Пельский. Вот дикой народец! Да что же это в самом деле? Я прогоню их...

Семячко. Не заведите какой истории...

Пельский. Не прогоню, а просто учтиво выпровожу.

Семячко. Теперь уж всё равно: корректура только что выправлена; статья не только не набрана, но еще и не написана, а уж темно... Разве ночь в типографии просидеть?

Входит Сухожилов, толстый помещик, в длинном, широком сюртуке.

Сухожилов. Так здесь, вот он... О, как я рад! с самого отъезда из тамбовской моей деревни я размышлял, как приеду, как пойду к нему, как обниму его. О, как я рад, что наконец могу исполнить мое желание. *(Бросается к Семячко в объятия.)*

Семячко. Помилуйте, мне очень приятно... но я, право, не знаю за что?

Сухожилов. Как за что? Да вы благодетель мой!

Семячко. Очень приятно... Но с кем я имею честь говорить?

Сухожилов. Я тамбовский помещик, Серапион Степаныч Сухожилов.

Семячко. Я в первый раз имею честь слышать эту фамилию.

Сухожилов. Вы меня не знаете, но всё-таки вы мой благодетель. Я всегда буду считать вас лучшим моим другом, всегда буду обязан вам благодарностью.

Семячко. Право, я в недоумении... Не знаю, каким образом мог заслужить ваше расположение...

Сухожилов. В том-то и штука. Я объясню вам как.

Семячко. Это очень интересно.

Сухожилов. Вы спасли мою дочь.

Семячко. Каким образом?

Сухожилов. Бедняжка чахла... Была на краю гроба... Доктора отказались ее лечить; у нее была какая-то внутренняя болезнь... вдруг...

Семячко. Ну-с?

Сухожилов. Надо вам сказать, что хотя нас здесь считают медведями, однако ж я и мои соседи занимаемся иногда литературою, знаете, от нечего делать. Вот я и подписался на ваш журнал. Дочь моя стала читать и... о, вы благодетель мой! *(Кидается обнимать его.)*

Семячко. Я всё еще ничего не понимаю.

Сухожилов. Стала читать ваш журнал, и вот ей всё легче, легче, и теперь она совсем здоровехонька.

Семячко. Но я сомневаюсь, чтоб мой журнал имел такое целебное свойство.

Сухожилов. Что хотите думайте, я знаю только, что вы мой благодетель!

Трезвонов *(вбегает)*. Он решительно ничего не понимает в драматическом искусстве...

Пуговицын. Невежда, решительный невежда... Рассудите нас, господин Семячко, вот у нас вышел спор...

Трезвонов. Какой спор! с вами спорить не стоит. Вы ничего не смыслите... Вы просто мараете бумагу.

Пуговицын. Да вы-то что? то ж самое!

Семячко. (Ну, пошла кутерьма! Ах, господи! Уж пять часов... Нумер завтра не выдет... Что мне делать? Как бы скорее с ними развязаться да убежать на ночь в типографию?)

Трезвонов. Вы пишете бессмысленные фантазии...

Пуговицын. А вы черт знает что пишете.

Семячко. Господа, пожалуйста, перестаньте ссориться... Право, мне некогда, нужно идти.

Трезвонов. Некогда! вам некогда, то есть вы просто нас выгоняете. Хорошо же, прощайте... не будет вам ни единой моей строки! Пожалуйте рукопись назад.

Пуговицын. И мою тоже.

Семячко *(отдавая рукописи)*. С радостью.

Трезвонов и Пуговицын. Вы нас больше никогда не увидите.

Уходят.

Семячко. Очень рад. Иоганн, давай мне скорее одеваться.

Сухожилов. Вам некогда. Позвольте надеяться, что в другое время...

Слуга *(входит)*. Из типографии фактор пришел...

Семячко. Зови сюда.

Сухожилов. Мое почтение. *(Уходит.)*

Семячко. Вот денек выдался!

Фактор *(входит)*. Наборщики целый день сидели без работы и наконец, не слушая моих увещаний, разошлись по домам.

Семячко. Так и есть, предчувствие мое сбылось... О, проклятые посетители! Нумер завтра не выдет. А всё они!.. во весь день не дали ничего сделать... Этакого черного дня у меня еще не бывало. Нет, вперед буду осторож-

нее, не велю никого пускать... А к кабинету замок приделаю... табак спрячу, сигары также! Что теперь делать?..

А завтра публика что скажет?
Она меня же обвинит!
Кто правоту мою докажет?
Кто ей всё дело объяснит?
Кто скажет ей, что на рассвете
Я встал, забыв и сон и лень,
И что на нашем белом свете
Мне ежедневно — *черный день?*

ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ, ИЛИ МУЖ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Феоклист Онуфрич Боб, отставной чиновник и литератор.

Анна Петровна, его жена.

Иван Миронович Сыромолотный, ее дядя.

Катерина Ивановна, его воспитанница, бедная сирота.

Орест Андреич Кротов.

Зиновия Андреевна Сибирякова, его сестра, подруга г-жи Боб.

Неизвестный слуга.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й — родственники Сыромолотного.

Действие в отдаленном уездном городе.

Театр представляет зал, выходящий в сад; две двери в глубине и две боковые; направо стол с письменным прибором, в глубине, по обеим сторонам входа, картины: с левой — портрет дитяти с кошкою в руках, с правой — портрет старой женщины. На втором плане направо большое зеркало, расположенное так, что в нем видна противоположная дверь.

Явление 1

Госпожа Боб, Катерина (за работой), Сыромолотный (растирает табак).

Сыромолотный. Вот в чем штука, Анна Петровна! Природа, ни с того, ни с другого... дала человеку три необходимые качества: руки, ноги и нос... Ногами я сейчас побегу на станционный двор, руками обниму любезнейшего Феоклиста Онуфрича и притащу сюда, а носом... *(щел-*

кает по табакерке и нюхает) вынюхаю полтабакерки... надо же встретить его по-барски...

Г-жа Боб. Ведь муж не писал мне, чтоб мы его скоро ждали из Петербурга... с чего вы взяли, что он сегодня будет?..

Сыромолотный. С чего... ни с того, ни с другого... В жизни много таких случаев, пред которыми ничтожен разум человеческий. Три дня сряду я замечаю, что табак мой стал, ни с того, ни с другого, сыреть... да и я схватил насморк... Это недаром...

Катерина. Ха! ха! ха! Так оттого-то вы и бегаете по двадцати раз на день встречать вашего племянника!

Сыромолотный. Нишкни! твоя речь впереди... А то ведь я... знаешь... ни с того, ни с другого... как раз и поссоримся... Помни, что ты круглая сирота... понюшки табаку не стоишь сама по себе... я дал убежище твоей невинности... Оно конечно... я двадцать лет с отцом твоим, ни с того, ни с другого... из одной табакерки нюхал... да то с отцом, а не с тобой... а ты вот понюхай-ка... да и молчи себе — помалчивай! *(Подает ей тарелку с табаком.)* Слушай, как умные люди, ни с того, ни с другого, разговаривают.

Катерина. Что вы это? да я стану чихать!

Сыромолотный. А я «здравствуй» скажу... ничего!

Катерина. Бог знает за что вы так любите этот табак... что за охота беспрестанно набивать нос!..

Сыромолотный. Остановись, Катерина... вспомни, что я тебя воспитывал... а ты чем платишь мне?.. ругаешь вещь, которая мне, ни с того, ни с другого, дороже всего в жизни... И как ругаешь? Совершенно без понятия... ну скажи, понимаешь ли ты значение табака?.. нет! Я — дело другое... я изучил табак, я отыскал корень его и знаю, что табак, ни с того, ни с другого, кладет прочные семена в умственный капитал человечества.

Табак противен модным франтам,
Но человек с прямым умом,
Писатель с истинным талантом
Живут, как с другом, с табаком.
Нос образованный и дикий
Его издревле уважал,
И даже Фридрих, муж великий,
Табак в карман жилетный клал.

Наполеон пред жарким боем
Им разгонял свою тоску;
И вряд ли б он прослыл героем,
Когда б не нюхал табаку.
Табак смягчает нрав суровый,
Доводит к почестям людей:
Я сам, винюсь, через бобковый
Достиг известных степеней.

Табак, наш разум просветляя,
Нас к добродетели ведет,
И если, трубку презирая,
Весь свет понюхивать начнет:
Добро, как будто в мире горнем,
Здесь процветет с того числа,
И на земле табачным корнем
Искоренится корень зла!

Вот ты не видала еще Феоклиста Онуфрича... приедет, так слушайся его... он всё тебе объяснит... он, ни с того, ни с другого... сочинитель... этакие разные истории печатно выдумывает... Жаль, что его долго нет... Далось ему место... раз нашли неспособным... ну и, значит, довольно... правительство не нуждается... А то посуди сама, племянница: стала ты скучать в нашем уездном городе... ни с того, ни с другого... женихов нет... Вот поехали в губернский... я и ну ко всякому... ни с того, ни с другого... не прикажете ли? Настоящий такой-то... *(Подымает вверх табакерку.)* Вот и приманил, так сказать, тебе жениха на табачок... Да еще какого! Сочетал тебя законным браком с Бобом... ведь тут видна рука провидения... *(Нюхает.)*

Г-жа Боб. Уж вы всё своему табаку приписываете...

Сыромолотный. Но ведь... не надо забывать, что я, ни с того, ни с другого... выдал тебя за него, чтоб иметь общество, иметь друга, с которым бы можно толковать, нюхать табак... *(Нюхает часто.)* Вдруг Боб, ни с того, ни с другого... велел нам переехать в наш уездный город, а сам уехал в столицу...

Г-жа Боб. Простите его, дядюшка...

Сыромолотный. Простить! нет! шутишь! Он даже не побывал в нашем городе, где у нас своя мельница на шести поставах, наследие отцов наших... ни с того, ни с другого..., которую я дал тебе в приданое... Его здесь,

кроме тебя да меня, никто и в лицо не знает... мне стыдно, ни с того, ни с другого, встречаться с знакомыми... спрашивают, где муж вашей племянницы... Я вот покраснею, ни с того, ни с другого, как сырая говядина... да и начну... будто не слышу... табак нюхать... за что же? ни с того, ни с другого... это уже лишний расход. Он просто нас оскорбляет!

Г-жа Боб. Всему виной его честолюбие... ему хочется непременно найти место и приехать сюда чиновником...

Сыромолотный. Всё так... да зачем же так долго не возвращаться?.. теперь же такое время... слышала ты?

Г-жа Боб. Что такое?

Сыромолотный. Так ты ничего не слыхала?.. Как же, наш город весь, ни с того, ни с другого... в волнении... ищут...

Катерина. Ах да, я слышала... говорят, сюда ожидают какого-то афериста, которого велено схватить... мне гувернантка городничего сказывала...

Сыромолотный. Говорят, он получил в губернском городе значительную сумму денег да и уехал... а векселя-то оказались подложные... Так вот оттуда пришло предписание... что он, полагают, ни с того, ни с другого, в нашу сторону кинулся... так схватить, несмотря ни на какие отговорки... и представить в губернию... все приметы описаны подробно и обстоятельно... Свидетельство о рождении и крещении, говорят, фальшивое, как он сам, разбойник... Вот нынче какое время у нас в городе... Прославиться можно... ни с того, ни с другого... награда обещана... городничий в хлопотах и даже простому народу объявил приметы и обещал воздать приличное награждение, если поймают...

Катерина. То-то на улице так много прохожих, чего никогда не бывало...

Сыромолотный. А ты уже всё разнюхала, матушка... Однако ж совсем... истёр... *(Насыпает в табакерку.)* Какое благовоние, аромат возвышенный... жалко понюхать... ни с того, ни с другого... и чего тут нет!.. березинский, бобковый, французский, костромской и еще другой... ни с того, ни с другого, петербургского произведения, тертый иностранными машинами... кровь, ни с того, ни с другого, помолодеет... праздничный, ароматный, невыразимый букет! Ну, прощайте, полечу опять навстречу

вселюбезнейшему Феоклисту Онуфричу... ни с того, ни с другого...

Катерина. Уж подлинно ни с того, ни с другого!..

Сыромолотный.

Побегу ему навстречу,
В оба глаза посмотрю
И, лишь только что замечу,
Табакерку растворю.
Буду с праздником чудовым,
Поцелую зятя в лоб,
Если дядюшку бобковым
Подарит любезный Боб!

Явление 2

Г-жа Боб и Катерина.

Катерина. Ах! Какой он чудак!.. двадцать раз на день встречать! ха-ха! *(Смотрит в окошко.)* Смотрите, сюда кто-то идет... Ах, да это ваша подруга — Зиновия Андреевна, и с мужчиной...

Г-жа Боб. С мужчиной? Кто ж это? ее мужа дома нет...

Явление 3

Те же и Сибирякова.

Сибирякова *(входит и с беспокойством оглядывается)*. Ты не одна!

Г-жа Боб. Что с тобой, мой друг?..

Сибирякова. Мне нужно с тобой поговорить. *(Смотрит на Катерину.)*

Г-жа Боб *(Катерине)*. Оставьте нас одних, моя милая...

Катерина. Что бы это значило! Иду, иду. *(Уходит.)* Мне что-то подозрительно!

Явление 4

Г-жа Боб, Сибирякова и потом Кротов.

Г-жа Боб. Ты вся растерялась! Что случилось?

Сибирякова (*решительно*). Я пришла к тебе с уверенностию, как к доброй моей приятельнице... Дело идет о счастии моего брата, о моем счастии.

Г-жа Боб. Объяснись!

Сибирякова. Здесь мой брат... его преследуют... если ты не примешь его — счастие его погибло!

Г-жа Боб. Но разве он сделал что?

Сибирякова. Ничего, мой друг, ничего... ты после всё узнаешь... скрой только от преследования.

Г-жа Боб. Хорошо, мой друг, я согласна... ты так встревожена...

Сибирякова. Благодарю. (*Зовет.*) Орест!

Входит Кротов.

Г-жа Боб (*ему*). В добрый час, милостивый государь... я с удовольствием готова дать убежище брату моей подруги... располагайтесь здесь, как в своем доме...

Кротов. Принимаю ваше предложение и благодарю вас... Вам, конечно, странною показалась просьба моей сестры, но вы не будете удивляться, когда всё узнаете... Начну сначала... Год тому назад я проездом был здесь, увидел на балу дочь здешнего помещика и влюбился до безумия... Скоро мы поняли друг друга... но, увы! отец ее нас не понял... так уж родился... ничего не понимает... он увез ее в деревню, а я по обязанностям службы уехал в губернский город...

Сибирякова. Полно, братец... говори короче...

Кротов. Страсть моя в губернском городе не уменьшилась, а еще стала сильнее, чем в уездном... Я переписывался с ней и наконец убедил ее решиться на тайный брак... Чрез приятеля, живущего здесь, я всё приготовил к свадьбе, и он уведомил меня, чтоб я именно сегодня в шесть часов вечера был в деревенской церкве моей Софьи, где нас ожидает священник... Понимаете ли вы теперь, сударыня, мое положение?..

Г-жа Боб. Оно очень хорошо, кажется...

Кротов. О нет! Я бросился опрометью сюда, не простился ни с кем... не взял никаких бумаг... останавлива-

юсь в этом городе, чтоб повидаться с сестрой... иду к ней... Прохожие смотрят на меня подозрительно и шепчутся: «Он! точь-в-точь...» Я, ничего не понимая, вхожу в дом сестры... чрез несколько минут приходит мой слуга и говорит, что в трактир, где я остановился, нахлынули люди... толковали... толкались и наконец решили, что я по всем приметам тот самый плут, которого велено схватить по предписанию губернатора... тот самый... каково?

Сибирякова. Бедный мой брат!

Г-жа Боб. Но почему ж вы не разуверите их, что вы совсем не тот?

Кротов. Почему? Они вдруг не поверят... притом эти проклятые приметы... я же не взял никаких бумаг, а в предписании сказано, что этот аферист является под разными именами и потому не верить ему... Конечно, я мог бы оправдаться... но на это нужно время... теперь уж два часа... на проезд мне нужно два с половиной!..

Сибирякова. Да притом, пожалуй, и не поверят. Я слышала, что если встретится какое недоразумение, то велено взять этого афериста и отправить прямо в губернский город...

Кротов. Отправить в город, когда я и так насилу из него вырвался... я буду оправдываться... а между тем она будет напрасно ждать, отец догадается... всё узнает — и свадьба моя... о, я погибаю!

Сибирякова. Отчасти ты сам виноват, братец... может быть, тебе и удалось бы доказать городничему...

Кротов. Но в таком случае моя поспешность, мой скорый отъезд опять бы внушили подозрение... меня бы задержали...

Сибирякова. Да, это правда.

Г-жа Боб. Но не лучше ли объяснить ему всю правду?

Кротов. Этого-то уж никак нельзя... он крестный отец моей Софьи...

Г-жа Боб. В самом деле, ваше положение опасно...

Кротов. Вы меня жалеете... итак, простите же, я не знал, к кому прибегнуть... У сестры я не мог остаться, потому что многие видели, как я к ней шел... Мне нужно пробыть не более двух часов, пока мой человек успеет передать записку, которую я написал моему доброму приятелю... Он, верно, даст мне способ уехать тайно.

Г-жа Боб. Но вас видела воспитанница моего дяди... Катерина... Она так любопытна... болтлива... и притом поминутно бегает к гувернантке городничего и болтает с ней.

Сибирякова. Ах, боже мой! это правда!

Кротов. Ну, так! Я погиб... Скрывшись из гостиницы, я стал для всех еще подозрительнее... теперь не станут и расспрашивать... если она сказала... меня схватят и прямо в губернский город. А свадьба!..

Г-жа Боб. Не беспокойтесь... Так как сохранить тайну Катерина не в состоянии, то нужно употребить другое средство...

Явление 5

Те же и Катерина, входя справа; с любопытством.

Катерина. Вы меня звали, Анна Петровна?

Г-жа Боб. Совсем нет, вы ошиблись, моя милая...

Кротов и Сибирякова отходят.

Катерина. Ах... а я думала... так я уйду. *(Тихо.)* Скажите, Анна Петровна, кто этот господин?..

Г-жа Боб. К чему этот вопрос?

Катерина. А я так знаю: это тот самый, которого ищут!..

Кротов *(издали)*. Что она говорит!..

Г-жа Боб *(с смущением)*. С чего вы взяли?..

Катерина. Феня говорит, что его уж видели, да он вдруг пропал... а он вот где... я ей сказала...

Кротов *(вдали)*. Сказала! Ну, я пропал!

Сибирякова. Боже мой!

Г-жа Боб *(в сторону, с беспокойством)*. Сказала... должно решиться!.. *(Ей.)* Как же вы с своею проницательностью недогадливы, моя милая.

Кротов и Сибирякова *(вдали)*. Что она хочет сказать?

Катерина. А что такое?

Г-жа Боб. Вы сегодня недогадливы... Да это мой муж... Феоклист Онуфрич...

Сибирякова *(жмет ей руку, тихо)*. Ах, милая Анета!..

Катерина. Как! Так этот-то господин! А я, извините... представляла его себе маленьким, неуклюжим... Здравствуйте, Феоклист Онуфрич... Я вас не ожидала так скоро... *(Про себя.)* Какой славный!

Кротов *(г-же Боб)*. Благодарю... Вы ангел-хранитель мой! А она таки поболтать любит!

Катерина. А я преспокойно себе толковала с Феней, гувернанткой городничего... мы и думали, что это, может быть, вы и есть... тогда как это сам хозяин... ха! ха!

Г-жа Боб *(тихо)*. Слышите, какова она?.. я говорила вам. *(Громко Кротову)*. Однако ж нам есть о чем поговорить, мой друг... Пойдем, Зиновья... Будем надеяться, что всё хорошо кончится.

Кротов. О, верно... когда вы приняли участие!

Уходят.

Явление 6

Катерина (одна).

Катерина. Так вот он, господин Боб... Кажется, не очень любит говорить... жаль... за кого-то он меня принял? уж не за служанку ли?.. досадно! Это потому, что я дурно одета... Однако пойти поговорить с Феней, рассказать ей, что мы ошиблись... расскажу всем, что приехал Феоклист Онуфрич... *(Идет.)* А! Вот и почтенный табачный дядюшка... Вот болтунище-то! Он задержит меня, а покуда узнают, что Боб наш приехал, уйду с другой стороны!.. *(Уходит направо.)*

Явление 7

Сыромолотный и потом Боб.

Сыромолотный. Сюда, сюда! вселюбезнейший Феоклист Онуфриевич! Наконец-то я поймал вас! Недаром бегал, ни с того, ни с другого... *(Нюхает.)*

Боб *(входит)*.

Здорово, мой толстеющий!
Вот бог меня принес...
Ну что, каков ваш рдеющий,
Великолепный нос?
Как красная смородина,
По-прежнему хорош!
А я так, чай, уродина,
На черта не похож?

Уф! Как меня измучило,
Вспотел с дороги лоб...
Теперь я просто чучело,
А не солидный Боб!
А что-то душка-женочка,
Чай, реки слез лила?
Всё милого теленочка
В объятия ждала.

Гадать, чай, принималася
На картах, на бобах
И страшно, чай, боялася
Остаться на бобах?
Теперь от счастья сбесится,
Почти уверен я:
На шею, чай, повесится
Мне Аннушка моя!

Сыромолотный *(осматривая пальто Боба)*.

Что это за история?
Во что ты наряжен?..

Боб.

Купил в столице с горя я
Французский балахон...
Там всё творят магически:
Лишь в Английский придешь —
Нарядят эластически,
Уродом и пойдешь!

Одежда хоть престранная,
Не стоит ни гроша;

Но так как иностранная,
Так очень хороша!
Метода басурманская
На свете завелась:
Смола американская
Повсюду разлилась!

Вы, жители пустынные,
Лишь любите свое;
А там так всё резинное:
И люди и житье!
Там каждый страшно тянется,
Чтоб честь приобрести:
В резине ловко кланяться —
За то она в чести...

Сыромолотный. Ай-ай! На какие там штуки... ни с того, ни с другого... подымаются! Ну а по табачной части из этого что-нибудь делается?

Боб. Говорят вам, даже люди делаются... резина есть, смею сказать, развратительный элемент нашего века... Калоши, шляпы, корсет, сюртук — всё из резины. Теперь всякий себе по одежке протягивает ножки... а между тем проматывается...

Сыромолотный. Ну а каков Петербург?

Боб. Изрядный городок... очень хорош... я еще такого в России не видывал... В нашей Северной Пальмире сосредоточен элемент всякого великолепия... множество редкостей видел: Невский проспект... Тальони, Пасту, Летний сад, памятники, то есть саркофаги различные... огромных сфинок... Петербургские квартиры смотрел... Булгарина видел.

Сыромолотный. Ну а там какая-то машина есть... говорят, то и знай шипит, точно табак нюхает... должно быть, хорошая...

Боб. Как же! Чудовая штука... Большой очаг... внутри пусто... люди сидят... а впереди ушатов в пять самовар кипит... то и знай уголья подкладывают... Быстрый элемент... он подвинул вперед человечество... говорят, не то еще будет... сделают так, что в Петербурге можно будет чай пить... в Москве обедать... а к вечеру милости просим опять в Петербург ужинать...

Сыромолотный. Славно придумано... В один день

можно будет понюхать и московского и петербургского... хорошо!..

Боб. Однако ж мне пора исполнить священнейший и приятнейший долг: повидаться с моей лучшей половиною..

Сыромолотный. Она на той половине... я позову ее... она еще ничего не знает... чудная будет сцена; чувствительная, ни с того, ни с другого...

Боб. И оригинальная... А я таки устал... спать хочется...

Сыромолотный. Понюхай для ободрения... Костромской...

Боб. Не употребляю...

Сыромолотный. Жаль... глаза были бы повеселее. *(Идет к двери.)* Ну, приготовься же... открой объятия и смотри в оба... *(Стучит в дверь.)* Анна Петровна! Одна дама, ни с того, ни с другого... желает тебя видеть...

Боб. Дама... хорошо сказано... Как она обрадуется, увидя своего теленочка!.. О! милая рыбочка! Как она страдала, бедняжка!

Сыромолотный. Не слышит! *(Отворяя дверь, громко.)* Племянница! вдова какая-то посетила тебя, ни с того, ни с другого...

Боб. Ах, знаете ли, дядюшка, что вот уже шесть месяцев я не знал, что такое семейное счастие... А она! шесть месяцев... много, канальство!

Сыромолотный. Нет... пропади моя табакерка... она не того... Ее здесь нет... *(Идет к другой двери; стучит.)* Племянница! Девица какая-то желает с тобой посоветоваться...

Боб. Не отвечает?

Сыромолотный. Ну так, видно, она со двора ушла.

Боб. Ушла? О, какой терзательный элемент... Я чувствую необходимость обнять жену, а она ушла!

Сыромолотный. А что, как твои дела в Петербурге?

Боб. Меня преследовало несчастие... я подавал прошения... каждое утро ходил в департамент... и часто раньше служителей... а уж какой они бессонный народ... с первыми петухами поднимаются. Я видел, как они мели, затопляли печи, разговаривал с ними... выспрашивал нравы и обычаи начальников... Элемент важный... можно подслужиться... я таки не тумак...

Сыромолотный. Ну а какую же пользу получил ты?..

Боб. Я представил в просьбе свое положение... вторичную женитьбу... от которой, по всем вероятностям, может быть польза отечеству... представил заслуги своего отца, который был убит...

Сыромолотный. Да ты сам говорил, что он никогда не служил... ни с того, ни с другого...

Боб. Позвольте... Убит горестию, видя своего единородного сына в безместном положении, на краю гибели...

Сыромолотный. Хорошо! А всё не так... ты бы вот написал, ни с того, ни с другого, что у тебя есть дядя, который сделал многие полезные усовершенствования в табачном производстве.

Боб. Однажды я жду; входит начальник отделения... Взглянул на меня, засмеялся да и говорит: «Опять этот Боб! Надо как-нибудь отделаться от этого животного...»

Сыромолотный. Ого! как он хватил тебя!

Боб. Тут еще ничего нет обидного, что начальник сказал, будто я животное... Известно из логики Кизеветтера, что всякий человек есть животное. Вот если б он сказал — в шерсти или с перьями... другой элемент! Но вот что обидно: он ничего не сказал больше да и ушел... Я взбесился...

Сыромолотный. Ты, верно... ни с того, ни с другого... пожаловался?..

Боб. Нет... я бегу с лестницы, спрашиваю у швейцара, где директор... «Вот,— говорит он,— через двор идет...» Я к нему... беру просьбу, которую заготовил прежде, рву ее и с яростью крокодила бросаю под ноги, говоря: «На!»

Сыромолотный. Ого! как ты, ни с того, ни с другого, погорячился; чай, директор вспылил?

Боб. Это был не он, а посторонний прохожий... Швейцар подшутил... черт его возьми! Шел бы в свою Швейцарию! Бездельник! А не шутствовал бы здесь над благородными людьми. Вот как иностранцы платят нам за радушный прием!.. Я сказал ему, что он не имеет совсем элемента благодарности, и ушел, погрозив ему палкой...

Сыромолотный. Ты еще добр... ты бы мог его погубить... *(Предлагает ему табакерку.)* Настоящий бобковый!

Боб. Не хочу... ненавижу табак... они меня ужасно взбесили... Я было всё бросил... хотел уехать к моей лю-

безной Аннушке... трудиться для потомства... посвятить литературе часы золотого досуга... Вдруг получаю от директора письмо... «Не беспокойтесь,— говорит он,— уезжайте из Петербурга; прежде чем вы приедете в ваш город — туда придет ваше производство...» Я, не будь глуп, и поторопился, чтоб обогнать его... я достиг своей цели, я теперь на месте.

Сыромолотный. К чему же ты определен, ни с того, ни с другого?

Боб. Я об этом ничего не знаю. Я ехал сюда насладиться восторгом от двух элементов счастия — жены и места!

Сыромолотный. Но производство не пришло еще... а то дал бы знать уездный судья... мы с ним на короткой ноге... он занял у меня полфунта бобкового...

Боб. Как! черт возьми, неужели это письмо заключало в себе смысл аллегорический?

Сыромолотный. Занюхай скорей эту печальную мысль... любого? *(Подставляет две табакерки.)*

Боб. Черт возьми... элемент посмеяния со мной... Быть не может... или сама судьба вступила против меня в полемику! Неужели мечты обманули меня... неужели мой удел — страдание...

Так, видно, с горем и с бедой
В семействе нашем все сжилися!
Знать, под несчастною звездой
Бобы на свет произвелися.
Иным места дает судьба
В суде, в палате, в комитете,
А для несчастного Боба
Местечка нет на белом свете!

Впрочем, многие были обмануты подобным образом... А какое почтительное письмо... Вот вы увидите. *(Обыскивает себя, прохаживается и всё ищет.)* Что это значит?.. новый элемент огорчения!..

Сыромолотный. Что ты сконфузился?

Боб. Я потерял свой портфель... нарочно купил в столице... все начальники отделения с такими ходят...

Сыромолотный. А что, в нем много дельного было?

Боб. Моя подорожная... письмо директора и черновые просьбы... числом сорок одна... я приберегал нарочно для

вас... от скуки, думаю, займемся чтением... а уж как подробно и остроумно изложено... пошлю на станционный двор...

Сыромолотный. Таких важных вещей не должно вверять людям... я схожу сам... А чем он обделан?

Боб. Красным сафьяном...

Сыромолотный. Хорошо. Тут же кстати забегу ко всем моим родственникам, которым, ни с того, ни с другого, очень хочется тебя видеть... Всех их сюда приведу... пусть полюбуются... *(Идет.)*

Боб. Фи! сколько элементов несчастия! Есть об чем подумать... *(Задумавшись, садится.)*

Сыромолотный *(в дверях Катерине, которую встречает)*. Ну вот он и приехал.

Катерина. Кто?

Сыромолотный. Мой зять, Феоклист Онуфрич...

Катерина. Вот какая новость! Ее уж весь город знает!

Сыромолотный. Я... О! я, ни с того, ни с другого, был уверен, что приведу его. *(Уходит налево.)*

Катерина. И восхищается... А совсем не он привел! Я первая увидала его.

Явление 8

Боб, Катерина и потом Кротов.

Боб *(осматриваясь)*. Сгинул да пропал мой портфель... Жаль, три рубля серебром дал... да и здесь не найдешь такого... неравно получишь штатное место, так и без портфеля находишься...

Катерина. Ба! это что за господин!

Боб *(про себя)*. Не здесь ли я уронил его... *(Наклоняется и смотрит под столом.)*

Катерина. Скажите, пожалуйста, государь мой, куда вы хотите пройти?..

Боб. Вы не видали его?

Катерина. Кого?

Боб. Что?

Катерина. Чего?

Боб. Ну да боже мой! В красном сафьяне!

Катерина. Кто в красном сафьяне?

Б о б. А! Что вы говорите?

К а т е р и н а. Я спрашиваю вас, что такое?

Б о б. Что?.. Что она хохочет... сейчас виден элемент глупости! Не нашли ли вы мой портфель?.. да или нет... отвечайте решительно!

К а т е р и н а. Какой? В первый раз в жизни слышу...

Б о б. Ну так оставьте меня в покое... и разбудите, как только возвратится Анна Петровна.

К а т е р и н а. Ага! Да он без церемонии... Как об вас сказать?

Б о б. Как? Я муж ее, Феоклист Боб...

К а т е р и н а. Вы! вот хорошо! каково!.. ха! ха!

Б о б. Впрочем, не говорите, что Боб,— скажите иначе... мне хочется сохранить инкогнито,— как это.., насладиться ее восхищением... семейному человеку это приятно...

К а т е р и н а. Так потому только и не говорить, что вы Боб... а в самом деле вы точно Боб... ха! ха! Так, по-вашему, вы и мне сродни?

Б о б. Если есть между нами родственный элемент, так разумеется. Однако ступайте... ступайте...

К а т е р и н а. Что за чудак! и подумать смешно! *(Идет в боковую левую дверь.)* А вот и сам настоящий Боб. *(Вполголоса)*. Феоклист Онуфрич, пожалуйте сюда!

К р о т о в *(выходя из левой двери)*. Что такое?

К а т е р и н а. Кто-то спрашивает Анну Петровну...

К р о т о в. Госпожу Боб! *(В сторону.)* Черт побери! теперь я должен принимать визиты... в моем положении это необходимо.

Боб, замечая, что кто-то взошел, вскакивает.

(Кротов ему.) Здравствуйте, милостивый государь!

Б о б. Ваш покорнейший!..

К р о т о в *(Катерине)*. Кто он такой?

К а т е р и н а. Не знаю.

К р о т о в. Покорнейше прошу садиться, государь мой... *(Берет стул и предлагает Бобу.)*

Б о б. Помилуйте... долг приличия... я не потерплю. *(Предлагает стул Кротову.)*

К р о т о в. Зачем... я и сам...

Б о б. Мне бы должно предложить... элемент вежливости того требует...

Каждый держит в руках по стулу и отталкивает предлагаемый. Боб берет у Кротова стул и садится, но, видя, что тот стоит, сейчас вскакивает.

Кротов *(в сторону)*. Как он дик!

Боб *(в сторону)*. Как он учтив!..

Кротов. Вы желаете видеть госпожу Боб?

Боб. Да-с, госпожу Боб... больше никого... так точно...

Кротов. Смею спросить, что вам угодно?

Боб *(улыбаясь)*. Так, безделицу, которой, впрочем, я не намерен вам объяснять... Ха-ха-ха! *(Он перестает смеяться, замечая, что Катерина хохочет, глядя на него; про себя.)* Чего она смеется? Глупа, очень глупа!

Катерина *(Кротову)*. Спросите, как его зовут...

Кротов *(Бобу)*. Могу ли я узнать, по крайней мере, с кем имею честь говорить?

Боб. Очень можете... я, знаете, так... член здешнего семейства!

Кротов. Что такое?

Боб. Я муж госпожи Боб! *(Встает, увидя, что Кротов встал.)*

Кротов. Как!

Боб. Да почему вас так занимает этот элемент?

Кротов. Вы муж госпожи Боб?

Боб. Да, законный... муж.

Кротов *(особо)*. Надо быть дерзким, не то я погиб!

Боб *(Катерине)*. Кто этот господин?

Катерина. Господин здешнего дома...

Боб. Какой господин?

Катерина. Господин Боб, настоящий муж Анны Петровны...

Боб *(Кротову)*. Вы ее муж?

Кротов *(в сторону)*. Что делать? *(Ему.)* Так точно, милостивый государь... я принужден вас уверить...

Боб. Что?.. О! Вот уж тут, кажется, недостает элемента вероятности!

Катерина *(Бобу)*. Да почему вас это так занимает?

Кротов *(в сторону)*. А его жены всё еще нет... надо объяснить ему! *(Тихо Бобу.)* Прошу вас, выслушайте меня...

Боб *(затыкая ухо мизинцем)*. Черт возьми! Говорите громко... Терпеть не могу, когда мне нашептывают в уши... зудит отвратительно... Так вы говорите, что вы муж госпожи Боб?

Кротов. Да, милостивый государь. *(В сторону.)* Надо поддержать себя, особливо при этой болтунье!

Боб. Нет, событие это должно быть баснословно. Я этого и в Петербурге в балаганах не видел... а там, можно сказать, элемент всякого помешательства... Государь мой, кто-нибудь из нас не муж ее... Кто, как вы полагаете?

Кротов. Разумеется, не я. *(Ищет случая говорить с ним; тихо.)* Милостивый государь!

Боб. Кто-нибудь из нас не Боб, а, так сказать, анти-Боб!.. на кого же падает подозрение?

Кротов. На вас...

Боб. На меня... недурно!

Кротов *(тихо на ухо)*. Государь мой! мне надо с вами поговорить!

Боб *(затыкая ухо)*. Дальше, дальше! Черт возьми!

Кротов *(особо)*. Невозможно вразумить его!

Боб. Как! Вы не шутя говорите это... вы можете доказать? Так это вы ездили в Петербург?

Кротов. Точно так!

Боб. Вы подавали сорок одно прошение на гербовой бумаге и двадцать партикулярных писем на веленевой... так вам начальник отделения сказал: животное?

Кротов. Что такое?

Боб. Вам? Вы Феоклист Онуфриевич сын Боб?.. титулярный советник... уроженец Пскова?.. Так вас называла жена своим милым теленочком?

Кротов. Что?

Боб. Вы автор многих произведений по части изящной словесности?

Кротов. Разумеется, я!

Боб. Вы? Так ваши стихотворения печатались в «Пантеоне русского и всех европейских театров»?

Кротов. Да, мои, сударь...

Боб. Ваши... ха-ха-ха! Так, стало, вы же приехали сегодня из Петербурга?..

Кротов. Я...

Боб. Вы чувствовали необыкновенную слабость и чудовищное желание выспаться в объятиях семейного счастия... Вы сорока лет, с возвышенной физиономией...

Кротов. Тысячу раз да!..

Боб. Ну а я?

Катерина *(смеясь)*. Вы? вы бредите наяву! Ха-ха-ха!

Боб. Она всё смеется... Она, должно быть, не выправлена... Основываясь на элементах достоверности, я объявляю вам, что если вы не шут, то самозванец...

Кротов. Как вы смеете!..

Боб *(в сторону)*. Черт возьми! Таких чудес со мной и в Петербурге не случалось. Что он в самом деле? *(Ему.)* А если я докажу, что я настоящий, природный Боб?.. Старик Сыромолотный привел меня сюда.

Катерина. Дядя Анны Петровны.

Кротов. Дядя моей жены?

Боб. И моей жены также... хоть лоб взрежь, ничего не понимаю... Причесаться да пойти к жене; не пришла ли?.. она всё разрешит... Что вы и вправду меня морочите. *(Подходит к зеркалу.)*

Явление 9

Те же и г-жа Боб (выходя слева, из той двери, которая отражается в зеркале).

Боб. Позвольте, мы вас отделаем... кинется мне на шею... вот покажется, что вы неправдоподобную штуку выкинули... Я не Боб! ненатурально, воля ваша. *(Чешет голову.)*

Г-жа Боб *(узнав мужа, вскрикивает, исчезает и запирает за собой дверь)*. Ах!

Боб *(увидав в зеркале жену)*. А!

Всё это должно произойти скоро.

Кротов *(который всё видел)*. Боже мой!

Катерина *(которая ничего не видала)*. Что такое?

Явление 10

Те же, кроме г-жи Боб.

Боб *(идя к двери, в которую ушла его жена)*. А! моя жена! Моя Аннушка! Элемент моего счастия!

Кротов *(останавливая его)*. Постойте!..

Боб. Нет, я хочу с ней говорить... пустите! *(Идет силой к двери.)*

Кротов. Что за чудеса! посмотрим...

Боб *(стуча в дверь, которая не отворяется)*. Заперлась, заперлась! А... я понимаю... так и она в заговоре... и она запираться смеет... она бежит от своего пламенного теленочка... так вот что... понимаю!..

Глаза мутятся, стынет кровь...
В груди огонь элементарный...
И я мог чувствовать любовь
К особе столь неблагодарной!
Она изволит здесь кутить...
Она пустилась в прегрешенья...
А я, дурак, ей посвятить
Хотел мои стихотворенья!..

Но нет, быть не может, чтобы и она шла против меня... она, верно, испугалась или вашего звероподобного вида, или моей дорожной физиономии... но погодите... я привез из Санкт-Петербурга разные косметические элементы... она меня увидит во всем блеске и скажет мне, что вы за зверь...

Кротов *(ему на ухо)*. Да выслушайте!..

Боб *(отскакивая)*. Отвяжитесь от меня! Судя по вашим усам, я вижу в вас человека неблагонамеренного...

Кротов. Да ну же успокойтесь, черт возьми!

Боб. Чтоб я успокоился... Да что я?.. рыба, что ли?.. хладнокровное животное? Нет, я горяч!.. Да как горяч... как котел на пароходе, что ездит в Царское... Отнять у меня жену, имя, славу... нет, вы должны еще отнять у меня элемент красноречия, чтоб я успокоился...

Катерина *(Кротову)*. Оставьте его, Феоклист Онуфрич, он, кажется, болен...

Боб. Надо всё кончить... я пойду... *(Идет.)*

Кротов *(удерживая его за руку)*. Я вас не выпущу, милостивый государь, когда вы совершенно вне себя...

Боб. Я совсем не вне себя, я у себя. *(Показывая на портрет.)* Вот мой портрет, когда мне было шесть лет... Я держал на руках кошку... видите?.. я играл с ней, брал ее за хвост, за голову... я играл с ней в цветущей юности... а как она бескорыстно любила меня!.. Если б она

была теперь здесь, она бы вам глаза выцарапала, нос откусила!..

Дни юности припомнил я теперь:
Воспитан был я вместе с этой кошкой...
Она была тогда добрейший зверь:
Мы спали с ней, одной мы ели ложкой.
Я счастлив был в младенческих годах,
День целый ел, глазел себе в окошки,
И кошек я держал тогда в руках,
Зато теперь скребут на сердце кошки!..

Всмотритесь в черты... и тогда уж было что-то необыкновенное... А! сознаетесь?.. Нет? Так я же пойду... приведу сюда дядю... он обличит вас... Пойду искать дядю, притащу его сюда за уши, за волосы, за нос... Пойду к городничему... Прощайте... коварный друг... моего семейства... нет, до свидания... надеюсь, еще увидимся... Кто бы ни попался... родственник, знакомый и незнакомый... черт... дьявол... всех притащу в свидетели!..

Погибель разрушителю
Блаженства моего!
Пойду к градоправителю
С прошеньем на него!
Со мной сыграл ты шуточку
И честь мою задел,
Теперь под нашу дудочку
Напляшешься, пострел!

Мужьям в наш век решительно
Стеречь должно жену:
Вот как неутешительно
Бросать ее одну!
С родимыми пенатами
Чуть-чуть ты разлучен —
И хватами усатыми
Весь дом твой окружен.

(Уходит.)

Кротов *(про себя)*. Однако ж гнев его справедлив... как я далеко зашел! Теперь поздно ворочаться! что будет, то будет!..

Катерина. Ха-ха-ха! Он очень забавен... помешался, бедняжка... или его одурачили... пусть домой идет...

Кротов. Какая наглая обида, он просто сумасшедший!..

Катерина. Ха-ха! Надо идти... посмеяться с Феней... она очень любит такие истории... *(Идет и возвращается.)* Вот письмо, которое вам принесли... я и забыла...

Кротов *(читает)*. Господину Бобу!..

Катерина. Да-с... Феня говорила, что будто вас произвели... Так тут извещают... Поздравляю...

Кротов. Хорошо! *(В сторону.)* Отдам госпоже Боб.

Катерина. Ну, теперь тут нет ничего любопытного... *(Уходит.)*

Явление 11

Кротов и потом г-жа Боб.

Кротов. О, судьба! Мое положение сто раз ужаснее! Пройдет час — и я несчастнейший из людей... Кроме того... я могу быть схвачен и отправлен с конвоем, как преступник... Потому что сам навлек на себя подозрения... А какую кашу я здесь заварил!

Г-жа Боб *(выходя осторожно из левой двери)*. Он ушел?..

Кротов. К сожалению, так... Невозможно было заставить его выслушать...

Г-жа Боб. Какое приключение! Ваша сестра пошла сама хлопотать о вашем отъезде, а я, не подозревая ничего, хочу войти сюда... отворяю дверь и вижу... кого же? моего мужа!..

Кротов. Простите меня! я взволновал его, оспаривал у него имя и звание вашего мужа... Тут была воспитанница вашего дяди и всё слушала.

Г-жа Боб. Бедный Боб! что-то он подумал!

Кротов. Впрочем, когда он всё узнает, то будет еще благодарен: я у него заимствовал только имя, а мужья, которые долго не видят своих жен, иногда платят за это гораздо дороже...

Явление 12

Те же и Сибирякова, потом Катерина.

Кротов. Ах, это ты, сестра!

Г-жа Боб. Ну что?

Сибирякова. Не совсем хорошо...

Кротов. Что сказал мой приятель Смуров?

Сибирякова. Он обещал сам прийти или прислать человека... тебя оденут в крестьянское платье, в котором ты выйдешь за город... иначе нельзя... ты очень похож...

Кротов. Приметы, проклятые приметы!

Г-жа Боб. Ты еще не знаешь... муж мой приехал!

Сибирякова. Ах, какой случай!.. надо скорей всё кончить... но из города выехать иначе нельзя, как с запиской какого-нибудь здешнего чиновника... кто бы за него поручился?

Катерина *(входит из глубины и вдруг останавливается, увидя Сибирякову)*. Вот и она возвратилась!

Кротов. Ну а еще что?

Катерина. Что они всё шепчутся?.. любопытно узнать... *(Подходит тихо и слушает.)*

Сибирякова. Вот что еще он сказал мне: «Чтоб он не показывался на улице. Теперь все уверены, что он именно тот, кого велено задержать... его ищут... также, чтоб новый господин Боб тщательно скрывал свое имя, под которым здесь остановился... иначе он пропал!..»

Катерина *(особо)*. Вот что!

Кротов. О, что до этого касается...

Г-жа Боб *(тихо)*. Тише... здесь Катерина! *(Ей.)* Вы здесь?..

Катерина. Я пришла сказать приятную новость: я теперь уж наверно узнала, что Феоклисту Онуфричу дали место...

Кротов. Как? что такое?

Катерина. Письмо, которое я отдала вам, должно, кажется, известить вас, что вы...

Кротов. Я!

Г-жа Боб и Сибирякова. Письмо!..

Кротов. Да, я точно получил...

Г-жа Боб *(Катерине)*. Подите, моя милая, распорядитесь, чтоб обед был получше...

Катерина *(уходя)*. Я в минуту...

Кротов. Я хотел отдать вам это письмо...

Г-жа Боб *(взяв письмо)*. Посмотрим! *(Читает про себя.)* Так точно! Городничий поздравляет его с местом пристава...

Кротов. Чертовское стечение обстоятельств!

Сибирякова. Далее.

Г-жа Боб. Вот что он прибавляет: «Теперь вам есть случай показать свои способности по службе. Употребите все способы отыскать известного плута...»

Кротов. Ну так... он ко мне и привяжется!

Боб *(за сценой)*. Здесь, кажется... Да, здесь... сюда! сюда!

Все. Что я слышу!

Явление 13

Те же, Катерина, родственники Сыромолотного и потом Боб.

Катерина. Вот, вот он, подложный Боб! Возвратился... и привел с собою всех наших родственников, которых известил ваш дядюшка о приезде вашего мужа... Этот безумный всё им рассказал и просит их помощи!

Г-жа Боб. Я уйду...

Сибирякова. Ты этим подашь подозрение... останься...

1-й родственник. Матушка Анна Петровна, всяческое вам уважение...

2-й родственник. И я, осведомясь о всерадостном прибытии, не мог преминуть явиться с почтением...

3-й родственник. С приездом достопочтенного сожителя...

4-й родственник. Уж не он ли это встретил нас у вашего дома?..

1-й родственник.

Одетый точно иностранец,
Он встретил нас и стал кричать.

2-й родственник.

Он нам сказал, что самозванец
У вас изволит пребывать.

3-й родственник.

Скажите ж, кто хвастун негодный.

4-й родственник.

И кто ваш муж из двух особ?

Боб *(вбегает)*.

Я истый Боб, я Боб природный...
Каких же надо вам Бобов?..

Катерина *(г-же Боб)*. Я слышала, что один из них должен быть тот, которого ищут.

Кротов и Сибирякова. Боже мой!

Боб. Мщение! мщение! Наконец наступает торжество добродетели и гибель порока! Где мои родственники? где жена? где мой дядя?

Г-жа Боб отворачивается, чтобы он ее не заметил.

1-й родственник. Иван Мироныч забыл у меня в доме табакерку и воротился за ней!..

Боб. Любезные друзья, верно, желаете узнать, кто ваш родственник, обнять его...

Родственники. Да, да... разумеется...

Боб. И наказать похитителя моего имени...

1-й родственник. Схватить такового и представить... потому что есть подозрение...

Кротов *(про себя)*. Боже мой!.. надо на всё решиться! *(Приближаясь.)* Что вам угодно, милостивый государь?

Боб. Что? Он... опять... опять этот злодей... я не хочу его знать... я презираю его!

Г-жа Боб делает движение к своему мужу, который узнает ее.

Моя жена! моя золотая рыбочка... Ты ли это? Посмотри на своего теленочка!

Г-жа Боб *(ему на ухо)*. Друг мой! Выслушай!

Боб *(быстро затыкая ухо мизинцем; с гневом)*. Ах, черт возьми! ты лучше всех знаешь, как я не люблю этого! *(Переменив тон.)* Да, это жена моя... я узнаю ее... О, я торжествую... она спасет своего ненаглядного теленочка...

она кроткая жена... добродетельная женщина... такой и в Петербурге с газовым фонарем поискать... я ее узнаю! Она нам скажет, кто я, кто он!

Не властью судьбы
Попался в Бобы
  Такой человек дерзновенный!

Он должен быть плут,
Гороховый шут;
  Не Боб он солидный, почтенный...

О радость моя,
Скажи им, кто я,
  Ведь ты так добра от природы!

Дай знать нам теперь,
Что это за зверь,
  Какой иностранной породы?

Родственники. Говорите, говорите!..

Г-жа Боб *(тихо мужу)*. Пред всеми?..

Кротов *(ему)*. Милостивый государь!..

Боб. Нечего, нечего подъезжать с извинительными элементами... я не милостивый государь... дело ясно, как газовое освещение... Госпожа Боб, заклинаю вас именем мужа... именем теленочка, которым вы почтили меня в первый день нашего супружества... заклинаю вас всем... газовым освещением... тьфу! светом истины... провозгласите торжественно — муж я вам или нет?

Г-жа Боб *(тихо ему)*. Послушай!

Боб. А вот послушаю... говори...

Г-жа Боб *(с усилием)*. Так как это необходимо...

Сибирякова *(тихо ей)*. Анета!

Родственники. Говорите, говорите!

Г-жа Боб *(показывая на Кротова)*. Вот мой муж!

Всеобщее движение.

Боб *(в отчаянии; помолчав)*. Крокодилица... А! я, кажется, обожжен громом!.. убит молнией! А! она давеча запиралась, а теперь совсем отпирается... понимаю!

Голоса родственников. Так он обманщик! За дверь его! в полицию!

Б о б. Людоедица!.. Женщина, женщина более чем неблагодарная!.. Тигрица не отвергает своего тигра кровожадного, а она отперлась от своего теленочка... Нет, госпожа Боб... я не теленочек... я... в гневе я — дикобраз... вы не узнаёте меня... хорошо... вы меня узнаете...

К р о т о в. Государь мой, пожалуйста, не позорьте себя!

Б о б. Как не позорить себя! А вы что мне, честь, что ли, приносите! вы мне делаете награждение?.. выдаете годовое жалованье вперед?.. А?.. Но этот элемент так не пройдет... законы еще существуют... я стану плакать... стану кричать раздирающим душу голосом на всю нашу губернию... В Санкт-Петербурге услышат... там содрогнутся огромные сфинки... Когда муж в праведном гневе вопит неистово: меня провели!

К р о т о в. Да успокойтесь... придите в себя...

Б о б. Как? так вы считаете меня за сумасшедшего?..

К а т е р и н а. Ха-ха-ха! Да разумеется... Вы не в своем доме, не в своем семействе, не в своем уме... Вы просто не в своей тарелке...

К р о т о в. Не сердите его...

К а т е р и н а. Какой забавный!

Б о б. Что, что!.. И она смеется? Ступай лучше мыть свои тарелки... Все на меня... что они со мной делают?.. Они хотят остановить во мне кровообращение...

Вот сцена здесь произвелась!
По чести, здесь случилось диво!
Жена от мужа отперлась,
И как ведь тонко и учтиво!
Вот как нас начал надувать
«Коварный пол, но сердцу милый»,—
Прошу покорнейше понять,
Зачем она так поступила!

Другой бы, может быть, проник
И стал бы сильно горячиться,
А я так просто стал в тупик,
Не знаю сам, на что решиться.
Жену я ангелом считал
И, как дурак, в восторге плавал,
И вдруг сегодня я узнал,
Что в ней сидит сам Роберт-Дьявол.

Что делать мне, что говорить?
Пред ними стал я просто пешкой!
Бывало, мастер я острить
И хоть отмстил бы им насмешкой!..
Теперь тоской убита грудь,
Вдруг поглупел я на смех курам...
И мне теперь уж не блеснуть
Ни остротой, ни каламбуром...

Вот событие, которому нет подобного даже во французской истории и русских сказках... За что мне приняться... с чего начать... главное, начать... а потом... о, я не теленок!.. Нет ли еще средства уличить их?.. А! вспомнил! жена моя имеет дядю... человека почтенного...

Слышен кашель Сыромолотного.

Это он! Небо сжалилось надо мною!.. Трепещи, вероломство... радуйся, угнетенная невинность!

Г-жа Боб *(с тоской)*. И он не предуведомлен!..

Кротов. Ну, опять беда!

Явление 14

Те же и Сыромолотный.

Сыромолотный *(спокойно выходя из глубины с открытою табакеркою в руках)*. Вот и я! Вот и я!

Боб *(быстро хватая его за правую руку)*. Говорите скорей — это я?

Кротов *(также с другой стороны)*. Государь мой, прошу вас!

Г-жа Боб *(в то же время)*. Дядюшка!

Боб *(ударив по руке Сыромолотного, чтоб заставить его обернуться к себе)*. Отвечайте же! Фунт табаку подарю!

Сыромолотный. Какого? *(От удара Боба табакерка выскакивает, и табак попадает в глаза Сыромолотному.)* Ай-ай-ай! ни с того, ни с другого... я ослеплен...

Боб *(обмахивая его)*. Что? попал в глаза! Ничего... на табачных заводах и вечно бывает так... Говорите же скорей... я ли Боб?

С ы р о м о л о т н ы й *(с гневом)*. Оставьте меня в покое!.. Чтоб вас, ни с того, ни с другого, черт взял! Ведь это кусает... Табак хорош, когда он в своем месте!

Г-жа Боб, Сибиряковы и родственники собираются вокруг Сыромолотного.

Б о б. Это злоумышление! Нет спасения!

2-й р о д с т в е н н и к. Теперь нет сомнения... он подложный... иначе он бы не засыпал ему глаз...

В с е. Да, да! он!

1-й р о д с т в е н н и к. Что медлить, матушка, прикажите сейчас связать его и отправить куда следует...

В с е. Да, да! В часть!..

Г - ж а Б о б. Нет! нет! оставьте его... он, бедный, болен... мне его жаль!

1-й р о д с т в е н н и к. Хорошо, матушка... делайте с ним, что заблагорассудите... а нам уж позвольте...

Родственники раскланиваются и уходят; г-жа Боб, Кротов и Сибирякова уводят Сыромолотного в глубину; Боб остается один.

Г - ж а Б о б. Надо ему глаза промыть...

Явление 15

Боб, потом Катерина.

Б о б. Я остался теперь один... Не понимаю, что со мной делается... а что-то кровавое. Нет примера тому ни в какой истории, ни в какой географии! Что сделалось с моей рыбочкой! Кто этот злодей... презренный элемент похищения... Какой ужасный состав влил он в несчастную жену мою, чтоб до такой степени уничтожить ее нравственный элемент! А, он чем-нибудь опоил ее... нет, он не только что похититель... нет, он... химик! Жена моя! Аннушка! которую я называл своею рыбкою, которая называла меня своим теленочком! Теперь мы оба ни то ни се, ни рыба, ни теленок! Не может быть... я с своей стороны всё тот же... только она... Коварная!

Приятные мечтания
Я в сердце заключал,
День бракосочетания

Я лучшим почитал...
Вдруг мне судьба повесила
Беду на шею вновь:
Жена закуролесила.
И как ведь? стынет кровь!

Не знал я прежде ревности,
Сей гибельной чумы,
От коей гибли в древности
Великие умы,—
Теперь я как помешанный.
Мне нужен мщенья лавр,
Понятен мне ты, бешеный
Венецианский мавр!

Но как мстить? как доказать свои права? Они уверяют меня, что я не Боб... Да кто же я?.. Чем более думаю, тем более уверяюсь, что я должен быть я! Или я не в свои сани сел на последней станции и попал не в тот город... Почем знать, может быть, тут вырос другой Боб?.. но тогда бы и этого табачника тут не было, а я очень хорошо помню его нос... Или передо мной разыгрывается фантасмагория, и я просто сплю, так сказать, «на лоне мирных наслаждений»? Какие к черту тут наслаждения! я совсем не храплю... Или я в самом деле не Боб?.. может быть, я забыл, заспал в дороге свою фамилию?.. может быть, меня подменили?.. Нет, что я! Как же я не заметил?.. Не может быть... А если... ведь читал же я где-то... не могу понять. Вот жаль, что я потерял портфель, я бы посмотрел в подорожной, как меня зовут... и всё бы узнал... А теперь как решить?.. в жизни бывают разные случаи... С чего же бы им уверять, что я анти-Боб. *(С горестию.)* Неужели я точно не Боб... а только воображал себе, что я знаменитый человек в литературе, теленочек в супружестве?.. А?.. неужели?.. это ужасно! *(Подбегает к зеркалу и пристально в себя всматривается.)*

Нет, нет! я точно истый Боб!
Узнал себя я во мгновенье.
Всё, всё мое: высокий лоб,
В глазах отваги выраженье!
Лицом ведь точно я красив,
Мои движенья так же чинны...

Мой рот, как прежде, так же крив
И так же точно уши длинны!

Теперь я уверен... Пусть они что хотят, я таки Боб... все элементы мои... Ах, что ж, однако, мне делать?.. Бывают минуты, будь я не Боб, бывают... когда у меня в голове нет ни одной мысли... пусто... хоть шаром покати... И вдруг их семьдесят пять сталкиваются, как в люминацию франты на Елагином... ах! *(Задумавшись, садится к столу.)*

Катерина *(выходя из глубины, задумавшись, подходит к левой стороне, Боб на правой)*. Что здесь происходит?.. Я ничего не понимаю... а надо бы узнать... они были отчего-то так странны и... всё шепчутся...

Боб *(особо)*. Она болтает сама с собой! Как ты счастлива, беспечная невинность!

Катерина. Они говорили, чтоб Феоклист Онуфрич показывался как можно реже, чтоб он тщательно скрывал свое имя...

Боб *(особо)*. Что она говорит?

Катерина *(про себя)*. Иначе, если он выйдет, то подвергнется большой опасности!

Боб *(тоже)*. Большой опасности! Боже мой! и мне этого не говорили!

Катерина *(тоже)*. Чтоб он не встретил измены...

Боб *(тоже)*. Легко сказать!

Катерина. Тут что-нибудь да есть... надо узнать... *(Увидя Боба.)* Ах! я об нем и забыла! Он, однако же, смешон! Ха-ха-ха! Он помешан... Уйти, а то привяжется! *(Уходит налево.)*

Боб *(зовет ее)*. Постойте!

Катерина останавливается.

Я вас прошу... и приказываю, как глава семейства!

Она быстро уходит.

Мне надо расспросить... Ей смешно! Она себе счастлива... А я, чем более думаю, тем больше нахожу элементов страдания!.. Уж не в уголовное ли дело они меня запутали?.. Я подвергаюсь опасности, если выйду... ну так я не выйду, будь я не Боб, не выйду... останусь у себя... Мне надо также скрывать имя?! *(С тоской.)* Да как же? ведь оно

не деньги... в карман не спрячешь... О, я бы отдал черт знает что, только бы узнать основной элемент этой кровавой истории...

Явление 16

Боб и слуга (у которого сверх платья надет крестьянский армяк).

Слуга *(с таинственным видом, который сохраняет в продолжение всей сцены)*. Господин Боб!

Боб. Я... *(Спохватившись.)* То есть, положим, что я... что тебе надо?..

Слуга. Мне велено вывести вас из затруднительного положения...

Боб. Ну, так я самый.

Слуга. Да полно, вы ли?.. Мне говорили: молодой.

Боб. Я, будь я не Боб, я!

Слуга. Ну так наденьте этот армяк...

Боб *(машинально позволяя надеть на себя армяк)*. Этот армяк...

Слуга. Нельзя терять ни минуты!

Боб. Ни минуты... ах да!

Слуга. Скорей, скорей!..

Боб. Я бы хотел знать...

Слуга. Тсс!..

Боб. А!

Слуга. Там всё идет хорошо...

Боб. Я очень рад... потому что здесь всё идет дурно...

Слуга. Тсс!

Боб. Что?

Слуга. Начинают подозревать, что вы здесь...

Боб. В самом деле?.. начинают уж... черт возьми!..

Слуга. Говорят, что вы именно совершили похищение...

Боб. Похищение?

Слуга. Торопитесь...

Боб вместо рукава попадает в карман.

Это карман...

Боб *(со страхом)*. Карман? ты говоришь — карман? говори, говори всё!..

Слуга. Вас ждет лошадь и ваш друг за городом на большой дороге.

Боб. На большой дороге! А нельзя ли будет мне заснуть? Я ужасно расслаб... позволь, мой друг...

Слуга *(идет)*. Мы поговорим дорогой... каждая потерянная минута увеличивает опасность... пойдемте, дело идет о вашем будущем!

Боб *(живо останавливая его)*. В самом деле!

Слуга. Я вам говорю... торопитесь... Вы сами на себя навлекаете гибель...

Боб. Каким образом? *(В сторону.)* Ай-ай!

Слуга. Скорее! я получил приказание только провести вас... как должно!

Боб *(скидывая армяк и бросая на слугу)*. Меня провести?.. о, ужас!.. А! теперь вспомнил... Как! ты говоришь, что меня ждут друзья на большой дороге с лошадью? Я знаю, какие друзья ждут на большой дороге... они хотят привязать меня к лошадиному хвосту... А! И ты думаешь, что тебе удастся поддеть меня?.. Нет, разбойник... не на того напал... я не господин Боб...

Слуга. Как!

Боб. Ну так просто... не Боб, да и только!

Слуга. Пойдемте же, сударь!

Боб *(с гневом)*. Оставь меня! Я, кажется, ясно доказал тебе, что я не тот, которого тебе велено схватить... Ступай, бездельник!

Слуга. Ну как угодно! *(Уходит.)*

Боб. Как он было меня поддел!

Явление 17

Боб, Сыромолотный и Кротов.

Сыромолотный. Я, ни с того, ни с другого, расскажу ему причину... *(Бобу.)* Любезнейший Боб!

Боб. Я не Боб! Убирайтесь! Оставьте меня в покое!

Сыромолотный *(остолбенев)*. А! Ба! ни с того, ни с другого.

Кротов. Узнайте всю правду, милостивый государь, и простите меня!

С ы р о м о л о т н ы й. А вот и портфель твой, который я отыскал... ни с того, ни с другого...

Б о б. Мой портфель!.. Он, это он!

К р о т о в. Возвращаю вам ваше имя... Меня по ошибке преследуют, и потому мне необходимо нужно было скрываться, и, благодаря вам, я теперь близок к спасению...

Б о б. Что? А! *(Перелистывая свой портфель.)* Всё тут... И мой билет... А! теперь уж нельзя отнимать моего имени... нельзя...

С ы р о м о л о т н ы й. Нет!

К р о т о в. Возвращаю вам его и благодарю. *(Идет.)*

Б о б. Постойте, постойте!.. я начинаю понимать... Вы говорите, что вас преследуют...

К р о т о в. По ошибке.

Б о б. Всё равно! И вы для того взяли мое имя... а? И вы думаете, что вам всё с рук сойдет? Вы во мне чуть не остановили кровообращение... Теперь моя очередь... я пойду... я вас упеку в уголовную!

С ы р о м о л о т н ы й. Боб!

К р о т о в *(удерживая его)*. Что вы делаете? Я теперь наконец надеюсь... уехать... вдруг вы хотите привести в отчаянье: меня, друзей, будущую жену мою...

Б о б. А вы разве блаженством опоили жену мою? Нет, вы меня допекли... теперь я вас... Похищение имени и звания... о, за это накажут! *(Идет.)*

К р о т о в. Постойте! Вы не уйдете! *(Про себя.)* У меня только несколько минут... Что делать?.. Софья... она ждет! Напугаю его!.. *(Вслух.)* Вы поплатитесь всем, что только вам дорого, если пойдете...

Б о б. Чем? женой, друзьями?

С ы р о м о л о т н ы й *(в страхе)*. И мной также?

Б о б. Что вы хотите делать?

К р о т о в. Я всех вас разобью на тысячу кусков!

С ы р о м о л о т н ы й. О!

К р о т о в *(дойдя до двери, оборачивается и кричит ужасным голосом)*. Вы погибли, если тронетесь с своего места... *(Уходит.)*

Явление 18

Те же, кроме Кротова.

Боб *(остановясь налево на втором плане)*. Гм!

Сыромолотный *(как бы прикованный к земле)*. Ох!

Боб. Что?

Сыромолотный. Ох!

Боб. Я этого не ожидал! Он смеет со мной ругаться... полемически разговаривать в моем же доме... Непостижимо дерзко! Вот какова благодарность за мое гостеприимство!.. делай после этого одолжения! Что вы на это скажете?

Сыромолотный. Ох!

Боб. Что вы?.. струсили?.. успокойтесь... Вы можете выходить... действуйте... Да что вы стоите, как соломенное чучело!

Сыромолотный *(вынимая табакерку)*. Однако ж я, ни с того, ни с другого, создан не чучелом...

Боб *(взяв его за руку и стараясь всячески расшевелить, кричит)*. Дядюшка!

Сыромолотный. Что ты кричишь так?.. Понюхать, что ли, хочешь?.. Так бы и сказал. *(Потчует.)* Смесь костромского с бобковым...

Боб. Не хочу... *(Особо.)* Вот бог дал роденьку!

Сыромолотный. Жаль, давеча... ни с того, ни с другого... просыпали...

Боб. До того ли теперь! У меня блеснула мысль!

Сыромолотный. Очень хорошо...

Боб *(садится, пишет)*. Я напишу городничему, а вы отнесете... слышите?

Сыромолотный. Хорошо.

Боб. Я напишу, чтоб схватили этого злодея... который всё у меня отнял и который грозит еще нас разбить...

Сыромолотный. Как он обещал, на сколько кусков?..

Боб. На тысячу!

Сыромолотный. А! Число безмерное!

Боб *(складывая и запечатывая письмо)*. Ступайте и возвращайтесь скорее!

Сыромолотный. На тысячу... ровно... лечу! лечу! *(Уходит.)*

Явление 19

Боб, потом Кротов.

Боб. Теперь я вздохнул свободнее... Его посадят в тюрьму! Ага! Коварный друг! ты думал уехать... нет! Ха-ха!

Кротов *(тихо входит из левой двери; задумавшись, про себя)*. Еще полчаса — и всё потеряно!

Боб. Вот он! Притворюсь спокойным, чтобы дать дяде время всё обделать! *(Прогуливается с спокойным видом.)*

Кротов. А я всё еще не знаю, что будет... Что, если я не дождусь помощи моего друга... если ему нельзя?.. Беда!.. Скоро будет уже всё поздно... Что мне делать?.. А! Он произведен... он чиновник... значит, может быть за меня порукою... счастливая мысль!

Боб *(прогуливаясь, напевает)*.

Хоть шиворот-навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот!

Кротов. Господин Боб!

Боб. К вашим услугам... что угодно?

Кротов. Вы, кажется, на меня сердитесь...

Боб. Я? О нет! Я напеваю свой любимый романс... значит, я не сержусь... И за что я буду сердиться на вас? Ступайте, делайте свое дело!

Кротов. О, я уж всё кончил! Мне хочется лучше поговорить с вами!

Боб. С удовольствием...

Кротов *(особо)*. Он, кажется, в хорошем расположении... *(Вслух.)* Знаете ли что, господин Боб?.. вы меня худо поняли; я совсем не злой человек.

Боб. Я никогда этого и не думал... Вы что-то веселы... то есть не то что шут, а так просто весельчак.

Кротов. Начнемте о деле...

Боб. Начинайте.

Кротов. Я думаю, что вы желаете моего отъезда с таким же нетерпением, как и я...

Боб *(живо)*. О! да, черт возьми! Да...

Кротов. Итак, любезнейший господин Боб, я уезжаю... *(Ходит за ним и наблюдает.)*

Боб *(особо)*. Ага! Ты хочешь, что называется, удрать? Надо продолжить хитрость до возвращения моего дяди. *(Вслух, с комическим участием.)* Как! вы хотите нас оставить?

Кротов. Но сперва надо исполнить одну форму... мне нужна подпись известного лица, чтоб выехать из города... кроме вас, никого я не знаю...

Боб. Что, что такое?

Кротов. Напишите мне поскорее пропуск; поручитесь за меня...

Боб *(особо)*. Пропуск! тут какая-то загадка!

Кротов. Я не желаю более пользоваться вашим великодушным гостеприимством.

Боб *(живо)*. Не желаете!.. но я вам опять его предлагаю, со всеми его приятностями... Останьтесь, друг мой... *(Особо.)* А дяди всё еще нет... Чудовище, нюхает в каком-нибудь углу табак!

Кротов. Напишите, пожалуйста! минуты дороги.

Боб *(идя к столу и взяв перо)*. Хорошо... хорошо... Ах да! Отчего же это мое поручительство так...

Кротов. Какое вам дело!

Боб. Однако позвольте...

Кротов. Оно мне необходимо...

Боб. А если бы я изъявил элемент несогласия... если б я вам отказал в нем? *(Располагается подписывать.)*

Кротов. Тогда я буду в опасности...

Боб *(бросив перо и подходя к нему скоро)*. Точно ли вы в этом уверены, любезнейший друг?

Кротов. Ничего нет справедливее.

Боб *(с радостью)*. Слава богу! *(Прогуливается торжественно, испуская радостные крики.)*

Кротов. Странный вы человек! Хотите, чтоб я скорее уехал, а сами между тем меня задерживаете и подвергаете опасности быть остановленным...

Боб *(прогуливаясь)*. Это-то меня и восхищает! Это-то и украшает жизнь мою в эту минуту, облагораживает мое существование... возвышает меня в собственных глазах!

Кротов. Как! Что ж вы хотите делать?

Б о б. Так, особенного ничего... хочу задержать вас... Я думаю, что тем еще не вполне отмщу вам за поругание моей личности...

Да кто ж бы вас не задержал
Там, где коснулось дело чести?
Когда бы вам я пропуск дал,
Я пропустил бы случай к мести...
Какой, посмотришь, молодец:
Жене он другом был от скуки,
А как попался наконец,
Так к мужу лезет на поруки...

К р о т о в *(подходя к нему, грозным тоном)*. Несчастный! Перестаньте шутить! Дело может принять другой оборот.

Б о б *(смеясь иронически)*. Другой оборот?.. Ах! Черт возьми... вы, верно, за себя постоите!

К р о т о в *(глядя на часы)*. Боже мой! Только несколько минут! *(С силою сажает его на стул.)* Ты мне напишешь пропуск.

Б о б *(взбесившись, бьет кулаком по столу)*. Я проглочу лучше перо, чернилы и чернилицу... вот что!

К р о т о в *(весьма громко)*. Всё равно... добровольно или силою будешь принужден!..

Б о б *(крича)*. Добровольно!.. Разучись я писать... отсохни рука по локоть — не напишу! *(Бьет по столу.)*

К р о т о в *(схватив его за голову и наклонив к столу)*. Так я заставлю силою!..

Б о б *(поднимая голову и крича)*. Нет! ни каракульки!

К р о т о в *(крича)*. Подписывай!.. *(Нагибает голову Боба к столу.)*

Б о б *(крича)*. Нет, нет, нет! Ай, мне больно!

К р о т о в *(тоже)*. Уступишь, я ведь не чухонец! *(Отпускает его.)*

Б о б *(так же и, взяв машинально чернилицу, ставит ее пред собою)*. И я также не мордовского происхождения... не уступлю!..

К р о т о в *(крича и наклоняя голову Боба на стол так, что нос его попадает в чернилицу)*. Подписывай... или я тебя изломаю... расшибу.

Б о б *(в такой же позиции)*. Вы употребляете во зло вашу силу... это недобросовестно... заставлять писать

силою... Таких вещей и в литературном мире не случается! Ну нет же... нет, не подпишу...

Кротов *(всё держит и кричит)*. Так ты хочешь, чтоб я убил тебя!

Боб. Именно... я этого требую... Пролейте благородную кровь Боба... убейте меня... и вас схватят... *(Подымает голову.)* Только нельзя ли не совсем до смерти, чтоб я мог видеть, как буду отмщен!

Кротов *(оставляя его)*. Что мне делать? Как! Вы вздумали меня останавливать!

Боб *(вставая, нос его в чернилах)*. Да!.. Ну, теперь я отдохну. *(Вытирает нос.)* Сами струсили. А! теперь вы в западне. Я предуведомил начальство чрез моего дядю... и жду приличного награждения... Вас схватят!

Кротов.

О, ужас! он послал известье...
Она всё ждет, она грустит...
Но мне не быть в ее поместье...
Меня в тюрьму он поместит..,

Боб.

Мы очень ясно написали...
Сейчас придут вас захватить;
Вы, верно, этого не ждали,
Так честь имею известить!

Явление 20

Боб, Сыромолотный, Кротов, потом Катерина.

Сыромолотный *(входя из глубины)*. Где пожар?.. А?.. давно ли горит?..

Боб *(с радостью, идя к нему)*. Дядя! Вот он! Браво!

Кротов. Боже!

Боб *(живо)*. Ну что? Отдали ли его?

Сыромолотный. Кого?

Боб *(так же)*. А, боже мой! да говорите скорей...

Сыромолотный. Да что?.. я сам не знаю! ни с того, ни с другого... Я пропащий человек...

Боб. Что? разве какое несчастье?

Сыромолотный. Я совсем потерялся... Теперь вы можете считать, что у вас нет дяди... О!

Боб. Да говорите... разве встретилось препятствие?

Сыромолотный. Я затерял мою табакерку... не видали ли вы?

Боб *(особо)*. Ах, табачная бочка! *(Ему.)* Ну а письмо?

Сыромолотный. Да ведь надо же, я думаю, сперва табакерку найти, а...

Боб *(ослабев)*. Ах! Так вы не выходили?

Сыромолотный. Разумеется!

Кротов. О, счастье!

Боб. Ах!

Сыромолотный. Что с вами?

Боб *(взбесясь и крича)*. Отдайте мне письмо!

Сыромолотный. У меня его нет!

Боб *(Кротову)*. Как!

Сыромолотный. Я отдал его Катерине... и она понесла...

Боб *(торжествуя)*. А!

Кротов *(убитый)*. Нет!.. видно, мне не выпутаться!..

Катерина *(быстро входя из глубины)*. Что здесь за шум?

Все трое. Катерина!!!

Каждый делает по шагу к ней.

Боб *(быстро и с любопытством)*. Ну что?

Сыромолотный *(так же)*. Отвечай!..

Кротов. Да, да...

Катерина. Что?

Боб. Вы отослали?

Сыромолотный. Что он сказал?

Кротов. Говорите!

Катерина. Кто?

Боб. Городничий!

Катерина. Да я еще не отсылала...

Боб *(как бы прикованный к земле)*. Черепаха!

Кротов *(с радостью)*. Я отдыхаю!

Сыромолотный. Отчего, почему?

Катерина. Потому что письмо этого господина внушило мне подозрение...

Боб *(особо)*. Как она назвала меня?

Катерина. И я отдала его Анне Петровне!

В с е. Боже!

К а т е р и н а. Она читала его вместе с своей подругой. Надо было видеть, как наша Анна Петровна заскакала!

Б о б *(живо)*. Ба!

К а т е р и н а *(тихо Кротову)*. Зиновия Андреевна велела вас просить к себе... она имеет надежду.

К р о т о в. Небо услышало ее молитвы! *(Уходит.)*

Б о б. Жена моя скакала! Для чего ж она в мое отсутствие упражнялась подобною гимнастикою?

К а т е р и н а. Я этого не знаю.

С ы р о м о л о т н ы й. Может, ни с того, ни с другого, она нашла мою табакерку?

Б о б. Скакала... зачем? почему?

Вот уж какой каприз нашел...
Скакать изволила... и только...
И вот каков прекрасный пол,
Теперь постичь его изволь-ка!
Что он? Забывчив или зол?
Прощаясь с мужем, он так плачет,
А мужа нет, так этот пол
Под потолок в восторге скачет.

К а т е р и н а. Она сказала, чтобы вы ее ждали здесь... Что вы теперь спасены... и что вам теперь всё объяснится. *(Уходит.)*

Б о б. Объяснится? Пора бы уж, кажется... А этот злодей всё еще дышит свежим воздухом... Всё дядюшка, дядюшка... не будь его, этот проклятый анти-Боб получил бы теперь приличное награждение... Черт угораздил дядюшку потерять табакерку!

Не стоит он гнилого пня
С своим табачным корнем вместе!

С ы р о м о л о т н ы й *(который вдали, наклонясь, ищет своей табакерки)*.

Ого! как кажется, меня
Мой зять честит — не много чести!

Б о б.

Он без пути смешон и прост...

Сыромолотный.

Вот что? Ну, этого не знал я!

Боб.

И просто глуп во весь он рост.

Сыромолотный.

Спасибо, что хоть ростом мал я!

Боб. О, он способен на всякую глупость! Этот человек развратился при посредстве табачного элемента... или нет, воля ваша, это не человек, это просто размалеванный мешок табаку... *(Слышит кашель Сыромолотного и оглядывается.)* Дядюшка! Вы здесь!

Сыромолотный *(подходя)*. Ты, ни с того, ни с другого, должно быть, выпил?

Боб. Выпил? Да, я выпил чашу бедствий... я осушил ее до дна по вашей милости...

Сыромолотный. Но позволь тебе сказать, что, ни с того, ни с другого...

Боб. Нечего, нечего... Вы хотите сказать, что вы дали мне приданое... навязали ветряную мельницу... Знаю, знаю... спасибо... Теперь не до того... Я еще не теряю надежды отмстить грабителю моего семейного счастья, оскорбителю моего личного дворянства...

Сыромолотный. А я — найти мою табакерку!

Боб.

Всё надежду я имею...
Всемогущая судьба!
Как отмстить ему, злодею,—
Научи меня, Боба!
Буду с радостью могучей,
Позабуду всю беду,
Если мстить удобный случай — *Вместе*
Похитителю найду!

Сыромолотный.

Всё надежду я имею...
Всемогущая судьба!
Как мне быть с бедой моею —

Научи меня, раба!
Буду с радостью могучей,
Позабуду всю беду,
Если... о, счастливый случай!
Табакерку вдруг найду!

} *Вместе*

Явление 21 и последнее

Те же; г-жа Боб, Сибирякова (выходят из глубины и разговаривают).

Сибирякова. Благодарю, благодарю, милая Анета!

Г-жа Боб. Благодари судьбу и моего мужа.

Боб *(увидя жену)*. Моя жена! моя золотая рыбка! *(Хочет кинуться к ней, но вдруг останавливается; про себя.)* Нет, черт возьми! *(Строго.)* Госпожа Боб! Прошу вас объяснить мне основной элемент вашего чертовски неприятного для меня поведения!

Г-жа Боб. Ах, мой друг! Всему виной было несчастное положение этого молодого человека; но теперь, когда он уехал...

Боб. Уехал!

Г-жа Боб. Да; опасность, к счастию, сама собой миновала: тот, за кого его принимали, нашелся...

Боб. А, он пропал! Он нашелся! Он уехал! И вы, вы отпустили его, сударыня!

Сибирякова. Извините нас, сударь.

Г-жа Боб *(нежно; подходя к нему)*. Да, извини, мой друг. Когда-нибудь на досуге я тебе всё расскажу...

Боб *(быстро затыкая ухо)*. Только, пожалуйста, не на ухо!

Г-жа Боб. И ты, верно, не будешь меня осуждать. А теперь я пришла сообщить тебе приятную новость...

Боб и Сыромолотный. Новость? Приятную?

Г-жа Боб. Поздравляю тебя: ты получил место в нашем уезде.

Боб *(с радостью и изумлением)*. Место... ты говоришь, место... штатное, хорошее место, теплое... с дровами, квартирой, освещением...

Г-жа Боб. Да, вот уведомление.

Боб *(взглянув)*. Я получил место... и не знал... всё равно... Жена! ты первая была вестницей моего благопо-

лучия... всё прощаю! Хоть бы ты вдвое накутила — прощаю; втрое, вчетверо — прощаю!

Сыромолотный. Ну! ты опять, ни с того, ни с другого, пришел в восхищение!

Боб. Дядя-табачник, ты меня бесишь этим словом! молчи!

Финал

В заключение два слова
Я желал бы вам сказать...

Сыромолотный *(так же)*.

Ни с того и ни с другого,
Я и сам хочу начать!

Боб.

Автор знать желает снова,
Какова его судьба?

Сыромолотный.

Ни с того и ни с другого,
Он состряпал вам Боба.

Боб.

У него еще готово,
Будьте лишь добры к нему...

Сыромолотный.

Ни с того и ни с другого,
Лишь похлопайте ему.

Боб.

Хоть для вас ничто не ново,
Но вы ласковы подчас...

Сыромолотный *(бьет по табакерке)*.

Ни с того и ни с другого,
Приласкайте уж и нас!..

АКТЕР

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кочергин, саратовский помещик.
Лидия, дочь его.
Сухожилов, чиновник, жених Лидии.
Стружкин, актер.
Слуга.

Действие происходит в С.-Петербурге.

Театр представляет комнату в квартире Кочергина. Три двери: направо в биллиардную, налево в комнату Лидии; на средине выходная.

Явление 1

Сухожилов и Кочергин, с кием выходит из биллиардной.

Кочергин. Ха! ха! ха! Как я вас славно обыграл! Удивительная партия... И как мне задалось — что удар, то либо в среднюю блузу, либо дублет в угольную... Я надеюсь, вы не сердитесь, что я вам задал сухую партию... что не дал ни одного очка сделать?..

Сухожилов. О, помилуйте, за что сердиться... на то игра; нельзя обоим вдруг выиграть.

Кочергин. Истинная правда... вот я уж тридцать лет играю на биллиарде, а никогда не замечал, чтоб вдруг оба выиграли... Так уж странно как-то сочинены игры... Так вы не сердитесь за сухую партию?

Сухожилов. Нет; мне остается только удивляться вашему искусству.

Кочергин. Да, от этой сухой партии у меня и теперь лоб мокрый... Вот посмотрели бы вы меня в прежние годы, как я играл на биллиарде!

Когда мне было двадцать лет —
Играл тогда я бойко, славно!
Со мной, бывало, сладу нет:
Всех обыграю преисправно!
Хоть на три тысячи изволь —
Вовек не праздновал я трусу:
Я славно делал карамболь
И попадал отлично в блузу!

Теперь совсем не то... меня узнать нельзя... я стал и стар, и слеп, и слаб.

Явление 2

Те же и Лидия.

Лидия. Ах! Валерьян Андреич!

Сухожилов. Лидия Степановна! Здравствуйте! Кажется, целый век не видал... позвольте поцеловать вашу ручку!

Лидия. Здоровы ли вы?

Сухожилов. Здоров; но сердце у меня страдает... матушка, кажется, на целый век замедлила нашу свадьбу... однако ж наконец...

Кочергин. Ну что наконец?

Сухожилов. Она уж едет... вот письмо прислала... что это за добродетельная женщина! Вы ее узнаете и с ней не расстанетесь... Она наперед дала свое согласие на брак мой с вашей дочерью... как она на меня надеется... как любит меня! Послушайте, вот конец ее письма; волосы дыбом поднимаются! *(Вынимает письмо и читает.)* «Прощай, бесценный Валеренька,— бесценный! — Я скоро буду... прощай, сердце мое; береги свое здоровье, одевайся потеплей и будь добродетелен!» Будь добродетелен!.. Такое выражение может изобресть только материнская нежность.

Кочергин. Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет... Так, значит, во ожидании всерадостного приезда, чтоб незаметнее время прошло — мы теперь и сыграем еще партийку...

Сухожилов. Некогда... я заехал только повидаться с Лидией Степановной. Вы и то меня задержали...

Кочергин. Эх! А я было только кий подпилил... так бы и срезал желтого в среднюю... Ведь вы берете у меня дочь, последнее мое утешение... можно бы, кажется, за это партию-другую сыграть... мне ведь будет скучно...

Сухожилов. Скучно, позвольте! Вы говорите, что вам будет скучно? Мы найдем вам развлечение... Ах, позвольте... у меня есть чудесный знакомый, который, верно, умеет играть на биллиарде...

Кочергин. Ну... так что же?

Сухожилов. Я приведу к вам славного малого... он насмешит вас и обыграет...

Кочергин. Обыграет? А кто он такой?

Сухожилов. Актер.

Кочергин. Ха-ха-ха! Актер. Слышишь, Лидия, к нам хотят привести актера...

Сухожилов. Лихая голова!.. только успевай смеяться: врет, как трещотка!

Кочергин. Всё это хорошо, но... *(Берет его за руку.)* Хотите, вперед дам двадцать очков?

Сухожилов. Прощайте, иду за Стружкиным... сейчас же приведу... Он говорил, что куда-то отозван; ну да не велик барин, в другой раз туда сходит.

Кочергин. Я очень рад буду!.. Люблю посмеяться... ха-ха! и поиграть на биллиарде! Актер... помнишь, Лидия, когда мы жили в Саратове и зазвали какого-то заезжего штукаря... такие коленцы выкидывал, что чудо!.. А это столичный: должно быть, еще лучше... ха-ха!

Сухожилов. Прощайте же. *(Подает ему руку.)*

Кочергин. Ах, киек-то хорош! Двадцать пять вперед дам, сыграем; и выставку дам!

Сухожилов. Прощайте, Лидия Степановна... мы скоро увидимся.

Кочергин *(вслед уходящему Сухожилову)*. Валерьян Андреич! Двадцать пять — и все ваши промахи не в счет! Время терпит: сыграем.

Сухожилов уходит.

Явление 3

Те же, кроме Сухожилова.

Кочергин. Экой торопыга! А мочи нет, хочется кий попробовать... Ну да бог с ним, зато он приведет нам Стружкина... Посмешит нас!

Лидия. Отчего вы думаете, папенька, что он должен быть непременно смешон?

Кочергин. Ха-ха-ха! Ведь это его занятие.

Лидия. В театре, а не в гостях.

Кочергин. Всё равно... Еще бы он стал серьезные рожи корчить... Да тогда бы его никто в дом-то не пустил... Ну, об нем после, а теперь скажи-ка мне откровенно, довольна ли ты женихом, которого я тебе приискал?

Лидия. Очень довольна; лучше этой партии я не желала.

Кочергин. Постой, постой... Вишь, ты очень тороплива. Пятьдесят девять еще не партия! Вот как вас обвенчают, да на другой день поздравят с добрым утром, вот тогда ты партию-то с ним с удару кончишь. Жаль, умерла моя покойница; она бы научила тебя, как жить с мужем. Я не могу дать тебе наставлений; а пожалуй, расскажу, как со мной жила моя жена; может быть, тебе понравится и ты последуешь ее примеру:

Два месяца мы жили очень мирно,
На третий вдруг вздурилася жена,
Вскочивши, я скомандовал ей «*смирно*!»,
Тарелкой в лоб пустила мне она.
И с той поры не становилась тише;
Всё на меня сердилась ночь и день
И уж к себе не подпускала ближе,
Как на одну печатную сажень.
Мне это страх как было нездорово,
День ото дня ставало тяжелей —
И наконец, чтоб сблизиться с ней снова,
Был принужден я покориться ей.
Так шли дела; в два месяца, не дальше,
Покорным быть я ей во всем привык...
Она себе жить стала генеральшей,
А я у ней был точно как денщик!

Явление 4

Те же, Сухожилов и Стружкин.

Кочергин. А! а! Шум! Видно, приехали... ну, слава богу... теперь мы не умрем со скуки...

Сухожилов. Вот, рекомендую вам моего приятеля, Ореста Петровича Стружкина.

Кочергин. Очень приятно... очень приятно...

Стружкин. Валерьян сказал мне, что вы хотели со мной познакомиться: благодарю вас за честь.

Кочергин. И я благодарю, чудесно! *(В сторону.)* Сейчас видно сокола по полету!

Сухожилов *(Стружкину)*. А вот рекомендую тебе мою невесту... Лидия Степановна...

Стружкин. Очень рад, сударыня, за моего приятеля: бог наделяет его прекрасной женой.

Лидия. Вы мне льстите...

Стружкин. А скоро будет свадьба?

Кочергин. А вам на что? Ха-ха-ха! Сострить?

Сухожилов. Да вот как скоро приедет матушка; ты знаешь, что она скоро обещала быть... однако я иду... надо оканчивать дела.

Лидия. Пойдемте, я покажу вам мою работу...

Сухожилов и Лидия уходят.

Явление 5

Стружкин и Кочергин.

Стружкин. Вы, я думаю, с нетерпением ожидаете матушки Сухожилова, чтоб кончить дело. Хорошая она женщина?

Кочергин. А кто ее знает. Я ее сроду не видал... должно быть, хорошая. Ну да что о таких пустяках толковать; лучше бы что-нибудь повеселее...

Стружкин. А, вы любитель веселого... веселое нынче в свете очень редко; всё избилось, истаскалось; что было прежде гениально— теперь только что сносно; что было забавно — теперь никуда не годится... легче достать птичьего молока, чем настоящего, неподдельного веселья, если его нет в самом характере человека...

Кочергин. Ха-ха-ха! Как вы сказали, почтеннейший?.. Птичьего молока! Славно, ха-ха!

Стружкин. Что вы говорите?

Кочергин. Чем вы занимаетесь теперь; то есть что поделываете?

Стружкин. Мои занятия, я думаю, вам известны... поутру роли, потом репетиции, потом спектакль, а потом опять роли, и опять репетиции, и опять спектакль...

Кочергин *(в сторону)*. Ха-ха-ха! Вот уж начал, начал; так у него и выливается!..

Стружкин *(в сторону)*. Что он всё смеется и смотрит на меня как на зверя!

Кочергин. Как это вы попали, любезнейший, в такую должность?

Стружкин. Любовь к театру заставила меня посвятить себя благородному званию артиста.

Кочергин. Ха-ха-ха! Да с вами не умрешь со скуки. Ха-ха!

Стружкин. Что такое?

Кочергин. Ну, любезнейший, благородному званию...

Стружкин. Я горячо полюбил театр и стал ревностно изучать образцы.

Кочергин *(смеется)*. Оно так и надо, конечно, всякий молодец на свой образец!

Стружкин *(особо)*. Он не перестает смеяться; что б это значило... уж нет ли тут чего?

Кочергин. И надо признаться, что вы собаку съели в своем ремесле!

Стружкин. Искусстве, а не ремесле!

Кочергин. Ха-ха! Всё равно... искусстве... славно, славно... Как вы вошли, я чуть-чуть не фыркнул...

Стружкин *(вскакивая)*. Что такое?

Кочергин. Ха-ха-ха! Какую вы серьезную рожу скорчили... браво! ха-ха!

Стружкин. Что... чуть не фыркнул?.. Так я вас насмешил?..

Кочергин. Да как же, любезнейший; вы и теперь смешите, ха-ха-ха! Да полноте притворяться! Право, другой подумает, что вы в самом деле рассердились!

Стружкин. Вы ошибаетесь... я вовсе не думал вас смешить... я не шут, государь мой, артист... это такая

разница, как небо и земля!.. Шутом может быть всякий дурак... а артистом только человек с дарованием...

Кочергин. Ха-ха-ха! Ну недаром же мне Валерьян Андреич сказал, что вы меня распотешите... ха-ха!

Стружкин. Как? Так это вам сказал Валерьян Андреич? Он для того меня познакомил?

Кочергин. Ха-ха-ха!

Стружкин. Сделайте одолжение, перестаньте смеяться!

Кочергин. Нечего сказать; я этого не ожидал... Вы мастер своего дела... благодарю, благодарю... навещайте нас, пожалуйста, почаще... люблю посмеяться! ха-ха!

Стружкин. Теперь я всё понимаю! Так вы меня затем пригласили, чтоб я смешил, потешал вас... И это сделал человек, которого я считал другом! Вы приняли меня за уличного паяццо, за фарсера?

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства,—
За то тебя именем шута клеймят!
Талант твой считают за ложь и обманы;
Понять его — выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни; для них шарлатаны
И Гаррик, и Кин, и Лекень, и Тальма!

Кочергин. Очень хорошо!.. Удивительно! Вот у нас каждый день шарманщик останавливается... собачки у него пляшут в фартуках... и сам, каналья, танцует... да нет! Всё не то! Я еще никогда так не смеялся, как сегодня... Как на вас взгляну... ха-ха-ха-ха!

Стружкин. Нет, это выше сил! Говорят вам, я не затем явился сюда. Этот Валерьян, этот повеса, солгал вам. Я же его проучу... я покажу ему, что значит актер... я отплачу ему за его похвальную рекомендацию... *(Уходя.)* Мое почтение.

Явление 6

Кочергин. Куда же вы... вот бы мы партийку сыграли... Ну молодец!.. Да что он, вправду, что ли, рассердился? Ха! ха! ха! Как бы то ни было, а потешил... жаль,

если он не придет опять... у него и голос две капли воды на шарманку походит. А если еще он может усовершенствоваться, так надо ожидать, что под потолок будет подскакивать... только странно, за что он рассердился? Не находит ли на него дурь? Спрошу ужо у Валерьяна Андреича... а теперь... эх, скучно стало! Так славно удалось кий подпилить, можно бы с удару партию кончить...

Явление 7

Кочергин и госпожа Сухожилова.

Сухожилова. Эко неопрятство какое, господи боже мой: в прихожей ни одного холопа нет... Чай, все по заведениям разбежались...

Кочергин. А? Откуда вы! Вам кого-нибудь угодно?

Сухожилова. Вестимо, недаром пришла... ах!.. дай бог память, фамилия этак... не помело либо на ухват похожа...

Кочергин. Что такое?

Сухожилова. Да, да, вспомнила... кочерга... Где мне найти господина Кочергина?

Кочергин. Ха-ха! Да чего спрашиваете, ведь я-то и есть Кочергин; а вы-то уж не Аксинья ли Дмитриевна Сухожилова?

Сухожилова. Статочное дело, сударик...

Кочергин. Ах, так вы-то и есть... ха-ха! Здравствуйте, матушка Аксинья Дмитриевна... уж как мы вас ждали-то... позвольте поздороваться. *(Целует ее руку.)*

Сухожилова. Ждали... что же мне сломя голову скакать прикажете... растрясти стариковские кости... Я же, отец мой, люблю экономию, не по-вашему... велела в домашнюю колымагу запречь в корень пеганку, а сивку на пристяжку,— да и в Питер; вот оттого и долго... Что это у тебя за палка в руке? Дворню, что ли, муштруешь?.. неловко, неловко... вот у меня плетка сделана... так уж больно сподручно.

Кочергин. Нет, это кий, матушка, для играния на биллиарде...

Сухожилова. В первый раз слышу... однако некогда толковать о белендрясах; ты мне лучше скажи, как вы тут сынишку-то моего просватали?..

Кочергин. Всё после узнаете, матушка Аксинья Дмитриевна; а теперь не угодно ли сперва закусить да отдохнуть с дороги.

Сухожилова. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщик какой. Уж не умыслы ли какие?.. Нет, не дамся в обман... проучили меня, батюшка, уж довольно!.. Чтоб я стала закусывать... когда мое детище обманывают; нет, закуской меня не купишь... кусок в горло не пойдет.

Кочергин *(в сторону)*. Ну, с ней, кажется, придется язык закусить! *(Ей.)* Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сухожилова. Нечего, батюшка, подлащиваться-то... нечего бобы разводить... говори, что ты даешь за своей дочкой-то?.. коли хорошо — ладно; а нет — так ведь у меня недолго... и простимся как раз...

Кочергин *(в сторону)*. Эге! какая задорная!

Сухожилова. Давай же расписание-то.

Кочергин. Еще не готово, а что поважнее, то я так скажу, если вам хочется.

Сухожилова. Ну, говори; да не криви душой: узнаю всю подноготную... от венца оторву, если надуешь...

Кочергин. Помилуйте... во-первых, я даю за дочерью двадцать пять душ, не заложенных, мужеска пола, в Саратовской губернии...

Сухожилова. Что? Двадцать пять душ! Только! Ах ты, голь саратовская... чтоб я позволила моему сыну... нет, голубчик! он у меня один, как порох в глазе... вишь, вы его околдовали тут! Опоздай я — вы бы погубили... Двадцать пять душ моему сыну... да есть ли в тебе душа-то!

Кочергин. Позвольте, позвольте, сударыня; вы прежде выслушайте всё...

Сухожилова. Да что слушать... уж видно, обмануть хотели... ну, говори, что еще?

Кочергин. Сорок три души в Олонецкой губернии...

Сухожилова. А! ну, нешто!

Кочергин. По силе духовной, немедленно после переселения моего в жизнь вечную...

Сухожилова. Что? После переселения... прошу прислушать... этак он морочит меня, вдову беспомочную. Да господь знает, когда ты с душенькой своей расстанешься... может, и нивесь сколько проживешь... Хитер! больно хитер!.. Вишь ты, какой бочонок, разве что па-

раличом хватит, а то... Ну, нашел мой сынишка сокровище!.. Да нет; не видать тебе моего сына; сейчас же выкинь дурь из головы и скажи своей дочке... не бывать ей за моим сыном...

Явление 8

Те же и Лидия.

Лидия *(заглядывая в дверь)*. Что здесь за шум?

Кочергин. Что вы кричите... Уймитесь! сорок пять и никого!

Сухожилова. Не уймусь... буду кричать... А! это что за неженка... не она-то ли и невеста... хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, белоручка, поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь вздор-то из головы, не бывать тебе за Виктошенькой... ищи другого.

Лидия. Что такое?

Кочергин. Чем же вам моя дочь не нравится...

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
В ней добрая душа.
С такой красоткой ангельской
Женитьба — просто честь!

Сухожилова.

У нас, сударь, в Архангельской
Почище этой есть.

Вишь, расхвастался своим добром... разбойник... с ума спятил... да еще тараторит... Знайте же, что сыну моему не бывать мужем вашей дочки; не быть, не быть и не быть! Не будь я — не быть! Не видать вам его, как ушей своих, обманщики! *(Уходит.)*

Явление 9

Кочергин и Лидия.

Кочергин. Правду говорят: не узнаешь, где найдешь, где потеряешь. И меня привел господь на своем веку настоящего черта увидеть, а я уж думал, что хуже моей покойницы и быть не может, куда! Она и в подметки этой не годится! Уж покричи она еще... я бы просто кием такой карамболь сочинил!.. Да жаль кия-то... об этакую колдунью и железный лом переломишь... Нет, слуга покорный породниться с таким дьяволом! И так на душе грехов много, а тогда уж прямо в ад ступай... а она и дорогу покажет!

Лидия. Помилуйте, не сердитесь, папенька... может быть, вы ее сами рассердили...

Кочергин. Вот те на... двадцать один и никого!.. Я рассердил! Ну на что черта сердить... в нем и так злости-то в сороковую бочку не вольешь. Хорош Валерьян Андреич! И ничего мне не сказал!

Лидия. Простите его, папенька!

Кочергин. Ну полно, нечего тут хныкать... простите! Ступай в свою комнату да выкинь дурь из головы... Свадьбе не бывать, эта партия кончилась промахом! А эта старая чертовка пусть навек отправится к черту или навсегда в Архангельскую губернию!

Лидия уходит.

Явление 10

Кочергин и татарин, с тюком товаров.

Татарин *(заглядывая в дверь)*. Халаты, шали, платки бухарские, материя отличная, хорошей доброты, знатной, самой лучшей доброты; не угодно ли купить, барын? Товар хорош... купы, купы!

Кочергин. Ба! Это что за физиономия! Ах, татарин! Зачем черт принес... правду пословица говорит: не в пору гость хуже татарина, а уж татарин не вовремя должен быть хуже самого черта!

Татарин. Что, судыр?.. Напрасно обижаете — тата-

рин такой же человек... честный человек... бывает и русский человек, а поступает по-татарски...

Кочергин. Как ты сюда попал? Кто тебя звал, любезный?..

Татарин. Сам прышол, барын; сам прышол; должность наша такая... кому звать...

Во все дома вхожу свободно,
С вопросом: что купыть угодно?
Я всё сейчас продать готов:
Халатов много и платков,
Матерья есть хорош бухарска!
Натура уж такой татарска:
Ужасно хочется продать
Да за товар побольше взять!

Кочергин. Вишь какой! ха-ха-ха! Побольше взять! Даром что татарин, а у тебя губа-то не дура: любишь денежки!

Татарин. Колы не любит, судыр, деньги вещь хорошая... Нам и Аллах деньга любить не запрещает... всё хорошее любыть можно... мы такие же люди, судар...

Не понапрасну век мы губим,
Мы любим всё, чем жизнь красна;
Не меньше русских деньги любим
И даже... любим пить вина.
Мы любим всё, что в жизни блага,
Красивых жен, честных людей,
Лишь по писанию Аллаха
Не любим мы одних свиней!

Кочергин. Вот что! Ну а что ты больше-то всего любишь?

Татарин. Ну а что вы больше всего любите? Что весь свет больше всего любит?..

Кочергин. Разумеется, у всякого свой вкус...

Татарин. Ан, нет, судыр... я вам лучше скажу... весь свет вместе и кажда человек поодиначке больше всего любыт деньга...

Кочергин. Ха-ха-ха! Так и ты, значит, больше всего любишь деньги?

Татарин. Вестымо, судыр. Кто деньга любыт, тот, значит, всё хорошее любыт, потому что на деньга можно достать что есть наилучшего в свете, судыр.

Кочергин. Вот что! Умно рассудил, даром что татарин.

Татарин. Не занимать стать у вас ума, судыр... Эх! кабы у меня деньга были... не ходыл бы я с утра до темной зоры, не нудил бы себя... а то вот теперь и возишься с товаром, бегаешь как угорелый с утра до ночи, чужие дела обделываешь... ох, деньга, деньга! Ходишь по улицам да думаешь, как бы рублик или полтину зашибить, судыр, право, вот те Аллах, право!

Родом я не знатный барин;
Всё, что есть, с собой ношу...
Просто, судыр, я татарин,
Господам большим служу...
Знают все меня в столице;
Я хожу во все дома;
Дамы, судыр, и девицы
От меня все без ума.
Все товар мой выхваляют,
Смотрят шали и платки,
Не торгуясь покупают —
А мне это и с руки!
Малый, судыр, я не промах,
Знаем, где стоять, где сесть,
Как вести себя в хоромах,
Как в прихожей дружбу свесть;
Мы товар других не хуже
Продавать научены:
Для жены — тайком от мужа,
Мужу — тайно от жены;
Про невест наводим справки,
Как стакнемся с женихом,
От булавки до булавки
Всё приданое сочтем.
Если в барыню влюбиться
Вздумал судыр до ушей,
Да не знает, как открыться,—
Мы найдем дорогу к ней.
Всё откроем на отчистку
И подарок ей вручим,

При подарке и записку,
Судыр, ей передадим!
Перед нами всяк спасует —
И купец, и господин;
А татарина надует
Разве, судыр, жид один!

Купы же, барын... вот халат хорош на турецкой подкладка...

К о ч е р г и н. Ну, развертывай дальше, что у тебя еще есть.

Т а т а р и н. Посмотрите халат... право, останетесь довольны; будете носить да вспоминать. *(Развертывает халат.)*

К о ч е р г и н. Хорошо, хорошо; да халата мне не надо... недавно купил... показывай, что еще...

Т а т а р и н *(развертывая вещи)*. Вот шали персидские... настоящие... отличной доброты...

К о ч е р г и н. Вижу, вижу.

Т а т а р и н. Которую угодно... любую возьмите... *(Откидывает одну шаль в сторону.)*

К о ч е р г и н. А это что?

Т а т а р и н. Шаль богатая, в три тысячи...

К о ч е р г и н. Что ж ты прячешь... показывай, я посмотрю... может быть, куплю...

Т а т а р и н. Нельзя, судар, уж продана... я несу ее одному молодому барыну... Валерьяну Андреичу...

К о ч е р г и н. Какому Валерьяну Андреичу?

Т а т а р и н. Господину Сухожилову.

К о ч е р г и н. Вот что! А на что ему?

Т а т а р и н. Невесте подарыть... невесте...

К о ч е р г и н. А... понимаю... шаль хорошая.

Т а т а р и н. Я ему невесту сватаю... хорошая барышня... такая красывая...

К о ч е р г и н. Ты ему невесту сватаешь... что ты говоришь?

Т а т а р и н. Да, барын, невесту.

К о ч е р г и н. Да у него уж есть невеста! Сорок пять и никого!

Т а т а р и н. И полна, судыр, какая невеста... бедная... шутит он... ему надо богатая невеста.

К о ч е р г и н. Вот что!.. Ты правду говоришь?

Татарин. Да колы ж не правду, барын... он сам просыл меня.

Кочергин. А давно ли это было?

Татарин. Да вот на днях...

Кочергин. Ай-ай-ай! Вот штука!

Татарин. Я вот и нашел ему невесту... уж такая красавица, да богатая... а это он так, шутыл, где-то посватался.

Кочергин. Шутил!

Татарин. Ему нельзя без меня жениться...

Кочергин. Почему?

Татарин. Вот видишь, барын, он мне много должен, да и моим товарыщам...

Кочергин. Много должен? За что?

Татарин. Вестимо за что, барын... дело молодое... той платочек подарыть надо, той шаль, там материя на платье... красавицы любят подарки...

Кочергин *(в сторону)*. Так вот каков мой будущий зятек! Красавицы! Ай-ай-ай!

Татарин. Оно незаметно, да вот мне одному задолжал тысяч шесть.

Кочергин. Шесть тысяч!..

Татарин. Да другим нашым тысяч пяток будет.

Кочергин. Шесть да пять — одиннадцать тысяч! Уф! Двадцать один и никого!

Татарин. Так вот, барын, чтоб честно разделаться, я и ищу ему богатую невесту... Как он женится, вот первому мне и заплатит... Да что вы, судар, больно страшно на меня смотрите?

Кочергин. Нет! Я не могу более терпеть! Иди, любезный; спасибо тебе... заходи в другое время, я у тебя куплю что-нибудь, теперь некогда... а! Черт возьми! Меня так обманывать!.. Так он сам просил?

Татарин. Да, когда же не сам... вот сегодня понесу к нему шаль... Он подарыт, и сговоры будут... кабы поскорее!.. больно деньги нужны... только и молимся, чтоб женить его... до суда доводить дело не хочется...

Кочергин. Ну, ступай с богом... У него есть другая невеста!

Татарин уходит; за дверью слышен его голос: «Халаты разны, разны материи бухарски, платки, шали!»

Явление 11

Кочергин, Лидия, потом Сухожилов.

Кочергин. Что я узнал!..

Лидия *(входя)*. Папенька, я дошила свою подушку!

Кочергин. Подушку... напрасно торопишься с подушкой; я уж сказал, что тебе не быть за этим плутом Сухожиловым...

Лидия. Вот вы опять рассердились... В чем он провинился, папенька?

Кочергин. Он негодяй!

Сухожилов *(входит)*. Ну вот, слава богу, я отделался... теперь я могу побыть с вами, с моей милой Лидией... *(Подходит к ней.)*

Кочергин. Прочь! я не позволяю...

Сухожилов. Что такое? Почему?

Кочергин. Не позволяю, да и только. Чтобы нога ваша не была в моем доме... слышите?

Сухожилов. Что это значит? Помилуйте...

Кочергин. Ступайте вон, и больше ничего... Ищите себе татарскую невесту в другом месте! Сорок пять и никого!

Сухожилов. Степан Глебыч?

Лидия. Батюшка?

Кочергин. Что, Валерьян Андреич? Что, матушка? Вишь, какую рожу скорчил... А ты что смотришь, точно голодная синица... ступай в свою комнату...

Сухожилов. Да объяснитесь...

Кочергин. Ничего... вон, вон! Или я призову людей, призову полицию! Вас вытолкают...

Сухожилов. Боже мой! Что это значит? Я был наверху блаженства, и вдруг...

Кочергин. Да уйдете ли вы отсюда?.. Или... *(Схватывает кий и грозит.)* Вот бог, а вот порог!

Сухожилов. Он с ума сошел! *(Уходит.)*

Кочергин. А! выпроводил молодца... ха-ха-ха! Слава богу! Поди к своей окаянной матушке!

За кулисами слышен шум от падения бюстов.

Итальянец *(за кулисами, с гневом)*. Morbleu! * Что вы делай! Vous avez perdu la tête! ** Вы разбили мой

* Черт возьми! *(франц.)*
** Вы потеряли голову! *(франц.)*

статуй; отдайте мне деньга... Это не карашо, синьор... Сюда?.. карашо!

Кочергин. Что еще там такое?

Явление 12

Кочергин и итальянец, у него на голове лоток со статуями, из которых некоторые разбиты.

Итальянец. Parbleu!..* Мой Вольтер разбил... два двугривенник... Donnez-moi l'argent...** отдайте мне деньга... деньга...

Кочергин. Какие тут ржавые деньги, что ты толкуешь?..

Итальянец. За Наполеон два двугривенник... за Вольтер два с полтин... у меня бюсты корош... настоящие гипсовые... отдайте, синьор, деньга...

Кочергин. Что такое? За Наполеона два двугривенных, за Вольтера два с полтиной? я ничего не понимаю.

Итальянец. Как не понимай! Отсюда бежит молодой человек... закричал: стара дурак...

Кочергин. А! это Сухожилов... он еще ругается.

Итальянец. Я совсем не стара... совсем не дурак... он толкай меня, э... разбил мой Наполеон... мой Вольтер... нога сломай Тальони... ну куда без ноги годитсь Тальони... возьмите себе... Вольтер... Деньга подай, деньга за мой бюсты!

Кочергин. Да мне-то что за дело? Зачем ты сюда пришел, черт возьми!

Итальянец. Как на что! Деньга... он показал мне на вашу дверь... Вот мой статуй. *(Снимает и рассматривает.)* Ай-ай!

Кочергин. Да не кричи так! Сорок пять и никого!

Итальянец. Ce n'est pas bien...*** обижать так честна итальянца... мой вам ничего не сделай...

Кочергин. Да замолчишь ли ты, дурак... говори, в чем дело, пустая голова.

Итальянец. Что... вы ругай... не карашо, синьор, ругать честна итальянец... Я не дурак! Не пуста голова.

---

* Черт возьми!.. *(франц.)*

** Отдайте мне деньги... *(франц.)*

*** Это нехорошо... *(франц.)*

Ма * — зачем вы так бранитесь,
Я не глупа человек:
Regardez-vous,** осмотритесь,—
Я с умом ношусь весь век.
Был я прежде лазарони,
Да на разум вдруг попал:
Продавать не макароны,
A les grands *** синьора стал.
У меня карманы пусты,
Так фортуна чтоб нажить,
По домам носить стал бюсты,
Стал чужою слава жить,
У меня есть Шиллер, Гете...
Все, о ком известна я,
Tout ce qu'il y a **** ума на свете,
Всё на голова моя!

Кочергин. Ха-ха-ха! А всё-таки я ничего не понимаю...

Итальянец. Как не понимай... видит... *(Показывая на лоток.)* Il a cessé mes statues...***** разбил... отдайт мне деньга, синьор... нехорошо обижал бедна итальянца...

Кочергин. Ну хорошо, отдам, отдам, только не кричи... Ты, как я вижу, малый горячий.

Итальянец. Будешь горяча малый... когда обижай... что мне теперь делай с моей статуй разбитой... купите, синьор, что-нибудь.

Кочергин. Ну, сколько же тебе надо за разбитые статуйки...

Итальянец. Мой уж сказал ви... за Гете рубль сорок копейка, за Вольтер два рубли пятьдесят копейка, за Талиони три рубль...

Кочергин. Что дорого?.. Ты говори настоящую цену... я у тебя, может быть, и для себя что-нибудь куплю...

Итальянец. Нельзя дешевле, синьор, никак нельзя... уж так положено...

Наша брат такой товаром
Карашо вся цена знай,

* Но *(итал.)*
** Посмотрите *(франц.)*
*** великих *(франц.)*
**** Сколько есть *(франц.)*
***** Он разбил мои статуи... *(франц.)*

Можно всё продай задаром,
Только деньга нам давай.
Trois * рубль за Шиллер с Гете,
Много ль тут за два синьор?
Матерьял возьми в расчете,
Выйдет вздор, parole d'honneur.**
За Сенека, за Гораций,
За Сократ и за Платон
По полтина ассигнаций
Можно взять за chaque peisonne.***
Нынче древняя персона
Очень дурно сходит с рук,
А вот Эльслер и Тальона
По целкова кажда штук.
За пять рубль отдам Венера
И большой Наполеон;
Два с полтиной за Вольтера,
За Руссо и Аполлон.
Меньше взять нельзя по чести
За такой большой людей,
А гуртом отдам всех вместе
За четырнадцать рублей.

Кочергин. Вот так! Отчего же это за Наполеона-то два двугривенных, а за эту, как ее...

Итальянец. Талиони...

Кочергин. Да, за эту мадам три с полтиной? Что ей за честь такая?

Итальянец *(ставя два бюста рядом)*. Вот что-с! Regardez...**** та Талиони немножко повыше; а Наполеон пониже... вот разнис.

Кочергин. Понимаю... кто больше, тот и дороже...

Итальянец. Точно так, синьор. Пожалуй же деньга мне... Всего шесть рублей без десять копейка... этот молодой персон, который выбежал отсюда из двери, как il furioso,***** и скажи мне, что я здесь получит...

Кочергин. На вот, будет с тебя; тут пять рублей; ведь за другого плачу, только жаль тебя... ступай с богом.

---

* Три *(франц.)*
** честное слово *(франц.)*
*** каждого *(франц.)*
**** Посмотрите... *(франц.)*
***** одержимый *(итал.)*

Итальянец. Благодарю... А больше, синьор, ничего не купит? Rien? *

Кочергин. Нет, ничего не надо... ступай.

Итальянец *(уходя)*. Возьмит, синьор, хоть Сократа; такой тяжелый... голова болит! Prenez...**

Кочергин. Ничего не надо, ступай... вперед не таскай таких тяжелых болванов, от которых голову ломит.

Итальянец уходит.

Явление 13

Кочергин, потом Сухожилов.

Кочергин. Вот еще народец! Затем пришли в Россию, чтобы болванами торговать; точно русские не могли бы того же делать... Впрочем, у всякого человека свое пропитание...

Входит Сухожилов.

Ба! Вы зачем пожаловали... я ведь вас просил не посещать нас больше.

Сухожилов. Знаю. Я ушел от вас с твердым намерением исполнить ваше требование; но я пораздумал и воротился к вам... по крайней мере узнать причину вашего гнева... оправдаться...

Кочергин. Оправдаться... ха-ха-ха! Поздно! поздно!

Явление 14

Те же и Лидия.

Кочергин. Ты зачем?

Лидия. Ах, папенька... Я услышала голос моего Валерьяна... он почти плачет...

Кочергин. Нечего нежничать; я уж сказал, что между вами всё кончено... Сорок пять и никого!

---

* Ничего? *(франц.)*
** Возьмите... *(франц.)*

Явление 15

Те же и слуга.

Слуга. Письмо от господина Стружкина. *(Отдает письмо Кочергину и уходит.)*

Кочергин берет письмо. Сухожилов украдкой подходит к Лидии, и они вместе плачут.

Кочергин. От Стружкина?.. *(Читает.)* «Милостивый государь! Валерьян Андреич нисколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвинили... потому что под видом этих обвинителей — татарина, старухи и итальянца — был я...» Что такое? «Он поступил со мною неблагородно, выдав меня перед вами за паяца, так что я подвергался вашим насмешкам. Я хотел отмстить ему тем же. Вы не узнали меня, и я достиг своей цели, но я не хочу продолжать моей мести и открываю вам всё. Валерьян любит вашу дочь; пусть он будет с нею счастлив и научится вперед пообдуманнее оценять людей! Прилагаю при сем и ваши пять рублей, взятые мнимым итальянцем».

Сухожилов. Что я слышу? Боже мой!

Кочергин. Ха-ха-ха-ха-ха! Так это был он! И я не узнал его... Вот когда надо было смеяться, а не давеча... Точно, мы его обидели... ха-ха-ха! Молодец!..

Сухожилов. Слава богу! Наконец объяснилось... Я точно виноват перед Стружкиным и сейчас пойду просить прощения... Он благородный малый.

Кочергин. Ха-ха-ха! Вот комедия... не плачьте же... подите ко мне... ничего не бойтесь... ха-ха-ха! *(Обнимаются.)* Только, чур, пойдем играть на биллиарде: уж я и так сегодня целый день моциону не имел... Ах, как он нас обморочил! Ха-ха-ха!

Ха-ха-ха! Должно признаться,
Он нас очень насмешил,
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил.
(К публике.)
Но для нас всего важнее
Ваш серьезный приговор,—
Так решите поскорее,
Насмешил ли вас актер?

1844

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОСТОВЩИК

ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Потап Иванович Лоскутков, ростовщик.
Лиза, его дочь.
Иван Федорович Налимов, влюбленный в Лизу.
Неизвестный господин.
Издатель.
Краснохвостов.
Акулина Степановна.
Ростомахов.
Подзатыльников, приказчик без места.
Слуга.

Театр представляет комнату ростовщика, загроможденную шкафами и разною мебелью; на шкафах несколько штук столовых часов, множество подсвечников и проч.; на стульях неубранные платья, в углу ружья, на полу тюки и т. д.

Явление 1

Лоскутков и Налимов.

Налимов. Так вы решительно отказываете мне в руке вашей дочери?

Лоскутков. Я? Сохрани меня бог! Да лучшего жениха для моей дочери я никогда не желал! Только...

Налимов. Только, Потап Иваныч...

Лоскутков. Только будем говорить откровенно, как благородные люди.

Налимов. Говорите.

Лоскутков. Вы хотите, чтоб я отдал за вас мою дочь? Ну хорошо... то есть чтоб я отдал вам ее совсем, как следует, и до нее не касался, никакой от нее пользы не получал... Хорошо... Я знаю, вы человек благородный,— вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за

беспорочную службу дадут... да как же вы хотите, чтоб я отдал вам ее безо всего?

Налимов. Помилуйте, если вам угодно будет дать что-нибудь в приданое... я за особенное счастие почту...

Лоскутков. Та! та! та! Вот тут-то и запятая! А я говорю, не угодно ли *вам* будет что-нибудь подарить... так... в знак родственного расположения.

Налимов *(всплеснув руками)*. Господи! В первый раз слышу такие слова от благородного человека! *(В сторону.)* Ракалия! *(Громко.)* Все отцы еще награждают приданым дочерей своих.

Лоскутков. Мне дела нет до других отцов. Пускай себе хоть всё дочерям отдадут, а сами пó миру ходят, а я вот как рассуждаю... вы теперь нанимаете кухарку... человека, что ли... ну, холостой человек — может, и другие расходы есть. Берете у меня дочь — женитесь... натурально, делаете приобретение... А? сочтите-ка, сколько у вас останется в барышах от того, от другого... Э? Можете даже кухарки не нанимать... я уж о других расходах не говорю... А мне ничего... я бедный человек... кормил, поил ее... Знаете, у ней всегда такой аппетит, фунта по четыре хлеба на день съедала... ей-богу, как благородный человек. Уж не знаю, в кого она такая уродилась... Я совсем, кроме луку и хлеба, ничего не люблю, а жена-покойница даже лук роскошью называла... мало того, я даже башмаки дочери моей покупал! Черт знает! Разорение! Никто под залог башмаков не приносит! Даже учителя хотел ей нанять. И теперь отдай я дочь ни за что!.. Ха-ха-ха!.. да выкорми я поросенка... щенка выкорми я, приличное воспитание дай — да вы же мне за него деньги бы дали!.. А ведь дочь моя не щенок... не щенок, Иван Федорович!

Налимов. Уж конечно, какой же щенок, Потап Иванович!.. Кабы щенок, стал ли бы я свататься!

Лоскутков. То-то же... Слава богу, такой же она человек, как и все... да еще я вам скажу... вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите, а ведь она у меня... ну, понимаете... со двора ни ногой... присмотр за ней был строжайший всегда... сами можете рассудить... голубица... Петербург — не глушь какая-нибудь... Суньтесь-ка... да вы, я вам скажу, Иван Федорыч, такого кусочка ввек не видали... хе-хе-хе!.. Богачи, знаете... у них тысячи нипочем... ко мне захаживали...

будто денег занять... Хе-хе-хе!.. а сам бы, я думаю, тысяч пять отвалил!

Налимов. Ах, Потап Иваныч!

Лоскутков. Ну что Потап Иваныч! Чего испугались? Я дело говорю.

Налимов. Вы за деньги готовы отца родного продать!

Лоскутков. А что?.. Да уж умер... царство ему небесное *(крестится)*, в академию медицинскую можно бы... да жена тогда была еще жива... Куда! руками и ногами! А ведь сгнил же в земле.

Налимов. И все сгнием, Потап Иваныч.

Лоскутков. Сгнием, сгнием, и пеплу нашего не останется!... Ох! грешные мы люди. *(Вздыхает.)* Вот на днях умер художник Косточкин... недели за две до смерти пришел ко мне... ради бога, говорит, одолжите двадцать пять рублей, только на два дня... я вам в заклад картину принесу... одна рама, говорит, больше стоит... *(Показывая на картину.)* Вот эта самая... всё говорил — знаменитого художника какого-то... просил не продавать... непременно, говорит, выкуплю... Да вот и надул, шельма! Взял да и умер в самый день срока! Уж нет хуже народа, как художник, сапожник, извозчик да перевозчик,— правду пословица говорит. Купите, Иван Федорыч, картину... недорого... свою цену возьму... ей-богу, свою... положите пятьдесят рубликов.

Налимов. Да на кой мне ее черт?.. *(В сторону.)* Ах! какая мысль пришла мне в голову... Хорошо, ей-богу, хорошо. *(Подходит к картине.)* Картина удивительная в самом деле... вы дешево ее не отдавайте, она, я думаю, тысячи две или три стоит.

Лоскутков *(с радостью)*. Три тысячи!.. Благодетель... Неужели?

Налимов. Она должна быть работы Микель Анжело — как бишь еще? — Буэнаротти... да, Буэнаротти... или Рафаэля Сакцио... Сакцио... позабыл, ну да всё равно... я сам у вас этой картины купить не могу, я порекомендовать могу.

Лоскутков. Благодетель! я в ножки поклонюсь... Публиковал уж в «Полицейской газете»: за смертью художника продается-де картина отличной немецкой работы, с изображением трех собак, двух свиней и барана и

человека в черкесской шапке,— да что-то никто не является...

Налимов. Хорошо, постараюсь!.. Сегодня же, может быть, к вам придут смотреть... Ну а уж вы насчет Лизаветы Потаповны?...

Лоскутков. С удовольствием... вы только подарочек приготовьте... так, тысячки две ассигнациями... что вам стоит для будущего тестя похлопотать!.. да, знаете, поскорей. На днях бы и свадьбу сыграли — вот покуда и подвенечное платье есть... вчера принесли... Женился молодчик какой-то... через недельку всё приданое проиграл... а на другую уж и есть нечего... подвенечное платье побоку... ха-ха-ха! Суета сует! А Лизе оно как раз впору... коротенько немножко, ну да кто же на ноги у невесты станет смотреть.

Налимов. Грех, Потап Иванович, насчет таких подарочков толковать... ну да уж что с вами делать... может быть, как-нибудь и достану... А покуда прощайте.

Лоскутков. Не забудьте же картину порекомендовать... А как зовут художника, который ее рисовал?.. Неравно, знаете, покупатель зайдет... хорошо этак ему запустить.

Налимов *(в дверях)*. Микель Анжело Буэнаротти. *(Уходит.)*

Явление 2

Лоскутков *(один)*. Буанаротти... Буонаротти... какая фамилия странная... что за Буонаротти?.. должно быть, бестия чрезвычайная был! из самой фамилии видно... Вот когда бы за картину тысячки три в самом деле взять... да с Ивана Федорыча тысячки две... вот бы оно и того... можно бы трески купить и другие лакомства дозволить себе... Добрейший человек Иван Федорыч, только я дочери так ему не отдам... жирен будешь!.. Стыдитесь, говорит,— вот те раз; да чего же тут стыдиться? А опять пусть даже было бы и стыдно, а деньги всё-таки следует взять... деньги великое дело, я за деньги готов на всё решиться. Вот черта так совсем в свете нет: я несколько раз призывал его — хотел душу продать, и дешево бы взял, ей-богу, за пустяки отдал бы... не является! Вот поди — верь тут ученым!.. Я и ничему не учился, да по-

скорей их собственным умом добрался, в чем штука-то... как сам денег-то не накопишь, так черт тебе их не даст. Нет, она, денежка-то, мудрено достается. Много я труда положил.

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, всё в мире,
Дело — капитал».

И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.

С той поры к монете звонкой
Страсть вдруг получив,
Стал у всех я собачонкой,
Кто богат и чив.

Руки им из угожденья
Я лизал, как льстец,
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!

Вскоре свыкся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
Чтоб прибрал отца.

Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас!

Я не вынес тяжкой раны,
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал.

Продал всё, что было можно
Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать.

Чтоб нажиться, лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел.

Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:

По картинке новомодной
Их я отпускал
И в цирюльню ежегодно
Косу продавал.

Вот теперь зато, под старость,
Есть немножко тут *(показывая на карман)*,
Пусть приходят люди в ярость,
Говорят: он плут!

И за что ж бранить за это,
Мне отец сказал:
«Честь — фальшивая монета,
Плутни — капитал!»

И черт знает как нынче испортился свет! Молодые люди совсем перестали кутить; а который и кутнет — смотри год-другой, а на третий и образумится... и уж к тебе ни ногой! Благородные разные страсти у людей были: в картишки иной мотнет — на другой день, глядишь, жена с салопом к тебе и бежит! А нынче дрянь, сущая дрянь! Преферанс копеечный! грош проиграют, да после толков на рубль... и уж из благородных людей к нашему брату — почти никого... разве отставная кухарка к тебе с Песков какая-нибудь забежит... кофейку захочет выпить... притащит целый ворох тряпья: посмотреть много, а за всё-то десять копеек напросится.

Звонят.

Вот опять кого-то господь дает.

Явление 3

Лоскутков и неизвестный господин.
<Неизвестный> входит и прямо обращает внимание на картину, останавливается и несколько минут стоит, как бы пораженный. Лоскутков следит за каждым его движением.

Неизвестный *(сам с собою)*. Превосходно! Восхитительно! Великий Микель Анжело! Узнаю твою чудотворную кисть!

Лоскутков *(про себя)*. Что он говорит?.. Хвалит?.. *(Потирает руки.)* Эге! Эге! ге!

Неизвестный *(одушевляясь)*. Современная живопись ничего не представляет, что бы могло сравниться с этим великим произведением — по чувству, по колориту, по глубокому знанию природы и человека. Великое, гениальное произведение, которому нет сравнения, нет цены!

Лоскутков *(про себя)*. Нет цены!.. Господи! За что мне такое счастие!

Неизвестный *(более и более одушевляясь)*. И если б нашелся человек, который мог со временем подарить искусство подобным произведением,— мильонов мало бы для вознаграждения этого необыкновенного человека, этого гения...

Лоскутков *(про себя)*. Мильон! Батюшки! он меня с ног сшибет!

Неизвестный *(в совершенном восторге)*. На колени перед этим великим произведением искусства!.. На колени!.. О, если б я мог украсить им мою картинную галерею... всё мое состояние, плод многолетних трудов... на колени! *(Падает на колени.)*

Лоскутков. Всё состояние?.. На колени! *(Падает на колени за неизвестным.)*

Неизвестный *(оглядывается и как бы выведенный из самозабвения)*. А, вы здесь?.. Вы хозяин этой картины?

Лоскутков *(притворяясь растроганным)*. Постойте, постойте еще немного перед этим великим произведением... дайте и мне постоять... Я вот сейчас только вошел и прямо — бряк на колени... не могу выдержать: у меня уж такое чувствительное сердце.

Неизвестный *(значительно)*. Вы сейчас только вошли?

Лоскутков. Я всегда, когда вхожу в эту комнату,—в это святилище, можно сказать,— тотчас становлюсь на колени, и, верите ли, слезы прошибают меня, старика.

Неизвестный. Стало быть, вы ничего не слыхали?

Лоскутков. Ничего.

Неизвестный. А я, знаете, уже с четверть часа вошел; смотрю и говорю себе: ничего особенного, картина как картина, и так, для шутки, упал на колени.

Лоскутков *(в сторону)*. Ври! ври! голубчик! На дурака напал! *(Громко, с иронией.)* Да, конечно, если хотите, я и сам так только, по привычке,— а в картине в самом деле нет ничего особенного, просто, можно сказать, дрянь.

Неизвестный. И правда ваша — дрянь... никакого решительно достоинства.

Лоскутков *(в сторону)*. Эк его! понес, нечего сказать, понес! *(Громко.)* Ни малейшего... так, для виду только; ну, знаете, всё лучше, как на стене что-нибудь висит.

Неизвестный. А что вы за нее возьмете? Я, признаться, люблю картины, даже дрянь покупаю... для меня была бы только картина.

Лоскутков *(в сторону)*. Складно врет разбойник! *(Вслух.)* Я не подорожусь.

Неизвестный. А как?

Лоскутков. Да что долго-то толковать! Давайте сорок тысяч бумажками.

Неизвестный. Почтеннейший! вы с ума спятили! да она больше тысячи рублей не стоит.

Лоскутков *(вскрикивает)*. Тысячу рублей! *(В сторону.)* С первого раза тысячу рублей дает! да я бы тебе, дураку, за сто рублей вчера еще продал ее! *(Вслух.)* Нет, она, верите ли богу, мне самому в пятидесяти тысячах пришлась... десять тысяч только так уж сбавлю: ну, поистерлась немножко, и то, и другое...

Неизвестный. Возьмите тысячу рублей.

Лоскутков. И не подумаю... да пусть она лучше пропадет, сгниет; да я лучше детям ее оставлю... по крайней мере, благодарить будут. Дайте двадцать пять тысяч и господь с вами!

Неизвестный. Две тысячи!

Лоскутков. Нельзя, клянусь моим богом, нельзя, себе дороже стоит — посмотрите, работа отличнейшая;

нерусский, я думаю, делал... где русскому так ухитриться!

Неизвестный. Ну как хотите. Прощайте! *(Идет к двери.)*

Лоскутков *(в сторону, струсив)*. Батюшки! уйдет, ей-богу, уйдет! Вот тебе и две тысячи! *(Вслух.)* Послушайте, была не была — десять тысяч!

Неизвестный *(в дверях)*. Четыре!

Лоскутков *(жалобным голосом)*. Благодетель! не разорите! себе дороже стоит... положите хоть пять.

Неизвестный. Ну так и быть, пять. По рукам, вот задатку пятьсот рублей; вечером приду за картиной и остальные все привезу.

Лоскутков *(прячет деньги, в сторону)*. Надул! *(Громко.)* Ну по рукам.

Неизвестный *(в сторону)*. Надул! *(Громко.)* Только смотрите же: картина за мной... и не подменить... не то я вас по судам затаскаю... прощайте! *(Уходит.)*

Явление 4

Лоскутков, потом Лиза.

Лоскутков. Господи! Бывает же такое счастие человеку! И за что? Висела на стене картина... черт знает какая... ни виду, ни великолепия... Вдруг приходит к тебе человек и так, ни с того ни с сего, дает тебе пять тысяч... Подлинно рука провидения... Жаль, что я сто тысяч не запросил; он бы, может, мне и двадцать вдруг отвалил...

Входит Лиза.

Дочь моя, обними меня! поцелуй своего родителя!.. Я счастливейший человек из смертных! Те башмаки, что не выкупила в срок Перетачкина,— так и быть, я тебе их дарю!

Лиза. Насилу-то вы образумились... спохватились, что нельзя же дочери вашей без башмаков ходить! Очень благодарю... Ну вот я сейчас их и надену... хочу идти к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну так я и знал! К Александре Григорьевне! Что у тебя за дружество с ней!.. и чего там, кажется, долго сидеть... пообедала, да и марш домой...

Сплетни, пересуды. Она только, я думаю, и толкует: «Что у вас? как? да много ли?» А ты и распустишь язык... Ах, куда бы я рад был, кабы ты даже совсем не шаталась к Александре Григорьевне.

Лиза. Вот еще! Только одна родственница и есть, да еще бы и к той не ходить... Нет уж, как хотите, я сейчас оденусь и уйду, на весь день уйду,— мне, право, здесь с вами не очень-то весело — сухари глодать да слушать, как вы с своими гостями бранитесь...

Слышен звонок.

Вот кто-то уж и идет... ну я пойду собираться.

Явление 5

Лоскутков и Издатель.

Лоскутков. Гости! Ну, слава богу! авось удастся кого-нибудь надуть! *(Делает печальную рожу и идет отворить дверь.)* Пожалуйте... Ох! ох! ох! плохие времена!

Издатель. Мое почтение, Потап Иваныч. Привезли...

Лоскутков. А! привезли! Ну, доброе дело! Так, стало быть, вы согласны взять по семи копеечек под экземпляр?

Издатель. Делать нечего! Нужда! Уж если бы не крайняя нужда, богом божусь, меньше десяти копеек за экземпляр не взял бы... Сочинение превосходнейшее... известного автора... и должно в короткое время всё разойтись... А где прикажете свалить?

Лоскутков. А вот сюда... я укажу.

Издатель *(в дверях)*. Ступайте сюда.

Входят два ломовых извозчика с тюками книг.

Что за издание! бумага отличнейшая, слог единственный и шрифт очень хорош...

Лоскутков. А вот я там рассмотрю... Эге, батюшка, да, никак, книжечки-то с виду жиденьки? А сколько тут счетом-то?

Издатель. Тысяча двести экземпляров.

Лоскутков. А сколько печаталось?

Издатель. Да столько же и печаталось.

Лоскутков. Ну, значит, не много ж разошлось!.. охота вам была бумагу переводить!.. Сюда... за мной... вот я их там пересчитаю да тотчас вам и денежки отвалю. *(Скрывается в дверь направо, за ним уходят и извозчики с книгами.)*

Издатель *(махнув рукой)*. Благополучного пути!.. там им и сгнить... слуга покорнейший, чтоб я стал выкупать... нет, много будет всякую дрянь выкупать! Капиталу не хватит! А ведь вот, в самом деле, я, дурак, думал, что бог знает какой капитал наживу... Беда с сочинителями связаться... первейшие плуты! Конечно, нельзя ума отнять: умеют надуть мастерски и всегда благородным манером каким-нибудь, не то чтобы он тебя среди улицы до рубашки раздел... нет, он к тебе нечувствительным образом подъедет... на деликатной ноге... и в объятия тебе бросится, и то, и другое... а на поверку-то, глядь, ограбил, разбойник, и последнюю нитку с тебя уж тащит... назавтра, глядь, у тебя уж и лавчонку заперли, и, глядишь, с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок... а он всё себе ничего, благородный человек, как и был, около другого уж мелким бесом увивается.

Наша книжная торговля
Так уж исстари идет:
Простачков невинных ловля —
Первый авторов доход!
В кабинете примут знатно
И сигарочку дадут,
И почтеннейшим печатно,
И умнейшим назовут;
С аккуратностью большою
Рассчитают барыши,
А издашь — махни рукою
И в подвалы положи!
Разорили и отстали —
Всякий с ним уже не тот!
Только деньги размотали —
Глядь, господь другого шлет!
С ним опять развязка та же...
Я и сам богат бывал,
Жил когда-то в бельэтаже,
Всех морочил, надувал;

Драл с живых и с мертвых шкуру,
Не боялся никого,
А попал в литературу,
И надули самого.
Здесь хватило б и для внуков,
Да сто книжек издал в год,
И теперь карман мой звуков
Никаких не издает!

Такая уж литература. Вот и я, как есть нечего будет, начну сам сочинять, отличным литератором буду... *(Входящему Лоскуткову.)* Ну что, батюшка, сосчитали?

Лоскутков. Сосчитал... Ровно тысячу сто девяносто две книжки... Теперь остается еще одно...

Издатель. Теперь остается только денежки получить — и дело с концом... только вы уж, пожалуйста, Потап Иваныч... надеюсь, ни мышь, ни какая другая гадина... Поверите ли, такое сочинение, что стоило бы за стеклом держать.

Лоскутков. Мыши! Не беспокойтесь! Чего другого, а мышей у меня и в заводе нет! Ну так. *(Берет счеты.)* Тысячу<сто>девяносто две книжки... тысячу сто девяносто две копейки... раз...

Звонок.

А, видно, еще бог гостя дает. *(Отворяет дверь.)*

Явление 6

Те же и Краснохвостов.

Краснохвостов *(из-за двери)*. Дома ли Лоскутков?

Лоскутков. Дома. *(Вводит незнакомого господина.)* Сделайте одолжение, потрудитесь несколько обождать... Я вот сию минуту... Ну так: тысячу сто девяносто две копейки — раз...

Краснохвостов *(выходит вперед и рассуждает сам с собою)*. Шельма должен быть! А есть удивительно хочется. Что бы такое ему заложить?

Лоскутков *(в стороне)*. Тысячу сто девяносто две копейки — три.

Краснохвостов. Когда заиграешься в карты, те-

ряешь совсем аппетит... а проиграешься — тотчас захочется... глупая вещь!.. Обыграли, разбойники... а ведь наверняка... уж верно наверняка... я, правда, на руки пристально смотрел... да, видно, он какую-нибудь особенную штуку знает... дурак я... мне бы им закричать: подлецы вы, мошенники! может быть, который бы оплеуху дал... ну, тут бы...

Лоскутков. Прощайте.

Издатель. До свидания, почтеннейший!

Лоскутков. Всех благ жизни... *(Провожает его.)*

Издатель уходит.

Краснохвостов. Что бы такое ему заложить? *(Рассматривая фуляр.)* Хороший фуляр...

Лоскутков. Что вам угодно-с?

Краснохвостов *(мрачно)*. Денег.

Лоскутков. Ох деньги! деньги! Что это нынче за свет! Кого ни спроси — всякий говорит, нужно денег... а куда как денежки солоно достаются... Вот и у меня, верите ли богу, денег совсем нет.

Краснохвостов. Мне только закусить... так чтоб было что-нибудь закусить... я вот вчера на прекраснейшем ужине был... черт знает, совсем есть не хотелось.

Лоскутков *(свищет)*. Так-с.

Краснохвостов. Вот этот фуляр... французской, должно быть, работы, посмотрите, как хорошо сделан.

Лоскутков. Хорошо сделан... отлично сделан...

Краснохвостов. Ну вот, вижу, вы знаете толк в художествах. Приятно иметь дело с умным человеком,— так фуляр вам нравится? Хотите, чтоб он был ваш?

Лоскутков. То есть как? Вы хотите его мне... вечно буду благодарен вам за такой приятный подарок.

Краснохвостов. Пожалуй, если вы хотите... я вам его и подарю... Только... только, знаете, я не много ем, пустяки, крошечку — вот я уж и сыт... вы мне что-нибудь... чтобы так, знаете, можно было... немножко хоть закусить.

Лоскутков. Понимаю... отчего же? Можно и так... полтину серебра, если вам угодно.

Краснохвостов. Помилуйте... да у Леграна на полтину только зубы разлакомишь... вы бы еще два двугривенных!

Звонят. Лоскутков бежит отворить.

Мало, бестия, дает... хоть бы целковый. *(Осматривает себя с ног до головы.)* Хорошо бы шинель — и порядочные бы деньги можно взять... да холодно... черт возьми! И в ней-то до костей пробирает! черт знает, было всё тепло — вдруг морозы! Бывает же несчастие! подлинно, судьба всегда человеку наперекор.

Явление 7

Те же и Акулина Степановна.

Лоскутков *(во время монолога Краснохвостова разговаривал с ней вполголоса, отходит от нее, говоря).* Хорошо-с; ваш салоп сейчас будет-с. *(Краснохвостову.)* Ну-с?

Краснохвостов. Так вы ничего больше полтины не можете дать?

Лоскутков. Рад бы душой... да что делать... ей-ей, не могу-с! и то беру только гак... на свой страх.

Краснохвостов. Ну, давайте деньги... только знаете, еще бы что-нибудь... мне совсем мало... вот если б вы... послушайте. *(Замечает, что Лоскутков старается потихоньку развязать узелок.)* Это вздор... Я так, для памяти завязал. *(Акулине Степановне.)* А холодно на дворе?

Акулина Степановна. Вестимо, не лето... Я и теперь не могу отогреться... зуб с зубом свести... уж такой мороз десять лет не запомнят. Что, батюшка, салопчик-от уж не спровадил ли куда-нибудь?

Лоскутков. Сейчас.

Акулина <Степановна>. То-то же! знаю я вашу братью! умеете и в прокат отдавать... и в ломбард закладывать.

Краснохвостов *(рассуждая сам с собою).* А будет оттепель, непременно будет... уж в Петербурге такая погода... самая непостоянная погода. *(Снимает шинель и остается в летних брюках.)* Да и брюки-то на мне летние... послушайте, почтеннейший...

Лоскутков. Не могу найти... погоди, вот уж кончу с ними... тогда отыщу.

Краснохвостов. А что вы положите под шинель?

Лоскутков *(с изумлением).* Под шинель? Вы хотите?

Краснохвостов. Что вы так на меня смотрите? у меня кровь горячая... я ведь того... огонь... просто огонь... даже в декабре месяце мороженое ем... вот я даже шкаф прошлую зиму хотел запирать — обливаться... и что шинель? Только сверху защита, а ведь и под шинель поддувает.

Лоскутков *(рассматривая шинель)*. Целковых десять, пожалуй, можно дать.

Краснохвостов. Десять целковых! Мало, ей-богу, мало! Рублей хоть пятьдесят положите.

Лоскутков. Не могу-с; десять, если угодно.

Краснохвостов *(подумав)*. Ну давайте десять... мне же легче будет выкупить.

Лоскутков *(записывает что-то в большую книгу и потом отдает деньги)*. Коли не выкупите через месяц... уж не прогневайтесь.

Краснохвостов. На днях же приду *(ловко расшаркивается)*, непременно приду.

Акулина Степановна. Коли не замерзнешь!

Краснохвостов. Только, знаете, вы уж, пожалуйста, никому... *(Уходит напевая.)*

А мой удел — сердечный холод
И безнадежная любовь.

Лоскутков. Очень порядочная шинель... рублей шестьдесят стоит... ай-ай-ай! да ведь подкладка-то дырявая... карман... а! *(Шарит в кармане.)* Ничего... хоть бы грош какой-нибудь был.

Акулина Степа<новна>. Ну, полно! уж захотел у этого фуфлыжника, прости господи, что-нибудь в кармане найти! Давай же салопишко-то...

Лоскутков. Сейчас.

Явление 8

Лоскутков, Акулина <Степановна> и Лиза.

Лиза *(входит в салопе и шляпке)*. Ну, папенька, я совсем готова, иду к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну бог с тобой, матушка! Только не засиживайся, пожалуйста. Помни, что у тебя есть отец...

Акулина Сте<пановна> *(бросаясь за уходящей Лизой)*. На-тко! вона какой грех!.. Господи! Мать пресвятая богородица!.. Постой, плут ты, разбойник... душа бусурманская, картофельная... в чужие салопы дочку рядить... вишь, собралась гулять... и горя нет, что салоп-от чужой... мошенник! душегубец! *(Тащит салоп.)* Снимай-ка! снимай, голубушка!

Лоскутков. Не снимай! *(Старухе.)* Деньги!

Акулина Степановна. Вот тебе, разбойник, твои окаянные деньги! *(Бросает ему деньги.)* Дочь в мой салоп нарядил... дышло ты окаянное!

Лоскутков. А что же? неужто мне из-за своих денег да еще на салопы тратиться? *(Берет салоп и отдает ей.)* Уж приди когда опять... вдвое сдеру!

Акулина Степановна. Не приду! нога моя не будет у тебя; по всему околотку расславлю разбойника! механик ты этакой! *(Уходит.)*

Явление 9

Лоскутков и Лиза (плачущая).

Лоскутков. Вот уж подлинно баба глупая! Как будто что-нибудь сделается салопу! *(Лизе.)* Ну а ты уж вот и расхныкалась... неприлично... ей-богу, неприлично... Вот завтра, а может быть, и сегодня еще кто-нибудь салоп принесет... ну тогда и пойдешь к Александре Григорьевне.

Лиза. Да я сегодня обещала прийти!.. Стыдно вам! у родной вашей дочери салопишка нет... да не только салопа... платьишка даже нет!.. всё должна в чужих обносках ходить... идешь да боишься: опять, того и гляди, случится, как в прошлом году... Привязался ко мне на улице какой-то господин... «Где ты, голубушка, этот салоп взяла? Это, говорит, салоп моей жены...» — да чуть меня в полицию не потащил... Срам с вами! Вы хуже жида, папенька, уж всякий скажет, что вы хуже жида... Недаром она вас разбойником обругала... уж точно, настоящий разбойник! Вот я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей. Уж нечего сказать, вы настоящий Мефистофель!

Лоскутков. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась? Дура сморозила, а ты и повторяешь: разбойник! У разбойника и руки в крови, и рожа так смотрит... да еще Мефистофеля какого-то тут приплела!

Стыдно родителя звать Мефистофелем,—
Я тебя нянчил, кормил...

Лиза.

Тухлой салакушкой, мерзлым картофелем...

Лоскутков.

Свежей водою поил.
Можешь рядиться ты в платья блестящие
С барынь богатых, больших.

Лиза.

Лучше б одно, да свое, настоящее,
Чем два десятка чужих!
Платья все выкупить могут решительно —
Пусто вдруг станет в шкафах,
И я останусь... подумать мучительно!
В чем же? В одних башмаках!

Лоскутков.

Что ж тут стыдиться-то? таять в истерике,
Выть из таких пустяков? —
Дикие, слышал я, ходят в Америке
Даже и без башмаков!

Ну, полно хныкать-то... хочешь непременно идти, так иди; я тебя не удерживаю.

Лиза. Да в чем я пойду?

Лоскутков *(накидывая на нее шинель)*. А вот... что тут за церемонии... некрасиво, да тепло.

Лиза. Подите вы! еще бы вы в салоп нарядились, да по Невскому прогулялись.

Лоскутков. И наряжусь, ей-богу, наряжусь... Вот только ни одной шинели не будет... покупать не стану... Раз, помню, со мной и случилось... да не то чтобы из

каких-нибудь пустяков, шинели или там сюртука... а то казус пренеприятный! вот я поскорей шинель в рукава... подпоясался поплотней... да так целые три недельки и выходил... даже в гостях несколько раз был... Ну, знакомый человек обедать зовет... жаль отказаться... «Что,— говорит,— ты, Потап Иваныч, в шинели?» — Да обет,— говорю,— дал не снимать шесть недель,— ношу вместо траура... а у меня, кстати, тогда только что жена умерла.— «Хорошее дело,— говорит,— обеты надобно исполнять». Вот так-то!.. век живи, век учись!.. а то расхныкалась... Чем худа шинель? *(Надевает и с важностью прохаживается.)*

Слышен звонок.

А, кого-то еще бог дает... ну, марш в свою комнату.

Явление 10

Лоскутков и Ростомахов.

Ростомахов. Здравствуйте, почтеннейший... читал я в газетах, у вас, говорят, продается картина с изображением трех собак, двух свиней, барана и человека в черкесской шапке,— мне, признаться, и свиньи ваши, и человек, и бараны — наплевать!.. А вот собаки меня интересуют — я собак чрезвычайно люблю; даже, могу вам сказать, уважаю. Собака — это превосходнейшее произведение природы; лучше человека... человек — тунеядец, свинья, с позволения сказать, разные мерзости делает, обкрадывает господ, а собака,— поверите ли, почтеннейший,— я сам жалею, что не родился собакой... а? лучше бы... а? да говорите же, почтеннейший! *(Довольно сильно толкает его в плечо.)*

Лоскутков *(струсив)*. Совершенная правда... я даже сам чувствовал иногда желание превратиться в собаку... собаке и платья никакого не надо, и квартиры может не нанимать, и даром ее добрый человек покормит... совершенная ваша правда... бедному человеку гораздо выгоднее родиться собакой.

Ростомахов. То-то же, мой почтенный! Да будь вы собакой, я же за вас рублей бы пятьдесят, а может, и сотню дал... а теперь, по правде сказать, гроша не дам!

Ха-ха-ха! Ей-богу, медного гроша не дам... Что вы так сморщились и сычом на меня смотрите... а?

Лоскутков. Ничего-с, удивляюсь вашему красноречию, глубокомыслию, так сказать...

Ростомахов. Напрасно, почтеннейший... ничего не получите... Я за такую дрянь не плачу... а вот картину, пожалуй, куплю, если собаки хорошо сделаны... Ну что ж, продадите?

Лоскутков. К крайнему моему сожалению, не могу-с... уж продана.

Ростомахов. А, ну, продана? нечего и толковать... жаль! Я люблю картины, где этак изображают собак... у меня, я вам скажу... пропасть таких картин... даже живописца нанимаю... чуть отличится собака какая-нибудь, тотчас с нее портрет!.. десять тысяч ему в год плачу!

Лоскутков *(в сторону)*. Десять тысяч!

Ростомахов. Чудесно делает, бестия, собак... просто собаку съел... у меня четыре комнаты увешаны собаками его работы... богатейшая галерея... слышите ли вы, черт вас возьми! *(Хлопает его по плечу.)* Восемьсот картин — и на всех собаки одна другой лучше... даже один кобель с желтыми подпалинами так сделан, что я в натуре лучше никогда не встречал... двухсот тысяч за него не возьму!..

Лоскутков *(в сторону)*. Двухсот тысяч! У! какой туз!

Ростомахов.

Уж, как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!
Широки мои владенья —
У меня с давнишних пор
Десять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор!
Дорога моя забава —
Да зато и веселит,—
Об моей охоте слава
По губернии гремит!
Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом подерет
И ушами, как китаец,

Хлопать в ужасе начнет,
Тут последняя копейка
Мне не стоит пустяка,
Только б Сокол или Змейка
Подхватили русака!
Лучшим псам и стол особый,
А отличных так люблю,
Что рядком с своей особой
И с женой своей кормлю!
Уж, как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!

Слышите ли вы, черт вас возьми! а? Вот, не хотите ли, я вам расскажу, как мы охотимся... собаки лают... гам... гам... гам... на все голоса... охотники кричат: го-го-го-го!.. трубят в рога... бррр! И вдруг заяц летит на чистое поле... Ату его, ату!.. Слышите ли вы, черт вас возьми? ну да, я вижу, вы — дрянь!.. совсем не имеете страсти к охоте... Прощайте! *(Идет и останавливается перед картиной.)* Эту картину вы продавали?

Лоскутков. Она самая.

Ростомахов *(сам с собою)*. Я таких собак сроду не видывал... живые, просто живые; надо их непременно в мою свору... в мою галерею... Ха-ха-ха! *(Лоскуткову.)* Вы мне непременно должны этих собак продать.

Лоскутков. Не могу-с. Я уже имел вам счастие докладывать, что эта картина продана.

Ростомахов. Продана! Ну так вы мне вырежьте одних только собак, а картина останется у вас, я вам за собак хорошие деньги дам.

Лоскутков. Нельзя-с.

Ростомахов. Можно... слышите ли вы, можно, черт вас возьми! я без этих собак от вас не уйду!

Лоскутков. Как угодно-с... а я уж и задаток получил... Вот уж скоро за ней пришлют.

Ростомахов. А вы не отдавайте... задаток можете возвратить. Я пяти тысяч не пожалею.

Лоскутков. Пять тысяч! Да я за восемь ее продал.

Ростомахов. Ну так я вам шестнадцать дам.

Лоскутков *(сам с собою)*. Батюшки! Что я наделал! шестнадцать тысяч! А я за пять продал!.. он меня

ограбил... он меня разорил! *(Ростомахову.)* Вы, верно, изволите шутить?

Ростомахов. Убирайтесь вы к черту с шутками!.. Я, мой почтеннейший, шутить не люблю!.. Стану я с вашей братьей шутить... вот вам и задаток тысяча пятьсот рублей ассигнациями,— остальные четырнадцать тысяч пятьсот рублей сейчас привезу и картину возьму. Ну?

Лоскутков *(в сильном волнении)*. Батюшки! Что тут делать?.. не возьмешь — пять тысяч потеряешь; возьмешь — тот, чего доброго, пожалуй, в полицию тебя на старости потащит... процесс затеет с тобой... Никогда еще такой оказии со мной не случалось, деньги к тебе в руки сами идут, а взять боишься.

Ростомахов. Ну?..

Лоскутков *(сам с собой)*. Если бы хоть мне прежде с тем увидаться, можно бы как-нибудь его надуть... задаток возвратить... прибавить ему что-нибудь.

Ростомахов. Ну что же вы, черт вас возьми... берете, что ли, деньги-то?.. а не то прощайте!

Лоскутков *(кидаясь за ним)*. А! была не была! Извольте... уж нечего делать... решаюсь для вас... только вы уж пожалейте меня... ведь он может меня избить, в полицию отправить... прибавьте хоть целковичек.

Ростомахов. Ну черт с вами! прибавлю хоть десять! вот задаток... Запишите мою фамилию: Савастьян Григорьев Ростомахов-Широколобов, отставной прапорщик, жительствую временно у Демута, номер четыреста пятьдесят девятый. Прощайте.

Лоскутков. Всех благ жизни

Явление 11

Лоскутков *(один)*. Ай да картина! батюшки-светы! вот не ожидал этакого счастия!.. да я корюшки, да я икры с радости сегодня поем,— уж что себе жиденький тот художничек ни толкуй, я картины ему не отдам... задаток назад, да и только... уж хоть и поколотит, куда ни шла!.. за такую сумму можно побои снести... Ну, я сегодня точно пьян напился... удивительную радость чувствую на душе — как будто меня вдруг в статские советники пожаловали или этак купец Савастьянов, что заложил у меня сорок тысяч пудов сургучу, скоропостижно

скончался... Вот оно, счастие-то! Не ожидал, не гадал, и вдруг, ни с того ни с сего, шестнадцать тысяч к тебе в карман.

Звонят.

Вот опять кто-то идет,— право, даже уж не хочется сегодня и принимать!

Явление 12

Лоскутков и Подзатыльников.

Подзатыльников. А, честная душа на костылях!

Лоскутков. А! Ермолай Иваныч! Ермолай Иваныч! *(Целует его.)* Голубчик! Сколько лет, сколько зим не видались!.. Откуда бог принес?

Подзатыльников. Ездил на побывку в свое место.

Лоскутков. В свое место? Ну, слава богу! Слава богу!.. Домашние здоровы ли?

Подзатыльников. Живут, пока мыши головы не отъели-с.

Лоскутков. Ха-ха-ха! Всё такой же шутник!

Подзатыльников. Я ведь к тебе, Потап Иваныч, за делом.

Лоскутков. Знаю, знаю, уж тебя без дела не заманишь... ведь нет чтобы когда-нибудь зашел этак посидеть, покалякать да выпить бутылочку винца.

Подзатыльников. Так что же-с? мы от евтого и теперь не прочь.

Лоскутков. То-то вот и есть, что теперь вина-то дома нет, а посылать некого. А вот что: ты закусить не хочешь ли?

Подзатыльников. От хлеба-соли николи не отказываюсь.

Лоскутков. Вот и хорошо. Ты ведь икорку свежую любишь?

Подзатыльников. Как же-с.

Лоскутков. Ну а сижка копченого?

Подзатыльников. Наша невестка всё трескает.

Лоскутков. Так приходи на будущей неделе.

Подзатыльников. Чего-с?

Л о с к у т к о в. Приходи на будущей неделе, угощу! У меня занимает деньги рыбак из Никольского рынка, так хотел прислать на пробу и сига и икры.

П о д з а т ы л ь н и к о в *(кланяясь)*. Очень много милостей, уконтентован по самую макушку-с! А что, Потап Иваныч, пил ли ты хоть чай?

Л о с к у т к о в. Чай? Эк хватился! Еще вчера утром пил; впрочем, если хочешь, пожалуй, напьемся, только мне бы не хотелось тебя разорять, ведь, я думаю, в дороге деньжонками-то поиздержался?

П о д з а т ы л ь н и к о в. Да, таки нечего таить, есть тот грешок!

Л о с к у т к о в. Я знаю, что уж без этого нельзя.

П о д з а т ы л ь н и к о в. За этим-то больше я и к тебе завернул: будь друг, ссуди меня бабочками.

Л о с к у т к о в. Как-с?

П о д з а т ы л ь н и к о в. Дай взаймы.

Л о с к у т к о в. Взаймы. *(Оглядывает его.)* Гм!

П о д з а т ы л ь н и к о в. А я, как только определюсь к хозяину, так и отдам тебе с моим почтением.

Л о с к у т к о в. Хорошо, хорошо... только ведь вот беда, денег-то у меня теперь нет.

П о д з а т ы л ь н и к о в. Полно, Потап Иваныч! у кого ж и деньгам быть, коли не у тебя?

Л о с к у т к о в. Право нет! то есть они и есть, да не свои. Один приятель пускает их через меня в проценты; да такой жид, что не велел брать меньше, как капитал на капитал.

П о д з а т ы л ь н и к о в *(в сторону)*. Мошенник! *(Ему.)* Потап Иваныч! Побойся бога! вспомни хоть мою прежнюю хлеб-соль.

Л о с к у т к о в. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Да и какую же я от тебя видел хлеб-соль?

П о д з а т ы л ь н и к о в. Как! Еще тебе мало? Да ты припомни только, что я в прошлом году хозяйскую-то лавку чуть-чуть не всю к тебе перетаскал.

Л о с к у т к о в. Великая важность! А зато что за товар ты приносил? Вон гродналю-то два куска и до сих пор с рук нейдут, а уж, кажется, как дешево, по пяти с полтиной отдаю.

П о д з а т ы л ь н и к о в. Ты бы еще заломил по десяти! он и в Гостином-то по целковому продается.

Лоскутков. А! то-то же и есть! А ты с меня почем брал?

Подзатыльников. По полтора рубли!

Лоскутков. Нет, извини, голубчик! по рублю по пятидесяти по две копейки. Впрочем, об этом толковать нечего; ты в нужде, а я, как добрый христианин, обязан помогать ближнему. Говори, сколько тебе надобно?

Подзатыльников. Да мне бы покуле хошь рублев пятьдесят ассигнациями.

Лоскутков. Пятьдесят... *(Оглядывает его и не видя никакого заклада.)* Да как же, разве уж у тебя ничего и нет?

Подзатыльников. То-то, что ничего.

Лоскутков. Да... *(Подходит и рассматривает надетую на нем шубу.)* Ну а на эту штуку нельзя дать пятидесяти рублей, потому мех-то уж повытерся, вон назадито какие лысинки видны.

Подзатыльников *(смотрит на него с удивлением)*. Да кто ж тебе сказал, что я прошу у тебя под шубу?

Лоскутков. А! Так у тебя есть что-нибудь другое?

Подзатыльников. Ничего у меня нет; я думал, что ты, по старой памяти, дашь без заклада.

Лоскутков *(с испугом)*. Без заклада? Господи, твоя воля! Ведь есть же этакие разбойники! хотят взять деньги в долг и без заклада, да это денной грабеж! Кровопийца! Что ты, головы моей ищешь, что ли?

Подзатыльников. Так, видно, от тебя, как от козла, ни шерсти, ни молока не дождешься. Прощай! Обирало Аспидыч!

Лоскутков. Прощай, прощай, голубчик!

Подзатыльников. С чертом бы тебе только и знаться! *(Уходит.)*

Лоскутков. Ну, ладно, ладно. Смотри же, чай за тобой.

Явление 13

Лоскутков и Неизвестный господин.

Неизвестный. Вот и я... извините, что немножко замешкался. Зато теперь мы в минуту кончим... деньги я вам сполна привез, у подъезда ждут двое моих людей, чтоб взять картину. Я сейчас позову.

Лоскутков *(делает печальную рожу и останавливает его)*. Не зовите.

Неизвестный. Что такое?

Лоскутков. Не прикажите казнить — выслушайте. Будьте отцом и благодетелем... имейте сострадание к несчастному.

Неизвестный. Что вы хотите сказать?

Лоскутков. Я бедный человек... у меня часто за обедом не только говядины, куска хлеба не бывает... Что делать — нужда! Дочь моя, прелестнейшая девушка, смею сказать, ходит в старых родительских сапогах и страдает зубной болью от мерзлого картофеля... Всё утешение наше составляла эта картина, это великое произведение искусства, как вы изволите говорить... Поверите ли? мы так привыкли к ней, что делили с ней горести, нам с ней даже весенняя корюшка казалась вкуснее... дочь моя часто просиживала перед ней по целым часам. Я сам, как изволите видеть, на колени перед ней становился... Вдруг черт попутал меня, подлинно уж, видно, так судьбе было угодно... вздумалось картину продать, в надежде хоть сколько-нибудь поправить бедственное свое положение... вот и изволили вы сторговать и задатку пожаловали... как узнала дочь моя, что картину от нас возьмут, тотчас в слезы, и вот теперь она лежит уж больная, на одре страдания, может быть, умрет от печали... Сам я сначала ничего, а как подумал, что сегодня нам с картиной придется расставаться навеки, так меня, старика, за сердце и ущипнуло... благодетель, отец родной... не погубите... оставьте нам картину, наше единственное сокровище... возьмите задаток назад.

Неизвестный. Вы, почтеннейший, затеяли вздор... я картину купил у вас... Вот остальные деньги, и картину сейчас возьму. *(Идет к двери.)*

Лоскутков. Умилосердитесь! возвратите к жизни единственную дочь мою!

Неизвестный. Э! пустяки! Берите деньги!

Лоскутков. Не погубите! *(Падает на колени.)* Я вам десять лет без процентов буду в долг деньги давать... Я вам не только пятьсот рублей ваши назад отдам. Я вам еще пятьсот прибавлю своих.

Неизвестный. Э! полноте комедию-то разыгрывать... отстаньте. Вот я сейчас велю брать картину. *(Идет к двери.)*

Лоскутков *(вставая и кидаясь за ним)*. Так нет же! Я не отдам картину! не отдам... что хотите со мной делайте... убейте меня! зарежьте!.. Я картину свою вам не отдам!

Неизвестный. Что такое? Не отдадите? Да разве вы забыли, что вы ее мне уж продали и получили задаток... Это низко... знаете, как за такие поступки учат вашего брата?

Лоскутков. Что вы говорите, что? Вы мне пощечину хотите дать... Бейте!.. Тогда вы от меня не отделаетесь!.. бесчестье взыщу!

Неизвестный. Какая низость!

Лоскутков. Что ж делать? Я человек небогатый! Бедному человеку надо же каким-нибудь образом хлеб доставать.

Пощечина людей позорит,
Так думал в старину народ,
А в наши дни — никто не спорит —
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтенным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом.
Да вдруг столкнулся с богачом,
Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,
Сто тысяч взял на мировую.
И вдруг попал в почет и в честь,
Все, кто <и> ведал и не ведал,
К нему с почтением тотчас,
И даже там вчера обедал
Кой-кто, мне кажется, из вас.
И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье затевать:
Боль усмирить в щеке нетрудно,—
Сто тысяч мудрено достать,
А с ними проживешь так чудно,
Не встретишь горя целый век.
Не сто, пожалуйте пять тысяч —
Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

Неизвестный. Всё это очень хорошо, а картину-то я всё-таки у вас купил и сейчас возьму.

Лоскутков. Благодетель! отступитесь! Именем дочери моей умоляю вас... отступитесь... я вам сверх задатку тысячу рублей дам.

Неизвестный. Тысячу рублей!.. Да я сейчас пять тысяч барыша получу... только стоит свезти да показать...

Лоскутков. Оставьте у меня... я вам, так и быть, две тысячи дам.

Неизвестный. Пять тысяч.

Лоскутков. Пять тысяч! Да у меня сроду столько денег не бывало.

Неизвестный. Ну как хотите. Эй!

Лоскутков. Три тысячи дам.

Неизвестный. Четыре.

Лоскутков *(в сторону)*. Что тут делать?.. четыре тысячи дам, ну всё-таки не буду в убытке. *(Громко.)* Будьте благодетелем несчастного, возьмите три тысячи с половиной.

Неизвестный. Ничего меньше!

Лоскутков. Ну так и быть, извольте,— завтра придется с кошелем идти, да, по крайней мере, картина будет с нами, и дочь моя будет спасена... у меня уж сердце такое чувствительное: всё для дочери. *(Идет к шкафу.)*

Неизвестный *(в сторону)*. Ну, что-то будет! Дело, кажется, хорошо обделалось.

Лоскутков. Вот пятьсот рублей ваши, а вот еще четыре тысячи. Сжальтесь над разоренными... дайте хоть пять рублей... выпью с горя и... пропадай мои денежки.

Неизвестный. Ну бог с вами! вот вам десять рублей... помните же меня... Прощайте... *(Уходит.)*

Лоскутков. Всех благ жизни!

Явление 14

Лоскутков и потом Слуга.

Лоскутков. Слава богу! Отделался! И не так чтоб очень дорого... *(Берет счеты.)* С первого получил задатку пятьсот рублей — пятьсот, со второго тысячу пятьсот — тысяча пятьсот — две тысячи... отдал четыре — две своих приложил... значит, картина пойдет за четырнадцать ты-

сяч рублей!.. Хорошо! очень хорошо! Ха-ха-ха! Вот дураков надул! Ха-ха-ха! *(Подходит к картине и продолжает хохотать.)* Ну думал ли я когда, чтобы за эту дрянь дали мне четырнадцать тысяч рублей!.. и что тут хорошего? пятака бы не дал... ей-богу, не дал бы пятака... еще баран сделан туда и сюда... а уж свиньи ни на что не похожи... настоящие свиньи. А собаки-то как смотрят, собаки-то... Точно хотят сказать: «Прощайте, Потап Иваныч! подарили мы вам четырнадцать тысяч рублей!» Ха-ха-ха! Ну спасибо, спасибо, собачонки!.. вот я вас косточками покормлю! Ха-ха-ха! Служите хорошенько своему новому господину... Спасибо... Недаром я перед вами на коленях стоял...

Звонят.

Ну вот, видно, уж и идут... *(Обращаясь к картине, иронически.)* Жалко мне расстаться с тобой, великое произведение искусства... куда как жалко... *(Отпирает дверь.)*

Слуга *(входит с письмом.)* От помещика Савастьяна Григорьевича Ростомахова.

Лоскутков. За картиной?

Слуга. А вот письмо-с.

Лоскутков. Больше ничего-с?

Слуга. Ничего. *(Уходит.)*

Лоскутков *(читает)*. «Милостивый государь! нахожусь вынужденным уведомить вас, что картина, которую я у вас сторговал, оказывается мне не нужна...» Что?.. Что?.. Не нужна? Не может быть!.. А задаток-то? *(Читает.)* «И потому, милостивый государь, предоставляя данный мною задаток в вашу пользу, прошу меня за оною с остальными деньгами не ожидать. Помещик Савастьян Григорьев, сын Ростомахов». Не надо? ему не надо картину? Он отказывается от задатка?.. А, я знаю, что делать!.. я утоплюсь! я повешусь!.. Вот люди! вот честь человеческая! Верь после того добродетели!.. Веревку! Веревку!

Явление 15

Лоскутков и Лиза (вбегает в испуге).

Лиза. Что с вами, папенька? Вы кричите, как сапожник, что живет против нас...

Лоскутков. Дочь моя! У тебя нет более отца!.. Я не отец тебе! Сапожник... точно, сапожник... Я дурак!.. я нищий!.. Были у меня деньги, дочь моя... были в руках... а теперь я разорен... ограблен!.. Я сойду с ума... теперь я глупее осла... беднее почтовой лошади... Прощай, дочь моя... я знаю, что мне делать! *(Быстро убегает.)*

Лиза *(одна)*. Что с ним сделалось? Он в самом деле ужасно встревожен... Я тут ничего не понимаю!

Явление 16

Лиза и Налимов.

Налимов. А! Лизавета Потаповна! Как вы можете? Позвольте поцеловать вашу ручку... отчего вы так встревожены?

Лиза. Что сделалось с папенькой? Он всё кричал: я разорен, разорен! — рвал на себе волосы и теперь убежал, такой страшный!

Налимов. Ничего, не бойтесь... Это не то чтобы к худу... Это просто к радости.

Лиза. К радости? Что вы говорите?

Налимов. А то, что все препятствия к нашему бракосочетанию, Лизавета Потаповна, уничтожены.

Лиза. Разве вы достали денег?

Налимов. В том-то и дело, что достал... Однако ж где же ваш папенька?.. как бы он с собой не сделал чего-нибудь с отчаяния... немудрено! *(Быстро уходит.)*

Лиза. У папеньки пропали деньги... Иван Федорыч достал денег... Я всё-таки ничего тут не понимаю... А сердцу что-то так весело... если Иван Федорыч в самом деле достал денег, папенька сейчас же согласится выдать меня за него! То-то будет весело!.. Наконец-то я уйду из этого проклятого дома, где мне было так скучно. Чудесно! чудесно! Нашью себе разных обнов, башмаков, салоп на лисьем меху... поеду с мужем на бал...

Явление последнее

Лиза, Лоскутков и Налимов.

Налимов *(ведет под руку Лоскуткова, бледного и посинелого)*. Ну, Лизавета Потаповна! Еще б минуточку — и быть бы вам сиротой!.. Так вот какая оказия случилась с вами, почтеннейший Потап Иваныч... и на много они вас таким образом надули, мошенники?

Лоскутков. На две тысячи... моих кровных трудовых денег отняли две тысячи!.. Ах, зачем вы помешали моему намерению?.. Я не хочу жить! Не хочу! Две тысячи!.. возвратите мне мои две тысячи, или я не хочу жить!

Налимов. Успокойтесь, почтеннейший Потап Иваныч... вас надули на две тысячи... вам всё равно с кого бы их ни взять, только бы возвратить. Согласитесь выдать за меня Лизавету Потаповну — и я вам сейчас дам две тысячи.

Лоскутков. Благодетель! Вы меня воскрешаете! Дочь моя! ты жена этого великодушного человека... давайте же две тысячи... *(Берет деньги.)*

Налимов. Соедините же нас, Потап Иванович.

Лоскутков. Сейчас, сейчас! Дайте только мне сосчитать... Так... *(Соединяет их руки.)* Будьте счастливы, дети мои... Живите мирно и не забывайте своего отца!

Лиза и Налимов. Добрый папенька!

Лоскутков *(разнежисаясь)*. Добрые дети! Иван Федорович, я не скуп, видит бог, я не скуп... Эта картина была причиной вашего счастья... возьмите ее: я отдаю ее за Лизой в приданое... Я не так скуп, как вы думаете...

Налимов. Ну, слава богу! Теперь мы вполне счастливы.

Лоскутков. И я счастлив, дети мои... А всё же мне хотелось бы узнать мошенников, которые меня так знатно надули.

Налимов. Ну, это я, может быть, вам скажу после нашей свадьбы.

1856

ОСЕННЯЯ СКУКА

ДЕРЕВЕНСКАЯ СЦЕНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Ласуков, помещик.
Анисья, домоправительница.
Максим, повар.
Егор, дворецкий
Мальчик.
Антип, кучер.
Дмитрий, портной.
Татьяна, скотница.

Действие происходит в деревне Ласуковке, в глухой осенний вечер.

Театр представляет комнату, выкрашенную синей краской. Две двери: одна прямо против зрителей, другая направо. Диван и перед ним круглый стол, на котором стоит единственная сальная свеча, сильно нагоревшая. На диване пуховая подушка в белой наволочке. На том диване дремлет Ласуков, худенький старичок лет пятидесяти, седой, со сморщенным и болезненным лицом. В передней, внутренность которой видна чрез полуотворенную дверь, спит, прислонив руки к столу и положив на них голову, мальчик в суконном казакине с красными сердцами на груди. Со двора доносится завыванье осеннего ветра и скрип ставней. Вдруг ветер завыл сильнее, громче застучал ставнями; Ласуков проснулся.

Ласуков. Ну, завывает!.. А я опять уснул. Ведь вот, кажется, мудреную ли задачу задаю себе каждый день? не спать после обеда! — вот всё, чего требую от себя, как от человека, а кончу всегда тем, что засну, как скотина. А еще говорят: человек — царь творения. Ну конечно! точно, царь, когда ему нужно объесться за обедом; а как придется не спать после обеда, так тут и погляди его!..

Молчание.

Ну, что ночью теперь буду я делать?..

Молчание.

А впрочем, желал бы я знать, кто на моем месте не заснул бы? Да я премию огромную готов тому предложить! До ближайшего города сорок верст, до ближайшего соседа семнадцать,— и дороги такие, что, говорят, третьего дня мужички мои повезли в город молоко, а привезли туда масло. Оно для молока и хорошо, а для человека, для человека каково, желал бы я знать? Пусть, кто хочет, сбивает душу свою в масло, а я не хочу! Вот и приходится сидеть дома. Ну а дома? Не угодно ли послушать, каково завывает? Дождь, грязь, слякоть, ветер...

Молчание.

Ну, что делать весь вечер? Как ночь спать? *(Останавливает глаза на нагорелой свече.)* У, какая шапка! Должно быть, и немало я спал!.. *(Кричит.)* Свечкин!

В ответ раздается тихое, мерное храпенье мальчика.

Храпаков!

То же храпенье.

Храповицкий!

Быстро является мальчик. Свет режет его сонные глаза, и он щурится.

Мальчик. Чего изволите?

Ласуков *(иронически)*. Ты не спал?

Мальчик. Нет-с.

Ласуков. Ну конечно! я так и знал. А как думаешь, который теперь час?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Не знаю. Вот новость сказал: не знаю. А ты подумай.

Мальчик думает.

Ну!

Мальчик продолжает думать.

Говори же!

Мальчик. Не знаю.

Ласуков. Дурак, ничего не знаешь! Ну пошел, посмотри!

Мальчик уходит.

Славный мальчик! расторопный, умница, молодец!

Мальчик. Шесть часов без четверти.

Ласуков. Да полно, так ли?

Мальчик. Так-с.

Молчание.

Ласуков. Ты ничего не видишь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Посмотри-ка хорошенько.

Мальчик *(внимательно осматривается кругом)*. Ничего, всё как следует.

Ласуков. Всё как следует? Полно, всё ли?

Мальчик *(осматривается опять)*. Всё-с.

Ласуков. Ты слеп.

Мальчик. Нет-с, вижу.

Ласуков. Что ж ты видишь?

Мальчик. Да всё-с.

Ласуков. Всё?

Мальчик. Всё.

Ласуков. А что? Ну, говори, что?

Мальчик *(озираясь)*. Стол, диван... стулья... свечку, гитару.

Ласуков. Больше ничего?

Мальчик. Нет-с. Стены вижу... вас вижу... потолок вижу...

Ласуков. А еще?

Мальчик *(осматривается с беспокойством)*. Ничего.

Ласуков. И всё в порядке?

Мальчик. Всё-с.

Ласуков. А вот не всё!

Мальчик *(робко)*. Что же-с?

Ласуков. Ну, посмотри хорошенько, так и увидишь.

Мальчик *(в недоумении осматривается в третий раз и тоскливым голосом отвечает)*. Ничего, всё как следует.

Ласуков. Решительно всё?

Мальчик. Всё.

Ласуков. Ворона ты, ворона! Ну, посмотри еще!

Мальчик снова осматривается с мучительным беспокойством. Ласуков устремляет на него вопросительный взгляд. Мальчик молчит.

Так ничего не видишь?

М а л ь ч и к. Ничего-с.

Л а с у к о в. Поди сюда.

Мальчик подходит.

Л а с у к о в *(приподнимается, с язвительной гримасой указывает на нагорелую свечу и говорит быстро)*. А это что такое?

М а л ь ч и к *(вскрикивает)*. Ах! *(И торопливо снимает со свечи.)*

Л а с у к о в. О чем ты думаешь? где у тебя глаза? Скоро ли я добьюсь, что из тебя выйдет человек?.. *(Умолкает.)*

Мальчик потихоньку уходит в прихожую. Проходит несколько минут, в течение которых старичок зевает, потягивается, закрывает и открывает глаза. Ветер продолжает выть.

Как воет, как воет! Теперь, я думаю, даже ворона усидеть на дереве не может: как поддаст ей ветер под крылья, так поневоле летит и каркает, дура.

Молчание.

В Петербурге в Английском клубе, в Дворянском собрании теперь, я думаю, играют. И прекрасно делают. *(Зевает.)* Одному играть почти невозможно... да и результату никакого не будет! А может быть, в Дворянском собрании теперь бал, музыка...

Молчание.

Козыревич!

Является м а л ь ч и к.

Подай гитару!

Мальчик, сняв со стены, подает ему гитару и останавливается у дверей. Ласуков играет и припевает апатически:

По полтинничку на пиве пропивал,
Оттого-то и на съезжей побывал...

У тебя есть ноги?

Мальчик. Есть.

Ласуков. Что ж ты стоишь?

Мальчик. Ничего-с.

Ласуков. Пляши. *(Продолжает играть. Мальчик усмехается.)* Ну!

Мальчик. Не умею-с!

Ласуков. Говорят, пляши, так пляши!

Мальчик робко переминается.

(Грозно.) Ну же!

Мальчик делает несколько неловких движений. Ласуков играет. Во время пляски у мальчика выпадает маленький ключ из кармана. Ласуков, заметив это, говорит в сторону, с радостью потирая руки.

А-та-та-та! *(Мальчику.)* Ну будет, будет! Заставь дурака молиться, он и лоб готов разбить!

Мальчик уходит. Ласуков на цыпочках подкрадывается к ключу, берет его, так же тихо возвращается к дивану, ложится и кричит:

Растеряшин!

Является мальчик.

Подай пороху!

Мальчик уходит в сени, через минуту возвращается и начинает шарить в прихожей. Ласуков с удовольствием прислушивается к его действиям.

Пошел теперь, пошел! *(Мальчику.)* Что ж пороху?

Мальчик *(из прихожей)*. Сейчас!

Слышно, как мальчик опять идет в сени, возвращается и продолжает шарить.

Ласуков *(тихо)*. Ищи! Ищи! *(Громко.)* Ну?

Мальчик *(сконфуженный, в дверях)*. Да не знаю, сударь, ключ от шкапа куда-то затерялся. Сходить разве не у Татьяны ли?

Ласуков. Да ты разве ей отдал его?

Мальчик *(несмело)*. Да... ей-с... у нее...

Ласуков. Ну конечно! сходи, сходи!

Мальчик уходит, и слышно на улице, как он бежит и шлепает по грязи.

Эк улепетывает! точно верхом поскакал! молодые ноги, горячая кровь! Эх, молодость, молодость! И мы были молоды, и в кавалерии служили, и на балах танцевали, и шпорами там побрякивали... да то ли еще делывали?.. а теперь! эх-эх-эх! молодость прожили, силу пропили и доживаем век с Гаврюшкой да с Анисьей, да с аптечными банками, да с лечебником Энгалычева — ипохондрического пехотного полка, геморроидального батальона, в лазаретном отделении.

Слышно возвращение мальчика.

Ключарев!

Является мальчик, весь красный, запыхавшись; лицо его выражает беспокойство.

Что ж, ключ взял у Татьяны?

Мальчик. Да она говорит, что у нее нет.

Ласуков. Ну так где же он?

Мальчик. Не знаю, сударь!.. Он всё у меня был...

Ласуков. Где?

Мальчик. Вот здесь, на поясе... как вы изволили приказывать.

Ласуков. Так ты, видно, потерял его?

Мальчик. Нет-с... как можно! я его крепко привязал...

Ласуков. Крепко?

Мальчик. Крепко-с... Сходить разве к матушке. Не оставил ли я его там, как переодевался...

Ласуков. Сходи...

Мальчик уходит, и опять слышен топот его ног, к которому Ласуков прислушивается. Топот умолкает, а через две минуты слышится снова всё ближе и ближе.

Вишь, опять побежал, точно заяц!

Молчание.

Вот, говорят, охота — самое лучшее развлечение осенью. Фу! мучить бедное животное!

Слышен скрип двери.

Ну, принес пороху?

Мальчик *(еще более красен и запыхался и беспокоен)*. Да никак, сударь, ключа не могу найти.
Ласуков. Ключа не можешь найти?
Мальчик. Не могу-с.
Ласуков. Я кому отдал ключ?
Мальчик. Мне-с.
Ласуков. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Ну, говори, что я тебе приказывал?

Молчание.

У тебя есть язык?
Мальчик. Есть.
Ласуков. Лжешь, нет. У тебя нет языка... а?
Мальчик. Есть.
Ласуков. Что ж ты молчишь?

Мальчик продолжает молчать.

Говори же! я тебе приказывал ключ от пороху носить на поясе, никому не давать и беречь пуще глаза... так?
Мальчик *(едва слышно)*. Так-с.
Ласуков. Ну, так куда же ты его девал?
Мальчик. Не знаю-с... я никуда его не девал... я...
Ласуков. Никуда?
Мальчик. Никуда-с!
Ласуков. Не отдавал никому?
Мальчик. Никому-с.
Ласуков. И не терял?
Мальчик. Не терял-с.
Ласуков. Ну. так подай пороху!

Мальчик молчит и не двигается. Холодный пот выступает у него на лбу.

Разбойник ты, разбойник! Ни стыда, ни совести в тебе нет! Хлопочи, заботься о вас, ночи не спи,— а вы и ухом не ведете! Ну теперь вдруг воры залезут, волки нападут — понадобится ружье зарядить... ну где я возьму пороху?.. Так за тебя, разбойника, всех нас волки и разорвут.
Мальчик *(громко рыдает)*. Я уж и сам не знаю, куда ключ пропал.

Ласуков. Не знаешь... Ну так ищи!

Мальчик. Да я уж искал, да не знаю, где уж его и искать...

Ласуков. Не знаешь?.. а есть, а пить, а спать знаешь? а?

Мальчик продолжает рыдать.

Поди сюда. *(Мальчик подходит. Ласуков достает из кармана ключ, показывает мальчику и устремляет на него лукавый и проницательный взгляд.)* Это что такое?

Мальчик *(пораженный радостным изумлением, простодушно)*. Да как же он вдруг у вас очутился!..

Ласуков. Узнал? *(Он наслаждается удивлением мальчика.)*

Мальчик. Узнал-с.

Ласуков. Рад?

Мальчик. Как же не радоваться! *(Лицо его просияло, и он вытирает слезы.)*

Ласуков. То-то вы! Я вас пои, корми, одевай, обувай, да я же вам и нянюшкой будь... У, мерзавец! *(При этом он вернул пальцем его нос, отдавая ему ключ.)* Возьми, да потеряй у меня еще раз, так потолчешь воду целую неделю!

Мальчик. Пороху прикажете?

Ласуков. Не нужно, ступай.

Мальчик, у которого лицо вытягивается от удивления, медленно отправляется в прихожую. Старичок ложится. Наступает тишина, нарушаемая только воем ветра и гулом проливного дождя. Вдруг на лице старичка является тревожное выражение. Он быстро приподнимается, щупает себе живот и под ложечкой, пробует свой пульс и кричит.

Подлекарь!

Является мальчик.

Подай зеркало.

Мальчик приносит ручное зеркало.

Свети!

Мальчик светит. Ласуков, приставив зеркало, рассматривает свой язык и делает гримасы перед зеркалом, стараясь высунуть как можно больше язык.

Так, так! белый, совсем белый... точно сметаной с мелом вымазан... Белый? *(При этом он поворачивает лицо с высунутым языком к мальчику.)*

Мальчик. Белый-с.

Ласуков. Как снег?

Мальчик. Как снег.

Ласуков. Возьми!

Мальчик уносит зеркало.

(Ласуков в отчаянии опускается на диван, ощупывает себя и рассуждает сам с собой.) Чего бы я такого вредного съел?.. А! грибы!.. точно: в соусе были грибы... Ах, проклятый поваришка! прошу покорно: наклал в соус грибов... *(Кричит.)* Грибоедов!

Является мальчик.

Позови Максима.

Приходит Максим — человек среднего роста, лет сорока, в белой куртке и белом фартуке. Он низко кланяется и робко стоит в дверях.

Ты что такое?

Максим молчит.

У тебя есть язык?

Молчание.

Да говори же: есть у тебя язык?

Максим *(пугливо)*. Как же, сударь, как же!

Ласуков. Не верю: покажи!

Максим плотнее сжимает губы.

Ну!

Максим нерешительно переминается.

Языков!

Является мальчик.

Скажи ему, чтоб он показал язык!

Мальчик. Ну, покажи язык!

После долгой нерешительности повар с крайней застенчивостью неловко высовывает язык.

Ласуков. Отчего же ты молчишь?

Максим молчит.

Молчалин! Скажи ему, чтоб он говорил.

Мальчик. Ну, говори!

Повар молчит.

Ласуков. Ты что такое?

При этом вопросе на лице молчаливого повара выражается мучительное недоумение.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

Максим издает губами неопределенный звук.

Я тебя спрашиваю! ты что такое: кузнец, плотник, слесарь?..

Максим *(поспешно и радостно)*. Повар, сударь, повар.

Мальчик уходит.

Ласуков. Чей?

Максим. Вашей милости, сударь!

Ласуков. Ты должен меня слушаться?

Максим. Как же, сударь, как же!

Ласуков. Я тебе что приказывал? Ну, говори, всё ли ты изготовил, как я тебе приказывал?

Максим *(с беспокойством)*. Всё-с.

Ласуков. Всё? Ты что сегодня готовил?

Максим. Суп, холодное... *(Запинается.)*

Ласуков. Ну?

Максим *(быстро и глухо)*. Соус... *(явственнее)* жаркое, пирожное...

Ласуков. Стой, стой... зачастил!.. Соус?..

Максим. Соус.

Ласуков. С чем?

Максим молчит.

Говори!

Максим. С красной подливкой... жаркое-с...

Ласуков. Да нет, ты постой! С чем соус?

Максим. С красной подливкой.

Ласуков. А еще с чем?.. ни с чем больше?.. а?

Максим *(с радостью)*. Ни с чем, сударь, ни с чем!
Ласуков. А грибов в соусе не было?

Молчание.

Не было грибов?
Максим *(издает неопределенный звук)*. Не б... мм...
Ласуков. Не было? Ну принеси его сюда!

Максим уходит.

Э-эх! *(Зевает.)* Хотя бы до девяти дотянуть... время-то ведь как ползет — еле-еле... Черепахин!

Входит мальчик.

Много ли?
Мальчик *(уходит в дверь направо и возвращается)*. Без четверти семь.

Возвращается Максим с соусником.

Ласуков. Принес?

Максим подает ему соусник; мальчик уходит.

Это что такое? это не грибы?.. *(Пробует.)* Конечно грибы, еще бы не грибы. *(Ест.)* Прошу покорно, отравлять меня вздумал! Это не грибы! Не грибы *(ест)*, не грибы! что же это такое, как не грибы?.. пробка, что ли? *(Ест.)* Нет, нет, какая пробка! *(К повару.)* Так ты не клал в соус грибов?
Максим. Немножко, сударь... так... только для духу!
Ласуков. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Говори: приказывал я тебе класть в кушанье грибы?
Максим. Нет, сударь...
Ласуков. Зачем же ты положил их?

Максим молчит.

Ну, говори: зачем?
Максим. Да я так... немножко... я думал только...
Ласуков. Стой! что ты думал?

Максим молчит.

Что ты думал?

Максим продолжает молчать.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

Максим. Да я, сударь, думал, что оно... вкуснее... будет...

Ласуков. Вкуснее! Ах ты чумичка, чумичка!.. Вкуснее будет!.. Ему и дела нет, что барин нездоров... Он рад мухоморами накормить... валит грибы очертя голову, а тут хоть умирай... Знаешь, что ты наделал?

Максим. Не могу знать-с.

Ласуков. Мухоморов!

Является мальчик.

Ласуков. Подведи его сюда!

Мальчик подводит повара к столу.

Видишь? *(Показывает повару язык.)*

Максим. Вижу-с!

Ласуков. Белый?

Максим. Белый-с.

Ласуков. Как снег?

Максим. Как снег.

Ласуков. Кто его выбелил, а? что молчишь? В маляры вместо поваров, в маляры — никуда больше не годен. Потолки белить, крыши красить. Вот упадешь с крыши, расшибешься — туда тебе и дорога. Что мне с тобой сделать?

Молчание.

А?

Максим. Не знаю, сударь!

Ласуков. Как думаешь?

Максим. Не знаю-с.

Долгое молчание.

Ласуков. Пошел, садись под окошком и пой петухом! да положи у меня еще раз грибов!!

Максим поспешно уходит, с глубоким и свободным вздохом.

Петухов!

Входит мальчик.

Который час?

М а л ь ч и к. Половина восьмого.

Л а с у к о в. Ух! *(С отчаянием опускает голову на подушку. Тишина. Через минуту он снова начинает себя ощупывать, повторяя.)* Отравил! совсем отравил, разбойник! И желудок тяжел, и под ложечкой колет... уж не принять ли пилюль?.. не поставить ли мушку?.. *(Кричит.)* Тифусевич!

Является м а л ь ч и к.

Энгалычева подай!

Мальчик приносит несколько старых книг в серо-синей обертке.

Очки!

Мальчик приносит очки.

(Надев их, Ласуков читает. По мере чтения лицо его делается беспокойнее. Наконец в волнении он начинает читать вслух.) «При ощущении тяжести в животе, урчании...» *(Он прислушивается к своему животу, с ужасом.)* Урчит! урчит! *(Продолжает читать.)* «...боли под ложечкой, нечистоте языка, позыву к отрыжке...» К отрыжке? *(Насильственно рыгает.)* Так, и отрыжка есть! *(Читает.)* «...нервической зевоте...» Что, зевота? Ну, зевота страшная целый вечер! *(С наслаждением зевает несколько раз, приговаривая беспокойным голосом.)* Вот и еще! вот еще! *(Читает.)* «...жару в голове, биении в висках...» *(Пробует себе голову.)* Так и есть: горяча! Ну, биения в висках, кажется, нет. *(Пробует виски.)* Или есть?.. Да, есть! точно есть!.. Прошу покорно... начинается тифус, чистейший тифус... Ай да грибки! Угостил!.. Не поставить ли хрену к вискам? или к ногам горчицы?.. а не то прямо приплюснуть мушку на живот?.. *(Кричит.)* Горчишников!

Является м а л ь ч и к.

Скажи повару... нет, поди! ничего не надо!

Мальчик уходит.

Лучше подожду, пока начнется... вот и Энгалычев пишет: не принимать решительных средств, пока болезнь совершенно не определится! *(Он закрывает глаза и ждет. Проходит несколько минут.)* Начинается... или нет? *(Он*

приподнимается, и вся фигура его превращается в вопросительный знак; он прислушивается к своему животу, пробует себе лоб, виски, живот.) А, вот началась! началась! *(Эти слова кричит он так громко, что мальчик в прихожей вздрагивает, просыпается и осматривается безумными глазами.)* Нет, ничего!.. Лучше я чем-нибудь займусь, так она тем временем и начнется... определится... тогда и меры приму... А чем бы заняться?.. А!.. Энгалычев!

Является мальчик.

Холодно?

Мальчик. Холодно-с.

Ласуков. Очень?

Мальчик. Очень.

Ласуков. Не будет ли завтра морозу? Спроси-ка, где моя шуба, да вели принести сюда!

Мальчик уходит в дверь направо.

Посмотрим, посмотрим, что теперь будет. Уж давно я ждал...

Является Анисья, женщина лет тридцати, очень полная, с белой болезненной пухлостью в лице. На плечи ее накинута пунцовая кацавейка, не закрывающая, впрочем, спереди платья, которое висит мешком на ее огромной груди. Голова Анисьи довольно растрепана; в ушах ее огромные серьги, а на висках косички, закрученные к бровям и заколотые шпильками, от которых тянутся цепочки с бронзовыми шариками, дрожащие при малейшем движении. На ее белой и толстой шее два ряда янтарных бус, которые тоже трясутся и дребезжат. Она останавливается у стола в небрежной позе и спрашивает протяжным голосом, с некоторым беспокойством.

Анисья. Вы спрашиваете шубу, Сергей Сергеич?

Ласуков *(нежно)*. Да, моя милая, шубу. Хочу посмотреть. Я ее с прошлой зимы не надевал. Может, переделать понадобится... Где она у вас сохраняется?

Анисья *(протяжно)*. Да где?.. *(Останавливается с разинутым ртом и думает.)* Да в шкапу лежит... больше ей негде лежать...

Ласуков. И табаком переложена?

Анисья. Переложена.

Ласуков. Ну так пускай принесут.

Прозвенев своими цепочками и булавками, Анисья медленно и в раздумье уходит. Скоро во всем доме слышится глухая тревога: беготня, отрывистые голоса, отодвиганье ящиков, щелканье замков.

Ласуков *(прислушиваясь к общей тревоге и потирая руки)*. Ну теперь пошли щелкать дверьми, отодвигать ящики, ключами греметь... засуетились, забегали... *(Заслышав тяжелые шаги Анисьи, он спешит принять спокойное выражение.)*

Входит Анисья.

Анисья. Да на что вам вдруг таперича шуба понадобилась?

Ласуков. Посмотреть хочу. Холодно становится... Может, завтра мороз будет...

Анисья. Да не будет завтра морозу.

Ласуков. А как будет?

Анисья. Ну так завтра и посмотрите.

Ласуков. Завтра? Надо ее прежде выколотить... починить... Да ведь она у тебя в шкапу лежит и табаком пересыпана,— прикажи достать — вот и дело с концом! *(Он лукаво смотрит на нее. Анисья потупляет глаза.)*

Анисья. Ах вы! *(Качает головой, отчего ее цепочки и шарики приходят в страшное движение.)* Уж всегда такой... как что вздумаете... Вот вздумал, право! *(Уходит.)*

Снова во всем доме начинается беготня и тревога, гораздо сильнее прежней. На потолке и стенах появляются светлые пятна, показывающие, что по двору ходят с фонарями. Со двора долетают голоса, хлопанье и скрипенье дверей. Лицо старичка опять озаряется лукавой и довольной усмешкой.

Ласуков. Отлично! отлично! ну задам же я им работу! Ищите, друзья мои, ищите! ха-ха-ха! Прежде небось никто не подумал... только бы есть да лежать... а вот теперь и побегаете... Дармоедов!

Входит мальчик.

Что же шуба?

Мальчик. Не знаю, сударь! Ищут...

Ласуков *(с видом величайшего изумления)*. Как ищут? да разве она не в шкапу лежит?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Поди скажи, чтоб давали!

Является Анисья с шубой на руке.

Анисья. Вот ваша шуба.

Ласуков. Покажи-ка!

Анисья. Нет, вот у ней крючок оторван, так я велю пришить... *(Она хочет идти.)*

Ласуков. Нет, не надо! не надо! Давай ее так! Я хочу другие, серебряные крючки поставить...

Анисья. Ну так где они у вас? давайте я пришью.

Ласуков. Нет, шубу-то покажи!

Анисья *(медленно подвигается вперед, причем шарики и цепочки звенят, и показывает издали шубу Ласукову)*. Да вот же она! Ну чего не видали?.. Вот у ней маненечко воротник моль тронула, так я хотела...

Ласуков. Моль тронула! Не может быть! Ведь она у вас в шкапу лежала?

Анисья молчит.

Табаком была переложена?

Анисья в смущении потупляет голову и молчит.

Не может быть! Ну, покажи!

Анисья *(стоит неподвижно, с потупленной головой, и тяжело и громко дышит)*. Право, охота вам таперича шубой заниматься... Ведь сегодня гулять не пойдете... читали бы в книжку, право...

Ласуков. Читаю, читаю, да вот и вычитал, что и по вечерам иногда полезно прогуливаться...

Анисья *(громко и решительно)*. Да нельзя же вам в ней прогуливаться! Вот ее забыли в горенке... а таперича вот ее всю моль поел! *(Проговорив это одним духом и без обычной протяжности, Анисья испускает глубокий вздох, причем грудь ее сильно колышется и цепочки на висках дрожат сильнее обыкновенного.)*

Ласуков *(с притворным ужасом)*. Всю моль поел! *(Вскакивает и хватает шубу из рук Анисьи.)* Ай! ай! ай! *(Встряхивает шубу, отчего в воздухе образуется туча пуху и пыли, а пол покрывается клочками полусгнившего меха.)* Это что такое? *(Указывает на огромные плешины и диры, выеденные молью.)*

Анисья молчит.

Что это такое?

Анисья *(с досадой)*. Да я же вам говорила, что ее моль поел!

Ласуков. Моль поел!.. А где она лежала?

Анисья. Да в горенке... на чердаке...

Ласуков. В горенке... А кто ее положил в горенку? а?

Анисья. А я почем знаю...

Ласуков. Ты не знаешь... Не знаешь! хороша домоправительница! Кто же знает? *(Кричит.)* Мехоедов!

Является мальчик.

Ты не знаешь, кто бросил шубу на чердак?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Кто же знает?

Мальчик. Не знаю-с... разве Татьяна...

Ласуков. Позови Татьяну.

Мальчик уходит.

(Ласуков, покачивая головой, укоризненно смотрит на Анисью.) И не стыдно тебе?

Анисья. А ничаво не стыдно!

Приходит Татьяна, старуха лет 70, в платке и огромных котах, надетых на толстые шерстяные чулки.

Ласуков. Поди сюда!

Старуха подходит, стуча котами.

Это что такое?

Татьяна. Шуба, ба-ба-тюшка!

Ласуков. Хороша?

Татьяна. Хороша, батюшка!

Ласуков. Посмотри хорошенько!

Старуха нагибается и осматривает шубу.

Очень хороша?

Татьяна. Очень, батюшка!

Ласуков. Ты носила шубу на чердак?

Татьяна. Нет, батюшка!

Ласуков. Кто же?

Татьяна. Не знаю-с, батюшка!

Ласуков. Ты ходишь на чердак?

Татьяна. Как же, батюшка, случается...

Ласуков. Отчего же ты не посмотрела да не прибрала ее?

Т а т ь я н а. Да невдомек, батюшка!.. Не я одна хожу...

Л а с у к о в. Не ты одна! Кто же еще?

Т а т ь я н а. Кто? все ходят, батюшка! Кому понадобится, тот и прет... И Антип ходит, и Егор Харитоныч ходит...

Л а с у к о в. Пучеглазов!

Является м а л ь ч и к.

Позови Егора.

Приходит Е г о р — старый человек, низенький, с красным лицом, плешивый.

Л а с у к о в. Ты сыт?

Е г о р. Сыт-с.

Л а с у к о в. Одет?

Е г о р. Одет.

Л а с у к о в. Обут?

Е г о р. Обут.

Л а с у к о в. Пригрет?

Е г о р. Пригрет.

Л а с у к о в. Жена твоя сыта?

Е г о р. Сыта.

Л а с у к о в. Одета?

Е г о р. Одета.

Л а с у к о в. Обута?

Е г о р. Обута.

Л а с у к о в. Пригрета?

Е г о р. Пригрета.

Л а с у к о в. Дети твои пó миру не ходят?

Е г о р. Не ходят.

Л а с у к о в. Сыты?

Е г о р. Сыты.

Л а с у к о в. Одеты?

Е г о р. Одеты.

Л а с у к о в. Обуты?

Е г о р. Обуты.

Л а с у к о в. Пригреты?

Е г о р. Пригреты-с.

Л а с у к о в. Подойди сюда.

Егор подходит.

Смотри. *(Тряхнув шубу, он пускает на Егора тучи пыли и пуху.)* Хороша?

Егор (*глубокомысленно*). Да, никак, ее моль поел!

Ласуков. Моль поел! Ты ходишь на чердак?

Егор. Случается.

Ласуков. Отчего же ты не посмотрел да не сказал, что вот де шуба валяется...

Егор. Да не мое дело.

Ласуков. Не твое дело? а есть, а спать, а пить — твое дело?..

Егор. Когда спать! овса выдай, хлеб мерой прими, подводы наряди... А вот Антип всё лежит...

Ласуков (*кричит*). Мериносов!

Является мальчик.

Позови Антипа.

Анисья (*протяжно*). Вот, право, таперича чем вздумали заниматься!

Ласуков. Э, что? уж лучше молчи!

Приходит Антип — высокий и плотный человек средних лет, в полушубке.

Ты всё лежишь?

Антип. Как можно-с! досуг ли лежать... лошадям корму задай, собакам замеси, дров наруби...

Ласуков. Ну, пошел! Поди сюда!

Антип подходит.

Полюбуйся. (*К Анисье, ядовитым голосом, указывая на шубу.*) Полюбуйся и ты...

Наступает глубокое молчание. Анисья, Егор, старуха Татьяна, Антип и мальчик в разных положениях стоят кругом остатков шубы, в облаке пыли и пуху. Свеча горит тускло. Ласуков сидит на краю дивана, с поникшей головой. Со двора доносится вой ветра и гул дождя.

Ласуков. Дармоеды! лежебоки! Только есть, пить, спать; а там про них хоть трава не расти... Какую шубу сгноили!.. Нет чтобы подумать: где-то баринова шуба? возьму-ка ее выколочу да переложу табаком... Куда! ни одному и в голову не пришло... Я так и знал!.. Что вы думаете, что я всё лежу да книгу читаю, так уж ничего и не вижу? всё вижу, всё! Я как снял весной шубу, тогда же подумал: вот только не прикажи я спрятать —

сгноят, непременно сгноят... Не на мое вышло?.. а? *(Останавливается с вопросительным выражением.)*

Анисья *(среди общего молчания)*. Так зачем же вы тогда же не сказали? А вот таперича сами сердитесь!

Ласуков. Не сказал... зачем не сказал? Хороша и ты, голубушка! заботлива, нечего сказать! Семь месяцев гниет шуба, а ей и в голову не придет!.. ходит себе, точно ступа.

Анисья *(зарыдав вдруг и утирая рукавом глаза)*. Уж коли вы таперича начали таким манером со мной обращаться, так уж я и не знаю... *(Уходит с гневом.)*

Ласуков *(сердито обращаясь к остальным)*. У вас ног нет?

Егор. Прикажете идти?

Ласуков. Идти. Поесть, напиться и лечь спать под тулупом. Что же вам больше делать?

Они молча уходят.

А ведь правду сказать, так и точно им больше делать нечего. Я один, а их у меня человек двадцать. Счастливые люди... спится им. *(Зевает.)* Овчинников!

Является мальчик.

Поет?

Мальчик. Поет-с.

Ласуков. Что ж не слыхать?..

Мальчик. Да за ветром... А, вот слышно!..

Ласуков *(прислушивается)*. Поди скажи ему, чтоб перестал горло-то драть да спать бы ложился; а готовить завтра ничего не надо: я болен.

Мальчик уходит.

(Ласуков закрывает глаза. Тишина.) Да, я болен, решительно болен. Только какая же у меня болезнь?.. до сей поры не определилась... я просто весь болен: и голова, и ноги, и желудок. Вот поди и выбирай лекарство! Тут и сам Энгалычев станет в тупик... *(Кричит.)* Кантемир!

Является мальчик.

Который час?

Мальчик уходит и возвращается.

<Мальчик>. Четверть девятого.

Молчание.

Ласуков. Штрипку пришили?

Мальчик. Пришили.

Ласуков. Ты видел?

Мальчик. Нет-с; да я еще утром велел Митрею пришить.

Ласуков. Вели-ка показать.

Через несколько минут приходит Дмитрий, лысый человек средних лет, малого роста, с стальным наперстком на большом пальце. В руках его панталоны со штрипками.

Пришил?

Дмитрий. Пришил-с.

Ласуков. Покажи. *(Мальчик светит. Ласуков рассматривает штрипку.)* Хорошо. Неси!

Дмитрий идет.

Постой!

Дмитрий останавливается.

Ты зачем у меня шубу сгноил?

Дмитрий. Какую шубу?

Ласуков. У тебя есть глаза?

Дмитрий. Есть-с.

Ласуков. Что ж ты ничего не видишь?

Дмитрий. Нет, я вижу-с.

Ласуков. Нет, не видишь.

Дмитрий. Как угодно-с.

Ласуков *(кричит)*. Курослепов!

Является мальчик.

Покажи ему шубу.

Мальчик подводит портного к шубе, лежащей посреди пола. Дмитрий с удивлением и испугом осматривает ее.

Лентяи! лежебоки! Только есть!.. *(Ленивый голос плохо повинуется ему. Не докончив выговора, он умолкает.)*

Дмитрий. Ничего больше не изволите приказать?

Ласуков. Ступай.

Дмитрий уходит. Наступает тишина. Ласуков то закрывает, то открывает глаза, потягивается, зевает. Ветер продолжает выть, ставни скрипят, дождь стучит в крышу и окна.

Ветрогонов!

Является мальчик.

Ты что делаешь?

Мальчик. Ничего-с...

Ласуков. Который час?

Мальчик *(уходит и возвращается)*. Тридцать пять минут девятого.

Ласуков. Тебе хочется спать?

Мальчик. Хочется.

Ласуков. И если тебя пустить, ты вот так сейчас и заснешь?

Мальчик. Засну-с.

Ласуков. Поди вон.

Мальчик уходит.

Попробую-ка и я. *(Закрывает глаза и делает усилие заснуть.)* Нет! спать, кажется, хочется, а попробуй лечь, целую ночь глаз не сомкнешь — уж я испытал! Сонуля!

Является мальчик.

Подай Удина!

Мальчик приносит книгу. Ласуков берет ее и через минуту оставляет.

Вот и Удин советует не принимать решительных мер, пока болезнь не определится... А что же делать? *(Постепенно им овладевает неестественная зевота. Он зевает с вариациями и фиоритурами, вытягивая бесконечные а-а-а-а-о-о-о-о-у-у-у.)* Синебоков!

Является мальчик.

Который час?

Мальчик *(уходит и возвращается)*. Сорок три минуты девятого! *(Уходит.)*

Тишина.

Ласуков. Токарев!

Является мальчик.

Подай станок!

Мальчик приносит небольшой токарный станок. Ласуков начинает пилить и строгать. Мальчик светит, стоя перед станком. Однообразное визжание подпилка скоро убаюкивает его. Он спит, слегка покачиваясь, натыкается животом на станок, толкает его. Ласуков дает ему щелчка и продолжает пилить. Постепенно рука его пилит слабее и слабее, наконец вовсе замирает над станком. Рука мальчика также ослабевает и раскрывается. Подсвечник с резким звоном падает на пол. Свечка гаснет. Мальчик вздрагивает и продолжает спать. Ласуков также вздрагивает, на минуту открывает глаза и, переложив голову со станка на подушку, также продолжает спать.

1859

ЗАБРАКОВАННЫЕ

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, С ЭПИЛОГОМ, С НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПЕСНЯМИ И ПЛЯСКАМИ И ВЕЛИКОЛЕПНЫМ БЕНГАЛЬСКИМ ОГНЕМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Григорий, дьячок села Пьянова, 52 лет.

Михайло Триумвиратов, сын его, 19 лет, кончивший курс в губернской гимназии.

Калистрат, второй сын Григория, 7 лет.

Константин Харчин, 20 лет, сын уездного приказного.

Александр Сергеич Тузов, сын помещика села Пьянова, 20 лет.

Никандр Иванович Кадыков, профессор.

Девушки, 1-я, 2-я и 3-я.

Без речей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Действие происходит в окрестностях села Пьянова.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет обширный луг, скошенное сено частию поставлено в стоги, частию просушивается. Местами разбросаны разные принадлежности сенокоса: грабли, косы, стоит отпряженная телега. Невдалеке видна река.

Сцена 1

Григорий и Калистратка.

Григорий

(бросая грабли)

Трапезовать прилично человеку,
Егда почует некоторый глад,
Дай закушу. А ты беги на реку

Да зачерпни водицы, Калистрат!
Или домой — чтоб нацедили квасу.

(Калистратка, живой мальчик, в халате, босиком, убегает с жбаном.)

Велик господь! Подрезали траву —
И рожь поджали ко второму Спасу,
Там молотьбой займемся к Покрову,
А там простор крещенскому морозу,
Там пост велик, а там опять весна,
Весна — пора свезения навозу
С дворов на пашню. Чудно создана
Природа-мать! Я к «Таинствам Натуры»
Имел когда-то «Ключ», да затерял.
Там сказано... *(Вздрагивает.)*

Сцена 2

Григорий и девушки, 1-я, 2-я и 3-я.

Через сцену проходит несколько крестьянских девушек в чистых белых рубашках и цветных платках, с песнею.

Григорий

Эк, как горланят дуры!

1-я девушка

Бог нá помочь.

Григорий

Спасибо бы сказал,
Да испугали.

2-я девушка
(очень красивая)

Мы не ведьмы, дядя.

Григорий

Не ведьмы-то не ведьмы, вижу я.

3-я девушка

Пойдем, чего остановилась, Надя?
Смерть жарко... в воду так и брошусь я...

Григорий

Да, видишь, я задумался... Парила
Бессмертная ко господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль некая... Я думал не спеша
В нее войти — вдруг пенье...

3-я девушка

Ну прощайте.

Григорий

Да вы куда?

2-я девушка

Купаться.

Девушки уходят с песней; слышны их голоса, смех и через несколько минут плесканье в воде.

Григорий

С вами бог!
Играйте, смейтесь, песни распевайте...
Чу! бухаются в реку со всех ног!
Как тело-то с размаху молодое
Об воду ударяется... Эх-эх!

Сцена 3

Те же и Михайло Триумвиратов в гимназическом старом сюртуке, очень грустный.

Григорий

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?
Не выдержал?

Триумвиратов

Забраковали всех!

Григорий
(в отчаянии, после минуты молчания)

Не выдержал!.. Последние деньжонки
Я на него лет десять убивал,
Я покупал учебные книжонки,
Халаты шил и сапоги тачал!
Чтобы его в гимназию отправить,
Я продал жеребенка-сосуна,
Который мог со временем доставить
Мне денежки: резвее скакуна
Теперь на всем заводе у Тузова
Нет, говорят. Недавно вот на нем
Проехал барин: мещут огнь подковы!
А ты гляди да щелкай языком!
Лишив меня сокровища такого,
Ты нежностью сыновней не умел
Родителя утешить: из Тамбова,
Припомни, как ты пеший прилетел,—
«Я не могу в гимназии остаться:
И там посекли»; я еще побил
И приказал обратно отправляться
Да сам пешком туда же поспешил.
Насилу всё уладил, награжденье
Единое имея впереди,
Что в высшее ты вступишь заведенье
В столичном граде. Бог тебя суди!
Копя гроши в последнюю годину,
Я в путь тебя отправил наконец.
Но паки ты поверг меня в кручину —
Не выдержал экзамену, подлец!

Триумвиратов

Не я один. Вот тоже сын Тузова,
Сын нашего повытчика — Харчин
И многие.

Григорий

Не ты один? Ни слова!
Что выдумал еще — не он один!
Тузову всё простительно: богаты

Соседи наши; возвратился вспять —
И рад отец, и мать, и сестры рады,
И наши же поля начнет топтать
С отцовской стаей ветреный невежда.
Но ты, но ты... сын нищего дьячка,
Семьи своей единая надежда,
С тобой теперь разделка коротка!

(Замахивается)

Что пятишься? Я выместить намерен
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь уверен,
Я абие тебя побью!

Триумвиратов

Отец! отец! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.
Я плачу, видишь эти слезы —
Уже не первые они.
Ребенком ветреным, с косичкой,
Когда еще, и глуп и мал,
Я гнался за невинной птичкой
И с грядок репу воровал,—
Уже тогда твой взор суровой
За мной заботливо следил:
Ты бил дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормил!
А в бурсе... Там, от боли воя,
К сеченью приводим был вновь;
По суткам на горохе стоя,
Простаивал колени в кровь.
Ох! памятна мне эта бурса —
Вовек не позабыть о ней,
Но гимназического курса
Воспоминания свежей.
Что сделать розгой или палкой
Возможно — сделано давно.
В душе я трус какой-то жалкой:
Мне честь, бесчестье — всё равно;
Что б предо мною ни творили —
Смотрю с безмыслием глупца:

Вот правого приговорили,
Вот оправдали подлеца;
Молчу — полнейшая безгласность!
Как будто нет во мне души!
Над всем господствует опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словом, розочной науки
Я всю исчерпал благодать.
Зачем же старческие руки
Тебе напрасно утруждать?

Григорий

А всё побью. Но изложи сначала
Причину — почему не принят?

Триумвиратов

Наступил
Век строгости какой-то небывалой...
Да вот Харчин: уж как прилежен был!
Он до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что ж? увы!.. Ну уж пускай бы нас-то:
Нет, и его... пешком пошел домой...
Бедняжка! как он трусил! как боялся!
Отец сердит и беден. Что-то с ним?
Я к Харчину душевно привязался:
Всегда задумчив, болен, нелюдим,
Боюсь, что он не выдержит печали.

Калистратка
(за сценой)

Вот батюшка... ах, братец!.. ты...

Входят Калистратка и Харчин.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Григорий, Триумвиратов, Харчин, Калистратка.

Триумвиратов

Харчин!
Откуда ты?

Калистратка

Да вот они искали:
Я встретил и привел...

(Ласкается к брату.)

Харчин

Один теперь, один
На целом свете! Батька рассердился
И выгнал!

Григорий

Благородный господин!
Кто ты такой? Откуда появился?

Харчин

Кто я? злосчастный Константин
Харчин!
В последний раз узрев родную землю,
Готовлюсь к смерти я...
Да вот вам вся история моя,
Когда вы знать ее хотите.

Григорий

Внемлю.

Харчин

«Не спорю, дело честное —
Карать и обличать,
Но нужно знанье местное —

Вот мне так грех не брать!
Как черствым хлебом давится
Голодная семья,
Так бескорыстьем славиться
Позор — вот мысль моя!» —
Такие рассуждения
Отец мой развивал
И кожу без зазрения
С живых и с мертвых драл.
Он за дельца удалого
В уезде нашем слыл,
Но был чинишка малого
И очень бедно жил.
«Эх! доля неоплатная,
Ты долюшка моя!» —
Певал он: необъятная
Гнела его семья.
По счастию, отличная
Жена, детей штук пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да брат с ногой, оторванной
Под Данцигом, да дед,
Прожорливый, оборванный,
Ста двадцати трех лет!
Такая уж живучая
Порода их была.
В отце судьба могучая
Кормильца им дала.
И он свершал призвание —
Безропотно кормил
И даже их ворчание,
Их злость переносил!
Крутенько приходилося:
Случалось — хлеба нет,
Семья вся притаилася,
Разбунтовался дед!
«Всех накормлю, родимые!» —
Промолвит — и уйдет
И вдруг непостижимые
Пути изобретет:
Глядишь, деньга явилася!
Утих задорный дед,

Семья одушевилася...
Так жил он сорок лет;
Не изменял обычая,
Кормил и холил нас,
Лишь в год до безъязычия
Пьян напивался раз.
Тут только маску чинную
Снимал он наконец:
Прибьет жену невинную,
Облает нас отец!
Рассказ враля досадного
О Данциге прервет
И мучит деда жадного —
Обедать не дает!

Помощником родителя
Лет с девяти я был:
У каждого просителя
Особо я просил
И матушке грошовые
Доходы отдавал...
Да, смолоду суровые
Картины я видал!
К чему о них рассказывать?
Но должен я сказать,
Что темных дел показывать,
В них сына посвящать —
Ни малого желания
Родитель не питал:
«Тебе тут не компания —
Иди!» — он замечал,
Когда к нему стекалися
Сутяги и дельцы.
Но от меня старалися
Напрасно скрыть концы:
Во все их тайны грязные
Чутьем я проникал...
В проделки безобразные
Как сам я не попал,
Не сделался воришкою —
То знает только мать.
Почти еще мальчишкою
Я начал понимать

Всё, что в семье творилося...
Желанье ей помочь
В душе моей родилося —
Я начал день и ночь
Учиться, чтоб отправиться
Весною далеко...
«Разбогатеть, прославиться
Там, дитятко, легко!» —
С какой-то верой пламенной
Мне говорила мать,
Отец до Белокаменной
Решился провожать.
Пришла в смятенье чудное
Вся бедная семья,
И вдруг признанье трудное
Свершила мать моя:
«Возьмите вот, касатики,
Скопила два рубля!
Смотри, из математики
Не получи нуля!»
Описывать не для́ чего,
Как мы без денег шли,
Способности подьячего
Отцу тут помогли:
В одном селе прикинулся
Лазутчиком; ему,
Чтоб только дальше двинулся,
Грошей собрали тьму.
У Иверской свидетелем
Он руку приложил,
Что кто-то благодетелем
Своим засечен был.
Была еще история,
Но вспоминать зачем? —
И со стыда и с горя я
Сгорел тогда совсем...

Один в погоду скверную
В столицу я вступил
И горечь непомерную
В ней бедности испил...
Питаясь чуть не жестию,
Я часто ощущал

Такую индижестию,
Что умереть желал.
А тут ходьба далекая...
Я по ночам зубрил;
Каморка невысокая,
Я в ней курил, курил!
Лежали книги кучею
Одни передо мной,
Да дым носился тучею
Над тусклою свечой.
Способности усталые
Я утром освежал:
Без чаю с Охты Малыя
На остров пробегал;
Как пеший-то по-конному
Верст восемь продерешь,
Так обаянью сонному
С трудом не подпадешь!
Тут голова беспутная
Начнет ходить кругом,
В ней безразличность мутная
И тупость, и содом!
Для экстренной оказии
Уж съехались туда
Учителя гимназии...
...Запнулся — и беда!
Стоишь вороной жалкою,
А в голове стучит,
Как будто сзади скалкою
В затылок кто тузит!
В глазах снуют видения,
В ушах: лю-ли! лю-ли!
И нет тебе спасения —
Нули! Нули! Нули!..

За строгость не получите
Профессорский диплом,
Лишь бедняков отучите
За сотни верст пешком
Идти толпой голодною
На берега Невы
С надеждой благородною
К развитью головы...

Придешь домой — от сродников
Лежит уж письмецо:
«Моли, сынок, угодников,
Учись, забудь винцо!»
Эх! что вы, мои милые?
Какое тут питье!
Измаял больно силы я —
Вот горюшко мое!
Измаял — и решение
Свершилось: мой язык,
Мой ум пришли в смятение —
Увы! я стал в тупик!..
Что толковать с невеждою?
Учитель нуль всучил...
С угаснувшей надеждою
Я вдруг лишился сил.
Сказались мне бессонные
Четырнадцать ночей
И похожденья конные
На паре на своей!
Смутил аудиторию —
Осмелился упасть,
И в новую историю
Не преминул попасть.
Сочли меня за пьяного,
В горячке я кричал...
У сторожа Иванова
Очнулся: смерть я звал —
Конец бы одинаковый!..
Но жив я до сих пор,
Лишь с шеи крест тумпаковый
Стащил какой-то вор.

(Падает в изнеможении на копну сена и остается с закрытыми глазами и бледным лицом. Слышны звуки охотничьих рогов.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

<Сцена 1>

Те же и молодой Тузов (быстро въезжает верхом, окруженный собаками).

Тузов

Что?.. Нет и здесь? Проклятый зверь!
Как будто в землю провалился!
Эй, Трошка! Да куда ж он скрылся?
Где нам искать его теперь?

Появляются еще охотники и собаки.

Подлец! надул моих проворных хватов,
Надул собак. Уж я ж тебя, косой!
Доеду... А, камрад, Триумвиратов!
Здорово, брат! Поедем-ка со мной!
Что горевать? Великое несчастье —
Не приняли! Я даже рад, ей-ей!
Мгновенно я почувствовал пристрастье
К охоте псовой... Книги поскорей
Забросил... Целый день теперь ликую!
Здоров, как всяк, и волен, как орел.
С собаками до сумерек гарцую.
А вечером вино, хороший стол
Да разговор про травлю, про угонки
И мало ль что... я вас утешу вмиг:
Какие там чудесные девчонки
Купаются!.. Ну, отпусти, старик!
Сергей! Мирошка! кто-нибудь — слезайте.
Дай лошадь им...

Григорий

Когда угодно вам,
Ослушаться не смею. Поезжайте!
Что пятишься?

Триумвиратов

Не до охоты нам!

Григорий

Ученьем не хотел ты заниматься,
Так вот изволь за зайцами гоняться!

(Вполголоса.)

А вечером напомни-ка ему:
Он обещал мне два куля мучицы.

Триумвиратов

(шепотом)

Нет, нет! избавь, родитель! Не возьму
Подобной роли...

Сцена 2

Толпа крестьянских девушек, возвращаясь с купанья, с песнями переходит через сцену.

Тузов

Здравствуйте, девицы!
Куда спешите? спойте песню нам.

1-я девушка

Изволь,— споем, а ты нам на орехи
Пожалуй, барин.

Тузов

Что хотите — дам!

2-я девушка

Так мы попляшем для твоей потехи.

Дивертисмент. Девушки поют и пляшут, Тузов слезает с лошади и пристраивается к одной из них, которая покрасивее. Та довольно грубо отталкивает его локтем, так что он падает и остается на копне сена, лицом к небу; девушки продолжают плясать.

Тузов
(впав в чувствительное настроение)

В виду сих туч, при легком ветерке
По небесам бегущих так беспечно,
И этих женщин, только что в реке
Омывшихся, довольных бесконечно,
Вдыхая сена чистый аромат
И слушая простые хороводы,
Я чувствую, что я остаться рад
Под крылышком у матери-природы
Всю жизнь мою. Благословляю час,
Когда в виду судей моих суровых
Произнести я принужден был: пасс! —
По милости причин каких-то новых...
Как я был глуп, когда воображал,
Что я проникнул в таинства науки!
Да и к чему? Вот счастья идеал!
А впрочем — я готовился без скуки,
С любовию; я не был ни ленив,
Ни слишком туп; отец платил исправно,
Учитель был умен, красноречив,
Уж множество он приготовил славно,—
Да вдруг...

В толпе девушек раздаются внезапные крики. Во время пляски, достигнув до края реки, одна из них наступила на притаившегося в кусту зайца, который кинулся со всех ног в бегство.

Девушки

Ай-ай-ай-ай-ай-ай!

Тузов

Что там такое?

Девушки

Заяц косоглазый!

Тузов

Так вот он где укрылся! Подавай
Мне лошадь поскорее, черномазый!

Всеобщее смятение: собаки при первом появлении бросились за зайцем (гончие с лаем), охотники кинулись к лошадям; один из них второпях оставил недокуренную трубку у стога, где сидел; сено загорелось в минуту. Охватив стог, пламя побежало в то же время по разбросанному сену и мгновенно передалось другим стогам.

Григорий

Пожар! пожар!

При великолепном бенгальском огне охотники уезжают, девки разбегаются.

Триумвиратов

Пожар! пожар! спасите!
Да что ж ты не встаешь, Харчин? Сгоришь!
Ба! умер он! Родитель мой! взгляните!
Был человек, и вдруг погиб, как мышь,
Я думал — он уснул; а он с землей расстался...

Григорий

Что, умер он?!.. Никак, ты помешался!
Да, точно, умер... Господи прости!
Сгорело сено, человек скончался,
И сбился сын с пути!

(Падает без чувств. Последний стог сена, ближайший к ним, загорается).

Триумвиратов

Еще беда! Сгорят... Мутится разум!
Авось снесу их разом!
Двух разом... *(Уносит.)*

Эпилог

ЧЕРЕЗ ГОД

Театр представляет улицу села Пьянова. Жаркий летний день. Григорий стоит у своих ворот, мимо едет телега парой; подле телеги пешком идет г. Кадыков.

Кадыков

А, старый друг, Григорий! Бог привел
Увидеться еще. А я плетуся
Домой в побывку. Я тебя нашел
На этот раз постарей, признаюся.
О чем грустишь?

Григорий

Да сын меня крушит.
Уж целый год с помещиком соседом
За зайцами гоняется, кутит —
Ну, сделался формальным дармоедом!
Как прошлый год не приняли его —
Пошел, пошел... и нет конца каченью!
А — видит бог — сначала у него
Была большая страсть к ученью!
Да, вишь, порядки новые у вас...
Они и хороши, не смею сомневаться,
Да только с ними вы как раз
Без слушателей можете остаться...

Кадыков

Аудитория далеко не полна,
То правда, брат Григорий;
Зато взглянул бы ты — какая тишина
И никаких историй!

(Садится в телегу и уезжает.)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

<ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Комната в доме Гребенникова — большая, загроможденная великолепною мебелью, доказывающею неимоверное богатство и отсутствие вкуса.

Явление 1

Любовь перед зеркалом рассматривает головной убор; Василиса перед другим зеркалом, поодаль, ближе к двери; Дуняша, держащая в руках бальное платье; на стульях картонки.

Любовь *(любуясь собой в зеркало)*. Прекрасно! Когда я надену это платье, этот чудесный головной убор... Этот браслет... ах, браслет!.. Это будет восхитительно... Как вы думаете, Василиса Степановна?..

Василиса *(с досадой)*. Браслет! браслет! разносилась со своим браслетом! По-настоящему, этот браслет совсем не твой, а мой. Я и отыскала его... мне он так понравился!.. Я упросила папеньку поехать с нами, посмотреть... Вдруг ты пристала: «Мне, мне, папаша! Мне!..» — в слезы, точно пятилетняя девчонка... Уж мне только не хотелось папеньку при ювелире стыдить... ссору с тобой заводить... да тут еще офицерик какой-то пришел... ах, чудо! он всё на меня смотрел...

Любовь. Ну уж на тебя! совсем и не думал...

Василиса. А то уже не быть бы у тебя этому браслету...

Любовь. Полноте, Василиса Степановна... Где вам такие браслеты носить... Ведь этот браслет делан для

княгини... Слышите ли, Василиса Степановна... для княгини!.. Вам я даже не советовала бы и на балы-то ездить... с вашим именем... Я всегда краснею за вас... Василиса... точно кухарка какая-нибудь... Еще вчерась я сижу у генеральши... разговариваю с племянницей... вдруг она как закричит: «Василиса!»... Я так вся и вспыхнула... Горничных только так называют!

Василиса. Да разве я виновата? Ведь это наш мужик-отец такое имя мне выбрал... *(Дуняше.)* А покажи-ка сюда башмаки. Жаль, что до бала осталось только два дни... А то я бы себе непременно заказала бы такой же браслет... ювелир говорит, что никак не успеет....

Любовь. Ничего! Съездишь и без браслета. *(Дуняше, которая несет к Василисе башмаки.)* А покажи сюда перчатки, что прислала мадам Перар...

Дуняша приостанавливается на минуту среди двух сестер и потом идет к Василисе, чтоб подать прежде башмаки. Любовь делает к Дуняше движение; Дуняша в испуге поворачивает назад и идет к стулу, чтоб взять перчатки.

Василиса *(кидается за Дуняшей)*. Да подай же сюда башмаки!

Любовь *(грозно)*. Перчатки!

Дуняша *(совершенно потерявшись и останавливаясь)*. Ах, сестрицы, да ведь у меня не десять рук!

Любовь *(с гневом)*. Что? Что? Ты еще грубишь... Ах ты, капризница! вот еще!.. Да ты бы теперь пó миру таскалась нищая! Поят, кормят ее...

Василиса. Платье новое недавно еще папаша подарил... Белоручка!

Любовь. Колода неповоротливая!

Бросаются к ней обе; Любовь вырывает перчатки; Василиса — башмаки.

Любовь. Надобно выбрать перчатки... На прошлом балу у меня... я так сконфузилась: вдруг лопнула левая перчатка...

Василиса *(рассматривая башмаки)*. Ну так и есть!.. Те были малы... у меня на другой день все ноги раздуло... а эти велики... Дуняша! Поди скажи скорей, чтоб сходили за башмачником.

Дуняша быстро уходит.

Этот папаша совсем об нас не заботится: гадкого башмачника прислал... Только возится всё с своими откупами! Ох, уж дал бы бог поскорей вырваться из этого проклятого дому!

Любовь. Да пора... ведь уж тебе, кажется, двадцать шесть лет; еще год-другой — так и не вырвешься. Капризничала... всё думала выйти за графа... за барона... куда какая красавица... а теперь и какому-нибудь жениху была бы радехонька!

Василиса. Разве Виктор Иванович какой-нибудь жених?

Любовь *(хохочет)*. Да с чего ты взяла, что он на тебе женится?..

Василиса. Он еще вчера мне говорил, что меня обожает... и так всё на меня смотрел... ах! У него такая приятная улыбка... Как он хорошо говорит!

Любовь. Дура! Он над тобой смеялся, а ты и поверила... Уж скорей, если на то пошло, так он в меня влюблен... да только я еще подумаю...

Василиса. Рассказывай... а я так знаю свое... Он даже мне сказал вчера: «...А знаете ли что, Василиса Степановна?.. я ведь, пожалуй, говорит, на вас женюсь... Ну что краснеете?.. потупили глазки... а? махнем-ка?» — а сам книгу в руках вертит... Раскланивается... подает мне книгу и говорит: «Прочтите эту страничку-с, Марлинский, отличнейший сочинитель...» Я взглянула — тут целые пять строк подчеркнуты карандашом... вот ей-богу... Я прочитала и так даже покраснела... *«Я должен или обладать вами — или пистолет решит мою участь. Решите!»*

Любовь *(в сторону)*. Неужели она правду говорит? *(Громко)*. Смотрите, какую чепуху наплела... хоть бы и умной!.. ха-ха...

Василиса. А вот не чепуха! Хочешь, книгу сейчас покажу... *(Кричит.)* Дуняша! Уж нечего тут толковать: он на мне женится. Вот видишь, поскорей тебя жениха нашла!

Любовь. Поскорей! А Викентий-то Александрыч!.. Да он вот полгода за мной ухаживает.

Василиса. Штафирка-то! Рябчик, как Виктор Иванович ни скажет. *(Глупо смеется.)* ...Ах, милашка!.. Вот хорошо, как ты вдруг выйдешь за штафирку! То-то я над тобой посмеюсь!

Любовь. Захочу, так выйду и за твоего Виктора... *(Думает и говорит в сторону.)* Только, мне кажется, за Акентия-то Александрыча будет повыгодней... даром что он штафирка! *(Громко.)* Виктор Александрыч через три, много через четыре года будет генералом. Меня будут называть «ваше превосходительство».

Василиса. Ну еще когда будет... да на лбу ведь у него и не напишут... а тут... я с моим Виктором по Невскому проспекту иду... в театр еду... мне всякий солдат честь отдает... эполеты, шпоры, султан... Да он и гораздо, гораздо моложе... и лицо у него такое приятное...

Любовь. Ну уж, приятное! Один нос чего стоит... как слива... точно у папеньки.

Василиса. Пустяки! Со злости выдумала!.. У твоего-то нос в тысячу раз длиннее...

Любовь. Вздор! нос самый настоящий... Как должно у благородного человека... прекрасный нос, чудесный!

Василиса. Прескверный. Вот хоть у кого хочешь спросить... Дуняша!.. *(После некоторого молчания.)* Куда запропала эта проклятая девчонка?

Входит Дуняша.

Куда тебя черт носил?.. У кого лучше нос: у Виктора Ивановича или у Акинфия Александрыча...

Дуняша молчит.

Говори же!

Любовь. Говори!

Дуняша. У... У... *(Смотрит то на ту, то на другую сестру.)* Право, я не знаю.

Сестры *(одна за другой)*. Говори! Говори!

Дуняша. У Виктора Ивановича!

Любовь *(бросаясь к Дуняше)*. Так-то? а!.. Вот я сегодня в последний раз надела это платье... «подарю, думаю, завтра Дуняше...» Так вот нет же тебе... судомойке какой-нибудь подарю!..

Василиса *(ласково)*. Ничего, Дуняша... я тебе свое лиловое отдам. Я его только раз надевала.

Дуняша *(скромно)*. Не надо мне, сестрицы, никакого платья... у меня и так много.

Любовь. Ты вечно балуешь эту девчонку! Вот оттого из нее толку и не выходит! Рада на шею повеситься,

только бы тебе потакала. Стыдно за тебя при чужих: другой подумает, что ты ей равная.

Василиса *(спохватясь)*. Совсем я не думала ее баловать... Я очень знаю, что я такое и что она, а просто так... отчего же и не подарить, когда платье мне не нравится. *(Дуняше, строго по-прежнему.)* Сказала ты, чтоб послали за башмашником?

Дуняша. Сказала-с.

Василиса. Да отвечай как следует, что ты через зубы-то цедишь... куда смотришь-то? ведь я с тобой говорю! Подай-ка мне посмотреть бальное платье!

Дуняша подходит с платьем.

Разважничалась с своим штафиркой! нос как у гуся... Да что говорить! По себе выбрала... такой же красавец, ни дать ни взять, как ты.

Любовь. Я?.. Да получше тебя... на меня летом на Петергофском гулянье все офицеры смотрели. А в Екатерингофе, помнишь? даже один смотрел, смотрел, да и говорит: «Шарман персонь!»

Василиса. Это про меня он сказал.

Любовь. Про тебя? Дожидайся!.. На лице красные пятна. Расплылась, как купчиха... *(Дуняше.)* Возьми перчатки!

Дуняша берет перчатки и идет, чтоб положить их, где взяла, в картон.

Василиса. Платье!

Дуняша, не успев положить перчатки, быстро возвращается к Василисе.

Любовь. Ходит, разваливается, как ступа... Мне даже стыдно с тобой гулять... Уж верно, нас за мещанок каких-нибудь принимают! Квашня!

Василиса. Пигалица!

Любовь. Старуха! Уж у тебя скоро усы пойдут! *(Дуняше с гневом.)* Да положи же перчатки на место... разве не помнишь, где взяла?

Дуняша идет к картону.

Василиса. Я квашня, я старуха... *(Кидается за Дуняшей.)* Да долго ли я буду ждать платья? *(Щиплет Дуняшу так, что та вскрикивает и роняет перчатки.)* Вот как я ее балую!.. Я квашня, я старуха, а ты пигалица, ты рябая... вот уж мне так стыдно с тобой ходить... всякий, как взглянет на тебя, такую гримасу сделает... Вот и намедни князь Дорожинский...

Любовь. Лжешь, лжешь. *(Бросаясь к Дуняше и толкая ее.)* Да подбери перчатки-то, мерзкая девчонка!.. Это как на тебя взглянут, так смеются.. *(Дуняше, которая хотела уйти.)* Куда? Стой здесь и не смей уходить, пока тебе не прикажут.

Дуняша смиренно становится у дверей; на глазах ее видны слезы.

Василиса *(Дуняше)*. Ступай!

Любовь. Прошу не умничать! Будешь распоряжаться, как выйдешь замуж, а я у папаши, слава богу, не последняя... не прошу мне указывать...

Василиса. А меня-то папенька меньше, что ли, любит?.. Еще побольше тебя... Мне стоит только сказать... Он для меня всё сделает. Он и сам видит, ты злишься всё...

Любовь. Да, да, всё для тебя сделает... очень любит... а меня терпеть не может... я из него ничего не могу сделать... А вот браслет... вот всё-таки на балу у меня у одной будет такой браслет...

Василиса. Браслет... браслет... *(Бросаясь к ней со слезами бессильной злости.)* Отдай мне этот браслет... это мой браслет... ты просто у меня его украла... *(Плачет от досады.)*

Любовь. Нет, не украла, а просто папенька мне его подарил...

Явление 2

Те же и Аграфена Степановна.

В<иктор> И<ванович>. А, Викент<ий> Алекс<андрович>! Наше вам-с. Как господь грешкам терпит?

Викент<ий> Ал<ександрович>. Каким грешкам?

В<иктор> И<ванович>. Ну как каким? Вот уж сейчас и видно штатского — всё на политике. А у нашего брата военщины — вся душа наружу. Грешим и мы — любим кутнуть с товарищами, что скрываться. Да ведь наши грехи что,— а если и погрешим — пуля-дура — как раз очистит. А вы — дело известное: в канцеляриях пуль не бывает — а доходы бывают.

Викент<ий> Алекс<андрович>. Позвольте — как я должен понимать ваши слова?.. признаюсь — такое с вашей стороны обращение — знаете — будучи всегда в таком кругу, где люди понимают свое достоинство,— я не привык...

Викт<ор> Ив<анович>. Ну вот — ведь я знал, что рассердится. Эх вы, фрачники, всех бы вас в наш эскадрон — небось забыли бы дуться за шутку. Там у нас тоже никто не даст наступить себе на ногу — и раз был из этого такой анекдот... *(Обращаясь ко всем с любезною улыбкою.)* Я после расскажу вам его. Но главное у нас — товарищество и чтоб всё было по чистой откровенности. А коли когда случится с кем огрызнуться — шампанск<им> чокнулись — выпили — бокалы о шпоры — и конец делу. Да что много говорить... Викент<ий> Алекс<андрович>, по-нашему — коли я не так что сказал — по рукам да и обнимемся. *(Насильно обнимает его, а тот морщится.)* Вот так! по-братски — оно же кстати — ведь, может, и родней будем. *(Лукаво посматривает на Любовь и Василису.)*

Викент<ий> Алекс<андрович> *(обращаясь к Степану Петровичу)*. Да, Степан Петрович! Идя с вами сюда, я заметил из некоторых ваших слов — и если мои соображения меня не обманывают... Любовь Степановна... но вы, 'конечно, понимаете, что я хочу сказать?

Викт<ор> Иван<ович>. Позвольте, я вижу, без меня дело не обойдется. Степ<ан> Петр<ович>! Ведь как оно у вас там в купечестве в старину говаривалось: у нас есть купец, у вас есть товар... Ха! ха! ха!

Любовь Степ<ановна> *(вполголоса)*. Вишь, всякая голь купечеством тычет, а сам — черт его знает кто такой — много голи-то дворян...

Викент<ий> Ал<ександрович> *(к Виктору Ивановичу)*. Милостивый государь, позвольте вам заметить — в своих делах я сам привык за себя говорить.

Звонков. А я-то разве не о себе тоже говорю? Эх вы, штатские политики! Мы, военщина, всякое дело — приступом брать да и другим помогать. Да что вздор-то болтать? Ну-ка... голубчик Степан Петрович, позвольте рапортом отнестить — отец и командир — в вашу роту хотим — вот я и Викентий Александрович — велите-ка внести нас в списки — меня по части Василисы Степановны, а Викентия Александровича по части Любови Степановны. *(Обращаясь к Вас<илисе> с видом удальства.)* Вот делишко и отвертел! Ну *(растопыривая руки)*, теперь прямо на крепость. *(Бросается на шею к Степ<ану> Петр<овичу> и обращаясь к остальным.)* Повесимся на нем — ух какой высокий — нагнитесь, голубчик — *<3 нрзб>*.

Степан Петрович. Очень рад, Виктор Иван<ович>, но, позвольте,— дело серьезное — я отец — к таким делам не так приступают...

Викент<ий Александрович>. Именно... позвольте вам заметить — я вас вполне понимаю — брак такое священное дело, которое — так сказать — соединяет людей на всю жизнь... А жизнь прожить — не поле перейти — тут есть о чем подумать... Итак, Ст<епан> Петр<ович>, если то, о чем я имел столько важных соображений, неоднократно мною сообщенных вам тонкими намеками...

Степан Петр<ович>. Ваше предложение делает мне истинную честь — не знаю, как и благодарить вас за него, Викент<ий> Алекс<андрович>, я вас всегда знал за человека солидного. Любя больше всего на свете моих дочерей, я и мечтать не смел о большем счастии. Вручая вам мое сокровище, я могу остаться совершенно спокоен...

Викент<ий> Ал<ександрович>. Можете положиться — вполне можете... могу сказать с гордостью...

ПЕРЕВОДЫ
И
ПЕРЕДЕЛКИ

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ — ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ НЕ УДЕРЖИШЬ

ВОДЕВИЛЬ В ДВУХ КАРТИНАХ

(СЮЖЕТ ВЗЯТ ИЗ ПОВЕСТИ НАРЕЖНОГО)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Руперт, ювелир.
Симон Аффенберг, доктор.
Филипп Иванович Фортункин.
Розина, племянница Руперта.
Анисья, служанка Руперта.
Слуга доктора.
Слуги без речей.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Театр представляет комнату ювелира Руперта. Три двери: направо, налево и в середине.

Явление 1

Розина, за пяльцами, и Руперт.

Руперт *(с шляпой и письмом в руке)*. Оделся совсем, а не знаю, куда идти. Есть же люди, около того... которые так неразборчиво пишут свои адресы... *(Смотрит в письмо.)* Я живу... известно, что живет... а где? ни тут, ни там, ни около того... Только и можно понять, что сиятельный: в Графском переулке живет. Постой, еще взгляну... *(Смотрит в письмо.)* Так и есть... Вот тут в конце строки поставлено *Ев*, а в начале другой *граф*, значит, граф... а зачем же *Ев*? разве фамилия?.. А письмо само по себе прекрасное, благородное, около того. *(Читает.)* «Мне нужно бриллиантов тысяч на двадцать»... очень остро! «зная вашу опытность»... и умно-таки, около того... «Я прошу вас побывать у меня сегодня в 4 часа

и надеюсь, что мы скоро сойдемся». *(Вздыхает.)* Бог еще знает, сойдемся ли: адрес так темно написан, что хоть глаз выколи, ничего не увидишь... «Я живу, я живу...» вот как будто кто подтолкнул его под руку... ничего не разберешь!.. «Я живу в доме гу-гу, гу-гу...» нет, не *гугу*... около того... *(Смотрит на часы.)* Уж четвертый! Прощай, Розина, да смотри... ни в окно, ни около того не смотри...

Розина. Да куда же вы, дядюшка?

Руперт. Как куда? К его сиятельству, графу *Ев*.

Розина. Да как же вы найдете его?

Руперт. Известное дело: покупщика на двадцать тысяч не скоро найдешь, около того... съезжу во все Графские переулки; спрошу, где найти его сиятельство графа *Ев*... такого туза, верно, все будочники знают...

Розина. Точно, дядюшка. Вы очень умно придумали.

Руперт. Э! да что с тобой вертеться около того; нужно к его сиятельству... *(Идет.)* Смирно, сударыня; на улицу ни шагу, ни в дверь, ни около того... нагуляешься, как будешь моею женою.

Розина. Женою вашею не буду, а гулять буду...

Руперт. Что, саперлот! упрямство? Ну да ужо поговорим фундаментально, а теперь я скоро ворочусь.

Розина. Да что вы это, дядюшка, всё дверь на замок запираете, как уходите?..

Руперт. Так, около того, для политики. Чуть было не забыл. *(Идет к двери налево.)* Эй! Анисья!

Анисья *(за сценой)*. Чего изволите?

Руперт *(отворив дверь, тихо)*. Смотри же ты у меня с черной лестницей: никого не пускай... я ведь тебе за то жалованья прибавляю...

Анисья *(показываясь в дверях)*. Хорошо-с, не пущу...

Руперт *(идет к средней двери)*. На двадцать тысяч! Стоит проездить пятиалтынник или... около того. *(Уходит; слышно, как он запирает снаружи дверь.)*

Явление 2

Розина *(одна)*. Ха-ха! Как он строго за мной присматривает... да напрасно беспокоится. Я ему не жена; я уж успела присмотреть себе мужа... Запирает парад-

ный вход, а черная лестница-то на что... Хорошо, что Анисья с нами заодно... А то беда, сиди одна в четырех стенах да считай птиц на потолке. Он меня перехитрить хочет... напрасно! не видать ему моего приданого. Я знаю, что батюшка оставил завещание; найду его и вытребую деньги... И выду не за него... Какой он муж! Сам толстый, ноги как у дрозда, точно каменный дом на деревянном фундаменте... А он — какая разница!

Он и ловок, и прекрасен,
И умен он, и учен,
Взгляд его так нежен, ясен,
И меня так любит он.
Лучше в свете нет мужчины,
Будет мне с ним вечный пир...
Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!
Я читала у Бальзака:
«Как-то всё идет не так
Там, где муж еще до брака
Поступил давно уж в брак!»
А у дяди уж морщины,
Он по шею заплыл в жир...
Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!

Явление 3

Розина и Анисья.

Анисья. Стучатся, сударыня, с черной лестницы... Я спрашивала... Это Филипп Иваныч. Прикажете впустить?..

Розина. Ах, боже мой, разумеется! И ты еще спрашиваешь...

Анисья. Признаться, я уж сама не рада, сударыня, что вошла в ваше дело... Когда мы сюда переехали, барин мне строго наказывал не пускать никого по черной лестнице, да и обещал наказать, коли пущу... А я вот как послушалась... Ввела в дом Филиппа Ивановича, с которым вы еще на той квартире через окошко познакомились...

Розина. Что же делать? Ты видишь, как дядюшка со мной поступает; надо же принять меры, а что я одна сделаю...

Анисья. А и вправду так, барышня... я и сама не люблю его, и лучше буду жить с вами, когда вы...

Розина. Ну, хорошо... отопри же скорей.

Анисья. Сейчас, барышня. *(Уходит.)*

Розина. Какой милый, точно знает, когда дядюшки дома нет!

Явление 4

Розина и Фортункин.

Фортункин *(вбегая, весело)*. Душечка, Розочка, Розеточка! целуйте меня, обнимайте меня, поздравляйте меня!

Розина. Вечно веселы, а и не подумаете, что я скучаю...

Фортункин. Вы скучаете? Э, полноте! отопритесь от своих слов, а то я сам сейчас начну скучать, хоть у меня радость большая. Позвольте же мне поцеловать вашу ручку, мой ангел; нет, больше — моя невеста; больше — моя будущая жена! *(Целует ее руку.)*

Розина. Какая же радость? говорите скорее; того гляди придет дядюшка.

Фортункин. О, не беспокойтесь! Он, верно, долго проищет Графских переулков и в них дома Чугунова, а в нем квартиры господина Ев-*графа* Тупеева, под № 1442, во втором этаже от крыши, окнами ни на двор, ни на улицу.

Розина *(с изумлением)*. Как, вы знаете... Разве это вы писали?

Фортункин. Разумеется, я.

Розина. Бедный дядюшка!... Но что же из этого будет?

Фортункин. А то, что я сегодня женюсь на вас, моя живая картиночка.

Розина. Уж который раз вы это говорите....

Фортункин. Ах, Розина! за всякой запятой не угонишься. То было тогда, а это теперь. Тогда я был студент — теперь я свободен, как ветер в небе, как птица в

воздухе, как инфузория в воде. Вот моя радость, большая пергаментная радость, с гербом, с печатями... *(Вынимает бумагу и читает.)* Excellentissime, prestantissime.*

Розина. Я всё-таки ничего не понимаю...

Фортункин. Не понимаете? Дело, кажется, ясно: я кончил курс, сдал экзамен, получил аттестат...

Розина. В самом деле? Ах, как это мило!

Фортункин. Понимаете ли вы всю важность моего шага? Я свободен! Я могу ехать в Индию и вывезти оттуда несметные сокровища. Я могу пуститься в Китай и расшевелить китайскую неподвижность. Я могу ехать в Америку и сделаться каким-нибудь американским величеством; дать толчок умам диких сынов полудня и основать из них новую империю, под именем *Фортункинистана.* Я могу открыть шестую часть света... *(Спокойнее.)* Разумеется, что я всё это мечтаю, но кто поручится, что я не мог бы всего этого сделать? Я недаром учился!

Скучен был я и суров
На скамейке школьной
И своих профессоров
Проклинал невольно.
Я науки вздором звал,
Сам же занимался,
Я начальство осуждал,—
А повиновался!
Так я жил, терпя борьбу,
Вдруг я курс кончаю,—
И теперь свою судьбу
Я благословляю!
Мне везде открытый путь,—
Статским иль солдатом,—
Я ведь значу что-нибудь
С этим аттестатом!

Так-то, моя прелестная Розина. Теперь я могу располагать сам собою, и начну с того, что женюсь на вас сегодня же.

Розина. Ах нет... Конечно, я свободна, но мое приданое... оно в руках дядюшки, и, кажется, он его решительно не отдаст...

---

* Превосходно, отлично. (*лат.*)

Фортункин. Мы сами возьмем.

Розина. Едва ли. Дядюшка решительно хочет на мне жениться...

Фортункин. Ах он безбожник! Угораздила же его судьба родиться немцем... вот и женится на племяннице... будь он русский — ничего бы этого не было.

Розина. Разумеется, я не пойду за него, а всё-таки страшно... Он говорит, что только и живет для меня, что он мне второй отец.

Фортункин. Ну отец и кончено, а не муж.

Розина.

Он говорит, мои расходы
Совсем замучили его,
И в благодарность за заботы
Должна я выйти за него.

Фортункин.

Ему ли, старому разине,
Жена такая суждена!
Нет, старичок не муж Розине,
Нет, вы *разине* не жена!

Розина.

Он говорит, что торг свой губит,
В долгах кругом из-за меня;
Он говорит, что страстно любит,
Что буду счастлива с ним я!

Фортункин.

Кто молод, кто с горячей кровью,
Любить тот искренно готов,
А старики *горят* любовью
Для *погашения* долгов!

Впрочем, если на то пошло, то мы, пожалуй, и откажемся от ваших тридцати тысяч, а он из них только и хлопочет... Мы и так будем счастливы... не правда ли?

Розина. Разумеется.

Фортункин. Однако зачем терять надежду... О, да

мы по-пустому горюем, ведь я сказал, что сегодня будет всё кончено,— ну и исполню.

Розина. Да как?

Фортункин. Не бойтесь, исполню... Я придумал чудный способ, удивительный! Когда он мне удастся, я его обнародую, под заглавием: «Самонаивернейший самоучитель, заключающий в себе наставление, как жениться на какой угодно девушке без согласия ее родителей, опекунов и родственников и получить законную часть приданого»...

Розина. Какой же способ?

Фортункин. А вот увидите... Я нарочно отправил вашего дядюшку в Графские переулки, чтоб сказать вам, что сегодня должно всё решиться... Прощайте, скоро придет ваш дядюшка. Вслед за ним явится еще человек, только чур не смеяться... Увидите, что будет... вечером будет всему конец... у меня уже всё устроено.

Розина. А мои тридцать тысяч?

Фортункин. В том-то и штука, что и они будут с нами.

Розина. А я всё-таки поищу завещание, которое дядюшка утаить хочет.

Анисья *(вбегает)*. Барин, барин едет!

Розина. Ах, скорее, скорее, прощайте.

Фортункин. Ну прощайте, моя голубочка... Иду, иду... Куда же?

Анисья. Пожалуйте за мной, я опять проведу вас по черной лестнице.

Уходят.

Розина *(садится за пяльцы и напевает вполголоса)*.

Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!

Явление 5

Розина и Руперт.

Руперт *(входит с расстроенным лицом)*. Чудеса, чудеса! Во всех Графских переулках и около того ни одного графа нет! Два двугривенных стоит!.. Был один граф, да и тот, говорят, съехал в Мещанскую... Что ты

будешь делать... Чудное дело, как живут люди! совсем не понимают политики, а извозчики, канальи, очень дороги. Граф живет в Мещанской, бедняк в Миллионной, подьячий на Невском проспекте... Я бы совсем не так распорядился... У меня бы во всем была политика. Офицер — живи в Офицерской, мещанин — в Мещанской, мастеровой — в Мастерской, шут — в Гороховой; голодных бы всех согнать в Поварской переулок — и... около того... в Хлебный... Вот тогда бы и адресов не надо... Сейчас бы нашел, а то не в свои сани садятся! А теперь же завелись сани с полостями,— без двугривенного ни на шаг.

Розина. Что вы, дядюшка, так расстроены?

Руперт. Шутка! человек на двадцать тысяч купить хотел... ведь не шутка! Тут десять барыша... А вот теперь его сиятельство подождет, подождет — рассердится да и пошлет за другим... А ты и сиди да наслаждайся воображением, как другие продают крашеное тесто за бирюзу и... около того... *(Ходит большими шагами.)* Странное дело! Я уж несколько получал таких приглашений и всё не находил квартир... А прежде этого не бывало; это стало случаться именно около того, как тебе шестнадцать лет минуло!

Розина *(украдкой смеется)*. Так вы не нашли графа?

Руперт. Не нашел, не нашел, да еще проездил два двугривенных на извозчике; ох люди, люди! ох, извозчики! А всё адрес! Всё перемена квартиры... вовсе нет политики, около того!

Бегал даром зданий во сто
Я, несчастный ювелир.
В Петербурге му́ка просто
Отыскание квартир!
Не одни тут ювелиры
Присмирели, обожглись:
Петербургские квартиры
Многим солоно пришлись!

(Ходит по комнате и рассуждает про себя.)

Надо мне поселиться на Невском или хоть около того... в Грязной... вывеску большую заказать... да непременно... Да вот как бы свадьбу уладить прежде. Тут бы

можно и товару прикупить. *(Оборачивается и видит, что Розина смотрит в окно.)* Племянница! я сказал — ни в окно, ни около того не смотреть!

Розина. Вы уж очень важничаете, дядюшка. Окно для того и сделано, чтоб в него смотреть.

Руперт. Ну так, около того! Хороша политика, угадала!

Розина. Мало того, что вы меня держите под замком, еще и в окно не взгляни... что я за монахиня такая!

Руперт. Сказать правду, племянница, хоть тебе уж, около того... двадцать лет... а ты еще куда не разумна. Вот, например, отчего ты не соглашаешься выйти за меня замуж?

Розина. Оттого, что вы не нравитесь мне, вы очень стары, дядюшка.

Руперт. Тем лучше! Я сорока двумя годами старше тебя, значит в сорок два раза умнее.

Розина. Так я, по-вашему, в сорок два раза вас глупее. Что ж вам делать с глупой женой!

Руперт. Это уж не твоя забота... мы постараемся, около того... на ум наставить!

Розина. Вы большой скряга, а я люблю щеголять, люблю делать пожертвования в пользу бедных.

Руперт. Я буду тебя останавливать, около того...

Розина. Нет, дядюшка, вы пустяки затеяли... не бывать этому!

Руперт *(с гневом)*. Почему? что?.. революционные идеи!..

Розина. Скажу вам однажды навсегда, что я давно уже влюблена, и не в вас, дражайший дядюшка!

Руперт. Неблагодарная! я ли не прилагал стараний, чтобы воспитать тебя в чистоте святой невинности! Я ли не внушал тебе священных правил целомудрия, смиренномудрия, терпения, кротости и... около того. Я ли не посвящал тебя в тайны политики ювелирского делопроизводства! Дочь — недостойная, племянница — неблагодарная, женщина — злонравная и... около того... Ты будешь такою же женою, матерью, бабушкою и около того... если бог благословит тебя потомством.

Розина. Что ж вам за охота на мне жениться?..

Руперт. Розина! не противься! взгляни на небо... вспомни отца твоего... почтенный был он человек; честный... около того...

Припомни, как, бывало, с чашкой кофе,
Сидит себе он с трубкою в зубах...
Он содержал харчевню в Петергофе,
Теперь душа его на облаках!
Оттоль на нас торжественно взирает,
Как гений, он с улыбкой на челе.
И в знак того, что нас благословляет,
Над нами он простер свои крыле...

Розина. Ну, это еще бог знает... Я ничего не вижу на небе, кроме серых туч.

Руперт *(в сторону)*. Нет, ее нескоро запугаешь! около того. *(Ей.)* Нечувствительная душа, горячка, вертушка!.. Впрочем, знаем мы, как унимать вашего брата, и не приметишь, как проведут... около того... вокруг налоя. А если ты в самом деле не хочешь, так по мне с богом хоть на все четыре стороны и... около того... вешайся на шею кому хочешь... Провидение накажет тебя.

Розина. С радостью, дядюшка, хоть сейчас уйду, только отдайте мои деньги.

Руперт. О, о! нельзя ли потише! Экая прыть... да ничего ей не возьмешь... Я уж тебе говорил, что у меня были свои счеты с твоим отцом, да и ты мне стала-таки в копейку, около того.

Розина *(с беспокойством)*. Так вы решительно хотите отпереться от моих денег! Нет, вам это не удастся... я была уже не маленькая, когда умер мой отец...

Я помню день: в предсмертной, тяжкой муке
Родитель мой, страдая, изнывал,
Ко мне свои хладеющие руки
С любовью он и грустью простирал —
И мне сказал: «Всю жизнь моей заботой
Была лишь мысль об участи твоей,
Что нажил здесь я честною работой,
Всё для тебя, для дочери моей!»
И умер он. Без чувства и рассудка
Рыдала я, лишенная всех сил...
Но я была тогда уж не малютка,
Я помню всё, что он мне говорил...
И я горжусь дочерними правами,
Не откажусь легко я от того,
Что мой отец кровавыми трудами
Приобретал для счастья моего!

Батюшка сказал, что оставляет мне, кроме всего, тридцать тысяч, которые я могу считать приданым, а о счетах вам бы надо было тогда говорить.

Руперт. Разве я враг своему брату, чтоб в святой час, когда он должен молиться о спасении души своей и... около того... оскорблять его счетами... он тогда рассчитывался с небом... Да притом вспомни-ка, племянница, не говорил ли отец твой: «Любезная дочь! живи у дяди даром, пей и ешь даром, учись бренчать, пищать, разные виртуозы ногами выкидывать, около того... всё даром, Розинушка, даром!» — а? Он это говорил тебе? я думаю, ты сама знаешь, чего мне стоит твое обученье. Певуны, плясуны, музыканты... около того. А щегольство... Ты таки франтиха не последняя... купите шляпку, дядюшка,— гулять не в чем идти; купите платочек — в церкви стоять стыдно, около того... а около кого? купите ботиночки — ножки промочу, нездорова буду... я вот избавлял тебя от простуды, а сам невидимо вогнал кошелек в чахотку... А чуть поупрямься — разрюмишься, раскудахтаешься, точно турецкая султанша или голландская ключница. Сказать правду,— я предложил тебе руку по родству, хотел тебя осчастливить.

Розина. Спасибо, дядюшка; я сама позабочусь о своем счастии. Хорош вы счет сделали! точно аптекарь! можно ли, чтоб я прожила в пять лет столько денег! с вас довольно и одних процентов... Впрочем, здесь не в степи, здесь судят по законам.

Руперт *(в сторону)*. Какова! и впрямь ее нескоро надуешь. *(Ей.)* Ба-ба! ты, кажется, начинаешь грозить, хочешь просить на меня.. ступай, голубушка, ябедничай на дядю, поноси, клевещи, около того, за его хлеб-соль, за его попечения и около того... хорошо, очень хорошо! А, кто-то идет... Розина! марш в спальню!

Розина. Вот еще! мне и здесь хорошо. Вы уж очень рано ревнуете.

Явление 6

Те же и Фортункин, переряженный, в богатой одежде, ходит важно и говорит то слишком скоро, то с расстановкою.

Фортункин. Фи! устал! эта лестница высока, как мое родословное дерево... и так же извилиста... Насилу вошел, страх как ходить тяжело... набьешь еще карманы

золотом... просто хоть падай... черт поместил вас так высоко!

Руперт. Помилуйте... не черт... я сам нанял: это третий этаж... или... около того... четвертый — подвал внизу...

Фортункин. Так зачем же вы не наняли в подвале?

Руперт. Как можно... вывески не видать... около того... вот если б я содержал мелочную лавочку, так конечно... а я ювелир...

Фортункин. Знаю, знаю, что вы ювелир, точно так же, как я барон... вникаете?

Руперт *(тихо)*. Розина! уйди!

Розина *(громко)*. Что вам угодно?

Руперт *(в сторону)*. Молчать! *(Ему.)* Чему обязан я вашим посещением, высокопочтенный барон,— не имею чести знать имени и... около того...

Фортункин. Барон Генрих Ульрих Каспар Христиан... как? забыл, а есть еще какое-то имя... фон Лохенкрет... заметьте: *крет*, а не Лохен-*крот*,— то другой... мужик... из плебеев... вникаете?

Руперт. Что ж вы изволите сказать? около того...

Фортункин. Сейчас... Я вам объясню. Надо вам сказать, что если б наше родословное дерево росло и не подсыхало... то я, как верхушка его, был бы теперь в облаках... а не у вас в магазине... вникаете?

Руперт. Около того.

Фортункин. А следовательно, я не имел бы нужды купить у вас бриллиантов на пятьдесят тысяч.

Руперт *(в сторону)*. На пятьдесят тысяч! Слава богу, что он не попал в облака... около того... *(Ему.)* Всепокорнейше прошу садиться. Что же вашей милости угодно?

Фортункин. Надеюсь, что наш разговор не будет так длинен, как мое родословное дерево... вникаете? Мне сказали, что вы отличнейший ювелир в Петербурге...

Руперт. Около того... не могу сам себя хвалить... а вот на днях было разослано при афишах и... около того... объявление. Там всё сказано... Вы, конечно... читали...

Фортункин. Объявление? С тех пор как одна из ветвей моего родословного дерева, баронесса Гертруда фон дер Шустер-Мустер помешалась от объявления «о

средствах сохранять молодость и красоту», я презираю объявления и решительно не верю им...

На объявленья ловят нас,
Кто нынче их не рассылает...
О новой книге в день пять раз
Книгопродавец объявляет...
Все деньги шлют за новизну,
Спеша прочесть ее во здравье;
А получают старину,
Где ново — только лишь заглавье;
Врачи зубные о зубах
Кричат немало и кричали;
А между тем, не дай аллах,
Чтоб мы к ним на́ зубы попали.
Очки вам оптик продает,
Слепцы в которых видеть станут,—
А кто их купит, тот поймет,
Что он оптически обманут...
Какой-нибудь мосье Гримо,
Недоучившийся повеса,
Берется с глаза снять бельмо,
А сам не смыслит ни бельмеса.
Вот объявленья! Вот они!
Сказать не будет неприлично,
Что объявленья в наши дни
Легчайший способ врать публично!

Вникаете?

Руперт. Оно не совсем так, а около того... Но мое объявление писано не так...

Фортункин. Конечно... Я и не говорю, может быть вы и не плут...

Руперт. Как, помилуйте, около того... Так вы изволите покупать бриллианты?..

Фортункин. Да, мне сказали, что вы отличнейший ювелир... А эта прелестная девушка, отросток вашего родословного дерева, дочь ваша?

Руперт. Нет.

Фортункин. Так жена?

Руперт. Нет... около того.

Фортункин. Так сирота... бедняжка!

Руперт. Впрочем, не беспокойтесь об ее участи; эта прелестная девушка, как вы ее называете, моя пле-

мянница, а вскоре будет кое-что и поболе... около того... *(В сторону.)* Не будь здесь этой прелестной девушки... дело пошло бы скорее. *(Ему.)* Ну, сударь... Вы сказали... около того, что я отличный ювелир...

Фортункин. А эта прелестная девушка?

Руперт. Да боже мой! Я уж сказал: будущая жена моя... Розина! Поди, скажи Анисье, чтобы приготовила кофе... *(Идет мимо нее и шепчет.)* Да не приходи сюда, а то...

Розина *(громко)*. Что вы говорите?

Руперт *(отходя от нее, громко)*. Со сливками... я говорю, со сливками. *(В сторону.)* Вишь, как он ее осматривает... с головы до ног... и около того... Продолжайте, господин барон...

Явление 7

Те же, кроме Розины.

Фортункин. Один из сучков моего родословного дерева, дядя мой по матери барон фон Аффенберг, вздумал жениться на ветви другого дерева... графине... фон... фон... да где мне помнить... чтоб упомнить одних моих предков, мало вечной памяти...

Руперт. Что ж этот... около того... сучок?

Фортункин. У всех наших предков водился обычай дарить невест... вникаете чем?

Руперт. Уж если дарить, так, около того... приличнее всего бриллиантами...

Фортункин. Он одних с вами мыслей и просил меня съездить к вам и... купить...

Руперт. Ну, сударь? купить...

Фортункин. Да, дядя мой поручил мне, как знатоку, купить бриллиантов ни более ни менее, как на... пятьдесят тысяч... У вас есть на эту сумму? вникаете?

Руперт. Есть, сударь... есть... Вам, видно, не дураки на меня указали...

Фортункин. Итак, я покупаю их для моего дяди... Вникаете?

Руперт *(в сторону.)* Насилу выговорил! Точно ему жаль слова-то было! *(Ему.)* Вы можете получить у меня

всё, что угодно, только предупреждаю, что я в долг не даю ни на гривенник, ни... около того...

Фортункин. Вы боитесь, что вам не заплатят... Ха-ха... Ни один из сучков нашего родословного дерева не обрывался еще на этом. Знаете ли, какие у нас поместья на острове Эзеле... миллионы бы дохода можно получать, если бы порядок... вникаете? Коротко сказать вам: одною рукою будете отдавать вещи, другою принимать деньги.

Руперт. Это всего лучше. *(В сторону.)* Наконец кончено или, по крайней мере, около того... *(Ему.)* Что же вам нужно?

Фортункин. Сейчас. Со мной есть роспись за подписью дядюшки... *(Вынимая бумагу).* Табакерка — от пяти до десяти тысяч?

Руперт. Есть ценою около того...

Фортункин. Две пары серег самых лучших, полдюжины колец, фермуар — словом, чтобы всё не превышало пятидесяти тысяч и было не дешевле...

Руперт. Всё есть, всё есть. Точно вам сказывал человек, который был в моих ящиках или около того...

Фортункин. Я слышал от верных людей. Вот вам записка, отыщите по ней вещи, уложите — и вместе отправимся к барону...

Руперт. К барону? Это можно бы и тут кончить. Вы бы взяли вещи, а я получил бы, около того, деньги.

Фортункин. Э! что вы затеяли! Ни один сучок нашего родословного дерева не делал ничего опрометчиво... вникаете? Это отличительный признак нашего рода... Если б я покупал для себя, так я здесь же отдал бы такую малость, чтоб освободить себя от излишней тяжести. А то, пожалуй, не понравится... Впрочем, если вы так тяжелы на подъем, то я легок на ногу и пожертвую собой... к другому ювелиру схожу... вникаете?

Руперт. Помилуйте, я только так сказал... Извольте, извольте. Я иду, около того, с вами; ваш дядюшка живет недалеко?

Фортункин. Близехонько! только что отсюда не видать.

Руперт. Очень хорошо... тем ближе к делу... Я сейчас уложу вещи. *(Уходит.)*

Явление 8

Фортункин и потом Розина.

Фортункин. Браво! Я с ним хорошо управился! Что-то дальше будет... Впрочем, доктор уже довольно приготовлен. Начало недурно, а хорошо начать — то же, что половину дела сделать!

Мой план и дерзок и смешон,
Но я иду наудалую,—
Авось удачен будет он,
А не удастся — потоскую.
Я в книге жизни записать
День этот должен без сознанья,
Вниманье поздно обращать
Теперь на знаки препинанья!

Если б я не любил Розину, у меня <бы> никогда не было такой баронской важности... величия... Я бы не поднялся на такую штуку. Впрочем, что ж? Средство немного решительное, а цель очень хорошая: надо же наконец вырвать у старого скряги приданое Розины, если он добровольно не отдает.

Явление 9

Фортункин и Розина.

Розина. Ах, что вы делаете... Я боюсь... Право, ни к чему это поведет...

Фортункин. А к тому, что я через полчаса ворочусь, и мы поедем венчаться. Будьте готовы.

Розина. А дядюшка?

Фортункин. С ним ничего худого не будет... Он только вылечится от своей жадности... А вы еще не нашли способа отыскать завещание?

Розина *(в смущении)*. Я не знаю, не дурно ли это будет... Я хотела... *(Останавливается.)* Я хотела, да нет, это нехорошо...

Фортункин. Говорите, говорите...

Розина. Ну, пожалуй, скажу, только я это делать не стану. Я хотела взять у него один ключик, который

он всегда держит при себе, и посмотреть в его шкатулку...

Фортункин. Что ж?.. Впрочем, теперь всё равно... Он и так должен будет отдать деньги, а всё бы лучше... Посмотрите, милая Розина... ведь тут ничего нет худого...

Розина. Ну, может быть...

Явление 10

Те же и Руперт.

Руперт. Я готов. *(Увидев Розину.)* И она уж поспела... около того... Ступай в свою комнату, прелестная девушка... всё бы ей вертеться... или тут или около того...

Фортункин. Тут ровно на пятьдесят тысяч?

Руперт. Да-с, около того...

Фортункин. Идем. Дядюшка, я думаю, ждет... Ах, чуть было не забыл об одном... об самом-то главном. А всё свадебные хлопоты! Надо вам сказать, что дядюшка мой на пятидесятом году своей юности влюбился...

Руперт *(в сторону)*. Ну, вот опять повернул около того... точно ему выйти лень... Ну, сударь, влюбился?..

Фортункин. Вникаете, в кого?

Руперт. Судя по здравой политике, уж если влюбляться, то, так сказать, не иначе как в прекрасную девушку или около того...

Фортункин. Нет, он просто несколько помешался на медицине. Это наша потомственная страсть... Во все времена от корня нашего древа выходил сучок, который наскакивал на идею о медицине... вникаете? Точно так и дядюшка под старость пристрастился к медицине, нанял десять докторов. Десять лет он учился, но ничему не выучился и только дошел почти до сумасшествия... Наконец он опомнился, прогнал докторов и бросил медицину...

Руперт. И только. Так на что же было и рассказывать...

Фортункин. Нет, не только. Медицина и до сих пор его не оставляет. На него, как и на многих знаменитых людей нашего дерева, по временам находит дурь, и он опять воображает, что он великий доктор. Тогда не

только слуги, но и близкие родственники не смей напомнить ему, что он барон...

Руперт. А мне какое дело напоминать!

Фортункин. Он тогда уверяет, что уже тридцать лет доктор,— заметьте, тридцать... И потому вы должны быть с ним осторожнее, если неравно он в таком припадке...

Руперт. Около того... ничего... найдемся. Я покуда останусь в прихожей, а вы забежите узнать, в каком он, около того... припадке сумасшествия: барон или доктор, вот я и явлюсь безопасно...

Фортункин. То-то. Смотрите, а то с ним не сладишь. Не удивляйтесь, если он будет звать себя доктором, щупать ваш пульс, говорить о медицине... вникаете?

Руперт. Что мне... Пусть говорит что хочет; мне у него не детей крестить... только бы деньги отдал! Пойдемте; мы уж и так довольно вертимся всё около того...

Фортункин. Опять «около того»... У этих плебеев есть свои выражения, которых нам, вельможам, не понять... Я слушал, слушал... а просто не понимаю, к чему вы говорите «около того»... или вы шутите?..

Руперт. Как? не понимаете, около того... Да помилуйте... тут глубочайший смысл политический... тут, так сказать, вся жизнь наша, всё... около того!

Жизнь нашу тратя на химеры,
Весь век мы все до одного
На разнородные манеры
Вертимся *около того*...
Чиновник, чтобы подслужиться
Там, где есть польза для него,
И повышения добиться,—
Вертится *около того*.
Тот на красавице женился
Для утешенья своего;
Вдруг знатный друг к нему явился,
Вертится *около того*!
Писатель раз умно напишет,
Так, что похвалят все его,
Да после тем же всё и дышит,
Вертится *около того*.
Жених невесту так голубит,
Ее хранит как божество;

Подумаешь — ее он любит,—
Вертится *около того*
(бьет по карману).
Тут, впрочем, нечему дивиться,
Мудреного нет ничего:
И мир-то, кажется, вертится
Весь *около того*!

Вот видите, какая это политическая поговорка! Знайте же теперь, что земля вертится, во-первых, около своей оси, во-вторых, около солнца, а в-третьих, еще около того. Однако ж, надеюсь, что мы теперь в последний раз повернулись около того...

Розина *(входит)*. Дядюшка! вы забыли ключи. *(Подает.)*

Руперт *(с беспокойством)*. Где они были? Ты их сейчас нашла?

Розина *(с замешательством)*. Сейчас, дядюшка... Я их на полу подняла.

Руперт. Как это я их уронил! Идем; да, я сейчас, только отдам приказание. *(Подходит к двери налево и кричит.)* Анисья! Анисья!

Розина *(украдкой)*. Я нашла завещание, только не знаю, что в нем написано...

Руперт *(в дверях вполголоса)*. Смотри же... чтоб всё было по-прежнему... Я ведь тебе лишние деньги даю за то, чтоб ты не пускала никого на черную лестницу и около того...

Фортункин *(Розине)*. Хорошо... очень хорошо...

Анисья *(в дверях, Руперту)*. Хорошо, сударь...

Руперт *(идет)*. Ну, теперь совсем... только надо дверь запереть... без меня ведь продажи нет...

Фортункин. Как, неужели вы запрете вашу племянницу?

Руперт. У меня такой обычай... Я скоро ворочусь...

Фортункин. Странно, а она, кажется, такая смирная... Плебеизм, варваризм!

Руперт.

Она послушна и покорна,
Одна не смеет выходить;
Но я скажу вам непритворно,
Что дверь не худо притворить!

Фортункин.

Вы говорите очень мило,
Обычай ваш весьма хорош.
Но ведь в мешке не спрячешь шила,
Замком девицы не запрешь!

Они уходят; слышно, как Руперт запирает снаружи дверь.

Розина. Ну, что-то из этого будет... Пойду прочту завещание!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Театр представляет комнату доктора Аффенберга. Впереди письменный стол, на котором разбросаны книги и бумаги.

Явление 1

Доктор *(один)*. Хоть бы от одного копейка... Да тут же еще и сердечные огорчения: тот против чаяния вдруг выздоровел; тому стало легче; тот переменил доктора... Суета сует! Уж нынче и нашему брату, доктору, нелегко жить на свете... Свет чересчур умудрился... люди в нас плохо верят... да на беду еще теперь все водой лечатся, а от такого леченья ни доктору, ни аптекарю пользы нет ровно ни на алтын... А всё мы же виноваты... всё доктора...

Доктора свои находки
Сыплют щедрою рукой:
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной.
Прежде этими вещами
Добывали мы доход,
А теперь не ради сами,
Что пустили воду в ход.
Времена для нас плохие,
Мы теперь хоть волком вой:
Не зовут уж нас больные,
Сами лечатся водой.
И недужных, и уродов —
Всех вода лечить взялась,

И теперь *водопроводов*
Тьма на свете завелась.
В бога здравья воду тянут,
Воду тянут, как вино,
И уж скоро в море станут
Без помехи видеть дно...
Но дождутся злого году...
Как во всех концах земли
Всю до капли выпьют воду —
Сядут раком на мели!

Тогда-то нам опять будет праздник... Не дождешься, кажется, такого счастия!..

Явление 2

Доктор, Фортункин и слуга.

Слуга. Вот г-н барон фон Лохенкрет.

Доктор. Добро пожаловать. Что ваш больной?

Фортункин. К несчастию, ему всё хуже. Он теперь только и бредит о бриллиантах, что, впрочем, было всегда исключительным коньком помешательств в нашем роде. Кто же напомнит ему его благородную породу, скажет, что он граф Руперт, а не ювелир,— он бесится еще больше... вникаете?

Доктор. Странный конек помешательства! Расскажите мне еще, как это было...

Фортункин. Очень просто, или мудрено, если хотите... Несколько лет назад он увидел на Гороховой улице вывеску ювелира Руперта — и вдруг в голову его забралась мысль, что он не граф, а ювелир... Ни в одном из сучков нашего родословного дерева так быстро не вкоренялась подобная идея... она привилась, как оспа... Это сходство фамилий показалось ему игралищем рока... вникаете?.. Он стал уверять всех, что он первый ювелир в свете; опровержения всего нашего дома не могли его образумить. Словом, если вы не возвратите ему рассудка, то вся надежда пропала...

Доктор. Кто? Я, доктор медицины и хирургии, член многих ученых обществ и благотворительных заведений, не возвращу ему рассудка?.. Надеюсь, что вы ошибаетесь...

Ф о р т у н к и н. Дай бог! Я привез его к вам; он в приемной... Родственники изъявили согласие отдать его к вам для излечения, и вот бумага, ими подписанная, которая дает вам право поступать с ним по своему усмотрению... вникаете? Только предупреждаю вас, что он бывает очень сердит, когда станут ему противоречить... вникаете?

Д о к т о р. Сердит? прекрасно! я уж знаю, как мне поступать.

Ф о р т у н к и н. Вся родня наша через меня просит вас не думать, чтоб излечение такого лица не доставило вам славы и выгод... вникаете?

Д о к т о р. А я с своей стороны надеюсь, что чрез неделю вы увидите графа совсем здоровым...

Ф о р т у н к и н. Итак, прощайте; прикажите проводить меня особым ходом: я не хочу расстраивать моих нерв печальной картиной сумасшествия моего бедного дяди, да и он, увидев меня, пожалуй, привяжется и от него не отделаешься... а мне нужно... есть важное дело... вникаете?

Д о к т о р. Именно, лучше не показывайтесь. *(Звонит; входит слуга.)* Проводи господина барона задним ходом да скажи Ивану, чтобы пришел стеречь больного... *(Фортункину.)* Не дерется ли он, когда на него находит?

Ф о р т у н к и н. Нет... в нашей фамилии вообще замечена благородная привычка не давать рукам воли. Впрочем, вы можете быть спокойны... В бумаге, которую я вам дал, сказано, что вы можете и связать его в случае нужды... *(В сторону.)* Оно и мне спокойнее, как его свяжут... Итак, до свидания.

Д о к т о р. Прощайте...

Фортункин уходит с слугою.

Я в л е н и е 3

Д о к т о р, потом с л у г а.

Д о к т о р. Нынешний день не потерян... Где бы мне удобнее поместить моего больного и по какой методе начать лечение? Пусть покуда побудет здесь; в приемной неловко... а в тех прежде протопить надо... Пользовать

начну по совету великого Боэргава, то есть прежде всего рассержу его как можно более, а потом задам добрый прием микстуры... А чтоб она имела более действия, целый день не дам ему ни есть, ни пить, ни спать... Однако ж пора и посмотреть на его сиятельство. *(Звонит; входит слуга.)* Что больной, смирно сидит?..

С л у г а. Не сидит, сударь, а стоит у двери...

Д о к т о р. Проси его сюда...

Слуга уходит.

Сейчас же взбешу его... это самая спасительная мера.

Я в л е н и е 4

Д о к т о р и Р у п е р т.

Р у п е р т *(смиренно становится у дверей и кланяется).* Честь имею засвидетельствовать всенижайшее почтение, преданность и... около того...

Д о к т о р. Здравствуйте... Что ж вы остановились? Пожалуйте сюда...

Р у п е р т. Ничего-с, помилуйте, постою и около... И так много чести, что я, простой ювелир,— стою в вашем присутствии... Понравились ли вам мои бриллианты?

Д о к т о р *(в сторону).* Ювелир, бриллианты! Начал уж, начал... Какие бриллианты, ваше сиятельство?

Р у п е р т *(в сторону).* Тонкая насмешка! *(Ему.)* Конечно, вам угодно называть меня сиятельным, потому что я бриллианты продаю, но осмелюсь вам сказать, что я больше ничего, как простой ювелир.

Д о к т о р. Полноте, это вам так кажется, оттого что вы больны... Я употреблю все мои медицинские познания, чтоб вас вылечить.

Р у п е р т. Помилуйте, господин барон!

Д о к т о р. Я не барон, а доктор.

Р у п е р т. Доктор? понимаю. *(В сторону.)* Ну так попал же я кстати! *(Ему.)* Так вы сегодня доктор?..

Д о к т о р. Не сегодня, а вот уж тридцать лет...

Р у п е р т. Тридцать, гм! около того.

Д о к т о р. Я всеми силами постараюсь выбить из головы вашей эти несчастные бриллианты и заменить их светлыми мыслями.

Руперт. Позвольте вам заметить, что я за свои бриллианты не возьму никаких светлых мыслей, около того... если вы хотите иметь их, то пожалуйте деньги.

Доктор. Какие у вас бриллианты, ваше сиятельство; вы граф, а не ювелир.

Руперт *(в сторону)*. Что он несет! *(Ему.)* Помилуйте, всем известно, что я тридцать лет ювелир, и составил себе известность на Гороховой улице и около того.

Доктор *(в сторону)*. Ну, пошел городить...

Руперт. Что касается до бриллиантов, то вы нигде лучше тех не найдете, которые к вам доставлены.

Доктор. Доставлены ко мне? *(В сторону.)* Вот что выдумал! у сумасшедших воображение работает удивительно... внесу в мои записки... *(Ему.)* Так вы доставили мне бриллианты?

Руперт. Около того... И пришел получить за них деньги.

Доктор *(в сторону)*. И как складно врет! *(Ему.)* Что вы толкуете, граф? Говорю вам решительно: я никаких бриллиантов не получал: денег вам ни копейки давать мне не за что.

Руперт *(в испуге)*. Не получали... не отдадите? Что вы?.. вы хотите меня ограбить... я обманут... Отдайте... или я пойду... около того...

Доктор. Я вас никуда не пущу.

Руперт. Не пустите! Вы хотите меня погубить... около того. Что вы, господин доктор, господин барон... черт знает в каком вы теперь припадке... я пожалуюсь.

Доктор. А! насилу рассердился! *(Идет.)* Пора связать, пора!

Руперт. Куда же вы, куда!.. *(Идет за ним.)* Отдайте бриллианты... отдайте!

Доктор уходит.

Силы небесные! я — разорен!

Что со мной? я весь в пожаре,
Я горю, как на огне,
Кровь кипит, как в самоваре,
Мочи нет, как жарко мне!
Сердце бьется и тоскует,
От испуга ноет грудь,
Самый воздух в уши дует,
Что меня хотят надуть!

Вот тебе того, вот тебе около того! Как я сплошал... Где я? у воров или у барона?.. Если у него, то он уже должен быть в третьем градусе сумасшествия, когда такую штуку затеял... нет, уж это не шутка! Все ушли, ни тут, ни около того ничего не слышно... может быть, меня зарезать хотят... Нет, я не могу оставаться один; что будет — только бы скорее к концу... Эй, люди! *(Бегает от одной двери к другой.)* Откликайтесь, эй, эй!

Входит доктор с четырьмя слугами и склянкою в руках.

Явление 5

Руперт, доктор и слуги.

Доктор. Не должно упускать спасительной минуты. Если он будет упрямиться, то ты, Иван, и ты, Федор, поймайте его и держите покрепче; ты, Давид, приподними ему голову, а ты, Сидор, этим инструментом разинь ему рот пошире; а я знаю уж, что делать... Граф, потрудитесь разинуть рот.

Руперт. Что... около того... рот разинуть?.. да зачем это... что я буду стоять рот разиня... Вы мне зуб, что ли, выдернуть хотите?.. у меня зубы не болят... с тех пор как пристяжная лошадь какого-то франта мне, около того, коренной зуб вышибла...

Доктор. Повинуйтесь, граф... а не то хуже будет... я прикажу вас держать.... *(Идет к нему.)*

Руперт. Ай-ай! у вас склянка... вы меня отравить... около того, отравить хотите. *(Бежит от него.)*

Доктор *(слугам)*. Исполняйте приказание!

Слуги бросаются на Руперта, который защищается.

Руперт *(в исступлении)*. Люди вы, черти или что-нибудь около того! Помилуйте, ай, режут! ой, отпустите душу на покаяние!

Доктор. Не отпускайте, держите, держите!

Слуги держат, Руперт старается вырваться.

Руперт. Около того... мучители... постойте! так и быть, тираньте; я сам дам отравить себя. *(Разевает рот.)*

Доктор. Эта спасительная влага есть изобретение великого Берндта. *(Выливает ему в рот микстуру.)* Глотайте осторожнее, чтоб не пролить капельки.

Руперт. Всё кончено, около того... я отравлен... фу! как гадко... около того... *(Плюет.)* Какой вы мне горечи поддали!

Доктор. А! прекрасно! ничего еще не видя, он уж замжурил глаза, и пена показалась на губах; это значит, что дурь мигом выходить начинает. Довольно! садитесь в кресло. Так! Что, граф, не чувствуете ли вы во рту небольшой горечи с малою солоноватостью?

Руперт. Отравил, да еще спрашивает — вкусно ли, около того. Ох, господи!

Доктор. Отравил? это уж слишком! Прощаю вам это единственно из уважения к тому, что вы сумасшедший.

Руперт *(вскакивая)*. Я сумасшедший!

Доктор. Конечно. Советую вам беспрекословно следовать моим рецептам, а не то я поступлю по силе данной мне власти... С чего вы взяли, что я барон,— я просто доктор Симон Аффенберг!

Руперт. Знаю, знаю. На вас дурь нашла; вы сами себя не помните, а меня из ювелира сделали графом! Опомнитесь, ради бога, господин барон фон Аффен...

Доктор. Стойте, стойте... говорят вам, что я доктор, а не барон.

Руперт. А долго ли вы намерены пробыть доктором?

Доктор. До конца моей жизни...

Руперт. Как до конца? Так этому, значит, и конца не будет... Да образумьтесь, барон.

Доктор. Образумьтесь вы, ваше сиятельство.

Доктор и Руперт.

Образумьтесь, бога ради,
Не мелите наобум,
Сами будете вы ради,
Как найдете вы на ум!

Доктор.

Граф, вы очень уж кричите,
Вы свирепы, как вампир!

} *Вместе*

Руперт.

Вы чресчур, барон, кричите,
Вы свирепы, как вампир!

Доктор.

Не барон я, извините,—
Я врачом родился в мир.

Руперт.

Что за граф я! не мудрите,—
Я отличный ювелир!

Вместе

Повторяю вам, что вы в припадке безумия произвели меня в графы... около того...

Доктор. Повторяю вам, что вы в сумасшествии и потому вообразили себя ювелиром, меня бароном и бредите черт знает какими бриллиантами, которых я никогда не получал, а вы не имели и иметь не будете!

Руперт. Иметь не буду! Нет! мне, видно, покуда оставить бриллианты и кинуться в управу благочиния и... около того... Прощайте, господин барон!

Доктор. Эй, люди! будьте готовы! Не угодно ли вашему сиятельству подождать немного и выслушать, что написано в этой бумаге. *(Вынимает бумагу и читает.)* «Мы, нижеподписавшиеся, сумасшедшего дядю нашего графа фон Руперта отдаем для пользования в сей болезни доктору Симону Аффенбергу, с тем что может он с оным дядею нашим поступать по своей воле; именно: связывать его веревками, брить голову, сажать на цепь и употреблять все другие средства к укрощению порывов его бешенства». Вот и подпись ваших родственников: барон Ганс фон дер Лохенкрет, граф Ульрих фон дер Шустер-Мустер, баронесса Гертруда фон дер Фосфор, графиня Кунигунда фон Гарен Лох.

Руперт. В какую родню я попал! Силы небесные! что со мной?

Доктор. Ну, что скажете, граф? Стоит только мне приказать — и вы будете посажены на цепь, связаны и вас отбреют наичистейшим образом.

Руперт. Обреют голову?

Доктор. Да.

Руперт. Начисто... около того?

Доктор. Да.

Руперт. О господи, новый расход... заказывай парик... Силы небесные и... около того!.. что со мной? Камни мои драгоценные отняли... меня брить хотят...

Как будто в ад меня влекут;
В глазах какие-то букашки,
Сто кошек на сердце скребут,
По телу бегают мурашки.
За что я должен так страдать,
За что столь тяжкие мученья?
Хотел я *камни* им продать...
И встретил *камень* преткновенья.

Пропала моя головушка... Не понимаю, что со мной делается! Нет спасенья ни здесь, ни там, ни около того! *(Про себя.)* Попытаюсь еще, попрошу его... польщу ему... около того... Доктор, а доктор.

Доктор. Что, ваше сиятельство?

Руперт. Вы посвятили себя на пользу страждущих, болящих... и... около того; вы их спасаете, воскрешаете, оживляете и... около того... Известно всем, что вы первейший врач, великодушнейший человек. Ужели же вы не захотите возвратить мне здоровья и... около того.

Доктор *(в сторону)*. А-а! Он что-то дело заговорил! *(Ему.)* Как можно? я из того и хлопочу, ваше сиятельство. Я вот уж давеча и начал вас лечить *(смотрит на часы)*, а теперь скоро другой прием приближается.

Руперт. Нет, нет, помилуйте... *(В сторону.)* Вот надоумил! *(Ему.)* Я болен... но не телом, а душою и... около того... Возвратите мне бриллианты, и я буду здоров как нельзя более.

Доктор *(в сторону)*. Ну, опять понес! *(Ему.)* Я не могу вам возвратить того, чего не брал...

Руперт. Не брали... не брали... Полноте, доктор... Не вы ли получили их от вашего племянника, которому я отдал их для показания вам.

Доктор. Что за племянник? новая чушь...

Руперт. Не чушь, право не чушь... около того... настоящая правда... Я вот как теперь помню, как я уложил бриллианты, вот по этому реестру, около того... мы приехали к вам, и я отдал ему коробочку для показания вам.

Доктор. Складно, очень складно; только племянника у меня никакого нет, невесты тоже, бриллиантов покупать мне не для чего... А покажите-ка, что у вас за бумага в руках.

Руперт. Реестр... около того... за вашим подписанием.

Доктор *(рассматривая бумагу, с изумлением)*. Свидетельствуюсь всеми больными, которых, может быть, уж нет на свете, но всё-таки свидетельствуюсь, что тут нет ни одной буквы моего почерка... Что это значит?

Руперт. Что, нет? Не вы писали... около того... не вы? А! я начинаю понимать!.. Он не ваш племянник? Послушайте, барон, скажите, пожалуйста, правду — находит ли на вас иногда этакая медицинская дурь, около того... что вы воображаете себя медиком?

Доктор. Я и без того медик... Скажите лучше, не находит ли на вас дурь, что вы воображаете себя ювелиром?

Руперт. Я и так ювелир... И могу доказать... спросите в Гороховой и около того... Так на вас дурь не находит?

Доктор. И на вас?

Руперт. Ей-богу, нет...

Доктор. Ну так нас одурачили. Подпись подложная... бриллианты ваши похищены.

Руперт. Что... украдены... Кем?.. около того... Мои драгоценные камни, мои бриллианты и... около того — украдены... Вы ничего об них не знаете?

Доктор. Нет!

Руперт. Так их украл ваш племянник?

Доктор. Какой мой племянник, этот молодой человек сказал мне, что он ваш племянник.

Руперт. Какой он мне племянник... выходит, он просто, около того... мошенник.

Доктор. Да, теперь это, кажется, ясно.

Руперт. Это ни на что не похоже... около того... это меня в гроб сведет...

Я мирно камни продавал
И капитал себе упрочил;
Вдруг черт меня околдовал
И шут какой-то обморочил.
Наш мир в искусстве надувать

Достиг такого совершенства,
Что и *на камнях* основать
Нельзя уж прочного блаженства!

Делайте что хотите... а я просто с ума сошел... около того... Как это люди не имеют совести!

Доктор. Утешьтесь... Что делать!

Наш мир театр. На сцене света
Играть нам роли суждено,
В репертуаре жизни этой
Пиесы те же уж давно:
Любовь — ошиканная драма,
Честь — историческая быль,
Приязнь — на век наш эпиграмма,
И *Совесть* — шутка-водевиль.
Мы в жизни бенефицианты;
Вся трудность в том, что надо знать,
Чтоб показать свои таланты,
Какую пьесу разыграть:
В *Любви* и *Дружбе* мало смеху,
От *Чести* выгодой не льстись,
А *Совесть* дай толпе в потеху —
Так схватишь славный бенефис!

Надеюсь, что эта неутешительная истина должна вас несколько утешить... лучше этого рецепта теперь я не могу вам прописать...

Руперт *(плачет)*. Где-то мои бриллиантики гуляют теперь; я их уложил, укутал... около того... *(Всхлипывает.)* Еще в Графском переулке давеча какое-то предчувствие было... около того... сбылось... сбылось...

Доктор. Чем отчаиваться, лучше подумать о средствах возвратить...

Руперт. Возвратить... около того... нет! Силы небесные, около того! Силы мои не в силах этого вынести!

Явление 6

Те же, Фортункин и потом Розина.

Фортункин. Извините, что без доклада. *(Осматривается.)*

Доктор. Вам, конечно, есть до меня нужда?

Руперт. Пришел кто-то... кто? Молодой человек! скажите... не видали ли вы моих бриллиантов... около того...

Доктор. Извините его, сударь... он в припадке сильной горести.

Фортункин. Мне именно с ним нужно поговорить и с вами, доктор.

Доктор. Так вы его знаете?

Фортункин. Очень коротко.

Руперт. О, помогите, помогите мне... около того... спасите... меня обокрали... ограбили и... около того... одурачили... Конец мой настал... около того...

Розина *(вбегает)*. Дядюшка, дядюшка! Что с вами?

Руперт. Розина! племянница... и... около того... О! Ты пришла на помощь к твоему ограбленному дяде и... около того... ты знаешь, где бриллианты... о! добрая душа... ты спасешь меня... друг мой, около того... жена моя!

Фортункин. Постойте... Жена — только не ваша!

Руперт. Чья же?

Фортункин. Моя!

Руперт. В самом деле?.. Что я вижу... да это тот самый студент... Она ваша жена? не может быть... ведь я ее запер, около того...

Фортункин. Я прошел с черной лестницы.

Доктор *(про себя)*. Не понимаю, что за история!

Руперт. Неужели она уж, около того... ваша жена...

Фортункин. Я не шутя говорю....

Руперт. Дочь непослушная, своевольная и около того... ты вышла замуж без позволения дяди... Бог знает за кого... ты будешь достойно наказана. Ты не получишь приданого ни копейки... слышишь ли... около того... ни копейки не получишь! *(В сторону.)* Слава богу! хоть тридцать тысяч остались... около того...

Розина. Не беспокойтесь, дядюшка, я уж получила все тридцать тысяч!

Руперт. Как получила? что ты говоришь? около того...

Доктор *(Фортункину)*. Объяснитесь, пожалуйста... что всё это значит?

Фортункин. Успокойтесь на минуту, господин Руперт... выслушайте меня.

Руперт. Успокоюсь, потому что я уже и не могу говорить... около того...

Фортункин. Во-первых, вам, доктор, и вам, господин Руперт, нужно знать, что я тот самый человек, который известен вам под именем барона Лохенкрета.

Доктор. Как, так это не ваша фамилия?

Фортункин. Нет, настоящая моя фамилия Фортункин, а звание не барон.

Руперт. Так это вы взяли мои бриллианты... вы... Отдайте, отдайте их, сударь... или, около того... в управу...

Фортункин. Погодите немного... Вы сейчас их получите на одном условии... Вот видите, в чем дело... Я давно был влюблен в племянницу господина Руперта... Но он сам хотел жениться на ней, потому что у нее тридцать тысяч приданого...

Руперт *(про себя)*. Разумеется, потому.

Фортункин. Он скрыл завещание ее покойного отца и никак не хотел отдать денег.

Руперт *(в сторону)*. Какой же сумасшедший сделал бы это!

Фортункин. Я решился взять приданое силою и употребил средство, которое вам, я думаю, теперь ясно.

Доктор. Конечно.

Руперт. И всё это наделала эта недостойная женщина... около того...

Фортункин. Вы ее браните... а она еще об вас беспокоилась... Если бы не она, то вы бы еще долго пробыли в недоумении. Потому что я бы никогда не решился в самый день свадьбы делать с моею женою визиты, особенно холостым людям.

Руперт. Что вы около того-то вертитесь... отдайте скорей бриллианты...

Фортункин. Потише, господин Руперт. Вы получите бриллианты не прежде, как исполнив завещание отца Розины, то есть отдавши ее приданое... для того я и взял их у вас.

Руперт. Какое завещание? Кто вам сказал, около того?.. его нет... хотите так взять Розину, так с богом, а нет, так я еще жаловаться пойду... около того.

Фортункин. Ничего этим не возьмете... к счастию, и завещание уже у нас.

Руперт *(в испуге)*. Как, у вас?

Фортункин. Розина нашла его в вашей шкатул-

ке... Стоит только предъявить его... так вы сейчас будете принуждены выдать деньги.

Руперт. Вот тебе и тридцать тысяч! Вот тебе и жена... около того.. *(С горестью)*. Да неужели же уж вы успели жениться на ней?

Фортункин. Да, успел... Долго ли это... сейчас же взял да и женился.

Руперт. Вот тебе и черная лестница, вот тебе и замок с пружинами... около того...

Розина. Простите же нас, дядюшка, мы будем вас любить, будем вам хорошими детьми.

Руперт. Дети... около того... очень хорошие дети! около того... отца провели...

Фортункин. Простите нас, господин Руперт... теперь уж всё кончено... мы обвенчаны... и я, право, буду хороший муж Розине. Ведь я и сам много страдал для нее.

Я к ней горячею любовью
Еще на лекциях пылал,
Готов был жертвовать я кровью
За мой прекрасный идеал.
Мне, как в лесу, встречались сучья,
Насилу пристань я нашел...
Да, я на верх благополучья
По черной лестнице взошел!

Розина.

И я давно его любила,
Он мне являлся день и ночь,
И от меня не отходила
Мечта о нем ни шагу прочь!

Розина и Фортункин.

Давно друг друга мы любили,
И наш вполне счастливый брак,
Как небеса благословили,
Благословить вас просим так!

Руперт. Да уж больше и делать ничего не остается... около того... Вы так хорошо сделали, что и не поправишь; видно, правда, что шила в мешке не утаить, а девушки под замком не удержать... Как скажете вы, доктор, около того?

Доктор. Да я скажу — и около того, и около этого, и около другого, как ни поверни, всё так...

Руперт.

Мы похитрели чрезвычайно,
И похитрел ужасно мир...
«Вот бриллиант необычайный»,—
Наш брат толкует ювелир...
Оно и точно что блестящий,
А ближе взглянешь на него —
Не то чтоб вовсе настоящий,
А только — около того...

Фортункин.

Иной профессор уверяет,
Что он всю мудрость разжевал
И языков так много знает,
Что сам в *язычники* попал.
Он точно малый премудреный,
А ближе взглянешь на него —
Не то чтоб вовсе он ученый,
А только — около того...

Доктор.

Иной и медик, и философ
Больным всем уши прокричал,
Что все болезни верный способ
Лечить давно он отыскал...
То правда — способ беспримерный,
А ближе взглянешь на него —
Не то чтоб вовсе очень верный,
А только — около того!

Розина *(к публике)*.

Так точно вы воображали,
Что водевиль наш будет нов,
И нам беда, когда узнали,
Что он и стар и бестолков...
Когда ж вы им довольны были,
Так просим только одного —
Не то чтоб вы нас похвалили,
А хоть бы — около того!

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, ПЕРЕДЕЛАННАЯ С ФРАНЦУЗСКОГО Н. ПЕРЕПЕЛЬСКИМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г-жа Дюмениль, знаменитая французская актриса.

Дюрваль, адвокат.

Адриан, сын его.

Луиза, крестница г-жи Дюмениль.

Театр представляет комнату; дверь в середине, и другая с левой стороны от зрителей; с правой стороны окно; недалеко от окна туалет; на креслах брошено несколько платьев.

Явление 1

Луиза *(одна с узлом в руках)*. Это несносно! так поздно принести платье, когда мамзель Дюмениль должна сегодня в первый раз играть роль Федры! *(Кладет узел на стол.)* Уж не умыслы ли какие на мою крестную маменьку? За что бы, кажется? она такая добрая... А как она хорошо играет... даже меня, такую хохотунью, невольно заставляет плакать... Как подумаешь, давно ли моя крестная маменька была такая же, как и я, бедная девушка, а теперь вот она уж и богата, и в славе; то королева, то принцесса, то герцогиня, каждый вечер... А я... нет, во что бы ни стало, буду непременно актрисою, хоть маменька и говорит, что трудно... но зато как приятно!

Ах, как мило! ах, как чудно —
Быть актрисой, всех пленять,

Над толпою многолюдной
Каждый день торжествовать!..
Чуть на сцену — все лорнеты
На тебя устремлены,
Генералы и корнеты —
Все тобой поражены!
Тот стишки тебе скропает,
Тот срисует твой портрет,
Тот с любовью предлагает
На придачу фунт конфет.
Не играешь — балагуришь,
Будь дурна хоть выше мер...
Глазки сделаешь, прищуришь,
И захлопает партер!

Ах, как бы стала я играть... как бы я любила моего обожателя... за которым, кажется, у меня дело не станет... Этот молодой человек, который так часто ходит мимо окон наших... о, верно, недаром... и какой он милый! совсем не похож на тех великолепных маркизов, которых маменька каждый день выпроваживает за дверь, несмотря на то что они льнут к ней, как мухи к меду... Они такие несносные! Всячески стараются прокрасться к ней... подкинуть записку... в будуар... в карету, даже в платье... *(Встряхивает платье, из него вылетает несколько записок.)* Вот и еще!.. просто дождь из записок, и всё к ней... а *мой,* видно, не смеет ко мне писать... Надо об нем сказать крестной маменьке... Как она долго спит... вчерашнее приключение ее очень расстроило... я и сама еще не могу успокоиться... Но вот и она! Ах, боже мой! какой у нее печальный вид... уж не больна ли она?..

Явление 2

Луиза и г-жа Дюмениль.

Дюмениль *(входит, декламируя стихи из трагедии).*

Постой, Энона, здесь! о, скорбь! о, дни унылы!
Изнемогаю я: мои слабеют силы!

Луиза. Вот кресла, что с вами?..
Дюмениль *(продолжая).*

Болезненным очам свет тягостен дневной,
И подгибаются колена подо мной!
Увы!

(Падает в кресла.)

Луиза. Ах, как вы расстроены, боже мой! вот понюхайте спирту...

Дюмениль. Так, кажется, будет хорошо...

Луиза. Что такое?

Дюмениль. Мой выход.

Луиза. Так это ваша роль?

Дюмениль. Да.

Луиза. А я думала, что вы в самом деле при смерти.

Дюмениль. Прекрасно! стало быть: верно, хорошо!.. Ах, через несколько часов мне предстоит опять новый, трудный опыт... Боже мой! помоги мне в этот вечер.

Луиза. Я помолюсь за вас, милая маменька.

Дюмениль. Добрая Луиза! Но отчего ты так расстроена!.. Понимаю... тебе хочется быть актрисою. Каждый вечер, после спектакля, ты по целым часам передразниваешь героинь разных трагедий...

Луиза. Да, я нахожу в этом удовольствие... только недостает любовника, который бы говорил мне предречия... впрочем, и за ним дело не станет.

Дюмениль. Ребенок!.. ты хочешь заставить говорить Расина, а не умеешь сама порядочно выражать своих мыслей.

Луиза. Но вы сами, маменька...

Дюмениль. Ах, Луиза! на всё нужно время... любовь, изучение, талант... Я еще совсем не знала театра, а уже ум мой одушевлялся прекрасными стихами, постепенно пробуждалось во мне вдохновение...

Луиза. И во мне тоже.

Дюмениль. Ах! это чувство дано не всякому; само небо его ниспосылает нам; я ценю его высоко, Луиза; я благоговею перед ним, хотя сама не могу дать себе в нем отчета. Когда я на сцене, я забываюсь... волшебная мечта создает вокруг меня новый мир, другую природу; я обитаю в мраморных чертогах; небесный свод раскрывается надо мною; я дышу воздухом Рима и Греции; я живу новою жизнию, более сильною и пламенною. Ах! не завидуй мне, милая Луиза, потому что на другой день, придя в себя, усталая, изнеможенная, мысленно переношусь я на мою

родину, на берег моря, где провела я младенчество и где, отказавшись от шума света, так приятно бы было жить; делиться избытком чувств с одним человеком, который бы понимал, любил меня... если бы нашелся такой человек...

Луиза. Да, может быть...

Дюмениль. Но оставим это. Что мой костюм?

Луиза. Ах, он очень хорош! посмотрите!.. А вот еще какие-то бумаги к вам.

Дюмениль. Опять рукописи... какая скука! В этой куче плохих сочинений, которыми нас заваливают, только одно меня поразило... Какая прекрасная роль, какие возвышенные чувства... О, я с удовольствием выразила бы их...

Луиза *(подавая записки)*. Наконец, вот еще... порядочно... фунта полтора на вес будет... Три... четыре... шесть писем... вы даже не смотрите на них...

Дюмениль. Все они похожи одно на другое... эти поддельные нежности до того надоели мне, что я почти решилась выйти замуж за доброго старичка Мальво... По крайней мере он точно предан мне... Он пишет мне каждое утро по три листа советов и каждый вечер бывает в театре, где изъясняется мне в любви пантомимою *(хлопает в ладоши)*. Я очень хорошо его понимаю... сегодня я ему обещала решительный ответ... А это всё брось в огонь... Постой, тут должно быть послание в стихах... отложи его...

Луиза. Послание в стихах?

Дюмениль. Да!

Луиза. Вот, кажется, оно.

Дюмениль. Посмотрим. Прочти сама, чтоб я могла судить о твоих успехах...

Луиза *(читая дурно)*. «Милостивая государыня, извините меня, если я преследую вас слишком настоятельно, но... в мои лета, вы сами согласитесь, нельзя терять времени...»

Дюмениль. Как? это, по-твоему, стихи?

Луиза. Кажется, так написано...

Дюмениль. Это проза господина Мальво...

Луиза. Ха-ха-ха! так он недаром торопится, бедняжка...

Дюмениль *(ищет в бумагах, которые держала Луиза)*. Ах, вот чего я искала... как хорошо!.. Эти стихи должны непременно доходить до сердца.

Л у и з а *(с живостью)*. Вот точно так же и он говорит.

Д ю м е н и л ь. Кто?

Л у и з а. Ах, маменька крестная, он...

Д ю м е н и л ь. Объяснись.

Л у и з а. Но вы будете бранить меня...

Д ю м е н и л ь. Нет, говори...

Л у и з а. Это тот молодой человек... вы знаете... вы его видели несколько раз... он всегда около нас, когда мы садимся в карету или выходим из нее... Вы всегда так закутаны... он не вас замечает, я уверена.

Д ю м е н и л ь. Стало быть...

Л у и з а. Не сердитесь, маменька. Недавно он приступил ко мне, когда вы сходили с лестницы; я была назади, и он мне сказал: «Ах, сударыня!», а потом: «Вы в услужении у г-жи Дюмениль?» — «Я ее крестница, сударь».— «Ах, сударыня»,— сказал он, вы позвали меня, и тут я ушла. На другой день он опять сказал мне, проходя: «Ах, сударыня!» — и ушел, заметя вас.

Д ю м е н и л ь. Я, право, не знаю, о ком ты говоришь... я не обращаю никакого внимания на...

Л у и з а. Вы видите одну публику.

Д ю м е н и л ь. Но я хотела бы узнать того, который вчера оказал мне большую услугу. Лошади маркизы чуть не опрокинули моего экипажа... я готова была выскочить из кареты с опасностию жизни... как вдруг подбежал молодой человек, ловко удержал лошадей маркизы... и в минуту исчез! Мы не успели ни рассмотреть, ни поблагодарить нашего избавителя...

Л у и з а. И вы ничего об нем не узнали?

Д ю м е н и л ь. Я просила господина Мальво узнать... Но что за шум?.. Я, кажется, слышу мужской голос в передней...

Л у и з а. В самом деле.

Д ю м е н и л ь. Я запретила принимать.

Л у и з а. Видно, кто-то хочет ворваться насильно... Слышите, как Роберт его удерживает...

Г о л о с *(за дверью)*. Пустите меня! я хочу с нею говорить. Черт возьми!

Д ю м е н и л ь. Да кто это?

Л у и з а *(со страхом)*. Ах, маменька!

Явление 3

Те же и Дюрваль.

Дюрваль. Черт возьми! мне непременно надо говорить с этой прекрасной женщиной. *(Берет стул и садится.)* Я не тронусь с места, у меня такая натура... А, да вот и она!

Луиза. Ах, боже мой! этот человек ужасает меня!

Дюмениль. Государь мой!

Дюрваль *(придвигаясь)*. Здравствуйте, мое почтение, сударыня.

Дюмениль. Как вы осмелились!

Дюрваль. Ничего нет странного... у меня такая натура... я прывык по должности врываться к людям силой... привычка вторая натура! Вы сами согласитесь.

Дюмениль. Что ж вам угодно?

Дюрваль. Я проехал пятьдесят три лье, чтобы с вами говорить...

Дюмениль. Говорите.

Дюрваль. Я дожидаюсь, чтобы ушла эта малютка... у меня уж такая натура.

Луиза. Как? оставить вас, маменька, с этим...

Дюрваль. Грубияном, хотите вы сказать? А чтоб вам понравиться, вероятно, надо льстить... но я этого не умею. У меня не такая натура!

Дюмениль. Я хочу доказать вам противное.

Дюрваль. Как это?

Дюмениль. Я позволяю вам остаться... Луиза, оставь нас.

Луиза. Какое ему до нее дело? *(Берет костюм и платья и уходит.)*

Явление 4

Дюмениль и Дюрваль.

Дюмениль. Я не прошу вас садиться.

Дюрваль. Без церемонии, прошу вас, не беспокойтесь...

Дюмениль *(садится)*. Предупреждаю вас, что мне некогда.

Дюрваль. Хорошо, хорошо... я прямо приступлю к делу... у меня уж такая натура... прежде всего вам надобно знать, что я называюсь Дюрваль, Пьер-Антуан Дюрваль, 25 лет я занимаю должность стряпчего в нашем городе. Во-вторых, надобно вам знать, что у меня есть сын, единственный сын... я не лгу... спросите у кого хотите... отличный человек, прекрасный малый, которого я очень люблю... у меня уж такая натура... я воспитал его на моих глазах, я сам научил его римскому праву и французским законам... я не лгу... спросите...

Дюмениль. Верю, верю... что ж далее?

Дюрваль. Я хотел сделать из него адвоката, сударыня... хорошего адвоката... я поддерживал бы его советами... Оно, знаете, ум хорошо, а два лучше...

Дюмениль. Но я не вижу, сударь, что же мешает вам и вашему сыну...

Дюрваль. Как что мешает? То, что надобно было послать его в Париж для усовершенствования в законоведении, а вот уж восемь дней, как он здесь, и до сей поры и нога его еще не была в палате: вместо того он всякий вечер бывает в комедии. Надобно вам знать, сударыня, что он обворожен какою-то актрисою, дамою или девицею... бог знает, ведь их трудно различить... одним словом, он погибает.

На жизнь не безрассудную
Он послан был отцом
В столицу многолюдную.
Он должен был с трудом
Во Франции введенные
Законы изучать,
А начал беззаконные
Здесь пули отливать!
Шатается в комедию,
Влюбляется, как хам,
Того гляди, трагедию
Напишет сдуру сам!
Теперь, наместо прибыли,
Он тратится, как мот:
Уж близок он к погибели,
Он будет нищим в год!
А мог бы и четверкою
Кататься, как барон,

Когда бы не актеркою
Был в сети завлечен...
С чем он теперь воротится
В родной наш город Ман?
Уж за него поплотится,
Наверно, мой карман!
Кутит он без зазрения,
Льет пули, может быть,
А мне от огорчения
Придется слезы лить!

Короче сказать, он обворожен каким-то олицетворенным дьяволом, потому что комедиантка...

Дюмениль. Ну, сударь...

Дюрваль. Да, мне пишут, что он пристрастился к трагедии: не пьет, не ест, не занимается адвокатскими делами, а грезит только одною Дюмениль.

Дюмениль *(вскочив)*. Как, мною? что вы говорите?

Дюрваль. Хорошо, хорошо!.. притворяйтесь, показывайте вид удивления, будто ничего не знаете...

Дюмениль. В первый раз слышу...

Дюрваль. Не может быть, не может быть...

Дюмениль. А каков собою ваш сын?..

Дюрваль. Черт возьми! славный малый, очень похож на меня.

Дюмениль. Ах, в самом деле?

Дюрваль. И потому вы не можете запираться, что получаете от него письма.

Дюмениль. Я? Никогда!

Дюрваль *(увидев письмо, которое Дюмениль держит в руках)*. Никогда! да вот, вот его почерк... прекрасная рука!.. Несчастный! чем занимается... он погиб, решительно погиб... *(Взяв письмо.)* Посмотрите, что это такое? *(Читает, не останавливаясь на конце стихов.)*

Сливаюсь я душою с каждым звуком,
Который произносишь ты,—
Когда являешься ты, преданная мукам,
Мрачна, бледна, как гений красоты,
О! как тогда душа моя мятется:
Я весь горю, волнением томим,
И одинаково с твоим
Тогда мое младое сердце бьется!

Дюмениль. Как, так это его стихи?

Дюрваль. Стихи?

Дюмениль *(берет стихи)*. Ну да, конечно.

Дюрваль. Стихи! сын мой пишет стихи! Несчастный! этого только недоставало.

Дюмениль. Как, эти возвышенные чувства, этот восторг, эта поэзия — всё это его, вашего сына? Вы говорите, что он влюблен в меня, сударь?

Дюрваль. Да... вы видите... он чудесный малый!.. Неужели вы не сжалитесь над ним... я нарочно приехал, чтоб вы возвратили мне моего сына: скажите, скажите, пожалуйста, где он?

Дюмениль. Повторяю вам, что я не знаю...

Дюрваль. Да он следует за вами всюду.

Дюмениль. Кроме моего дома, в котором он, конечно, никогда и не будет, если вы сами не научили его силою врываться в двери...

Дюрваль. Да, я, может быть, был немножко крут, немножко вспыльчив... у меня такая натура... Скажите же мне, будьте великодушны, видели вы его?

Дюмениль. Никогда, и очень жалею, если, как вы говорите, он похож на своего отца.

Дюрваль. Это очень любезно с вашей стороны... Я начинаю верить... Но вы могли узнать из его писем...

Дюмениль. Он их не подписывает.

Дюрваль. Неужели?

Дюмениль. Посмотрите.

Дюрваль. Правда... *(В сторону.)* Она точно не виновата... *(Громко.)* В таком случае очень ясно, что... я напрасно жаловался... Но что мне делать... Бедный Адриан! он пропадает от любви... в полном смысле пропадает! Он пренебрегает выгодной должностью... он, пожалуй, откажется от женитьбы на дочери сборщика податей! всё расстроится... Теперь я вас видел, и нахожу, что комедиантка тоже может быть порядочным человеком, то есть женщиной... Но вы знаете, всякому должно держаться своего звания.

Дюмениль. О, конечно, звание стряпчего...

Дюрваль. От этого звания зависит вся его будущность...

Дюмениль *(с участием)*. Его будущность, его счастие... О, сударь, в таком случае надобно постараться его исцелить.

Дюрваль. Исцелить? Да, да, конечно... но как?

Дюмениль. Это довольно мудрено; я подумаю. Приходите завтра.

Дюрваль. Завтра? вы говорите завтра?

Дюмениль. Я очень занята... я играю сегодня новую роль.

Дюрваль. Вы играете сегодня... Ах, боже мой! не играйте, пожалуйста.

Дюмениль. Почему?

Дюрваль. Он еще раз увидит вас... и более воспламенится: тогда уж его не вылечишь... умоляю вас, повидайтесь с ним сегодня же. Посмотрите *(подходит к окну)*, вот стоит карета... я ее найму... и через четверть часа... Ах, боже мой! посмотрите-ка... видите ли вы там, внизу, против окна... этого неподвижного человека...

Дюмениль. Кто же это? кто он?

Дюрваль. Он, ей-богу, он... голова открыта и нос кверху... ах несчастный! он не чувствует дурной погоды... он простудится.

Дюмениль. Да, в самом деле он очень недурен...

Дюрваль. Ну вот, я вам говорил...

Дюмениль. Знает ли он, что вы здесь?

Дюрваль. Нет еще.

Дюмениль *(отводя его от окна)*. Так не показывайтесь же.

Дюрваль. Но...

Дюмениль. Не мешайте же мне, я его вылечу, обещаю вам.

Дюрваль. Вы обещаете?

Дюмениль *(подавая ему руку)*. Честное слово.

Дюрваль. Ах, вы удивительно добры! *(В сторону.)* Она, того гляди, и меня обворожит, черт возьми!

Явление 5

Те же и Луиза.

Дюмениль. Луиза, ты видишь этого молодого человека, там, против наших окон?

Луиза. Этого молодого человека? Ах, боже мой!.. это...

Дюрваль. Черт возьми, это мой сын, Адриан.

Л у и з а. Ваш сын, ваш... ну уж трудно угадать.

Д ю р в а л ь. Что такое?

Л у и з а. Извините, сударь... если б я знала... конечно бы...

Д ю м е н и л ь *(Луизе)*. Скажи Роберту, чтоб он пригласил его сюда.

Д ю р в а л ь. А мне уйти?

Д ю м е н и л ь *(показывая на дверь с левой стороны)*. По этой потаенной лестнице.

Л у и з а *(в сторону)*. Что всё это значит?

Д ю р в а л ь. Отделайте его хорошенько, я буду обязан вам вечно...

Д ю м е н и л ь. Хорошо, хорошо... я постараюсь.

Дюмениль и Дюрваль уходят налево.

Я в л е н и е 6

Л у и з а (одна).

Л у и з а. Отец его здесь, собственною своею особою!.. Он не хотел говорить при мне... а теперь маменька посылает за его сыном... это ясно!.. *(Подходя к окну.)* Вот он... еще дожидается, хочет уйти... я лучше позову его сюда. *(К окну.)* Эй! послушайте, государь мой, пожалуйте сюда... Идет... ах, как он доволен, как доволен... однако ж он поступает, как его отец... растолкал весь народ... бежит...

Я в л е н и е 7

Л у и з а и А д р и а н.

А д р и а н *(останавливаясь в дверях)*. Сюда ли?

Л у и з а. Пожалуйте, господин Адриан.

А д р и а н. Ах, сударыня! возможно ли! меня ли вы хотели позвать?

Л у и з а. Разумеется, вас... да войдите же.

А д р и а н *(входя.)* Я не смею верить... такому счастию! это мечта!

Л у и з а *(таинственно)*. Нет, сударь; здесь есть дама, которая хочет с вами говорить.

Адриан. Она удостаивает меня принять!.. Она — госпожа Дюмениль...

Луиза. Да, моя крестная маменька... она хочет вам сказать что-то очень интересное.

Адриан. Мне?.. Ах, я не могу привыкнуть к этой мысли...

Луиза. Да что с вами?

Адриан. Темно в глазах...

Луиза. Ах, боже мой!.. Бедный молодой человек! что с ним делается? Садитесь, сударь,— вот стул.

Адриан. Мне здесь садиться? нет... о нет!

Луиза. Вы недолго будете дожидаться: крестная маменька сейчас придет.

Адриан. Сейчас придет... Ах, как я взволнован!..

Луиза *(подойдя ближе)*. Что вы говорите, сударь?

Адриан. Ничего... подите, сударыня, подите... мне надобно собраться с духом.

Луиза *(в сторону)*. Он очень недурен! *(Громко.)* Прощайте, господин Адриан, смелее, господин Адриан. *(Уходит налево.)*

Явление 8

Адриан (один).

Адриан. А! так вот этот чертог, где пролетали дни ее вдохновенные!.. Ах, боже мой! да не мечта ли это?.. ужели я увижу ее?.. Как заговорить с ней?.. как открыть свое сердце той, которая заставляет биться столько сердец?.. о нет! я никогда не осмелюсь!.. я буду говорить разве на коленах... Ах! в моих поэтических снах я уже видел ее; да, это была она; для нее трудился я с такою любовью над созданием, в котором собрал все сокровища моей души, чтоб изобразить свой идеал... Но что стихи, стихи, которые всякий может к ней адресовать... Ах, как много мои стихи ниже ее гения, ее красоты, которая так могущественно завладела мною... Стихи, которые я сочинил сейчас под ее окошками, мне кажутся лучше всех... но я так расстроен, что не соберу их в моей памяти... однако попробую... Ах! я уверен даже, что самая поэзия покинет меня в тот миг, как я ее увижу. *(Остается в размышлении.)*

Явление 9

Адриан и Дюмениль с вычурно убранною головою, в платье с большими разводами, несколько нахмуренная.

Дюмениль *(в сторону)*. Я обещала... и должна сдержать свое слово... Вот он... о чем он задумался?

Адриан *(сочиняя)*.

Твое высокое чело
Сияет гением и славой,
Твоя краса...

Дюмениль. Здравствуйте, сударь!..

Адриан. Кто это?.. извините, сударыня... я здесь ожидал госпожу Дюмениль...

Дюмениль. С глазу на глаз с вашею музою?

Адриан. С моею музою!.. да, она со мной... и кто ж другой может меня одушевить? не всё ли здесь говорит об ней? О боже! какая удивительная женщина! какая великая актриса!.. Ах, сударыня, как вы должны гордиться; она, верно, вам родня... я замечаю большое сходство... позвольте засвидетельствовать вам мое почтение.

Дюмениль *(смеясь)*. Ха-ха-ха!

Адриан. Вы смеетесь?

Дюмениль. Браво, мой друг, браво!.. продолжайте... Вот лучшая похвала, какую вы можете сделать моему таланту.

Адриан. Вашему таланту?

Дюмениль. Ну да, ведь это я, я сама!

Адриан *(удивленный)*. Кто?

Дюмениль *(передразнивая его)*. Кто... Дюмениль, Дюменильша, как меня попросту называют.

Адриан *(собравшись с духом)*. Вы?

Дюмениль. Да, Мельпомена в чепчике и в кофте. А! театр нас немножко переменяет, не правда ли?

Адриан *(в сторону)*. Ах, как она переменяется!

Дюмениль. Бьюсь об заклад, что вы из провинции... провинциалы все одинаковы. Ну что же вы стали, подойдите же, чего вы боитесь?

Адриан *(затрудняясь)*. О нет, сударыня... после того как вы сказали, я признаю все ваши достоинства... конечно... *(В сторону, рассматривая ее.)* Когда рассмот-

ришь ее хорошенько... в минуту одушевления ее глаз... всё-таки нельзя не подумать: вот великая актриса.

Дюмениль. Мне сказали, что вы искали случая меня видеть.

Адриан. Да, вы угадали...

Я всюду вас одну слежу глазами,
Хоть оскорбить вас этим и боюсь;
За вами я и сердцем и мечтами
Всегда, как раб, боязненно стремлюсь!
Моей душой давно я с вами дружен,
Всегда бегу безумно вам вослед...

Дюмениль.

Билет вам, что ли, в креслы нужен?

Адриан.

Возможно ли!.. о боже мой! билет!..
Такой ли ждал услышать я ответ!

Дюмениль. Хорошо, хорошо, мы дадим вам билетец; но зато вы мне послужите хорошенько *(хлопает в ладоши)*; поддержите меня... чур не жалеть ладоней.

Адриан. Ах, сударыня, нужно ли это? я с восторгом приветствую вас каждый вечер! Вас — Клитемнестру, Елизавету, Клеопатру, я всех видел и всем удивлялся... Патетические места так верны! чувствительность так глубока! слезы, неподдельные слезы текут по вашим щекам... Да, вы плачете первая... ощущения проходят через вашу душу прежде, чем произносятся словами.

Дюмениль *(сидя, рассматривает его)*. Та-та-та!.. вы так думаете?

Адриан. Что такое?

Дюмениль. Боже мой! как он мил с этими неподдельными слезами! сейчас видно, что недавно из провинции! Жаль мне вас, бедный молодой человек, надобно просветить вас! Присядьте-ка — да ну садитесь же. Да, друг мой, всё, что видите вы на театре, есть не что иное, как одна наружность... притворство, мечта и ничего существенного, всё поддельно, поверьте мне. У нас небо из полотна, солнечные лучи от свечей, с которых снимают почаще, чтоб оживить природу, а природа из размалеванной

холстины... Даже у нас самих, у кумиров ваших,— восторги,, слезы, восклицания, тяжкие вздохи, рыдания — всё рассчитано по нотам, всё запасено в должной пропорции; они в деле, покуда роль того требует, но занавес опустится, и в тот же миг всё кончено; вся наша чувствительность пропадает с румянами и белилами.

Адриан *(удивленный)*. Как, возможно ли?..

Дюмениль. А вы воображали, что мы всё это чувствуем в самом деле... Помилуйте, буду я себя мучить каждый вечер, да тут никакого здоровья не станет. *(Смеясь.)* Ха-ха-ха! мы точно такие же женщины, как и другие; за нами можно волочиться, не боясь кинжалов... всякая из нас имеет толпу обожателей; слава богу и на мою долю их понаберется десятка два.

Адриан. Два десятка!

Дюмениль. А вы как думали? прелюбезные люди... они шутят, любезничают, злословят, рассказывают анекдоты про наших товарищей, а это нам куда по сердцу. Не знаете ли вы каких анекдотцев? расскажите-ка: я до смерти их люблю, это гораздо занимательнее всех ваших мадригалов, примите-ка всё это к сведению... *(Открывая табакерку.)* Не прикажете ли?

Адриан *(вставая)*. Как, сударыня?

Дюмениль *(нюхая табак)*. Вы не нюхаете? напрасно, это очень здорово: освежает мозг, особливо когда учишь роль.

Адриан. Ах! с какой высоты я упал!

Дюмениль *(в сторону)*. Мне в самом деле жаль его... *(Громко.)* Но что с вами? вы что-то расстроены, побледнели... может быть, еще не завтракали?.. бедняжка! Досадно, час моего завтрака прошел, а я веду жизнь самую регулярную, самую умеренную, не делаю лишних издержек... ведь надобно же себе что-нибудь запасти на старость... я себе на уме. Все деньги я отдаю в проценты... меня не проведешь... я получаю десять тысяч франков жалованья, играю сто раз в год, по сту франков за каждое представление... Коротко и ясно... О, я знаю хорошо свой доход! я вам верно могу расчесть по пальцам, что приносит каждый стих, который я скажу на сцене; например, вы знаете эту знаменитую тираду Клитемнестры?

Адриан. Ах, она превосходна!

Дюмениль *(декламирует)*.

А я, пришедшая торжественна, блаженна,
В Милены возвращусь одна и сокрушенна!

Тут на полфранка.

Невесты горестной пойду я по следам,
Узрю цветы, к ее набросанны стопам,
Нет, я не с тем пришла, чтоб дочерь видеть
мертву,—
Иль принесете вы двойную грекам жертву?
Безжалостный отец, свирепейший супруг!
Ты должен вырвать дочь из сих кровавых рук.

Адриан *(в восхищении)*. Ах! вот опять...

Дюмениль. Ну да, вот опять на три франка с половиной.

Адриан *(пораженный, падает в кресла)*. Ах!

Дюмениль *(в сторону)*. Бедный молодой человек, какая жалость!.. *(Громко, ударив его по плечу.)* А вы, мой друг, что делаете?.. какого вы звания? каковы ваши доходцы? надобно ж, чтоб молодой человек чем-нибудь занимался.

Адриан *(печально)*. Я приехал в Париж... чтоб... сделаться адвокатом.

Дюмениль. То есть приказным... тоже род актеров... только прескучные роли... бог с ними... Да, вы тоже обязаны заучить свою роль. «Придите сюда, осиротелые дети! Почтенные слушатели! взгляните на их горькие слезы!» И адвокат плачет от всей души за своих клиентов.

Адриан *(в сторону, вставая)*. Ах, она смеется надо мной.

Дюмениль. Адвокат! постойте-ка, постойте, хорошо, что вспомнила: ведь у меня есть тяжба, я вам объясню ее.

Адриан. Мне?... извините, сударыня...

Дюмениль *(взяв его за руку)*. Судьи не поняли ее. Но всё равно... я скорей позволю отрубить себе руку по локоть, чем уступлю хоть на волос, не будь я французская актриса Дюмениль... ах, ох! уж у меня такой нрав!

Адриан *(в сторону)*. Уж не сплю ли я?

Дюмениль *(держа его за руку)*. Вот в чем дело: раз у меня как-то вышли все румяна, а давали «Андромаху», и мне нужно было подкрасить щеки Гермионы; мне рекомендовали торговку, которая делает разные румяна, прекрасные, блестящие, яркие — загляденье. Вы

ведь видели, каков у меня цвет лица на театре: это ее работы.

Адриан *(желая освободить руку)*. Извините, сударыня... но...

Дюмениль. Слушайте же. Я письменно условилась с этою торговкою покупать у нее румяна по самой дорогой цене, правда, с условием, чтобы этих румян она не продавала больше никому во всем Париже... понимаете? Вы согласитесь, что приятно сохранить такой секрет для одной себя. Как вдруг в один вечер на сцене я вижу мамзель Дюбуа; она прегадкая, а тут показалась мне почти красавицей; я сейчас же сказала себе: это, верно, от моих румян? Что ж вы думаете? так и вышло... зато как я рассердилась: я подала просьбу на мою торговку-злодейку.

Адриан. Вы затеяли дело?

Дюмениль. Я подала просьбу о взыскании моих денег... и пошла она из инстанции в инстанцию, выше и выше, и главный судья объявил, что румяна...

Адриан. Извините меня, я вас покорнейше прошу... я...

Дюмениль. Я подала на апелляцию...

Адриан. Честь имею вам кланяться...

Дюмениль. Как, вы хотите меня оставить?.. ах!.. молодой человек! У нас в Париже молодые люди гораздо учтивее. Останьтесь же, вы еще ничего не сказали мне; ведь вы искали случая меня видеть, вы так настойчиво преследовали меня, вы, может быть, имели какие-нибудь виды *(жеманясь и играя веером)*. Ну что ж, я слушаю, что вы хотели мне сказать?

Адриан. Но я не знаю... да, кстати... ах, я было и забыл... я пришел узнать об моей трагедии.

Дюмениль. Трагедия? провинциальная?

Адриан. Об трагедии, которую я написал во время учения, тайно от моего отца.

Дюмениль. А как она называется?

Адриан. «Тиридат».

Дюмениль. «Тиридат»!

Адриан. Это герой, который освобождает свою любовницу, или, лучше сказать, это царица, которая была в плену у римлян...

Дюмениль. Как, вы автор этой трагедии? вы?

А д р и а н. Могу ли я узнать?

Д ю м е н и л ь *(в сторону.)* Эта прекрасная роль, которую я учила с таким восхищением,— создана им! *(Громко.)* Ах, сударь!

А д р и а н. Как вы ее находите?

Д ю м е н и л ь *(в сторону).* Ах, боже мой! мое обещание его отцу. *(Громко.)* Плохо, мой друг, очень плохо! Римляне, вечно римляне! надоели, до смерти надоели. Мне жаль, но я должна вам сказать правду: в вашей трагедии нет поэзии, нет огня!.. Займитесь вашими тяжбами, вашими приказными делами, только, ради бога, не пишите стихов никогда!

А д р и а н. Ах, это последний удар!

Повязка спала с глаз моих,
Что я увидел, что услышал?
Ужель предмет всех дум святых
Ко мне в чепце и в кофте вышел?
Он о процессах говорит,
Он закупает одобренье...
Я уничтожен, я убит,
А к ней — я чувствую презренье!..

(Уходит.)

Явление 10

Д ю м е н и л ь (одна, снимает с себя прическу и капот и падает в кресла).

Д ю м е н и л ь. Теперь он совсем разочарован, бежит. Кто ж после этого не сознается, что я умею играть комедии; ни одна роль моя не имела такого успеха... я сдержала слово... но, я не знаю отчего, я не довольна собою... я думала пошутить над ветреником — а это истинный поэт... и у меня достало духа растерзать его сердце? Бедный молодой человек! как он был жалок! как простодушен в своем восхищении, в своей любви!.. Я поступила дурно!.. очень дурно! я зашла далее, чем думала, во сто раз далее, нежели было нужно... я показалась ему бесчувственною, скупою, злою... это ужасно, ужасно!

Явление 11

Дюмениль и Луиза.

Луиза. Ах, боже мой, боже мой! маменька, что вы сделали этому молодому человеку, он в совершенном отчаянии...

Дюмениль. В самом деле? что с ним сделалось?

Луиза. Он мне сказал «ах, сударыня» и ушел в ужасном расстройстве... он так мил, так скромен, он не заслужил дурного приема.

Дюмениль. О нет!

Луиза. Так почему же?

Дюмениль. Оставь меня! боже мой! оставь меня! разве ты не видишь, что мне некогда; скоро уж два часа...

Луиза. Да что с вами?

Дюмениль. А мой костюм... всё ли готово?.. Придворные дамы так взыскательны!.. Я совсем об этом не заботилась... забыла...

Луиза. И я тоже... мне не до того было...

Дюмениль. А что же тебя занимало?

Луиза. Маркиза де Верьер, которая вчера сломала ваш экипаж, прислала сегодня человека.

Дюмениль. Чтоб извиниться передо мною?

Луиза. Напротив, требует, чтоб вы извинились перед ней.

Дюмениль. Ах!

Луиза. Молодой человек, который помог нам в этом случае, рассердясь, прибил кучера маркизы за неосторожность... Маркиза хочет знать, кто этот молодой человек; она говорит, что вы его знаете...

Дюмениль. Я?

Луиза. Потому что во время суматохи он обронил маленький бумажник, где ваше имя подписано под портретом каждой вашей роли, посмотрите.

Дюмениль *(открыв портфель)*. Ах!

Луиза. Что такое?

Дюмениль *(вставая)*. Опять он!

Луиза. Кто?

Дюмениль. Он, я говорю тебе — Адриан!

Луиза. Господин Адриан!

Дюмениль. Это он спас меня. И я не знала, не поблагодарила его... он так скромен, что даже ничего мне

не сказал... а я... как я с ним поступила! где он теперь?

Луиза. Ах, боже мой! я не знаю.

Дюмениль. Я непременно хочу его видеть, хочу с ним говорить.

Луиза *(идет в глубину сцены)*. Кто-то пришел, маменька.

Дюмениль. Я не принимаю.

Луиза. Ах, это старик, который был сегодня.

Дюмениль. Его отец! пусть войдет, пусть войдет! поди, Луиза...

Луиза. Но... маменька...

Дюмениль. Оставь нас!

Явление 12

Дюмениль и Дюрваль.

Дюрваль. Ах, сударыня! что вы наделали!

Дюмениль. Что такое?

Дюрваль. Ах несчастный! теперь еще хуже!

Дюмениль. Что сделалось?

Дюрваль. То, сударыня, что он с ума сошел... он хочет застрелиться!

Дюмениль. Застрелиться?

Дюрваль. Да, да... застрелиться! он способен на это... у него такая натура... рука не дрогнет, и вы будете всему виноваты.

Дюмениль. Он всё еще меня любит?

Дюрваль. Э! нет! он вас теперь ненавидит... Он впал в другую крайность: он презирает вас! он взбешен, уничтожен, все идеи его опрокинуты, говорит он, все мечты разрушены!

Дюмениль. Боже мой!

Дюрваль. Он находит, что у вас нет ни ума, ни сердца, ни души... кричит, что всё ложь, всё обман!.. Я хотел его урезонить... говорю, что найдем дело... куда! Он мне отвечал глупостями, угрозами и проклятиями...

Дюмениль. Ах, боже мой! на что ж вы решились?

Дюрваль. На самую благоразумную меру: запер его как сумасшедшего... и пришел к вам, просить вашего совета.

Дюмениль. Ах! вы видите, что я не способна...

Дюрваль. О, напротив, вы уж чересчур способны! Лекарство было слишком сильно, даже вредно... право лучше бы было, если бы он еще любил вас. Несчастный! он глупец, ветреник, но у меня нет другого... ах, умоляю вас, отдайте мне, отдайте моего сына! спасите...

Дюмениль. Полноте, полноте... я готова на всё... но что делать? приведите его сюда!..

Дюрваль. Он скорей пойдет на край света.

Дюмениль. Но, боже мой! какое же средство? Ах! постойте, постойте, мне пришла мысль...

Дюрваль. В самом деле?

Дюмениль. Да, да, его трагедия! напомните ему о «Тиридате».

Дюрваль. О ком?

Дюмениль. О «Тиридате».

Дюрваль. Что это такое, человек, что ли, или...

Дюмениль. Это его трагедия.

Дюрваль. Его трагедия?

Дюмениль. Да, он сочинил ее тайно от вас. *(Идет к столу.)* Погодите!.. вот я напишу несколько слов; отдайте ему.

Дюрваль. Вот еще новость, например: вместо того чтоб заниматься делами, он сочиняет «Тиридата»! *(Хочет идти.)* Уж проучу же я его!

Дюмениль. Куда вы?

Дюрваль. Он попал в сочинители!.. я взбешен! уж это последнее дело!.. я отступаюсь от моего сына, я предоставляю его собственной судьбе...

Дюмениль. Нет, нет, вы этого не сделаете... подумайте о его отчаянии; ведь вы его любите, спасите же, спасите его!

Дюрваль. Ах, милая госпожа Дюмениль! точно, точно — надо спасти!

Дюмениль. Подите поскорее... успокойте его, приведите сюда... тогда, тогда я поверю, что вы его любите...

Дюрваль. Конечно, его глупость велика, но правда и то, что ума в нем чертовски много! Ну! ну! так и быть, черт возьми этого Тиридата... только бы сын мой излечился... *(Уходит налево.)*

Явление 13

Дюмениль, потом Луиза.

Дюмениль. Странно! я еще никогда не была так растрогана. Но чего же бояться мне? кажется, это средство хорошо, он, верно, придет!..

Луиза *(входя)*. Он придет? вы думаете?

Дюмениль. Да, да.

Луиза. Ах, как вы добры! и он женится на мне?

Дюмениль. Что такое? ты с ума сошла! что за вздор ты говоришь мне; чего ты от меня хочешь?

Луиза. Извините, маменька крестная... я... скороход господина Мальво здесь уже целый час: он ожидает ответа...

Дюмениль. Что? какой ответ? кому?

Луиза. Этому старому советнику, который хочет быть вашим мужем.

Дюмениль. Ему быть моим мужем? человек холодный, без чувства, без души, без сердца... ах, пусть он оставит меня в покое... завтра... послезавтра...

Луиза *(в сторону.)* Что с нею делается? еще в первый раз!..

Дюмениль *(взволнованная)*. Какая любовь, какая страсть! как, оттого, что я не похожа на идеал, созданный его воображением, он хочет лишить себя жизни?

Луиза. Как, да что ж это значит?

Дюмениль. Ах, боже мой! а театр!.. пора ехать, надобно примерить костюм... они идут... останься здесь... прими их... нет... я и позабыла... я сама поговорю с ним, пойдем, Луиза... пойдем... ты мне нужна теперь. *(Уходит.)*

Луиза. Как! неужели это она? нет... но я, может быть, сама неправа... он дурно изъяснился, вот и он... Я не смею с ним говорить, но уж не оставлю крестной маменьки... когда она с ним будет... *(Уходит туда же за нею.)*

Явление 14

Дюрваль и Адриан.

Дюрваль. Да войди, братец... говорят тебе, войди... дело идет о твоей трагедии... я ведь знаю всё и не сержусь... Ну, полно конфузиться, господин Тиридат!

Адриан *(садится)*. Ах, я не хотел сюда идти, меня здесь всё ужасает... расстраивает... здесь видел я ее... женщину, еще недавно столь очаровательную... идол, созданный мною, свергнутый с своего пьедестала... О! существенность, существенность! стоишь ли того, что мы берем на себя труд жить!

Дюрваль. Что он за ахинею несет!.. Твоя трагедия, мой друг... твоя трагедия... диво!

Адриан. Ах! это последнее звено, которое привязывает меня к жизни. Она пишет, батюшка, что она ошиблась, смешала мое сочинение с другим... что комитет Французской комедии одобрил ее...

Дюрваль. Черт возьми! отчего же нет. *(В сторону.)* Надобно польстить его страсти. *(Громко.)* Тебе пришла в голову прекрасная мысль, и ты это придумал так... вдруг?

Адриан. Вдруг.

Дюрваль. Во время учения?

Адриан. Да, когда вас тут не было.

Дюрваль *(в сторону)*. Дурак! *(Громко.)* Хорошо, братец, хорошо... должно быть, твои стихи превосходны.

Адриан. В самом деле?

Дюрваль *(в сторону)*. Я уверен, что какая-нибудь глупость... *(Громко.)* У тебя гений, что об том и говорить!

Адриан. По крайней мере, я имею душу... но всё кончено... удар, поразивший мое сердце, разбил мою лиру навсегда!..

Дюрваль. Право? ну, коли разбил, так тебе надобно обратиться к изучению прав и законов... я тебя представлю моим клиентам, ты заслужишь их доверенность, будешь руководствоваться рассудком, будешь судить...

Адриан. Никогда, батюшка!

Дюрваль. Что?

Адриан. Никогда!

Дюрваль. Но, несчастный! ведь на этом только условии может состояться твой брак с дочерью сборщика податей.

Адриан. Ах, не говорите мне об этой женитьбе!

Дюрваль. Но я обещал...

Адриан. А я отказываюсь.

Дюрваль. Что? что?

Адриан. Никогда, другая женщина... нет, сударь, я буду жить один... совершенно один... здесь, в Париже...

Дюрваль. А! ты опять начал... хорошо же! ты сумасшедший, в полном смысле сумасшедший... слушай же: всею силою родительской власти я тебе приказываю сегодня же сесть в карету, которая отправится в Бордо... Прошу повиноваться.

Адриан *(с усилием)*. Вы хотите погубить меня, вы не чувствуете к вашему сыну ни малейшего сострадания? О, я опять должен предаться отчаянию!

Дюрваль. Как? что?

Адриан. Да, я дойду до последней крайности!

Дюрваль. Ах, боже мой!

Адриан. Я убью себя!

Дюрваль. Несчастный!

Явление 15

Те же и г-жа Дюмениль, в полном трагическом костюме, входит в среднюю дверь, потом Луиза.

Дюмениль *(делает повелительный знак рукою)*.

Остановитесь!

Адриан. Боже, что я вижу?

Дюрваль. Это она!

Дюмениль.

Я волю царскую пришла вам объявить...
Венец слагаю я, но, в доле несчастливой,
Сердцами властвовать по-прежнему хочу.
Та власть всегда со мной...

Адриан. Ах, эти стихи...

Дюмениль *(Адриану)*. Они ваши...

Дюрваль. Его? они, кажется, довольно звучны...

Адриан. Как, сударыня?

Дюмениль. Да, Адриан, я скрывала от вас... но эта роль так хороша, так поэтически обрисована. Я поняла, я разгадала душу, которая создала ее... я обдумывала, я искала звуков для выражения чувств царицы, пленницы римлян, которые ненавидят ее народ, отечество и богов... царицы, которая с таким благородством возвышается над предрассудками... Особенно та сцена, где она в присутствии раздраженного консула и молодой римлянки, соперницы ее, прощается с своим любезным,— поразительна...

Адриан. Теперь я опять ее слышу!

Дюмениль *(Дюрвалю)*. Вот положения лиц... Вы, сударь, вы консул... разгневанный отец...

Дюрваль. Кто, я?

Дюмениль. Вы хотите проклинать его, я вас останавливаю...

Дюрваль. Но я...

Адриан. Батюшка, ради бога, молчите!

Дюмениль *(Луизе)*. Ты — молодая римлянка.

Луиза. Я так огорчена!

Дюмениль. Ты в смущении внимаешь его словам и следуешь за его взглядами...

Луиза *(в сторону)*. Что она мне приказывает?

Дюмениль. А я отношусь к моему Тиверию.

Ах! тщетно я скрывать стараюсь грусть мою,
Хоть, слабость победив, с тобою я прощаюсь,
Но сердцу тяжело... невольно слезы лью...
Я всё тебя люблю... люблю и удаляюсь...

Дюрваль. Ах, какая жалость, какая жалость!.. такая женщина, как вы...

Адриан. Тс! батюшка!

Дюмениль *(Луизе)*.

А ты, счастливая соперница моя,
Ужель ты думаешь, я сердца не имею,
И не могу любить, страдать и плакать я,
И умереть от горя не умею?

Луиза. Нет, нет! маменька... я не хочу, чтоб вы умерли с печали... и если б я имела право...

Дюмениль. Перестань, ты сбиваешь меня...

Дюрваль. Умилительно, чрезвычайно умилительно.

Адриан. Не правда ли? *(Дюмениль.)* Ах, сделайте милость, продолжайте. *(Суфлирует.)*

А ты бесчувственно глядишь...

Дюмениль *(обращаясь к Дюрвалю)*.

А ты бесчувственно глядишь на наше горе;
Но близок страшный час... под бременем седин,
С раскаяньем в душе, с отчаяньем во взоре
Посмотришь ты кругом... Но где твой бедный сын?

Увы, уж гроб сокрыл бездомного скитальца,
Он рано отжил век, страдая и любя!
Ты спросишь: кто виной погибели страдальца?
И совесть назовет убийцею — тебя!

Дюрваль. Что ты хотел сказать тут, сын мой... ведь дело-то идет не на шутку.

Адриан *(переходя на сторону отца и подавая реплику)*.

Предупреди скорей ужасное мгновенье,
Покуда время есть — остаться ей вели!

Дюмениль.

Не унижайся, друг: напрасны все моленья!

Адриан.

Но ты молчишь, так нет мне счастья на земли!
Смерть славная прервет мои страданья
И за меня тебе достойно отомстит!

(Г-же Дюмениль.)

Прости, прости! *(Идет.)*

Дюрваль *(со слезами, удерживая его)*. Да постой, постой! куда ты бежишь, несчастный! Сегодня уж в третий раз...

Адриан. Как, вы плачете?

Дюрваль. Не могу не плакать... крепился, крепился, но никак не могу... я так тронут...

Луиза. И я также. *(Плачет.)*

Адриан. И это от моих стихов! Ах! боже мой! боже мой! эти звуки, звуки, которые так возвысили мои стихи, которые придали им столько прелести... ах! дайте мне их еще услышать, волшебница! Да, эта царица — вы; любовник — я!.. И на коленях ожидаю вашего ответа...

Дюмениль. Моего ответа? Но ведь вы же мне его подсказываете...

Ты должен жить... жить должен потому,
Что я люблю тебя любовью беспредельной;
Ты дорог мне, ты мил мне по всему;
Ты из опасности исторг меня смертельной!

Теперь тебе должна я возвратить
Твой талисман, потерянный тобою,
Тебе, мой друг, он дорог, может быть...
Возьми...

(Подает ему портфель.)

А д р и а н. Мой портфель?

Д ю р в а л ь. Его портфель? Как, и это в трагедии? Ну теперь я решительно не понимаю, что вправду, что так говорили...

А д р и а н *(г-же Дюмениль)*. И это всё правда?

Д ю м е н и л ь. Всё правда, кроме роли, которую я на себя взяла, чтоб не понравиться вам... Ах! и что она мне стоила! *(Дюрвалю.)* Ну, сударь, обезоружены ли вы?

Д ю р в а л ь. Совершенно... он заставил плакать своего отца... да еще и стряпчего,— ведь это событие! А вы-то, вы! Так вот что значит актриса... я теперь только узнал...

Л у и з а. Я также, крестная маменька.

Д ю м е н и л ь *(целуя ее)*. Великодушная соперница. Ты показала большие способности и потому через несколько дней...

Л у и з а. Буду дебютировать?

Д ю м е н и л ь. Нет, поедешь на свою родину в Булонь.

Л у и з а. Ах, для чего?

Д ю м е н и л ь. Я скоро последую за тобой... только сперва увенчаю успехом Адриана... скоро, может быть, настанет день, когда Дюмениль сложит с себя корону театральной царицы и переменит свое имя...

Д ю р в а л ь. Для чего?

А д р и а н. Чтоб принять мое; не правда ли?

Д ю м е н и л ь. Уже четыре часа... поедемте в театр.

А д р и а н. Ах! она меня любит!

(Бросается перед ней на колени).

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Маркиз Дортеваль.
Анатоль, его сын.
Стукату.
Жером.
М-м Гро-Гро, содержательница, пансиона.
Графиня Агнеса Поль } пансионерки.
Агата } пансионерки.
Еще несколько пансионерок.

Действие происходит во французской провинции, в доме маркиза Дортеваль.

Театр представляет роскошный сад, обнесенный стеною, прямо против зрителей калитка запертая; вдали на правой стороне виден богатый дом; с другой стороны беседка, оранжереи; направо, ближе к зрителям, между прочим стоит большая клетка, великолепно отделанная, которая задернута занавескою.

Явление 1

Анатоль и Стукату выходят из замка.

Анатоль. Итак, вы говорите, любезный дедушка, что нам уже недолго осталось жить здесь?

Стукату. Да, я получил письмо, в котором твой отец уведомляет меня о скором своем приезде, а с его приездом должно многое перемениться.

Анатоль. Ах, какое счастие! наконец я увижу свет, вырвусь из этой тюрьмы!

Стукату. Что, друг мой, тюрьмы? Стыдись! Как можно называть тюрьмою прекрасный замок господина маркиза!

Анатоль. Но ведь я здесь всегда почти один... Я не вижу никого, кроме Жерома, нашего старого слуги Франца, вас, дедушка, и моих попугаев.

Стукату. Гм! Кроме меня и попугаев! А чего же бы еще хотелось тебе?

Анатоль. Мне бы хотелось, дедушка... Жером говорил, что он однажды видел...

Стукату. Что видел?..

Анатоль. Там, чрез щель, которую вы тогда же велели замазать, таких же людей, как мы... мне бы хотелось к ним...

Стукату. Фи! друг мой! В первый раз еще я замечаю в тебе такие богопротивные мысли, удаляйся их, друг мой!

Явление 2

Те же и Жером, показываясь с другой стороны сада.

Жером. Анатоль! Анатоль!

Анатоль. Что?

Жером. Поди сюда скорее! я покажу тебе птичку, какой мы еще не видали... она прилетела через стену и села на нашем дереве.

Анатоль. Иду... Вот, дедушка, и мне бы хотелось побывать за стеною, как эта птичка! *(Пропадают в отдалении.)*

Явление 3

Стукату *(один)*. Побывать за стеною? Смотри, старый дуралей Стукату, как бы тебе не лишиться награды, которую обещал тебе маркиз за воспитание сына. Слава богу, что он наконец решился кончить испытание и показать ему свет. Может, он приедет сегодня же... эта радостная весть заставила меня выпить сегодня лишний стакан малаги... да уж и пора, пора всё кончить... а то беда! с некоторого времени я замечаю в нем небывалые

порывы, а сегодня он просто лезет на стену... Однако ж я могу похвастать... Анатоль воспитан совершенно по желанию маркиза. Он не видел ни одной женщины даже... даже в щель... не имеет об них никакого понятия и чист, как белая голубица... Зато чего мне это стоило! только целый день и дела, что замазывай щели в заборе да придумывай, как растолковать какое-нибудь женское имя, встречающееся в истории... однако ж потороплюсь, нужно койчто приготовить к приезду маркиза. *(Уходит в среднюю дверь и забывает запереть ее.)*

Явление 4

Анатоль и Жером (вбегая).

Анатоль. Улетела!

Жером. Улетела!

Анатоль. Как она счастлива! Может летать куда хочет!

Жером. Да, она очень счастлива! не то что мы; мы не умеем летать!

Анатоль. Но мы умеем бегать...

Жером. Да, мы бы могли убежать, если бы дедушка не запирал дверь...

Анатоль. Да, он всегда ее запирает...

Жером. Это немножко странно... как ты думаешь?..

Анатоль. Очень странно... И много еще для меня очень, очень странного... отчего он никого к нам не пускает?..

Жером. Да, отчего?

Анатоль. Всегда ходит за нами...

Жером. Отчего?..

Анатоль. Нет, это ни на что не похоже...

Жером. Точно, ни на что не похоже!.. Мне что-то очень скучно.

Анатоль. И мне тоже... Видел ли ты, как этим птичкам, что летают у нас в саду, весело?.. Они все попарно... так ласкают друг друга, точно обнимаются... им весело...

Жером. Так что же, и нас двое... будем и мы обниматься... может, и нам будет весело...

Анатоль. Хорошо... обними же меня...

Ж е р о м. А ты меня...

А н а т о л ь *(обнимаясь)*. Весело тебе?..

Ж е р о м. А тебе?

А н а т о л ь. Нет!

Ж е р о м. И мне нет!

А н а т о л ь. Отчего же нам не весело, как этим птичкам?

Ж е р о м. А вот спросим у дедушки Стукату...

А н а т о л ь. Нет, он не скажет; я замечаю, что он много от нас скрывает... мне снилось во сне...

Ж е р о м. Что снилось?

А н а т о л ь. Что эти птички любят друг друга, оттого им и весело, когда они обнимаются...

Ж е р о м. Разве ты меня не любишь?

А н а т о л ь. Люблю.

Ж е р о м. Так отчего же нам не весело?

А н а т о л ь. Не знаю.

Ж е р о м. И я не знаю.

А н а т о л ь. Тут что-нибудь да скрывается.

Когда на птичек погляжу,
Я им завидую невольно,
Я весь горю, я весь дрожу!
Им жить так весело, так вольно!
Но отчего же, милый мой,
Не веселимся мы, как птички,
Когда обнимемся с тобой?

Ж е р о м.

Должно быть, это не с привычки...

А н а т о л ь.

Иль нет ли между птиц отлички?

Ж е р о м. Попробуем еще обняться... может быть, привыкнем.

А н а т о л ь. Пожалуй. *(Обнимаются.)*

Ж е р о м. Что?

А н а т о л ь. Ничего...

Ж е р о м. Однако ж когда в последний раз был твой папенька и обнял дедушку Стукату, то, я помню, ему было очень весело.

Анатоль. Когда бы хоть скорей приехал папенька да взял бы нас отсюда... может быть, узнали бы...

Жером. Папенька! А что это такое папенька?

Анатоль. Дедушка Стукату сказывал, что его должно любить, потому что он даровал мне жизнь...

Жером. Да как же это?

Анатоль. Ну так просто дал...

Жером. Да где же он ее взял?

Анатоль. Вот уж этого-то я не знаю...

Жером. И я не знаю... Просто нас, кажется, обманывают.

Явление 5

Те же, Агнеса, Агата и несколько пансионерок (с шумом вбегают в калитку, которую забыл запереть Стукату).

Хор пансионерок.

Зелен луг, как серебро,
Блещут лоском воды.
Нет, adieu,* мадам Гро-Гро,
Мы хотим свободы.
Мы теперь уж к вам придем
Через две недели,
Мы грамматику поймем
В зимние метели.
Подождет и до зимы
Наш язык немецкий,
В бой вступаем с вами мы,
Как султан турецкий.
Зелен луг, как серебро,
Блещут лоском воды,
Нет, adieu, мадам Гро-Гро,
Мы хотим свободы.

Анатоль *(изумленный)*. Что это такое, Жером?

Жером. Не знаю.

Агнеса. Ах, куда мы попали? Какой прекрасный сад!.. Здесь нескоро найдет нас мадам Гро-Гро... повеселимся же мы!..

---

* прощайте *(франц.)*.

Агата. Ах, какие чудесные цветы, деревья... у нас нет таких... просто прелесть...

Агнеса. А вон там замок... чей-то он?..

Жером. Как хороши! Что бы это было такое?

Анатоль. Должно быть, какие-нибудь птицы...

Агнеса. Будем же играть... нарвем цветов, наделаем букетов...

Агата. И подарим мадам Гро-Гро.

Жером. Да они говорят точно так же, как мы...

Анатоль. Лучше нас, особенно та, что впереди...

Агнеса. Идемте дальше!.. вот в эту аллею... Видите там оранжереи... *(Идет впереди и наталкивается на Анатоля, который еще более смущается.)* Ах!

Анатоль. Ах!

Агата *(увидя Жерома)*. Ах, мы не одни...

Жером. Какая прекрасная птичка!..

Агнеса. Это, может быть, хозяин замка... Какой хорошенький!.. *(Подходит к Анатолю.)* Извините, сударь, что мы вошли в ваш сад без позволения... Ха-ха-ха-ха!.. Мы ушли от мадам Гро-Гро.

Анатоль. Мадам Гро-Гро! Это, вероятно, также птица?..

Агнеса. Птица? Вы шутите... Мадам Гро-Гро... это содержательница пансиона, к которой отдали нас учиться наши папеньки и маменьки...

Анатоль. Маменьки? Разве у вас есть еще и маменьки?

Агнеса. А как же?.. У кого есть папенька, у того есть и маменька...

Анатоль. Слышишь, Жером? *(Агнесе.)* А что это такое маменька?

Агнеса. Особа, которая иногда целует нас, кормит конфектами, а иногда бранит, и которую мы очень любим...

Анатоль. У меня вот нет маменьки...

Агнеса. Очень жаль, сударь, что вы имели несчастие ее лишиться.

Анатоль. Лишиться? Я не имел ее.

Агнеса. Ха-ха! Вы шутите!.. Нам говорили в пансионе, что это невозможно...

Анатоль. Дедушка Стукату нам об этом не говорил.

Агнеса. Он, видно, так же зол, как наша мадам Гро-Гро... вообразите себе: она не пускает нас гулять и говорит, что девушки наших лет должны только учиться...

А н а т о л ь. Девушки? А что это такое девушки?

А г н е с а. Неужели вы не знаете?.. Мы, сударь, мы и есть девушки... неужели вы приняли нас за мальчиков?

А н а т о л ь. Нет, но я в первый раз слышу...

А г н е с а. Неужели вы, сударь, никогда не видели женщин?

А н а т о л ь. А что это такое женщины?

А г н е с а. Так вы ничего не знаете? Вот, видите, мы-то и есть женщины... а вы мужчины.

А н а т о л ь. Дедушка Стукату мне ничего этого не сказывал!

А г н е с а. Какой же он странный!

А н а т о л ь. Я думал, что вы птицы. Извините меня, я вырос в этом замке и никогда не был за этой стеною; никого не видал, кроме моего учителя и слуги.

Здесь скучали не напрасно
Мы, как будто бы в аду:
Нас обманывал ужасно
Наш почтенный Стукату.
Толковал он про растенья,
Про животных нам твердил,
А про лучший цвет творенья —
Про девиц — не говорил.
Чем рассказывать о птицах,
Насекомых разлагать,
Что б ему нам о девицах
Просто лекции читать.
Мы тогда б и спать не стали,
А всё слушали б тишком,
Что б узнали — записали
И поверили потом.

А г н е с а. Бедненький! Как вас обманывали!.. Мне вас очень жаль!.. Так и быть, я расскажу вам, что знаю... *(Проходят в глубину сада; Жером и Агата подходят ближе; прочие пансионерки гуляют в разных местах сада и разговаривают между собою.)*

Ж е р о м. Так вот что!.. А мы ничего не знали, отомщу же я этому дедушке Стукату! Я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы просветили мой разум, но я не знаю, как благодарят женщин...

А г а т а. Кланяются, а иногда целуют руку, иногда же...

Ж е р о м. Что?

А г а т а. Если родственники, целуют и в щеку, губы...

Ж е р о м. Что же мне сделать?.. чтобы не ошибиться, выбирая... я лучше исполню все три изъявления благодарности. *(Склоняется, целует руку.)* Ах, как приятно! *(Хочет поцеловать.)*

А г а т а. Перестаньте...

Ж е р о м. Но вы сами сказали... *(Обнимает и целует ее.)* Ах, как хорошо! как хорошо!

Агата отбегает, Анатоль и Агнеса подходят.

А н а т о л ь. Теперь я всё понял!

Ж е р о м. Нет, не всё. *(Ему на ухо.)* Обними, так поймешь и то, почему птичкам весело. *(Уходит за Агатою.)*

А г н е с а. Отчего вы вдруг так задумались?

А н а т о л ь. После того, что мне объяснилось... благодарю вас, вы так много меня научили.

А г н е с а. О, я сама еще так мало знаю, могу ли я научить...

А н а т о л ь. Позвольте мне обнять вас...

А г н е с а. Как можно! Это может только муж.

А н а т о л ь. А что такое муж?

А г н е с а. Человек, который женится на какой-нибудь девушке, получив на то согласие родителей и полюбив ее.

А н а т о л ь. Я люблю вас.

А г н е с а. В самом деле?.. так скоро... нет... вы говорите слишком опрометчиво... даже нам, пансионеркам, так судить не пристало.

У нас в пансионе обычай давнишний
Влюбляться в наставников наших в ходу.
Все милы, всех любят; тут был бы не лишний
И даже ваш старый урод Стукату.
Будь гадок учитель и пуст, как статуя,
На час полюбить нам его нипочем.
Но этой любовью себя практикуя,
Мы сердце и душу, как дар, бережем.
На всё мы решиться готовы из шутки,
Но помним, что сердцем не должно шутить,
Влюбляться возможно и десять раз в сутки,
Но раз только в жизни возможно любить.

Потому не должно так торопиться... нужно сперва подумать... о, я очень знаю...

Анатоль. Я люблю вас!..

Жером *(бежит от дверей)*. Дедушка Стукату идет, дедушка Стукату... Ай, что нам делать!

Анатоль. Если он увидит!

Агнеса. Надо спрятаться.

Жером. И не один дедушка! Кто-то еще..: Ах, твой папенька... беда!.. беда!..

Пансионерки *(сбегаясь)*. Что такое, что?

Анатоль. Что нам делать?

Жером. Спрячьтесь, спрячьтесь!

Пансионерки. Куда?

Жером *(бегая)*. А вот! сюда... в этот садок... на минуту...

Анатоль. Он пустой... мы высадили своих попугаев в маленькие клетки и повесили на деревья... подите сюда...

Пансионерки. Хорошо! хорошо!

Бегут все к садку и входят в него; Анатоль и Жером задергивают занавеску, входят Стукату и маркиз.

Явление 6

Анатоль, Жером (в отдалении), Стукату и маркиз Дортеваль.

Стукату. Сейчас я буду иметь честь представить вам, господин маркиз, вашего сына.

Маркиз. Очень рад.

Анатоль *(подбегая)*. Папенька, папенька!

Маркиз *(обнимая его)*. Здравствуй, мой сын, здравствуй, Жером! *(Сыну.)* Чем ты, мой друг, теперь занимаешься?

Анатоль. Учусь, папенька, гуляю, играю с моими попугаями...

Маркиз. И не чувствуешь скуки?

Стукату *(быстро)*. Как можно!

Анатоль. Нет, папенька.

Маркиз. Но не препятствуют ли тебе, что<б> жить весело, например, какие-нибудь догадки, неясные желанья, не имеешь ли ты в чем недостатка?

Анатоль. О нет, папенька, я совершенно доволен.

Стукату *(тихо)*. Доволен, как невинность, незнакомая со страстями и светом...

Маркиз. Ну а ты, Жером?

Жером. Я также очень счастлив!

Стукату *(перебивая)*. Своею невинностию.

Жером. Особенно сегодня.

Маркиз. Подите покуда, гуляйте, друзья мои; мне нужно поговорить с вашим дедушкой.

Анатоль и Жером убегают в глубину сада.

Явление 7

Стукату и маркиз.

Стукату *(глядя им вслед)*. Видите, господин маркиз... согласитесь сами, что этак прыгать может только совершенная невинность, которой образцом может служить ваш сын.

Маркиз. Хорошо. Но главное-то, главное, о чем я вас просил, что было первою причиною такого странного воспитания?

Стукату. Понимаю... вы говорите о женщинах...

Маркиз. Я много претерпел от женщин, от любви и желал бы, чтоб мой сын избегнул подобных испытаний... Вы знаете, у меня уже давно назначена ему невеста, дочь старинного моего друга... она первая, которую он увидит, если план нашего воспитания...

Стукату. О, помилуйте, исполнен в точности... смею уверить вас, что Анатоль никогда не видел женщин даже... даже в замочную скважину и не имеет об них даже поверхностного понятия, никакой идеи... Признаться, мне это много стоило... Молодые люди с такими прекрасными способностями часто о многом догадываются... Притом эти исторические женщины... каждая из них в состоянии развратить человека, занимающегося историей.

Чтоб о женщинах понятья
Сын ваш как раз не разгадал,
Я всех женщин без изъятья
Из истории прогнал...
Клеопатру, Феодору,
Катерину Медичи —
Всех без счету, без разбору
В шкаф я запер на ключи,

Сам об них молчал как рыба,
Но и тут брала тоска,
Благо, в нем еще, спасибо,
Кровь не слишком-то жарка.
Есть такие забияки,
Что запри их хоть замком,
Словно гончие собаки,
Слышат женщину чутьем!

Несмотря на все таковые затруднения, смею уверить, что сын ваш чист, как белая голубица, и никогда не видал женщин.

Маркиз. О, если б так...

Анатоль и Жером подходят.

Поди сюда, сын мой... я тобой очень доволен и тобой, Жером, если только собственные глаза мои и слова вашего почтенного наставника меня не обманывают...

Стукату. Что касается до моих слов, то Эдуард-Фридрих-Максим Стукату, член разных академий, бывший профессор словесных наук, в подлинности их удостоверяет своею честию... Всё время пребывания здесь сын ваш провел в занятиях самых невинных... поутру он был предан наукам; вот беседка, в которой мы с ним сиживали после обеда; вот деревья, которые он сам садил, там дальше пруд, вот оранжереи, в которых он сам работал... Согласитесь, господин маркиз, что всё это такие вещи, которые не могут подать понятия о женщинах... и старый Стукату смеет надеяться, что он хорошо исполнил свое поручение... о, надобно было иметь мой глаз и мою проницательность, чтоб уберечь его от взора женщин...

Маркиз. Благодарю... Оранжереи прекрасные, беседка снаружи великолепна... всё ласкает взгляд. *(Подходя к клетке.)* А это что? для чего?

Стукату. Так-с... ничего... тут живут невинные товарищи уединения Анатоля, с которыми он иногда забавляется... попугаи... он их очень любит, и я не мог отказать ему... *(Открывая клетку.)* Прекрасная коллекция! *(Он отдергивает занавеску клетки, из нее с шумом и хохотом выбегают пансионерки; Стукату в ужасе пошатнулся назад; маркиз побледнел и обратился к нему с вопрошающим взором; общее смятение.)*

Маркиз. Что это значит, господин Стукату?..

Стукату. Я... я, право, я... да нет, не я... никто... тут вмешался дьявол... да... да... это хуже Овидиевых превращений...

Маркиз. Так-то вы оправдали мою доверенность!

Агнеса. Ах, какой он страшный!

Анатоль *(подходя к ней)*. Не бойтесь, милая Агнеса.

Агата. Нам так хорошо было в клетке... а здесь... убежим...

Жером *(подходя к ней)*. Ничего, ничего, не бойтесь!

Маркиз.

Так вот каких чудесных попугаев
Достали вы для сына моего?
Но я учить умею краснобаев,
Не потерплю обид ни от кого!
Я вверил вам единственное благо,
Которым жил на старости годов,
А вы... в руках моих трепещет шпага...

Стукату.

Разите! я принять удар готов!

Что делать, господин маркиз! Когда ваша шпага не поднимается на мою седую голову, то я сам готов бы перерезать себе горло перочинным ножичком, если б он был у меня под рукою и если б от того могла произойти польза вашему сыну... но я решительно не понимаю.

Маркиз *(считая пансионерок)*. Семь, восемь, девять... Черт возьми, девять. *(Отводя сына от Агнесы.)* Несчастный!

Анатоль. Что вы, папенька! Не разлучайте нас, мы любим друг друга.

Маркиз. Несчастный!

Жером. И мы тоже!

Стукату *(бегая)*. А, это ужасно!.. проклятая малага... вкусная калитка... в первый раз в жизни... прощайте, господин маркиз...

Маркиз. Что? Куда?

Стукату идет и сталкивается с мадам Гро-Гро.

Явление последнее

Те же и мадам Гро-Гро.

Гро-Гро. Нет ли их здесь?.. А! Наконец я нашла...

Агнеса и другие пансионерки. Ай-ай! Мадам Гро-Гро! убежим...

Гро-Гро. Нет, уж поздно!

Маркиз. Объяснитесь!

Гро-Гро. Представьте себе, сударь... я содержу пансион вот уж двадцать лет... никогда такого чуда не случалось... мои пансионерки ушли и пропали... я была в отчаянии... насилу нашла... А всё затеяла эта шалунья графиня Агнеса Поль!

Маркиз. Агнеса Поль!

Гро-Гро *(взяв Агнесу за руку)*. Пойдемте в класс... вы будете примерно наказаны!..

Анатоль. Не уходите... я умру... папенька, не велите уходить Агнесе, я умру...

Маркиз. Скажите, пожалуйста, эту молодую девушку зовут Агнесой Поль?

Гро-Гро. Да, сударь, она дочь графа Поля, который живет в нашем околотке... прекрасный человек, исправно платит деньги...

Маркиз. Дочь графа Поля! Благодарите судьбу, господин Стукату... эта девушка та самая, которую я назначил в супруги моему сыну, с согласия ее отца...

Анатоль. Боже мой! Как я счастлив!

Жером. А я несчастлив! Моя Агата от меня уходит.

Анатоль. Не бойся, Жером, я постараюсь за тебя.

Маркиз. И я! мне стоит только увидеться с графом, чтоб кончить дело.

Стукату. Слава богу! Всё поправилось... А вы, госпожа Гро-Гро, вперед не извольте выпускать своих пансионерок, потому что это противно здравой нравственности и может служить к нарушению благоденствия народов и развращению нравов сограждан, что при некоторых случаях...

Маркиз *(отходя от него и не слушая)*. Ну, что его слушать... он всегда имеет привычку читать мораль, когда в ней никто не нуждается.

Стукату продолжает ораторствовать. Все отходят от него, не слушая.

В с е, к р о м е С т у к а т у *(к публике)*.

У нас сошло всё с рук благополучно,
Теперь как раз начнется пир горой,
Но, может быть, вам счастье наше скучно,
Иль, может, вы торопитесь домой.
Пойдем и мы, но вас спросить желаем:
Хотите вы опять нас посмотреть,
Иль навсегда уж нашим попугаям
Велите вы со сцены улететь.

1842

МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ, ИЛИ БЕДНОСТЬ И ЧЕСТЬ

ДРАМА С КУПЛЕТАМИ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО Н. А. ПЕРЕПЕЛЬСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антони Бернард.
Магдалина, жена его.
Мария, дочь их.
Командор де Буафлери.
Маркиза де Сиври.
Маркиз де Сиври, под именем Андре.
Пьерро.
Эрбо, пастор.
Жако, Шарло — савояры.
Ларок, управляющий командора.
Лафлер.
Лаура де Бреван.
Кавалер.
Фаншета.
Слуга.
Дамы и кавалеры.
Савояры.

Первое и пятое действия происходят в савойской деревне, а остальные в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СТАРЫЙ ВОЛОКИТА

Внутренность бедной хижины. В стороне, противоположной зрителям, открытый вид на живописные долины и горы Савои. Тут же дверь, ведущая в хижину.

Явление 1

Магдалина, Пьерро.

При поднятии занавеса Магдалина сидит на скамейке и прядет близ стола, на котором горит лампа.

Пьерро *(входя)*. Как! уж вы за работой, тетушка Магдалина?

Магдалина. А как же быть, дитя мое, нужно трудиться.

Пьерро. Да не нужно слишком утомлять себя.

Магдалина. О! я не боюсь работы... Во мне еще довольно сил и здоровья.

Пьерро. Ну, вы не то, что Мария!.. Об ней нельзя сказать этого! С виду она похожа больше на горожанку, чем на савоярку!.. Да где она? ее что-то не видать сегодня.

Магдалина *(тихо)*. Спит еще!.. она молода... ей нужен сон!.. ну а я за нее поработаю.

Пьерро *(нежно)*. Вот, по чести, добрая мать!.. Она напоминает мне мою!.. Милая матушка Питу!

Она меня так горячо любила,
Трудилась век для счастья моего,
Мне, гладивши головку, говорила:
«Дитя мое! не делай ничего!» *(Плача.)*
Мать умерла! Но я с любовью нежной
Совет ее храню важней всего,
И видит бог, как свято и прилежно
Стараюся не делать ничего!

Вот все наши идут в Париж за пропитанием, а я не пойду! А ваша Мария тоже не уедет сегодня вместе с другими?

Магдалина. Нет, нет, я не расстанусь с моей милой Марией! Бог милостив! У меня и отца ее есть руки! мы станем работать как можно больше, станем просиживать целые ночи, если нужно... И она не будет нуждаться в насущном хлебе!.. Ей не нужно будет просить милостину в Париже.

Пьерро *(живо)*. Ах! как я вас люблю за это!.. Вот я, например, ни больше ни меньше как пастух... и что ж? поверите ли, я соглашусь лучше есть один черный хлеб здесь, чем самые лучшие кушанья в Париже... У меня нет ничего, но я всё-таки не расстанусь с родной стороной!

Явление 2

Магдалина, Бернард, Пьерро.

Бернард *(входит и кладет на скамейку, поставленную по левую сторону двери, свою шапку)*. Славный успех! Завидный успех!

Пьерро *(поворотившись)*. А! вы здесь, Бернард!

Бернард *(мрачный в продолжение всего действия)*. Умереть в бедности там или здесь!.. разве не всё равно? в Париже, по крайней мере, есть надежда устроить свое счастие! А здесь бедность! всё одна бедность!.. кредиторы... запрещения!.. Сам черт!.. то есть господин Ларок.

Пьерро. Управитель маркизы? Знаю... у него такая собачья физиономия... он всегда делает глупую рожу, когда хочет казаться умным, и кислую, когда вздумает любезничать!

Магдалина. Так ты его видел, Антони?

Бернард. Я только что сейчас от него.

Магдалина *(с заботливостью)*. Ну, что ж! неужели мы непременно сегодня должны заплатить за нашу ферму — за этот скудный клочок земли, принадлежащий к замку де Сиври.

Бернард. Да, сегодня.

Магдалина. И нет надежды на отсрочку?

Бернард. Никакой!

Магдалина. Боже мой!.. *(Работает с большим жаром.)*

Бернард *(с усилием)*. Я просил, умолял его, как бога!.. Он не хотел ничего слышать.

П ь е р р о. Разбойник! плут! жестокосердый! *(После небольшого размышления.)* Подлый человек! собака!

М а г д а л и н а *(мужу)*. Если бы ты сходил в замок и поговорил с маркизой, она, быть может...

Б е р н а р д. Напрасный труд!.. соискателей слишком много: Жан Леблан, Томас Лавинь, Жак Руан... и другие богачи хотят нашей фермы!.. они могут дать верные залоги!.. и ферма останется за ними!.. кроме того, за три месяца мы должны Лароку.

М а г д а л и н а. Но господин Эрбо, наш пастор, обещал поговорить за нас.

Б е р н а р д. Его ходатайство не принесет никакой пользы... Ларок объявил, что сегодня же продаст нашу бедную лачужку!

М а г д а л и н а *(встает и роняет веретено)*. Продать хижину, где мы праздновали нашу свадьбу!.. где умерла моя мать!.. родилась наша милая Мария! Боже! возможно ли это? Куда мы денемся, Антони, куда мы денемся?

Б е р н а р д *(со вздохом)*. Пусть будет, что угодно небу и... нашему притеснителю.

М а г д а л и н а. Тише! Мария!

Я в л е н и е 3

Т е ж е и М а р и я.

Входит в дверь на правой стороне и ставит корзинку на небольшой шкап, поставленный у двери.

М а р и я.

Как соловей
Поет по воле —
В тени ветвей
И в чистом поле...
Едва встаю,
Чуть день начнется —
Так я пою,
Пока поется...
Бегу гулять
Так шибко, шибко...
Глаза глядят
На всё с улыбкой,

А грудь моя
Так сладко бьется!..
И рада я,
Что мне поется!

Пьерро. Соловей не поет так, как она...

Мария. Здравствуйте, батюшка!

Бернард *(сурово)*. Здравствуй! *(Он целует ее в лоб.)*

Мария. Здравствуйте, Пьерро.

Пьерро *(весело)*. Здравствуйте, Мария! *(В сторону.)* Как она мила сегодня.

Мария. Прежде чем обниму тебя, матушка, мне нужно с тобой побраниться... Ты никогда меня не разбудишь, а я так крепко сплю... и работаешь одна, вот и вчера и сегодня... Это нехорошо. *(Обнимает ее.)*

Пьерро. Что у нее за сердце!

Бернард. В самом деле, ты слишком балуешь ее, как будто она получает несколько тысяч годового дохода! как будто она готовится выйти за маркиза или герцога... Впрочем, кто знает, какую будущность готовит ей бог.

Мария. О! я прошу только у него, чтоб он дал мне средства никогда не разлучаться с вами, батюшка, и моей доброй матушкой!

Магдалина. И он исполнит твою просьбу, Мария, милое дитя мое. *(Обнимает ее.)*

Пьерро. На вот!.. кого это я видел там внизу?.. Нет, я не ошибаюсь... Это он!..

Мария. Кто?

Пьерро. Господин Ларок.

Бернард. Так скоро!

Пьерро. С каким-то барином, которого я никогда не видывал... они идут сюда.

Бернард. Без сомнения, затем, чтоб нас выгнать из нашего жилища!.. Ну что ж! пускай придут!.. Я готов на всё!..

Мария *(пораженная)*. Нас выгнать?.. *(Смотрит на мать, которая рыдает.)* Матушка!.. что это значит?.. о чем ты плачешь?..

Магдалина. Ты скоро узнаешь причину моих слез, бедное дитя мое!.. Молись богу,— теперь он единственная наша надежда!

Ларок показывается в дверях и делает знак командору, что он может войти.

Явление 4

Прежние, Ларок, командор.

Мария ставит стол в сторону и уносит веретено и лампу в комнату направо. Все почтительно кланяются.

Пьерро *(в сторону, рассматривая Ларока)*. Много бы я дал за удовольствие переломать ему ребра.

Командор *(в дверях)*. Ты говоришь, Ларок, что эта миленькая девочка, которую мы встретили, убежала в эту хижину?

Ларок *(тихо командору)*. Точно так, сударь,— отец и мать ее перед вами! *(Он с почтением отходит к дверям.)*

Командор *(в сторону)*. Ах, черт возьми!.. будем красноречивы и величественны... *(Подходя к сцене.)* Добрые люди... гм!.. добрые люди!.. Здравствуйте, добрые люди!..

Бернард *(кланяясь)*. Здравствуйте, сударь!

Командор. Кто из вас называется Антони Бернард?

Бернард. Я, сударь!

Командор. Послушай, старичок, не твоя ли это дочь, легкая и резвая, как бабочка, носит иногда работникам завтрак?

Мария выходит.

Бернард. Точно так, сударь... вот она... Подойди сюда, Мария... эти господа тебя спрашивают.

Мария *(дрожа)*. Меня, батюшка? Я ничего не понимаю... *(Узнает его.)* Ах! боже мой!

Командор *(тихо Лароку)*. Ты не обманул меня, Ларок, они очень бедны!

Ларок *(тихо командору)*. Теперь она в наших руках, сударь. *(Они тихо разговаривают между собою.)*

Магдалина *(споря с мужем)*. Я тебе говорю, что я хочу этого...

Бернард *(тихо жене)*. А я говорю, что не хочу!

Командор *(приметя их спор)*. О чем вы спорите, добрые люди?

Магдалина. Вот видите, сударь, в чем дело... мы содержали ферму, принадлежащую госпоже маркизе!.. Наша Мария ее крестница!

Командор. А! крестница?

Магдалина *(живо)*. Точно так, сударь! Маркиза в доказательство, что принимала Марию от купели... дала нам в управление эту ферму.

Командор. Это достойный подарок такой хорошенькой крестнице.

Магдалина. И вообразите, не ужасно ли это!.. За то, что мы задолжали за три месяца... у нас отняли всё до последней нитки.

Пьерро. Даже корову... сударь... отняли у их дочери!

Магдалина. И завтра, если мы не заплатим, завтра эта хижина!.. в которой родилась Мария, будет продана. *(Возвышая голос.)* И всё это потому... потому, что этого хочет господин Ларок!

Пьерро *(приближаясь)*. Точно, всё это потому, что он этого хочет! Я свидетель!

Командор *(с принужденной строгостью)*. Что я слышу?.. как! Ларок!..

Ларок. Но, сударь, ведь вы сами приказали...

Командор *(прерывая его)*. Молчать!.. ты дурак!..

Пьерро. Прекрасно сказано!

Командор *(в сторону)*. Это животное никогда не понимает моих импровизованных планов! *(Громко.)* Успокойтесь, добрые люди! он не сделает вам никакого зла... Я пришел сказать вам, что сестра моя, маркиза, принимает в вас большое участие и сильно, очень сильно интересуется вашей дочерию.

Мария *(в сторону)*. Как!.. она никогда меня не видала!..

Магдалина *(с радостью)*. Слышишь ли, Антони?

Командор. Маркиза хочет устроить ее будущую судьбу.

Мария. Возможно ли?

Командор. Что касается до фермы... Я поговорю с сестрой... она, верно, не знает всех этих подробностей... но без сомнения она уважит мое ходатайство, и ферма останется за вами.

Пьерро и Магдалина. Какое счастие!

Командор. В приданое милой Марии.

Магдалина. Ну что ж! Мария, поблагодари господина командора за все его милости!

Мария кланяется ему.

Командор *(в сторону, подходя к авансцене)*. Не совсем-то ловка!.. Зато какая милашка!.. теперь нужно только побольше хитрости — и победа за мной. *(Громко.)* Ларок, я надеюсь, что всё это исполнится, иначе я прогоню тебя к черту!

Ларок. В минуту всё исполнится, сударь!

Пьерро *(кричит над ухом командора, который оборотился к нему спиной)*. Да здравствует командор!

Командор *(отскакивает направо, зажимая уши)*. Кто этот крикун?

Ларок. Это, сударь, Пьерро — горный пастух.

Командор. Он, кажется, столько же прост, сколько и беден... Поди за мной в замок, мой друг.

Пьерро *(в сторону)*. В замок... чем он хочет сделать меня... может быть, дворецким?.. недурно!.. очень недурно! *(Потирает руки.)*

Командор *(тоном покровителя)*. Прощайте, добрые люди, прощайте... не бойтесь... я всё, всё устрою.

Пьерро *(кричит, кидая свою шапку)*. Да здравствует командор!

Командор, Ларок и Пьерро уходят.

Явление 5

Бернард, Магдалина, Мария.

Магдалина *(с радостью обнимает Марию)*. Ну что! не говорила ли я тебе, Антони, что она спасет нас?.. Милая моя Мария!.. Она была всегда счастлива!.. Она всех нас сделает счастливыми!

Бернард. Дай-то бог! Ну, Магдалина, пойдем же завтракать. *(Уходит направо.)*

Магдалина *(идя за своим мужем)*. А ты что, Мария?

Мария *(запинаясь)*. Нет, матушка; я так недавно встала, что мне совсем еще не хочется есть. Мне нужно сходить к моим козочкам, и я позавтракаю в горах... *(в сторону)* с Андре!

Бернард *(за кулисами)*. Жена!

Магдалина. Ну что? чего ты хочешь... сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Явление 6

Мария.

Мария. Бедный Андре! он не большой господин, он не может помочь нам!.. Но я больше люблю его, чем этого скверного командора, который так испугал меня, когда я встретилась с ним сегодня около ручья... Но Андре так же, как и я, беден. Он говорил мне, что всё его имение состоит в сильных и здоровых руках, которыми он достает хлеб! И он не позволил мне сказывать о наших свиданиях никому, даже нашему почтенному пастору, от которого никто ни в чем не скрывается, даже матушке... Он принужден на некоторое время скрываться в наших горах... Это тайна, о которой он также никому не велел говорить.

Я прежде никогда не лгала
Пред доброй матерью моей,
Ей все секреты открывала,
Во всем советовалась с ней...
И вдруг теперь я всё скрываю!..
Ах! боже мой! как я грешу!
Как безрассудно поступаю!..
Пойду и всё ей расскажу!..

(Идет к двери направо и возвращается, говоря.) А что, если она рассердится? если матушка запретит мне с ним видеться?.. Нет, лучше буду покуда молчать.

Меня она ведь не неволит,
Пойду к нему сперва спрошу...
И если он сказать позволит,
Тогда ей всё перескажу!

Он ждет меня, в этом я уверена... Он придет, как и всегда, попросить молока... сядет подле меня... мы вместе позавтракаем... потом так весело поболтаем... и день пройдет очень скоро!.. Он, я думаю, уж сердится на меня! Побегу скорей!.. *(Она хочет идти, но перед ней является Эрбо,— в сторону со страхом.)* Кого я вижу? Господин Эрбо!

Явление 7

Эрбо и Мария.

Эрбо. Куда ты идешь, дитя мое?..

Молчание.

Ты не отвечаешь, Мария, краснеешь!.. я пришел сказать тебе...

Мария *(с ужасом)*. Ах! Господин Эрбо!

Эрбо. Ты сегодня в горах встретила мужчину.

Мария *(тихо, с опущенными глазами)*. Да, это правда.

Эрбо. Он говорил тебе, что ты прекрасна.

Мария. Правда, говорил.

Эрбо. Он был сегодня здесь...

Мария *(с живостию)*. Ах! что касается до этого...

Эрбо *(строго)*. Мария... я знаю, ты никогда не лгала!.. Он был!.. я это знаю... говорил с твоими родителями... обещал им покровительство сестры своей маркизы.

Мария *(в сторону)*. Боже мой!.. а я думала, что он говорит мне об Андре!

Эрбо. Он обнадежил вас, что ферма останется за вами... и что уже подписаны условия.

Мария. Неужели! Ах, какое счастье!

Эрбо. Скажи лучше несчастие.

Мария. Но я вас не понимаю!..

Эрбо. Мария, твое сердце еще чисто; ты добра, проста, неопытна; не знаешь ни света, ни этих придворных господ... Если они одолжают кого-нибудь, так думают получить за это более, чем они дали... вот и этот знатный барин... я его понял. Если он обязал твоих родителей, то знай, что взамен куска хлеба, который он им дал, ему хочется погубить и обесславить их единственное дитя.

Мария *(живо)*. Ах! Господин пастор, не думайте, чтоб я...

Эрбо. Я знаю, что Мария, в сердце которой я старался вкоренить все добродетели, не забудет никогда своего старого друга и устоит против всех обольщений... Но тебя преследует человек низкий и коварный; он будет грозить вам разорением, отнимет эту бедную ферму, ваше единственное богатство!.. Он поставит тебя между бедностью и бесчестием, и ты сделаешься тогда его жертвою или

невольною причиною нищеты, а может быть, и смерти твоих родителей.

Мария. Великий боже!

Эрбо. Ты видишь, у него рассчитано всё; со всех сторон угрожает тебе опасность.

Мария. Но, мой боже! что же мне делать?

Эрбо *(с живостью, тихо)*. Бежать!

Мария. Бежать?..

Эрбо. Сегодня же!.. через час наши горцы оставляют деревню и уезжают в Париж искать средств для пропитания, в котором им отказывает наша бедная бесплодная земля. Нужно и тебе отправиться с ними.

Мария. Отправиться с ними! Боже мой! покинуть матушку!

Эрбо. Непременно, дитя мое, это единственное средство избавиться от гнусных замыслов старого негодяя. Здесь всё трепещет перед ним!.. Ты не можешь ему противиться... Даже я, увы! я не могу защищать тебя от его могущества. В Париже твоя неизвестность спасет тебя, а он, не видя более тебя здесь, забудет...

Мария *(плача)*. Хорошо, я убегу, господин пастор... Но моя матушка! моя матушка!

Эрбо. Нужно решиться. От этой разлуки зависит твоя честь...

В соседней комнате слышен голос Магдалины: «Антони, кажется, господин пастор пришел?»

А вот и мать твоя; от нее нужно скрывать твою печаль. Оботри твои глазки, чтоб на них не было и следа этих глупых слез.

Мария. Извольте!

Эрбо. Хорошо, дитя мое!

Мария поспешно отирает слезы и силится улыбнуться отцу.

Явление 8

Те же, Магдалина, Бернард.

Магдалина *(с радостью)*. Знаете ли, господин пастор... Мария, верно, вам сказала... нашей хижины не продадут!.. Ах! какой добрый барин!.. Небо послало его к

нам!.. Кроме того, он нас обнадежил, что и ферма останется за нами, и контракт будет возобновлен.

Эрбо. Он мог обещать вам это, Магдалина, потому что, я знаю, контракт еще вчера был приготовлен и подписан.

Общее изумление.

Бернард. Был приготовлен!.. подписан!.. что вы хотите сказать этим?

Эрбо. А то, слепые родители, что все эти угрозы, запрещения, эта милость, высказанная с такою ласкою, все эти благодеяния, так скоро обещанные, есть не что иное, как бесчестный заговор, который затеяли эти низкие люди для погибели вашей дочери!..

Магдалина *(подбегая к ней)*. Марии!..

Бернард. Я не могу поверить.

Магдалина. Нет, это невозможно!.. Такое бесчестное дело!..

Эрбо. Тебя удивляет оно, бедная мать... Но знатные господа смотрят на бедных девушек как на игрушку своей прихоти, на развлечение в праздной жизни... Командор думает только о твоей дочери... он ищет средств сблизиться с ней и погубить ее.

Бернард *(в продолжение некоторого времени казался размышляющим, с живостью прерывает его)*. Да, господин пастор говорит правду; теперь-то я понимаю все сегодняшние его ласкательства — и эту блестящую будущность, которую он обещал нашей дочери. Да, да, они хотели обольстить ее, развратить!.. И всё это потому, что мы бедные люди!

Явление 9

Те же и Пьерро.

Пьерро *(прибегает запыхавшись)*. Вот он! Вот он!.. Я несу откуп фермы, укрепленный на шесть лет!.. в приданое Марии, а я произведен в лесничие!

Бернард *(берет от него бумагу и останавливается перед ним)*. Замолчи, дурак! *(Подает бумагу пастору.)*

Пьерро *(в сторону)*. Дурак! Вот благодарность за мое известие!.. Дурр... Нет, лучше притворюсь, будто не понимаю.

Магдалина. Ну что, господин пастор?

Эрбо. Всё, что я сказал, здесь подтверждается!

Мария. О небо!

Магдалина *(заботливо)*. Что там, в этой бумаге?

Эрбо. Контракт, подписанный маркизою, и дальше...

Магдалина. Что дальше?

Эрбо. Марии дают место садовницы в замке.

Бернард *(посматривая на жену)*. В замке!

Магдалина печально смотрит на Марию и прижимает ее к сердцу.

Пьерро. В замке! Какое счастье! Мы будем вместе! и тогда, быть может, я осмелюсь...

Бернард *(с гневом)*. Замолчишь ли ты, животное!

Пьерро *(в сторону)*. Животное!.. опять!.. И что с ним сделалось?.. Притворюсь, будто опять не понимаю!

Пастор делает ему знак, чтоб он замолчал, и садится налево; Пьерро стоит перед ним и делает знак, что он повинуется его приказанию.

Бернард *(с решимостью, подходя к жене)*. Нужно от всего отказаться!

Пьерро *(оборачиваясь)*. Что?

Магдалина. А бедность?

Бернард. Ну что ж? мы пойдем в поденщину, будем обрабатывать землю у других... я еще довольно силен для того, чтоб прокормить вас обеих... что касается до Марии...

Магдалина *(с заботливостью)*. Мария...

Бернард. Она уедет!..

Магдалина. Уедет!.. Великий боже!

Бернард. Я решился! *(Жене.)*

Теперь не бедны мы опять,
Жена, вот наше состоянье,
Но должно за него отдать
Дочь нашу, дочь — на поруганье!
Нет, клад такой нам не к добру,
Позора ввек я не забуду...
Я лучше с голода умру,
Но жить бесчестием не буду!

(Разрывает контракт.)

Магдалина. Что ты сделал?

Бернард. То, что внушил мне мой долг!

Магдалина. Мы погибли!..

Бернард *(с усилием)*. Зато спасена Мария!

Магдалина *(подходя к господину Эрбо, который своим молчанием, по-видимому, одобряет Бернарда)*. Как, господин Эрбо, вы ничего не говорите!.. и вы также, и вы хотите отъезда моей дочери?.. Но если она уедет, знаете ли вы, что я умру от печали!

Эрбо *(вставая, говорит ей с лаской)*. Магдалина! если ты плачешь так потому, что добродетель разлучает тебя с твоей дочерью,— что же бы ты стала делать, если б порок отнял ее у тебя?.. Когда-нибудь бог возвратит ее тебе, а покуда в Париже она не будет одна и без помощи. Я написал письмо к одному старому моему другу,— он будет ее покровителем, поможет ей советами.

Магдалина *(заглушаемая рыданиями)*. Нет! нет!.. Не требуйте от меня этого!.. я не могу... Никогда!.. никогда!..

Мария *(подбегая к ней)*. Матушка, не плачь! я возвращусь!

Магдалина. И ты тоже! Ты хочешь оставить меня!.. ты!.. неблагодарная!.. *(Слезы заглушают ее голос.)*

Мария. О! не говори этого, моя милая матушка; не ослабляй мою твердость! *(В сторону.)* Я и так нуждаюсь в ней!

В отдалении слышно пение савояров, которое постепенно приближается... Оркестр играет пиано.

Эрбо. Настает минута отъезда! они готовы!

Магдалина *(вставая)*. Ах! они хотят отнять у меня Марию!

Бернард *(с решимостью)*. Не плачь, Мария... Обними твою мать!.. я пойду приготовить всё нужное к твоему путешествию... *(Уходит.)*

Магдалина *(шатаясь, идет за ним)*. Бернард!.. Бернард!.. погоди!.. О! я несчастная, бедная мать!.. *(Она также уходит.)*

Мария *(плача)*. Я потеряла всю мою твердость!

Эрбо. Мария, ты не то мне обещала.

Мария. Я не видала тогда слез моей матери.

Явление 10

Пьерро, Мария (поддерживаемая г. Эрбо), Жако, маленькие савояры и савоярки с их отцами.

Хор.

Прощайте, друзья, до свиданья!
Вернитесь скорее } назад,
Вернемся мы скоро }
Пусть будет ваш } путь без страданья
Пусть будет наш }
И радостен, счастлив возврат!

В продолжение хора Эрбо дает советы Марии и отдает ей письмо, которое она прячет за корсет.

Жако. Вот и мы, господин Эрбо, совершенно готовы к отъезду. Теперь нам осталось только проститься с вами!..

Эрбо. Благодарю, друзья мои... но вы мне должны оказать одну услугу. *(Он говорит с ними, показывая на Марию.)*

Пьерро *(рыдая)*. Ах, боже мой!.. так она точно едет!..

Мария *(плача)*. Да, Пьерро, нужно ехать... я должна, ты узнаешь причину. Ты будешь утешать матушку, не правда ли, Пьерро?

Пьерро *(рыдая)*. Разумеется, я буду утешать ее!

Мария. Пожалуйста, чаще ходи к ней!

Пьерро *(рыдая)*. Всякой день!.. больше, два раза в день!.. три раза, четыре, пять!..

Мария. Завтра уж я не увижу ее! она не будет ласкать меня! О! боже мой! *(Падает на руки Эрбо.)*

Пьерро. Ах! это раздирает мое сердце!

Явление 11

Пьерро, Магдалина, Бернард, Мария, Эрбо, Жако.

Бернард *(входит с маленькой палкой в руке и узлом в другой; он поддерживает свою жену)*. Да полно, Магдалина, будь потверже! Что за черт! не то я тебя брошу... У меня тоже не меньше горя. Притом Мария не

навсегда же оставляет нас!.. Мы будем получать об ней известия от друга господина Эрбо. *(Он кладет Магдалину бесчувственную на кресло.)*

Мария *(примэтя ее, бросается к ногам ее)*. Матушка!

Все савояры уходят с Жако. Чрез двери видно, как они прощаются с своими отцами и удаляются в горы направо. Некоторые, вместе с Жако, остаются ждать Марию. Музыка тихо играет.

Бернард *(Марии)*. Пойдем, дочь моя! *(Делает ей знак, чтоб она обняла мать.)*

Мария. Матушка, я еду!..

Магдалина *(поднимаясь)*. О! минуту! Антони, сжалься! подожди одну минуту!.. Мать не отталкивают, когда она прощается с своей дочерью!..

Бернард *(нежно)*. Ну обними ее еще раз; я провожу ее! *(Делает знак Жако, чтоб тот уходил.)*

Мария. Матушка, благословите дочь свою, свою Марию.

Магдалина. О! да, да! милое дитя мое! благословение, которым некогда благословила меня мать моя... Оно всегда охраняло меня от несчастий!.. а мое охранит тебя, Мария!.. когда голос мой не будет достигать твоего слуха... носи в своем сердце эту песню, которую передала мне мать моя!.. Дочь моя, говорила мне она... *(Магдалина кладет свои руки на голову Марии.)*

Ты начинаешь новый путь...
Твоя судьба от нас сокрыта,
Что будет?.. страшно заглянуть...
Один лишь бог твоя защита!

(Здесь Магдалина, ослабевшая от горя, садится. Мария падает к ногам ее. Магдалина продолжает.)

Работай больше и честней...
Молись... с молитвой грусть забудешь...

(Мало-помалу голос Магдалины заглушается слезами.)

И думай иногда о матери твоей,
За это... счастлива ты будешь...
Иди, дитя мое, иди!..

Бог да спасет тебя... прости...
Прости!.. Бог да...

(Голос ее прерывается.)

Мария. Матушка! Матушка! *(Уходит с Бернардом.)*

Явление 12

Те же, кроме Бернарда и Марии.

Магдалина *(приходя в себя)*. Мария! Мария! где она? *(Она смотрит вокруг себя, потом встает и, шатаясь, идет по сцене, говоря.)* Ах! Они отняли у меня мою дочь! *(В эту минуту послышался голос Марии, которая повторяет в отдалении прощальную песню матери. Магдалина, поддерживаемая Пьерро, жадно слушает. Занавес опускается.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

МОЛОДОЙ ЛЮБОВНИК

Театр представляет комнату на чердаке. В глубине дверь; налево от двери кровать с занавесами. В стороне на втором плане дверь в кабинет. Направо главной двери — камин. На той же стороне, на втором плане, окно, выходящее на улицу, близ окна образ мадонны и перед ним маленький геридон, у стены лютня и проч.

Явление 1

Мария и Пьерро.

При поднятии занавеса они сидят за столом, поставленным посреди театра, и обедают.

Вместе.

Говоря о прежней доле,
Забываю поневоле,
Что живу я с давних пор
Далеко от наших гор.

Мария. Ну что? не болен ли батюшка? а матушка, что матушка? Расскажи мне скорее об них, Пьерро...

Пьерро. Они здоровы как нельзя лучше и меня просили благословить вас за них... подождите же, я вас благословлю... *(Протягивает руки.)* Ну теперь конец концов! Я насилу отыскал вас... Этот Париж совсем сбил меня с толку... Гораздо больше нашей деревни! Я просто перепугался, увидевши такую огромную штуку.

Засовался словно кошка,
Перетрусил словно мышь,
Как являться понемножку
Стал мне издали Париж...
А пришел... развесил уши
Среди улицы, как шут!..
Вот уже здесь так бьют баклуши!..
Не по-нашему живут!
Есть чему тут удивляться,
Всё тут очень мудрено,
Но всего хитрей, признаться,
Показалось мне одно:
На бульварах очень сходно
Фрак иль брюки продают...
Жаль, одно лишь непригодно —
Что примерить не дают!

Мария. Так и ты, бедный Пьерро, покинул деревню!

Пьерро *(кладет свою шапку на стул)*. Что вы станете делать?.. Я не мог там больше оставаться, вас там не было! Конец концов! Как всё здесь хорошо! не так, как в наших горах!.. Ах! черт возьми!.. У нас после вашего отъезда всё пошло вверх дном! Что ж, черт возьми, подумал я, буду здесь делать? Я продал свой участок земли, который достался мне в наследство после дядюшки Петра, купил лютню и пошел в Париж повидаться с вами, и теперь я уж музыкант, известный на всех парижских улицах! так же, как вы... Я потому-то и нашел вас так скоро: ведь вас во всем квартале зовут Савойской жемчужиной! вы в большой славе!

Мария. Ну да, мой добрый Пьерро, то есть я в большой моде.

Пьерро. И я буду в моде.

Мария. Я заработала в продолжение шести месяцев столько, что могла завестись всей этой мебелью, которую ты видишь.

Пьерро. И еще послали несколько денег своей матушке, этого вы не говорите.

Мария. Ах! этого не стоит говорить... Приехавши сюда, я имела подпору, надежду!.. Но скоро старый друг господина Эрбо умер, и я осталась совершенно одна среди этого огромного Парижа.

Пьерро. Мамзель Мария, вы умная и честная девушка, я напишу о том в деревню!..

Мария *(с живостью)*. Ах да... ты умеешь писать... и я также, Пьерро, скоро буду...

Пьерро. Как?..

Мария *(в сторону)*. Что я сказала! *(Громко.)* Я скоро... буду учиться!

Пьерро. А покамест я ваш письмоводитель... Ну, как вы здесь поживаете?

Мария. Совершенно одна!

Пьерро. Как? и никого не принимаете?

Мария *(запинаясь и опустя глаза)*. Никого!..

Пьерро *(с радостью)*. Ах, как это мило! Никто не ходит сюда?.. как это лестно!.. Знаете, что это меня чертовски радует; потому что сейчас на лестнице я встретил...

Мария. Кого?

Пьерро. Камердинера, который, указывая мне вашу квартиру, говорил что-то о маркизе.

Мария *(в сторону)*. Я отдыхаю!.. Это не он!

Пьерро. Это так и ущипнуло мое сердце!

Мария *(в сторону)*. Но он хотел прийти! Что, если он теперь придет...

В это время за дверьми слышны три удара в ладоши.

Это он!..

Пьерро. На вот! Это что такое?

Мария. Это...

Снова хлопают.

Пьерро. Вам подают сигнал!

Мария. Это учитель...

Пьерро. Учитель чистописания!.. я уйду, уйду!.. Мое почтение, я скоро ворочусь! *(Берет лютню.)*

Мария. Прощай, прощай, Пьерро! не забывай меня!..

Пьерро уходит.

Явление 2

Мария.

Мария. Бедный Пьерро!.. Не подозревает ли он чего-нибудь!... Ах нет... Это невозможно!.. Я худо делаю, что скрываюсь от моих друзей!.. боюсь признаться им!.. Однако Андре так добр, так мил! и притом живет со мной на одной лестнице, могла ли я отказаться от свиданий?.. Я была знакома с ним целые шесть месяцев в горах, уехала оттуда, не простившись с ним. Это очень худо!.. и вдруг эта чудная встреча, в двухстах лье от нашей деревни, на лестнице, в одном доме, в том же этаже!.. не было ли это позволением неба видеться с ним? не оно ли послало мне его покровителем? Да, Андре мой друг! моя защита! покровитель мой!.. и кто что ни говори, а я вовсе не худо сделала, позволя ему ходить ко мне... Но он ждет... Нужно подать ему сигнал, как, бывало, я подавала ему в горах...

Уж наступает вечер темный,
Невольно голос мой нескромный
Зовет тебя, о милый мой!
Спеши увидеться со мной!
Услышь знакомое призванье
На наше тайное свиданье:
То голос, голос, голос той —
С кем ты любил в горах встречаться.

(Она слушает: Андре повторяет снаружи последний стих.)

Спеши скорей, лети стрелой
С твоей Марией повидаться!

Андре *(являясь)*.

Рад на призывный голос твой
Я в день хоть по сту раз являться.

Явление 3

Андре, Мария.

Андре. Какое счастие!.. Я не думал застать тебя дома!

Мария. В воскресенье всегда! в другие дни большая разница... я работаю для поддержания жизни. Воскресенье посвящаю богу и...

Андре. Кому?..

Мария *(опуская глаза)*. Матушке.

Андре. А мне, Мария, мне?

Мария. Вам! вы мой друг, мой благодетель, который учит меня, простую, глупую савоярку...

Андре. Это-то счастливое неведение, Мария, эта восхитительная простота и нравится мне в тебе.

Мария. Ах! я ничего не знаю, совершенно ничего!.. Это меня печалит... сокрушает... несмотря на ваши прекрасные уроки, я не успеваю...

Андре. Ты слишком строга к себе, милая Мария... Ты сделала большие успехи и читаешь совсем не так дурно, как тебе кажется... Сегодня мы прочтем эту бумагу.

Мария. Но это писано, а я едва читаю печатное.

Андре. Ничего... Это также легко... И я надеюсь, что ты можешь... *(В сторону.)* Да, небо помогло мне... она может прочесть признание в пламенной страсти, которую я не смею высказать ей!.. Что-то из того будет!..

Мария *(подбегая к нему)*. Начнем же скорей... Да извольте быть построже...

Андре *(важно)*. Ты увидишь, я буду даже слишком строг...

Мария. Тут нет ничего смешного... Ну, будем читать. *(Они садятся посреди театра. Складывая.)* «Несмотря на то что мое сердце поняло вас». *(Говоря.)* Так ли?

Андре. Совершенно так.

Мария. «С... тех пор... как я вас узнал...»

Андре. Очень хорошо.

Мария. «Со дня... как я вас увидел *(складывая)* встре... встретил в горах». *(Говоря.)* Что! видите, как я бегло читаю... *(От радости она припрыгивает на креслах и бьет в ладоши.)*

Андре. Как ангел!

Мария *(читая)*. «Ваш божественный образ...» *(Говоря с удивлением.)* Отчего у вас так дрожит рука?..

Андре *(слабым голосом)*. Но... я не знаю...

Мария. Держите хорошенько бумагу. *(Читая.)* «Ваш божественный образ не покидал меня ни на минуту... Я с ним вместе засыпаю! с ним про... про... пробуждаюсь...» *(Говоря.)* Ах, как это мило!.. к кому же оно писано?..

Андре *(с живостью)*. Продолжайте, продолжайте, и вы тотчас узнаете.

Мария *(читая)*. «Потому, что это вы, Мария!» *(Говоря.)* Ах! боже мой! *(Она встает и прислушивается.)*

Андре. Что с вами?..

Мария *(прислушиваясь, показывая на дверь)*. Слышите!.. идут по лестнице...

Андре *(в сторону)*. Черт их несет!

Мария. Верно, это Пьерро!

Андре. Пьерро?.. кто он такой?..

Мария *(с замешательством)*. Пьерро!.. это крестьянин!.. он ничего не знает... я ему сказала только об учителе, что ж, я не обманула, вы точно мой учитель, но всё-таки лучше, чтоб он вас не видал!... спрячьтесь, спрячьтесь!..

Андре. Куда же?

Мария *(показывает налево в кабинет)*. Там!.. в кабинет!..

Андре *(в сторону)*. Что делать, нужно уступить свое место Пьерро. *(Уходит в кабинет.)*

Мария *(говоря ему)*. Минутку, одну минутку, мой друг!.. я его скоро выпровожу... *(Бежит отворить главную дверь и тихо вскрикивает.)* Ах!.. это не Пьерро!

Явление 4

Мария, маркиза, потом командор.

Маркиза. Вас ли зовут Марией?

Мария *(робко)*. Точно так, сударыня.

Маркиза. Вы играете на лютне савойские песни на наших бульварах.

Мария. Точно так, сударыня.

Маркиза *(в сторону)*. Это она!

Мария. Что вам угодно, сударыня?

Маркиза *(с холодностью).* Вы узнаете. *(Она идет к дверям, говорит с слугою, тот удаляется и возвращается с командором; маркиза снова дает слуге приказание при первых словах командора.)*

Мария. Какой надменный вид! повелительный тон! чего хочет от меня эта дама?

Командор. Черт бы побрал всех этих маленьких людей, которые забираются в свои жилища по таким высоким лестницам! По чести, я совсем разбился ногами... *(Приметя Марию.)* Но я не ошибся!..

Мария *(в сторону).* Командор!

Маркиза *(входя на сцену).* Что у них происходит?

Командор. Это она! *(В сторону.)* Всё так же хороша!

Маркиза. Вы знаете ее?

Командор *(в сторону).* Ай! Ай! *(Громко.)* То есть я знал ее... не зная... Вы также знаете ее, маркиза. Э!.. Боже мой! ведь это дочь одного из ваших фермеров Савои!.. молодая Бернард... *(Подает кресло маркизе.)*

Маркиза *(садясь).* Не правда ли, моя милая, и ты нас знаешь?

Мария. Точно так, сударыня. Если не ошибаюсь, я имею честь принимать у себя маркизу де Сиври.

Маркиза *(в сторону).* Это подтверждает мои подозрения. *(Громко.)* Скажи мне, зачем ты одна уехала в Париж?

Командор. Ах да!.. зачем?.. А ну... зачем?..

Мария *(не слушая его, отвечает маркизе).* У нас, бедных жителей гор, у всех одна причина, которая заставляет покидать родину,— это бедность!

Командор *(в сторону).* Она как будто не узнает меня! очень, очень хитро!

Маркиза. Но, сколько я помню, этой фермы, которую я вам отдала по просьбе моего брата, было бы достаточно для прокормления вашего семейства, значит, другая причина побудила тебя удалиться?

Мария. Так точно, сударыня, и я вам скажу ее *(посматривая на командора)*, потому что не умею лгать.

Командор *(в сторону).* Неужели она будет так глупа, что всё расскажет сестре?.. Право, это из рук вон!

Мария. Почтенный наш пастор сказал, что мне угрожала большая опасность!..

Командор *(в сторону)*. А! ей пастор сказал!.. Я с ним справлюсь!

Мария. Один сильный... *(посматривает на командора)* и неотвязчивый старик преследовал меня своим волокитством...

Командор *(в сторону)*. Старик! Сестра не подумает на меня.

Мария *(продолжая)*. Я должна была бежать, чтоб избавиться от его замыслов.

Маркиза *(вставая)*. Я понимаю. Кто же был этот старик?

Командор *(в сторону)*. Неужели она скажет?.. Я стою как будто на горячих угольях.

Мария *(с достоинством, не смотря на командора)*. Я забыла его имя!

Командор *(в сторону)*. Ах плутовка! это очень хорошо, хоть бы и не для старика, как она меня называет... Шутит, плутовка, шутит!

Маркиза. Но с тех пор, как ты живешь в Париже, кто помогает тебе в твоих нуждах?.. *(Говоря это, показывает на мебель.)*

Мария *(простосердечно)*. Бог, сударыня.

Маркиза *(улыбаясь)*. Бог!

Мария *(с гордостью)*. И мой труд.

Маркиза. Как! Твоя лютня, твои песни?

Мария. Да, сударыня.

Маркиза *(в сторону)*. Ее ответы удивляют меня; но, может быть, эта наивность не больше как маска, чтоб отклонить мои подозрения?

Командор. Маркиза, мне пришла в голову идея!.. богатая, глубокая идея!.. завтра у вас большое собрание?

Маркиза *(наблюдая за Мариею, значительно)*. Да... по случаю представления моим друзьям Лауры де Бреван, невесты моего сына, маркиза Артура де Сиври.

Мария слушает равнодушно.

Никакой перемены!..

Командор. Так видите: эта савоярка теперь в большой моде; она пела при королевской фамилии; нужно пригласить ее после обеда, перед отъездом на придворный бал: для дам это будет обольстительная новость! *(Проходя мимо Марии, тихо.)* И большое счастие для моего сердца, ах! *(Громко.)* Что вы скажете на это, маркиза?

М а р к и з а *(с явною радостью)*. Я скажу, командор, что ваша мысль превосходна.

К о м а н д о р *(в сторону)*. Теперь дела мои пойдут чудесно! Ай да я!

М а р к и з а *(в сторону)*. Да... таким образом я открою истину. *(Громко Марии.)* Ну что ж! согласна ли ты завтра дать нам понятие о твоем таланте?

М а р и я. Не смею противиться вашим приказаниям!

М а р к и з а. Очень хорошо!

В эту минуту А н д р е, не вытерпев, отворяет дверь; но, увидев маркизу, он быстро затворяет ее, говоря: «Боже мой». Шум заставляет маркизу обернуться.

М а р к и з а. Что такое?

М а р и я *(в сторону)*. Боже!

К о м а н д о р *(в сторону)*. Э! э! э!.. значит, я опоздал!.. Но утешусь... лучше поздно, чем никогда!

М а р к и з а *(в сторону)*. Если он там? *(Громко.)* Посмотрите, командор, с каким вкусом и изящностью расположено всё в этой маленькой комнате.

К о м а н д о р *(в сторону)*. Какой-нибудь прокурорский писарь разоряется на нее.

М а р к и з а *(идя к кабинету)*. И здесь еще комната, я думаю...

К о м а н д о р. Будуар, без сомнения.

М а р к и з а. Посмотрим!

М а р и я *(подбегая и становясь перед нею)*. Сударыня!

М а р к и з а *(отворивши дверь в кабинет — в сторону)*. Никого!.. я ошиблась.

Командор входит на минуту в кабинет, напевая: «Ах, как пахнет розой здесь!»

М а р и я *(в сторону)*. Боже мой! как я испугалась... *(Отдыхая.)* Он, верно, вылез на кровлю.

М а р к и з а. Ты напрасно боялась, моя милая, всё, что я здесь вижу, очаровывает меня; я очень довольна.

К о м а н д о р *(выходя)*. И я тоже.

М а р к и з а. Завтра мы увидимся. Я пришлю за тобою. Прощай! *(Уходят.)*

Явление 5

Мария.

Мария. Боже мой! как я испугалась, когда они отворили эту дверь! Как я рада, что он успел скрыться! Да, я буду у вас, госпожа маркиза, но не пойду к вам одна... нет, Пьерро будет моим товарищем: потому что вы сестра человека, который хотел погубить меня. Но теперь я не боюсь ничего, у меня есть сильные защитники, у которых я буду просить помощи, если б он захотел обмануть меня... А! соседка уж легла спать, видно, очень поздно! лягу и я, завтра нужно пораньше встать. *(Она раздевается.)* Господин пастор хорошо сделал, что выпроводил меня из деревни! Вот каково служить в замке и слушать любезности придворных господ, они ищут того, чтоб обмануть нас! А после плачь, красней из-за них!.. Я их терпеть не могу... Это не то что Андре,— он никогда не обманет бедной девушки!.. Нет, он слишком добр и честен!.. Как досадно, что нам помешали!.. Я дочитала бы письмо до конца, а начало было так мило!.. попробую припомнить... *(Припоминает.)* «Ваш божественный образ!..» — точно так. *(Припоминает.)* «Я с ним пробуждаюсь... с ним засыпаю!» *(На соседней колокольне бьет 10 часов.)* Ах! боже мой! уж десять часов! а я не сплю еще... как идет время!.. я, пожалуй, завтра просплю... Помолюсь. *(Становится на колени перед образом и поет.)*

О мать моя, не вижусь я с тобою!
Но день и ночь
За жизнь твою, с надеждой и тоскою,
Молюсь как дочь!..
Я здесь одна... повсюду искушенье,
Защиты нет!
Храни ж, храни, благое провиденье,
Меня от бед!

(Встает.) Теперь погашу свечу. *(Гасит и идет к постели.)* Сегодня не холодно.

Дверь из кабинета тихо отворяется, и Андре выходит; он осторожно идет через сцену.

Явление 6

Андре, Мария.

Мария *(у кровати)*. Что такое? я слышу шорох. *(Молчание.)* Кто там?..

Андре *(среди театра)*. Я!

Мария *(быстро скрывается за занавесом)*. Как, вы еще здесь?

Андре. Я не виноват!.. рискуя сломать себе шею, я хотел перебраться в свою комнату по крыше!

Мария. Куда как рассудительно!..

Андре *(с живостью)*. Для того, чтобы не обесславить тебя!.. Но меня увидели... сочли за вора... и эту минуту, верно, ищут.

Мария. В самом деле?

Андре *(с живостью)*. Ах! Мария, милая Мария, спрячь меня!

Мария. Но... как...

Андре. Боже мой! чу! я их слышу, Мария!

Мария *(удаляясь в угол комнаты к двери кабинета)*. Ну что ж делать!.. останьтесь, подождите немного... нет другого средства.

Андре *(подходя в ту сторону, где Мария)*. Ах! Мария! как ты добра!..

Мария *(с ужасом)*. Что вы!.. что вы!.. куда вы идете?

Андре. К тебе.

Мария *(с живостью)*. Незачем... незачем... останьтесь там!.. не трогайтесь и идите от меня...

Андре *(улыбаясь)*. Это довольно трудно!

Мария *(подвигаясь немного)*. Слышите ли?

Андре. Да, Мария... но ведь так темно... я не могу найти двери... Она должна быть в той стороне. *(Подходит к кабинету и берет стоящую тут Марию за руку.)* А! вот она!

Мария *(испуская крик)*. Нет, это я!

Андре. Милая Мария!

Мария *(дрожит и едва может говорить)*. Вы меня испугали!.. Люди, которые вас видели... опасность...

Андре *(наклонившись к ней, тихо)*. Опасность — теперь я забыл о ней... близ тебя, Мария! моя милая Мария!.. О! как я люблю тебя!.. я бы хотел бежать, но твой

божественный образ везде преследует меня... с ним я засыпаю, с ним пробуждаюсь... им только дышу!..

Мария. Боже мой! письмо!

Андре. Оно было к тебе, Мария.

Мария. Ко мне?

Андре. Да, к тебе,— я не смел сказать тебе тайны моего сердца; я люблю тебя!.. люблю до безумия!..

Мария *(дрожа, с удовольствием)*. Ох! боже мой! и вы не обманываете!

Андре. Клянусь тебе всем священным для меня, что не обманываю!

Мария. Нет! этот голос так мил, так нежен!.. он никогда меня не обманет!

Андре. Клянусь здесь... у ног твоих; я твой! твой на всю жизнь!.. *(Он сжимает ее в объятиях.)*

Мария *(слабо защищаясь)*. Оставь меня, Андре!

Андре. Чтоб я оставил тебя!.. тебя... тебя, мое счастие!.. жизнь мою!..

Мария *(тихо)*. О! пустите меня, пустите!

В эту минуту под окном слышно пение на голос прощальной песни Магдалины. Мария с силою вырывается из рук Андре.

Мария. Слышите!.. слышите ли вы эту песню?.. Это голос моей матери!.. матери, которая говорит мне: Мария, ты хочешь моей смерти!.. *(Обращаясь к нему.)* О! я знаю, вы не хотите, Андре, вы не хотите смерти моей матери.., моей смерти!.. сжальтесь надо мной!.. над моими слезами! над моим отчаянием! *(Становится перед ним на колени.)*

Андре *(тронутый ее отчаянием)*. Великий боже!

Мария. О! уйдите!.. уйдите скорее!.. если вы любите меня!.. в благодарность я буду любить вас вечно!.. вечно буду благословлять вас!

Андре. Мария!.. *(Молчание.)* Ты видишь, как я люблю тебя!.. Прощай! *(Уходит.)*

Мария *(в восторге благодарности)*. О! милый, милый Андре! *(Она запирает дверь. В ту минуту голос снаружи зовет ее; Мария подбегает к окну.)*

Пьерро *(на улице)*. Это я, Мария, Пьерро!.. Я хотел пожелать вам доброго вечера.

Мария. Добрый вечер, мой добрый Пьерро. *(Она затворяет окно, потом падает на колени среди театра.)* Тебя, мать моя, тебя благодарю я! ты спасла меня!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

САВОЙСКИЕ ПЕСНИ

Великолепный зал в доме маркизы де Сиври. В глубине дверь, налево от актера, близ двери, окно. На авансцене дверь, направо дверь на 1-м плане и вторая на 4-м. Столы, богатые кресла; направо, близ авансцены, диван.

Явление 1

Командор, маркиза.

Маркиза. Я вам повторяю, братец, что Лаура де Бреван из знатной и древней фамилии; при дворе она пользуется уважением почти равным нашему дому; Лаура единственная наследница имений всех своих родственников. Если наш дом соединится с ними, то будет самым могущественным во Франции!

Командор. Так, так, сестрица; но я еще не думаю жениться... Нужно хорошенько воспользоваться молодостью.

Маркиза. Кто ж говорит про вас? Это относится к маркизу, моему сыну.

Командор. А, это большая разница, и я согласен...

Маркиза. У меня сегодня будет собрание, на которое приглашена и Лаура; здесь молодые люди должны познакомиться.

Командор. Да, и по случаю праздника вы пригласили красавицу Марию.

Маркиза. Кого? Марию де Верпиньян?.. насмешницу! болтунью! резвушку!..

Командор. Нет, я вам говорю о Савойской жемчужине.

Маркиза. По чести, вы только и мечтаете об этой савоярке. Она всем вскружит здесь головы!.. *(В сторону.)* Но сегодня все мои подозрения должны объясниться, я буду следить за их движениями, взорами; и если меня не обманули!.. если правда, что мой сын... О, я уничтожу ее!

Командор. А вот и наш молодой жених, сам, своей персоной. *(В сторону.)* Какой важный вид! какая осанка! Но я думаю, что я ничуть не хуже его!

Явление 2

Те же, Артур.

Маркиз. Мне сказали, что вы меня спрашиваете, и я поспешил явиться.

Маркиза. Да, мой сын, нам нужно поговорить о делах важных и серьезных.

Командор. Я не хочу мешать вашей беседе. *(Хочет уйти.)*

Маркиза. Кузен.

Командор *(возвращаясь)*. Что вам угодно, маркиза?

Маркиза. Вы можете остаться: ваше родство с нами дает вам на это право.

Командор. Но...

Маркиза. Подвиньте кресла.

Командор *(ставя кресла среди театра)*. Кресла. *(В сторону.)* Вот попался!

Маркиза. Да... садитесь!

Командор *(в сторону)*. Благодарю! у меня есть лучшие занятия. *(Они садятся.)*

Маркиза. Вы знаете, мой сын, я вызвала вас из нашего савойского поместья в Париж для того, что задумала женить вас, нашла приличную партию.

Маркиз. Тысячу раз благодарю вас за ваши стáрания, но, к сожалению, должен объявить, что предположенный вами брак невозможен!

Маркиза. Невозможен!

Командор. Он сказал невозможен!..

Маркиз. Та, которую вы назначаете в подруги моей жизни, кто бы ни была она, не может составить моего счастия.

Маркиза. Но почему?.. вы еще не знаете ее?

Маркиз *(с замешательством)*. Потому... что я люблю другую!..

Маркиза *(в сторону)*. Так,— это правда!

Командор. Ах, кузина! это очень достаточная причина! *(В сторону.)* Влюбился без позволения матери! Да чего? даже меня не спросил... каков племянничек!..

Маркиза. Вы еще потакаете ему?..

Командор. Да, нет... нет, это недостаточная причина, маркиз.

Маркиз. Будьте уверены, во всяком другом случае мое к вам уважение и нежность беспредельны, но теперь...

Маркиза. Теперь...

Маркиз. Теперь дело идет о счастье всей моей жизни, и я должен сказать вам с сожалением, что мое решение непреклонно.

Маркиза. Что ж делать! мы уступим вашей твердой воле, мой сын, но, по крайней мере, объявите нам, как зовут предмет вашей романической страсти.

Маркиз. Маркиза!..

Маркиза. Назовите ее без страха! Пускай она не так знаменита, как та, которую я вам назначила, пускай она не так богата,— но где дело идет о счастье моего сына, там мое сердце забывает расчеты гордости и честолюбия... и я вам обещаю дать согласие на брак, которым исполнятся все ваши желания.

Командор. Как вы красноречивы, кузина! вы привели меня в восторг... слезы... право, слезы вот так и хотят выступить у меня на глазах... Ну что ж, мой друг, назови... назови нам эту молодую маркизу.

Маркиза. Она не маркиза!

Командор. А! она графиня!.. Ну что ж такое? назови нам молодую графиню!.. А?.. или она баронесса?.. нет?.. Но что же, наконец? должна ж чем-нибудь быть моя племянница... не курица же она? не обезьяна, не мещанка!..

Маркиза. Вы говорите справедливо, командор; я не думаю, чтобы мой сын, маркиз Артур де Сиври, унизился до любви к мещанке.

Маркиз *(с почтительною твердостью)*. Из какого бы она ни была состояния, но я буду любить ее вечно!

Командор. Эге-ге, и я знал одну мещаночку, которая была очень недурна!

Маркиза *(вставая)*. Довольно! *(Командор ставит кресла на место.)* Страсть, в которой не хотят без стыда признаться, от которой краснеют перед своею матерью,— страсть безрассудная!.. кровь Сиври никогда еще не смешивалась с мещанскою!

Командор. Славно сказано! Вы созданы, сестрица, чтоб быть государственным мужем.

Маркиза *(холодно)*. Маркиз, вы знаете о собрании,

которое будет у нас сегодня вечером, пред придворным балом; я уверена, что вы будете. Проводите меня на мою половину.

Маркиз подает руку своей матери, и они уходят во вторую дверь направо от актера.

Явление 3

Командор *(один).* Наконец я свободен!.. и еще шаг к исполнению моих желаний; Мария скоро будет здесь... все уедут на бал, и тогда, тогда... Ах! я плутишка! плутишка! я счастливчик!.. Я не разучился еще обольщать и нравиться, я злодей!

Позабыть я не могу,
Как,— не думайте, что лгу,—
В продолжение трех лет
Одержал шестьсот побед.
Да зато уж все шестьсот

(показывая на голову)

Здесь поставлены на счет...
Впрочем, дамам и теперь
Я весьма опасный зверь...
И хорошенький народ
Не клади мне пальца в рот!
А забудешься — положишь,
Так ничем уж не поможешь.
Сколько было баронесс,
И графинь, и виконтесс,
И служаночек простых,
И гризеток молодых —
Поживился чем хотел
Да к другим и улетел.
Уж издавна я таков,
Разом кончу всё без слов!
Нет, хорошенький народ,
Не клади мне пальца в рот,
А забудешься — положишь,
Так ничем уж не поможешь.

Нужно призвать на помощь Купидона и Бахуса!.. под формою двух бутылок шампанского! и тогда я или обворожу, или усыплю, и Мария будет в моих руках! А! вот, кажется, собираются гости! *(Крича за кулисы.)* Эй! Лафлер! кто-нибудь! доложите маркизе, что собралися гости.

Явление 4

Командор, дамы и кавалеры придворные, Лаура де Бреван и ее родные.

Хор масок.

Спешите, спешите! уж скоро пора!
Невольное в сердце волненье!
Скорее! скорей! в маскараде двора
Большое нас ждет наслажденье.

Явление 5

Те же, маркиза де Сиври (входит и раскланивается).

Маркиза *(подходя к Лауре)*. Вы уже здесь, милая! *(Она целует ее в лоб и, взявши за руку, говорит.)* Командор, рекомендую вам мадемуазель Лауру де Бреван, вашу будущую племянницу. *(Лаура раскланивается. Маркиза Лауре.)* Рекомендую вам моего брата, командора.

Командор *(с гордостью)*. Геркулес-Ахилл-Гектор-Цесарь де Буафлери. *(Он ловко раскланивается.)*

Маркиза *(командору)*. Как вы ее находите?

Командор *(тихо маркизе)*. Она очарует Артура.

Маркиза. Я думаю. *(Стук кареты; слуга подает знак командору.)*

Командор *(в сторону)*. Карета! Это она! *(Громко.)* Ах! да! знаете ли, прелестные дамы, что маркиза приготовила нам маленький сюрприз! чудесный дивертисман!

Кавалер. Какой же, командор?

Командор *(смотря в окно)*. Здесь будет петь известная молодая певица! Савоярка, прозванная в Париже Савойской жемчужиной.

Все. Прекрасно! чудесно! мы слышали об ней.

Явление 6

Те же, Мария, Пьерро.

При виде блестящего собрания в изумлении они становятся друг против друга и, не смея войти, остаются в дверях.

Мария *(стоя в дверях, в то время как дамы говорят между собою)*. Как здесь хорошо!

Пьерро *(тихо Марии)*. Меня даже отуманило, мамзель Мария, как же мы здесь пойдем?.. Большая шаль разостлана под нашими ногами.

Мария *(тихо)*. Тс... это ковры!

Пьерро *(тихо)*. Ковры!.. а у меня такие большие гвозди в башмаках! не снять ли их?

Маркиза *(приметя Марию и Пьерро, которые все еще не смеют идти)*. Подойди, миленькая, подойди. *(Она садится с Лаурою на диван и дает знак слугам, которые ставят кресла в полукруг.)*

Пьерро. Вот и мы, госпожа... *(Тихо Марии.)* Как ее?..

Мария *(тихо)*. Маркиза.

Пьерро. Вот и мы, госпожа марк... марк... маркекиза!

Слуги затворяют средние двери.

Командор. Но зачем, молодая пастушка гор, ты привела с собой товарища? *(Показывая на Пьерро.)*

Пьерро *(грубо)*. Что такое?.. *(Марии.)* А! это тот старый плут!

Мария *(ласково)*. Замолчи! *(Громко.)* Мы вместе с ним поем песни нашей родины.

Пьерро. То есть родные песни, вы понимаете?..

Командор. Понимаю, понимаю! ты пришел для того, чтоб аккомпанировать ей... набросить на картину тень. *(В сторону.)* Погоди, мужик! я тебя упрячу в доброе место! *(Громко.)* Но пора начать.

Маркиза. Да, начните.

Все дамы садятся, а командор и кавалеры стоят подле дам.

Мария. Мы пропоем «Приданое савойской невесты».

Все. Хорошо! хорошо!

Мария и Пьерро.

За моей женой три су,
А за мной всего четыре,
Чтоб нам жить хозяйством в мире,
Что нам делать на семь су?

Мария.

Семь су?

Пьерро *(печально Марии)*.

Семь су?
Как, жена, хозяйством в мире
Будем жить мы на семь су?

Мария *(взявши его за руку)*.

Вот как: стол забудем модный,
Купим хлеба, соли, круп
И из миски прямо суп
Будем пить поочередно!

(Вместе.)

И из миски прямо суп
Будем пить поочередно.
За моей женой... (и проч.)

Пьерро *(говорит)*. Ну, ну, жена, покажи свой ум! что дальше?

Мария.

Вместе воду привезем
На себе без прекословья
И друг другу на здоровье
По стакану разопьем!

(Вместе.)

И друг другу на здоровье
По стакану разопьем.

Пьерро *(говорит)*. По чести, жена, ты большая умница!

За моей женой... (и проч.)

Мария.

Если вырастим на свет
Дочерей, две, три, четыре,
Пусть живут в любви и в мире,
Мы им скажем в двадцать лет...

Пьерро *(говорит)*. Что же мы им скажем, жена?
Мария *(с важностью)*.

Вот вам, девушки, семь су,
Если много — дайте сдачу;
Мало — вот вам на придачу
Вашу юность и красу.

(Вместе.)

Семь су! семь су!
На хозяйство, хлеб и кров
Семь су! Семь су!

Пьерро *(топая ногой)*.

Находите женихов.

По окончании песни все аплодируют и благодарят савояров, которые кланяются.

Командор. Чудесно! Восхитительно! Я, право, от этой красотки потеряю голову! *(Он идет благодарить и толкает Пьерро.)*

Пьерро *(в сторону)*. Небольшая будет потеря!

Командор *(в сторону)*. Нужно скорее удалить этого болвана. *(Он тихо говорит со слугою, который несет поднос.)* Понимаешь?

Слуга *(тихо)*. Всё будет исполнено.

Командор *(громко, показывая на Пьерро)*. Лафлер!.. отведи этого молодца в буфет.

Пьерро. Меня? Чтоб я оставил Марию?.. Никогда!

Мария. Нет, нет! не покидай меня, Пьерро!

Командор. Но ведь это на одну минуту, тебе нужно освежиться.

Пьерро. А! освежиться!.. Это другое дело! нельзя от этого отказаться, у меня ужасно пересохло в горле!.. Я сейчас приду.

Командор. Ступай, любезный, ступай. *(Тихо слуге, который уходит.)* Смотри, чтоб он не возвратился сюда.

Маркиза *(в сторону, с гневом)*. А Артура до сих пор нет! *(Громко Марии.)* Не устала ли ты, моя милая? Отдохни!

Командор. Я думаю, что ее прелестный голос принес бы нам больше удовольствия без кваканья этого глупого Пьерро.

Мария *(кланяясь)*. Я употреблю все усилия, чтоб принести удовольствие маркизе и блестящему собранию, которое удостоило меня своим вниманием.

Все. Браво! браво!

Молчание, все слушают снова.
Номер по выбору или танец, который прерывается следующим явлением.

Явление 7

Те же, маркиз и слуга у двери.

Слуга. Маркиз Артур де Сиври!

Мария *(увидя Артура)*. Боже великий! что я вижу!..

Маркиз *(в сторону)*. Мария!

Командор. Ну что ж, милая. Продолжай!

Мария. Но я не могу... не знаю... я забыла...

Маркиза. Хорошо! *(Взявши за руку своего сына.)* Нужно вас представить Лауре... *(Подводя.)* Мой сын, маркиз Артур де Сиври!.. *(Она смотрит на Марию.)* Это был он!..

Маркиз, представленный матерью, раскланивается с Лаурой, которую рекомендует ему командор.

Мария *(в сторону)*. Он!.. мой Андре — маркиз? Но, может быть, я обманываюсь.

Маркиза. Теперь начинай, моя милая!

Мария *(силится запеть, беспрестанно смотря на маркиза)*.

Уж наступает вечер темный,
Невольно голос мой нескромный
Зовет тебя...

(Но голос изменяет ей; слезы катятся из глаз, устремленных на маркиза; наконец она не может выдержать душевного волнения, подбегает к нему и кричит.) Да, это он!.. он!.. Андре!.. Андре!.. неужели ты не узнал меня?..

Все. Андре!..

Общее изумление.

Мария. Скажи мне, что я обманываюсь!.. Что это одна мечта!

Маркиз *(тихо)*. Мария!... милая Мария!..

Мария. О! это он!.. *(Падает без чувств на диван.)*

Слуга *(входя)*. Кареты поданы!

Маркиза *(в сторону)*. Какой стыд! Какой срам! *(Командору.)* Братец, я прошу вас, останьтесь здесь и дайте ей почувствовать всю гнусность ее поведения.

Командор *(в сторону)*. Браво! *(Громко.)* Положитесь на меня, сестрица! Я дам ей почувствовать всё, что нужно.

Маркиза подходит к Лауре.

Маркиз *(тихо)*. Дядюшка, спасите ее!

Командор *(с восторгом)*. О! положись на меня, мой милый!

Маркиза. Господин маркиз! вашу руку. *(Обществу.)* Господа, нас ожидают при дворе.

Все уходят.

Явление 8

Командор, Мария (в обмороке). Около нее хлопочут две горничные.

Командор *(горничным)*. Она начинает приходить в себя,— оставьте ее... *(Горничные уходят.)* Как она хороша теперь!.. Какой лоб!.. какие убийственные глазки, хоть они и закрыты!.. Я думаю, ей бы лучше всех спиртов и притираний помог от обморока поцелуй... да, один сладкий поцелуй!.. поцелуй Амура и Психеи!

Вот Психея, а я Амур и...

В то время как он хочет обнять ее, в это время Пьерро влезает в окно и грубо соскакивает на пол.

Командор *(в испуге)*. Ах! это что?..

Пьерро *(шатаясь)*. Тихонько! Это не черт, а я!

Командор. Пьерро?..

Пьерро. Что ты делаешь? а?.. Ах ты разбойник! ты зарезал нашу бедную Марию! Она умерла!.. умерла!..

Командор. Молчи, дурак! Ты ее перепугаешь, она в обмороке!

Пьерро. В обмороке... Нет, меня не обморочишь... Ты ее задушил... Вот я вас всех!.. *(Хватает стул.)*

Командор *(стучит в ладоши)*. Эй, люди!.. *(Слуги вбегают.)* Возьмите его!

Пьерро. Только сунься хоть один!..

Командор. Боже мой! ее перепугают!.. Оставьте, оставьте его!

Пьерро. А-а!.. струсили... *(Садится на тот стул и смотрит на Марию.)* Бедняжечка!

Командор. Я приказал дать ему в вине сонный порошок. А вы, канальи, просто напоили его пьяным.

Лафлер. Помилуйте, господин командор, мы дали ему того вина, которое вы сами приготовляете на всякий случай.

Командор. Готов ли загородный экипаж?

Лафлер. Всё готово!

Командор. По знаку моему будьте здесь!.. Она, кажется, приходит в себя. *(Слугам.)* Уйдите!

Слуги уходят.

Пьерро. В самом деле, душенька, она шевелится...

Мария. Не сон ли это?.. Пьерро!.. где я?..

Пьерро. У разбойников!

Командор. Болван! ты ее перепугаешь...

Пьерро *(встает и поднимает на него стул)*. Да, Мария, мы здесь просто в пещере разбойников!

Мария. Боже мой!

Пьерро. Просто у бандитов, у контрабандистов!

Командор. Ты дурак!..

Пьерро. *(Та же игра. Командор отходит.)* Я узнал, что все эти господа злодеи, и мужчины и дамы разбойники! Они хотели меня убить!

Мария. Убить? для чего же?

Пьерро. А я почем знаю. Сначала начали меня поить чудесным вином... я уж и подумал: это недаром... По-

сле начали кормить разными лакомствами... и это недаром, подумал я... всё ел да пил... да только хотел идти к тебе, а они меня — цап! — и потащили! Я кричу, рвуся... не тут-то было! Заперли меня в какую-то каморку. Но только услыхал я, что дело идет о похищении девушки... сейчас догадался, что это тебя хотят похитить... раз, два, три... в слуховое окно... потом на террасу — и сюда!

Мария. Меня похитить!..

Командор *(подходя)*. Не верь ему, прелестная Мария...

Пьерро *(вскакивая и поднимая стул, на котором сидел)*. Прочь, старый разбойник!.. Вот он главный!.. Это всё его штуки!

Мария *(вскакивая)*. Уйдем, Пьерро, уйдем. А вы, сударь, другой раз причиной моего несчастия! Вы лишили меня родителей... Вы преследуете меня и теперь... хотите отнять моего Андре!..

Командор. Успокойся, милочка, твой Андре, или, лучше сказать, мой племянник маркиз, сам просил меня проводить тебя в его загородный домик... если ты хочешь, мы сейчас отправимся, только прогони этого дурака.

Мария. С вами?.. Нет, нет!.. Мой Андре сам найдет меня... а вам я не верю.

Пьерро *(почти засыпая на стуле)*. Не верь, не верь ему... он разбойник!.. и я сам еле жив по его милости... *(Зевает.)*

Командор *(в сторону, обрадовавшись)*. Наконец вино мое, кажется, действует... он засыпает... Эй! *(Стучит три раза руками.)* Слуги!

Мария *(подходя к Пьерро)*. Пьерро, Пьерро!.. что с тобою?

Пьерро *(зевает)*. А!

Командор *(слугам)*. Возьмите эту девушку — и везите!

Мария. Не подходите! не подходите! Боже мой! что вы со мной хотите делать? Это бесчестно! Пьерро! Пьерро! *(Трясет его.)* Спаси меня!

Командор *(смеясь)*. Не беспокойтесь... Мое вино усыпило его. *(Слугам.)* Возьмите же!

Мария. Пьерро! ради бога! спаси меня!

Пьерро *(хочет схватить стул и падает тут же на месте)*. Я вас, разбой... *(Засыпает, слуги хватают Марию.)*

Командор. Сделайте так, как я приказал. В мой загородный домик — и в галоп!.. *(Другим.)* А вы уберите этого мужика.

Слуги схватывают Марию. Она призывает Пьерро и Андре на помощь. Командор смеется. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

БЕЗУМНАЯ

Направо от актеров дверь, ведущая в соседние комнаты, налево — дверь входа; в глубине против публики большое окно, выходящее на улицу. Между окном и правой дверью потаенная дверь. Над ней висит портрет Артура в мундире. На той же стороне у авансцены богатый туалет, кресла и проч.

Явление 1

Командор и слуга.

Командор *(слуге, отдавая кошелек)*. Вот тебе за твое молчание; получишь еще столько же, если нам удастся наша затея! Понимаешь?

Слуга. Понимаю, господин командор!

Командор. Сегодня вечером в девять часов ты будешь у садовой калитки с двумя человеками... ты должен удалить всех, а этот ключ откроет мне дорогу сюда. Да, правда ли, что племянник не ходит уж чрез потайную дверь?..

Слуга. Давно уж...

Командор. То-то же, чтобы нам не столкнуться. Теперь мне еще раз надо переговорить с ней. Где она?

Слуга. В саду.

Командор. Ступай же и помни.

Слуга уходит.

Командор. Наконец я могу завладеть моей добычей!.. А! мой любезнейший племянничек! ты считаешь за ничто мои любовные историйки. А! ты подкладываешь камни под колеса моей кареты в ту минуту, когда я похищаю предмет моей страсти! А! ты становишься на дороге,

удерживаешь моих лошадей, чтоб сделаться благородным защитником невинности; ты вырвал ее из моей кареты и запер в этом маленьком доме... Но я старый волокита; в любви для меня всё возможно!.. Притом я тоже добрый дядя... я пришел сюда, как Юпитер к Данае... посредством золотого дождя... И хочу сегодня же похитить твою любезную, потому что завтра ты женишься, сделаешься добрым мужем, и тебе уж некогда будет думать о твоей Марии. Бедная девушка! я должен позаботиться о ее участи!

Слуга *(показываясь в дверях)*. Господин командор, я слышу голос моего барина, если он вас увидит здесь, я погиб!.. и вы тоже!.. спрячьтесь поскорее!

Командор. Как! болван!.. чтоб я стал прятаться!.. я!.. командор!.. чтоб я стал прятаться!..

Слуга. Он поклялся выбросить вас в окно, если когда-нибудь застанет здесь.

Командор. Ах! черт возьми! ведь это во втором этаже... нужно смириться... *(С гордостью.)* Но я не спрячусь... нет, никогда!.. и к чему прятаться.

Слышен голос маркиза.

Ах!.. *(Он идет в потаенную дверь, оборачивается и говорит.)* В девять часов, а я еще буду здесь ранее.

Явление 2

Маркиз, за ним другой слуга с ящиком.

Маркиз *(отдавая свою шляпу первому слуге, который кладет ее на кресла)*. Поставь здесь ящик! *(Второй слуга ставит ящик на туалет.)* Оставьте меня. *(Слуга уходит налево.)* Я не знаю, что делать. Нет возможности долее скрываться. Бедная Мария! Сколько обмана, лжи и хитрости должен был употребить я, чтоб заставить тебя жить в этом отеле после преступного покушения командора... и эти учителя, которых я пригласил для тебя... Чтоб заставить тебя согласиться на их посещения, я сказал, что они присланы моей матерью, которая не хотела дать согласия на наш брак... которая искала случая погубить тебя! Бедная Мария! Ты спокойна! ты ничего не знаешь, а между тем громовая туча готова разразиться над твоею головою! Твое жилище, в котором я скрывал тебя три

месяца,— открыто! Я должен покинуть тебя. И если я не соглашусь на этот ненавистный брак, если я сегодня же не обвенчаюсь, тебя вырвут из моих рук навсегда и заключат в монастырь... Нет! лучше я умру! Скорей соглашусь пожертвовать собою расчетам моей матери!

Явление 3

Мария, маркиз (в задумчивости).

Мария *(выходя из комнат с правой стороны, с радостью)*. Артур!

Маркиз *(трепеща)*. Мария!

Мария. О! как давно я не видала тебя!.. Но наконец ты здесь... Скажи мне что-нибудь о наших надеждах... о твоей матери... Когда я увижу ее?

Маркиз *(с замешательством)*. Мою мать?..

Мария. Ты говорил с ней — не правда ли, о моих ежедневных успехах? Ты сказал ей, с каким жаром я изучаю в продолжение трех месяцев все эти книги, которые мне приносят от нее! с каким рвением я стараюсь быть достойною того блестящего круга, где живет она и где некогда назовет меня своею дочерью.

Маркиз. Да, Мария, я говорил ей о твоей твердости, о любви твоей нежной и благородной... и о твоих успехах, которым я удивляюсь.

Мария. И что ж она?.. что она говорит?..

Маркиз *(тихим голосом, подходя к туалету)*. Вот... она тебе прислала нарядов.

Мария *(печально)*. Наряды... всегда наряды. Но я бы хотела поскорее видеть ее и также мою мать, с которой я так давно разлучилась! Мне скучно, я бы хотела увидеть мою родину, наши горы... Каждый день я об них думаю.

Маркиз. Потерпи еще немного.

Музыка из водевиля «Приключение на искусственных водах»: «Пусть все мужчины злодеи ужасные, но только кроме его».

Мария.

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь,

Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь!
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне.
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила...
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я б закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна.
«Матушка! дочь твоя с горем не знается,
Замуж выходит она!»

Маркиз *(в сторону)*. Замуж! А может быть, сегодня другая... Нет, скорее умру!..

Мария *(умоляющим голосом)*. Милый Артур!.. ты запретил мне писать к матушке... позволь хоть одну строчку... «Я счастлива» — и больше ни слова.

Маркиз *(с замешательством)*. Погоди немного, милая Мария. Маркиза просила, чтоб всё покрыто было тайною до нашего брака... чтоб никто не подозревал, что ты живешь в этом доме; от этого зависит наше счастие... а сегодня, ради бога, не выходи на балкон, не показывайся даже у окна.

Мария. Как! ты подозреваешь?

Маркиз. Да, командор злится на неудачу всех своих происков и тайно ищет тебя... Сохрани бог, если он узнает, где живешь ты!

Мария. Я повинуюсь, мой друг!.. Я останусь здесь думать о тебе! любоваться твоим портретом!.. чего ж мне больше?.. Ты!.. всегда, везде один ты!.. Разве это не счастие?

Маркиз. Милая Мария!

Мария. Твоя воля разве не закон для меня?.. Но между тем я хочу просить у тебя...

Маркиз. Чего?

Мария. Мимо окон наших так часто ходят бедные; ты отсылаешь их от себя, а я хотела бы помогать им! особенно моим землякам... Мне их так жаль! Я бы желала даже кого-нибудь из них позвать, расспросить.

Маркиз. Но...

Мария. О! не бойся, они меня не узнают! любовь и твои советы так переменили мои манеры, мой язык... Кто узнает под этим блестящим нарядом бедную савоярку?.. И если когда-нибудь, при виде горца, слеза выкатится из глаз моих, в то же время милостыня упадет ему на руку... для него это будет слеза сострадания, а для моего сердца счастливое воспоминание.

Маркиз *(ласково)*. Ну что с тобой делать, я согласен. У меня никогда недостает твердости отказать тебе в чем-нибудь.

Мария. О! как ты добр!

Маркиз *(с замешательством)*. Милая Мария, прощай! до скорого свидания! *(Он идет взять свою шляпу.)*

Мария.

Прощай, мой друг! счастливый путь,
Всем сердцем ждать тебя я буду.

Маркиз.

Прощай, мой друг! и не забудь *(показывая на окно)*,
Что я ревнив!

Мария.

О, не забуду!
Ты знаешь, счастие мое —
Согласно действовать с тобою.

Маркиз *(в сторону)*.

Решусь на всё! но от нее
Я тайну гибельную скрою. *(Уходит.)*

Явление 4

Мария, потом командор.

Мария. Милый Артур, как я люблю его!.. с каждым днем более!.. но я не признаюсь ему в том... потому что боюсь не устоять против его нежных слов!.. они так заманчивы! *(Садится в мечтании к столу; в это время чрез потайную дверь является командор.)*

Командор *(в сторону)*. Племянник ускакал! *(Подходя и облокачиваясь сзади ее кресел.)* Прелестная Мария!..

Мария *(вскрикивая)*. Ах! послушайте, господин командор! как вы здесь очутились и какое вы имеете право, после всех ваших поступков, явиться ко мне?..

Командор. Купидон, Купидон снабдил меня крыльями; вот я и прилетел!

Мария. Оставьте ваши шутки... извольте выйти вон... я позову людей!..

Командор. О! о! какой тон! Не горячитесь, миленькая... Я пришел объясниться с вами, может быть, в последний раз. Племянник мой не может так постоянно разоряться на вас; даже самая связь ваша с ним прекратится сегодня... И для чего он отбил вас у меня... я век останусь холостяком... денег всегда я имею больше его — и мы заживем с вами припеваючи.

Мария *(гордо)*. Замолчите! Вы могли обижать во мне простую савоярку, бедную, необразованную девочку... Но теперь вы обязаны уважать невесту маркиза де Сиври.

Командор *(смеясь)*. Что? невесту маркиза? ха! ха! ха! Извините, извините... Не могу удержаться от смеха!..

Мария. Я не понимаю вас...

Командор. Ах! Какой плут племянник! Это он вас уверил в подобных химерах? ха! ха! ха! Это ложь! он никогда на вас не женится, и не может жениться!

Мария. Но сама маркиза согласна...

Командор. Она вам это говорила? вы ее видели?

Мария. Нет!.. но всё, что вы здесь видите, всё это подарено ею... она сама хочет на днях ко мне приехать.

Командор. Полноте, полноте, душенька... всё это ложь. Сегодня мой племянник должен жениться на Лауре де Бреван, и здесь поблизости совершится свадебный обряд.

Мария *(трепеща)*. Боже мой! Что вы говорите?.. Нет! нет! я не верю вам! нет, я сейчас напишу к моему Артуру. *(Бежит к столу.)*

Командор. А если я докажу вам, что это правда; бросьте племянника... полюбите меня... Я век останусь холостым.

Мария показывает знаки нетерпения.

Хорошо! хорошо!.. Я удалюсь, моя прелестная... через час, много два, вы уверитесь в измене моего племянника... а в девять часов я явлюсь к вам. *(Пока она пишет, он скрывается за потаенной дверью.)*

Явление 5

Мария, потом Бернард.

Мария *(принимаясь писать)*. Да, нужно, чтоб он оправдался предо мной сейчас же, или я оставлю этот дом.

Слуга *(входя из двери налево)*. Сударыня!

Мария. Что нужно?

Слуга. Господин маркиз приказал докладывать вам о бедных, которые приходят просить подаяния, теперь пришел один из них.

Мария. Несчастный! На, отдай ему!.. *(Опускает руку в кошелек.)*

Слуга. Извините, сударыня, я узнал, что он из Савои...

Мария. Из Савои? отдай ему весь кошелек.

Слуга. Ему не нужна милостина. Он говорит, что пришел спросить у маркиза или у вас об одной молодой девушке, которую он давно отыскивает.

Мария *(живо)*. Пьерро? Это должен быть Пьерро! Пускай войдет скорее...

Слуга уходит.

Мой добрый Пьерро!.. он отнесет мое письмо... Поможет мне убежать из этого дома, если Артур... Идут! Я слышу его шаги. *(Она бросается к дверям и встречается лицом к лицу с своим отцом, который кланяется, держа в руке шляпу; в сторону)*. О! небо! Мой отец!.. *(Падает в кресла.)* Я не смею ничего сказать и никогда не скажу ему.

Бернард *(тихо)*. Простите бедному старику, прекрасная дама! Слуга сжалился над моими слезами и сказал мне у маркизы, что я здесь найду ее сына... Я прошу извинения, что обеспокоил вас.

Мария *(в сторону)*. Мой отец! как он слаб! Как он, должно быть, страдает! Боже мой! быть может, бедность!..

Бернард. Вы, без сомнения, его супруга? Вы попросите его за меня, не правда ли? и бог наградит вас!

Мария *(робко)*. А чего ты хочешь просить у маркиза?

Бернард. Его протекции и помощи, чтоб найти мою дочь. Я в Париже совершенно один и очень беден!

Мария. Беден!.. Ах! *(Она отдает ему свой кошелек.)* Возьми!

Бернард. Да, золото! оно нужно, чтоб прожить в Париже... А я так давно ищу моей дочери *(утирает глаза платком)*, моей бедной Марии, о которой я не получал никакого известия в продолжение трех месяцев! Да, да! Только для этого я принимаю милостину. *(Целует ее руку.)* Потому что, знаете ли, что сказали о ней в нашей стороне... *(Одушевляясь.)* Сказали, что она обесчещена, что она любовница какого-то знатного господина!

Мария *(в сторону)*. Боже мой!

Бернард *(одушевляясь)*. Я должен ее возвратить в мой дом столь же добродетельною, как она вышла оттуда... Видите, как я уверен, что она не потеряла своей чести! Я хочу привесть ее в наши горы в том же бедном платье...

Мария *(смотря на туалет)*. Боже мой! боже мой!

Бернард. Чтоб доказать, что золото, которое она нам присылала, не было плодом ее бесчестья.

Мария *(живо)*. О нет, нет!

Бернард. Чтоб доказать, что мы, не краснея, могли пользоваться ее золотом, которое она доставала честным трудом для поддержания жизни своей больной матери...

Мария *(в сторону)*. Больной!

Бернард. Наконец, я должен возвратить ее на родину для того, чтоб она была утешением моей бедной жены... если еще не поздно... или чтоб она оплакала ее, если мы уже не застанем ее живою... *(Плачет.)*

Мария *(забываясь)*. Что я слышу!

Бернард. Вот уже восемь дней, как она при последнем издыхании...

Мария. Она при последнем издыхании! Мать моя!

Бернард *(поднимая голову)*. О! небо! этот голос! Эти черты!..

Мария *(на коленях)*. Да, это я, батюшка! Это Мария!.. ваша дочь, которую вы ищете!

Б е р н а р д *(которого голос усиливается).* Мария в этом доме! одетая так великолепно!.. Мария!..

Молчание.

Неправда! Вы лжете! Вы не Мария, вы не дочь моя!

М а р и я. Батюшка! выслушайте меня! я невинна!

Б е р н а р д *(громовым голосом).* Вы лжете, я вам говорю! Та, которую я ищу здесь, девушка бедная, но благородная и непорочная! Вы не дочь моя... Моя дочь не может жить в отеле этого маркиза... моя дочь не может иметь слуг и карету... моя дочь не может подавать милостину своему отцу... *(Бросает кошелек.)*

М а р и я. О! простите, простите! но я...

Б е р н а р д. Вы?.. Я вам скажу, кто вы... Вы не больше как любовница знатного господина... Вы — убийца вашей матери! Потому что, когда я возвращусь один, без нашей дочери, и когда жена спросит меня: «Где Мария?» — я должен буду отвечать ей: «Мария умерла!» Это убьет ее... слышите ли вы, это убьет ее!

М а р и я. Батюшка!

Б е р н а р д. Нет! нет! ты не дочь моя... у меня нет больше дочери!.. *(Он отталкивает Марию и быстро уходит.)*

Я в л е н и е 6

М а р и я *(одна лежит на полу. Музыка играет ритурнель).*

Всё, всё мне в жизни изменило!
Изменой всё отравлено...
Как сердце пламенно любило
И разлюбить теперь должно.
Хоть я была от вас далеко,
Не изменилась я душой.
За что ж, отец мой, так жестоко
Ты поругался надо мной,
Над беззащитной сиротой!

Явление 7

Мария и Пьерро.

Пьерро. Марию... мне нужно видеть Марию и сейчас же говорить с нею. Мария! Вам должно сегодня же оставить этот дом и следовать за мною.

Мария *(сидящая в положении глубокого отчаяния)*. Никогда! мой отец нашел меня здесь и назвал преступною... но Артур поклялся жениться на мне, и я пойду отсюда только в церковь. Когда я сделаюсь его женой, мой отец поверит мне, и я буду оправдана.

Пьерро *(с твердостью)*. Но если вас обманул этот маркиз?

Мария *(холодно)*. Обманул?.. он?.. Артур?.. Нет, это невозможно!

Пьерро. Послушайте... сегодня в полдень должен был совершиться какой-то брак... не знаю, почему его замедлили, но и теперь еще множество знатных господ ожидают в церкви жениха и невесты.

Мария *(холодно)*. Ну что ж?

Пьерро. А вот что! Брак, который должен был совершиться утром, совершится вечером в приходе святого Лаврентия.

Мария *(холодно)*. Потом?

Пьерро. Мы принадлежим к тому же приходу... церковь можно увидеть отсюда, если открыть это окошко.

Мария *(припрыгивая и начиная приходить в себя)*. Это окошко? *(Идет)*. А! я понимаю! он запретил мне смотреть в него! *(Слышен звон колоколов.)* А! эти колокола...

Пьерро. Эти колокола, Мария, возвещают о браке девицы Лауры де Бреван с маркизом Артуром де Сиври.

Мария. Артур! Артур женится?.. Нет, нет! Этого не может быть! *(Подбегает к окну и отворяет его.)* Кареты... народ... при слабом свете факелов я различаю... да, цветы... везде цветы... А! невеста!.. потом... молодой человек... он подает ей руку... оборачивает голову... смотрит в эту сторону... Ах!.. *(Мария испускает пронзительный крик и с ужасом отскакивает от окна, во взоре ее заметны признаки безумия.)*

Пьерро. Ну что, Мария?.. Правду ли я вам сказал?.. Ваш Артур...

М а р и я. Артур! *(Она дико блуждает глазами, потом, приметя портрет, приближается к нему.)* Он не оставил меня... *(Показывая на портрет.)* Смотри! вот он!..

П ь е р р о. Что она говорит? Как она смотрит на меня! Боже! не помешалась ли она?.. Чу! какой-то шорох, шум... *(Подбегает к окну, выходящему в сад.)* Господи! что я вижу? у стены сада три человека тихо разговаривают между собою! Не новое ли покушение? не новый ли бесчестный замысел?

В продолжение этого времени Мария переходит на правую сторону.

Мария! они идут! слышите ли вы?.. *(Затворяет окно.)*

М а р и я. Да, он идет за мной... он хочет представить меня своей матери.

П ь е р р о. Ах! она помешалась!.. Мария! ради бога! убежим!

М а р и я *(улыбаясь)*. Чудесный бал!.. *(Кланяется.)* Да зачем же здесь нет Артура?.. без него мне страшно! *(С радостью.)*

Вот наконец он... один его взгляд
В сердце вливает мне море отрад!
Милый, что долго так не приходил?
Ты меня, бедную, чуть не убил!..
Рядом с ним дама... прекрасна, стройна...
Как я в сравнении с нею бледна!..
Кто ж она, кто?.. Мне один ее взгляд
В сердце вливает мертвительный яд!

(Говорит.) О небо! он берет ее руку... он тихо говорит с нею... *(Быстро идет по сцене.)* Артур! Ведь это я... что он сказал?.. «завтра».

Завтра... Да, завтра... умру я с тоски...
Злые придут за мной завтра враги...

Пьерро приближается.

Прочь!.. не пойду! не пойду! не пойду!
Здесь близ него я всю жизнь проведу!

(Она падает на кресла, которые находятся близ окна направо.)

П ь е р р о. Я слышу их разговор... голос командора... Что, если они воспользуются ее безумием? Нет никакого средства увести ее отсюда?.. Мария! Мария!

Мария машинально напевает на голос прощальной песни Магдалины: «Тра-ла-ла, тра-ла-ла!»

П ь е р р о. А! это вдохновение самого неба!.. Да, да, попробую! *(Быстро убегая.)*

М а р и я *(к портрету)*. Ах!.. опять ты!.. Всегда со мной!.. Не правда ли, Артур? *(Слышны звуки лютни, наигрывающей на голос прощальной песни Магдалины. Мария слушает, улыбаясь, потом, когда звуки слышатся ближе, хочет идти и говорит с восторгом.)* О, не удаляйся! не удаляйся!.. Со мной... с ним... О!.. останься! останься!

В эту минуту слышен снова звон колоколов, лютня также продолжает играть.

Опять колокола!.. А, я понимаю! Это предсмертные стенания моей матери!.. *(К портрету.)* Артур! Артур! мать моя умирает!.. Мать моя ждет меня!.. *(Она быстро уходит.)*

Явление 8

К о м а н д о р *(таинственно входит из потаенной двери)*. На этот раз, моя милая, ты не уйдешь от меня... Племянник предупредил меня... Ничего!.. лучше поздно, чем никогда!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

РАЗВЯЗКА

Театр представляет обширный деревенский сарай, уставленный столами, лавками и скамейками. Он совершенно открыт в средине, через которую видна долина Шамуни. Холм в двух направлениях идет слева направо и справа налево. На первом плане налево дверь, ведущая во внутренность хижины Бернарда.

Явление 1

Жако, Шарло, Эрбо, Фаншета, Бернард (последний сидит напереди сцены. Савояры вокруг столов).

Хор савояров.

Вот мы на родине! Вот и опять
Бог нам деревню привел увидать!
Ах! как приятно вернуться домой
После прогулки далекой такой!

Эрбо. Ну что ж, дети мои, довольны ли вы? Бог благословил ваши труды... вот вы снова здесь.

Савояры. Да, мы очень счастливы.

Жако. Нам сказали, что мы найдем вас у дедушки Бернарда. Вот мы и пришли сюда сказать вам наше первое «здравствуйте» и первую рюмку вина выпить за ваше здоровье.

Все *(пьют)*. За ваше здоровье!

Эрбо. Благодарю вас, дети мои! каково-то вы работали в Париже? Сколько ты выработал, Жако?

Жако. Сто ефимков.

Эрбо. Так много!.. каким образом?

Жако. Видите... Я скоро смекнул, в чем дело... бывало, в Париже назовешь кого-нибудь полковником, если он на это не обратит внимания, я запищу ему: господин командор, генерал, маршал... О, мне это ничего не стоило!.. Однажды какой-то толстяк дал мне пять франков за то, что я сказал ему: «Ваша светлость»!

Эрбо. А кто он был в самом деле?

Жако. Он?.. свечной фабрикант!

Эрбо *(смеясь)*. Льстец!.. А ты, Фаншета?

Фаншета. Я выработала только сто тридцать франков... я ошиблась и выбрала очень невыгодное занятие.

Эрбо. Какое?

Жако. Она была разносчицей. И бог знает о чем беспрестанно плакала, в Париже терпеть не могут плаксивых рож.

Эрбо. А ты, Шарло?

Шарло. Я зашиб четыреста франков.

Эрбо. Четыреста франков! в такое короткое время! ведь ты, кажется, уехал после всех?

Жако. Так, да у него было знатное ремесло!

Эрбо. Какое же?

Жако. У него был беленький кролик, которого он научил драться... в Париже такие штуки в ходу.

Эрбо. Я счастлив вашим счастием, друзья мои, жаль только, что вы не все еще возвратились!.. *(Подходя к Бернарду).* А что наша милая Мария?.. Вы сказали Магдалине, что она скоро возвратится.

Бернард *(вставая с мрачным видом).* Она никогда не возвратится!

Эрбо. Что вы говорите?

Бернард. Я должен был подать хоть какую-нибудь надежду Магдалине; я бы убил ее, если б сказал правду.

Эрбо. Как? что такое!

Бернард. Я бы убил ее словами: «У нас нет более дочери!» Мария погибла, она обесславлена!

Эрбо. Мария!

Бернард. Тише!.. Магдалина!.. *(Он подходит к ней. Все савояры встают.)*

Явление 2

Те же, Магдалина (которая вышла из хижины с левой стороны).

Бернард *(поддерживая, ведет Магдалину).* Зачем ты встала, Магдалина? Это тебе может повредить!

Магдалина. Ничего. Мне легче... Я предполагала, что сегодня возвратятся наши савояры, и с радостью вспомнила, что скоро приедет и Мария... Я еще не увижу ее, но, по крайней мере, прикоснусь к рукам тех, которые касались ее руки... Я не увижу ее, но услышу рассказы о ней...

Эрбо *(в сторону).* Бедная мать!

Бернард *(в сторону, отирая слезы)*. Она не знает еще о нашем несчастии.

Магдалина *(подзывает знаками к себе Жако)*. Жако, ты видел ее, не правда ли?

Жако *(приближаясь)*. Кого?

Магдалина. Мою милую Марию.

Жако. Марию... я?.. *(Бернард делает ему знак с замешательством.)* Да... нет...

Бернард *(в сторону)*. Дурак! *(Громко и с живостью)*. Ты ведь знаешь, Магдалина, что Мария не жила с ними... У нее была своя особая квартира.

Магдалина. Знаю, знаю... Она для того это сделала, чтоб не иметь перед глазами дурных примеров.

Бернард *(в сторону)*. Да, именно для того! она прекрасно воспользовалась своею предусмотрительностью!

Магдалина *(подходя к Фаншете)*. Ну а ты, Фаншета... ты часто ее видела?

Фаншета *(смотря на Эрбо и Бернарда)*. Я?.. очень часто.

Магдалина. Ну что ж она — весела, счастлива?

Фаншета. Да, она счастлива тем, что могла послать что-нибудь в деревню. Она всегда была довольна собой в тот день, когда после трудов могла сказать самой себе: «Вот еще немного денег, которые я могу послать матушке».

Магдалина *(отирая слезы)*. Она так говорила! *(Обнимая Фаншету)*. Ты добрая девушка, Фаншета; я люблю тебя! ты будешь часто ходить ко мне, не правда ли?

Фаншета. С удовольствием.

Эрбо *(которому Бернард делает знаки)*. Вам пора успокоиться, Магдалина.

Бернард. Да, поди, Магдалина. Тебе нужно спокойствие.

Магдалина. Но мне бы хотелось знать все новости о моей милой Марии. *(Она уходит вместе с Бернардом и Эрбо.)*

Жако. И нам пора. *(Повторяют первый хор и уходят.)*

Явление 3

Мария и Пьерро.

Сцена на минуту остается пустою; потом показывается Пьерро с левой стороны, на высоте горы; сходит печально до второго поворота, смотрит в ту сторону, откуда пришел, идет ли за ним Мария, и выражает пантомимою, что видит ее остановившеюся вдали. Он берет свою лютню и наигрывает арию на голос прощальной песни Магдалины. Мария показывается, она приближается неровными шагами с поникшей головой, по звукам арии, она сходит с горы. Когда Мария входит на авансцену, Пьерро перестает играть. Мария, утомленная, падает на скамейку.

Пьерро *(садясь на левую сторону)*. Наконец мы прошли двести лье! каждое утро, когда мы должны были идти вперед, глаза ее невольно возвращались назад, к Парижу. Я спешил поразить ее слух теми звуками, которые она в своем безумии называет голосом своей матери... И она шла за мной. Путешественники время от времени давали хлеба бедной безумной, с каждым днем трудности увеличивались, каждый день я говорил себе: «Не унывай, мой бедный Пьерро, на небе есть бог, который смотрит на тебя, а на земле мать, которая ждет тебя...» Ее мать!.. *(Отчаянно.)* Она там! О, боже мой! боже мой! Как ей сказать об этом несчастии.

Мария *(машинально)*. Я с ним засыпаю и с ним пробуждаюсь, им дышу..

Пьерро. Что она говорит? Мария, бедная Мария!

Мария. Кто зовет меня?

Пьерро. Я, Пьерро, твой друг.

Явление 4

Те же, Бернард.

Бернард. Да, оставим ей хоть небольшую надежду, которой я уже совершенно не имею. *(Оборотясь и увидя Пьерро.)* Кого я вижу?.. Пьерро!.. И с ним... О, боже мой! лицо ее бледно! глаза ее безумны...

Пьерро. Вы не ошиблись, Бернард; это бедная безумная, которую я к вам привел.

Бернард. Безумная! Безумная за то, что была преступна!

П ь е р р о *(с усилием)*. Преступна! что он сказал? Преступна! Это неправда! слышите ли вы, это неправда!

Б е р н а р д. Что ты говоришь?

П ь е р р о *(так же)*. Если б Мария была преступна, она не возвратилась бы из Парижа на родину, я не прошел бы с ней двести лье, чтоб привести к умирающей матери больную дочь! слышите ли вы, Бернард, вы оклеветали родную дочь! *(Плачет.)*

Б е р н а р д *(с радостию)*. Возможно ли? честь моей Марии, моей бедной дочери, не посрамлена! Мария достойна нас!.. Но расскажи нам, мой друг Пьерро...

П ь е р р о *(грубо)*. Сперва нужно позаботиться об ней... после вы всё узнаете. *(Он подходит к Марии.)*

Б е р н а р д. А ее мать... великий боже!.. ее мать!.. если она увидит ее в таком положении! Если б я попробовал поговорить с нею.

П ь е р р о. Нет, погодите. Сперва я... Мария!

М а р и я. Мария!

П ь е р р о. Это я — Пьерро!.. Вы знаете Пьерро?

М а р и я. Пьерро? Ах! идти, снова идти! *(Она встает и опять садится, почти упадая.)* О, как я много страдаю!

Б е р н а р д. Бедная дочь моя!

П ь е р р о. Нет, Мария, нет! Нам не нужно больше идти... мы уже пришли.

М а р и я. Пришли?

П ь е р р о. Да. Посмотрите: вот деревня... Вы узнаете эту деревню?

М а р и я *(смотря вокруг себя, поднимается и идет в глубину театра)*. Деревня! Ах, да, да! деревня! как здесь хорошо!

Б е р н а р д. Есть надежда!

М а р и я. Деревня, хижина!.. нужно ехать... идти туда... в Париж.

Б е р н а р д. Опять!

М а р и я. Да, мне нужно идти. Прощайте, прощайте! *(Она делает несколько шагов и останавливается.)* Но мне нужно, нужно, чтоб кто-нибудь меня предостерегал... чтоб я не верила, когда мне скажет он: «Я люблю тебя!» — чтоб оттолкнуть его, когда он будет лежать у ног моих...

Играют арию.

Это талисман, талисман, которым благословила меня мать... *(С радостью.)* Да, да... это он!.. *(Бросаясь на колени, она поет.)*

Работай больше и честней,
Молись... с молитвой грусть забудешь.
И думай иногда о...

(Она припоминает.)

И думай... и думай...

(Останавливается и опускает голову. Бернард и Пьерро в отчаянии.)

Явление 5

Те же, Магдалина, Эрбо.

Они являются на пороге двери в то время, когда Мария поет. Эрбо старается удержать Магдалину, но она дрожащими шагами приближается к Марии, стоящей на коленях, кладет ей руки на голову и продолжает петь.

Магдалина.

И думай иногда о матери твоей!
За это счастлива ты будешь...

Ее голос поражает Марию, она мало-помалу поднимается, смотрит на Магдалину, хочет говорить, но из груди ее вырываются только крики, задушаемые рыданьями. Она протягивает руки к Магдалине.

Мария. Матушка! матушка! *(Она падает почти без чувств на грудь матери.)*

Пьерро и Бернард. Спасена! спасена!

Магдалина *(с радостью)*. Ах! она меня узнала!.. О, вы не знаете, какое влияние может иметь мать на свою дочь!

Мария приходит в себя, все окружают ее.

Эрбо. Погодите!

Пьерро. Она открывает глаза!

Мария. Матушка!.. она жива... жива!.. так это был сон?

Все. Да, да, Мария! это был сон!

Мария *(смотря в лицо своему отцу).* А!.. батюшка! батюшка! И ты жив!.. *(Улыбаясь.)* О, как ты страшен был в этом сне!

Бернард *(в сторону).* Боже мой! благодарю тебя! дочь моя не отталкивает меня!

Мария. И Пьерро... и господин Эрбо... Вы все здесь... А он... Арт... *(С ужасом.)* Нет, не Артур... Андре!.. Андре!..

Все. Андре!

Мария. Я его тоже увижу, когда пойду в горы... Не правда ли?

Все. Что она говорит?

Маркиз *(снаружи).* Мария!.. милая Мария!

Мария. Этот голос... оставьте меня!.. это он!.. он! Я вам говорю... Я увижу его... Андре!

Бернард. Всё погибло!

Явление 6

Те же, командор, маркиз де Сиври.

Командор *(выходя с левой стороны).* Здесь, здесь!

Маркиз. Мария! Мария!..

Мария. Андре!.. *(Увидя его богатый наряд, она отходит и говорит с отчаянием.)* Артур!.. О, так это не сон! *(Скрывает свое лицо на груди матери.)*

Маркиз. Да, Мария! Это Артур!.. но Артур навсегда свободный! твой на всю жизнь!.. Этот ненавистный брак не состоялся!.. И теперь, когда матушка моя умерла, я наконец твой... О, прости меня за твои слезы и страдания... Будь моей женой, Мария! моей женой!

Все. Его женой!

Мария. Артур! Артур!.. Это он... а я... невеста его... О, как я счастлива!.. Боже мой! как я счастлива! *(Бросается в объятия Артура.)*

Командор. И меня простите, прелестная Мария... Я хоть и волокита, но добрый дядя моего племянника... ведь я расстроил его свадьбу и сам женюсь на его невесте!

КОЛЬЦО МАРКИЗЫ, ИЛИ НОЧЬ В ХЛОПОТАХ

ВОДЕВИЛЬ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ, ПЕРЕВЕДЕННЫЙ С ФРАНЦУЗСКОГО Н. ПЕРЕПЕЛЬСКИМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маркиз де Люси.
Маркиза Гортензия, его жена.
Мариетта, горничная маркизы.
Виконт Альфред, кавалерийский офицер.
Руже, садовник.
Пикар, слуга.

Действие происходит в Фонтенбло, на даче маркиза.

Театр представляет зал времен Людовика XV. Налево комнаты маркизы, направо комнаты маркиза и дверь в комнату Мариетты, Открытое окно, выходящее в сад; в окно видна верхняя часть приставленной к нему лестницы.

Явление 1

Пикар, потом Мариетта.

При поднятии занавеса на сцене пусто и темно. Пикар приносит два подсвечника с восковыми свечами и ставит их на столик под зеркалом.

Мариетта *(в комнате налево)*. Это ты, Пикар?

Пикар. Да, я принес огня.

Мариетта. Барыня еще в саду?

Пикар *(подходя к окну)*. Да... она прогуливается со своим кузеном.

Мариетта. А!

П и к а р *(смотря за окно)*. Ба! что ты там делаешь? разве можно подрезывать деревья в девять часов, при свете луны?

Р у ж е *(из сада)*. Делаю, что нужно... и не прошу мне указывать.

П и к а р. По крайней мере, отодвинь лестницу. Что ты прислонил ее к самому окошку?

Р у ж е. Отодвину, когда будет нужно.

П и к а р. Какой сердитый человек!

М а р и е т т а *(входя)*. Кто? Руже?.. не правда ли?.. О, переменится, когда будет моим мужем!

П и к а р. Едва ли!.. Вы ничего мне не прикажете?

М а р и е т т а. Нет... я сама жду приказаний барыни.

П и к а р. Она еще и не думает одеваться. А уж пора! В Фонтенбло беспрестанно приезжают кареты с знатными господами, все они разодеты так пышно... там сегодня придворный бал.

М а р и е т т а. Маркиза не поедет туда; ей не с кем ехать, маркиз в Париже.

П и к а р. Я думал, что она поедет с виконтом.

М а р и е т т а. О! Маркиза не ездит на балы ни с кем, кроме мужа!

П и к а р. Стало быть, во мне надобности не будет?

М а р и е т т а. Да.

П и к а р. Поужинаю и лягу спать! Добрый вечер!

М а р и е т т а. Прощай!

Пикар уходит.

Я в л е н и е 2

М а р и е т т а *(одна рассматривает свою работу)*. Надеюсь, что Руже будет доволен... галстух прелестный... и я сама его шила!.. *(Вздыхая.)* Мой жених не так хорош собой... но в муже, говорят, недостаток красоты ничего не значит... Притом маркиза хочет, чтоб я вышла замуж, и обещала устроить нашу будущность... она так добра ко мне... Да кончится ли у них сегодня эта прогулка? *(Она подходит к окну.)* Опять вместе!.. гм!.. Эти продолжительные прогулки, томные взоры, полуслова... О, я понимаю, что они значат... нехотя понимаю... такие вещи девушки чрезвычайно хорошо понимают... хоть никто их не учит. *(Отходит от окна.)*

Не долго нас незнанье мучит;
Чуть закипит огонь в крови,
Сейчас же сердце нас научит
Всем тайнам языка любви.
Не верьте, если уверяем,
Что не понять нам слов иных,
А сами взоры потупляем,
Краснеем при намеках злых.
Притворство явно и безбожно!
Зачем бы взоры потуплять?
Того стыдиться невозможно,
Что невозможно понимать!
Нам всё понятно чрезвычайно,
И существует под луной
В шестнадцать лет одна лишь тайна...
А иногда — и ни одной!..

Ах! зачем Руже не так хорош, как виконт Альфред?.. или зачем я не маркиза? Тогда, может быть, я вышла бы за хорошенького офицерика.

Явление 3

Руже и Мариетта.

Руже (*на лестнице*). Славно!.. очень хорошо!.. братец с сестрицей не расстаются!.. Я чрезвычайно доволен... А! Господин маркиз, вы говорите, что я дурен собой, рыж, как старая крыса... Вы говорите, что, когда я женюсь, то буду иметь неприятности, как внутренние, так и внешние... Тем лучше, участь моя будет одинакова с вашею,— а ведь вы маркиз, богач, брюнет!.. У вас волосы как у вороной лошади! всё пойдет как по маслу!

Мариетта (*услыша последние слова*). Что такое, Руже?.. что пойдет по маслу?.. а? да отвечай же!..

Руже. Ничего... ничего... дело касается собственно до меня.

Мариетта. Верно, еще какие-нибудь проказы? Правду ли говорят, что ты зол, как...

Руже (*прыгает через окно в комнату*). Ну, ну!.. зол, как... скажи... я не рассержусь... О! никакое твое слово, никакое ругательство не рассердит меня! Назови меня

свиньей, кротом, бараном, каким хочешь скотом назови, я всё снесу от тебя, моя невеста, моя жена! Да, жена! завтра наша свадьба! *(С жаром.)* Мариетта... завтра наша свадьба! и...

Мариетта. Завтра?.. боже мой!.. зачем так спешить?

Руже. Зачем спешить?.. Она еще спрашивает! прошу покорно! Я спешу по двум причинам... во-первых, потому...

Мариетта *(с живостью)*. Руже... *(Опускает глазки.)*

Руже. Краснеть и опускать глазки тут не для чего... я не скажу ничего неприятного... Притом в наших обстоятельствах можно позволить себе...

Мариетта *(ударяя его по рукам)*. Ничего нельзя позволить!

Руже. Во-вторых... Маркиз уж два месяца как уехал и, вероятно, скоро воротится, а мне хочется сыграть нашу свадьбу до его приезда.

Мариетта. Почему?

Руже. Он, пожалуй, расстроит нашу свадьбу... из сострадания ко мне... ха! ха! ха! В глазах его будет такой печальный пример... *(Он подходит к окну.)* Какая умилительная картина... я в восхищении!.. Чем предсказывать другим подобные вещи, вам, господин маркиз, лучше было бы подумать о себе... А вы понадеялись на свои черные волосы... Ха! ха! ха! Вот вам, черные волосы!..

Мариетта *(в сторону)*. Что он говорит? Неужели он во мне сомневается?

Руже *(отходя от окна)*. Ах да! я забыл самое главное. *(Шарит в кармане.)*

Мариетта. Что такое?

Руже. Вот первое звено наших супружеских уз... кольцо... в подарок моей милой невесте, моей Мариетте.

Мариетта *(рассматривая кольцо)*. Руже... Мариетта...

Руже. И два пылающие сердца...

Мариетта. Прелесть!

Руже. Кто? я прелесть?

Мариетта. Нет, кольцо.

Руже. Кольцо!.. Я думаю! его не стыдно носить хоть какой знатной госпоже; такое точно есть у маркизы.

Мариетта *(надевая кольцо на палец)*. Ах! как чудесно!.. *(Взяв и показывая галстух.)* Я тоже готовлю тебе подарок.

Руже. Мне?.. ты?.. галстух! О, я задохнусь от восхищения!

Мариетта. Завтра он будет готов...

Руже. Тише!..

Мариетта. Что такое?

Руже *(показывая на сердце)*. Приложи твое ушко сюда.

Мариетта *(наклоняясь)*. Ну что ж?

Руже. Слышишь? сердце бьется, как подстреленный воробей... *(Он обнимает ее.)* Вот какое восхитительное биение произвела ты во мне, Мариетта... А мне предсказывал маркиз, что ты меня бить будешь!.. неужли это правда?..

Мариетта *(с живостью)*. Тише!.. Маркиза! *(Она переходит сцену.)*

Явление 4

Те же, Гортензия и Альфред.

Гортензия. Нет, Альфред, вы напрасно тратите ваши убеждения.

Руже *(в сторону)*. Он, кажется, об чем-то просит ее!

Гортензия. То, чего вы требуете от меня,— невозможно!

Руже *(в сторону)*. О! если только невозможно!

Гортензия *(увидя Мариетту)*. А! Мариетта... ты здесь... нет ли писем из Парижа?

Мариетта. Нет, сударыня.

Гортензия *(печально)*. Ах! *(Мариетте.)* Оставь нас.

Мариетта уходит и за нею уходит Руже.

Явление 5

Гортензия и Альфред.

Гортензия. В восемь дней не написать ни одной строчки!

Альфред. Такая невнимательность непростительна, но она не удивляет меня... Маркиз — человек неблагодарный.

Гортензия. Я не могу... не хочу этому верить.

Альфред. Право, милая кузина, я не понимаю вас... как можно отказаться от такого невинного удовольствия!

Гортензия. Я отказываюсь!

Альфред. Бал будет блестящий.

Гортензия. Знаю.

Альфред. При дворе давно не было такого бала.

Гортензия. Не раздражайте моего любопытства! Я не могу быть сегодня на бале, каков бы он ни был!

Альфред. Отчего? Я не вижу никакой причины!.. Позовите вашу горничную и велите подать одеться... я покуда схожу домой и через четверть часа буду ожидать вас у двери парка со своей каретой.

Гортензия. Нет... нет и нет!

Альфред. Вы меня убиваете!

Гортензия. А мой муж... Что он скажет? Он такой ревнивец! что он скажет, если узнает, что в его отсутствие, без его позволения...

Альфред. Он сам виноват: обещал быть с вами на сегодняшнем бале... зачем же не сдержал слова? за это стоит его наказать.

Гортензия. Да, конечно... Но я уверена, что маркиз замешкался в Париже по делам своего полка, иначе он был бы теперь непременно здесь.

Альфред. Вы так думаете?

Гортензия. Нет никакого повода сомневаться.

Нам узы брачные не скучны,
Маркиз внимателен и мил.
Когда мы были неразлучны,
Всё о любви мне говорил.
Теперь, с тех пор как мы не вместе,
Он то же в письмах говорит.
И — я ручаюсь — по приезде
На деле то же подтвердит!

Альфред. Счастливая уверенность! Мечта обманчивая, но утешительная!

Гортензия *(с беспокойством)*. Мечта? Что вы хотите сказать?

Альфред. О! ничего... Вы мне не поверите.

Гортензия. Вы мучаете меня своими намеками... Разве нельзя сказать прямо?.. Ну! говорите, что вы знаете?

Альфред. Я получил письмо...

Гортензия. Письмо?

Альфред. От Октавия, моего приятеля, офицера, живущего в Париже.

Гортензия. Что ж он пишет вам?

Альфред. Глупости!

Гортензия. Говорите же!

Альфред. Он пишет, что дела полковника не так важны, как он говорил... и что в то время, как вы умираете со скуки в Фонтенбло, ваш любезный маркиз...

Гортензия *(в сторону)*. Он меня обманывает? О... Так вам очень хочется, чтоб я была на бале?.. Ну что ж! а вы покажете мне письмо?

Альфред. А вы поедете?

Гортензия. Может быть!

Альфред. Но...

Гортензия. Письмо, сударь, письмо...

Альфред. Вот оно... вы видите? из Парижа!

Гортензия *(задумчиво)*. Из Парижа!

Альфред *(в сторону)*. Мой камердинер третьего дня подал его на почту!

Гортензия. Боже мой!.. я вся дрожу!..

Альфред. Бросьте, милая кузина, не читайте!

Гортензия. О! неизвестность теперь для меня гораздо мучительнее. *(Читая.)* «Мой любезный Альфред»...

Альфред. Подальше... внизу страницы...

Гортензия *(читая)*. «Восемь дней назад я писал тебе, что твой почтенный кузен, полковник де Люси...» А, так ваш друг писал вам и прежде?..

Альфред. Несколько раз. Но я не говорил вам...

Гортензия *(продолжая читать)*. «...де Люси, наконец покорился победоносным взорам прелестной баронессы... Она, гордая своей победой, везде является со своим пленником, прикованным к ее торжественной колеснице... Вчера еще на бале, в опере...» *(Движение ревности.)* А!..

Альфред *(взявши от нее письмо)*. Довольно... довольно, кузина.

Гортензия *(сама с собой)*. Так вот в чем заключается множество дел, которыми он занят! Так вот за какой работой он просиживает целые ночи! И я ему верила!.. *(Звонит.)*

Альфред *(в сторону.)* Я торжествую!

Гортензия.

Он жизнь ведет в пирах, неблагодарный!
А я одна здесь плачу и грущу!
Но дорог вам поступок ваш коварный,
Его, маркиз, вовек я не прощу!
В такую он придется вам монету,
Какой ничем потом не искупить.

Альфред *(в сторону)*.

О, боже мой! я отдал бы полсвета,
Чтоб эту мне монету получить!..

Она звонит довольно долго, с нетерпением.

Явление 6

Те же, Мариетта, потом Руже.

Мариетта *(вбегая)*. Что вам угодно, сударыня?

Гортензия. Скорей, Мариетта, приготовь мне домино и приходи в мою комнату одеть меня.

Мариетта. Вы изволите ехать на бал?

Гортензия. Да.

Мариетта. С маркизом?

Гортензия. Да иди же.

Мариетта *(в сторону)*. На бал... с Альфредом! *(Она уходит налево)*.

Гортензия *(Альфреду)*. Ваша тетушка и сестрица поедут с нами?

Альфред. Без сомнения!.. Теперь вы восхитительны!.. *(Он целует ее руку.)*

Руже *(появляясь наверху лестницы)*. А!..

Альфред. Что?

Руже. Маркиза звонить изволила?

Альфред *(оборачиваясь)*. Что такое?

Гортензия. Ты зачем?.. Что ты там делаешь?

Руже. Я хотел отставить лестницу и вдруг услышал колокольчик... деринь-динь-динь-деринь... Звонили так шибко... я думал, что-нибудь очень нужно... вот и пришел поскорее.

Гортензия. Хорошо... ступай, ты мне не нужен. *(Альфреду.)* Не заставьте ждать себя.

Альфред. Я явлюсь сюда через десять минут.

Руже *(хочет сойти)*. А! свидание!

Гортензия.

Не замешкайтесь напрасно,
Возвратитесь в пять минут!
Маскарад и бал прекрасный
При дворе нас нынче ждут.

Альфред. *Вместе*

Не замешкаюсь напрасно,
Возвращуся в пять минут!
Маскарад и бал прекрасный
При дворе нас нынче ждут!

Гортензия уходит в свои комнаты налево.

Альфред *(сам с собою)*. Победа!.. она моя!.. А! мой милый кузен... вы воспользовались моим пребыванием в армии и похитили у меня ту, которую я любил!.. теперь моя очередь воспользоваться вашим отсутствием. *(Уходит.)*

Явление 7

Руже (один, вскакивает через окно в комнату).

Руже. Через десять минут... они спешат по-курьерски!.. А! господин маркиз, как-то вы будете теперь посмеиваться надо мной! как-то будете говорить: «Не женись, рыжий дурак! ты дурен собой; жена тебе приставит рога!» Ха! ха! ха! Маркиза через десять минут назначила свидание... каково, господин умный маркиз с черными волосами?..

В комнате Гортензии слышен колокольчик.

Явление 8

Руже, Мариетта (несет домино и маленький ящичек с брильянтами).

Руже *(останавливая Мариетту)*. Это что такое?

Мариетта *(тихо, с таинственностью)*. Маркиза едет на бал.

Руже. На бал!

Мариетта. Да, с Альфредом.

Руже. Славно, славно!.. и свидание через десять минут... Браво!

Мариетта. Не задерживай меня... я тороплюсь...

Руже. Ах! подожди!.. право, как я увижу тебя, забываю всё на свете.

Мариетта. А что у тебя в руках?

Руже. Письмо к маркизе.

Мариетта. От маркиза?

Руже. Сегодня получено... Но не нужно теперь отдавать. Не то она, пожалуй, прочтет и не поедет на бал.

Мариетта. Тем лучше... Она идет!

Явление 9

Те же и Гортензия.

Гортензия. Иди же, Мариетта, что ты там делаешь?

Мариетта. Письмо... из Парижа, сударыня.

Гортензия *(с живостью)*. От маркиза!.. где оно?

Мариетта *(Руже)*. Подай!

Руже *(подавая письмо)*. Извольте, сударыня. *(В сторону.)* Жаль, раненько я проговорился.

Мариетта *(в сторону)*. Если б письмо переменило ее намерение... *(Она кладет домино и ящичек на кресла.)*

Гортензия *(читает)*. «Наконец, мой друг, дела мои кончены; я надеюсь сегодня выехать из Парижа и скоро буду подле моей Гортензии... разлука с тобой измучила меня!»

Руже *(тихо Мариетте)*. Мне хотелось бы знать, что там написано.

Мариетта *(Руже)*. Молчи!

Гортензия *(размышляя)*. «Разлука с тобой измучила меня!..» А то, что сказал мне Альфред... письмо, которое он показал мне...

Руже. Эге! Она не слишком обрадовалась.

Мариетта *(зажимая ему рот рукою)*. Да замолчишь ли ты?

Гортензия. В самом деле! он, может быть, раскаялся... что оставил здесь меня одну... О! боже мой! чему верить?.. что делать?.. Отправлюсь на бал!

Нет, нет! мне лучше погодить:
Для мести срок еще так длинен!..
Что, как начну теперь же мстить,
А муж окажется невинен?
Чем назовут поступок мой?
Я от стыда сгорю в минуту.
Тогда не муж передо мной,
Я перед ним преступна буду!

(Громко.) Мариетта!

Мариетта *(подходя)*. Что вам угодно, сударыня?

Гортензия. Я не буду одеваться.

Мариетта. Как? а бал?..

Гортензия. Я не поеду!

Руже *(в отдалении)*. Ну так и есть, маркиз запретил ей... как она вдруг стала печальна!.. если б... Альфред пришел утешить ее...

Гортензия. Руже!

Руже *(подходя)*. Что угодно, сударыня?

Гортензия. Дождись Альфреда у ворот парка... и, когда он придет, скажи ему... что я нездорова... что у меня мигрень... словом, скажи, что я не могу его видеть.

Руже *(в сторону)*. Не могу, не могу!.. Зачем так значительно сказала она: не могу! Что-то двусмысленно!

Гортензия. Ступай, Руже, ступай, мой друг!

Руже *(в сторону)*. Друг?.. Я ей друг! Она мне льстит, ласкает меня, чтоб получше надуть! напрасный труд! она не может с ним видеться!.. Гм!.. как не поверить... Ах! бедненький маркиз!.. бедный маркиз! *(Проходя мимо Мариетты.)* Спокойной ночи. *(Уходя.)* Подумай обо мне! Мариетта... чудесные сны увидишь!

Явление 10

Мариетта, Гортензия.

Гортензия *(перечитывая письмо)*. Как долго тянется ночь!.. *(Мариетте.)* Который час?

Мариетта. Скоро одиннадцать, сударыня.

Гортензия. Как рано! *(Она идет и, увидя домино, останавливается.)* Этот наряд... я не надела его... я раздумала... А он, в то время как я обрекла себя на скуку одиночества, может быть, веселится в Париже... Но зачем

я тревожу себя такими печальными мыслями?.. Чтоб отогнать от себя невольные подозрения, пойду перечитывать его письмо. *(Она отворяет свою дверь.)*

Мариетта. Вам не нужно меня, сударыня?

Гортензия. Нет. Мариетта... спи спокойно, дитя мое... Я хочу быть одна. *(Она уходит.)*

Явление 11

Мариетта (одна).

Мариетта *(одна)*. Письмо маркиза переменило ее намерения; тем лучше!.. Альфреду откажут — еще лучше!.. *(Прислушиваясь.)* А! Руже запирает решетку... он уж, верно, объяснился с Альфредом!.. Воображаю, как будет досадно обманутому волоките... Я уверена, со злости он убежит на бал, на который ему не удалось заманить маркизу. Прекрасно! Я очень рада!.. Однако пора всё это убрать... *(Она рассматривает ящик с брильянтами.)* Какие прекрасные брильянты!.. Завтра будут подписывать наш брачный контракт! если б я могла в них нарядиться!.. *(Она идет посмотреть налево.)* Маркиза в своих комнатах... я одна... никто не увидит... *(Надевает ожерелье.)* О! как мило!.. Сразу придает вид знатной дамы!.. *(Берет серьги.)* Во всё время, как я здесь... мне только приходится смотреть на эти прекрасные вещи... смотреть и только! *(Вдевает серьги и смотрит.)* Боже мой! как я теперь хороша! Жаль, что я не могу ехать на бал вместо маркизы... Я бы очаровала всех!.. Ах! наша участь печальна! для нас не существует никаких удовольствий! мы бедны! *(Надевает домино, которое в продолжение предыдущих слов рассматривала.)* Как будто оно для меня сделано! *(Закрывается капюшоном.)* Удивительно хорошо!..

Когда б Руже мой милый
Был, как маркиз, богат,
Я вечно б так ходила...
Пленительный наряд!
Под маской только трудно,
Я думаю, дышать!

(Надевает маску, смотрится в зеркало, в испуге отскакивает, снимает маску и оглядывается вокруг себя.)

Ах, что за призрак чудный,
Куда мне убежать! *(Смеясь.)*

Вот смех! я испугалась
Ошибки препустой:
Маркизой показалась
Я вдруг себе самой!
Скажите, неужели
Я так мила, стройна,
Что с модной в самом деле
Маркизою сходна?

Ах! как я бы веселилась на сегодняшнем бале!.. я бы кокетничала с Альфредом... *(Снова надевает маску.)* Здравствуй, beau masque!..* Нехорошо, очень нехорошо: пользуясь отсутствием маркиза, вы строите куры его жене... Нет... он бы узнал меня!.. А может быть... не узнал бы... как знать... *(Повторение последних четырех стихов куплета. Она останавливается и слушает.)* Под окном кто-то шевелится... должно быть, Руже... Верно, свет в этой комнате показался ему подозрительным... Он так любопытен... Всё хочет видеть, всё знать... хорошо же, я прекрасно обману его.

Ночь.

Явление 12

Мариетта, Альфред.

Альфред. Это она!

Мариетта гасит свечу.

Она погасила свечу!

Мариетта. Что? кто там?..

Альфред *(влезая в окно)*. Она хочет уйти от меня.

Мариетта. Это Альфред!

Альфред. Гортензия... милая Гортензия!

Мариетта *(в сторону)*. Он принимает меня за маркизу... Проберусь поскорее в свою комнату. *(Сталкивается с Альфредом.)* Ну, теперь я попалась!

---

* прекрасная маска *(франц.)*

Альфред. Зачем бежать от меня?

Мариетта *(в сторону)*. Что мне сказать?

Альфред. Ваш нечаянный отказ... мигрень... насмешливый вид Руже — всё это показалось мне странным; и я, вопреки вашему приказанию, пробрался в сад...

Мариетта *(в сторону)*. Как он дерзок!

Альфред. Я подошел к окну и увидел тень, которую тотчас узнало мое сердце...

Мариетта *(в сторону)*. Узнало, да не совсем!

Альфред. И теперь я пришел спросить о причине вашего отказа. Скажите, ради бога, что заставило вас переменить ваше намерение?

Мариетта *(в сторону)*. Как бы мне убежать от него!

Альфред *(в сторону)*. Ее голос дрожит... она в испуге... нужно пользоваться такими обстоятельствами!.. *(Громко.)* Милая кузина!

Мариетта *(в сторону, со страхом)*. Ах! боже мой!

Альфред. Я не могу долее скрывать от вас моих чувств... Я люблю вас, люблю всеми силами души моей.

Мариетта *(в сторону)*. А! так он не говорил еще этого маркизе!

Альфред. Я надеялся, что ваше сердце сочувствует моим страданиям, я думал, что вы сжалитесь надо мной...

Мариетта *(немного отходя)*. У него голос гораздо лучше, чем у Руже!

Альфред *(приближаясь)*. Я не многого прошу от вас...

Мариетта *(в сторону)*. Чего ж он просит?

Альфред. Поедемте на бал!

Мариетта *(в сторону)*. Вот что!

Альфред. Чего вы боитесь?.. под маскою все женщины похожи одна на другую, не думаю, чтоб кто-нибудь мог узнать вас.

Мариетта *(в сторону, улыбаясь)*. Даже и сам он не узнает!

Альфред. Среди толпы я буду только вас видеть, об вас только думать... О, какое блаженство! Я прижму к своему сердцу вашу обольстительную ручку, я обхвачу рукой вашу чудную талию.

Мариетта *(еще отодвигаясь)*. Я думаю, и самой маркизе было бы приятно слышать такие нежности!

Альфред.

Согласитесь! там отрадно
Будет сердцу и душе!

Мариетта *(в сторону)*.

Быть на бале мне приятно,
Но что скажет мой Руже?

Вместе.

Бал хорош неимоверно!
Что ж не ехать вам/мне на бал?
Всякий быть на нем, наверно,
За блаженство бы считал!

Альфред *(приближаясь к ней)*.

Если б смел я до отъезда...

Мариетта *(отскакивая в сторону)*.

Что он хочет — ой! ой! ой!
Я ведь, кажется, невеста,
И не он жених ведь мой!

(Говорит.) Альфред!

Альфред *(обнимает ее, несмотря на сопротивление)*.

Ах! обнять вас так отрадно,
Сладко сердцу и душе!

Мариетта *(в сторону)*.

Это мне самой приятно,
Но приятно ли Руже?

(Повторение общего куплета.)

Руже *(за кулисами)*. Извольте держаться за перила, господин маркиз, на лестнице темновато.

Мариетта *(в сторону)*. Боже!

Альфред. Ах! черт возьми!

Мариетта *(в сторону)*. Голос Руже!

Альфред *(сам с собой)*. Руже говорит с маркизом... Вот вовремя черт их принес!

Мариетта *(в сторону)*. Что-то будет! Я дрожу от страха!

Альфред *(подходит к окну)*. Лестница отнята... бежать невозможно!.. А!.. вот дверь!.. *(Уходя к Мариетте и таща ее за руку.)* Идите в свои комнаты, Гортензия; но на память дайте мне кольцо с вашей божественной ручки, оно будет напоминать мне о лучшей минуте моей жизни. *(Обнимает ее.)*

Мариетта *(в сторону)*. Он меня обнимает! Ах! кольцо!.. *(Громко.)* Но, Альфред...

Альфред. Прости!.. прости!.. *(Бросается в комнату направо и затворяет дверь.)*

Мариетта. Как! он ушел в комнаты маркиза!.. Ах! мне нужно спасаться самой. *(Уходит в свою комнату.)*

Альфред *(снова являясь)*. Я забыл шляпу. *(Берет свою шляпу, потом уходит, в то время является Руже и видит, как Альфред затворяет дверь.)*

Явление 13

Маркиз, Руже.

Руже *(сам с собою)*. А! он там!

Маркиз *(входя)*. Что ты говоришь?

Руже *(потирая ногу)*. Ничего! Я говорю: ой! ой! ой! ушиб ногу!

Маркиз. Не кричи, болван, разбудишь маркизу!

Руже *(с насмешкой)*. О! я уверен, что маркиза еще не спит!

Маркиз. Ну вот, рассказывай тут! уж двенадцать часов.

Руже *(в сторону)*. Все двери заперты на крючок... Я в пору отнял лестницу!.. он не уйдет!

Маркиз *(снимая плащ)*. Вот я и дома... А ты отчего до сих пор не лег спать?

Руже. Я исполнял свою должность: стерег сад.

Маркиз. Стерег сад! Ты бы поберег свои способности по этой части на будущее время: тебе надоест еще стеречь жену, когда ты женишься!

Руже. О, не опасайтесь, сударь!.. Я мастер своего дела. *(С злобным видом посматривая вправо.)* Я всё вижу, что здесь делается.

Маркиз. Впрочем, едва ли ты найдешь себе невесту... С твоей наружностью...

Руже *(в сторону)*. Вот уж опять начал подтрунивать! *(Громко.)* Однако ж дело о моей свадьбе завтра кончится, господин маркиз.

Маркиз. Как? ты женишься?

Руже. На Марпетте!..

Маркиз. Она наконец согласилась?.. Ах, бедный Руже! ты женишься! для чего?.. ха! ха! ха!..

Руже *(в сторону)*. Да, да... смейтесь себе, смейтесь!..

Маркиз *(приближаясь)*. Почему ж мне не смеяться?

Руже. Что вам угодно?

Маркиз. Что ты сказал?

Руже *(со страхом)*. Я?.. А! да... я сказал, что тот довольно подозрительный человек, кто приходит в полночь...

Маркиз. Ты не ожидал меня... а?

Руже. Правда, что... вас не ждали!

Маркиз. Я хотел поскорее удивить маркизу.

Руже. Прекрасная мысль!

Маркиз. Измучил лошадей, чтобы поспеть вовремя.

Руже. Да, в добрый час и поспели...

Маркиз. Но, к несчастью, опоздал!

Руже. Да, немножко... *(Отворачивается и смеется.)*

Маркиз. Бедная Гортензия!.. я обещал ехать с ней сегодня на бал... и если б не сломалась карета в четырех лье отсюда...

Руже. О! с мужьями всегда случаются такие обстоятельства!

Маркиз. Я больше часа прождал, пока ее починили... устал и умираю от голода.

Руже *(в сторону)*. Все удовольствия зараз. *(Громко.)* Не угодно ли вам лечь спать, маркиз?

Маркиз. Ты с ума сошел, я хочу есть.

Руже. Прикажете подать ужин на вашу половину?

Маркиз. Мне и здесь хорошо... Принеси чего-нибудь...

Руже. Слушаюсь... сейчас принесу на вашу половину, сударь.

Маркиз. Да иди скорей!

Руже. Вам было бы спокойней на вашей половине.

Маркиз *(сам с собою)*. В самом деле, почему ж я не ужинаю на своей половине?

Явление 14

Те же, Мариетта.

Мариетта. Что там такое, Руже?.. Не звонила ли маркиза?

Руже. Нет; маркиз приехал.

Мариетта *(притворяясь удивленной)*. Господин маркиз воротился!.. какое счастье!..

Маркиз. Здравствуй, Мариетта.

Мариетта. Как маркиза будет вам рада, сударь!.. я думаю, вы не останетесь в этой зале?

Маркиз *(удивленный)*. Что! как? и она тоже?..

Руже. Вам, сударь, там будет гораздо спокойнее.

Мариетта. Вы пойдете к барыне.

Руже. У маркизы мигрень... ей нужно спокойствие!

Мариетта. Совсем нет; маркиза здорова, она будет бранить меня, если я не скажу о вашем приезде.

Руже. Не слушайте ее, сударь... идите в свои комнаты.

Мариетта. Не обращайте внимания на его слова... идите к маркизе.

Маркиз *(в сторону)*. Странно!.. один хочет, чтоб я шел направо, а другая посылает меня налево; тут кроется какая-нибудь тайна. *(Громко, наблюдая за Руже и Мариеттой.)* Да, я пойду справиться о здоровье маркизы.

Мариетта *(в сторону)*. Ну, слава богу!

Маркиз. А потом пойду на свою половину.

Руже *(в сторону)*. Чудесно!.. молодчик-то не уйдет.

Маркиз *(в сторону)*. Так и есть... у них какая-то тайна... *(Громко.)* Ну, Руже, ужин!..

Руже. Сейчас, сударь.

Руже уходит. Мариетта также хочет уйти, маркиз останавливает ее.

Мариетта. Я пойду уведомить барыню.

Явление 15

Мариетта, маркиз, потом Руже.

Маркиз *(строго)*. Останься; я тебе приказываю.

Мариетта *(в сторону)*. Ах, боже мой!

Маркиз. Ты знаешь, что я люблю откровенность, скажи мне, что здесь происходило без меня.

Мариетта *(в ужасе)*. Но, господин маркиз... здесь ничего не было, я ничего не знаю. *(В сторону.)* О, боже мой!

Маркиз. Меня не легко обмануть; всё прочел на ваших лицах... Ты и Руже...

Мариетта *(забываясь)*. Руже? так и он тоже старается скрыть?

Маркиз. Прекрасно! ты еще не привыкла лгать; правда с первым словом сорвалась у тебя с языка... Не бойся, говори смело... что вы стараетесь скрыть?

Мариетта *(в ужасе)*. О! нет! клянусь вам, господин маркиз, я не виновата... хоть все признаки говорят против меня... Сам виконт может сказать вам...

Маркиз *(содрогаясь)*. Виконт?.. Кузен Гортензии!.. так он...

Мариетта. Тише!.. он там. *(Показывает направо.)*

Маркиз *(приходя в себя)*. Он!.. *(В сторону.)* О, какая тайна открывается передо мною!

Руже *(входя с подносом в руках)*. Ужин готов, сударь. *(Ставит поднос на стол.)*

Маркиз. Убирайся к черту со своим ужином!

Руже *(с удивлением)*. Вам не угодно ужинать?

Маркиз. Нет, я говорю тебе... ступай вон... я задыхаюсь... *(Ходит по сцене.)* Как бы разъяснить дело? неужели маркиза?.. гром и молния!

Руже *(тихо Мариетте)*. Что такое?

Мариетта. Не знаю!

Руже *(в сторону)*. Аппетит отбило! видно, начал догадываться!

Маркиз *(сам с собою)*. Нет... нет... сперва нужно всё узнать. *(Руже.)* Ты здесь еще!

Руже *(в сторону)*. Как расходился! Задаст же он Альфреду!

Маркиз *(в сторону)*.

Ужель она мне изменила!
Я на ногах едва стою! } *Вместе*
Ужель другому подарила
Любовь жена моя свою!

Руже *(в сторону).*

Ему маркиза изменила!
Теперь я будто б как в раю!
Она мне случай подарила
Смеяться в очередь свою.

Мариетта *(в сторону).*

Ах! это я всё накутила,
Я на ногах едва стою!
Пришлось за то, что пошутила,
Мне плакать в очередь свою!

Вместе.

Руже хочет уйти, но переменяет намерение и скрывается в комнате направо.

Явление 16

Маркиз, Мариетта.

Маркиз *(с гневом).* Мариетта! Я требую, чтоб ты сказала мне всю правду!

Мариетта *(в сторону).* Что мне делать? Если я солгу — беда маркизе! если я скажу правду — беда мне! Меня, пожалуй, выгонят!

Маркиз *(подходя к ней).* Что ж, скажешь ли ты? Каким образом виконт попал сюда... в мои комнаты... в полночь?

Мариетта. Умоляю вас, сударь, не сердитесь!..

Маркиз *(возвышая голос).* К кому он пришел?

Мариетта. Тише, ради бога, тише! если кто-нибудь услышит...

Маркиз. Какая мне нужда!

Мариетта *(в сторону).* А! какая мысль! Прекрасно!

Маркиз. Ну что ж? долго ли мне ждать?

Мариетта *(с замешательством).* Вы так благородны... так добры... вы не захотите погубить бедную девушку!

Маркиз *(удивленный).* Что?.. что ты говоришь?.. погубить тебя!..

Мариетта. Да, сударь, да!.. Потому что, если услышит Руже...

Маркиз. Руже?

Мариетта. Завтра подписывают наш свадебный контракт...

Маркиз. Но какое отношение может иметь виконт...

Мариетта. Очень большое. Вот уж пятнадцать дней, как он меня везде преследует... Я сначала не слушала его... но он так упрям, начал грозить мне... я боялась за Руже... и, чтоб не раздражить виконта... сегодня вечером... когда барыня пошла на свою половину перечитывать ваши письма и думать об вас...

Маркиз. Она невинна!

Мариетта. О! да, сударь. *(В сторону.)* Он верит, слава богу! *(Громко.)* Я начала мечтать о завтрашней церемонии, как вдруг... окно отворяется... и передо мной...

Маркиз. Кто?.. Руже?..

Мариетта *(опуская глаза)*. Ах! нет... Другой!

Маркиз *(улыбаясь)*. А! да...

Мариетта. Я так испугалась!

Маркиз. Ты бы позвала кого-нибудь, чтоб его вывели силой.

Мариетта. Я так испугалась, что не могла сказать ни одного слова. Притом я боялась разбудить маркизу, боялась, чтоб не пришел Руже... Он, пожалуй, подумал бы что-нибудь и раздумал жениться на мне... Такой ревнивец! Я стала умолять виконта, чтоб он скорее ушел, и вдруг услышала голос Руже и ваш... Виконт едва успел спрятаться на вашей половине... А я убежала в свою комнату. *(В сторону.)* Уф!..

Маркиз *(улыбаясь)*. Так Альфред к тебе приходил?

Мариетта. Да, господин маркиз.

Маркиз. Путешествие через окно в полночь — оно было совершено для тебя?

Мариетта. Да, господин маркиз.

Маркиз *(хохоча)*. Ха! ха! ха! бедный Руже! А он сейчас называл себя мастером своего дела... вечером стерег сад, чтобы не забрались воры... ха! ха! ха! Я давно ему предсказывал такую участь! ха! ха! ха! Бедный Руже!

Мариетта *(в сторону)*. Чем-то всё это кончится?

Явление 17

Те же и Гортензия.

Гортензия. Друг мой!

Маркиз. Милая Гортензия! *(Обнимает.)* Ты ждала меня?

Гортензия. Я думала, что ты приедешь утром, для сокращения времени я стала перечитывать твои письма; как вдруг услышала твой голос... побежала... Но чему ты так смеялся?

Маркиз. О! так, ничему... маленький анекдот, правда, очень забавный!

Гортензия. Расскажи ж мне его.

Маркиз. Сейчас... но я едва держусь на ногах от усталости, и как ты еще не спишь, так я без церемонии прошу тебя ужинать со мной... но не иначе как на твоей половине, если ты позволишь...

Гортензия. О да, конечно... у тебя, верно, есть много кой-чего рассказать!..

Маркиз. А ты мне что-нибудь расскажешь?

Гортензия. Мне почти нечего рассказывать... кроме того, что я чуть не умерла со скуки без тебя и хотела уж ехать к тебе в Париж.

Маркиз *(целуя ее руку)*. Милая! *(В сторону)*. И я мог подумать, что она меня не любит!

Гортензия *(в сторону)*. И я смела сомневаться в любви его!

Маркиз *(показывая на поднос)*. Мариетта, снеси его на половину маркизы.

Мариетта. Слушаю, сударь. *(Тихо маркизу.)* Вы ничего не скажете?

Маркиз *(тихо)*. Будь спокойна... я выдумаю что-нибудь другое.

Мариетта *(в сторону)*. Так же, как я.

Маркиз *(Гортензии)*. Кстати... что твой кузен?

Гортензия. Альфред?.. Я часто с ним виделась.

Маркиз *(улыбаясь)*. А! он часто ходил сюда?

Гортензия. Почти всякий день, с тетушкой, или с сестрой... в твое отсутствие я не принимала никого, кроме их.

Гортензия уходит.

Маркиз *(Мариетте)*. Где ключ от двери в парк?

Мариетта. В комнате маркизы на камине.

Маркиз. Я принесу тебе его; а ты выпусти Альфреда. *(Уходит.)*

Явление 18

Мариетта, Руже (выходя справа, задыхается от смеха).

Мариетта *(не видя Руже)*. Слава богу! и я, и маркиза вышли из воды сухи! *(Увидя Руже.)* Руже!

Руже. Ха! ха! ха! Как она добра... Только женщины могут быть так изобретательны.

Мариетта. Где ты был?

Руже. Я слышал всё... жертвовать собою для своей покровительницы... Это великодушно.

Мариетта. Да замолчи!.. *(В сторону.)* Он всё знает.

Маркиз является и останавливается слушать.

Руже. А! так для тебя господин виконт совершил путешествие через окно, для тебя он оставил этот букет! Ха! ха! ха!

Мариетта *(в сторону)*. Какая неосторожность!

Руже. Так ты хотела с ним ехать сегодня в маскарад?.. так для тебя приготовлено домино? ты хотела надеть маску?.. ха! ха! ха!

Мариетта *(в сторону)*. Да, я всё надевала.

Руже. Хитра, голубушка! всё свернула на себя!.. с больной головы да на здоровую... Нечего сказать, славно надула маркиза! уф!.. *(Падает в кресла.)* Право, я лопну от смеха... ха! ха! ха!

Маркиз производит шум за кулисами.

Мариетта *(испугавшись)*. Тише! замолчи!

Руже очень серьезно встает при виде маркиза.

Явление 19

Те же и маркиз.

Маркиз. Можете уйти... вы здесь не нужны.

Мариетта *(тихо маркизу)*. А Альфред?

Маркиз. Я сам его выпровожу. Ну что ж? слышите или нет?.. Вон, я вам говорю!

Мариетта *(уходя)*. Боже, новая беда!

Явление 20

Маркиз, потом Гортензия.

Маркиз *(вне себя)*. Меня обмануть!.. О! Гортензия! ты дорого поплатишься за свой коварный обман... Но сперва нужно разделаться с виконтом. *(Хочет идти направо.)*

Гортензия. Что же, мой друг, ты оставил меня?

Маркиз *(в сторону, держась за ручку двери)*. Сколько спокойствия и хладнокровия... Как ужасно она меня обманывает!

Гортензия *(подходя к нему)*. Но ты не слышишь меня... что с тобой?..

Маркиз. Вы еще смеете спрашивать!

Гортензия. Ах! боже мой!.. ты меня пугаешь!

Маркиз. Да! вам есть чего бояться, сударыня!.. Я убью его!.. он бесчестный человек... а что касается до вас...

Гортензия. Но, друг мой... что с тобой?.. зачем эти угрозы?.. отвечай!..

Маркиз. Вы должны мне отвечать, а не я вам, сударыня!.. Где вы хотели провести эту ночь?

Гортензия *(смешавшись)*. Эту ночь?..

Маркиз. Да, пожалуйста, не придумывайте обмана... он будет бесполезен.

Гортензия *(с живостью)*. Обман!.. вы не знаете меня, сударь... Я не умею обманывать! Вы меня спрашиваете, где я хотела провести эту ночь?

Маркиз. Да, сударыня, где и с кем?

Гортензия. На бале, с кузеном.

Маркиз. А! Вы сознаетесь!

Гортензия. Зачем же мне запираться?.. Его тетка и сестра хотели со мной ехать... и если я раздумала, так именно потому, что получила ваше письмо. В ваших глазах это преступление?

Маркиз. Но зачем же Альфред спрятался, услышав мой голос?

Гортензия. Альфред!.. спрятался!.. он ушел от меня в половине одиннадцатого...

Маркиз. Да, а потом возвратился через окно.

Гортензия. Ах! боже мой!

Маркиз. Кажется, этого довольно, сударыня?

Гортензия. Здесь есть какая-то тайна, которой я

решительно не понимаю. Во всяком случае сомнения ваши неуместны.

Я вам клялась быть верной до могилы,
Вас горячо и пламенно любить,
И у меня, поверьте, станет силы
Святой обет мой свято сохранить!
Стыдитесь!.. как? такие подозренья!
Не изолью из сердца моего
На них, маркиз, я даже и презренья,
Они смешны — и больше ничего.

Маркиз. Однако ж он там... в моих комнатах.

Гортензия. Там?.. пускай выйдет оттуда!.. пускай явится сюда... и я в вашем присутствии потребую от него объяснения... или нет... вы этому не поверите, я хочу оправдания, которое бы не оставило в вас никакого сомнения.

Маркиз *(с удивлением)*. Сколько уверенности!

Гортензия *(показывая налево)*. Идите туда, сударь; там никто не заметит вас, и он, полагая, что вы ушли, скажет мне всё откровенно... Замечайте наши взоры, наши жесты...

Маркиз. Но...

Гортензия. Я требую от вас этого!.. наше спокойствие, счастие всей жизни зависит, может быть, от этого объяснения. *(Она ведет его к двери.)*

Маркиз. Вы непременно хотите... хорошо, я согласен. *(Он входит налево и оставляет дверь полузатворенною.)* Что-то я узнаю?

Явление 21

Маркиз (скрытый), Гортензия, потом Альфред.

Гортензия *(подходит к двери направо и отворяет ее)*. Подите сюда!.. *(Слушает; маркиз смотрит.)* Я была в этом уверена... Это одна ошибка... *(Маркиз хочет выйти на сцену, Гортензия останавливает его рукою и делает знак, чтоб он ушел.)* Тише!.. я слышу шаги!.. *(Она опять слушает. Альфред показывается.)* Он! *(Она невольно отступает.)*

Альфред *(тихим голосом, осматривается вокруг себя)*. Одна... наконец вы удалили его!

Гортензия *(удивленная).* Удалила?.. я!..

Альфред. Я ушел в его комнаты, но дрожал за вас; сколько упреков посыпалось бы на вас, если б он узнал, что я там!

Гортензия. Уверяю вас, что я была очень спокойна.

Альфред. Счастье ваше, что, когда я входил сюда, вы загасили свечу.

Гортензия *(в сторону).* Я загасила свечу?

Альфред. Иначе проклятый огонь сгубил бы нас.

Гортензия *(в сторону).* Что он говорит? неужели всё это было!.. *(Громко.)* Но, сударь...

Альфред. О, успокойтесь, я сейчас уйду... я счастлив, что наконец сказал вам тайну моего сердца... я чувствовал, как ваша рука дрожала в моей...

Гортензия. Замолчите, сударь... вы хорошо знаете, что этого ничего не было! боже мой! вам это приснилось! Альфред, скажите, ведь это шутка?

Движение удивленного Альфреда.

Ради бога, не шутите так ужасно!..

Альфред. О! божественная кузина!.. вы хотите отнять у меня даже воспоминание об этой сладкой минуте!.. Но пусть будет по-вашему... я замолчу... и сейчас уйду... но, по крайней мере, унесу с собой этот драгоценный залог...

Гортензия. Что вы хотите сказать еще?..

Альфред. Это кольцо, которое вы подарили мне... оно будет услаждать разлуку с вами.

Маркиз *(выходя).* Нет! черт возьми! это уж слишком.

Альфред. Маркиз!

Маркиз.

Трепещу я от волненья!
Честь моя посрамлена!
Не снесу я оскорбленья,
Кровь омыть его должна!

Альфред. *Вместе*

Успокойтесь от волненья,
Литься кровь здесь не должна!
Ваша честь — без оскорбленья,
Ваше имя — без пятна.

Гортензия.

Сердце бьется от волненья,
Грудь тоскою стеснена,
Из пустого подозренья
Кровь пролиться здесь должна! } *Вместе*

Явление 22

Те же, Руже, потом Мариетта.

Руже *(вошел во время пения и, стоя у двери, потирает руки,— в сторону)*. Гром разразился!.. славно... славно...

Маркиз *(Альфреду, с гневом)*. Вы понимаете, милостивый государь, что не можете долго носить кольцо маркизы... отдайте мне его... сейчас... сию минуту...

Альфред *(скидая кольцо и показывая ему)*. Вот оно!..

Гортензия *(показывая свое)*. Вы ошибаетесь, сударь, вот оно!

Маркиз и Альфред. Что это значит?

Руже *(в сторону)*. Как, у обеих одинаковые кольца?

Альфред. Но от кого ж я получил?

Мариетта *(выходя из своей комнаты с маскою и домино маркизы)*. От меня, господин виконт!

Все оборачиваются.

Руже *(в сторону)*. Вот тебе раз,— что за история!

Мариетта. Когда барыня не думала с вами ехать на бал, я шутя примеряла на себя ее наряд...

Альфред *(в сторону)*. Какой я болван!

Руже *(в сторону, смеясь)*. Ба! она опять надуть его хочет! Что за плутовка моя невеста!

Маркиз *(нерешительно)*. Не знаю, что и думать!.. чему верить?..

Мариетта. Если господин маркиз потрудится рассмотреть мое кольцо, то сейчас увидит, что я говорю правду.

Руже *(пораженный)*. Как?.. что?..

Мариетта *(показывая кольцо)*. Видите — вычеканено: Руже, Мариетта.

Маркиз *(взявши кольцо)*. И два пылающие сердца!

Руже. Ай! ай! ай! это мое кольцо! я узнал его!

Маркиз *(смеясь)*. Ха! Ха!.. так это была Мариетта!.. бедный Руже!

Гортензия *(смотря на Альфреда)*. Моя горничная!

Альфред *(в сторону)*. О! как я смешон!

Руже *(падая на кресло)*. Опять смеется! О, я готов с ума сойти.

Маркиз *(тихо Альфреду)*. А всё-таки ведь вы не для Мариетты пришли сюда... ха! ха! ха!

Альфред. Но, мой кузен... я...

Маркиз. О! я буду великодушен... вы и так довольно наказаны.

Альфред *(в сторону)*. Гм!.. если б я знал, что это Мариетта!..

Руже *(встает и подходит к Мариетте)*. Недостойная!.. обманщица! фи! мамзель, фи!

Мариетта. Ты знаешь всю правду, Руже!

Руже *(опуская голову)*. Всю правду!.. легко сказать — приятная правда! Это платье... кольцо... право, господин маркиз, уж не правду ли вы говорили, что мне не надо жениться?.. Что, если... ей-богу, не знаю, на что решиться...

Гортензия. Если б я была на твоем месте...

Руже. Что бы вы сделали, госпожа маркиза... что бы вы сделали?

Гортензия. Спроси у маркиза... он тебе скажет...

Маркиз *(взявши руку Гортензии)*. Я бы махнул рукой и с уверенностью закрыл глаза; для счастья это необходимо!..

Руже *(закрывая глаза)*. Ну и я закрою глаза. *(Берет за руку Мариетту.)*

Маркиз. И прекрасно! Руже, посвети господину виконту!

Руже *(взявши подсвечник)*. С удовольствием, господин маркиз, с большим удовольствием... *(Тихо маркизу.)* И если прикажете, так, пожалуй, сломлю ему и шею.

Маркиз. Тише!

Виконт кланяется и уходит к средней двери, бросает последний взгляд на Мариетту и грозит пальцем Руже.

Хор.

Конец сомненьям и беда́м,
Исчезли наши все печали.

Маркиза *(к публике)*.

Но веселей бы было нам,
Когда б вдобавок вы сказали,
Что, нашим критикам назло,
«Кольцо» на сцене обжилося:
У нас изрядно с рук сошло
И всем вам на руку пришлося!

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1841—1842

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА СЫНА СТОЛБИКОВА

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ КАРТИНАХ, С КУПЛЕТАМИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРИМЕРНЫЕ ОТЧЕТЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макар Тимофеевич Жиломотов, опекун Столбикова (40 лет).

Петя Столбиков, сирота и богатый наследник (16-ти лет).

Поверенный опекуна.

Михайло Федорович Петигорошкин, член из опеки (45 лет).

Игнатьич, поверенный, преданный Петру Столбикову.

Фомич, дядька Петра Столбикова.

Кузьминишна, няня Петра Столбикова.

Кирило, слуга Жиломотова.

Несколько дворовых людей.

Действие в имении Петра Столбикова в XVIII веке.

Театр представляет довольно большую гостиную, с старинною мебелью, покрытою чехлами. Большой диван, стол и стулья, в середине и по сторонам несколько дверей. Окно.

Явление 1

Кузьминишна (стоит у окна и печально посматривает). Фомич (входит).

Кузьминишна. Вот бегает себе, бедняжечка, с дворовыми мальчишками и не чувствует своей горькой,

сиротской участи... *(Увидя Фомича.)* Что ты, Фомич? Достал ли Петрушеньке хоть чего-нибудь покушать?

Фомич. Нет, Кузьминишна; Кирюшка говорит, что Макар-де Тимофеич велел всё запереть, ничего барину не давать, пока сам его благородие не приедет из опеки. Ваш, говорит, глупый барчонок совсем разоряет опекуна. Каково?

Кузьминишна. Мати божия! разоряет! вот мы нынче до чего дожили! да кто ж обобрал сироту кругом, как не Макар Тимофеич? Ведь шутка, все три имения он теперь забрал в свои руки! помнишь ли, как они налетели сюда после смерти барыни? Мы сперва думали, что это всё родственники, а как рассмотрели, так это весь суд нагрянул! Сирота испугался и прибежал ко мне; я дала ему покушать, а сама начала плакать да приговаривать: бедный Петя! что с тобою будет? теперь-то начнут *опекать* тебя!.. и точно, такое тогда пошло бражничанье, что и конца не было! Пили, ели, пошли гурьбою в кладовые, погреба, конюшни и по всем барским заведениям, а на бедного сироту и не обращали внимания; целых две недели ходили, ездили и переписывали всё по заводам. А как уж стали убираться по домам, так Макар Тимофеич на прощанье за каждым гостем отправлял целыми возами, то с хлебом, то с домашними птицами,— за иным повели барских лошадей, за другим — коров, за третьим — погнали телят, баранов, гусей... и, господи! страшно вспомнить, чего тогда не было.

Фомич. Да, да, Кузьминишна... и кабы не вступилась за бедного Петра Степаныча сестрица покойной барыни, так он и самого наследника выгнал бы из имения.

Кузьминишна. Да, спасибо, добрая барыня! нарочно приезжала из Рязанской губернии навестить разоренного племянника; пожалела, поплакала об его участи, потом разбранила опекуна, поехала жаловаться предводителю и подала уж, говорят, в суд несколько жалоб.

Фомич. Ох! дай-то бог, чтоб ее послушались да сменили поскорей Макара Тимофеича. Вряд ли: он теперь сам в городе, хлопочет затушить все доносы.

За дверьми слышен голос Петра Столбикова.

Столбиков. Няня! няня! где ты? Кузьминишна!..

Явление 2

Те же и Петр Столбиков.

Кузьминишна *(ласково)*. Я здесь, голубчик мой...

Столбиков *(вбегает в рубашке и в желтых китайчатых брюках, одно колено разорвано, волоса длинные, в беспорядке)*. Няня! посмотри... я начал бороться с нашими мальчишками, а они все схватили меня, повалили на дворе, Афонька и оцарапал мне нос... *(Громко плачет.)*

Кузьминишна. Покажи-ка, покажи, мой батюшка... в самом деле! ах они разбойники!..

Столбиков. А что? кровь нейдет?

Кузьминишна. Нет, кажется...

Столбиков *(спокойно)*. Ну так ничего, пройдет! да я уж отплачу Афоньке! Знаешь, Фомич, я пойду помирюсь с ним, начну нарочно играть, да после и скажу: Афонька, давай играть в лошадки! потом, как запрягу троих мальчишек в мою тележку, а Афоньку-то на пристяжку, они меня повезут, а я его сзади кнутом и отваляю! ха! ха! ха!

Кузьминишна. Нет, барин, лучше с ними не связывайся, а учись грамоте.

Столбиков. Как же! пойдет мне ученье на ум, когда я голоднехонек... *(Фомичу.)* Ты ведь обещал накормить меня чем-нибудь, что ж ты?

Фомич. Ох, барин! я просил, да Кирюшка всё запер и говорит, что Макар Тимофеич не велел без себя ни кусочка давать вам.

Столбиков. Да как же, коли мне есть хочется? *(Плачет.)* Я уж и сам бегал просить у Кирюшки. Что ж ты, говорю я, Кирило, меня не накормишь? а он, развалившись на кровати, как крикнет на меня: «А ты что за цаца? молчи, говорит, и пошел отсюда!..» Вот я взял замолчал да пошел опять бегать по двору.

Кузьминишна *(целуя его в голову)*. Бедный Петя! Что с тобою будет? Это тебе, батюшка, еще цветочки; после будут и ягодки.

Столбиков. Да мне бы хоть хлебца дали кусочек!..

Кузьминишна. Погоди, батюшка... вот авось опять приедет твоя тетушка Настасья Николаевна, так она опекуна, и всех за тебя в дугу согнет.

Столбиков. Ах, кабы она опять приехала! Я помню, как она меня ласкала, целовала и вспоминала о маменьке, она так на нее похожа.

Фомич. Нет, голубчик барин, она ничего тебе не сделает! за твоего опекуна, говорят, все крепко тянут.

Столбиков *(протяжно)*. Ах, как есть хочется!.. *(Влезает с ногами на диван.)*

Явление 3

Те же и Игнатьич (поверенный тетки Столбикова).

Кузьминишна *(увидя его)*. А! Игнатьич из города! что доброго привез?

Игнатьич *(кланяясь весело)*. Здравствуйте, здравствуйте... славные вести! спешил скорей опередить нашего злодея, чтоб обрадовать и барина, и вас...

Кузьминишна и Фомич. Что же такое, родимый?

Игнатьич. А то, что наконец мы доехали Макара Тимофеича! Новая жалоба барыни Настасьи Николавны, кажись-таки, подействовала! где было прописано, что она приезжала сюда, видела и ужаснулась, что наследник такого большого имения содержится в самом ужасном виде, что хоть недавно и разбирали отчеты опекуна, но не в точности, и по сие время он не обращает никакого внимания, а что закон и бог запрещают обижать всякого, а кольми паче сироту и прочее. Она уехала в деревню и оставила меня ожидать решения, теперь и назначили нового члена рассмотреть отчеты, ревизовать опекуна, да какого члена! самого строгого! Жиломотов начал было его умасливать, куда! ни с той, ни с другой стороны и приступу нет.

Фомич. А кто такой этот ревизор-то?

Игнатьич. Его благородие Михайло Федорыч Петигорошкин.

Кузьминишна. Ну дай-то бог! слышите, Петр Степаныч?

Столбиков. Да дайте мне поесть чего-нибудь!

Игнатьич. А он голоден? ах бедный барин! Я и забыл нынче привезти вам гостинцев-то... у самого только вот кусок сайки осталось.

Столбиков *(вскочив)*. Голубчик! дай мне хоть кусочек!..

Игнатьич. Бедняжка! Кушайте на здоровье всю. Однако прощайте! Как Макар Тимофеич меня увидит здесь, так убьет до смерти! Прощайте, барин.

Столбиков *(набивая рот)*. Прощай! Спасибо за сайку.

Фомич и Кузьминишна. Прощай, прощай, Игнатьич.

Игнатьич уходит.

Явление 4

Те же и поверенный опекуна (сталкивается в дверях с Игнатьичем).

Поверенный. А! ты опять здесь, лисица? зачем пришел? а?

Игнатьич. Сказать тебе по-дружески, что ты воровская петля! *(Убегает.)*

Поверенный. Хорошо! Хорошо! я тебе докажу дружбу!.. *(Строго Фомичу и Кузьминишне)*. А вы зачем его пустили сюда? а? ведь вы знаете, что Макар Тимофеич его выгнал за плутни?

Кузьминишна. Да он, батюшка, пришел навестить барина.

Поверенный. Хорошо, хорошо, я вот пожалуюсь Макару Тимофеичу! он вам даст так баловать ребенка.

Столбиков. Да! голодный-то много не набалует.

Слуга *(вбегает)*. Кузьма Иваныч! барин Макар Тимофеич приехал из города! ищет вас...

Фомич и Кузьминишна. Приехал! ну, беда наша! *(Суетятся в страхе.)*

Поверенный *(слуге)*. Скажи, что я здесь.

Столбиков *(вскочив с дивана)*. Ай! ай! няня! я убегу к тебе! Кузьма Иваныч! не говорите, что я ел сайку. *(Убегает направо.)*

Няня и Фомич тоже уходят за Столбиковым.

Явление 5

Поверенный и Жиломотов (в мундире XVIII века, лицо сердитое, волосы на голове и бровях торчат, как щетина).

Жиломотов *(громко)*. Кузьма Иваныч! беда! совсем беда! уф! что будет, не знаю!..

Поверенный. Что ж такое, батюшка? неужто вы се не победили?

Жиломотов. Это-то и больно, братец!

Убит тоской, кручиною!
Ох! злость меня грызет!
Уж баба над мужчиною
Вдруг нынче верх берет!..
Ведь стыдно, что топерича
Молва о мне пошла:
Макара Тимофеича
Бабенка провела!
Ведь это просто бедствие!
Предписано опять:
Производить все следствия,
Отчеты разобрать;
Но этот случай бедственный
Меня не угнетет;
Меня — не только следственный,
Сам черт не разберет!!

Поверенный. Да кто ж наряжен разбирать отчеты? неужто уж вы не могли его?..

Жиломотов. У! черт чертом! ни с которой стороны подступить нельзя! грозит ужасно!

Поверенный. В самом деле? да кто ж такой?

Жиломотов. Михайло Федорыч Петигорошкин! вот так и жду, что нагрянет! вели поскорей у смотрителей и ключников переписать счеты и реестры, выдай всем новые платья, вели сейчас по деревне раздать бедным мужикам больше хлеба, даже денег, кому нужно...

Поверенный *(идет)*. Хорошо, хорошо, бегу!

Жиломотов. Постой! вели сейчас вынуть из кладовых лучшее серебро, столовое белье, фарфор, хрусталь.

Поверенный. Сию минуту... *(Хочет идти.)*

Жиломотов *(нетерпеливо)*. Погоди, братец! еще не всё! в надлежащем ли порядке у тебя опекунские книги?

Поверенный. Так, как вы приказали, так и изготовлены.

Жиломотов. Хорошо! а чадо наше где?

Поверенный. Побежал к няньке.

Жиломотов. Не сломил себе головы без меня?

Поверенный. Да уж, признаюсь, не жаль бы было! надоел нам всем своими шалостями.

Жиломотов *(сквозь зубы)*. О, пропадай его голова! только вот хлопоты да заботы от него... ступай и скажи Кириле, чтоб велел приготовить сейчас самый лучший завтрак; живо! живо! *(Ходит по комнате. Потом садится и опять вскакивает.)* Да пусть приведет ко мне Петра.

Поверенный. Разом. *(Убегает.)*

Явление 6

Жиломотов, один, потом слуги.

Жиломотов. Боюсь не на шутку... О, ехидная бабенка! будешь ты меня помнить!.. я тебя отважу вступаться за этого негодного мальчишку... *(Кричит.)* Эй! люди! дурачье! скорей сюда!.. *(Входят трое слуг.)* Сейчас убрать все комнаты! снимите долой чехлы со всей мебели! живо!.. *(Сам с собой.)* Видишь ты: зачем он не учится!.. да! стоит учить и тратиться на этакого болвана!.. Ну учила бы на свою шею, да и тратилась... Что ж он нейдет? Васька! принести мне закусить.

Явление 7

Жиломотов и Столбиков (входит с робостью); потом вскоре Кирила (с подносом, на котором разные сладости и крендели).

Жиломотов *(увидя Столбикова)*. А! пожалуйте сюда...

Столбиков *(про себя)*. Ой! страшно!.. жилки дрожат!..

Жиломотов *(очень ласково)*. Поди, поди сюда, Петрушенька... что ты так редко со мной видишься?

Столбиков *(ласково)*. Я-с?.. да я... Макар Тимофеич... извините... я, ей-богу, не виноват...

Жиломотов. Полно... полно трусить... подойди, сядь со мною... я очень рад, что тебя вижу... я ведь очень люблю тебя...

Столбиков. Я знаю-с, покорно благодарю-с!

Входит Кирила и ставит поднос подле Жиломотова.

Жиломотов *(Столбикову)*. Что ты? завтракал ли сегодня? а?

Столбиков. Да, давеча... съел кусочек чужой сайки...

Жиломотов *(лаская его)*. Чужой?.. Кирила! что это значит?

Кирила *(равнодушно)*. Да ничего, сударь...

Жиломотов. Ведь, кажется, я тебе строго приказал...

Кирила *(равнодушно)*. Да я строго и исполняю ваши приказания.

Жиломотов. То-то же! Хочешь, Петруша, вареньица?

Столбиков. Хе-хе, еще бы не хотеть! *(Особо.)* Нет, не даст.

Жиломотов *(отдавая ему тарелку с ложкой)*. На же, на, полакомься, мой друг.

Столбиков *(в радости)*. Ах ты, господи!

Жиломотов. Кирила! ты вовсе не смотришь за Петрушей; посмотри, на что он похож?

Кирила. Помилуйте, Макар Тимофеич! да кто сладит с этим шалуном...

Жиломотов *(грозя ему пальцем)*. Ш-ш-ш!.. не говори так на *господское дитя!*

Столбиков *(Кириле)*. Слышишь ты? *(Опекуну.)* А он вечно по-вашему ругает меня щенком, сорвиголовой, все ваши ласки повторяет.

Жиломотов. Ничего! это шутки... на вот еще... кушай на здоровье...

Столбиков. Благодарствуйте-с! экое мне счастье сегодня!.. А я думал, что вы сами нынче съедите меня... *(Кириле.)* Ну что ты зубы-то скалишь? жалко небось?.. *(Опекуну.)* Макар Тимофеич, скажи мне, пожалуйста...

Жиломотов. Что? что такое, мой дружочек?

Столбиков. Отчего это вся дворня надо мной тешится? Как они смеют, если я барское дитя? верно, оттого, что мне некому пожаловаться?..

Жиломотов. Это так, Петруша... не огорчайся... помни лишь, что я твой второй отец.

Столбиков. Я это помню... а всё-таки зачем же?..

Смеется всякий и дурачит;
Зачем же здесь наедине
Со мною тетенька всё плачет
И сожалеет обо мне?..
Да и еще, скажите кстати:
Когда я назвал *вас* отцом,
С тех пор из барского *дитяти*
Прослыл дворовым я *щенком*?

Жиломотов. Это ничего... что ж тут мудреного? мало ли что говорится! забудь всё это и скажи: ведь тебе со мною не скучно? а?

Столбиков *(улыбаясь)*. Да вот как вы меня прикормили, так очень стало весело!..

Жиломотов. Так приходи почаще, Петенька, я всегда буду тебя сладким кормить. Ведь ты ни к кому не хочешь переехать? всё у меня желаешь жить?

Столбиков. Желал бы... да и к тетеньке...

Жиломотов *(очень сердито)*. Сохрани тебя бог! не смей и вспоминать об ней! слышишь? уморю с голоду!.. *(Вырывает тарелку.)*

Столбиков *(струсив)*. Слышу, слышу... не... не... не буду.

Жиломотов *(ласково)*. То-то же, а когда ко мне часто будешь приходить, так я всего буду давать.

Столбиков. Часто; и завтра приду, и послезавтра приду, и послепослезавтра приду!

Жиломотов. Кирила! ты виноват, что Петрушенька так обносился... сейчас поди и надень ему самое новое платьице. Умой его, голубчика, мыльцем, причеши волоски, надень новые сапоги, накорми пирожками... слышишь?

Столбиков *(строго Кириле)*. Слышишь, Кирюшка?

Кирила. Слышу. *(Махнув рукой.)*

Жиломотов. Ну ступайте, ступайте, да поскорее...

Столбиков. Ах ты, господи! я еще ни разу после маменьки не надевал нового платья! как это будет весело! благодарствуйте, Макар Тимофеич! *(Хочет поцеловать руку.)*

Жиломотов. Полно, полно... Кирила! положи ему во все карманы пряничков, крендельков, слышишь?

Столбиков. Слышишь, Кирюшка? ха! ха!

Кирила *(грубо)*. Слышу.

Жиломотов. Смотри же, Петенька: если тебя начнут здесь спрашивать, доволен ли ты мною, скажи — *всем* доволен! Скажи, что я тебя люблю, всегда забочусь о тебе и вот как ласкаю!.. *(Нежно целует его в голову.)*

Столбиков *(весело)*. Хорошо, хорошо! Кирюшка! побежим скорей... *(Убегает в восторге, Кирила уходит за ним.)*

Явление 8

Жиломотов, один, потом поверенный.

Жиломотов. Этакого болвана бог создал! того и жду, что наживу с ним греха... Эй! поверенного скорей! а уж этого плута Игнатьича я доеду же! я ему дам подавать жалобы... он у меня носу не покажет в городе... я уверен, что он скрыл от меня подлинную опись имения покойницы... это ему так не пройдет...

Поверенный входит.

Ну, Кузьма Иваныч, всё там по дому в порядке?

Поверенный. Разом всё повернули! вся дворня чистится, одевается и удивляется.

Жиломотов *(ударив себя по лбу)*. Ах! чуть было не забыл! я обещал *одолжить* одного члена на время... сейчас послать с нарочным две тысячи рублей; адрес его у меня в кабинете на столе. А это письмо вели с другим нарочным послать к протоколисту и чтоб при этом довели к нему хорошую корову.

Поверенный. Очень хорошо, сейчас. *(Убегает.)*

Жиломотов *(один)*. Господи! сколько расходов, душевных огорчений... и всё это из-за какого-нибудь глупого барчонка, из-за какой-нибудь злой и корыстолюбивой бабенки... а я было всё так благородно и умно устроил к общему благу...

Прибрал к рукам все три именья,
Всё так умно распорядил,
Что все получше заведенья
В свое именье поместил;
Как подобает человеку,

К жене все вещи переслал,
Всё взял *себе* я от опеки...
Хоть бы спасибо кто сказал!

Такой нынче неблагодарный народ, что, право, не стоит быть честным человеком.

Слуга *(вбегает)*. Едет! едет!

Жиломотов *(очень струсив)*. Ну, беда моя! *(Суетится.)* Господи! прости грешника! раскаюсь! ей-богу, раскаюсь... близко он?

Слуга. Сейчас въезжает в ворота. Сперва остановился около деревни, что-то приказывал мужикам, потом и покатил сюда.

Жиломотов. Новая гибель! сейчас подать завтрак! приведите молодого барина его благородие Петра Степановича! велеть ниже кланяться приезжему!

Слуга убегает.

Господи! сколько лет ты был милостив к своей твари! вразуми и помилуй меня, многогрешного!.. Я ли один позабыл премудрые заповеди? у меня ли одного совесть с изъянчиком? у меня ли одного душа с пятнышком? ох! сам не знаю, что говорю! надо сохранить спокойный дух...

Явление 9

Жиломотов и Столбиков (вбегает одетый в гусарскую курточку с откидными манжетами и ест конфекты).

Жиломотов. А! милый Петрушенька! как хорош ты в этом платьице! Пойдем, пойдем встречать приезжего господина.

Столбиков. Хорошо, пойдемте... я теперь сытехонек.

Жиломотов. Ведь ты меня любишь?

Столбиков. Хе! еще бы нет!

Жиломотов целует Столбикова очень нежно.

Явление 10

Те же, Петигорошкин и поверенный (Петигорошкин с шкатулкой в руках, на голове колпак и сверх колпака картуз).

Поверенный *(выбежав, встревоженный)*. Идет! Идет!..

Петигорошкин *(нежным голоском)*. А! здравствуйте, добрые люди!..

Жиломотов *(кланяясь, шаркает, представляя Петра)*. Михайло Федорыч... вот сам наследник имеет честь встретить вас в своем доме...

Петигорошкин. А разве дом у него еще цел? *(Гладя по голове Петра.)* Расти велик, голубчик, да вступай в свои права. А пока я пособеру все твои растасканные крохи, чтобы... *(Смотрит на Жиломотова.)*

Жиломотов *(униженно кланяясь)*. Михайло Федорович... позвольте со всею душевною преданностию спросить, где вам будет угодно расположиться?.. вот, если будете так обязательны, в мой кабинет... *(Показывает на боковую дверь.)*

Петигорошкин. Как? туда? в ваши подозрительные апартаменты? Нет, сударик, я с вами хлебосольства не намерен вести; я здесь останусь, со мною есть всё, и мне вашего, то есть сиротского, не надо. Я знаю закон, имею совесть, боюсь бога, дорожу мнением моих собратий и не допущу на себя ни малейшего нарекания...

Жиломотов *(особо)*. Ой-ой-ой...

Столбиков *(особо.)* Ага, Макар Тимофеич трясется! ага! есть-таки человек, кого и он боится!..

Петигорошкин *(осматривая комнату)*. Ого! в комнатке-то довольно пустенько... изрядно обнажена ото всех уборов... Гм! странно, что в таком богатом имении дом древней дворянской фамилии голехонек! куда бы всё это подевалось? ась?

Жиломотов *(в замешательстве)*. Как ненужные вещи... чтоб нарочно не портились... так спрятаны...

Петигорошкин. А! понимаю... спрятаны в надлежащее место... *(Снимая перчатки и шейную повязку.)* Ох, батюшка Макар Тимофеич!.. знаю, сударик, всё! я ведь не то что прежние... Я помню свою обязанность...

Вносят чай на богатом подносе и подают ему.

Защищать угнетенных сирот и оберегать их имущества от разорения... надо помнить совесть, батюшка!.. *(Пьет чай с кренделями.)* Чтоб и маленькая сиротская крошка без нужды не тратилась... *(Кладет в рот большой кусок кренделя.)* И всё попечение... надо больше... обращать на сироту... чтоб он ни в чем не терпел нужды... *(Берет сухари, крендели и кладет еще себе в чашку.)*

В ком совесть есть, душа и бог,
Тот не возьмет сиротских крох,
Кто понимает сиротство,
Тому не нужно ничего!..

(Берет сахар и кладет в чашку.)

А кто сиротское берет,
Тот в ад кромешный попадет!..

(Пьет и ест вместе.)

Кто ж объедает сироту,
Уподобляется скоту!

(Слуге.) Подай мне еще чашку, да с ромом... *(Жиломотову.)* Да, сударик, грех смертельный, когда мы о них не заботимся. *(Грозит.)*

Жиломотов. Помилуйте, кажется, я...

Петигорошкин. Всё, батенька, знаю!.. мне все беспорядки, все ваши злоупотребления открыли... пожалуй-ка, сударик, отчеты; я все книги сам пересмотрю... знаю, батенька, как вы содержите и малолетнего наследника; всё знаю! ему теперь шестнадцать лет, а чему и где он учился? а? я его сам проэкзаменую.

Тут Жиломотов машет рукой, чтоб все вышли, и когда Столбиков тоже хочет уйти, Петигорошкин оборачивается.

Жиломотов *(особо)*. Ну, этого недоставало! *(Тихо Столбикову.)* Спрячься от него...

Петигорошкин. А? куда это, сударик, ты его выпроваживаешь? это что? останься, душенька, останься, мы побеседуем...

Поверенный кладет подле Петигорошкина книги и бумаги.

Жиломотов. Но вы бы отдохнули с дороги... не угодно ли вам прилечь?

Петигорошкин. Отдохну, батюшка, когда кончу дело. Все ли тут книги и описи?

Жиломотов. Все до последнего, и в них весь приход и расход вписан по сей день. *(Кланяется и подходит ближе.)*

Петигорошкин. То-то, батенька, я все отчеты поверю сам, наедине... а завтра произведу наистрожайшее следствие.

Жиломотов *(тихо ему)*. Батюшка! Михайло Федорыч!.. позвольте с глазу на глаз со всею откровенностью предложить вам...

Петигорошкин *(сердито и громко)*. Это что значит? а? я вам, батенька, одно говорю: отчеты ваши по листочку разберу, а что в них найду, так и дело поведу. Я на правду черт! задобривать меня не думайте и не смейте!.. дайте мне подушку помягче, я после работы отдохну на этом диване... прощайте!

Поверенный приносит подушку и перемигивается с Жиломотовым.

Жиломотов. Извините... до приятного свидания... Ох! желаю вам успокоиться во здравие!.. *(Особо.)* Ох! что-то будет?.. *(Столбикову.)* Не мешай, Петрушенька, уйди пока... *(Поверенному тихо.)* Пойдем!

Оба уходят, а Столбиков прячется за диван.

Явление 11

Петигорошкин (у стола), Столбиков (за диваном). Петигорошкин, осмотревшись, идет к средней двери и запирает на ключ.

Петигорошкин. О, черная, подозрительная душа! он думает, что я так прост, как другие, которых он умел пустяками задобривать и отклонять от должной обязанности... этакой грабитель!.. можно ли было такого человека утвердить единственным опекуном над большим имением?.. *(Берет одну из книг.)* Посмотрим... Что тут есть?.. *(Открывает переплет книги.)* Кой черт... много написано... а нет ничего!.. *(Берет другую и открывает так-*

же.) А что тут?.. также ничего!.. *(Берет третью.)* И здесь нет!.. *(Швырнув все книги под стол.)* А! постой же, бессовестная душа! Хорошо! будешь ты помнить меня!.. Не я буду, чтобы я тебя не доехал!.. *(Садится на диван.)* Уж я же тебя, грабитель!.. фу! а я устал-таки... от дороги... прилягу... О! плохо ему будет от меня!.. *(Ложится на подушку, показывая, что ему неловко лежать на ней.)* Обнаружу все его умыслы... со света сживу... разбойник! не дал мне даже мягкой подушки... а я еще предупредил нарочно... *(Вертит головой на подушке.)* Смерть жестко... экой ведь аспид! *(Вскакивает в досаде.)* На этом нельзя просто приклонить головы... *(Схватывает подушку разрезом книзу, и из нее высыпаются на пол длинные свертки с шумом, даже из некоторых вываливается несколько целковиков.)* А!.. понимаю!.. вот оно что!.. *(Бросается и подбирает с пола, а Петр Столбиков в эту минуту высовывается во весь рост из-за дивана и наблюдает за ним.)* Догадался-таки хитрый человек... раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

Весь счет Столбиков повторяет за ним тихо, потом говорит про себя.

Столбиков. Что это за колбасы?

Петигорошкин *(взяв свертки в руки)*. Дважды пять десять!.. *(Идет к столу и кладет в свою шкатулку.)*

Столбиков *(повторяя за ним)*. Дважды пять — десять. А! Это из арихметики... *(Прячется опять.)*

Петигорошкин. Ишь ты, как он награбил сиротского... постой! да не ошибся ли я тут? *(Берет с полу книги и каждую, обернув, вытряхает, из них сыплются ассигнации.)* А! слава богу!

Столбиков *(высунувшись вдруг)*. Еще колбасы!.. нет... Это опекуна отчеты... Э! да какие все маленькие... разные... вон красный отчет, вон белый!.. вон и синий... а белых больше всего...

Петигорошкин *(вытряхая, кладет в шкатулку)*.

Ишь, как он ловко поступает!

Столбиков *(наблюдая за ним)*.

Ишь, как прилежно вытряхает!..

Петигорошкин.

Меня, знать, в тонкость понимает.

Столбиков.

Как он отчеты разбирает...

Петигорошкин.

Теперь и он меня поймет...

Столбиков.

Куда ж отчеты он кладет?

Петигорошкин *(запирая шкатулку)*.

Теперь всё скроем мы опять...

Столбиков.

И запер наши дважды пять.

(Прячется опять.)

Петигорошкин *(вздыхая громко)*. О, господи! прости меня грешного!.. отчеты все так верны, что нельзя не подписать. *(Подписывает книги одна за другою.)*

Явление 12

Те же и Жиломотов (входит робко из боковых дверей).

Жиломотов *(сам с собой)*. А! кажется, нашел... и взял... подписывает книги... Хоть я ему и жестко постлал, а мягко было...

Столбиков *(сам с собой)*. Дважды пять — десять колбас...

Жиломотов. Батюшка! Михайло Федорыч... каково изволили отдохнуть?

Петигорошкин *(подписывая)*. Благодарю вас за всё ваше беспокойство обо мне... Отдохнул преприятно... благодарю вас...

Столбиков *(про себя)*. Что же это за колбасы?..

Жиломотов. Помилуйте, это безделица...

Столбиков незаметно выходит из засады.

Петигорошкин. Ну, батенька, я разобрал все ваши отчеты и вижу, что всё верно и исправно, точность примерная!.. Я надеюсь, что вы получите благодарность за похвальное управление имением, которое до вас было крайне расстроено, кажется?

Жиломотов. Чертовски расстроено! и потому боюсь, чтоб меня не обвинили за долги...

Петигорошкин. За что ж тут винить? не вы их наделали, а сами владельцы задолжали.

Жиломотов. Мне более всего ужасны эти глупые заведения: сколько лошадей, овец, рогатого скота.., поверите ли, что на них идет весь экономический доход!

Петигорошкин. Что ж вы смотрите? представьте о невыгоде содержать эти заводы, а я выхлопочу разрешение продать их.

Столбиков *(сам с собою, стоя в углу)*. Ага! видно, тяжело ему управляться со скотами.

Петигорошкин. Но постойте: где же наш наследник? я его что-то не заметил.

Жиломотов *(увидя Столбикова)*. А вот он! Петрушенька! подойди...

Столбиков подходит смело.

Петигорошкин. Ого! какой молодец! ну, сударик, учишься ли чему?

Столбиков *(вздыхая)*. У... учусь.

Петигорошкин. Чему же ты учишься? бегать, бороться, лазить по плетням? а?

Столбиков. Нет, тетенька отдала меня учиться к отцу Филиппу... и я учусь читать, писать и арифметике...

Петигорошкин. А многому ли выучился? ну, скажи мне: сколько семью семь?

Столбиков *(запинаясь)*. Семью семь *(Особо.)* Вот выдумал, что спросить! мммм... *(Громко.)* Как бы это сказать-то?.. нет, спросите другое, поменьше.

Петигорошкин. Ну шестью шесть сколько?

Столбиков. Нет, всё много спрашиваете... а вот сейчас я выучил у вас и видел, как вы положили туда дважды пять — десять в шкатулку.

Петигорошкин, сконфузясь, вскакивает и отходит к Жиломотову.

Петигорошкин. Как?.. Что?

Столбиков. Я знаю, что дважды пять выходит десять отчетов!

Жиломотов. Скажите! до чего нынче мальчишка доходит!..

Петигорошкин. А! так вот ты чему учишься, сударик! так этак-то ты благодарен своему опекуну за все его заботы и попечения о тебе?.. *(Жиломотову.)* Он преопасный мальчишка! *(Столбикову.)* Тетка твоя жаловалась, что ты находишься в безобразном положении, а между тем ты одет как нельзя лучше, молодцом...

Жиломотов. Всегда молодцом одет, батюшка! разорил меня своим франтовством!

Петигорошкин. Верю, верю. Знаешь ли что, батенька? вот мой совет: спровадь его в военную службу, да и квит!

Жиломотов. Как! в военную? помилуйте, да из чего?.. ведь расходы...

Петигорошкин *(тихо ему)*. Эх! не видишь своих выгод! послушай... *(Шепчется, расхаживая по комнате.)*

Столбиков *(про себя наблюдая за ними, плачет)*. Меня в военную? за... за... за что? чем же я виноват? разве я выдумал дважды пять десять?.. *(Подходит к шкатулке.)*

Петигорошкин *(Жиломотову)*. Его примут в армию, хоть сверхкомплектным, а тут и распоряжай, да и пиши расходы вчетверо...

Жиломотов. Понимаю, понимаю, покорнейше вам благодарен за совет!.. ужасно опасен! вредные понятия... а в армии его выправят.

Петигорошкин. То-то же! ну прощайте, батенька, мне пора... *(Идет к столу, где шкатулка стояла.)* Всё хлопочу по разным тяжбам...

Столбиков *(взяв неприметно шкатулку, отходит)*. Ишь, как крепко заперто...

Петигорошкин *(ищет глазами шкатулку)*. А где же моя шкатулочка?

Столбиков *(на другой стороне театра)*. У меня, батенька! я хочу до службы полакомиться колбасами...

Жиломотов и Петигорошкин. Ах ты плут! *(Идут к нему, но он от них бежит и кричит громко.)*

Столбиков. Да я голоден, а отчеты-то, верно, наши, маменькины...

Жиломотов и Петигорошкин. Ах ты воришка, воришка!.. *(Ловят его на середине театра. Петигорошкин, взяв у него шкатулку.)*

Петигорошкин. Похищать чужую собственность? отымать благоприобретенное?

Жиломотов *(строго)*. Утаивать не принадлежащее? хорошо!

Столбиков. Да это ведь наше, кажется...

Жиломотов *(схватив его за ухо)*. Ах ты разбойник!

Петигорошкин. Хорошенько его! экой плут! прощайте, батенька! Прощайте!.. *(Уходит.)*

Столбиков *(вслед уходящему Петигорошкину)*. У! у! стыдно! унес наши колбасы!

В это время Жиломотов продолжает его драть за ухо.

Ай! ай! больно! пойду в службу! пойду! простите!.. ай! ай!..

Жиломотов. Не плутуй! не воруй, а учись у нас!.. перенимай у старших!..

Столбиков. Ай! ай! хорошо! буду!.. ай! ай!

КАРТИНА ВТОРАЯ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОБЕД

После первой картины проходит пять лет антракта.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Правитель губернии, XVIII века.
Жена его.
Поручик правителя губернии.
Губернский предводитель.
1-й председатель.
2-й председатель.
Совестный судья.
Председатель верхнего земского суда.
Молодой заседатель.
Губернский прокурор.
Советник палаты.
Директор экономии.
1-й асессор.
2-й асессор.
Секретарь правителя.
Стряпчий.
Губернский почтмейстер.
Петр Столбиков (состоящий на службе у правителя губернии).
Дунечка, комнатная девица у правителя губернии.
Игнатьич, поверенный Столбикова.

Действие в квартире правителя губернии в XVIII веке.

Театр представляет приемную в доме правителя губернии в XVIII веке; в средине отворенная дверь, через которую виден накрытый к обеду стол. По сторонам тоже двери.

Явление 1

Секретарь правителя (входит с бумагами), за ним Игнатьич.

Игнатьич. Так это правда, батюшка, что Петр Степанович господин Столбиков вышел из военной службы и находится теперь при его превосходительстве?

Секретарь. Правда.

Игнатьич. А открыл ли он его превосходительству свое дело?

Секретарь. Какое?

Игнатьич. С опекуном Жиломотовым?

Секретарь. Не могу вам сказать... Знаете, от Петра Степановича трудно *что-нибудь* выведать. Он с нашим братом и говорить не хочет... Он любимец его превосходительства!..

Игнатьич. Любимец!.. неужто?

Секретарь. Петр Степанович служит у него по секретной части!

Игнатьич *(всплеснув руками)*. По секретной части!

Секретарь. Да. Он находится неотлучно при особе его превосходительства. Занимается вместе в его кабинете... через его руки проходят все важные дела, все распоряжения... Он, так сказать, правая рука его превосходительства...

Игнатьич *(удивленный до крайности)*. Правая рука! Что вы, батюшка!.. не с левой ли ноги вы встали с постели сегодня, что так говорите... Не может быть! Петр Степанович *по секретной части!* Петр Степанович *правая рука* правителя губернии! Нет, нет! вы, верно, шутите...

Секретарь. Нисколько, уверяю вас.

Игнатьич. Скажите, пожалуйста! Давно ли он стал так умен, что может занимать такую важную должность. Вот уж не ожидал! Столбиков по секретной части! Не верится что-то! объясните, пожалуйста!

Секретарь. Спешу с докладом к его превосходительству... а то бы с удовольствием... после... Извините... *(Идет; в это время показывается Столбиков.)* Да вот сам Петр Степанович идет из кабинета его превосходительства... от него вы всё вернее узнаете. *(Уходит.)*

Явление 2

Игнатьич, потом Столбиков (в дворянском мундире или во фраке).

Игнатьич *(Столбикову)*. Петр Степанович, батюшка! Наконец-то я встретил вас после долгих поисков, дай налюбоваться! Дайте обнять себя!

Столбиков с озабоченным лицом впопыхах спешит к среднему выходу, отстраняя Игнатьича движением руки с важностью.

Столбиков. Погоди, погоди, погоди! *(Уходит.)*

Игнатьич *(один в изумлении)*. Скажите, пожалуйста! В самом деле, как переменился! Откуда что взялось! не узнаешь! В эти пять лет он стал совершенно другим человеком! Подлинно правда, что иногда способности у человека вдруг открываются! Ай да Петр Степанович! Видно, военная служба и важная должность при правителе губернии просветлили его рассудок!.. Кто бы мог подумать. По *секретной части*! Слава богу, слава богу! Теперь и дельце его пойдет на лад! сам за него примется! *(Показывается Столбиков, Игнатьич, бросаясь к нему.)* Петр Степанович, батюшка, узнаете ли вы меня?

Столбиков. Теперь узнал, узнал, братец. *(Обнимает его и целует.)* Здравствуй, здравствуй, Игнатьич!

Игнатьич. Здорово, здорово, голубчик Петр Степанович, как вы живете?

Столбиков. А как ты, Игнатьич, попал сюда; не слыхал ли чего нового о моем деле?

Игнатьич. Давно уж ничего не знаю. Начал было хлопотать, да злодей-то наш Жиломотов не допустил, узнав, что я крепко стою за вас и подал на него по вашему делу донос и жалобу, он, душегубец! как раз нашел средство удалить меня... Стакнулся с чиновниками... меня замяли, затерли, не хотели слушать... да и выслали из города, будто я человек беспокойный.

Столбиков. Ах они бессовестные!

Игнатьич. С горя я принялся хлопотать по другим делам и вчера приехал сюда из Москвы по делу одного помещика и здесь-то узнал, как вас злодей Жиломотов очернил перед судом... И чего-то он на вас не взвалил! страшно припомнить.

Столбиков. Дело прошлое... Хоть много накуролесил я в эти пять лет, особенно в полку, а всё опекун чертовски много, по красноречию своему, прибавил лишнего.

Игнатьич. Ну и хорошо ли вам было в полку-то... в военной-то?

Столбиков. Бр! в военной? хорошо! счастливо... только уж что и потерпел я!

Дворянскую амбицию
Считая нипочем,
С солдата амуницию
Надели с тесаком!
Всего переиначили,
Я думал всё снести,
Потом, как школить начали,
Так господи прости!..
«Ногами не разваливай,
Ни с кем не говори,
Всю грудь вперед выпяливай,
А брюхо подбери!
Смотри смиренной девою,
Команду всю слуша́й!
И непременно левою
Ногою выступай!»
Начальник мой печалился,
Я всех смешил собой,
Да наконец он сжалился,
Махнул себе рукой,
Сказав лишь сожалительно,
Взглянувши на меня:
«Не быть пути решительно
От этакого пня!»

Но этим еще не кончилось... Ко мне подошел солдат и начал снова выправлять мне ноги, голову, плечи, руки и талию... всего более хотелось им, чтоб у меня была талия... Да нет-таки, я поставил на своем! как ни уминали мое брюшко — мундир не сошелся! Потом начали меня учить, как стоять, поворачиваться, маршировать, мушкетом разные артикулы выкидывать... Беда моя и только! Дали мне ружье, да еще и со штыком... Уф! а капитан приставил ко мне самого доку учить артикулу... Натерпелся же и я от него и он от меня! Держишь этот мушкет у ног... стоишь, вытянувшись как струнка, не ворохнешься и во все глаза глядишь на учителя, а он как крикнет, да таким страшным голосом: «На пчо! хватай мушкет по темпам! раз, два, три»,— «Мушкет на караул!» Вот и начнешь... Ой уж мне эти темпы... наплакался я! И чего ведь хотят! Чтоб хватка была ловкая, пчо не западало,— локти выворотив вперед, носки врозь, пятки вместе, сам не шевелись,— просто наказание! От ноги как хва-

тишь на пчо, так едва на ногах устоишь, а тяжелый штык так тебя и перевешивает. А как скомандует к ноге — вот была беда моя! Делай руками, а корпусом не тряхни, глаз не своди с учителя, да как пустишь мушкет со всего размаха, ты его к ноге, а он тебя по ноге... да так хватит, что свет в глазах потемнеет, слезы брызнут ручьем! А они хохочут да кричат себе: «Начинай снова, сам виноват!» Какой сам виноват! раз десять повторишь к ноге и каждый раз хватишь себя по ноге... Вот каково! Сам себя отколотишь да других насмешишь!

Игнатьич. Вестимо, Петр Степанович, вестимо!

Столбиков. Наконец кое-как применился я к артикулу... Еще хуже... принялись учить меня стрельбе... И когда я дергал эту, как ее? шавку... болонку... собаку... собачку... да, собачку! и ружье вдруг выстреливало... искры так из него и брызнут, так и обдаст дымищем... свету божьего не видишь... упадешь на колени и думаешь... «Вот богу душу отдал, господи, прости мои согрешения!»

Игнатьич. Подлинно страшно, батюшка Петр Степанович. Ну как же вы уж наконец с ружьем-то справились ли?

Столбиков. Как же! справился! прежде падал, как выстрелю, а потом так обстрелялся, что только пошатаюсь, да и ничего! К чему не привыкнешь! Вот и служил я служил, долго... Полковник на меня сердился... и чину мне не давал, да приехал генерал-аншеф... я ему и подслужись по одному делу, совсем неожиданно, а он меня и произвел из жалости в прапорщики, не в пример другим... По полку я считался сверхкомплектным и мог ничего не делать. Наконец уж надоел всем, полковник рассердился да и сказал, что по ненадобности во мне отпускает меня в домовый отпуск на двадцать девять дней жить сколько угодно; а после будто бы *для пользы службы* выхлопочет мне отставку. Я обрадовался и поехал в одну из своих деревень... Мужички от меня пришли в восхищенье... с торжеством ввели меня в дом, прогнали плута управителя. Вот я и живу... день, два. Начал было уж и хозяйничать... Нанял было плотников построить голубятню... Вдруг явился опекун и ну выдумывать на меня... будто бы, видишь, я бежал из полка, вооружил мужиков, хотел зарезать его управляющего, обольстил какую-то невинность, черт знает что!.. Я и давай бог ноги... удрал. А он и написал на меня всё это и подал в суд!

Игнатьич. Ах он безбожник! так вот из чего вышло... всё дело. Жаль мне вас, Петр Степанович! Ну а как же вы попали на службу к правителю губернии?

Столбиков. Так, по рекомендации одного родственника. Сначала я был квартальным... на дежурстве понравился его превосходительству... и он меня оставил при себе.

Игнатьич. Вот как! Слава богу! А рассказали вы ему при этом удобном случае свое дело?..

Столбиков. Рассказал всё... правитель губернии еще и прежде имел многие донесения... Он обещал разобрать дело и заступиться за меня... Отличный, редкий начальник! Зато его почти никто не любит. Даже поговаривают уже о его отставке.

Игнатьич. По какой же секретной части вы теперь служите?

Столбиков. Его превосходительство заметил во мне усердие и честность, приказал мне неотлучно находиться в его кабинете. Там его превосходительство изволит распечатывать пакеты и читает про себя секретные бумаги, а я подбираю брошенные им пустые конверты и складываю в один угол... и так мы занимаемся по целому дню... Но это еще ничего, а вот что главное: его превосходительство на опыте убедился, что я мастерски по руке ему чиню перья; за это мастерство я вошел в такую милость, что зачастую обедаю *вместе* за одним столом с начальником.

Игнатьич. А! так вот что значит — по секретной части! понимаю!

Столбиков. Тут имел я счастье заслужить милостивый смех ее превосходительства... она всегда изволит отчего-то хохотать, глядя, как я уписываю разные соусы... и всегда подкладывает мне, чтобы побольше посмеяться... А я, знай, уписываю.

Игнатьич. И только в том вся ваша служба?

Столбиков. А что же еще?.. Ведь правитель губернии пишет много... иногда придется перьев пять вдруг очинить... да и конвертов в иной день бывает чертовски много.

Игнатьич. Конечно... Вы, батюшка Петр Степанович, нисколько не переменились против прежнего, как были, так и есть. Куда же вы, однако, спешили давеча

из кабинета?.. Видно, с каким-нибудь важным поручением?

Столбиков. Да, да... я отдал сторожу перочинный ножичек наточить... после некогда будет... Нынче у его превосходительства будет большой обед... ждут почты... надо быть готовым на разные посылки... кроме того, я торопился молвить пламенное словечко Дунечке.

Игнатьич. Как так, вы уж не того ли, Петр Степанович?.. Кто это Дунечка?

Столбиков. Ангел! предмет моей любви... она живет здесь... Я ей дал клятву; обуреваемый страстью, я отдался ей в вечное и потомственное владение... Однажды я ел за столом его превосходительства... Соус был отличнейший... индеичьи котлеты, и кругом изюм, чернослив, всё, всё... такая сладость, что этакой я и сроду не пробовал. Вдруг вошла Дунечка... что твой изюм, что твоя малина!.. Ай! вот идет его превосходительство... после доскажу... уйди, Игнатьич... у нас много будет работы.

Игнатьич. Прощайте пока! *(Уходит.)*

Явление 3

Правитель губернии (входит с бумагою и двумя пакетами) и Столбиков.

Правитель губернии. Ну, Столбиков! Ты чист и прав во всем! ты даже не бежал из полка. Вот твоя отставка, сегодня присланная из Военной коллегии. Ты чрезвычайно богат, но разорен ужасно; на тебя взведены такие беды, за которые ты мог бы пострадать. Они ложны, но низкий опекун твой представил столько мошеннических доказательств, что для опровержения его клеветы требуются сильные противудействия. Поспеши сыскать себе надежного поверенного... я берусь тебе даже помогать.

Столбиков. Как возблагодарю, ваше превосходительство, за столь лестные обещания! Поверьте, отныне буду стараться, буду служить еще с большим усердием... А поверенный у меня уже есть... он с самого начала хлопотал по моему делу. Я сейчас с ним виделся. Честнейший человек, любит меня — он здесь.

Правитель губернии. А! ну прекрасно, прекрасно... позови-ка его сюда!

Столбиков уходит.

Явление 4

Правитель губернии и вскоре Столбиков и Игнатьич.

Правитель губернии *(один распечатывает пакеты и читает про себя)*. А! Вот наконец это важное донесение! Как я рад, что пока мне одному известно настоящее желание наместника!

Между тем Столбиков тихо, на цыпочках распоряжается позвать Игнатьича, входит, шепчется.

Столбиков *(вслух Игнатьичу)*. Открой же всё его превосходительству. Вот он явился, ваше превосходительство.

Правитель губернии. А! ты был поверенным по делам Столбикова?

Игнатьич. Был, но, по неимению законной доверенности, меня оттерли от дела... и я принужден был оставить всё, к моему прискорбию...

Правитель губернии. Теперь тебе дастся от него полная доверенность... На необходимые же расходы я дам денег.

Столбиков *(про себя)*. О! великодушный начальник!

Правитель губернии. Ясно, что опекун ограбил его самым безбожным образом... Нет также сомнения, что все взведенные на него преступления — подлая ложь! ну кто, увидя его и поговоря с ним, поверит, чтоб он мог произвесть всё то, что взвел на него опекун?

Столбиков *(с чувством)*. Униженно благодарю, ваше превосходительство, за столь лестное обо мне мнение.

Правитель губернии *(улыбаясь)*. Ничего, ничего... *(Игнатьичу.)* И я полагаю, что для опровержения обвинения самое лучшее средство — явиться ему самому перед судьями... Для этого ты поедешь с ним в Москву!

Столбиков *(про себя)*. В Москву! Дунечка! вкусные соусы! всё, всё погибло!

Правитель губернии. Теперь мне некогда, приди ужо и поговорим подробно.

Игнатьич. Слушаю, ваше превосходительство. *(Уходит.)*

Явление 5

Правитель губернии и Столбиков.

Правитель губернии. Ну, Столбиков, всех ли, кого я велел, пригласил ты к обеду?

Столбиков *(вытягиваясь, рапортует)*. Честь имею донести вашему превосходительству, что, по приказанию вашему, приглашены мною все, коих вы изволили назначить... Также передан мною почтмейстеру приказ вашего превосходительства об ожидаемой почте.

Правитель губернии. Хорошо... Благодарю тебя за исправность.

Явление 6

Правитель губернии, жена его и Столбиков (навытяжке у дверей).

Жена правителя. Помилуй, мой друг! Ты поставил меня в странное положение! Приказал созвать на обед всех служащих, а повар готовит только на восемь персон. Что это за расчет?

Правитель губернии. Не беспокойся, мой друг. Так как многие из сослуживцев не очень довольны мною, то, верно, не все и явятся к обеду.

Жена правителя. Не все! Напротив, все до единого во всем наместничестве любят тебя искренно... я знаю наверно... и удивляются и вместе досадуют, каким образом разнеслась молва о твоей отставке.

Правитель губернии. Если и досадуют, то потому, что видят еще меня на месте, а только получи я отставку, что легко может случиться, так увидишь сама, как начнут обращаться со мною и что начнут про меня говорить мне в глаза.

Столбиков *(униженно и робко)*. Нет, ваше превосходительство, с истинным усердием скажу, что вся Европа удивляется управлению вашего превосходительства!

Правитель губернии. Лжешь, Петруша! И соседние губернии еще не знают обо мне, а ты уж и в Европу заехал!

Столбиков. Ну как угодно-с... Извините, ваше превосходительство. *(Отходит.)*

Явление 7

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер *(подавая письмо)*. Сейчас получено с эстафетой из столичного города Санкт-Петербурга, ваше превосходительство!..

Правитель губернии, прочитав письмо, изменяется в лице, трет лоб.

Правитель губернии *(почтмейстеру)*. Благодарю вас за исправность! *(Ходит задумчиво по комнате, говорит про себя.)* Да! хоть я и не ожидал этого, но так и быть! сделанное мною распоряжение не должно теперь казаться странным... Столбиков! поди сейчас и дай знать, чтоб непременно *все* господа служащие явились по моему приказанию, непременно *все*... слышишь?

Столбиков. Слушаю, ваше превосходительство. *(Уходит.)*

Правитель губернии. Господин почтмейстер! Вы слышали, что все будут у меня обедать, так пришедшую почту не рассылайте по домам, а доставьте господам служащим прямо сюда.

Почтмейстер. Слушаюсь. *(В сторону.)* Что это он еще затевает! Странно! очень странно! *(Уходит.)*

Явление 8

Правитель губернии и жена его.

Жена правителя *(про себя)*. Что с ним сделалось! *(Ему.)* Ты, мой друг, что-то встревожен... неужели это письмо... Скажи мне... скажи...

Правитель губернии *(ходит по комнате, про себя)*. Да, я всеми силами старался прежде всего узнать всех моих подчиненных... старался вникнуть в их способности и недостатки... и если придет время сказать мое мнение о каждом, тогда с спокойным духом и чистым сердцем скажу святую правду! Этим сделаю я пользу и службе и губернии! Врагов не иметь невозможно! по крайней мере, нужно постараться, чтоб они действовали скорей открыто противу меня, чем против обязанностей службы.

Явление 9

Те же и Столбиков.

Столбиков. Честь имею донести вашему превосходительству, что приказание вашего превосходительства явиться всем чиновникам на обед передано мною в точности и уже некоторые начали являться.

Правитель губернии. А! проси в гостиную тех, которые пожаловали... Я сейчас выйду... Пойдем, душенька, в мой кабинет. *(Уходит с женой.)*

Явление 10

Столбиков, потом чиновники (которых число постепенно прибывает).

Столбиков *(один)*. Что это как вдруг опечалился правитель губернии! Уж в самом деле не отрешили ли его против воли, по клевете советника палаты?.. Ой уж этот советник! он давно на него зубы вострит и хвастает, что я-де ссажу его! Беда моя, если так! мое дело останется без движения, и я буду опять скитаться по свету горемыкой, бедняжка! Ох-ох! как на тарелке видно, что моего покровителя отрешат, иначе чего бы ему тосковать. Теперь, видно, он хочет на прощанье угостить всех в последний раз и уехать в деревню... и он оставит меня... увезет с собою мою Дунечку, дорогой предмет сердечного влечения... ох, ох! зачем я покорил себя обуревающей страсти!

Снова горемыкою
По свету пойду,
Где тоску размыкаю,
Где любовь найду?
Жаль мою хорошеньку!
На край света с ней,
Кабы знал дороженьку,
Скрылся б от людей!
Распахал бы пашенку,
Посадил бобы
И любил Дуняшеньку,
Не боясь судьбы.
Пусть беднялся, бился бы,
Не ел бы, не пил...

Да зато любился бы,
Сколько стало б сил!

Поручик правителя губернии *(входит)*. Слышал? а?

Директор экономии. Да... да... отставлен, что ли... а?

Поручик правителя губернии. А вот узнаем. Вот самый ближайший его чиновник. *(Подходит, смеясь, к Столбикову.)* Гм!.. позвольте узнать, какую ленту получил его превосходительство?

Столбиков. Не знаю-с!

Директор экономии. Какой чин дали его превосходительству — военный или статский?

Столбиков. Не могу знать-с! *(В сторону.)* Вот давно ли кланялись, а теперь начинают подсмеиваться! Ну... видно, всё кончено!

Поручик правителя губернии. Ха-ха! гм... гм... понимаем.

Директор экономии. Очевидно, очевидно...

Во время этого разговора входят на цыпочках: советник палаты, губернский прокурор, два асессора и совестный судья. Все между собою шепчутся, иные посмеиваются.

Губернский прокурор. Отставлен? неужели?

1-й асессор. Да как вы узнали! Еще господь знает! впрочем, вероятно.

2-й асессор. Очень, очень вероятно!

Советник палаты. Нет никакого сомнения. Дело ясно!

Совестный судья. Очень, очень жаль!

Советник палаты. Слава богу! Я знал, что этим кончится... Я знал... ха-ха!

Директор экономии. Да, Иван Иванович! Ты таки поставил на своем.

Асессоры *(оба)*. Вам, Иван Иванович! Вам честь и слава!

Столбиков *(про себя)*. Ах они злодеи... Вот, подумаешь, радуются чужому горю!

Советник палаты. Ну уж если я принялся... так что-нибудь одно... помните, я говорил... «Кто-нибудь из нас падет — или я, или он!», ха-ха!

Входят:

Губернский предводитель и два председателя *(говоря)*. Господа! неужели правда... кто бы мог подумать!

Советник палаты. Да, примечайте... *(Указывая на Столбикова.)* Вон им взысканный чиновник... посмотрите, как печален... он всё знает... он у него по секретной части.

Губернский прокурор. Да, да... и говорят, что этот Столбиков такая голова, что, как ни подъезжай, словечка не вымозжишь.

Асессоры. Да, голова, голова!

Губернский прокурор и директор экономии подходят к Столбикову, жмут ему руку, тихо говоря и показывая на кабинет его превосходительства. Столбиков, показывая знаками, как будто ему приказано молчать. Пантомима должна быть комическая.

Губернский прокурор *(отходит от него с негодованием)*. Как будто пень какой! ничего от него не выведаешь!

Поручик правителя губернии *(также подходит и отходит)*. Точно у него языка нет! Точно он глух!.. и не понимает, что вокруг него делается!

Асессоры *(тоже)*. Необыкновенная скромность!

Советник палаты. Напрасно хлопочете... уж я его знаю, господа... я всячески пробовал... ничего не говорит или несег такую чушь, точно сам не знает, что делает. *(Смотрит на Столбикова.)* А! Голова! Знал, кого выбрать по секретной части!

Директор экономии. Попробую я еще... *(Подходит к Столбикову.)* Да, скажите, пожалуйста... например... ведь правитель губернии отставлен?

Столбиков *(с досадою)*. Не знаю-с! не могу знать!

Директор экономии *(отходя)*. Гм!.. не знает... Знаем мы тебя!

Поручик правителя губернии *(советнику палаты)*. А точно голова! стоило бы приобресть такого чиновника... понимаете... на случай, если...

Советник палаты *(ему)*. Да, конечно... а вот мы сейчас поговорим с ним откровенно... *(Подходит к Столбикову вместе с поручиком правителя губернии. Взяв Столбикова за руку.)* Послушайте... ваша роль кончена...

вы долго хлопотали о его пользах, с примерным усердием... теперь вам пора подумать о себе... куда вы денетесь... Вам надо заслужить у нового...

Поручик правителя губернии *(хватая Столбикова за руку)*. С моей стороны... я готов вам дать место. Скажите, скажите, пожалуйста... ведь оно так? Его турнули?

Советник палаты. Турнули, а? Турнули? не правда ли?

Столбиков *(громко и решительно)*. Не могу знать! *(В сторону.)* Вот, в самом деле, пристали... как будто мне известно что-нибудь.

Советник палаты *(отходя с досадою)*. Аспид!

Поручик правителя губернии *(тоже)*. Дерево, а не чиновник! *(Про себя.)* А не худо бы мне сманить его по секретной части... Если, того, на случай, я на его место.

Являются председатель и молодой заседатель и остальные.

Директор экономии *(встречая их)*. Ну, господа! Напрасно торопились к обеду! гроза прошла стороной!

Заседатель и председатель. Неужели в самом деле? Мы никак не ожидали! *(Обращаясь к совестному судье.)* Что вы об этом думаете?

Совестный судья. Крайне сожалею, господа, если это правда!

Советник палаты *(подойдя к новопришедшим)*. Каков, господа! Чуфарится! обеды дает... Да вот почта привезет решительное!

Директор экономии *(поручику правителя губернии)*. Только помешали нашему предположению! Ведь на какие стерляди-то звал нас откупщик... животрепещущие!

Поручик правителя губернии. Ну что ж делать! против воли и чувства... надобно *пока* покланяться.

Директор экономии. Да, *пока*, конечно пока!

Советник палаты. Недолго, недолго, господа! Сегодня же его не будет.

Губернский прокурор, директор экономии и асессоры. И поделом, и поделом!

Советник палаты. Не зазнавайся! Не обижай нас за плохую память, за короткий ум, за длинный язык... Есть ли человек, которого бы он не обидел своим языком! Всякого, верно всякого!

1-й асессор. Эх, вот еще на последнем обеде придрался ко мне; когда начали хвалить за столом портер, он вдруг ни с того, ни с другого ко мне: «У вас должно спросить, хорош ли портер, вы его любите». Слова пустые, а ведь как того... честь самую задел... Портер! А! и откуда всё проведает! Портер! будто бы уж нельзя взять ни с кого дюжины портера. *(Показывая на Столбикова.)* Верно, этот гусь донес ему по секрету.

Советник палаты. У него, сударь, есть наушники... Я знаю... Вот когда недавно я был посылан осматривать главные дороги в наместничестве... он стороной и вели примечать за мной... Да меня не проведешь... ничего не заметили, ничего не узнали, а уж хотелось поддеть меня!

Поручик правителя губернии *(тихо ему)*. А что, этак ведь, я думаю, воротился не с пустым?

Советник палаты *(тихо ему)*. Как же! чудесная пожива была! *(Громко.)* Да вот не узнал же... ха-ха-ха! Где ему меня провести!

Чиновники продолжают шептаться и пожимают руку советнику палаты.

Столбиков *(про себя)*. Смотря на них, я вспомнил о замысловатой картине у нашего городничего: из людей в различных косых и кривых положениях составлены литеры, а из литер-то сведены слова и выходит надпись: *таков ныне свет!* — у меня так щемит сердце, что я сейчас хотел бы из них *(указывая на присутствующих)* составить такую надпись!

Явление 11

Те же и правитель губернии (во фраке, выходит скромно и важно, чиновники кланяются, некоторые подходят и говорят приветствия).

Два председателя, совестный судья, губернский предводитель и молодой заседатель. Свидетельствуем почтение вашему превосходительству... Здоровы ли вы?

Правитель губернии. Благодарю вас, господа. Здоров!

Советник палаты *(иронически).* Да, в самом деле, как драгоценное здоровье вашего превосходительства?

Директор экономии. Не расстроены ли вы? Спешу осведомиться!

Правитель губернии. Ничего, слава богу... *(Советнику палаты.)* А вы как? благополучно ли возвратились из командировки?.. Не беспокойно ли вам было в пути и не *тяготило* ли вас что при возвращении?

Советник палаты смущается. Между чиновниками ропот негодования.

1-й асессор *(соседу).* Каково! просто честь задевает.

Губернский прокурор. Да, да! обида! личная обида!

Директор экономии. Прошу покорно!

Поручик правителя губернии. Это уж ни на что не похоже! какая обида!

(Между собой)

Столбиков *(радостно, стоя у дверей).* Ага! отпустил словцо! молодец! срезал! *(Ухмыляется весело.)* Когда буду правителем губернии — всё так буду срезывать!

Советник палаты *(оправившись от смущения).* Ничуть, ваше превосходительство! Я не тяготился этим поручением и с большим удовольствием воротился.

Правитель губернии. Но вы проехали губернию еще только по одной стороне, а если б кончили осмотр везде, конечно, вдвое больше удовольствия *получили.*

Поручик правителя губернии, директор экономии, губернский прокурор и асессоры *(между собою).* Каково! Бессовестный! Ехидная душа! Злодей!

Советник палаты *(дерзко).* Другую сторону я осмотрю, когда буду провожать из губернии кого поважней...

Правитель губернии. К чему такое беспокойство? *(Отходит и говорит с губернским предводителем.)*

Поручик правителя губернии *(жмет советнику палаты руку).* Браво!

Директор экономии, оба асессора делают то же.

Советник палаты. Я не в вас, господа! не дам обижать себя! ха-ха-ха!

Директор экономии. Да и мы... вот только узнаем наверно.

Асессоры. Да, да! только узнаем... мы его.

Явление 12

Те же и почтмейстер (с бумагами).

Почтмейстер. По приказанию вашего превосходительства... честь имею... *(Подает пакет.)*

Правитель губернии *(с усмешкою распечатывает и читает про себя, все со вниманием на него смотрят; в лице его не заметно никакой перемены)*. Вот и почта. Не будет ли каких новостей? *(Прочтя, говорит.)* Ну, господа! наконец должно вам объявить, что я уже у вас не правитель губернии.

Всеобщее движение. Иные печалятся, большая часть радуется, иные не могут удержаться от невольного смеха; советник палаты щелкает пальцем от восторга.

Директор экономии. Я еще сам себе не верю!

Поручик правителя губернии. Не ослышался ли?

Совестный судья. Очень жаль!

Столбиков *(невольно восклицает)*. Вот тебе и раз! *(Утирает слезы.)*

Все молчат. Правитель губернии стоит посреди общества и молча поглядывает на всех.

Правитель губернии. Меня так поразило это, что я прошу позволения оставить вас на короткое время. *(Уходит.)*

Советник палаты *(вслед за ним)*. Сделайте милость! без церемонии.

По выходе правителя губернии раздается невольный взрыв радостного смеха, только очень немногие стоят печальны, потупив головы.

Советник палаты. Не говорил я, господа? а? Каково? Мне спасибо должны вы сказать... это я ссадил

его, я... ха-ха! Вы мне должны воздвигнуть монумент за избавление от такого притеснителя.

Поручик правителя губернии. Уж подлинно благодарим! ха-ха-ха!

1-й асессор *(подходя к советнику)*. В сердцах наших с сих пор воздвигнут уже незабвенный памятник вашему подвигу...

Чиновники *(бо́льшая часть)*. Честь и слава, Иван Иванович! Честь и слава вам!

Советник палаты. Теперь не он меня, а я прижму его и потребую, чтобы он сегодня же очистил казенный дом. Ха-ха-ха!

Директор экономии. Точно, точно! Дом должно очистить... вы вправе потребовать... подсидели голубчика!

1-й асессор. Вот ему портер!

Советник палаты. Вот ему и тягостное мое возвращение! Не легко и самому теперь! *(Подходя к Столбикову.)* Ну что вы выиграли через свое молчание? что вы скажете?

Столбиков *(плача)*. Ничего не скажу! оставьте меня! *(Про себя.)* Лучше бы меня кто прибил, только бы не отставляли такого начальника... Он бы их вышколил! *(Плачет.)*

Поручик правителя губернии *(подходя к нему)*. Послушайте, идите-ка ко мне... хотите, я дам хорошее жалованье!..

Столбиков. Не надо мне!

Поручик правителя губернии. Да уж должность ваша кончилась, какая у него теперь секретная часть! ха-ха-ха! теперь у него уж нет секретов! уж мы знаем, что его столкнули. *(Взяв за руку директора экономии.)* К чему унижаться, роль отыграна! поедемте к откупщику обедать!

Директор экономии. Да! у него стерляди поважнее отставного правителя.

Советник палаты. Идем же, идем, господа?

Асессоры. Да куда же?

Директор экономии. Куда? разумеется, где можно отобедать посвободнее! *(Многие идут к выходу.)*

Совестный судья. Прилично ли, господа? Ведь вы званы?

Поручик правителя губернии. Так что же! неужели нам оставаться и слушать его заунывные песни!

Асессоры. Прошло идолопоклонство!

1-й председатель. Господа! у него всегда были обеды славные, остановитесь хоть потому... Живое оставляете, а мертвого ищете!

Директор экономии. Здравствующий откупщик лучше всякого отставного!

Советник палаты. Теперь ему не из чего угощать нас, сам пойдет скоро пó миру... ха-ха-ха! Идемте к откупщику.

Столбиков. А чтобы вам подавиться у откупщика!

Поручик правителя губернии. Идем... хоть не накормил, а аппетиту придал!

Хор *(уходящих)*.

Идем, идем к откупщику!
Теперь для нас он поважнее!
Чем здесь испытывать тоску —
Там лучше пить и есть дружнее...

(Обращаясь к Столбикову.)

А наш правитель отставной
Пусть пообедает с тобой.

(Уходят.)

Явление 13

Губернский предводитель, два председателя, советник, молодой заседатель и Столбиков (все стоят, печально потупя головы, не говоря ни слова. Столбиков у дверей печальнее всех). Потом правитель губернии.

1-й председатель *(печально)*. Жаль, господа, такого деятельного и справедливого начальника! Он так хорошо знал свое дело, так ревностно заботился о благе губернии... Благодетельные следствия его попечений уж начали было показываться, и, что же?.. его отставили!

Совестный судья. Да, не дали ему искоренить зла, водворить порядок в нашей губернии! Жаль, очень жаль!

Молодой заседатель. Я бы лучше желал лишиться своего места, только бы его оставили...

Столбиков. А уж мне-то как жаль! Вот я читал в прописях, что добро никогда не остается без награждения, а зло без наказания. Вышло навыворот! Стало быть, и в печатном ошибки есть!

Правитель губернии *(входит в полном мундире, шитье у него на мундире — генерал-поруческое. Он осматривает кругом и не может удержаться от невольного смеха)*. Ах, как я отгадал!

Губернский предводитель *(подойдя к нему)*. Поверьте, ваше превосходительство, что мы все вполне чувствуем, как много добра желали вы нашей губернии, и глубоко сожалеем, что губерния лишается такого начальника.

Правитель губернии *(обнимая его)*. Погодите, погодите! Вы увидите неожиданную развязку.

1-й председатель *(подходя)*. Ваше превосходительство... извините, что многие чиновники не дождались вашего возвращения... они все...

Правитель губернии. Знаю, знаю... Это урок для вас... Не забывайте никогда этого их поступка... *(Обращаясь ко второму председателю.)* Простите меня... Я предполагал, что вы будете в числе их... Мы всегда не сходились с вами... я думал...

2-й председатель. Я спорил с вашим превосходительством для того, чтоб более воспользоваться вашими советами.

Правитель губернии *(жмет ему руку; обращаясь к совестному судье)*. И совесть меня не оставила!

Совестный судья. Совесть является и без призыву... я вижу, что и вы, не боясь упреков совести, надели на себя лишнее шитье, и сгораю от нетерпения знать скорее развязку?

Губернский предводитель. Ваше превосходительство так веселы, что трудно поверить нашему несчастию... конечно, вы объявили, что более не правитель наш, но не больше ли вы для нас?

Правитель губернии. Так точно, друзья мои; служба моя удостоена монаршего внимания. Я генерал-

поручик. Мне повелено в этой области быть правящим должностью наместника!

Крик радостного изумления вылетает из уст чиновников; они бросаются к правителю губернии и обнимают его.

Чиновники *(все)*. Ах, возможно ли? так вот в чем дело! Позвольте от души поздравить!..

Столбиков в сильном волнении и радости восклицает: «А!» Подбегает к начальнику и целует его руки.

Столбиков. А, ваше высокопревосходительство... Так вот оно... ха-ха-ха!

Правитель губернии *(обнимая его)*. Спасибо, брат, за усердие. Я заметил твои искренние слезы!

Столбиков *(в восхищении)*. Обнял сам! Его высокопревосходительство обнял меня! ха-ха-ха! Так вот оно что!.. Попляшут же теперь эти господа, которые ушли... Порадуются, да уж на другой манер!

Правитель губернии. Да, пора уж вывести их из недоумения. Они все по приказанию моему остановлены, и вы увидите новую картину... Столбиков! Сойди вниз и объяви ушедшим, чтоб воротились выслушать меня, но не говори ни слова о том, что здесь было.

Столбиков. Слушаю, ваше высокопревосходительство. *(Уходит.)*

Правитель губернии. Вы, господа, верно, догадываетесь, с какой целию я так поступил... Теперь мне остается объявить награды по заслугам...

За дверьми слышны голоса ушедших, и они входят в сопровождении Столбикова.

Поручик правителя губернии *(входя)*. Идемте, господа! что за чудеса с нами делают!

Чиновники *(вошедшие)*. Странно, странно!

Правитель губернии. Мне очень жаль, господа, что вы отказались доставить мне удовольствие провести день с вами...

Чиновники *(вошедшие)*. Что же делать! у всякого свои обязанности!

Правитель губернии. Я должен был объявить вам волю высшего начальства, а вы ушли прежде времени. *(Первому председателю.)* Господин председа-

тель, ваша ревностная служба награждена: управлению вашему вверяется эта губерния. Вы будете иметь хорошего помощника: вам назначен в советники этот господин. *(Подводит к нему молодого заседателя.)* А он определен на место советника *(указывая на советника палаты)*, который за злоупотребления, известные правительству, за клевету, рассеваемую им на начальствующие лица, отрешается от должности.

Советник бледнеет и отходит в глубину.

Столбиков *(радостно)*. Ага! Кащей! допекли! хорошенько!

Правитель губернии. Прочим господам чиновникам, о коих я ходатайствовал, кроме вас, господа... повелено объявить следующие чины. Приятнее всего для меня то, что я не расстаюся с вами, и как ваш наместник...

Чиновники *(вошедшие, с притворною радостью)*. Как! Вы наш наместник? Как мы счастливы! Истинное желание наше исполнилось! Достойному достойное! Ваша отличная справедливость... отменное великодушие... поздравляем, поздравляем! от всего сердца!

Правитель губернии *(удерживаясь от улыбки)*. Я еще поутру узнал о всех этих наградах и поручил пригласить вас, чтоб вместе разделить общую радость... но вы не дождались! До свидания. Предоставьте нам воспользоваться обедом, от которого вы отказались. Завтра я вступлю в должность. Кому прежде советовал подать в отставку, теперь требую... Желаю вам хорошего аппетита.

Чиновники *(уволенные)*. Не подумайте чего-нибудь, ваше высокопревосходительство... так... недоразумение. *(Приступают к уволенному советнику палаты.)*

Поручик правителя губернии. Это вы, вы, Иван Иванович, меня отвели: я располагал непременно здесь обедать!

Директор экономии. Предостойный начальник! жаль, что мои злодеи поселили во мне такое дурное об нем мнение! Это всё вы, Иван Иванович!

Чиновники *(уволенные)* *(советнику)*. Всё вы, всё вы!

Советник палаты. Да помилуйте, господа, не сами ли вы... я надеюсь...

Чиновники *(уволенные)*. Нечего миловать! нечего надеяться! Достойному достойное... Вы всегда шли против его превосходительства и вооружали нас... Поделом вам! *(К правителю губернии.)* Простите, ваше превосходительство. *(Идут к выходу, наступая на советника.)*

Поверьте, мы к вам глубочайшее
Почтенье питали всегда,
И счастье для нас величайшее,
Что вас миновала беда!
Приносим мы вам поздравление,
От сердца желаем всех благ!
Глубокое к вам уважение
Вовек не угаснет в сердцах!

(Уходят.)

Правитель губернии *(вслед им)*. Прощайте, господа, желаю вам хорошего аппетита.

Явление 14

Правитель губернии, чиновники (оставшиеся к обеду), Столбиков и Игнатьич.

Правитель губернии. Идемте, господа, обедать...

Входит Игнатьич.

А! вот еще нужно кончить с ними. Столбиков, подите сюда, и ты.

Игнатьич *(подходя к нему)*. Что прикажете, ваше превосходительство?

Столбиков *(шепчет Игнатьичу)*. Ваше высокопревосходительство... разве не знаешь?..

Правитель губернии *(Игнатьичу)*. Вот письма... *(Дает письма и деньги.)* Они тебе помогут... Важные лица, которым они писаны, заступятся и поддержат тебя... пообедавши, немедленно отправляйтесь в Москву... Столбиков мне не нужен. Для себя он уже в приличном чине, далее которого не пойдет, да и служба от него не потеряет ровно ничего...

Столбиков. Когда буду правителем губернии, непременно буду так говорить.

Правитель губернии. Конечно, одним почерком пера можно было всё в этом деле поправить; но ему для опыта дается законный ход и форменный порядок до самого окончания. По новости наместничеств они могут показать, не существует ли недостатков в узаконениях... Столбиков же от этого ничего не потеряет. А действия твои я скоро увижу.

Игнатьич. Помилуйте... Все силы употреблю... я и сплю и вижу, чтоб обличить этого злодея Жиломотова... возвратить отнятое Петру Степановичу.

Правитель губернии *(к гостям)*. Идемте... *(Игнатьичу.)* Поди за мной... я тебе выдам деньги.

Уходят все, кроме Столбикова.

Явление 15

Столбиков *(один)*. В Москву! мне ехать в Москву, когда сердце мое не может выехать ни на шаг из здешней губернии, в которой живет она, моя Дунечка... когда в нем кипят обуревающие страсти! когда мы с нею втихомолку поклялись любить и пламенеть до гробовой доски!.. Ах! да что же это... она даже нейдет со мною проститься... Я дал ей клятву, что только выиграю хоть одну процессию, сейчас сыграть с ней свадьбу, связать наши сердца бракосочетательным узлом навеки нерушимо... Ах, вот она! *(Оглянувшись в столовую.)* А там уж, кажись, и супец кушают!

Явление 16

Столбиков, Дунечка, потом Игнатьич.

Столбиков, увидя входящую Дунечку, тотчас падает на оба колена.

Столбиков. Дунечка! Разлука нам грозит. Но вы всё-таки будьте уверены...

Скорей согласен умереть,
Чем вас слезящу вечно зреть!

(Целует с жаром обе ее руки.) Ах! как хорошо... забористо!

Д у н е ч к а. Ах, Петр Степанович... Я верю вашим клятвам. Но всё думаю, что вы меня забудете!

С т о л б и к о в. Ох, Дунечка!..

Скорей я пить и есть забуду,
Умру... но верен вам пребуду!

И г н а т ь и ч *(показываясь в дверях столовой)*. Петр Степанович! Его высокопревосходительство приказал вам сказать, что сейчас подадут ваш любимый соус.

С т о л б и к о в. Ах, соус! ах, Дунечка! разлука! боже всемогущий! *(Целует ее.)* Тут в горести ждет она! Там ждет славный соус...

Ах, как кипит ужасно кровь!
Да хоть кого в озноб тут кинет.
Здесь разгорается любовь,
А там любимый соус стынет.

Прощайте, прощайте, сердце души моей... весь мой пламень здесь... Ах, боюсь... съедят...

Дуняша!.. соус... Вот борьба!
Не измените ж только слову-с...
А мне идти велит судьба. *(Идет.)*
Прости, Дуняша,

(подходит к столовой)

Здравствуй, соус!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛОВУШКА ОПЕКУНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макар Тимофеевич Жиломотов, городничий.
Фекла Петровна, жена его.
Малаша, их дочь.
Петр Степанович Столбиков.
Ивановна, нянька Малаши.
Петигорошкин, поверенный Жиломотова.

Явление 1

Фекла Петровна и Малаша (входят вместе).

Фекла Петровна. Да, дочь моя, мы теперь в большой опасности; нужно всеми силами стараться отвратить несчастье, ты обязана, как наше любимое рождение, помогать нам в беде... Отец твой говорит, что поправить дело нельзя иначе, как нужно примерно помириться с Столбиковым... А как помириться... нужно, чтоб он непременно влюбился в тебя... Ты как наше любимое рождение должна будешь, когда приедет нареченный женишок Петр Степанович, ты должна ему *непременно* понравиться, то есть пронзить сердце его насквозь!

Малаша. Да как же это, маменька, я пронжу его сердце насквозь? Ведь я этого не умею.

Фекла Петровна. Стыдись, Малашенька! В твои лета спрашивать об этом... на то у тебя глаза...

Малаша. Да ведь прежде сами вы бранили меня, когда я старалась нравиться другим женихам.

Фекла Петровна. Другие нам не годились; а Петр Степаныч может погубить нас, если ты ему не приглянешься, пожалуйста же, как увидишь его, то вздохни понежнее, да и прихлопни глазами.

Малаша улыбается и делает гримасы глазами.

Малаша. Вот так?

Фекла Петровна. Нет, ты не так... Неужто прихлопнуть-то не умеешь?

М а л а ш а. Ну да как же, маменька?

Ф е к л а П е т р о в н а. А вот как, когда на солнце поглядишь... вдруг прищуришься... *(Показывает на веки.)* То есть мигни да и открой, и опять погляди нежно... А потом губки вот так сожми покрасивее и позаманчивей...

М а л а ш а. Да как это? право, я не знаю...

Ф е к л а П е т р о в н а. Ну да вот как, когда покушаешь приятного варенья... понимаешь?

М а л а ш а. А! вот так, маменька? *(Делает гримасы.)*

Ф е к л а П е т р о в н а. Ну так... хорошо... да говори-то с ним понежней и всё смотри прямо в глаза ему. Пусть себе влюбляется, как дурень какой... Он ведь хоть глуп, а богат страшно!

М а л а ш а. А! вот что!

Ф е к л а П е т р о в н а. А когда он ручку возьмет поцеловать, а ты и ущипни себя в которую-нибудь щечку, так чтоб он не видал, да и покрасней вся... вздохни и скажи: «Ах, Петр Степаныч!» — и глаза опусти, понимаешь?

М а л а ш а. Понимаю, маменька. Да что же из того будет?

Ф е к л а П е т р о в н а. Как что! Ведь я ж тебе говорю: отец твой поссорился с Петром Степанычем за опекунство, а теперь всем нам плохо приходит... Если же Столбиков влюбится в тебя да на тебе женится, то сделает тебя богатейшею госпожою, а с отцом навсегда помирится... постарайся же, душенька... тут наша общая польза... обморочь его, глупенького, хорошенького.

М а л а ш а. Хорошо, маменька, я постараюсь угодить тятеньке...

Ф е к л а П е т р о в н а. Ах! как я тобой довольна... ты, точно, дочь наша! *(Целует ее.)* А как уж мы навсегда завладеем его имением, тогда-то заживем припеваючи!

Я в л е н и е 2

Т е ж е и Ж и л о м о т о в (входит напуганный с бумагою).

Ж и л о м о т о в *(громко восклицает)*. О, правосудие! Феклуша! спаси! укрой грешную голову от правосудия!

Ф е к л а П е т р о в н а. Что такое? что еще за несчастье?

Жиломотов. Грабят опекуна! разоряют! Представь себе, получен указ, который повелевает: дабы все три имения Петра Столбикова, находящиеся у меня под опекой, были все непременно в целости сданы законному совершеннолетнему наследнику оных, Петру Степановичу Столбикову!.. а?.. ему, дураку, молокососу,— такое имение! А если кто купил — отобрать сполна, а тому отыскивать своего на опекуне Макаре Жиломотове за беззаконную продажу! Мало того: меня как опекуна, действовавшего лично в похищении имения, объявить пред всем дворянством во время выборов, удалить из собрания и предать суду!.. Каково?

Фекла Петровна *(подняв руки)*. Ах! смерть моя!

Жиломотов *(бросаясь в кресло)*. Ох! доехали!

Малаша. Ах! бедный тятенька!

Фекла Петровна. Дожили и мы, видно, до черного денька, прогневали господа! И неужли уж всё покончено?.. а? говори! известно ли всем про этот указ? дорезывай, голубчик Макар Тимофеич!

Жиломотов. Нет еще... Он только пришел... пока еще никто не знает о решении.

Фекла Петровна. А! Ну так еще дело, кажись, поправное... не надобно только зевать... надо приняться теперь хлопотать поосторожнее... Только бы нам поймать поскорей Петра Степановича и, волей или неволей, затащить сюда...

Жиломотов. Ох! Я уж принял все меры. Столбикова стерегут на всех заставах... во всех соседних городках и, как только он покажется, разом привезут его к нам.

Фекла Петровна. А где он теперь, дурень, проживает? в Москве или у родственников?

Жиломотов. Из Москвы мне писали, что он, по совету поверенного, не дождавшись решения дела, уехал к своей проклятой тетке без копейки денег... Бьется, говорят, как калашник... а вчера меня уведомил один стряпчий, что якобы Столбиков от тетки тоже давно выехал и скитается по разным местам, жил будто бы у многих помещиков в должности управителя.

Фекла Петровна. А дошло ли до него хоть одно письмо, что ты писал насчет мировой?..

Жиломотов. Не знаю! стряпчий не пишет... Теперь, говорят, он будто сюда едет к какому-то своему дяде... вот я и велел Петигорошкину перехватить его.

Фекла Петровна. Дай-то бог! Михайло Федорыч Петигорошкин не прозевает... Надо только стараться, чтоб по приезде сюда Столбиков ни от кого не узнал, что дело его выиграно... Потом женить его поскорей на Малаше, если он только уж не женился, да и концы в воду...

Жиломотов. Вестимо, тогда и концы в воду, а теперь он у меня вот где сидит! вся у меня надежда на Петигорошкина... он такой проныра, что за деньги в огонь пойдет. Надо бы с ним расплатиться, да жаль мне расставаться с казною... он же, я чай, считает на мне куда много! впрочем, я отделаюсь одними посулами. Ах! да никак это он!

Явление 3

Те же и Петигорошкин (одет по-дорожному).

Петигорошкин. Радуйтесь, радуйтесь, Макар Тимофеич! по вашему приказу я отыскал Петра Степаныча!

Жиломотов и Фекла <Петровна>. Отыскал! Слава богу! где, как, у кого?

Петигорошкин. Уф! на последней станции под городом и в самом горестном виде... Он задолжал за постой и не мог расплатиться... денег у него ни гроша... я как узнал его, так и к нему на шею! обласкал его, заплатил долг, накормил, а потом вручил письмо ваше насчет мировой... Несчастный крайне обрадовался вашему предложению... плакал, рассказывая мне свои похождения в Москве и потом проживание у разных помещиков... а я, не будь плох, как раз нанял ему лихую тройку да и отправил его к вам, батюшка Макар Тимофеевич... Сам же, знаете, поскакал вперед, чтоб этак обрадовать и приготовить вас к приличному принятию вышереченного гуся.

Жиломотов. Благодарю, благодарю вас, благодетель мой, у меня вот так и отлегло от сердца, уф! я готов расцеловать вас, как родного отца! *(Целует и обнимает.)*

Фекла Петровна. Ах, и я не знаю, как изъявить свою радость и благодарность!.. вы истинно благородный человек! Сколько вы для нас сделали!

Петигорошкин *(холодно принимая их ласку)*. Да-с!.. таки довольно! если б сосчитать всё, так оно бы порядочно набралось... Пора бы уже, Макар Тимофеевич,

подумать о должном мне вознаграждении. В последнее же время было множество непредвиденных расходов, кои я всенижайше прошу вас ныне мне возвратить... *(Вынимая бумагу.)* Вот подробнейшее изложение моих трудов и расходов...

Жиломотов. После, после, батюшка Михайло Федорович... Теперь, знаете, еще не время...

Петигорошкин. После! Не время! Да помилуйте!.. когда же? Нет, воля ваша, за мои кровавые, за мои неусыпные труды, бог видит, не грех взять!.. Да притом еще, знаете, я шел против сироты,— прости господи мое прегрешение! тут казус такой... что его нужно окончить поскорее... Я же теперь хлопочу по разным тяжбам, завожу процессы с помещиками, вы знаете, это моя пища, мое существование; пожалуйста, разочтемтесь...

Фекла Петровна. Полноте, полноте! Вот как устроится мировая и женится этот дурень на дочери нашей, тогда ничего не пожалеем...

Жиломотов. Конечно, конечно... Тогда что хочешь требуй... за долг, за долг почту себе... А теперь, право слово, и денег-то нет...

Петигорошкин. Батенька! Не сули ты журавля в небе, а дай синицу в руки. Ведь я тебя давно знаю, Макар Тимофеевич!

Жиломотов. Тем лучше; чего ж ты сомневаешься?

Петигорошкин. А как придет указ о решении дела? так ты мне, пожалуй, и двери укажешь! Я ведь тебя знаю, Макар Тимофеевич!

Жиломотов *(прерывая его)*. Полноте, полноте... мы, кажется, такие друзья...

Петигорошкин. Знаю, батенька; дружба — дружбой, а служба — службой. Смотрите же, не забудьте моих услуг, я приду сегодня... Прощайте...

Жиломотов. Прощайте, мой любезнейший, почтеннейший!..

Петигорошкин. Ладно, ладно, мой дражайший, приготовьте, что следует. *(Уходит.)*

Жиломотов. Ну, слава богу! отделались от скареда!.. теперь кабы только Столбиков поскорее приехал... уж вы постарайтесь тут, настройте Малашу; а я побегу приготовить ему комнату да велю позвать, на случай, портного. *(Уходит.)*

Явление 4

Фекла Петровна и Малаша.

Фекла Петровна *(суетясь)*. Малашенька! едет!.. едет... что бы это такое сказать ему? А?

Малаша. А что бы такое, маменька? а?

Фекла Петровна. Побольше изъявляй ему чувствительного. Я так же поступала, когда поражала сердце Макара Тимофеевича.

Малаша. А как ему ничего во мне не понравится?

Фекла Петровна. Авось, бог милостив! у меня хоть умри, а понравься ему всенепременно! слышишь?

Малаша. Слышу, маменька...

Фекла Петровна. При каждом его слове делай нежную книксу. Слышишь ли?

Малаша. Ах, боже мой! слышу, маменька...

Фекла Петровна. Ведь, коли он на тебе не женится, мы погибли! понимаешь ли?

Малаша. Понимаю, маменька... да хорош ли он собой-то?

Фекла Петровна. А я-то почем знаю! слышала, муж говорит, что он глуп очень, это прекрасно!

Ты не заботься о пустом:
Жить с умным мужем несподручно,
А с богатейшим дураком
Век проживешь благополучно!
Теперь грозит несчастье нам,
А женим дурня — всё забудем;
Ведь нынче счастье дуракам,
Авось и мы счастливы будем!

Явление 5

Те же, Ивановна, потом Столбиков.

Ивановна *(торопливо)*. Фекла Петровна! барыня! приехал жданный гость! на тележке прикатил!

Фекла Петровна и Малаша. Неужто он?

Ивановна. Он, он, родная. Я, говорит, дворянин, отставной! Петр Степаныч, говорит, по армии Столбиков!

Фекла Петровна. Слава богу! проси скорее...

Ивановна идет к дверям.

Малаша. Ах, маменька, как у меня сердце дрожит...

Фекла Петровна. Ну, добрый знак! Это, говорят, предчувствие такое...

Ивановна *(в дверях)*. Милости просим, ненаглядный, пожалуйте...

Столбиков входит, одетый бедно, с чемоданчиком под мышкой.

Фекла Петровна *(громогласно)*. Здравствуйте, батюшка Петр Степаныч! в кои-то годы привел мне бог увидеться и познакомиться с вами!.. *(Хочет его обнять.)*

Ивановна. Да, да, в кои-то годы, ваше благородие!.. *(Осмотрев его, уходит.)*

Столбиков *(серьезно отстраняя ее объятия)*. Позвольте-с... начнемте, как подобает... *(Целует руку, потом, не выпуская ее руки, смотрит в глаза и говорит.)* Позвольте узнать: с кем имею честь... в первый раз родяся видеться?

Фекла Петровна. Как же, мой батюшка, ведь я Фекла Петровна!..

Столбиков. Ах, это очень приятно...

Фекла Петровна. Ведь я жена Макара-то Тимофеича! вашего доброго опекуна. Матушка ваша, покойница, была со мною очень дружна и, предчувствуя свою близкую кончину... дай бог ей царство небесное! всегда меня просила взять вас на свои руки; мы так и сделали, исполнили долг свой... а как это случилось, что мы с вами никогда не видались,— право, не знаю! хоть умереть, не знаю!..

Столбиков *(особо)*. Какой лестный прием! что бы им сказать на это? *(Ей.)* Это оттого, что... я не имел чести быть вам знаком... оттого, что я получал образование, приличное моим летам, в деревне у отца Филиппа... а потому я не имел чести быть с вами знаком... да и матушка, покойница, тоже не имела чести быть с вами знакома... оттого-то я и не имею чести вас помнить...

Фекла Петровна. Куда же вам и помнить! вы были еще *махоньким*, когда она изволила *преставиться*... я в тот год родила Малашу... вот дочь моя, батюшка Петр Степаныч! *(Малаше.)* Малаша! сделай книксу Петру Степанычу! и познакомься... *(Ему.)* Прошу вас, батюшка, полюбить ее равно как и нас...

Столбиков *(увидя ее, вздрагивает и говорит про себя)*. Ах! что это! какая единственная наружность!

заманчивее Дунечки... как полна и благообразна! а глазки, хоть и махонькие, но канальские! *(С неловкостью подходит к руке Малаши.)* Позвольте-с... иметь столь неожиданное удовольствие... *(Поцеловав, про себя.)* Усладительное чувство! *(Обращаясь к Фекле.)* После столь долгих несчастий позвольте, Фекла Петровна, еще учинить нежное лобзанье!

Фекла Петровна. Помилуйте, родной мой, с удовольствием.

Столбиков *(целуя руки Малаши, говорит ей)*. Какой особенный вкус в этом прикосновении!.. какие вы добрые, должно быть, Маланья Макаровна... *(Отходит с разными ужимками и поклонами.)*

Фекла Петровна. О, что до доброты души, так уж, батюшка, другой подобной не найдете... *(Ей.)* Малаша, не конфузься, сделай еще книксу Петру Степанычу... *(Малаша исполняет.)* Зато уж я и люблю ее, голубушку... нечего сказать, она и заслуживает любовь.

Столбиков с намерением, глядя на Малашу, кашляет.

А уж воспитала я ее, отец мой, сколько возможно деликатнее...

Столбиков. Ах! я это с первого взгляда заметил, как они ловки...

Фекла Петровна. Да, батюшка, ни в каком городе появиться с нею не стыдно будет, если бог, по милости своей, пошлет хорошего женишка...

Столбиков *(снова вздохнув, кашлянул)*. Ах, совершенная правда-с!

Фекла Петровна. Конечно, загадывать не смею, но, если выйдет судьба хорошая, уж я приданого не пожалею. Садитесь, батюшка, садитесь... Другим детям даст отец, это его воля, но Малаше я назначаю всю мою собственность: жемчуги, брильянты, золотые и серебряные вещи и деревню, всё, всё ей!..

Столбиков. Ах, какие вы добрые, Фекла Петровна!..

Фекла Петровна. Да как же иначе, мой батюшка? стоит ли нам, старикам, беречь что-нибудь, когда любимая дочка невестой глядит.

Столбиков. Да-с, конечно-с... *(Особо, бросив взгляд на Малашу.)* Да и глядит-то как усладительно!

Фекла Петровна. Эх, родной, всё рада отдать, лишь бы господь сочетал святыми узами с хорошим человеком. Не так ли?

Столбиков. Ах! ваша правда-с! *(Особо.)* Что это! Малашенька, глядя на меня, улыбнулась?..

Фекла Петровна. Мы вот, родной, всегда принимали в вас полное участие, как в родном детище... позвольте старухе обнять и поцеловать вас... боже милостивый! Экой молодец, подумаешь!.. глядя на вас, у меня так слезки и льются... вот кабы бог наградил меня таким сыночком! *(Целует его в голову.)* Не правда ли, батюшка?

Столбиков *(глядя на Малашу)*. Конечно-с... хорошо бы было такое... божие милосердие... но Макар Тимофеич со мною в тяжбе и человек он очень строптивой натуры...

Фекла Петровна *(перебив его)*. Что вы! Макар-от Тимофеич? да это предобрейшая душа! да он рад всё отдать, лишь бы помириться, да вы бескорыстнее человека не найдете...

Столбиков. Неужли-с? да как же я-то до сих пор испытывал всё ужасные бедствия?

Фекла Петровна. Не знаю, батюшка, только Макарушка мой тут, право, не причиной. *(Встает.)* Да что он нейдет? верно, хлопочет по должности или готовит вам хорошее помещение... сейчас уверитесь, батюшка, в его чистосердечии. Малашенька! скорей приготовь позавтракать Петру Степанычу, да и угости сама, будь хозяйкой!..

Малаша. Извольте, маменька, с удовольствием!.. *(Подходя к Столбикову, делает ему еще книксу.)* Сейчас, Петр Степаныч! *(Уходит.)*

Столбиков *(особо)*. Ах! что за милая кникса!..

Фекла Петровна *(ему)*. Каково образована, батюшка?

Столбиков. Ах! не спрашивайте! единственно!

Фекла Петровна. Да уж грешно похаять. Сейчас побегу и я за Макарушкой, он лично уверит вас в своем отеческом расположении. *(Особо.)* Попался, голубчик! *(Уходит.)*

Явление 6

Столбиков *(один)*. Скажите, какая добрейшая душа эта Фекла Петровна! неужто и мой злодей, Макар Тимофеич, таков же стал? ах, как бы это хорошо было! впрочем, коли он в письме предлагает сам помириться, так, верно, совсем переродился в эти семь лет... верно, ему жаль меня стало, дай-то бог! а какая у них Малашенька-то! почище моей Дунечки, которую я бросил так безжалостно. Та была заманчива, а эта привлекательна... бровки черные, густые, сросшиеся... шейка толстенька, коротенькая, унизанная жемчугами... славная барышня! она с первого раза как-то пришлась мне по вкусу... ах, кабы помириться!.. предался бы опять обуреваемой страсти!.. а какие у этой Малаши ручки! просто две — четырех стоят! а уж губки как привлекательны! пухленькие, словно подушечки... так вот и сулят блаженство тому, кого она осчастливит поцелуем... ах, кабы помириться с Жиломотовым да получить хоть одну часть из моего имения, ей-богу бы женился! да как только приступить к этому?

Неужли, о судьба! не поможешь мне ты?
Неужли мне нельзя избежать нищеты?
Для того ль я на свет родился богачом,
Чтобы слезы всегда утирать кулаком?
И зачем здесь теперь я узрел красоту?
Не полюбит она без гроша сироту!
Он ограблен людьми — что же есть у него?
Яко наг, яко благ, яко нет ничего!

(Садится и задумывается.)

Явление 7

Столбиков и Ивановна (вносит завтрак).

Ивановна *(ставит на стол поднос)*. Милости просим, батюшка, дорогой гость, кушай во здравие, ваше благородие... просим любить да жаловать слуг своих... Барышня велела сказать, что она сама всё приготовила, а мне пока приказала просить вас... пожалуйте, подкрепитесь с дороги.

Столбиков. Спасибо, старушка; как тебя зовут?

Ивановна. Ивановна, голубчик, полюбите старуху; я на своих руках вынянчила Маланью Макаровну. Пожалуйте...

Столбиков. Спасибо, Ивановна, что-то аппетит у меня пропал... *(Опять задумывается.)*

Ивановна. Вот! Э, да отчего так, ваше благородие, смутен и невесел? али что не нравится?

Столбиков. Так-с... ничего-с... может быть, нельзя сказать-с.

Ивановна. Ах батюшки-светы! да уж не зазноба ли какая у вашего благородия?

Столбиков *(посмотрев на нее и громко вздохнув, произносит)*. Влюблен-с!..

Ивановна. Ну, доброе дело! я сразу угадала! хе! хе! хе! да уж не Маланья ли Макаровна сокрушила ваше благородие?

Столбиков *(с жаром)*. Ах! да кто ж другой может сделать меня несчастным, как не эта богиня!

Ивановна *(особо)*. А! да он и точно выходит мякушка! услужу же я барышне и барыне, благо сами дозволили! *(Ему.)* И, ваше благородие! это, по-нашему, плевое дело! Что и думать! я вас научу, так девка к вечеру наша будет!

Столбиков *(вскочив)*. Неужто? Ивановна! Матушка! Что ты говоришь? научи ради бога! вечно буду благодарен! расцелую тебя, как мать родную!

Ивановна. Извольте, ваше благородие, извольте... только вправду ли она зазнобила ваше ретивое?

Столбиков. Ах! не спрашивай! просто вот в самую глубину сердца вся так сразу и прошла!

Ивановна. Ну так теперь вот как следует сотворить дельце: постарайся-ка ты, голубчик барин, поймать Маланью-то Макаровну с глазу на глаз и, не говоря доброго слова, чмок ее в руку, покамече, так, чтоб у нее жилки задрожали!..

Столбиков. Да уж я при матушке раза три чмокнул преизрядно.

Ивановна. При матушке — особ-статья, а с глазу на глаз выйдет, ваше благородие, свое, другое... как облобызаешь, она и спросит тебя: «Нешто вы любите меня?», а ты тут и рассыпься медовыми речами, какие чувства питаешь, да зови и ее полюбить себя. Вот она и скажет: «Я, ваше благородие, любиться готова, но только честно

и благовидно, не иначе как через законный брак». А ты тут и молви ей: «Не на что ж и я иду, как на этакой путь!» Вот тогда и к родителям за благословением, да по рукам, да и за свадебку!

Столбиков *(в восторге).* Голубушка! нянюшка ты моя!.. *(Хватив ее за голову обеими руками.)* Ивановна! Красавица! Ты мне голову к плечам приставила! дай расцелую твою седую головку!

Ивановна. То-то же! уж я, грешная, знаю, как дела-то делаются. *(Увидя Малашу, которая вдали подслушала их.)* А! да вот никак и барышня... Ну, ваше благородие, пока родители не мешают, с богом! авось и на вашей улице будет праздник!.. *(Особо.)* Расскажу всё барину и барыне, вот обрадуются! да, чай, и скажут: ай да Ивановна! сваха ты, братец, знатная сваха! *(Уходит, указывая Малаше на Столбикова, который, увидя ее, конфузится и не смеет подойти.)*

Явление 8

Столбиков и Малаша (оба, далеко друг от друга, поглядывают украдкой, он покашливает и вздыхает громко, она перебирает пальцами передник).

Столбиков *(после некоторого молчания, про себя).* Ох! сердце так и прыгает, точно рыба на горячей сковороде... Что бы ей сказать?.. Ума не приложу, как взглянул на нее, мою пулярдочку, так вся наука Ивановны из головы вылетела!.. *(Увидя, что Малаша к нему приближается.)* А! подходит! подходит! *(Снова вздыхает.)* Ох! голубушка моя! еще приблизилась!

Малаша *(с робостью).* Отдохнули ли вы, Петр Степаныч?

Столбиков *(в сторону).* А! заводит! сама заводит! *(Ей.)* Отличным образом отдохнул, Маланья Макаровна! хотел было прилечь и соснуть, да не решился... побоялся обеспокоить-с...

Маланья. Отчего же-с? ведь вы, чай, устали?

Столбиков. Да совестно-с!.. я, изволите видеть, слишком чувствительно храплю во сне... *(В сторону.)* Что бы у нее спросить этак поинтереснее?.. *(Ей.)* Апропо! вы не пугаетесь, когда кто-нибудь близко храпит?..

Малаша. О нет-с! нисколько!.. *(Помолчав и поглядев на него.)* Я и сама иногда даже няню разбужаю!..

Столбиков. Скажите!.. *(В восторге, про себя.)* Что за любезная девица! Кончено! она должна быть моею!

Малаша. А что ж вы это ничего не покушаете?.. Пожалуйста-с, будьте как дома... я сама приготовляла закуску!

Столбиков *(смело)*. Вы сами... позвольте, позвольте... что ж вы изволили для меня приготовить?.. *(Идет к столу.)*

Малаша. Вот-с, пирожки, ватрушки-с, цыпленочек-с, уточка-с...

Столбиков. И это всё вы сами?

Малаша. Сама-с!

Столбиков. Редкая хозяйка-с!.. Скажите, и барашка этого вы же сделали? из масла?

Малаша. Я-с!

Столбиков. С отличительным искусством! какая мордочка, рожки, жаль тронуть!..

Малаша. Помилуйте, чего ж жалеть! я сделаю другого!

Столбиков. О, я знаю, вам это ничего не значит-с!.. позвольте же, вон я ватрушки... но что ж вы сами?.. сделайте одолжение, будьте так великодушны, присоединитесь со мной!

Малаша *(садясь)*. Ах, если вам не противно, я с удовольствием!

Столбиков *(в сторону)*. Села! у! так и охватило нежным жаром!

Малаша. Вам нравятся мои ватрушки-с?

Столбиков *(нежно)*. Зачем вам? не скажу-с... после узнаете!

Малаша. Отчего-с?

Столбиков. А оттого-с!.. *(В сторону.)* Что за пухленькие щечки! Даже глаза из-за них чуть видны.

Малаша *(скатав шарик из хлеба)*. А что бы вы сделали с этим шариком?

Столбиков *(в сторону)*. А! понимаю, в чем дело... надо подняться на нежности... *(Ей.)* С этим шариком?.. я выкинул бы его за окно.

Малаша. Это я-с!

Столбиков. Ах, неправда-с!

М а л а ш а. Право-с, я на себя задумала... так вы бы меня за окно?

С т о л б и к о в. О нет-с, как можно думать... да я бы вас не только за окно... но поставил бы под стеклышко и любовался бы раз по сту в минуту... я думал, что вы загадали на маменьку или на няню... а загадайте теперь на себя, так увидите, что я скажу.

М а л а ш а *(скатав другой шарик)*. Ну, что бы вы сделали с этим шариком?

С т о л б и к о в *(в сторону)*. Брякну без обиняков! *(Ей.)* Поцеловал бы!

М а л а ш а *(сконфузясь)*. Ах, это я-с!

С т о л б и к о в. Вы! Что вы говорите! это вы!.. как же я угадал!.. Маланья Макаровна, скажите, и вы не сердились бы, если я взаправду... вы молчите?

М а л а ш а *(стыдливо)*. Ах, кто молчит, тот... может быть, лучше делает, нежели говорит!

С т о л б и к о в *(в восторге продолжает есть)*. Маланья Макаровна!.. Что я вижу! вы покраснели, как маковка!.. Скажите, неужли я в самом деле так счастлив? неужли я после стольких несчастий обрету наконец такое счастье подле вас... неужли?.. *(В сторону.)* Дурацкая ватрушка засела в горле!.. *(Ей.)* Маланья Макаровна!.. гм!.. Маланья Макаровна! неужли вы будете до того милостивы, что решитесь, что позволите!.. Маланья Макаровна! я не в силах больше молчать!

Я в вас влюблен, без всякой шутки,
Влюблен, что только силы есть...

М а л а ш а.

Покушайте же этой утки...

С т о л б и к о в.

Я вас самих хотел бы съесть!

М а л а ш а.

Хоть выпейте наливки кружку...

С т о л б и к о в.

Ах, дайте ручку мне скорей!

Малаша.

Да съешьте прежде хоть ватрушку.

Столбиков.

Вы всех ватрушек мне милей!

Вы быть должны навек моею!
Не то ведь я на всё решусь...
Я петлю навяжу на шею,
Ватрушкой этой задавлюсь!

Вместе.

Малаша.

О нет-с, я красотой своею,
Поверьте, мало так горжусь,
Что даже отвечать не смею!..
Мужчинам верить я боюсь!

Столбиков. Не сомневайтесь, Маланья Макаровна! Клянусь, как честный столбовой дворянин!..

Малаша. А о шарике вы и забыли?

Столбиков. Ах! как забыть! помню, по гроб буду помнить, Маланья Макаровна! ручку, с вашего позволенья, ручку! *(Целует руку.)* Ммм... Маланья Макаровна! О, счастье! Что это мы делаем такое?

Малаша. Ах, какой стыд!

Столбиков. Но не подумайте, мой ангельчик, чего-нибудь... я не иначе как через законный брак желаю обладать вами...

Малаша. А как же, душенька; иначе я ни за какие деньги не полюбила бы вас...

Столбиков. Ах! как я блажен!.. Пойду сейчас же к вашим родителям, упаду к ногам...

Малаша. Нет, мой дружочек, не падайте, не торопитесь... вы их испугаете... ведь я у них одна. Конечно, у маменьки всё уже для меня приготовлено, даже подвенечное платье...

Столбиков. Так уж не откладывайте!.. позвольте мне кончить всё разом! или жизнь, или смерть произнесите!

Малаша. Т-с! вот тятенька и маменька!

Явление 9

Те же, Жиломотов и Фекла Петровна (которые к концу сцены подсматривали за ними).

Жиломотов *(бросаясь в объятия Столбикова)*. А! Петр Степаныч! драгоценный мой Петр Степаныч! сколько лет, сколько зим мы с вами не видались! не грех ли это забыть своего искреннего друга! Да знаете ли, сколько я искал вас, чтоб кончить наши пустые делишки и заключить мировую! а вы!.. нехорошо, Петр Степаныч, право, нехорошо! я думал, что вы оцените мою привязанность, увидите мое бескорыстие и наградите меня, как доброго опекуна... жаль, батюшка, что я так жестоко ошибся... стало, я трудился понапрасну...

Столбиков *(в замешательстве)*. Помилуйте, Макар Тимофеич!.. я совсем другое... я думал... я видел, что вы сами, напротив того... впрочем, если я действительно ошибся, виноват, прошу прощения!..

Жиломотов. Ага! теперь другое заговорили! Ну, слава богу, наконец вы образумились!.. вы меня худо понимали, Петр Степаныч! я человек добрый, незлопамятный!.. Ну давайте руку, поцелуемтесь! мир! Феклуша, Малаша, радуйтесь и поздравляйте нас! Мир навеки нерушимый!

Фекла Петровна. Поздравляю! поздравляю, мои голубчики!

Малаша. Ах, и я тоже!

Жиломотов *(почти со слезами)*. Наконец я дождался радости! наконец я свалил с себя тяжелую ношу! ведь гнев ваш, Петр Степаныч, как камень лежал у меня на сердце!

Столбиков *(рыдая)*. Макар Тимофеич!..

Жиломотов *(также)*. Петр Степаныч! ведь вы не знаете, как я вас люблю! Да можно ли так любить и сына родного!

Столбиков *(также)*. Макар Тимофеич!

Жиломотов. Петр Степаныч! мир ненарушимый! пропадай все тяжбы и распри людские! дружба дороже всех благ земных!

Столбиков *(еще громче)*. Макар Тимофеич!.. нет, вы не человек!..

Жиломотов. Петр Степаныч! Помилуйте, такой же смертный!

Столбиков. Нет, клянусь честью, вы не человек!.. вы что-то другое... вы меня совершенно оживили!.. я не могу еще поверить... неужли это вы, неужли я перестану бедствовать?

Жиломотов. Ну, полноте, полноте!.. теперь всё счастье зависит от вас самих! я ничего не хочу! всё готов вам возвратить! лишь бы только помоги бог умереть спокойно!

Фекла Петровна. Да, родной, нам ничего вашего не нужно! в могилу не возьмем с собою неправо приобретенного.

Жиломотов. Ведь человек, батюшка... как бы сказать?.. прах! Из праха родился, прахом и будет! не так ли, батюшка?

Столбиков. Да-с, конечно... если рассудить...

Жиломотов. Стало, из чего же мы и бьемся на этом свете?

Всё суета сует, поверьте,
Чины, богатство, слава — дым!
Что скопим в жизни, то по смерти
Ни за копейку отдадим!
Для денег мы кривим душою,
Друг друга рады задушить,
А появися смерть с косою —
Готов все души заложить,
И даже с собственной душою,
Чтоб только душеньке пожить!

Стоит ли после этого какое-нибудь приобретение или именьишко того, чтоб обидеть своего ближнего?

Столбиков. Да-с, конечно, не стоит!

Фекла Петровна *(почти плачет)*. Ведь за всё будешь отвечать на том свете!.. Как подумаешь, родной, так всё бросишь!

Столбиков. Да-с, как подумаешь, так в самом деле...

Жиломотов. И! не приведи господь дожить до этого ни одному честному человеку... Ну-с, как вы поживали во всё это время, Петр Степаныч? В каких краях изволили обитать? хорошо ли вам было по службе, батюшка?

Столбиков. Нет-с, крайне нехорошо! везде неудачи и этакие, знаете, соблазнительные происшествия!

Жиломотов. Скажите, пожалуйста! А где же ваш поверенный Игнатьич? ведь он-то, заноза, нас и поссорил с вами.

Столбиков. Он хлопотал за меня в Москве; а перед моим отъездом, кажется, и сам тоже отправился в здешнюю сторону.

Жиломотов. Вот что! О, этот Игнатьич страшный сутяга! кабы не он, мы никогда бы с вами не расстались!

Фекла Петровна. Никогда! никогда!

Малаша. Да-с, никогда!

Столбиков. Да-с, конечно!

Жиломотов. Ну-с, я слышал также, что, по выходе в отставку из военной, вы и при правителе губернии долго находились?

Столбиков. Да-с, находился... так, знаете... особо... по секретной части!

Жиломотов. Вот что-с! *(Жене.)* Слышите, душенька, по секретной части! Каков наш Петр Степаныч-то! недаром я всегда говорил, что голова будет, голова!.. *(Ему.)* А по какой же это секретной части, батюшка, вы находились?

Столбиков. Не могу сказать-с!.. Беспримерный начальник! Он-то за меня и вступился да с Игнатьичем и в Москву-то отправил!

Жиломотов. Вот что-с! *(Тихо жене.)* Слышишь? *(Столбикову с ласкою.)* Ну, слава богу, Петр Степаныч! так вот как-с!.. а теперь вы что же? как намереваетесь расположиться жизнью?

Столбиков. Как вам сказать-с... изволите видеть... это... это будет зависеть от вас... от вашего соизволения-с будет зависеть...

Фекла Петровна. О, мы, родной, на всё для вас готовы, жизни нашей не пожалеем... лишь бы вы были счастливы.

Жиломотов. Всем пожертвую, всем! только скажите, что можем мы для вас сделать?

Столбиков. Если так... изволите видеть-с... *(В сторону.)* Что откладывать в дальний ящик... уж решился, так скажу... что будет, то будет! *(Вслух.)* Макар Тимофеич! Фекла Петровна! ведь я... ведь я хочу жениться.

Фекла Петровна. Что ж? доброе дело!

Жиломотов. Умнейшее намерение! с богом! Ведь вы уж дурной жены не выберете!

Столбиков. Ах, это просто-с такая, знаете, богиня, какой на свете нет...

Жиломотов. Так за чем же дело стало?

Столбиков. Не знаю-с... что-то робеется... боюсь, согласятся ли родители?

Фекла Петровна. Помилуйте, да я всякую бы минуту благодарила бога, если б он послал моей Малаше такого жениха.

Столбиков *(в сторону)*. Конечно! *(Вслух.)* Макар Тимофеич! Фекла Петровна! ведь это оне сами и есть!

Жиломотов и Фекла Петровна. Малаша?

Столбиков. Да-с!

Фекла Петровна. Согласна! согласна!

Жиломотов. Ну, если уж такая ее судьба, да благословит ее бог!

Столбиков. Неужели! Маланья Макаровна! Маланья Макаровна! Скажите, а вы согласны ли быть моей женою?

Малаша. Отчего же-с... коли угодно тятеньке и маменьке!

Столбиков. Что вы говорите!

Жиломотов. Да, да, с нашей стороны нет никакого препятствия! Стало и делу конец!

Фекла Петровна *(Малаше)*. Ах ты моя радость! ах ты мое сокровище!.. вот как нечаянно бог послал тебе женишка! недаром же он тебе всё снился!

Столбиков. Неужли-с?

Малаша. Право-с!

Столбиков. И никогда меня не видавши?

Фекла Петровна. То-то и удивительно! видно, суженого конем не объедешь!

Жиломотов. Да! Судьба человеческая! Так что ж нам долго думать? У меня ведь по-военному! честным пирком да и за свадебку! пожалуй, хоть завтра... приданое есть...

Фекла Петровна. Всё есть, и даже подвенечное платье у меня давно приготовлено для нее... Извините, мы ведь чем богаты, тем и рады... большого дать не можем!

Столбиков. Помилуйте, Фекла Петровна, мне ничего не надо, кроме Маланьи Макаровны!

Жиломотов. О, я уверен, что Петр Степаныч берет нашу Малашу за одну любовь...

Столбиков. Истинно за одну любовь! всё готов сделать для Маланьи Макаровны!

Фекла Петровна. Я сама в этом уверена!.. Да, мне кажется, скажи она только, чтоб Петр Степаныч укрепил за нею хоть здешние триста душ, так он сейчас!

Столбиков. Помилуйте, да в ту же минуту!

Жиломотов *(жене)*. Мало того, я уверен, что он для нее готов актом утвердить всё, что я доныне сделал по опекунству!

Столбиков. Помилуйте, как же не быть готовым!

Жиломотов. И даже рад утвердить меня *навсегда* своим опекуном.

Фекла Петровна. Да и кого ж ему лучше выбрать, как не своего тестя? Кто ж ему и порадеет, как не свой человек?..

Столбиков. Справедливо, как нельзя лучше!

Жиломотов. А что ж, в самом деле! Петр Степаныч, ведь мы все смертные, не знаем, когда бог пошлет по душу!.. а умри вы, чего боже сохрани, наша Малаша останется почти без куска хлеба!.. Что бы вам взаправду укрепить за нею здешнее имение... ведь нам не делить стать... всё будет общее...

Столбиков. Помилуйте! готов хоть сейчас! Да я для такой богини готов хоть себя укрепить!

Жиломотов. Добрейший, редчайший человек!

Фекла Петровна. Ну уж, Малаша, вымолила ты себе сокровище!

Жиломотов. Зато и береги у меня его как зеницу ока! служи ему весь век, как раба!

Малаша. Хорошо-с, тятенька.

Фекла Петровна. О, уж она у меня такая разумная, такая добрая, что Петр Степаныч как в раю будет жить с нею... Ведь она уж и теперь души в нем не слышит! Не так ли, Малаша? Ведь ты и теперь уж души в нем не слышишь?

Малаша. Да-с, маменька!

Столбиков. Ах! Маланья Макаровна! что я слышу! что за счастье, ей-богу!

Жиломотов. Поцелуйтесь же, жених и невеста!..

Столбиков и Малаша целуются.

Вот так! раз, два, три!.. Поздравляю, поздравляю!..

Общее целование.

Фекла Петровна. Поздравляю! поздравляю! *(Тихо Малаше.)* Заплачь, дурочка!.. *(Вслух.)* Ну, полно плакать!.. Извините, Петр Степаныч! дело девичье!

Жиломотов. От радости плачет, Петр Степаныч, от радости!.. Однако ж мы еще успеем наговориться!.. мы и забыли, что Петр Степаныч с дороги, надо соснуть... оно же перед обедом и здорово! Пойдемте-ка, в самом деле, вот ваша комната... а я меж тем приготовлю бумажонки к подписанию.

Фекла Петровна. А я пойду потороплю стряпуху! то-то у нас будет веселый обед!

Жиломотов. Да мы цимлянского выпьем!

Фекла Петровна. Своими руками сладких пирожков наделаю!

Малаша. Маменька, и я вам пособлю!..

Жиломотов. Ну, ну, скорее!.. *(Показывая на дверь подле кабинета.)* Милости же просим, дорогой будущий сынок!.. тут для вас всё приготовлено... До свиданья!.. *(Уходя с женой, особо ей.)* Попался дурачина!..

Малаша *(делая книксен)*. Прощайте, мой друг!.. желаю вам видеть хороший сон...

Столбиков. Вас желаю видеть, одних вас!.. *(Целует у нее руку.)* Прощайте, моя богиня! прикажите разбудить меня, если засплюсь!

Малаша. О, конечно! не то я соскучусь! *(Уходит.)*

Явление 10

Столбиков *(один, вслед Малаше)*. До свиданья, персик мой душистый!.. яблочко мое наливное! Шарик мой драгоценный!.. Скажите, пожалуйста! Да мне до сих пор и в голову не приходило, чтоб я был так глуп!.. Ну как же мне не назвать себя дураком? Я их считал врагами, грабителями, а они все предобрейшие, пречестнейшие люди! любят меня, как родного дитю... А Малаша-то! Малаша-то! Королева персидская, да и только! что за поступь! что за полнота! что за белизна! красавица! решительно богиня... нет, Дунечка была хороша, нечего сказать, но перед моей Малашей пас! хоть та и нравилась

мне и получила мою клятву, хоть я и ответствовал обуреваемою страстью, но уж теперь пардон!.. Голубушка ты моя!.. Пойду скорее, попробую соснуть!.. а там прифранчусь, и пошла потеха!.. *(Идет к двери.)* Ах ты лебедь моя белошейная!..

Явление 11

Столбиков и Петигорошкин (вбегая в среднюю дверь и удерживая Столбикова).

Петигорошкин. Петр Степанович! Петр Степанович! ваше благородие! вас ли я вижу, мой любезнейший Петр Степаныч! Наконец вы приехали!

Столбиков *(посмотрев на него)*. А! это вы, господин Петигорошкин! Позвольте! ваша личность мне что-то такое напоминает... давеча на станции я не успел порасспросить вас, вы меня так заторопили...

Петигорошкин. Давеча, батенька, такой был казус, что некогда было растабарывать, а теперь другое дело: я могу вам дать некое объяснение насчет моей особы... Что? ваш драгоценный опекунчик, кажись, в кабинете?

Столбиков. Да-с, пошел писать бумаги...

Петигорошкин. Хорошо-с. А супруга его с дочкой где, ваше благородие?

Столбиков. Они тоже ушли к себе.

Петигорошкин. Хорошо-с. Гм! я, Петр Степаныч, человек давно вам знакомый, сиречь Михайло Федорыч Петигорошкин, который, помните, приезжал к вам ревизовать господина Жиломотова.

Столбиков. А! вспомнил! Так это вы тогда увезли в своей шкатулке денежные колбасы?

Петигорошкин. Я, я, батенька; за то вскоре пострадал на службе и потом, раскаявшись в проступках, полюбил вас от чистого сердца.

Столбиков. Ну, благодарю вас! Я уж теперь всё забыл.

Петигорошкин *(поминутно оглядываясь)*. Добрая вы душа, Петр Степаныч! но позвольте, что же у вас произошло доброго с Жиломотовым?

Столбиков. Всё чудесно! Я наконец совсем поми-

рился с опекуном, прекращаю процесс и даже женюсь на его дочери Маланье Макаровне! Каково?

Петигорошкин. Помирились! *(Всплеснув руками.)* Что вы! что вы! Позвольте... *(Бежит и запирает на ключ кабинет Жиломотова.)* Как! женитесь на его дочери Маланье? позвольте... *(Бежит и запирает на ключ ту комнату, куда ушли Фекла и Малаша.)* Что? прекращаете процесс? позвольте...

Столбиков. Что это? Что вы делаете?

Петигорошкин. Запираю, батюшка, ваших душегубцев, чтоб открыть ваши отуманенные очи...

Столбиков. Что такое?

Петигорошкин. Батенька, уйдемте отсюда, я вам всю подноготную открою...

Столбиков. Нет! я уж отсюда шагу не сделаю! Говорите здесь.

Петигорошкин. Так и быть. Слушайте же, батенька мой, пока есть еще время спастись от гибели. Знайте же, что сей человек так вмешался в судьбу вашу, что преследует вас почти с самого сиротства вашего! Знаете ли вы все сатанинские его умыслы? ведь он, по кончине матушки вашей, *сам* как будто от нее написал письмо к себе, в коем якобы она поручает всё имение и вас его управлению. Сие подложное письмо он представил в суд, где, без всякой поверки с почерком покойницы, и засвидетельствовали оное яко *подлинное*. Оттого-то он и остался единственным опекуном вашим. Потом оный злодей значительными кушами из вашего имения замял и уничтожил все жалобы вашей тетушки, кою и устранили от всякого вмешательства. Потом он стал действовать неограниченно, подавал отчеты, какие хотел; ему позволили продать, как негодную ветошь, все драгоценные вещи матушки вашей. Но это еще не всё: заводы — конный, овечий и рогатого скота — оный же злодей перевел к себе, якобы во избежание больших лишних издержек. Мало этого: сей душегубец, отправив вас в полк, показал, что наделал огромных долгов, посылая вам туда большие суммы денег; за что описали вашу деревню в пятьсот душ и назначили в продажу, а оные деньги на уплату, ась?

Столбиков. Как! возможно ли! да, бывши в полку, я от него копейки не видал.

Петигорошкин *(оглядываясь)*. Знаем, знаем, батенька, но дослушайте, что засим будет в заключение.

Он, сделавшись городничим, подал новое прошение, где описал вас мотом и от природы слабоумным, надеется, что начальство утвердит его *навсегда* опекуном вашим. Но, боясь неудачи и тревожась от справедливых преследований наместника, оный варвар выписал сюда жену и дочь, начал вас отыскивать, чтоб до решения дела отуманить ваши очи, взять с вас законный, оборонительный акт по опекунству, да еще и женить вас на этой дуре Малаше.

Столбиков *(вспыльчиво)*. Постойте! постойте! что вы сказали? как! разве она дура?

Петигорошкин. Петая, набитая дура, батенька! ей приказано вязаться вам на шею против воли...

Столбиков. Шшш! постойте! да знаете ли вы, что уж я снова предался обуревающей страсти и что уж полюбил эту богиню?

Петигорошкин. Помилуйте вы меня, Петр Степаныч! да этакие ли на Руси богини бывают? да вы себе найдете, коли я постараюсь...

Столбиков. Постойте! я нашел в ней всякие прелести и хочу достигнуть счастия обладать ею.

Петигорошкин. Ах, голубчик, это говорит неопытность! В ней, кроме сильной полноты, ничего нет прелестного. Она даже и безобразна, да и старше вас пятью годами, а коли говорить правду, так она вас даже и не любит!

Столбиков *(вскрикнув)*. Возможно ли!!

Петигорошкин. Батенька, она плутовка, она давно уж влюблена в протоколиста нижней расправы.

Столбиков. Что? в протоколиста нижней расправы?.. Постойте... Вы меня зарезали!..

Петигорошкин. Из уважения к вам, батенька, на всё готов! бросьте эту плутовку и спасайтесь, пока вас не поддели навеки. Ваше дело правое, и по всему видно, *должно* выиграться скоро. Правосудие не дремлет. Тогда мы доедем опекуна и возвратим вам всё до ниточки.

Столбиков *(ходя, в досаде вскрикивает)*. Протоколист нижней расправы!! *(Почти со слезами.)* Нет! вы меня обманываете, господин Петигорошкин!.. Меня от самой природы все и всё обманывают!.. Я знаю, что опекун почти все дела производил по вашему наставлению.

Петигорошкин. Это всё правда, батенька. Я уж человек такого сложения. Я истый стряпчий, делопроизводством достаю семейству хлеб насущный и действую за

того, кто мне благодарен и больше платит. А сей Жиломотов всегда меня обсчитывал! Заедал мои кровные, трудовые копейки! Теперь же и вовсе хочеть удалить от себя.

Столбиков. Послушайте, так неужели я таки точно с носом? и точно моя Малаша влюблена... в нижнюю расправу?

Петигорошкин. Преточно, точно! спасайтесь, пока есть удобная минута. Я на случай припас вам славную тройку, она вас ждет на том конце улицы.

Столбиков. Опять путешествие! *(Со слезами.)* Да куда ж я поеду? когда и где решится моя горькая участь?

Петигорошкин. Скачите в деревню вашего дядюшки Лаврентия Степаныча Столбикова, он в тридцати верстах отсюда, славный человек, философ и кум мой, он богат невестами, там мы выберем вам любую.

Столбиков *(обрадовавшись)*. Неужели? благодарю вас за хлопоты! *(Целует его.)* Когда же мы увидимся?

Петигорошкин. Да уж я там прежде вас буду, только вот побываю в суде. Дядюшка сам звал меня по какому-то важному делу и просит моей помощи. Поспешайте той же дорогой, как сюда ехали.

Столбиков. Благодарю вас! дайте еще поцеловать вас, господин Петигорошкин! *(Целует его.)*

Петигорошкин. После, после, не мешкайте.

За кулисами от Малаши слышен стук в двери и слова ее.

Малаша. Петр Степаныч! Это я! Отоприте, душенька!..

Столбиков. Ах! какой голос!..

Петигорошкин. Предательский, батенька, скорее!

Малаша. Отоприте же!..

Столбиков *(схватив свой чемодан)*. Нет! погодите, Малашенька, я тороплюсь.

Малаша. Куда вы это? Куда?

Столбиков *(подходя к ее двери, с досадою)*. Куда, душенька, куда? *(Громко.)* В нижнюю расправу!! *(Убегает.)*

Малаша. Ах, маменька! тятенька!

Петигорошкин бежит к обеим дверям, вынимает оба ключа и прячет их.

П е т и г о р о ш к и н. А! обирать сироту? обсчитывать Петигорошкина?.. отпираться от честного слова? Нет, душегубцы! *(Убегает.)*

З а к у л и с а м и г о л о с а

Ж и л о м о т о в а, М а л а ш и, Ф е к л ы — *говорят вместе*

Эй! отоприте! Петр Степаныч! зять дорогой! эй, Петр Степаныч! Ивановна! Отоприте! *(Стучат в обе двери.)*

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕ ИЩИ ЖЕНЫ, САМА НАЙДЕТСЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лаврентий Степанович Столбиков, богатый помещик.

Василиса Марковна, жена его.

Катенька, 17 лет | Фенюша, 10 лет. | Матреша, 8 лет | Тимоша | Трое малолетних — детки Лаврентия Столбикова.

Авдотья Марковна, вдова, родная сестра Василисы Марковны, тридцати пяти лет.

Михайло Федорович Петигорошкин, помещик и ходатай по делам.

Петр Степанович Столбиков, родственник Лаврентия Столбикова.

Игнатьич, поверенный его.

Слуга.

Действие происходит в имении Лаврентия Столбикова, в саду, подле дома.

Театр представляет большой сад с различными беседками и фруктовыми деревьями. Направо со сцены в углублении большой господский дом с разными неправильными углами и пристройками, со множеством окошек и ставен.

Явление 1

Лаврентий Столбиков и Петигорошкин (выходят, разговаривая, из-за дома и осматривают его). Лаврентий одет полетнему, на голове вязаный колпак с большой кистью.

Лаврентий Столбиков. Вот, вот, батюшка Михайло Федорыч... вот посмотрите... вот из-за этого угла у меня всё дело началось! Я его прилепил к дому по необходимости: не родись у меня сын Тимоша — этого бы угла и не существовало на белом свете,— а то мала оказалась детская, батенька... видите, у меня, что ни родится,

я сейчас и привалю уголок к дому! оттого-то он и изображает такую египетскую архитектуру... Так вот, я, этак приваливая уголки по необходимости, при рождении Тимоши и нашел тоже пустопорожнее местечко, лет десять считаю его своим, а теперь вдруг сосед и вступись, да в суд на меня, а там и пошли, что я-де *умышленно* захватил у соседа полсажени чужой земли! Засудили меня в пух!

Петигорошкин *(потирая руки)*. Хорошо-с, хорошо-с... доброе дело!..

Лаврентий Столбиков. Как доброе дело? меня обвиняют!..

Петигорошкин. Ничего, батенька, ничего, пусть вас судят, пусть вас допекают, вы будете в барышах.

Лаврентий Столбиков. Да в каких барышах? ведь меня так прижали за этот угол, что я, по незнанию *отписываться,* призвал вас на помощь и рад хоть как-нибудь кончить это дело!

Петигорошкин. Э! боже вас помилуй чинить *как-нибудь* свое оправдание! пропадете, как курица! вам надо оправдаться фундаментально, то есть обвинить соседа, втравить во вся тяжкая, да еще и сбрить с него посильно место!

Лаврентий Столбиков. Да это невозможно! потому что суд уж делал следствие и предписал сломать этот угол.

Петигорошкин *(обрадуясь)*. Что? предписал сломать? прекрасно! допустите, пусть ваш сосед сломает! не спорьте, не ломайтесь, вы будете в барышах!

Лаврентий Столбиков. Э! помилуйте! вы дичь несете!

Петигорошкин. Помилуйте, пусть сломают, пусть сделают такое покушение! из-за этого угла выйдет такая важная штука, что вам сосед за целый дом заплатит!

Лаврентий Столбиков *(разгорячась)*. Э, да что вы тут еще городите? объясните вразумительнее.

Петигорошкин *(качая головой)*. То-то и есть, батенька! хоть вы и слывете у нас за философа по образу жизни своей, а не знаете, где извлечь существенную выгоду для семейства. Слушайте же: коли хотите, чтоб я вас оправдал перед судом, так плюньте на этот угол, не жалейте его, пусть сосед сломает вашу детскую, не мешайте, пусть сломает...

Лаврентий Столбиков *(перебивая его).* Да Тимошке спать негде будет...

Петигорошкин. Ничего, пусть он как себе хочет, пусть подождет... но зато, как только сосед прикоснется к вашему уголку, а мы и бряк жалобу в суд, да и пропишем, как водится, что оный злодей, имея разрешение суда сломать только один уголок, в азартности своей повредил и разорил *весь ваш дом,* до того, что оный дом поколебался в самом основании и осел на левую сторону! причем две главные балки не выдержали, обрушили потолок и придавили до полусмерти двух дворовых девок!.. *(Потирая руки от удовольствия.)* У! да ведь это, просто сказать, сущий клад! только приступи, так после сам не отстанешь! да и как весело, когда займешься такою приятною тяжбою... как примешься писать исковую, явочное прошение, апелляционную просьбу,— откуда слова берутся? материя так и льется, как французская водочка в чашку чаю! указы все в голове один другого опережает вырваться на бумагу. Вступило на тебя возражение,— новое удовольствие писать опровержение! да уж тут-то в тонкость разбираешь противничье всяко слово, буквы, запятую и рад-рад, как за что уцепишься! а уж и малиной не корми, как что найдешь в укоризну себе: тут и пошла писать! тут и обида тяжкая, тут-де и обесчещен и почти изувечен... требую удовлетворения по законам да и только!

Лаврентий Столбиков *(удивленный).* Ого! да вы, соседушка, себе на уме!.. мне бы никогда и в голову не вошло так действовать. Нет, я если служить, так люблю служить так, чтоб есть, пить, спать и, как водится, ничего не делать!

Петигорошкин. А я так, батенька, совсем особенной природы человек:

Хоть плохое мне веселье,
Я, как рыба об лед, бьюсь!
Но от дел и от безделья
То и дело суечусь;
Жаль, что старость одолела,
Рад бы все дела схватить!
Было б тяжебное дело,
Как же прибыли не быть?

Все дела любя душевно,
На бумагах, на словах,
Я присутствую вседневно
Во присутственных местах.

Я за всё умею взяться,
Я делец, сударь, вполне:
Рад хоть с чертом потягаться,
Хоть настряпать сатане!
Так чего же мне страшиться?
Страшно то лишь может быть:
Если мир угомонится
И начнут все мирно жить.

О, тогда конец ужасный!
Иски, тяжбы, всё прощай!
А уж я-то, я, несчастный,
В гроб ложись и умирай!.. *(Подумав.)*
Впрочем... нет, не оробею!
Чтобы вспомнили добром,
Я и при смерти затею
Злой процесс — с гробовщиком!

Лаврентий Столбиков. Ну так теперь я вижу, что мое дело *будет* выиграно.

Петигорошкин. Да уж будем в барышах! Однако Петр Степаныч всё еще не является... уж не заплутался ли он второпях? не нагнал ли его Жиломотов?..

Лаврентий Столбиков. Да какой это, вы говорите, еще Столбиков? я его отродясь не видывал.

Петигорошкин. Э, батенька Лаврентий Степаныч, вы так твердо, кажется, знаете вашу родословную, все происходящие и преходящие колена, а этого молодца забыли! Это будущий богатейший наследник после матушки, которого опекун Жиломотов обобрал до копейки. Вот, батенька, знаменитая тяжба-то! я в ней много участвовал и помогал Жиломотову елико возможно... теперь же, когда прозрел, что Столбиков уж должен выиграть, то всей душой и прилепился к его пользам! я открыл ему все козни опекуна, спас от насильной женитьбы и надеюсь за хлопоты получить малую толику.

Лаврентий Столбиков. Да где он прежде служил-то?

Петигорошкин. У, странствовал везде, ожидая решения дела. Его похождения многотрудны! Прости бог прегрешение! по моему совету опекун-то его и в армию было упрятал, да молодец, будучи не воинственной натуры, там помаялся немного и, чувствуя свое дворянское достоинство, выскочил в чистую.

Лаврентий Столбиков. А! стало, точь-в-точь как я же поступил. Мне тоже когда-то показалось, что я рожден храбрецом... вот я и бух в военную, да под конец кое-как по нездоровью уволился, отставлен из прапорщиков к статским делам и причислен к герольдии не у дел, где вот уж тридцать лет тяну службу без всякой награды. Благодарю себя: не уронил *реноме* фамилии нашей; продолжаю службу честно, беспорочно и без всяких неприятностей.

Петигорошкин. Философически рассуждать изволите!

Явление 2

Те же, слуга, потом Петр Столбиков.

Слуга. Приехали сейчас какой-то господин и спрашивает, дома ли Лаврентий Степаныч?

Петигорошкин. А! верно, это ваш милый родственничек!

Лаврентий Столбиков. Очень рад! проси сюда без церемоний. В комнате нынче больно жарко.

Петр Столбиков входит с чемоданом.

Лаврентий Столбиков. Позвольте спросить, кого я вижу у себя?

Петигорошкин. Ну, он и есть! слава богу! спаслись от беды!

Петр Столбиков *(наклоняясь, говорит ясно)*. Отставной из армии, дворянин по рождению Петр Степанов сын Столбиков; по совету господина Петигорошкина, долгом поставил явиться под защиту, полагая, что имею честь быть родственником...

Лаврентий Столбиков. Чей сын? чей? я не расслушал...

Петр Столбиков. Степанов!

Лаврентий Столбиков. Из здешнего наместничества?

Петр Столбиков. Так точно. Из здешнего и еще из двух прочих.

Лаврентий Столбиков. Ну, теперь вспоминаю! так и есть! не только *полагай,* но и считай меня *ближайшим* родственником. Вот я тебе *эксплику́ю:* Марко Семеныч, первый приобревший здесь поместья, имел трех сыновей: Карпа, Ивана и Семена. Семен, правда, холостяком умер, а у Карпа было зато пять сыновей, кроме дочерей: Степан, Петр, Карп, Макар и Тимофей. Я знаю и Ивановых потомков, но о них после расскажу. Садитесь... Так вот, от них у Карпа было три... нет, пять сыновей... не помню всех, только третьего звали Кондратий. У Кондратия из шести сыновей был Дорофей, а у Дорофея Степан — сам-четверт. От Степана родился я с братом Козьмою, близнецы,— вот наше колено. Теперь у Тимофея, брата Карпова, твоего родоначальника, от двух жен было восемь сыновей,— наш род как-то многоплоден. Из них у Кондратия сын Семен, сам-пят; у Семена от трех жен — только три сына; жены умирали все первыми родами, так тем и скуден был детьми. Из них Тимофей имел сына Петра, сам-шеста; у Петра — Степан, сам-сём, и это был любезнейший родитель твой. Так вот немудрено рассчитать, как мы близки с тобою: ты мне, если не больше, так пятиюродный племянник! твоего батюшку я знал и с ним дружен был... обними же и ты меня! *(Целуются.)*

Петр Столбиков *(встав).* Очень бы было приятно со всеми вышесказанными предками свести приятное знакомство... гм!.. позвольте благодарить за ласки... в моем горестном положении ничего не услаждает, как родственные ласкательства... на которые потщусь отвечать излиянием и своими ласками. *(Отвесив поклон, садится опять.)*

Лаврентий Столбиков. Очень рад, очень рад!

Петигорошкин *(тихо Петру).* Вот у него-то, батенька, какие невесты доморощенные! сразу влюбишься по маковку!

Петр Столбиков *(тихо ему).* Неужто? да нет, воздержусь, я очень злосчастен.

Петигорошкин *(тихо ему).* Пустое! увидишь и не выстоишь!

Петр Столбиков *(тихо ему)*. Неужто? впрочем, все мои страсти как-то очень слепы. *(Лаврентию.)* Гм! Лаврентий Степаныч!.. позвольте... а вы... этак владеете значительным семейством?..

Лаврентий Столбиков. Как же, голубчик, как же!.. Такая семья присыпала, что на поди!

Петигорошкин. Так вот не мешало бы вам познакомить с детками приезжего гостя в ожидании будущих благ.

Лаврентий Столбиков. Почему же и не так? Охотно! *(Кричит.)* Эй! жена! дети! вся саранча сюда! гость приехал! *(Петру.)* Сейчас высыпят, погодите... ах! да уж, благо кстати, о саранче. Знаете ли, господа, ведь нам беда грозит? ведь на мой хлеб налетела недавно настоящая саранча! Всё пожирает. Присоветуйте, как бы мне поумнее от нее избавиться?

Петигорошкин. О! упаси владыко, если она пожрет и мой скудный хлебишко!..

Петр Столбиков. Позвольте... на этот счет... я полагаю мысль из опыта...

Петигорошкин *(перебив его)*. И я в этой беде буду действовать по опытам. По-моему, господа, вот спасительное средство: надо стеречь, и если саранча да пожалует ко мне с соседнего поля, то я сейчас затею тяжбу!

Лаврентий Столбиков. Как! с саранчою?

Петигорошкин. Нет, нет, это, по несчастию, никак невозможно... зато я явлюсь в суд, где буду доказывать ясно, законно, что злой сосед, желая лишить всего мое семейство, уморить меня с голоду, умышленно перегнал саранчу на мое поле, за что и прошу взыскать законное удовлетворение и проч., и проч., и проч.

Лаврентий Столбиков. Нет, нет, это хлопотливо, я ищу другого, ближайшего средства к спасению.

Петр Столбиков. Так вот мое вам самое вернейшее...

Лаврентий Столбиков. Ну, ну, батенька, помогите горю, помогите... Что такое?

Петр Столбиков *(кашлянув)*. В младости моей я был на руках мамушек и как-то раз, имея детский желудок, крайне неосторожно обкушался и совсем было умер; но домашнее медицинское пособие спасло меня, как видите. Так вот, я и полагаю, что ваша саранча, будучи менее дитяти и желудком слабее, чем у человеческого

ребенка, пусть для общей пользы эта саранча жрет хлеб в поле сколько душе угодно, а зато, обожравшись и не получа никакого медицинского пособия, сама пропадет без наших трудов.

Лаврентий Столбиков. Гм! конечно, средство очень новое... точно, саранча хоть и обожрется, да ведь нам-то есть нечего будет!.. Нет, батенька, это неловко; надо придумать что-нибудь иное... а пока вот вам высыпает другая, домашняя!.. *(Встает.)*

Пятигорошкин *(тихо Петру)*. Обратите ваши взоры на Катеньку.

Явление 3

Те же и Василиса Марковна с детьми: Катею, Фенюшей, Матрешей, Тимошей и тремя малолетными (выходят из разных дверей).

Лаврентий Столбиков. Василиса Марковна! дети! целуйте и обнимайте дорогого гостя! без церемоний!

Дети все бросаются целовать Столбикова.

Ребятишки! это ваш братец! жена, это племянничек! Петр Степаныч!

Катя, Фенюша, Тимоша и прочие. Милый братец! Здравствуйте! Обнимите нас!.. Здоровы ли вы? *(Отводят его к стороне и сажают около себя, целуя и обнимая его беспрестанно.)*

Лаврентий Столбиков. Ха! ха! что, батенька? попались!

Василиса Марковна *(Петру Столбикову)*. Мы очень всегда рады... *(Мужу.)* Скажи-ка мне, Лавруша, а что это за племянник твой и как он тебе близок?

Лаврентий Столбиков. Да видишь, душка, у Кондратия из шести сыновей был Дорофей, у Дорофея Степан, сам-четверт, от Степана родился я с братом Козьмою...

Василиса Марковна. Ах, Лавруша, знаю я, что ты родился от Степана; да он-то от какого же Степана?

Лаврентий Столбиков. Это уж от другого; от Петра, сам-шеста, был сын Степан, сам-сём! так он нам пятиюродный.

Петигорошкин *(тихо Василисе)*. И женишок отличительный! скоро обогатится!

Василиса Марковна *(посматривая на Петра)*. А! вот что! почему же, мы люди добрые, Петр Степаныч... *(Ласково кланяется.)*

Петр Столбиков. Я это замечаю-с...

Лаврентий Столбиков. Ну что ж, вы, саранча? попотчуйте приезжего братца!

Василиса Марковна. Да, да, подите, дочки, принесите гостю яблоков, простокваши, медового варенья, домашнего балыка, орешков и еще чего-нибудь...

Многие из дочерей бросаются в дом, скоро вносят на тарелках разные кушанья и сами кормят Петра из своих рук. Он же, тихо разговаривая с ними, очень часто целуется и обнимается.

Лаврентий Столбиков. Да, после обеда не худо подкрепиться... я уже раза три закусывал с Михайлом Федоровичем... всё обозревали вон тот угол.

Василиса Марковна. А слышал ли, Лавруша, что мне теперь шепнул Михайло Федорыч?

Лаврентий Столбиков. А что бы такое?

Петигорошкин. Да так, батенька, насчет будущности вашего семейства закинул я дружеский крючочек...

Лаврентий Столбиков. А! то есть, верно, насчет нашей Фенюши? или Катюши?

Петигорошкин. Именно. Малый будет богатый, а прост, как младенец!

Василиса Марковна. Катюша-то наша такова же... так как ты думаешь?

Лаврентий Столбиков. Да что тут мне попусту думать? пусть поест, так лучше я расспрошу тогда, как он сам мыслит про это. Я не люблю ни интриг, ни вычур! спросил, да и баста!

Петигорошкин. И! это будет презнаменито! вы скажите свое, а он на ваше ответит свое, а там как раз и резолюцию подмахнем.

Василиса Марковна *(мужу)*. Только ты не высказывай ему своей философии, можешь всё дело испортить. Лучше обожди хоть сестры.

Лаврентий Столбиков. Душка! моя философия никого еще калекой не сделала! что бы я ни сказал, о том не сокрушаюсь; каков в колыбельку, таков пойду

и в могилку. Отойди, не мешай нам... Гм! Петр Степаныч! *Экуте,* на дружеское слово...

Петр Столбиков *(освобождаясь от детей).* Что же делать, Лаврентий Степаныч... разные эти удовольствия и мои тесные обстоятельства... как вы тут хотите, но я, по доброте души, не смею отказаться...

Лаврентий Столбиков. Не в том смысле, батюшка... пожалуйте-ка сюда.

Василиса Марковна *(подходя к детям).* Детушки, бросьте пока братца-то!..

Петр Столбиков. Извините, Катерина Лаврентьевна. *(Подходя к Лаврентию.)* Что вам угодно?

Лаврентий Столбиков. Да вот, сударь, замечаешь ли ты, что мы не женируемся, вот моя жена, как сам видишь,— ни рожи ни кожи, умом — середка наполовине и так далее. Детей хоть вволю, но живем припеваючи: еда и питье добрые, постели мягкие, комнаты теплые, ставни плотные, спим себе вволю... а? как ты думаешь?

Петр Столбиков. Да-с... единственная жизнь у вас!

Лаврентий Столбиков. Ага! завидно!.. что ж долго думать, перенимай у нашего брата.

Петигорошкин. И разумеется. Грешно ведь вам маяться без пользы человечеству.

Петр Столбиков. Конечно-с... но...

Лаврентий Столбиков. Впрочем, как себе хочешь. *Не ищи жены, она сама найдется.* Ты богат, так не дадут быть холостяком. Не разбирай, умна ли, скромна или постоянна; гляди, лишь бы богата была. Пока она в невестах, так *подай* господи! а стала женой — *избави* господи! Глупая и умная — одинаково надоедает: от таких прячься в кабинет и спи себе в креслах! Но с бедною женой — беда! Нет никакой *консолации.* Окружат если дети? не тужи, было бы где поместить да накормить. Не хлопочи определять их в знаменитые училища; чем громче учитель, тем дороже берет. Девчонок не учи грамоте далее молитвенника. Наука, брат, везде наука, и у последнего пономаря буки-аз—ба, всё-таки ба! никак не иначе. Следуй же моим правилам, поддержишь *реноме,* проживешь век свой счастливо; пойду обозреть саранчу... адье. *(Уходит в глубину сада.)*

Явление 4

Те же, кроме Лаврентия.

Василиса Марковна *(Петигорошкину)*. Эк, опять-таки нанес своей ахинеи!.. даже Петр Степаныч и голову повесил. Что скажете, Михайло Федорыч? Ведь этак ничего не будет.

Петигорошкин. А знаете что, кумушка? вашему сожителю с своей философией не обрести царства небесного.

Василиса Марковна. Ох, уж я и сама так думаю. Но послушайте: мне бы крепко хотелось сбыть с рук Катюшу-то... поговорите-ка вы за мужа.

Петигорошкин. С удовольствием! а вы ее самое, знаете, тоже вразумите, да, не мешкая, пошлите к нам, так авось дельце-то и выйдет как раз на законном основании. Такого молодца надо ловить на лету.

Василиса Марковна. Хорошо, хорошо, батюшка. А вот приедет еще моя умница сестра Авдотья Марковна, так авось и совсем поладит.

Петигорошкин. Бесподобно! лучше пошлите за ней, дело-то будет фундаментальнее и скорее.

Василиса Марковна. Добро, добро. *(Столбикову.)* Что так призадумались, Петр Степаныч? пожалуйста, не женируйтесь с нами. *(Уходит с детьми.)*

Явление 5

Петр Столбиков и Петигорошкин.

Петигорошкин. Ну, батенька... какова роденька-то? Что скажете?

Столбиков *(про себя)*. Дяденька гласит: не ищи жены — сама найдется!.. *(Оглядывается.)* Ведь это, кажется, преумное изречение? Ведь не мудрено, что и найдется. *(Опять оглядывается, думая увидать кого-то.)*

Петигорошкин. Преглупое изречение, батенька! писание говорит напротив: ищите и обрящете!

Столбиков. В самом деле, ведь много ли нужно для прочного счастия в жизни? постели мягкие и ставни плотные...

Петигорошкин. Да главное: еще и супругу добрую. А ведь Катерина-то Лаврентьевна чудесная для вас штучка? а?

Столбиков. Да... хоть и потоньше опекунской Малаши... но при покойной жизни... настоящая будет *реноме,* а что лучше-то всего, так простота ее мне пó сердцу приходится...

Петигорошкин. О! этим уж она взяла перед всеми! Точь-в-точь вы, батенька!.. а нравится ли вам сам-то пятиюродный дядюшка?

Столбиков. Опытный, мудрый старец! так рассуждает в рассуждении философии, что можно бы многому научиться.

Петигорошкин. А что вы, батенька, рассуждали, сидя с Катенькой?

Столбиков. Ах, о многих приятных вещах. С большим чувством призналась она, сколько нынче насолила грибов, как мастерски выражала о приготовлении простокваши!

Петигорошкин. Единственная девушка! к будущему вашему хозяйству она необходима; вы будете с нею жить также припеваючи! а по вступлении в брак и в наследие ваше, конечно, и нас грешных не забудете? а? я вас так полюбил, что забыл всё прошедшее и всеми силами готов устроить ваше счастие!

Столбиков *(целуя его).* Почтенный вы человек, господин Петигорошкин! Положим, хоть вы некогда и пользовались сиротскими наследственными колбасами, но теперешнее ваше усердие все беды заглаживает.

Петигорошкин. И слава богу! не зевайте же и не пропускайте вашего счастия! *(Увидя выходящую из дому Катю.)* Да вот она и сама, голубушка... Я знаю, что при ней вы забудете всех прежних изменниц!.. А приедет сестрица ее матушки, так и всё дело покончит без проволочки.

Явление 6

Те же и Катя (вдали гуляет).

Столбиков *(посматривая на Катю).* Странные, право, у меня чувства! только увижу приятную девицу, так вот и предаюсь симпатии...

Петигорошкин *(Кате).* Пожалуйте к нам, Кате-

рина Лаврентьевна... одолжите ласковым словом... *(Петру.)* То есть вся по вас!

Столбиков. Неужто?

Петигорошкин. Я побегу к матушке и объясню о вашем к ней расположении. Начинайте. *(Тихо Кате.)* Вы его так и разите своими взорами! *(Уходит в дом.)*

Столбиков *(особо)*. Как это приятно, что она не из бойких, это важное обстоятельство, особливо при женитьбе.

Катя стоит спокойно и не смигнет, глядит ему прямо в глаза.

Видите: глядит прямехонько и не смигнет ни на кого... значит, душой чиста. Попробую, закину словечко о ее чувствах... *(Подходит и кланяется неловко.)* Гм! чем вы занимаетесь, Катенька, кроме работы?

Катя *(наивно.)* Чего-с?

Столбиков. То есть... что вы поделываете, когда уж вам... этак нечего делать?

Катя *(холодно)*. Когда гуляю, а иногда — книжку читаю.

Столбиков. А какие книжки вы больше любите читать?

Катя. У нас одна только книжка, маркиза Глаголь, *вторая* часть, да какая жалкая!

Столбиков. Неужели-с? а *первой* части вы не читали?

Катя. Нет, у нас ее и не было. Да коли и первая такая же жалкая, так хорошо, что и не читала; я и то всё плачу, когда эту перечитываю.

Столбиков. Бедненькие! А разве вы не один раз читали вторую часть?

Катя. О нет; прочту всю, да и опять начну, и опять плачу.

Столбиков. И опять начнете? и опять плачете? *(Особо.)* Как она натуральна! *(С чувством.)* Если женюсь, так подарю ей «Деревенского эконома», пусть для разнообразия перечитывает. *(Ей.)* Ну-с, а еще что вы иногда изволите делать?

Катя. Иногда тоже играю на клавесине...

Столбиков. И на клавесине изволите?.. ах! хорошо бы послушать!.. а какие вы штучки играете?

Катя. Всякие, разные: «Ехал казак за Дунай»; «Приди в чертог ко мне златой»...

Столбиков. А... не играете ли вы эту модную песенку?.. Как, бишь, голос-то? *(Поет нежно.)*

Ах, чтоб это за причина,
Что всех краше Катерина?

Катя. Нет, этой штучки я не знаю.

Столбиков *(особо)*. Ах, какая скромность-то! ведь и не чувствует, что на ее счет я закинул штучку... *(Ей.)* Стало быть, вы за клавесином и ни на какие варияции еще не подымались?

Катя *(спокойно)*. Нет-с, не подымалась.

Столбиков *(особо.)* Какое чистосердечие! вот именно какая жена мне надобна!.. *(Нежно ей.)* Катерина Лаврентьевна! пожалуйте мне вашу ручку...

Катя *(равнодушно)*. Извольте.

Столбиков целует три раза, с большим одушевлением.

Столбиков. Душа моя! Ангел вы непорочный! видно, уж так судьбе угодно, чтобы я исполнил желание господина Петигорошкина... он предсказал заранее, что я только узрю, то и врежусь в вас, по самое темечко!..

Катя *(так же)*. Разве вы влюблены в меня?

Столбиков. Ох, всенепременно!

Да так влюбился я, что... ах!
Вот, чуть держуся на ногах!..
Когда бы можно, мой дружок,
Готов хоть вечно — чмок да чмок!
Мадамой Столбиковой быть
Всё лучше, чем грибы солить;
А там авось-либо к зиме
Нам бог пошлет и *реноме!*

А? пойдете ли вы за меня?

Катя. Пожалуй, пойду.

Столбиков *(восхищенный)*. Экой ведь прямодушный ответец-то произнесла! вот как будто сказала: я спать хочу.

Катя. Да и матушка говорила, что лучшего жениха мне и не надо. Хоть вы, говорит, и простоваты, и смешной наружности, но, говорит, богаты. А это, говорит, нужнее всего в жизни. И притом, говорит, мы во всем сходны промежду собою, и нас, говорит, будет пара.

Столбиков. Ах! прекрасно! мило! ах, единственно! вы будете беспримерная жена... хоть и колко, и грубо, но по крайности вы сказали, что было на душе. Поцелуйте же меня...

Катя. Извольте!

Столбиков целует ее нежно.

Только не говорите матушке, что вы меня целовали так нежно.

Столбиков. А почему же?

Катя. Матушка не любит, когда я с мужчинами целуюсь.

Столбиков *(испугавшись)*. А вы... разве целовались... с кем?

Катя. О, сколько раз! наедут разные гости, да, где увидят, и тот — поцелуй, и другой — поцелуй!

Столбиков. Так, так... вот что-с!..

Катя. А матушка за это раз и отделала меня.

Столбиков. Неужели-с? *(Особо.)* Впрочем... ведь и это не совсем худо. Она будет со мной откровенна. Но знаете, Катенька, когда мы обвенчаемся, так уж ни с тем, ни с другим нельзя целоваться.

Катя. Нельзя? отчего же?

Столбиков. Да уж оттого, что и те, и другие, знаете, будут лишние.

Катя. Вот что!

Столбиков. А если кто по старой памяти и осмелится, так уж я, знаете, того по затылку!

Катя. Как же это так?

Столбиков *(показывая, как бьют)*. Да вот этак-с! понимаете?

Катя. Понимаю.

Столбиков. Знаете, это уж у добрых людей так водится, когда кто не за свое берется. Слышите?

Катя. Слышу.

Столбиков. Блаженный характер! именно: не ищи жены, сама найдется! Какая будущность ожидает меня за все прежние несчастия. Ах! вот, кажется, и матушка ваша идет сюда!..

Катя. И тетушка Авдотья Марковна приехала!

Столбиков. Так я им во всем признаюсь?

Катя. Признайтесь.

Явление 7

Те же, Василиса Марковна и Авдотья Марковна.

Василиса Марковна. А! вот они где, душенька сестрица!.. Петр Степаныч, не женируйтесь с нами... рекомендую вам мою сестрицу Авдотью Марковну... Сестрица, прошу полюбить Петра Степаныча, который неожиданно делает честь моей Катюше, нимало не женируясь...

Столбиков. Как! вы уж всё знаете? вы согласны?

Василиса Марковна. Да уж Михайло Федорыч Петпгорошкин прибежал и в подробности мне рассказал всё.

Авдотья Марковна *(смотря пристально на него)*. Гм! это очень приятно... я уж очень много слышала о достоинствах Петра Степаныча... и нахожу... что для женщины с *умом* Петр Степаныч не муж, а клад.

Столбиков. Ах, за что же такая мне честь?.. помилуйте...

Авдотья Марковна. Сделайте милость, не скромничайте... Здравствуй, Катюша! поздравляю, друг мой! я так рада, если буду в состоянии ускорить ваше общее счастье. Петр Степаныч, как я от многих слышала, очень известен своим здравым умом, своею добротой, имеет три богатых поместья, не связан никакими *обещаниями,* чего же лучше? Если бог благословит, с удовольствием, сестрица, хоть сегодня под венец.

Василиса Марковна. Слышите, Петр Степаныч? сестрица у меня шутить не любит. Как вы ее находите? Не женируйтесь, пожалуйста.

Столбиков *(в замешательстве)*. Право... я не знаю... они дама с таким большим умом и сердцем... право, заслуживают...

Василиса Марковна. О, уж что до ума, батюшка, так всех нас перещеголяла! и то сказать, кто бывал в высоких обществах, грешно бы и не просветиться. Она, батюшка, с некоторых пор всех нас глупых уму-разуму учит; уж что бы ни захотела сделать по-своему, мы и пикнуть не смеем.

Авдотья Марковна. Ах, сестрица, вы меня в краску приводите... пожалуйста, не обращайте внимания на мои маленькие достоинства. Подите к своему хозяйству, велите Катюше по-прежнему заниматься своим

делом, а что касается до будущего зятька, то я постараюсь, как могу, занять его. *(Тихо Василисе.)* Катюша так проста, что ей не следует беспрестанно быть на глазах у мужчин; пожалуй, он может подумать, что ты ее навязываешь, а это нигде не водится.

Василиса Марковна. Правда, правда твоя, сестрица... благо он сам делает нам предложение, так теперь и точно надо поддержать, как говорит Лавруша, наше *реноме*.

Авдотья Марковна. Разумеется. Я еще хочу узнать его в подробности, а вы, ожидая благополучной развязки, не обращайте на нас никакого особенного внимания.

Василиса Марковна. Хорошо, хорошо, милая, только, пожалуйста, постарайся почаще выхвалять ему мою Катюшу.

Авдотья Марковна. Да уж за этим дело не станет. Ступайте...

Столбиков *(особо)*. Сейчас видно умную особу! на каждое слово свою предику читает. Я рад, что она приехала, скорей обвенчаюсь с Катей.

Василиса Марковна *(Столбикову)*. Ну, батюшка Петр Степаныч, будьте как у себя дома, не женируйтесь с нами, мы уверены, что Авдотья Марковна скоро всё устроит так, как вам и нам желательно.

Столбиков. Очень буду благодарен... и надеюсь, что в самом наискорейшем времени заслужу... внимательное расположение... такой дамы...

Василиса Марковна. Ну, ну, полно, пожалуйста, не женируйтесь с нами... Катюша, пойдем-ка со мной. *(Уходит с Катей.)*

Столбиков *(особо)*. Эх! чмокнул бы еще Катюшечку, да при всех совестно.

Авдотья провожает сестру до дому.

Явление 8

Петр Столбиков и Авдотья Марковна.

Столбиков. Слава богу, что прикатила вовремя эта Авдотья Марковна! попрошу ее повернуть поскорее делом. Говорят, что женщинам с таким высоким

умом не надо противуречить, хотя она и крепко старообразна.

Авдотья Марковна *(подходя к нему)*. Ну-с... очень, очень рада, Петр Степаныч, что нахожу наконец случай узнать вас покороче... хотя имею уже некоторые сведения на ваш счет. *(Особо.)* Как он изменился...

Столбиков *(особо)*. Как она замысловато улыбается... верно, хочет хвалить мою Катюшу. *(Ей.)* Авдотья Марковна... если вы намерены...

Авдотья Марковна. Точно так. Я намерена теперь спросить прямо: думаете ли вы быть счастливым с Катенькой?

Столбиков. Гм! ду-ма-ю-с.

Авдотья Марковна. Думаете, а не уверены. Узнали ли вы ее так хорошо, как следует будущую свою жену?

Столбиков. Мм... кажется-с.

Авдотья Марковна. Кажется, а всё же не уверены. *(С жаром схватив его за руку.)* Петр Степаныч, с первой встречи, с первого знакомства нашего я приняла в вас большое участие! как я вас разумею и ценю, вы должны будете догадаться; не принимайте только за лесть моей искренности. Я хочу открыть вам такие тайны, которых, верно, вы не ожидаете. Катя, эта пустая девчонка, мне давно известна. По характеру своему она не может и не будет никого любить! скажите ей, что вы ее оставляете, она ответит вам: «Хорошо». Если даже под венцом мать скажет ей: «Оставь Петра Степаныча, а иди за другого»,— и она прехладнокровно ответит: «Слушаю-с!»... спросите ее о чем угодно — и она всё разболтает, как бы и няне своей.

Столбиков. Конечно-с... Да это-то мне и нравится в Катюше. *(С важностью.)* Я из нее могу сделать всё! она будет жить совершенно по моей воле.

Авдотья Марковна. Неужели? Удивляюсь, как вы, с таким умом, опытностью, с такой проницательностью, не умеете дать себе цены! Послушайте: я вас давно знаю: вы по своему состоянию должны занимать в свете место видное и блестящее. Жаль, что злой опекун заглушил ваши природные способности с самого детства.

Он не дал вам совсем образованья,
Оно теперь для вас нужней всего...

Столбиков.

Нет, главное, он не дал состоянья,
Оно нужней для блага моего;
Я не в уме хочу иметь излишек,
От света я стремлюся вот к чему:
Иметь жену, штук восемь ребятишек
И ставни плотные в дому.

Авдотья Марковна. Кто же так рассуждает? ах, вижу я, что и военная служба не могла помочь вам. Ваши странные приемы, неловкость и всё такое... подают об вас очень невыгодное заключение...

Столбиков. Может ли это быть-с?.. Позвольте-с... Михайло Федорыч Петигорошкин уверяет честным словом, что будто я имею весьма отличительные достоинства...

Авдотья Марковна. О, знаю я и господина Петигорошкина! Этот пройдоха еще не уйдет от меня.

Столбиков. Позвольте... Я с вами согласен, что он пройдоха, однако он хочет устроить мое счастье на законном основании.

Авдотья Марковна. Нет, нет, прежде надо собственно *вами* прилежно заняться и узнать так, как я вас знаю.

Столбиков. А позвольте, по каким же обстоятельствам вы меня так знаете?

Авдотья Марковна. Ах, ради бога, не спрашивайте! дайте мне прежде высказать то, что я начала. Вы должны скорей заняться службою, выйти из этого фатального чинишка, должны выставить свои достоинства в настоящем виде,— но для этого нужна вам жена поопытнее, постарше вас, одним словом — женщина с здравым умом, проницательностью, тонкостью, с даром слова...

Столбиков *(особо)*. Постой, я и сам сумею, не подумавши, ввернуть кудреватую речь... *(Ей.)* Одним словом, мне нужна женщина с такими достоинствами, как вы... *(Особо посмотрев на нее.)* Ага! смутилась, не находит и ответа.

Авдотья Марковна *(с притворным замешательством)*. Конечно... предложение такого разборчивого ума и человека таких правил... очень лестно... хоть отношения

мои к родным... но они извинят меня... если наконец вы вспомнили прежнее... так и быть, мой друг! я согласна! *(Обнимает его.)*

Столбиков *(пораженный смотрит на нее)*. Как! что-с? позвольте.

Авдотья Марковна. Согласна! согласна! я вижу, мой друг, что ты не забыл меня, что ты вспомнил свои клятвы... ах, как я счастлива! я твоя навек!

Столбиков. Как! позвольте-с... какие клятвы-с?

Авдотья Марковна. Жестокий! зачем ты хочешь потревожить прежние раны?

Столбиков. Позвольте-с... да когда же я и чем ранил вас?

Авдотья Марковна. Как! а помнишь ли ты наше страстное прощание у правителя губернии? Как плакала с тобой твоя Дунечка... ах, с тех пор я много перенесла горестей.

Столбиков *(вскакивая)*. Как! господи! неужто это вы? *(Особо.)* Вот попался-то!

Авдотья Марковна. Я, я, мой друг! Дожидаясь твоего возвращения, с горести я вышла замуж за варвара, злодея, наконец, слава богу, овдовела и начала везде искать тебя, мой друг! узнала твои печальные похождения, и вот бог услышал мои чувства!

Столбиков *(особо)*. Боже милостивый! за что ж меня-то так караешь? *(Ей.)* Да позвольте... как хотите, это не вы! а если это и вы... так поверьте, что я совсем не узнаю... чтоб это были... вы.

Авдотья Марковна. Не верю, не верю, мой ангел! твои глаза говорят ясно...

Столбиков *(особо)*. Этакие ведь у меня дурацкие глаза. *(Ей.)* Однако позвольте, что же скажут...

Авдотья Марковна *(перебивая его)*. Мои родные? ах, конечно, ты прав, мой Петаша... твое положение теперь критическое, а мое еще щекотливее, но я вступаю в роль свою, и увидишь, как стану действовать.

Явление 9

Те же и Петигорошкин (вышел и подслушивает).

Авдотья Марковна. Только старайся, мой друг, подтверждать все мои слова, да пока скрывай свою привязанность ко мне; пусть пока думают, что ты хочешь жениться на глупой Катюше, это для меня не опасно.

Столбиков *(растерявшись)*. Вы думаете?.. но позвольте... вы уж были замужем...

Авдотья Марковна. Ах, не вспоминай этого времени! покойник мой был чудовище, не умел понимать моего сердца, а ты знаешь давно, каково у меня сердце.

Столбиков *(так же)*. То есть... я знал ваше сердце... но вы уж овдовели...

Авдотья Марковна. Да всё это сделано для тебя, мой ангел! ты, верно, сам это чувствуешь? не правда ли?

Столбиков. Конечно... однако я думаю...

Авдотья Марковна. Как лучше отделаться от моих родных? ничего, твоя чистая любовь научит меня, как действовать; твое постоянство заставит потороπиться нашим бракосочетанием,— только не ревнуй меня, пожалуйста, и будь повеселее.

Столбиков. Я с вами согласен... но вы меня так изумительно поразили, что...

Авдотья Марковна. Что ты сейчас бы хотел обвенчаться? ну что за нетерпение, поспеешь... Ах, боже мой, как я счастлива! вот ведь как судьба-то непостижима! не правда ли, мой друг?

Столбиков. Я с вами согласен... но...

Но мне ужасно что-то грустно...

Авдотья Марковна.

Не притворяйся, мой дружок;
Плутишка! как ведь ты искусно
Меня умом своим завлек!

(Треплет его ласково по щеке.)

Столбиков.

Неужли?.. *(Особо.)* Ах я дурачина!

Авдотья Марковна.

Знать, небо к браку нас вело:
Ты молодец, и я картина...

Столбиков *(особо.)*

Да, размалевана зело!

Авдотья Марковна. Впрочем, если уж ты так нетерпеливо хочешь ускорить свое и мое счастие, то я обязана исполнить твое желание. *(Особо.)* Надо заставить молчать Петигорошкина, он может всё испортить. *(Ему.)* Побудь здесь, мой ангел, я пойду взглянуть, что делает сестра, а между тем распоряжусь, как следует, всем к общему благу. О, мой милый плутишка! как ты умеешь заставить себе повиноваться! *(Убегает в дом, не видя Петигорошкина.)*

Столбиков *(сам себе)*. Боже милостивый! я, видите, ее заставляю, я умный плутишка!.. да я теперь сам не знаю, что такое? и как я буду?.. и на каком основании я должен жениться на Авдотье Марковне? И для чего я прежде завлек ее в сильные любовные страсти? ведь она хоть и стара, а справедлива... хоть и вдова, а помнит мои клятвы, хоть и того... а ведь делать нечего.

Петигорошкин *(входит при последних словах)*. Что? что? что такое, батенька? так вот как вы цените мое старание!

Столбиков. Ах, Михайло Федорыч, вы еще чего от меня хотите?

Петигорошкин. Я хочу, батенька, вашего счастия; хочу, чтоб вы поддерживали ваше *реноме* и мою незапятнанную репутацию! Что вы это делаете? я вас сватаю на Катерине Лаврентьевне, а вы цепляетесь за Авдотью Марковну? что это за катавасия? я вас очень люблю и уважаю, но после этого должен сказать, что вы подвергаетесь огромной ответственности перед богом, законом и совестью!

Столбиков. Но если совесть и обстоятельства велят мне исполнить прежнее?

Петигорошкин. А! вы так полагаете? так позвольте заметить, по какой же причине вы ранее не очистили вашу совесть? ась?

Явление 10

Те же и Авдотья Марковна (выходит и, отослав с письмом своего слугу, подслушивает их).

Петигорошкин *(продолжая)*. Знаете ли вы, батенька, чему вы теперь подвергаете себя, меня и благородное семейство назначенной вам девицы? Знаете ли вы, что отказаться теперь от Катерины Лаврентьевны — значит нанести неизгладимый позор целому семейству, коего по закону никаким достоянием загладить невозможно? Что вы затеваете теперь такой процесс, в коем я необходимо должен буду законом доказывать ваше преступное покушение на честь беспорочной девицы.

Начинает смеркаться.

Столбиков *(с досадою)*. Да что ж мне делать? черт побери!..

Петигорошкин. Позвольте, удержитесь от продерзостей и внемлите гласу преданного слуги, который ищет вашего блага: ваше положение таково, что еще возможно пособить ему... жениться вы должны на Катеньке, потому что она молода, хороша, проста,— словом, вам пара, а отказать же Авдотье Марковне, потому что она уже стара и потому более, что, не сохранив к вам прежней любви своей, допустила себя до вдовствующего состояния. Если же она, как я заметил, решилась принудить вас к столь курьезному с собою браку, то я советую вам, не теряя времени, бежать к Катерине Лаврентьевне и в такой беде отважить ее на решительное средство! то есть, имея уже согласие матушки, посадить девицу в тетушкину колымагу и обвенчаться сим же часом в соседней церкви.

Столбиков. Ах, в самом деле! благодарю вас, господин Петигорошкин! вы меня спасаете! но если Авдотья Марковна?..

Петигорошкин. Она останется в сильном подозрении под моим присмотром, причем я постараюсь фундаментально доказать ей противузаконные ее посягательства на вашу свободу, а в то же время приготовлю вашего тестя и тещу к оправданию вашего поступка.

Столбиков. Прекрасно! так и быть, хоть и совестно нарушить прежние клятвы, но Авдотья Марковна

сама же виновата! зачем она выходила замуж, зачем овдовела и постарела!.. Начинает смеркаться... побегу уговорить Катеньку... *(Убегает в дом.)*

Петигорошкин. С богом! а я поспешу приготовить колымагу... хе! хе! хе!..

Явление 11

Петигорошкин и Авдотья Марковна (быстро подходит и заступив ему дорогу).

Авдотья Марковна *(удерживая его)*. Погодите, господин Петигорошкин.

Петигорошкин *(особо)*. Ах, злодейка! неужели подслушала?..

Авдотья Марковна. Очень рада, что вы так хорошо распорядились судьбою Петра Степаныча... благодарю вас!

Петигорошкин. Мой долг и честь побудили меня к этому! Между тем как другие...

Авдотья Марковна. Другие, разумеется, не в состоянии так решительно действовать, я это вижу...

Петигорошкин *(особо)*. Она думает меня оконфузить... мудрено-с!

Авдотья Марковна.

Вы мастерски дела ведете!

Петигорошкин *(потирая руки)*.

Да! Слава богу, дело есть...

Авдотья Марковна.

А много ль вы за *честь* берете?

Петигорошкин.

Берем, что можно приобресть.

Авдотья Марковна.

А сколько, если бы велели
Вам дело иначе повесть?
Скажите, сколько б вы хотели?..

Петигорошкин *(посмотрев на нее спокойно).*

А сколько *тысяч* с вами есть?

Авдотья Марковна показывает ему денежный документ.

Петигорошкин *(посмотрев на него).* А! законный документ в три тысячи! *(Ей, ласково.)* Очень хорошо-с... но позвольте...

Авдотья Марковна... за что же?

Авдотья Марковна.

За то, чтоб *мне* в карету сесть.

Петигорошкин.

Мне честь всего была дороже,
Но я сие приму за честь...

(Берет документы.)

Авдотья Марковна *(грозит пальцем).* Так смотрите же! что взято...

Петигорошкин *(прячет бумагу в карман).* То и свято! Значит, дельце-то берем на апелляцию... Поверьте чести, что я хоть и ошибался, а всегда отдавал вам должную справедливость...

Авдотья Марковна. Я сама слышала и благодарю вас... что же касается до Кати, то ей ведь, право, еще рано.

Петигорошкин. Разумеется, я сам видел, что она еще слишком молода и неопытна.

Авдотья Марковна. Даже, по-моему, просто еще дурочка...

Петигорошкин. Дура, сударыня, с головы до ног!

Авдотья Марковна. Не имеет никакого истинного чувства...

Петигорошкин. Просто деревянная!

Авдотья Марковна. И нисколько не хороша собой.

Петигорошкин. Смотреть не на что! и худа и, кажется, рябовата и весновата.

Авдотья Марковна. А я...

Петигорошкин. Помилуйте! какая разница! ум, опытность, душа, полнота, ловкость, да вы, так сказать,— фундаментальное произведение.

Авдотья Марковна *(про себя)*. А! попался, старый плут!

Петигорошкин *(про себя)*. Царапнул малую толику.

Авдотья Марковна. Стало быть, мы оба равно желаем счастия Петру Степанычу? я уж устроила всё, что только необходимо в этом случае.

Петигорошкин. Как вам будет угодно.

Авдотья Марковна. Смотрите же! если он решился, так не надо терять времени... меня ожидают... *(Увидя Лаврентия.)* Ах, вот беда! Лаврентий Степаныч помешает нам...

Петигорошкин. Ахти! чего доброго, ведь он философ...

Явление 12

Те же и Лаврентий Столбиков (обмахивая себя платком).

Лаврентий Столбиков. Фу ты, проклятая саранча! беда да и только... *(Кричит.)* Эй! жена! дети! несите отцу чаю!

Авдотья Марковна *(тихо Петигорошкину.)* Так и есть. *(Лаврентию вслух.)* А! Лаврентий Степаныч! здравствуйте! откуда вы?

Лаврентий Столбиков *(садится у стола)*. Да вот, Авдотья Марковна, саранча одолевает! Хотим хоть как-нибудь избавиться, куда! так и обсела, проклятая! садитесь, матушка... *(Кричит.)* Жена! чаю! *(Увидя Петигорошкина.)* А! Михайло Федорыч! садитесь, вот вместе попьем с ромцом да подумаем, как бы...

Петигорошкин. Да пойдемте в хату, там и Петр Степаныч кстати. *(Тихо ей.)* Его надо отсель спровадить.

Авдотья Марковна. В самом деле, пойдемте все в комнаты, уж темно становится...

Лаврентий Столбиков. Нет, друзья, меня теперь рычагом не сдвинете! садитесь, садитесь все... здесь

прохладно... так вот, Авдотья Марковна, саранча-то такие беды творит, что надо подумать...

Авдотья Марковна. Да мы теперь и сами думаем, только здесь очень что-то неловко, прохладно через чур. *(Смотрит на дом.)*

Лаврентий Столбиков. Так спросите надеть что-нибудь.

Авдотья Марковна *(тихо Петигорошкину.)* А вот и он! я пока скроюсь... не плошайте. *(Уходит.)*

Явление 13

Те же и Петр Столбиков (бежит к Петигорошкину, не видя Лаврентия).

Петр Столбиков. Михайло Федорыч! Она согласна! согласна!

Петигорошкин *(тихо ему).* Тс!.. *(Показывая на Лаврентия.)*

Петр Столбиков. Ай! ай!..

Лаврентий Столбиков. А! Петр Степаныч! садитесь! вы из дому?

Петр Столбиков *(в замешательстве).* Точно так-с...

Лаврентий Столбиков. Ну что ж они там копаются? уж время бы, кажется, и того... понимаете?

Петр Столбиков *(не догадываясь).* Как! так и вы тоже хотите? Слава богу!

Петигорошкин *(дергая его за полу).* Тс! не то! не то!

Лаврентий Столбиков. Как же, батенька, пора бы и чайку с ромцом.

Петр Столбиков. А! вот что! да-с, ваша правда... *(Тихо Петигорошкину.)* Чуть было я не проврался! Ну, Катя согласна и выйдет в сад сию минуту.

Петигорошкин *(тихо ему).* Дело! а маменька догадалась?

Петр Столбиков. Ни настолько! а где Авдотья Марковна?

Петигорошкин *(тихо ему).* Ушла! гуляет во садочке.

Петр Столбиков. И не догадывается?

Петигорошкин. Ни настолько.

Петр Столбиков. Хорошо, что так; а то бы я не знал, что мне и делать.

Петигорошкин. Так ступайте же к колымаге, а я уж тут спроважу к вам кого следует.

Петр Столбиков. Нет, я пойду и сам выманю ее из дому тихонько... *(Отходит к дому и зовет Катю пантомимою.)*

Петигорошкин. Нет, нет, погодите, не нужно... *(Хочет помешать.)*

Лаврентий Столбиков *(Петигорошкину)*. Михайло Федорыч! да что вы тут шушукаетесь?.. садитесь, братец! Эй! дети! чаю нам!.. да садитесь же! *(Сажает Петигорошкина насильно.)*

Петигорошкин *(оглядываясь)*. Да позвольте... вы, верно, опять намерены, батенька, насчет своей саранчи?..

Лаврентий Столбиков. Именно, из ума не выходит!.. А! да вот несут и прохладительное.

Явление 14

Те же, Катя и Авдотья Марковна (Катя входит с чайным подносом, одетая в летнем салопе. Авдотья Марковна показывается в саду и наблюдает за всем).

Петигорошкин. В самом деле... *(Особо.)* Э! да уж она как раз и салопчик накинула! напрасно...

Лаврентий Столбиков. Ну, Катюша, спасибо! спасибо, что хоть ты догадалась... люблю за это! давно бы пора...

Катя *(не понимая его)*. Да я, ей-богу, папенька, не сама это выдумала, меня Петр Степаныч уговорил...

В это время Петр Столбиков показывает, чтоб она не проговорилась, и зовет к себе.

Лаврентий Столбиков. А! спасибо ему за это! ну ступай себе... ты, я вижу, погулять собралась.

Катя отходит к Петру Столбикову.

Петигорошкин *(берет чай и говорит про себя)*. Ну, философ наш, кажется, всё дело испортит!

Лаврентий Столбиков. А где же Петр Степаныч? Эй! плямянничек! где ты?

Петр Столбиков *(собравшись уйти с Катюшей, вдруг останавливается).* Я здесь, дядюшка... мы собрались было вместе погулять с Катериной Лаврентьевной.

Лаврентий Столбиков. Нет, пожалуйте-ка к нам, еще успеете... садитесь, вот ваша чашка, пожалуйте.

Петигорошкин *(особо).* Вот кстати помешал, спасибо!

Петр Столбиков *(подходя).* Да мне, право, не хочется-с. *(Оглядываясь на Катю.)*

Лаврентий Столбиков. Э! вздор, вздор, не женируйтесь с нами, садитесь...

Петр Столбиков *(садясь).* Ах, дядюшка, да мне теперь время дорого... может быть, после не удастся... *(Берет чашку, особо говорит.)* Поскорей бы уехать, пока нет Авдотьи Марковны.

Петигорошкин. Полноте, Петр Степаныч... в самом деле успеете... ваше время не уйдет... тут ведь дело-то серьезное, казусное... *(Особо.)* Как бы Катю домой прогнать?..

В это время Авдотья Марковна подходит к Кате, говорит с ней тихо, потом снимает с нее салоп, надевает на себя, а ей приказывает скрыться за деревьями. Катя уходит. Авдотья Марковна остается в глубине, полузакрытая салопом.

Лаврентий Столбиков. Да, да, надо как-нибудь вместе нам пообдумать... дайте-ка, я вам прохладительного подбавлю...

Петр Столбиков. Помилуйте... я теперь и без того... нахожусь в таких странных, мучительных чувствах... что по всему телу... какая-то особенная дрожь распространяется... то есть сам не знаю, что такое чрезвычайное чувствую...

Петигорошкин *(заметив знаки Авдотьи Марковны).* А! так вот, в чем штука-то! понимаю! Катя ушла! ну, что будет, то будет! *(Столбикову вслух.)* Впрочем, если вы, Петр Степаныч, не хотите заставить ждать Катерину Лаврентьевну, так не женируйтесь с дяденькой, подите пройдитесь... *(Тихо ему.)* Смотрите, она уйдет домой; скорей в колымагу, пока не помешала злодейка, а там уж что бог даст.

Петр Столбиков оставляет чашку, встает.

Петр Столбиков. Благодарю покорно-с... позвольте-с... не мешайте мне...

Лаврентий Столбиков. Ну, ну, пожалуй, я не удерживаю... вы ведь, я чай, скоро и назад.

Петр Столбиков. Постараюсь, елико возможно.

Петигорошкин. Да, да, чему быть — того не миновать! Поспешайте!.. *(Тихо Петру Столбикову.)* Да, чур, дорогой ни гугу! А то время потеряете...

Петр Столбиков *(тихо ему)*. Хорошо.

Петигорошкин *(тихо, показав на Авдотью Марковну)*. Смотрите, Катюша-то ждет не дождется... ну, скорей...

Петр Столбиков. Ах! женюсь! женюсь! какое неожиданное счастие! *(Бросается к Авдотье Марковне, не рассмотрев, схватывает ее под руку и убегает.)*

Петигорошкин *(с чувством)*. Ну! теперь уж ее забота! да будет над ними мое благословение! благо он ей попался, уж она дельце обработает; а если и нет — сама будет виновата. Теперь надо перед кумушкой очистить себя.

Явление 15

Те же и Василиса Марковна (вносит свечу и подходит к Петигорошкину).

Василиса Марковна. Ну вот и я к вам... всем ли чайку подали?.. а? я велела готовить ужин... *(Петигорошкину тихо.)* Что, Михайло Федорыч? идет ли дело на лад?

Петигорошкин *(тихо ей)*. То есть единственно! так влюбился он в вашу Катеньку, что убежал с нею гулять куда-то.

Василиса Марковна. Неужто? Спасибо вам, батюшка!

Петигорошкин. Не за что, матушка. Дело будет кончено без проволочки.

Лаврентий Столбиков *(пьет чай)*. А что ж, братцы, как бы о саранче-то?.. а?

Петигорошкин *(вслух)*. Да мы об ней-то и толкуем, не мешайте.

Василиса Марковна *(тихо Петигорошкину)*. Ну а что моя добрая Авдотья Марковна? чай, тоже тут помогла вам?

Петигорошкин. Как же! я имел честь получить от нее значительное вспоможение.

Василиса Марковна. Бесподобно! так завтра, пожалуй, мы их обручим, а послезавтра хоть и под венец.

Петигорошкин. Нет, кумушка, мы скорей повернули дело.

В это время Катя выходит из-за кустов и неприметно приближается к Василисе Марковне.

Василиса Марковна. Спасибо вам! Стало, он без ума от Катюши?

Петигорошкин. Мало этого: они оба без ума и без души!

Василиса Марковна. Слава богу!

Петигорошкин *(особо)*. Гм! как бы заранее оправдать себя? *(Ей.)* Да уж неча греха таить! открою вам все его штуки! Знаете ли что? Ведь Авдотья-то Марковна оказалась его старинная знакомка; посему, боясь ее старых притязаний, Петр-от Степаныч, имея ваше уже согласие на решительное дело, взял да схватил Катеньку, да, чтоб сдержать слово, кажись, и удрал с нею в здешнюю церковь венчаться.

Василиса Марковна. Что вы! да как же это? не сказав, не приготовясь, не получа нашего благословения...

Петигорошкин. До того ли ему, когда малый-то врезался пó уши! да вы же сами не велели ему женироваться, вот он и уговорил: ну давай жениться, коли не велят женироваться.

Василиса Марковна. Всё так, да вы хотя бы мне-то сказали, я бы урезонила сестру, она бы не стала мешать...

Петигорошкин. Эх, кумушка, не до того было! да мало ли чего не случается в житейском мире. Видно, уж такая судьба вашей Катеньки. Впрочем, *реноме* ваше тут не обижено.

Василиса Марковна. Скажите, какая неожиданность!.. ай! ай! ай! Ну, делать нечего... да будет над нею мое заочное благословение. Однако надо же сказать и Лавруше. *(Оборачивается к мужу и, видя перед собой Катю, восклицает от изумления.)* Мати божия, да Катюша-то здесь!

Петигорошкин *(особо)*. Ахти! а я думал, что уж она спать легла.

Василиса Марковна *(ему)*. Что ж вы мне тут наговорили про нее? ась?

Петигорошкин *(притворно)*. Ба! Что бы это значило? Катерина Лаврентьевна! зачем же вы не поехали с Петром Степанычем? ась?

Катя *(простодушно)*. Не знаю-с.

Петигорошкин. Полноте притворяться. Ведь он вас любит, и вы сами хотели отправиться?

Катя. Да меня Авдотья Марковна не пустила: говорит, это нехорошо, стыдно, рано, да взяла мой салоп и сама с ним поехала венчаться.

Петигорошкин. Неужто?

Василиса Марковна *(всплеснув руками)*. Ахти! вот какие штуки! Михайло Федорыч?.. Так этак-то вы?

Петигорошкин *(подражая ей)*. Скажите, пожалуйста! да на что ж это похоже? я трудился для вашего счастия, думал, что и Авдотья Марковна того же хочет, а она, злодейка, нас всех на смех подымает? Какова? Ну, кумушка, уж я в этом казусе чист, как агнец божий! Она твоя роденька, вас одна матушка на свет родила, я же тут, ей-богу, не грешен ни душой ни телом! Понимаю! вы, видно, оба насмеялись надо мною... Спасибо, кумушка! не ожидал я от вас! не ожидал такого курьеза. *(Показывает, будто досадует.)*

Василиса Марковна *(с сердцем)*. Да вы с ума сошли, батюшка! да я-то тут что такое?

Петигорошкин. Помилуйте, вы родительница, вы должны были всё видеть, да не зевать, а то на! занялись стряпней и бросили любимейшую дочку на произвол хитрой сестрицы! я же чем тут виноват? я старался для вас, а вдова, скучая горьким одиночеством, видимо, что не станет зевать, когда может себя пристроить. Нет, вы во всем, во всем виноваты!

Лаврентий, уже оставив пить чай, подпершись обеими руками, давно слушает говорящих.

Лаврентий Столбиков. Да что у вас за история? а?

Петигорошкин *(ей)*.

Да, все беды вы сами учинили!
Вы видите, он знал ее сперва,

Зачем же к нам ее вы пригласили?
Вы знаете ль, что значит тут вдова?
В таких делах вдова на всё готова:
От девушки избавишься скорей,
А как вдова подцепит молодого,
Хоть тут умри, а уж женись на ней!

Василиса Марковна. Что же мы будем делать? ах она злодейка! а еще сестра. *(Мужу.)* Лавруша! Слышал, что твой Петр Степаныч выдумал?

Лаврентий Столбиков. Э! еще давеча слышал! мне самому его выдумка не понравилась. Видишь, пусть, говорит, саранча жрет хлеб сколько душе угодно, а не получа, говорит, медицинского пособия, сама пропадет, как обожрется.

Василиса Марковна. Он свое несет! да я говорю тебе, что он заодно с Авдотьей Марковной, что он вздумал венчаться...

Лаврентий Столбиков. Доброе дело! ему давно пора, малый он хороший, только глуп немножко, впрочем, ему опасно быть умником.

Василиса Марковна. Толкуй с тобой! он глуп, а нас всех одурачил.

Петигорошкин. Да, да, особливо меня, грешного, совершенно отуманил!

Явление 16

Те же, Игнатьич и Жиломотов.

Игнатьич *(увидя Петигорошкина)*. Слава богу! кажись, попали на след? Здравствуйте, Михайло Федорыч! наше глубочайшее почтение, господа.

Петигорошкин. А! Игнатьич! какими судьбами? с какими вестями?

Игнатьич. Из города, родной! наша взяла! где мой голубчик Петр Степаныч? Пришел указ о решении дела! Честь и слава благому правосудию! наша взяла! вот и злодей наш с повинною головой явился; где Петр Степаныч? скажите, ради бога!

Петигорошкин. Здесь! здесь! спасибо за добрые вести. *(Жиломотову.)* А! что, батенька? доехали-таки ва-

ше благородие? Слава богу! вот мы вам теперь припомним себя! порастрясем вашу злодейскую кубышку! вспомните вы друга Петигорошкина!

Жиломотов. Бог с тобой, Михайло Федорыч! на том свете и ты не спрячешься от совести!

Игнатьич. Где же мой страдалец-то? ведь ему следует сейчас ехать в город, суд ждет, чтобы ввести его с торжеством в свои владения. Где он?

Василиса Марковна. Уехал, батюшка, венчаться с моей злодейкой сестрицей!

Игнатьич. Неужто? Что это он затеял!

Петигорошкин. Что делать! влюбился по́ уши во вдовушку, да еще похитил ее и удрал в церковь.

Игнатьич. Ах он глупенький! да куда уехал? давно ли?

Петигорошкин. Вот здесь, близехонько. Можно еще, я думаю, помешать, расстроить...

Игнатьич. Именно. Это будет самое доброе дело.

Петигорошкин. С удовольствием готов на доброе дело! он теперь может найти невесту помоложе, получше Авдотьи Марковны.

Жиломотов. Именно! он хотел жениться на моей Малаше.

Василиса Марковна. Нет, сударь, на моей Катюше...

Петигорошкин. После, после выберем, кого следует... *(Особо.)* Я его теперь женю на моей Матреше... *(Вслух.)* Едемте.

Игнатьич. Скорей, скорей, помешаем, спасем от глупости.

Все идут.

Лаврентий Столбиков. Что за дьявольщина!

(Встает.)

Явление 17

Те же и Авдотья Марковна (впопыхах спешит им навстречу), потом Петр Столбиков.

Авдотья Марковна *(весело)*. Вообразите, какое происшествие!

Все. Неужто опоздали?

Авдотья Марковна. Ну не могла никак отговориться! завлек, совсем завлек! уж какой нежный! этим-то он и склонил меня на необыкновенный поступок. Начал убеждать, уговаривать, упал на колени да и кричит: умру, говорит, без вас, Авдотья Марковна! и я, признаюсь, растерялась, тут же случились как-то нечаянно свидетели, я совсем не знала, что делать, а как опомнилась — смотрю, уж мы под венцом!

Все *(громко)*. Ах он глупенький!..

Авдотья Марковна *(Василисе)*. Не сердитесь, сестрица, видно, уж судьбе так угодно! Нежность его меня обезоружила. Поздравьте нас с будущим счастием...

Лаврентий Столбиков. Так и есть. Я говорил: не ищи жены, сама найдется.

Петигорошкин. Ваша правда, он и не искал, сама нашлась.

Авдотья Марковна *(увидя мужа)*. Вот, вот он! посмотрите, как доволен и счастлив.

Петр Столбиков входит, рыдая и закрыв лицо обеими руками.

Игнатьич. Петр Степаныч! Что это вы напроказили? Хоть бы подождали, ведь дело-то ваше выиграно! радуйтесь, вот и злодей ваш приехал молить о пощаде. Наша взяла!

Петр Столбиков *(осмотрев угрюмо окружающих, потом, обернувшись и увидя подле себя Авдотью Марковну, рыдая, произносит)*. Да... наша взяла!!! о! о! о!

Авдотья Марковна *(лаская его, обращаясь ко всем)*. Видите, не может говорить от удовольствия...

Все. Видим, видим, матушка!

Авдотья Марковна. Уж какой ведь проказник! всё устроил, чтобы завлечь меня в свои сети.

Василиса Марковна. Действительно так! всех нас провел неожиданно. Ай да Петр Степаныч!

Петр Столбиков плачет, говорит, как бы развеселясь.

Петр Столбиков. Да, да, ай да я!.. *(Взглянувши опять на жену, снова начинает рыдать.)* О! о! о!

Петигорошкин. Впрочем, видно ваша судьба такая! теперь есть, чем жить, так авось будете счастливы.

Все. Да, авось! авось!

П е т р С т о л б и к о в. Да. *(Часто посматривая на жену, обращается к другим.)* Да... авось... авось... авось буду счастлив?

А в д о т ь я М а р к о в н а. Да, да! *(Прочим.)* Теперь я полная госпожа его имений, завтра же едем в город, и я приму всё в свои руки. *(Жиломотову.)* С вами же, господин опекун, поможет мне рассчитаться господин Петигорошкин.

Ж и л о м о т о в. Матушка! да ведь он меня съест...

П е т и г о р о ш к и н. За честь поставлю вступиться за сиротское достояние!

П е т р С т о л б и к о в *(глубоко вздыхая)*. Ох! тяжело! ох, куда мне деваться от блаженства?

А в д о т ь я М а р к о в н а.

Ах, как весело мне!
Будем счастливы вполне!
Всё, что было,
Я забыла;

(Мужу.) Будь же весел при жене.

П е т р С т о л б и к о в *(сам с собой)*.

Ах, как скучно-то мне,
Скучно, горестно вполне;
Всё не мило,
Всё постыло

При такой лихой жене. *(Публике.)*

Чтоб утешиться мне,
Вы назло моей жене
Не браните,
А простите
Наших авторов вполне!

(Все повторяют последние три стиха.)

ВОЛШЕБНОЕ КОКОРИКУ,
или
БАБУШКИНА КУРОЧКА

Удивительное происшествие, случившееся в начале XVIII столетия, ровно за сто лет до наших времен, в пяти действиях и пяти картинах, с куплетами, хорами и танцами, извлеченное из устных преданий старожилов, сделанное для театра несколькими французскими писателями, переведено на русский язык гг. П — ским и И. Ш — ъ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ОНА УЛЕТЕЛА!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Бабушка, 85 лет.
Клара, ее внучка, 18 лет.
Кокорику, молодой крестьянин.
Курочка, неговорящее лицо.

Действие в нормандской деревне, в доме бабушки.

Театр представляет бедную деревенскую комнату, на задней занавеси, в середине, дверь для общего входа; около этой двери направо, не слишком высоко, окно с маленькими стеклами, выходящее в поле; на средней же занавеси, налево от средней двери, дверь в комнату. Налево на первом плане стол, около него большое кресло и прядильное колесо, направо на первом плане большой сундук (ларь), ближе к задней занавеси плетеная ивовая корзина, под которой сидит белая курочка.

Явление 1

Бабушка, внучка.
При поднятии занавеса бабушка сидит в креслах и вертит колесо; внучка сидит у ней на левой стороне на низенькой скамейке и слушает, опершись руками на колени бабушки.

Бабушка. Да, моя Кларочка... с тех самых пор ты стала сиротой... желание всё знать и видеть ввело покойную твою мать в ужасное несчастие, а неблагоразумие совсем погубило ее, бедную, и свело в могилу. И вот

Была прекрасна, молода,
Встречала ж всё неблагодарных
И жертвою была всегда
Мужчин любезных, но коварных;
Ее в пример должна ты взять,
Мужчин старайся удаляться,—
У них есть сила соблазнять,
У вас есть слабость соблазняться!

Клара. Бедная матушка!.. Я осталась после нее восьми лет и едва ее помню... Ах! если бы у меня не было доброй, милой бабушки, то ваша бедная Кларочка давно бы умерла от голоду и бедности... ведь у меня, кроме вас, никого нет родных... а люди, как вы часто говорите, так коварны, так опасны для молодой девушки.

Бабушка. Говорю и теперь скажу, что свет очень опасен, особенно для таких молоденьких, как ты, и таких любопытных, как ты... ты — вылитая мать: такая ж добрая и такая же охотница до вопросов.

Внучка. Ах, бабушка, да я, кажется, ничего не делаю без вашей воли, а вопрос не порок.

Бабушка. Не порок? вот как молодежь рассуждает нынче...

Послушай моего совета,
Сама я молодой была —
Вопрос опаснее ответа,
В вопросе — корень всего зла!

Клара.

Когда ж я, бабушка, узнаю
Всё то, чего не знаю я?

Бабушка *(сердито)*.

Когда узнаешь, я не знаю,
Но жду беды я от тебя!

Ты готова ежеминутно спрашивать... ну просто птица какая-нибудь пролетит — и ты сейчас ко мне с вопросом... ведь только и слышишь от тебя: «Бабушка, что это?.. Бабушка, для чего это?.. Бабушка сюда... Бабушка туда...» С тобой век бы не кончить, если отвечать на все твои вопросы. Вот что очень худо!

Внучка. Худо... почему ж худо?.. я и то знаю меньше всех своих подруг... часто они скажут что-нибудь, а я и не знаю, что они сказали... так вся и вспыхну... просто я совсем дурочка... вы меня никуда не пускаете. В воскресенье все молодые девушки выходят танцевать на луг, а я не смей и проситься...

Бабушка. Это всё делается для твоей же пользы... ты без танцев проживешь, а обувь и всё прочее будет целее.

Клара.

Но мне бы, бабушка, хотелось
С другими вместе танцевать,
Я б как Сузона повертелась,
Как Лиза стала б приседать.

(Встает.)

Корсет бы, юбку переменила,
На ножку новый башмачок,
Глаза бы в землю опустила
И легкий сделала б скачок.

(Танцует.)

Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Я ловка,
Я легка!

Бабушка *(говорит)*. Перестань, Клара!

Клара *(танцует)*.

Тра-ля-ля,
Ля-ля-ля!
Я как ветер ношусь,
Улететь я боюсь!
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!

(Танцует под реприз музыки.)

Бабушка *(встает)*. Перестанешь ли ты, Клара... посмотри, какую пыль подняла и какой вздор несешь... видите, танцевать захотелось!.. глупая ты! да в самых этих попрыгушках беда-то и сидит...

Внучка *(быстро)*. Как же это, бабушка?

Бабушка *(стараясь поправиться)*. Да так же... танцуя, немудрено как-нибудь неловко прыгнуть... трр! и кончено! смотришь — либо нога, либо рука переломлена, вот что!

Внучка. Отчего ж, бабушка, у нас в деревне ни одна молодая девушка не хромает... а из всех мужчин — только у одного одна нога короче другой? А ведь они танцуют каждое воскресенье.

Бабушка. Ну вот, ты опять со своими глупыми вопросами?.. ах, Клара, я, право, и ума не приложу, что мне с тобою делать... сядь-ка лучше за колесо или ступай бить масло... авось это тебя немного рассеет...

Внучка. Бить масло!.. я и то каждый день этим занимаюсь, разговаривая с вами, когда вы не дремлете, а вы дремлете ежеминутно... куда как весело!..

Бабушка. Клара!..

Внучка. Я знаю, что в ваши лета это очень полезно и почти необходимо... я и молчу всегда... потому что для меня всего дороже спокойствие моей милой, доброй бабушки!

Бабушка *(ласково)*. О!.. ты лжешь, плутовка!

Внучка. Ей-богу, не лгу, бабушка!.. только одно скучно — мне не с кем слова сказать... дверь всегда заперта, окна в поле... только и видишь вашу курочку Белянку, ну да с ней много не разговоришься... во-первых, она всегда сидит в корзине, а во-вторых, ничего не понимает, потому что она воспитана в одних со мною правилах.

Бабушка. И всё это я делаю для вашего же счастья. Вот когда меня не станет, тогда вы оцените всю мою заботливость и не раз обо мне вспомните.

Клара *(утирая слезы)*. А! а! а! не говорите этого, бабушка! Вы знаете, что я всегда заплачу от таких слов! если вы умрете, то и я умру, чтоб не разлучаться с вами! *(Стук в среднюю дверь.)*

Бабушка. Кто там стучит?.. ведь знают, что я гостей не люблю! и никогда не принимаю...

Клара *(быстро)*. Я отопру, бабушка?.. *(Идет.)*

Бабушка *(удерживая)*. Не ваше дело, сударыня! вас никто не просит...

Клара. Но, может быть, это посланный от судьи принес вам письмо, а ведь вы нетерпеливо ждете его. *(Идет, бабушка удерживает.)* Иль, может быть, это пришла ко мне старушка нищая, я ей каждую субботу подаю кусочек хлеба. *(Та же игра.)* А может быть, это...

Бабушка. Может быть! может быть! вернее всего, что это до вас не касается! извольте-ка идти в свою комнату.

Клара *(умоляя)*. Бабушка! милая, добрая бабушка! позвольте мне остаться... я не скажу ни слова и только разочек взгляну, кто это!.. бабушка!..

Бабушка. Нет, нет и нет!.. я до тех пор не отопру, покуда ты не уйдешь... и я не запру за тобою дверь... слышишь, Клара! *(Идет к двери ее комнаты и отворяет дверь.)*

Клара *(нехотя идет и несколько раз оборачивается)*. Бабушка!..

Бабушка трясет головой и наконец почти вталкивает ее в дверь и запирает.

Явление 2

Бабушка, Кокорику.

Бабушка *(идет к средней двери)*. Кто бы это был?.. кто там?

Кокорику *(за дверью переменяет голос)*. Это я, дядя Реми... письмо вам принес...

Бабушка. А!.. Милости просим!.. Клара правду сказала, он, верно, мне пишет об нашей проклятой тяжбе... *(Отворяет дверь.)* Милости просим.

Кокорику *(быстро вбегая)*. Здравствуйте, бабушка!..

Бабушка *(поражена)*. Кокорику!

Кокорику. Да, Кокорику!.. *(Осматриваясь, в сторону.)* Ее нет здесь...

Бабушка. Как! это ты!.. Ах ты сорванец этакой!

Кокорику. Бабушка, не сердитесь,— я за делом пришел... ведь я письмо вам принес... сейчас только прислали из Кодбека от судьи.

Б а б у ш к а. Но я, кажется, тебе сказала, чтоб твоя нога не была в моем доме... а?..

К о к о р и к у. Я помню это... но дядя Реми вчера упал с лошади и переломил ногу... так и занял у меня вместо одной — две, чтоб поскорее доставить вам письмо.

Б а б у ш к а. Рассказывай тут басни-то! знаю я вас, голубчиков кротких, а не досмотри — так что твои ястреба... только перья полетят... ты не письмо принес, а хочешь внести гибель и соблазн в мое тихое семейство.

К о к о р и к у. Бабушка! умирать надо,— не греши!..

Б а б у ш к а. Ты пришел, чтоб увидеть Клару... меня-то ты не обманешь... я не знаю, откуда ты явился в нашу деревню, но знаю хорошо, что ты ежедневно таскаешься около моего дома... и, чтоб обратить на себя внимание Клары... кричишь: «Кокорику!»... Экой выдумщик... ни дать ни взять — петух моей соседки... тот тоже каждый день вскочит на мое окно — да и ну драть горло... Но моя Белянка умница и внимания не обращает на его глупый крик; да и я, слава богу, не дура какая — и ни петуху, ни мальчишке не дам себя провесть, и ты, как ни стараешься, а она ровно ничего не понимает... не знает... что ты за птица!

К о к о р и к у *(в сторону)*. Вот это-то и худо. *(Ей.)* Ох, бабушка, бабушка!.. да это-то и опасно, что она ничего не понимает и не знает...

Б а б у ш к а. Ну уж, пожалуйста, замолчи!.. и если ты опять осмелишься прийти сюда, то я дам себя знать... я просто жалобу подам... слышишь!.. да!

К о к о р и к у. Но что ж вам будет за прибыль?.. А я всё-таки скажу, что

Незнанье в девушке опасно,
Случиться может вдруг беда...
Да и с летами несогласно
Одной быть дома завсегда.
И как ее вы ни храните,
Но девушка свое возьмет
И рано ль, поздно ль, посмотрите,
В чужие руки попадет.

Б а б у ш к а *(говорит)*. Перестань, Кокорику!.. или худо будет!..

К о к о р и к у *(продолжает)*.

И курочку совсем не должно
Подобно Кларе укрывать,
Ведь запретить вам невозможно
Всем петухам здесь распевать!
И как ее вы ни храните,
Но курочка свое возьмет.
И рано ль, поздно ль, посмотрите,
Белянка с петушком уйдет.

Бабушка. Убирайся вон!.. слышишь!.. я хочу остаться одна, чтоб прочитать письмо. *(Толкая его вон.)*

Кокорику. Да как же вы станете читать?.. ведь у вас, бабушка, слабое зрение...

Бабушка. Не беспокойся, прочту!.. уж это не твое дело!.. *(Ищет в карманах.)* Не разберу сама, так у меня Клара всё что хочешь разбирает!..

Кокорику *(в сторону)*. Ну, вряд ли!.. я так написал, что сам черт не разберет!.. Ах, если бы моя хитрость удалась... постой!.. *(Видит на столе очки.)* Счастливая мысль! *(Берет очки и как ни в чем не бывало подходит к корзине, где курочка.)* Здравствуй, Белянка!.. здравствуй!.. Ах, бабушка, какая у вас курочка,— просто чудо, а не курица!..

Бабушка *(продолжая шарить в карманах)*. Куда это я очки засунула?.. тьфу ты, пропасть!.. хоть убей, не помню. *(Распечатывает письмо и старается прочитать.)* Ну, так это от нотариуса Галифе, у которого находятся наши наследственные деньги... я по крючкам вижу, что от него... но что это с ним сделалось... он прежде, кажется, получше писал... нет, ничего не разберу!.. *(Идет к столу.)* Кажется, я их положила на стол... *(Ищет.)*

Кокорику *(в сторону)*. Ищи, ищи пустого места!

Бабушка. Это просто колдовство какое-то!.. Кокорику!

Кокорику. Я Кокорику!

Бабушка. Не видал ты моих очков?

Кокорику. Нет, бабушка, не видал.

Бабушка. Куда ж им деваться... сейчас я их надевала.

Кокорику. Сейчас надевала, а сию минуту пропали,— это очень странно! *(К курочке.)* Беляночка, не видала ли ты бабушкиных очков?

Бабушка *(стараясь прочитать)*. Нет!.. ровно ничего не вижу!.. экая досада!

Кокорику *(сзади нее, надел очки, смеется над нею)*. И я также ничего не вижу!

Бабушка. Заставить прочитать Клару опасно... может быть, здесь написано что-нибудь такое... житейское, чего ей не должно знать... Кокорику!

Кокорику *(быстро прячет очки)*. Что вы?

Бабушка. Умеешь читать?.. прочитай мне письмо.

Кокорику. Извольте, бабушка!.. *(В сторону.)* Наизусть, пожалуй, прочту! *(Берет письмо и читает.)* «Почтеннейшая и милостивая государыня! по отпуске сего письма я жив и здоров и спешу известить вас, моя милостивая государыня, что дело ваше о наследстве идет больно плохо...»

Бабушка. Ну вот тебе и раз!.. ах, боже мой...

Кокорику *(читая)*. «...И деньги, назначенные вашей прелестной внучке...» *(Ей.)* А нотариус-то, видно. себе на уме!

Бабушка. Читай!.. читай!..

Кокорику *(читая)*. «...Едва ли попадут к ней в ручки; дальний ее родственник... молодой человек с порядочным состоянием, подал просьбу об этом же наследстве с разными сильными *убедительными доказательствами,* на которые, по обыкновению, все судьи кинулись, как голодные собаки, и чуть не подрались, из этого можете заключить, в какую сторону пошло дело...» *(Ей.)* Нетрудно догадаться... ведь золото тяжеле простой бумаги, и, верно, сторона этого родственника перетянет.

Бабушка. Что дальше он пишет?..

Кокорику *(читая)*. «Впрочем, есть еще надежда; но для этого вы сами, моя милостивая государыня, должны немедленно приехать в Кодбек, минуты терять не должно... для вашей пользы прошу вас поторопиться. Ваш покорный слуга нотар<иус> Карл Галифе».

Бабушка *(берет письмо)*. Поторопиться... а на чем я поеду?

Кокорику. Как на чем? — да сегодня отправляется туда ваша соседка...

Бабушка. Ах, как это неприятно!.. ну, Кокорику, спасибо! теперь — ступай!..

Кокорику. Да, я, пожалуй, уйду... а вы смотрите,

не продумайте здесь наследства... он пишет, что минуты терять не должно.

Бабушка. Хорошо! хорошо! уж это мое дело!.. убирайся сам-то! теперь ты мне не нужен! прощай!

Кокорику. Иду! иду! бабушка! вы только не сердитесь. *(В сторону.)* Дурака нашла! *(Вслух.)* Я отправлюсь теперь к дяде Реми отдать ему четыре су за доставление письма... впрочем, я, пожалуй, завтра зайду за ними, если теперь у вас нет...

Бабушка. Нет, уж на что же! я сейчас отдам тебе... и ты, пожалуйста, не трудись возвращаться. *(Она идет к столу взять деньги, а Кокорику открывает ларь, вскакивает в него и закрывается.)* Вот на — возьми. *(Осматривается.)* А! ушел!.. тем лучше... И сама отдам Реми, когда увижу. *(Запирает среднюю дверь.)* Однако лучше запереть... уж теперь Кокорику не обманет меня. Ах, боже мой... что делать, ей-ей, не придумаю!..

Кокорику *(приподнимая крышку)*. Еще здесь! о, старая!.. скоро ли ты уберешься отсюда! *(Скрывается.)*

Бабушка. Бедная Клара!.. это наследство всё ее богатство... я ей ничего не могу дать... потому что сама ничего не имею... Если ее запереть здесь... худо!.. а взять с собой еще хуже... она такая любопытная... долго ль до беды... что делать, на что решиться?.. надо из двух зол выбрать меньшее. *(Отпирая дверь Клары.)* Клара!.. а Клара! тебе хотелось у меня в комнате остаться, ну, поди сюда... я тебе позволяю!

Явление 3

Бабушка, Клара, Кокорику (всё спрятавшись).

Клара *(вбегая, осматривает)*. Никого!.. кто же приходил, бабушка? Реми? Мельник Жак? мызник Пьер... или сын соседки Жано... а, бабушка? кто?

Бабушка. Кто? да приходил Реми...

Клара. Реми!.. Ах, боже мой! да ведь у Реми голос такой толстый, хриповатый, а здесь кто-то говорил тоненьким голосом...

Кокорику *(приподнимая крышку)*. А! тоненьким голосом... услыхала, плутовка!..

Бабушка. Ах! Клара! какая ты любопытная!.. ну, он оттого так говорил, что простудился...

Кокорику. Он простудился. А бабушка горячку порет!..

Клара. А! простудился!

Бабушка. Да, простудился, но полно толковать об таких пустяках... вот что, ведь он мне принес письмо... в котором пишут ко мне, что дела в Кодбеке идут очень дурно... нашелся какой-то родственник и хочет завладеть твоим наследством.

Клара. Ах! господи! да что ж я ему сделала?.. экой злой!..

Бабушка. И мне непременно надо самой туда ехать.

Клара. Ах, какое счастье, вы ведь меня возьмете с собою... как я разоденусь! надену новую красную юбочку... белое покрывало... чудо! прелесть!.. наконец я увижу город... домы... улицы... колокола... всё, всё увижу! Ах, бабушка, дружочек мой, как я рада!

Бабушка. Нет, Клара! ты этого ничего не увидишь. Я слишком тебя люблю и не захочу потерять в один день плод восемнадцатилетних моих забот и попечений.

Клара. Да, я очень хорошо знаю, бабушка, что вы меня любите... но отчего же я этого не увижу?

Бабушка. Оттого, что ты останешься здесь... слышишь?

Клара *(печально)*. Здесь... слушаюсь, бабушка.

Бабушка. Ты должна запереться на всё время моего отсутствия...

Клара. Слушаюсь, бабушка.

Бабушка. И кто бы ни стучался — никому не отпирать...

Клара. Слушаюсь, бабушка.

Бабушка *(указывая на ларь)*. Вон там лежит всё для тебя — и хлеб, плоды, молоко... с тебя будет довольно, больше двух дней моя отлучка не продолжится.

Клара. Слушаюсь, бабушка. Будьте покойны, я всё сделаю так, как вы приказали... запру дверь теперь за вами и до вашего возвращения не отопру ее, и уж никто не войдет.

Кокорику *(там же)*. К счастью — что уж все вошли!

Бабушка. Ну поди же сыщи мне мантилью, она в комоде... а я между тем посмотрю — довольно ли хлеба.

Кокорику *(там же)*. Хлеба!.. беда! хлеб-то лежит здесь! она увидит меня!.. *(Тихо выходит из ларя и на цыпочках ходит за бабушкой так, чтоб она не приметила.)*

Клара идет, она ее останавливает. Кокорику приседает за бабушку.

Бабушка. Клара! не забудь также Белянки... давай побольше зерен, чтоб она не голодала без меня... слышишь? но никак не выпускай ее из корзины... смотри же, не забудь этого, Клара!..

Клара. Будьте покойны, бабушка! я за нее вам отвечаю! *(Уходит в свою комнату.)*

Явление 4

Бабушка, Кокорику.

Бабушка *(смотря в ларь)*. О! да ей на целую неделю будет пищи... Ну, теперь я спокойна!.. и могу уехать без опасений. *(Собирает необходимые вещи и связывает их в узел.)* К счастью, Клара на этот раз была не слишком любопытной... и поняла всё дело как нельзя лучше...

Кокорику *(продолжая ходить за нею)*. И я также понимаю свое дело как нельзя лучше!.. Теперь, чтоб заставить Клару прогуляться, дам свободу Белянке. *(Подкрадывается к корзине, берет оттуда курицу и выпускает ее в окно.)* Нет, затворница! себя покажи и других посмотри! теперь кончено! *(Тихо вылезает в окно и скрывается.)*

Явление 5

Бабушка, Клара.

Клара *(входя)*. Вот извольте — мантилью... перчатки и трость.

Бабушка *(к Кларе, которая надевает на нее мантилью)*. Ты обо всем вспомнила; спасибо, мой дружочек... не забывай же обо мне и без меня... слышишь?..

Клара. Ах, бабушка! да разве я могу вас забыть хоть на одну минуту! *(Целует ее руки.)*

Пути счастливого желаю!
Прощайте, бабушка, мой друг!..
Ах! я бояться начинаю...

Бабушка *(указывая на корзину)*.

Чего ж бояться? ты сам-друг!

Кокорику *(выглядывая в окно с осторожностью)*. Да, точно, бабушка, сам-друг. *(Скрывается.)*

Клара.

Вы поскорее приезжайте!
Я вас с Белянкой буду ждать!
Надолго нас не оставляйте,
Без вас мы будем горевать.

Бабушка.

Белянка! Кларочка! прощайте!
Вас не заставлю долго ждать,
Покрепче двери запирайте!
Да не забудь ей корму дать!

(Вместе)

(Уходя.) Прощай, дитя мое, не забудь, что я тебе приказывала... да запри дверь хорошенько! прощай!

Клара провожает.

Явление 6

Клара *(одна, запирает дверь)*. Ну вот я и заперта!.. одна. *(Садится в кресла.)* Совершенно одна... мне скучно и что-то страшно!.. впрочем, со мной осталась Беляночка... *(Встает.)* Ей надо дать покушать... сейчас, моя милая курочка... сейчас я покормлю тебя... Ах, боже мой!.. да где же она? корзина пуста! она улетела!.. Узнала, что бабушки нет, и улетела... что ж мне теперь делать?.. Бабушка так строго запретила мне выходить из комнаты... но ведь надо же поймать ее любимую курочку... она где-нибудь около дома... Ах, господи, какое несчастье!.. *(Отворяет среднюю дверь и смотрит вдаль направо.)* Так и есть! вон она... на дороге... Дай позову... может быть, и придет... Белянка! Белянка!.. цып! цып-цып! нет, и внимания на меня не обращает!.. попробую еще!..

Музыка этого номера должна быть, сколько можно, оригинальная.

Цып! цып! цып!
Моя Белянка!
Цып! цып! цып! *(Будто хватает.)*
Ушла Буянка!
Ах! что ж мне делать? как поймать?
За ней придется мне бежать!

(Хочет идти, вдруг останавливается.)

Но бабушка не приказала
Мне за порог переступать!..

Пауза.

Но ведь Белянка убежала.
И я должна ее поймать! *(Идет в дверь.)*
Цып! цып! цып!
Моя Белянка!
Цып! цып! цып!
Моя Буянка!

Музыка этого куплета несколько раз повторяется в продолжение пиесы, потому требуется, чтоб она была покурьезнее.

(Как будто хочет ее поймать, но курочка уходит.) Убежала опять!.. о! постой!.. к счастью, я знаю ее слабую сторону... она очень жадна. *(Берет пригоршни зерен в ларе.)* Против этого она, верно, не устоит!.. поймаю ее и запрусь опять. *(Выходит в среднюю дверь и зовет.)* Цып! цып! цып! *(Бросая перед собой зерны.)*

Оркестр тихо повторял бы музыку предыдущего куплета; когда Клара идет к дверям, говоря «цып!», в окно осторожно влезает Кокорику и тихими шагами идет за Кларой, с хитрой миной.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

ВОЛШЕБНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Бутондор, сержант.
Колибри } солдаты.
Лявенет } солдаты.
Клара.
Кокорику.
Паяц.
Курочка.
Купцы.
Комедианты.
Крестьяне.

Действие там же, недалеко от деревни, где живет бабушка.

Театр представляет открытое деревенское место, направо от зрителей, на первом плане, забор с дверью на задний двор, которого главная часть выходит на большую дорогу; на втором плане вход в овин; в глубине, на той же стороне, ярмарочный балаган с балконом; налево от зрителей — вход в трактир.

Явление 1

Бутондор, Колибри, Лявенет, купцы, покупатели, крестьяне.
Ярмарка в полном разгаре, на балконе стоят комедианты, в разных костюмах, и паяц. До открытия занавеса на балконе начинает музыка.

Общий хор.

Вот праздник — истинно на чудо!
Друзья, скорее в балаган!
Оттуда же в трактир не худо
Для куражу забраться нам.

Паяц.

Скорей, скорей! Уж начинают!
Здесь слон танцует менуэт,

Здесь волки песни распевают,
И уж чего-чего здесь нет!
Скорей! скорей! уж начинают! *(Уходит во внутренность балагана со всеми комедиантами.)*

Общий хор.

Вот праздник — истинно на чудо!
Друзья
и проч....

Бóльшая часть хора входит в балаган; Бутондор, Лявенет и Колибри во время хора толкаются в числе любопытных около балагана, по окончании отделяются от толпы, и Бутондор подводит Лявенета и Колибри на авансцену.

Бутондор. Смирно!.. и внимательно слушать вашего сержанта... он старый воробей — был и в огне, и в воде... ну, слушайте ж!

Лявенет, Колибри. Слушаем!

Бутондор. После тяжких трудов для общественного спокойствия не мешало бы перекусить... у меня в желудке ужасная тревога! Колибри! Что у нас есть?

Колибри. Кроме собачьего аппетита, ничего не имеется.

Лявенет. И у меня тоже, сержант!

Бутондор. Отчего же вы ничем не запаслись? ведь я приказывал это...

Колибри. И рад бы, да нельзя — наш хозяин стал всё запирать на замок. А с тех пор как Лявенет нечаянно зажарил его двух петухов — он даже и кур на двор не выпускает...

Бутондор. Да как же он осмелился! — мы не спим день и ночь... стараемся, чтоб здесь, на ярмарке, всё было тихо, покойно,— а он, невежа, хочет уморить нас голодной смертью?.. Не дает честью — возьмем силой!..

Лявенет. Нет, сержант, силой ничего не возьмешь... он на то хотел идти жаловаться.

Бутондор. Жаловаться?.. экая каналья!.. Впрочем, ведь я старый воробей... был в воде и огне... и жалобы не испугаюсь... А ты, Лявенет, ужасная скотина — поймал куриц и начал их щипать при всех... за это ты стоишь доброй потасовки... такие вещи делать можно, да только

втихомолку, чтоб не нарушить общественного спокойствия!.. Болван пустоголовый... а тебе б всё волочиться, а не службой заниматься! слышишь, я знать ничего не хочу, а мне чтоб было жаркое!.. не то смотри — ведь я старый воробей, был в воде и огне, и тебе жарко будет.

Сейчас чтоб было мне жаркое!

Л я в е н е т.

Я к вечеру похлопочу.

Б у т о н д о р.

Не к вечеру — теперь хочу!

Л я в е н е т.

Да что ж зажарю вам такое?

Б у т о н д о р.

Спроси еще — поколочу!
Ты забываешь дисциплину!
Ведь я, брат, старый воробей!
За грубость славно вздую спину,—
Я сам скотина для свиней!

К л а р а *(за кулисами слева, зовет)*. Белянка!.. Белянка!.. цып! цып! цып!

(Оркестр играет под sourdine * тот куплет, которым окончился первый акт.)

Л я в е н е т *(смотря налево)*. Кто там кур скликает?.. А!.. какая кралечка!.. *(Идет.)*

Б у т о н д о р *(ему)*. Смирно! руки по швам и глаза непременно направо!.. *(Лявенет становится.)* Так ты слушаешься своего начальника? не сейчас ли я заметил, что ты только и занимаешься волокитством и тем нарушаешь общественное спокойствие? А ты опять за свое?.. А?

Л я в е н е т. Да ведь слышите, сержант, там кур скликают, и вы требуете жаркого, я для вас же хотел...

---

* тихо, приглушенно *(франц.)*

Б у т о н д о р. Молчи — смирно!.. меня не надуешь, я старый воробей... и никак не позволю нарушать общественное спокойствие!.. и для того отправляйся налево и чтоб всё было там тихо и цело, слышишь? ну, марш!..

Лявенет нехотя идет в противную сторону той, где раздался голос Клары. Колибри во всё это время смотрит в ту сторону и всё ближе подходит к той кулисе.

К о л и б р и. В самом деле,— чудо, а не девочка!.. желательно знать, с каким она товаром здесь на ярмарке... уж купил бы на последние деньги.

Б у т о н д о р. А ты что там глазеешь?.. чего не видал? Ах, Колибри!.. ты уж, кажется, человек немолодой и неглупый, а занимаешься какими пустяками!.. ну где же нравственость? Ступай-ка лучше в балаган и старайся там водворить общественное спокойствие. *(Сам в это время смотрит в кулису. В сторону.)* Ух! какие глазенки, черт возьми, словно пуговица на разводе — так и горят!.. Колибри! что ж ты нейдешь к своему посту!..

Я в л е н и е 2

Т е ж е, К л а р а (чрезвычайно занятая отыскиванием курочки. Почти вбегает на сцену, смотря вниз, и прямо сталкивается с Бутондором).

К л а р а. Цып! цып! цып!.. Ах! господи!.. Солдат. *(Опускает глаза.)*

Б у т о н д о р. Что ж тут страшного, мой ангелочек? Солдат в такой же человеческой амуниции, как и все... позвольте узнать, кого вы отыскиваете... а? *(Одной рукой подпирается, другой крутит ус, искоса смотрит на Клару.)*

К о л и б р и *(возвращаясь и становясь около нее на другой стороне в такой же позиции)*. В самом деле, красавица, кого вы ищете? а?..

К л а р а *(опуская глаза, переходя на другую сторону)*. Ах! два солдата!..

Б у т о н д о р *(подходя к ней, любезничая)*. Зачем же вы от нас бежите? для общественого спокойствия я должен вас задержать.

Л я в е н е т *(выходя из кулис, к ней)*. Ах!.. какая красотка! позволь поцеловать!..

Клара *(отбегая в сторону, с ужасом)*. Господи! три солдата!

Бутондор. Лявенет! Колибри! смирно, не бойтесь нас, красота — родная сестра славе... вы, без сомнения, слыхали об сержанте Бутондоре,— это я, ваш покорнейший слуга...

Клара. Я, ей-богу, не вас искала... а бабушкину курочку.

Все трое. Ха! ха! ха!.. Бабушкину курочку!

Клара. Да! что ж тут смешного?.. Ах, господи, да где я?..

Бутондор. Вы на ярмарке... но разве этого не знал прекрасный цветочек наших полей? *(С самодовольствием взглядывает на товарищей.)*

Клара. На ярмарке? Ах ты, проклятая Белянка, куда ты меня завела! ну, если бабушка узнает!.. Ах, создатель мой. *(Плачет.)*

Бутондор. Я глубоко тронут вашей печалью... но утешьтесь!.. это поправная беда!.. курочка — не иголка, отыщем. *(Отводя ее.)* Вы дайте мне свой адрес... когда я отыщу вашу курочку, то с большим удовольствием принесу ее к вам, нынче же, знаете... этак... в сумерки... понимаете?.. для общественного спокойствия.

Клара. Нет, покорно вас благодарю... я сама найду... *(Быстро убегает от него и скрывается в толпе крестьян, которые, обнявшись, входят на сцену.)*

Явление 3

Те же, крестьяне выходят из балагана.

Хор крестьян.

Ах, чудо! чудо! загляденье!
Теперь в трактир пойдем, друзья!
Там ждет другое наслажденье —
Бутылок дружная семья!

(Крестьяне входят в трактир налево.)

Бутондор *(в сторону)*. Улетела!.. да не беда,— ведь я старый воробей, был в огне и воде,— от меня не уйдешь!.. *(Громко.)* Лявенет, Колибри! — смирно! удо-

вольствия в сторону, когда служба призывает, марш к своим постам!.. должно всем жертвовать для общественного спокойствия...

Лявенет и Колибри уходят в разные стороны.

А я пойду отыскивать курочку... найду и красотку завербую!.. Го! ведь я старый воробей... *(Уходя налево.)* Был в огне и в воде!.. кто не знает сержанта Бутондора!..

Явление 4

Клара *(одна)*. Ушли!.. я одна наконец... но куда ж теперь я пойду? Уж начинает темнеть *(осматривается)*, место совсем мне незнакомо, да и не мудрено — меня бабушка никуда не пускала... И кто мог ожидать, чтоб Белянка меня так далеко от дома... Если бы я знала это, ни за что бы не вышла из комнаты!..

Входит Кокорику с корзиной в руках и становится под балконом.

А если бы и решилась, то надела бы новую юбочку и башмаки. *(Смотрит в дверь трактира.)* Ах, как там весело... танцуют... Господи! как хорошо!..

Явление 5

Клара и Кокорику (выходит, будто не замечая Клары).

Кокорику *(ставит корзину у дверей овина)*.

В одной деревне мальчик жил
И вздумал в девочку влюбиться,
У ней под окнами ходил,
Но с ней не мог он объясниться.

Клара *(оборачивается и слушает с осторожностью)*. Ах! какая смешная песня!..

Кокорику.

Она всё с бабушкой жила,
Старухой злой и кропотливой,—

И запертою дверь была
Для страсти сильной, но стыдливой.

Клара *(в сторону)*. Бабушка... запертая дверь... да это точно как у нас...

Кокорику.

Прийти и дверь ту разломать
Он старой бабушки боялся,
И стал он думать да гадать,
Да вдруг на хитрость и поднялся.

Клара *(так же)*. Что?.. что?..

Кокорику.

Ну где ж старушке устеречь
Девицу-прелесть молодую?
Товар такой не уберечь:
Ее найдут и запертую!

Клара *(подходя)*. Скажите, пожалуйста, кто вас выучил эту песню... всё, что вы сейчас пели, чрезвычайно похоже на ме... *(Останавливается.)* На одно происшествие, которое мне рассказывали...

Кокорику. А!.. похоже?.. немудрено, у меня есть бабушка-колдунья, ей всё известно, что делается на этом свете, она и рассказала мне это происшествие, а я, мамзель Клара, из него сложил песенку... *(В сторону.)* Я был уверен, что она поймет!..

Клара *(про себя)*. Он знает мое имя, о, да, верно, он и сам волшебник!

Кокорику. Хотите выслушать окончание?

Клара *(опустя глаза)*. Хочу...

Кокорику.

Старушка внучку оставляет
И едет в город — по делам,
А мальчик тут уж не зевает
И к девочке явился сам.

Клара *(про себя)*. Как? неужели он приходил?

Кокорику.

Без шума к курочке подходит,
Ее бросает за окно...

Клара. Как! Так это вы?

Кокорику.

А девочка за ней уходит,
Того-то он и ждал давно. *(Подходит к Кларе.)*

Клара. Оставьте меня, сударь!.. я видеть вас не могу!..

Кокорику.

Тут, Клара, не за что сердиться?
Я вас заставил убежать
Не для того, чтобы пройтиться,
Но для того, чтоб вас поймать.

Клара. Он еще признается! Вам стыдно, сударь!

Кокорику *(кончая)*. Чего же стыдиться... Полноте, Клара, не сердитесь и согласитесь сами,—

Ну где ж старушке устеречь,
Как вы, девицу молодую?..
Товар такой не уберечь,
Пролезут в дверь и запертую.

Клара. А знаете ли, сударь, ваши поступки ужасны!

Кокорику. Неправда! это маленькая хитрость, и больше ничего.

Клара. А что я вам сделала, что вы со мной употребляете хитрость?

Кокорику. Что? — какой вопрос!.. разумеется, ничего; всё это сделано потому, что я вас люблю, а люблю-то я вас потому, что вы чрезвычайно милы...

Клара. Мила... да разве я виновата в этом?

Кокорику. Да разве вас кто и винит? вас любят и не обвиняют... а как любят!

Клара. Ах, оставьте меня... ради бога, оставьте!.. или нет, постойте, ведь вы всё знаете... вы волшебник, так скажите мне, пожалуйста, где теперь Белянка, бабушкина курочка? тогда хоть я вас совсем не знаю, а скажу: «Покорно вас благодарю!» — и буду вечно благодарна.

Кокорику. Как, вы меня не знаете?.. не знаете Кокорику?

Клара. Не знаю, сударь!

Кокорику. Не знаете?.. ну, по крайней мере, вы, верно, слыхали по утрам у окна вашей комнаты крики: «Кокорику! Кокорику!» — а, слыхали?

Клара. И с каждым разом ко мне в окно бросали букет цветов!.. как же, почти каждое утро это делается! — и я прозвала это Волшебным кокорику!

Кокорику. И это «волшебное кокорику» не произвело на вас никакого впечатления?

Клара. Да какое же впечатление? я всегда возьму цветы, скажу спасибо и, не посмотря, кто бросил, закрою окно.

Кокорику. Но ведь ваше «волшебное кокорику» был я сам, я, Кокорику!..

Клара. Вы?..

Кокорику. Я, моя прелесть, я; один раз я увидел вас в окно и с тех пор везде вас видел... ваши глазки, словно два горячие угля, так и жгли меня... мое мученье было нестерпимо, и я решился объсниться с вашей бабушкой...

Клара *(строго)*. С моей бабушкой?.. да как же вы смели?.. *(Ласково.)* Что ж она вам сказала?.. верно, указала дверь — и прекрасно сделала!

Кокорику. Прекрасно, но напрасно! — мне указали дверь, а я не послушался ее, влез в окно!.. и неужели вы оправдываете ее отказ?.. покорнейше благодарю! я думал, что недаром хлопочу... а вы вот как поговариваете!.. для чего ж я нынче прошел добрых полмили, следуя за вами?

Клара. Советую вам воротиться — и тогда будет ровно целая миля...

Кокорику. Смейтесь, смейтесь, мамзель Клара... бог с вами, я, кажется, вам ничего худого не делал... Любовь не порок... а если я вас заставил немножко пройтиться, так это единственно для того, чтоб повидаться с вами и поговорить,— вы сами знаете, как бабушка ваша за вами смотрела, держала вас как затворницу и решительно никуда не пускала.

Клара. Всё это так, но по вашей милости я потеряла курочку,— вот в чем вы виноваты. *(Слева выходит Бутондор.)*

Кокорику. О! на этот счет будьте спокойны: следуя за вами, я и курочку вашу не терял из виду, вон она там, в корзине.

Клара. В самом деле!.. Ах, отдайте ж мне ее. *(Бежит к корзине.)*

Кокорику *(удерживая ее за руку)*. Позвольте! сперва нам должно объясниться.

Клара *(сердито)*. Объясниться с вами, это что еще за новости, сударь!

Кокорику. Ну вот, за что вы рассердились! разумеется, нам должно объясниться, потому что вы еще не знаете, кто я.

Клара. Вы дурной, злой человек, вот кто вы!

Бутондор быстро подбегает к корзине, не быв замечен, вынимает из нее курочку и, поставив корзину на прежнее место, уходит в овин.

Кокорику. Да, с первого взгляду я похож на это; но в самом-то деле я, право, добрый малый и люблю вас до безумия,— вот мое сердечное состояние; что ж касается до карманного состояния, то, разбирая его, вы нашли бы один мрак и пустоту... у меня нет ни отца, ни матери, но я единственный наследник моего крестного батюшки, который три недели назад указал мне двери с добрым толчком, приговаривая: «Убирайся вон!»,— и этот родственный поступок сделал меня совершенно без пристанища,— вот вам вся моя история! *(В сторону.)* Если и после этого она меня полюбит, то можно жениться.

Клара. Верно, ваш крестный батюшка вас выгнал за дурное поведение.

Кокорику. Уж это его дело знать; я и не сержусь на него, с того самого дня я сплю под открытым небом в маленькой рощице, что прямо против окна вашей комнаты; слышу, как вы каждый вечер говорите бабушке: «Прощай!», но, к несчастью, вы имеете дурную привычку закрывать окно сторою, и я вижу только свет... потом темноту, но мое пылкое воображение дополняет остальное, и я счастлив!

Клара. Вот всё, что вы хотели мне объяснить? признаюсь, было зачем заставить меня так далеко идти.

Кокорику. Я вас нарочно привел сюда, потому что сегодня здесь ярмарка, танцы, у каждого молодого танцора будет своя дама, и я не хотел отстать от других.

Клара. Как, вы хотите, чтоб я пошла с вами танцевать? Вот уж этого-то и не будет, сударь!

Кокорику. Как хотите! но если вы не пойдете со мной танцевать, то не получите курочки.

Клара. Вы ужасный человек, я ненавижу вас! *(Подает ему руку, вдали слышна музыка галлопада.)*

Кокорику *(берет)*. Ненависть — сестра любви! слышите, там уже танцы начались... пора и нам!..

Клара *(вырывает руку)*. Нет, нет!.. я не пойду танцевать... мне бабушка запретила.

Кокорику. Стало, вам не нужна Белянка? А без того я ни за что ее не отдам.

Клара. Ну а если я пойду танцевать, вы отдадите мне ее?

Кокорику. Честное слово!.. *(Смотря в кулису направо.)* У! как там весело!.. посмотрите, просто летают... ну, дайте ж скорей руку — и марш!

Клара *(тихо подает руку. В сторону)*. Господи! как трудно ловить курочек!

Через сцену пробегают несколько пар, танцуя галлопад; <Кокорику и Клара> начинают танцевать, припевая; после каждого куплета они, танцуя, уходят за кулису, и оркестр один играет несколько такт; потом они опять возвращаются на сцену.

Кокорику *(на музыку танцев)*.

Смелее! крепче обопритесь!
И попрямее вы держитесь!
Не бойтеся: на всем скаку
Удержит вас Кокорику.

Клара.

Хоть стыдно мне, но признаюся,
Как птичка с вами я ношуся,
Земли не слышу под собой.
Ах, как приятно! боже мой!

Вместе.

Ах, танцы — жизни наслажденье,
В них счастье, радость, утешенье.
Еще пойдемте танцевать,
Чтоб от других не отставать!..

Скрываются и вместе с другими кружатся на авансцене.

Клара. Хоть стыдно мне, но признаюся (и т. д.)

Вместе. Ах, танцы — жизни наслажденье (и т. д.)

Несколько танцующих делают круги на сцене и скрываются за кулисы.

Кокорику. Ну, видите ли, Клара, от того не умирают.

Клара. Мы еще не будем?

Кокорику. Это от вас зависит,— я готов! ля! ля! ля! *(Берет ее за руку и начинает танцевать.)*

Клара *(останавливаясь)*. Нет! довольно! мне давно пора домой, дайте ж мне курочку, и я пойду.

Кокорику *(подходя к корзине)*. Я дал слово и сдержу его!.. *(Берет корзину и, не отдавая ей.)* Вот вам, мамзель Клара, Белянка! Белянка! поговори в ларе за меня; скажи, что Кокорику добрый малый и любит ее, как душу.

Клара. Нет, она не скажет этого.

Кокорику. Да, потому только, что не может говорить, ну а вы, мамзель Клара? — и вы тоже не скажете этого?

Клара *(опуская глаза)*. И я тоже не скажу!

Кокорику. Ска́жете!..

Клара. Нет!..

Кокорику. Нет?.. *(Повертывая корзиной.)* Ну, если бы я знал это прежде...

Клара. Ах! что вы делаете!.. вы убьете Белянку!

Кокорику. В самом деле, она не виновата, что сердце мамзель Клары крепче двери ее бабушки.

Клара. Отдайте мне ее,— посмотрите, как темно стало!..

Кокорику *(открывая корзину)*. Извольте и будьте уверены, что Кокорику умеет держать свое слово... *(Открыв, смотрит в недоумении, трясет корзину.)* Что ж это значит? Нету?.. Курочки-то нет!..

Клара. Как нет?

Кокорику. Ведь, должно быть, ее украл кто-нибудь...

Клара. Нет, не украл, а это всё ваши штуки, чтоб меня обмануть: теперь я от вас всего ожидаю!..

Кокорику. Позвольте, Клара! может быть, она воспользовалась нашим разговором и ушла вон на этот двор,— я знаю, там много кур и петухов, уж верно там!..

и вот что значит инстинкт молодости... подождите, мамзель Клара, я вам обещал возвратить курочку и сдержу слово, если же нет, то пусть не зовут меня Кокорику! *(Входит в калитку; из овина выходит Бутондор, знаком зовет из калитки Лявенета и передает ему курочку; Лявенет уходит.)*

Клара *(про себя)*. Ну если он не найдет ее, что тогда будет делать?..

С этой минуты оркестр под сурдиной играет последний куплет 1-го акта до самого занавеса.

Явление 6

Клара, Бутондор.

Бутондор *(не будучи замечен, запирает калитку. В сторону)*. Теперь и курочка, и хозяйка в наших руках... так и быть должно для общественного спокойствия!

Клара. Его еще нет!

Бутондор. Позвольте вам сказать несколько слов, прелестная знакомая незнакомка!

Клара *(в сторону)*. Опять солдат!

Бутондор. Предмет ваших поисков есть не что иное, как белая курочка?

Клара. Вы видели ее?

Бутондор. От меня ничто не скроется, я был и в воде, и в огне... и курочку вашу я видел в руках двух моих камрадов, которые сбирались ее щипать для общественного спокойствия...

Клара. Как! неужели?

Бутондор. И если вы не отправитесь сию минуту со мною к ней на помощь, то ее положат в воду и поставят на огонь,— уж это известно, я сам был в воде и огне.

Клара. Но что ж я должна делать?

Бутондор. Бежать туда, куда я вас поведу, теперь каждая минута дорога, и жизнь ее на волоске.

Клара. Ах, господи! подождите ж, я скажу одному человеку, который сейчас пошел вот на этот двор. *(Идет к калитке.)*

Бутондор *(удерживая ее)*. Невозможно! я уж слышу запах жаркого!

Клара. О, так пойдемте ж скорей!.. Ах, бедная Белянка!

Бутондор. Дайте мне вашу ручку... вот так! *(В сторону.)* Это необходимо для общественного спокойствия!.. Браво, Бутондор!.. *(Почти тащит Клару.)*

Клара *(уходя)*. Господи, что со мною? за минуту я была с Кокорику, а теперь с солдатом! *(Уходят.)*

Явление 7

Кокорику *(взлезая на забор)*. Какой черт запер калитку! Ах батюшки!.. что я вижу?.. Клара с солдатом!.. что это значит?.. *(Спешит слезть на землю.)* Мамзель Клара!.. Господин служивый... подождите!.. куда вы?.. *(Падает с забора на землю, вскакивает и, прихрамывая, бежит за ними, крича.)* Караул! караул!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

УЖАСНОЕ СУДИЛИЩЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Судья.
Бутондор.
Кокорику.
Писарь.
Клара.
Лявенет.
Колибри.
6 полевых сторожей.

Действие в судейской.

Театр представляет большую комнату; в средине дверь для общего входа; от этой двери направо и налево идут на целый план вперед балюстрады с дверью для входа; эти балюстрады устроены для зрителей; на первом плане — направо и налево — большие окна с железной решеткой; около окон стоит кресло; на правой стороне — большой стол, покрытый черным сукном, на нем всё нужное для письма; около стола — большое кресло; на другой стороне — стул; на левой стороне — против стола — деревенская скамья для судящихся. На сцене ночь.

Явление 1

Бутондор и судья (вместе входят, разговаривая).

Судья. Я, пожалуй, жизнь моя, не прочь, — но что-то страшно... ну, если это узнается... беда!

Бутондор. Э! полно, дружище!.. если бы из этого могло выйти что-нибудь важное, то я и сам не затеял бы этой шутки; будь уверен — это просто ничего! так, ради смеха... ведь я сам старый воробей — был в воде и в огне — стало быть, тут нечего и спасаться.

Судья. Всё это так, жизнь моя... но всё что-то страшно...

Бутондор. Э! да какой ты трусишка, как я посмотрю,— важное кушанье девчонка с курочкой,— да для общественного спокойствия ты не должен в это дело мешаться... ну, по рукам! Прибавлю еще бутылку,— кстати, после вместе и разопьем.

Судья. Бутондор!.. друг мой!.. ты искуситель, жизнь моя! так и быть, решаюсь... пойдем ко мне — здесь неловко — там я дам тебе свою мантию и очки... но, пожалуйста, будь повоздержнее и недолго продолжай суд... я дам тебе своего писаря — он тебя будет останавливать, когда, неравно, ты забудешься... ну, пойдем! (*Идут. Судья у дверей останавливается.)* Бутондор! жизнь моя!.. мне что-то страшно!..

Бутондор. Экой трус!.. ну, еще бутылку жертвую, идем.

Судья. Бутондор! ты искуситель, жизнь моя! так и быть, решаюсь!

Отворяют средние двери и уходят направо; в это же время с левой стороны Кокорику почти насильно втаскивает писаря.

Явление 2

Кокорику и писарь.

Писарь *(упирается ногами, Кокорику толкает его в шею)*. Позвольте!.. позвольте!.. Можете себе представить, у меня до спины дотронуться нельзя, а вы толкаете!.. Объясните по пунктам: кто вы, в чем дело и чего требуете? А то, можете себе представить, я ровно ничего не понимаю!.. Я уж начал предаваться успокоению после дневных трудов, как вдруг меня сталкивают с моего ложа и тащат в судейскую... можете себе представить!.. Что вам угодно?.. Государь мой! объяснитесь по пунктам!..

Кокорику. Изволь!.. Пункт первый: вот тебе кошелек; он не похож на твою голову и достаточно наполнен. Пункт второй: я еще столько же дам тебе, если согласишься помочь мне. Пункт третий: отдай мне свое платье на несколько часов, а сам останься дома. Ну, согласен?

Писарь. Отец и благодетель! Не токмо платье мое, но и родную шкуру мою отдаю тебе в вечное владение!.. Можете себе представить... такая щедрость!.. Ох! боюсь, как бы не сойти с ума!..

Кокорику. Ну, этого не бойся! Такой беды с тобою не случится... идут!.. уйдем скорей!.. *(Убегают.)*

Оркестр играет под сурдиной унылый марш.

Явление 3

На сцену выходят двое полевых сторожей с факелами и становятся по сторонам. За ними входят несколько крестьян — мужчин и женщин. Сторожа отворяют двери балюстрада, и крестьяне входят в балюстрад.

Хор крестьян *(под марш)*.

Вот час суда!..
О, страх ужасный!..
Какой сюда
Попал несчастный?..
Тише, тише!.. Не шумите!
Не толкайтесь и входите!
Место будет всем для нас...
Ах! Наступает страшный час!..
Вот час суда!
и проч.

Явление 4

Бутондор, в платье судьи, важно выступает и садится за стол; сторож с факелом становится у окна, чтоб осветить стол. За ним идет Кокорику в платье писаря и садится по правую сторону Бутондора. Когда все усаживаются, музыка умолкает.

Кокорику *(в сторону)*. А! это ты, проклятый сержант! Ты хочешь засудить мою Клару, да не удастся!

Бутондор *(изменяя голос)*. Ввести преступников.

Сторож, который стоял у дверей, уходит и возвращается. За ним входят Клара, Лявенет и Колибри; они садятся на скамью; Клара становится посередине.

Явление 5

Те же, Клара, Лявенет и Колибри.

Бутондор. Писарь! скажи, чтобы воцарилось молчание.

Кокорику *(изменяя голос)*. Молчите!.. Смирно!..

Бутондор *(Кларе)*. Приближьтесь и объясните, в чем дело?

Клара *(робко)*. Ах, господин судья! Заступитесь за меня!..

Бутондор *(улыбаясь)*. Успокойтесь, малютка! за вас заступятся. *(В сторону.)* Теперь уж не уйдешь!..

Кокорику *(ему на ухо громко)*. Молчите!.. Смирно!..

Бутондор *(в сторону)*. Странное обыкновение у этих писарей! Кричать на ухо... А! верно, судья-то глух... Понимаю!.. *(Ей.)* Ну-с!

Кокорику *(перебивая его, также на ухо)*. Тише!.. Смирно!..

Бутондор *(в сторону)*. Ах, черт возьми! Этот рыжий парик совсем сбил меня с толку!.. *(Ей.)* Говорите вашу жалобу.

Клара. Я, г<осподин> судья, ищу бабушкину курочку.

Общий хохот.

Кокорику. Молчать!..

Клара. Со мной встретился солдат, сказал, что знает, где курочка, повел меня прямо в лес...

Общий хохот.

Кокорику. Молчать!.. Смирно!..

Клара. Я, увидевши, что он меня обманул, стала кричать; ко мне явились на помощь двое крестьян — и вместо солдата схватили меня...

Общий хохот.

Кокорику. Молчать!..

Клара. Когда я им рассказала, в чем дело, солдата уже не было, и они повели меня в суд за нарушение спокойствия; на дороге попались нам двое солдат: один пьяный, другой нет. У пьяного была в руках моя курочка. Я закричала — и сторожа взяли этих солдат; вот они! Ах, г<осподин>судья, защитите меня!..

Бутондор *(улыбаясь, берет ее за подбородок)*. Успокойся, малютка! тебя защитят...

Кокорику *(громко на ухо)*. Молчать!..

Бутондор *(вздрагивает)*. Фу, черт возьми! Сам ты молчать!.. *(Ей.)* Чего же вы требуете?

Клара. Прикажите отдать мою курочку и отпустите меня домой.

Бутондор. У кого курочка?

Колибри *(будит Лявенета, который задремал)*. Лявенет!.. Лявенет!.. Экая скотина! Проснись!.. Вставай!.. *(Насильно подымает его.)*

Лявенет *(просыпаясь, громко)*. Здравия желаю! В окрестностях всё исправно, пьяных нет и воровства не оказалось!..

Общий хохот.

Кокорику. Молчать!.. Смирно!..

Бутондор. Где теперь находится курочка?

1-й сторож *(который стоял у стола)*. Курочка в прихожей дожидается решения.

Кокорику *(в сторону)*. Как же! в прихожей!.. Нет, уж она далеко!..

Бутондор. Хорошо. *(К Колибри.)* А ты?..

Колибри *(говорит бодро)*. Я ничего не видал, ничего не слыхал и свидетелем быть не намерен.

Бутондор. Хорошо. Писарь! пиши приговор: «Так как всей нынешней тревоги и соблазнительных сцен была виной одна вышереченная курочка, то осуждаем ее за таковое преступление лишить жизни и оставить в суде впредь до решения».

Клара. Лишить жизни!.. Но ведь это несправедливо... Ах, г<осподин> судья! Сжальтесь надо мною!..

Бутондор. Успокойтесь!.. Я всё для вас готов сделать, моя милочка!

Кокорику *(на ухо)*. Молчать!..

Бутондор *(покосившись на него, в сторону)*. Судья прислал ко мне скота вместо писаря. Писарь! пиши далее: «Солдату, пойманному с курочкой, сделать строгий выговор и отпустить, а данную челобитчицу задержать в судейской как поруку, тоже впредь до решения дела». Суду конец! *(Встает и все также.)*

Клара. Меня задержать!.. Помилуйте, господин судья! да за что же?

Бутондор. Таков порядок!

Кокорику *(в сторону)*. Каков гусь! Не случись

здесь я, Кларочка бы моя погибла!.. О, хитрый сержант! Сарданапал в лычках, берегись!..

Клара. Сжальтесь, умоляю вас, господин судья!..

Бутондор. Успокойтесь, моя прелесть! всё, всё сделаю...

Кокорику (*на ухо ему*). Молчать!..

Бутондор. Да уж теперь, кажется, суд кончился!.. Ты мне ужасно надоел!.. *(К сторожам, которые приготовились идти вперед.)* Вы слышали? Курицу — в кухню, а челобитчицу оставить в судейской! Писарь! Ты отвечаешь мне за нее своим париком, понимаешь?.. *(В сторону.)* У! какие глазенки воровские!.. Ну, Бутондор! теперь она твоя!.. *(Идет в средние двери, за ним все, кроме Клары и Кокорику, которые остаются около судейского стола.)*

Общий хор.

Окончен суд! Все по домам,
Друзья, скорее разойдемся!
Здесь не велят смеяться нам,
Так мы дорогой посмеемся!..

Все уходят. Музыка умолкает.

Явление 6

Клара и Кокорику.

Кокорику, когда все уходят, осматривает зало.

Клара (*в отчаянии бросается в кресло*). Это бесчеловечно!.. Осудить Белянку на жаркое!.. А меня оставить в судейской!.. Господи! Какая несправедливость!.. Вот после этого и полагайся на судей!.. верь этим добрым старичкам, которые берут тебя за подбородок и ласково говорят: успокойся, малютка! тебя защитят.

Кокорику (*подходя*). Да, это правда! Все эти старички просто разбойники!

Клара (*в сторону*). Он бранит стариков, а сам как будто молоденький!.. *(Ему.)* А молодые-то разве лучше их?.. Всё зло и сделал молодой!..

Кокорику. Молодой? И, верно, премилый, прелюбезный молодой человек?

Клара. Кто? Кокорику-то любезный молодой человек? что вы? да это такой сорванец, что я и не видывала!..

Кокорику *(говоря своим голосом)*. Покорно вас благодарю, мамзель Клара, за рекомендацию — она прекрасна!

Клара *(удивляясь)*. Как! Неужели это вы?

Кокорику *(снимая очки)*. Да, это я — ваш Кокорику! Неужели вы думали, что я вас оставлю в минуту опасности?

Клара. О, теперь я уж уверена, что вы волшебник!

Кокорику. Не я, а вы — волшебница! Вы околдовали меня и приворожили к себе, и я вас спасу.

Клара. А Белянку со всем колдовством вы уж не спасете,— она теперь в кухне.

Кокорику. Нет, не в кухне, а спрятана мною в другое место. Об ней не беспокойтесь! Прежде надо вывести вас отсюда, а там и курочку получите. Как всё благоприятствует!.. Теперь ночь; дверь не заперта. Возьмите скорее мои очки и наденьте это платье. В этом костюме вас никто не узнает, и сторож отопрет ворота. *(Снимая парик, очки и мантию.)* Надетьте же скорее... дайте ручку... я вам подам... ну, скорее!..

Бутондор *(за кулисами)*. Сюда, сюда! да осторожнее, не разбейте чего!..

Кокорику *(бросив в угол платье и парик)*. Поздно!.. идут!..

Клара. Ах, господи! Что же теперь делать?

Кокорику. Молчите!.. Не бойтесь, я всё сделаю. Закройте меня! *(Становится на колени сзади Клары; она закрывает его юбкой.)*

Явление 7

Кокорику (спрятанный). Клара и Бутондор (всё еще в платье судьи). У Бутондора в руках свеча; за ним идут два сторожа и несут стол с кушаньем, накрытый на две персоны. Посредине две бутылки вина и жареная курица.

Бутондор *(сторожам)*. Поставьте здесь!.. Так, хорошо!.. Теперь пойдите вон и не смейте входить,— мне надо заняться делом. *(Сторожа кланяются и уходят. Он следует за ними до дверей.)*

Кокорику *(в сторону)*. Вот я тебе задам дело!..

Клара *(ему)*. Да замолчите!..

Бутондор *(слыша ее слова)*. А? Что вы сказали?..

Клара. Ничего, господин судья!

Бутондор. Странно... мне послышалось... А где же писарь? Я, кажется, ему строго приказал остаться с вами.

Клара *(живо)*. У него заболела голова, и он ушел спать.

Бутондор. И хорошо сделал.

Кокорику. О, старая ворона!

Бутондор *(идя к креслу налево)*. Что вы?..

Клара. Я молчу...

Бутондор. Странно! Мне послышалось!.. *(Ставит кресло около стола, идет за другим, которое у балюстрады направо.)*

Кокорику, чтоб не быть заметным, переползает вперед и также скрывается за Клару.

Вот и другое! Это для вас, моя прелесть!.. Прошу покорно!..

Кокорику опять скрывается.

Клара *(быстро вставая)*. Как! вы хотите...

Кокорику *(удерживая ее за юбку)*. Что вы, мамзель Клара! ведь он увидит меня.

Бутондор. А?.. Что вы говорите?..

Клара *(опять садится)*. Я... молчу...

Бутондор. Удивительно! Что это мне всё слышится!.. *(В сторону.)* Однако надо взять все предосторожности для общественного спокойствия. *(Идет к двери, запирает ее и кладет ключ в карман.)*

Клара. Создатель мой! я погибла!..

Кокорику. Ничего, надейтесь на меня.

Клара. Да я не знаю, что мне делать, что говорить...

Кокорику. Не бойтесь, я вам подскажу.

Бутондор *(подходя к Кларе, берет ее за обе руки)*. Ну, пойдем же к столу, моя кралечка! *(Ведет ее до стола. Кокорику идет за нею нагнувшись. Бутондор сажает ее на первое кресло, сам садится на другое. Кокорику приседает у стула Клары.)* Сделайте милость, попробуйте жаркого и винца, а винцо чудесное! *(В сторону.)* С одной капли заснешь как мертвая!

Кокорику *(Кларе)*. Не пейте и ничего не ешьте!..

Клара *(Бутондору)*. Покорно благодарю! Я не хочу ни есть, ни пить... отпустите меня домой... *(Встает.)*

Отоприте дверь... или я закричу — и ко мне придут на помощь.

Б у т о н д о р *(также встает и обходит впереди стола, а Кокорику в это время прокрадывается по другой стороне стола к креслам, где сидел Бутондор.)* У! Какая ты капризная!... Полно, ангелочек мой, успокойся! Здесь никто тебя не обидит... я готов тебя выпустить, но прежде ты должна меня поцеловать...

К л а р а *(отходя)*. Это с чего вы взяли?..

Б у т о н д о р. Не даешь волей, возьмем силой!

К о к о р и к у *(задув свечу, в сторону)*. Возьми ж теперь!

Совершенная темнота.

Б у т о н д о р. У! Какая тьма кромешная!.. Отчего это свечка погасла?

К л а р а. Это ветром... в окно...

Б у т о н д о р. Ну что ж? Тем лучше! Сама судьба нам помогает!.. Свечу должно было погасить для общественного спокойствия!.. Нам света не нужно... нас двое — и друг друга сыщем... *(Идет к Кларе, протянув вперед руки.)*

Кокорику отводит Клару и становится между нею и Бутондором.

К о к о р и к у *(в сторону)*. Да, двое, не считая меня.

Б у т о н д о р *(продолжая размахивать руками, переступая вперед. Кокорику с Кларой идут от него)*. Ты, плутовка, не уйдешь от меня, нет! я старый воробей! *(В сторону.)* О, черт возьми! Сердце так и хочет выпрыгнуть!.. Каков я-то?.. Ведь красотка-то просто ахти мне!.. Браво, Бутондор! *(Идет и натыкается на кресло, хватаясь за ногу.)* Ох, черт возьми! проклятое кресло!.. Послушайте, ангел мой! Сжалься надо мной! Дай ручку мне свою!..

Кокорику подает ему свою правую руку, а левою держит Клару.

О, какое блаженство!.. Какая пухленькая, миленькая ручка! *(Целует ее.)*

К о к о р и к у *(тихо Кларе)*. Скажи ему: довольно!

К л а р а. Довольно, господин сержант!.. Пустите меня!..

Кокорику отнимает руку и, с Кларой переходя на другую сторону, щиплет Бутондора.

Бутондор. Ой!.. Ой!.. Ах злодейка!.. ведь больно!.. За это ты должна непременно меня поцеловать!.. *(Идет в противную сторону. Клара смеется.)* А! ты там... *(Подходит к ним.)* Ну, поцелуй же меня!

Клара. Нет, уж это слишком!.. вы забываетесь, господин судья!

Бутондор. Не даешь волей, возьмем силой!.. В штыки, черт возьми!.. да нет! Ты не можешь отказать в такой безделице... для общественного спокойствия ты должна меня поцеловать!..

Клара *(которой подсказывает Кокорику)*. Хорошо, я согласна. Но прежде вы должны дать, чего я у вас попрошу. Дайте мне ключ от двери — и я поцелую вас.

Бутондор. Не обманешь? Изволь, мой жизненочек! Вот вам ключ! Видите, как я благороден. *(Отдает ключ в руку Кокорику, тот передает Кларе. В то же время Бутондор обнимает Кокорику.)*

Вместе.

Бутондор.

О, сколько наслажденья
Девицу целовать!
Я нем от восхищенья!..
Не знаю, что сказать!..

Кокорику *(в сторону)*.

О, сколько наслажденья
Его так надувать!..
И я от восхищенья
Готов хоть танцевать!..

В конце ансамбля Кокорику дает знак Кларе, чтоб она уходила.

Клара *(тихо Кокорику)*. Прощай, Кокорику! *(Отпирает дверь и убегает.)*

Бутондор *(удерживая Кокорику)*. У! черт возьми! да какая ты сильная!.. душа моя! позволь еще поцелуй... один только!..

Кокорику отпихивает его и бьет ногами по ногам Бутондора.

А! ты не хочешь волей — так возьмем силой!..

Кокорику схватывает с него парик и бросает на пол.

Б у т о н д о р. Какая дерзость!.. О, я отомщу... я старый воробей!..

К о к о р и к у *(кричит)*. Нет, ты старая ворона... самозванец!..

Б у т о н д о р. Что я слышу?.. Да это не женский голос!.. Здесь воры!.. убийцы!.. Караул! Помогите! режут! Караул!..

К о к о р и к у *(дает ему толчок убегая)*. Теперь давай бог ноги! *(Бежит к средним дверям; навстречу ему вбегают сторожа с палками и факелами и схватывают его за руку.)*

Я в л е н и е 8

На сцене светло.
Б у т о н д о р без парика, мантия свалилась, и видно платье сержанта, К о к о р и к у и с т о р о ж а.

Б у т о н д о р. Она убежала!.. Держите его!.. Держите крепче!.. он заплатит мне и за нее, и за себя!.. Как ты сюда попал, разбойник? а?

1-й с т о р о ж *(ему же)*. А ты как сюда попал, служивый, а?

Б у т о н д о р *(спохватясь)*. Ах я дурак! *(К ним.)* Ну что же, господа! я пришел сюда затем... так знаете... ради общественного спокойствия... но он?.. О, это ужасный разбойник, вор.. он всё, что вам угодно!..

1-й с т о р о ж. А как же на тебя попало платье нашего судьи, а? А это еще что такое? *(Поднимает платье писаря.)* Парик и мантия нашего писаря!.. Что это значит?.. Э! Да вы, господа, с позволения сказать, мошенники!.. Хорошо! Ребята! свяжите их и до рассвета посадите в арестантскую!.. *(Приступают вязать.)*

Б у т о н д о р *(не даваясь)*. Нет!.. Я не позволю!.. Вы не знаете, с кем имеете дело!.. Прочь!.. Прочь от меня, или я изрублю!..

1-й с т о р о ж. А! да ты еще и буянишь!.. Ребята! не вяжите того, тот, кажется, малый смирный, давайте сюда веревки! Вот этого сокола надо покрепче скрутить!

(Все сторожа бросаются на Бутондора и вяжут его.)

Хор сторожей.

Ребята! Примемся дружнее!
Его веревкой обовьем,
Скорее скрутим посильнее —
И в арестантскую сведем!..

Кокорику этим временем убегает.

1-й сторож: А другой-то где?.. Лови, лови его!.. *(Бросают сязанного Бутондора и убегают.)*

Бутондор *(лежа кричит)*. Скоты!.. Разбойники!.. Изрублю!.. Эх, где вы?.. Изрублю!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

БУРЯ И КРОВОПРОЛИТНОЕ СРАЖЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Кокорику.
Клара.
Бутондор.

Действие в доме судьи.

Театр представляет чердак. На полу постлана пучками солома; на жердях и в корзинах сидят несколько посаженных кур. Направо от зрителя в глубине лестница, ведущая вниз, через которую виден только деревянный балюстрад. На той же стороне, на первом плане, небольшое слуховое окно. Прямо против зрителей большое окно, какое обыкновенно бывает на чердаках. Около него и на полу разбросанные разные полевые земледельческие орудия, как-то: серпы, косы, вилы, деревянные лопаты, метлы; в стороне на жердях висят несколько связанных веников. На сцене ночь.

Явление 1

Клара *(взбегает по лестнице и осматривается)*. Господи! Куда это я зашла?.. Бегала, бегала по этому проклятому судейскому двору, не могла выйти на улицу!.. Это, кажется, нежилое место,— верно, чердак! Всё я здесь безопаснее, чем в руках у этого проклятого судьи!.. У! как я озябла!.. Бедный Кокорику! что-то будет с ним?.. Дай лягу где-нибудь, а как только покажется солнышко — я и отправлюсь! *(Ложится направо на пучок соломы и закрывается соломой же.)* Ах! где-то теперь моя курочка?.. *(Небольшое молчание.)* Что-то делает теперь моя бабушка?.. *(Засыпает.)*

Явление 2

Клара спит закрытая. Среднее окно растворяется, и прежде показываются ноги Кокорику, потом он сам осторожно спускается на чердак.

Кокорику. Ищи ж меня теперь!.. Небось бегают как угорелые!.. Хороши сторожа!.. Впрочем, один было совсем схватил меня, но я дал ему хорошего столба, а сам, как кошка, взобрался на эту крышу!.. *(Осматривается.)* Куда ж это я попал?.. Э! да мне что за надобность?.. вот где теперь бедная Кларочка? Вот это совсем другое дело! Девушка в такое время всякому глаз колет... впрочем, может быть, она теперь уж в своей комнате и ложится спать... дай и я то же сделаю!.. На что бы прилечь?.. *(Ощупывает, идя направо.)* А! Милосердная судьба мне и соломки подложила... *(Ложится около Клары и кладет голову на нее.)* Прощай, Кларочка! Прощай, ангелочек!.. до свиданья!..

Начинает светать.

Клара *(вскрикивает)*. Ай-ай!.. кто это?.. Кто здесь?..

Кокорику *(в ужасе вскакивает на колена)*. Господи! Кто здесь?..

Клара *(также вскакивает на колена и, сложивши руки)*. Ах! умоляю — пощади!..

Кокорику. Как!.. Что я слышу!.. Это вы, мамзель Клара?..

Клара. А это вы, Кокорику?..

Кокорику. Я, прелестная Клара! Вы как сюда попали?

Клара. Я не могла найти выхода и прибежала сюда. А вы?

Кокорику. А я знал, где выход, да влез сюда поневоле: за мной четверо гналось!.. Что ж мы станем делать, мамзель Клара?

Клара. Как только взойдет солнышко, вы проводите меня домой...

Кокорику. Да уж солнышко-то взошло! Этот чердак за большим домом, оттого здесь и темно.

Клара *(смотря в окно)*. Господи! Совсем рассвело!.. Я проспала здесь целую ночь!..

Кокорику. Что ж? Тем лучше! Для вас спокойствие было необходимо...

К л а р а *(плачет)*. О, как рано!.. Теперь я пропала!..

К о к о р и к у. Нет, мамзель Клара! вы не пропали, потому что я вас нашел.

К л а р а. О, оставьте меня!.. Ради бога, оставьте!.. Теперь день — и я одна найду дорогу...

К о к о р и к у. Одной идти я вам не советую... вот вам моя рука: я хорошо знаю дорогу и прямо приведу вас домой... без меня ж вы заблудитесь... *(Смотрит в окно направо.)* А! вот она, штука-то!.. *(Протягивает в окно руку.)*

К л а р а. Что еще?

К о к о р и к у. Не беспокойтесь, ничего, ничего!.. Там маленькая тучка... и дождик небольшой, но крупный...

К л а р а. Пусть он идет — и я пойду. Дело идет о спокойствии моей бабушки — и дождик меня не остановит. *(Идет к лестнице, приподнимает юбочку и собирается сойти вниз. В это время в большое окно видна молния, она с криком отскакивает назад.)* Господи! Какой страх!.. *(Закрывает руками глаза.)*

К о к о р и к у. Видите ли! Гроза заходит — и, по-видимому, будет страшная буря!..

К л а р а *(трясется от страха)*. Ах, не говорите этого!.. Ради бога, не предвещайте бури,— я ужасно боюсь грома... *(Вдали слышен гром, Клара приседает от страха.)*

К о к о р и к у. Да, это очень опасно!.. С месяц назад у моего крестного батюшки грозой убило осла оттого, что он поупрямился — не вошел в хлев, а расхаживал по двору.

К л а р а. Ах, не рассказывайте этаких вещей, мне и без того страшно!..

К о к о р и к у. Тоже вот недавно у нашей соседки Пишу убило корову, да так, что на другой день нашли только рога и хвост, а отчего? оттого, что забыли затворить дверь в хлеве.

Молния.

К л а р а *(быстро подбегает к окну направо и затворяет его ставней)*. Теперь всё не так опасно...

Гром.

К о к о р и к у. Что, мамзель Клара? Вы всё еще намерены идти? *(Смеется.)*

Клара. О, Кокорику! да вы презлой человек!.. Стыдно смеяться над бедной девушкой... что я боюсь,— это не моя вина!

Кокорику. Нет, Клара!.. Я нисколько не зол и не смеюсь, а может быть, больше вашего робею: посмотрите, как бьется мое сердце!.. *(Берет у нее руку и прикладывает к сердцу.)*

Клара. В самом деле!.. Ах бедненький Кокорику! И вы также боитесь грозы...

Кокорику. Да, я боюсь, но только не грозы...

Клара *(в сильном страхе)*. Да разве есть что-нибудь страшнее?.. Скажите ж, пожалуйста, что такое?

Кокорику. Нет, этого нельзя сказать!.. Но знаете, что мы сделаем? Мы оба теперь робеем, так соединим наш страх в одно, и тогда, верно, нам не так будет страшно, не правда ли?.. *(Берет два снопа соломы и кладет их посередине сцены.)* Сядем рядом, и, посмотрите — нам будет гораздо веселее!..

Клара. О нет, нет! *(Берет один сноп.)* А я сяду вон там! *(Несет сноп направо в угол и садится.)*

Кокорику *(берет свой сноп и относит его на другую сторону, налево)*. Как хотите!.. Я для вас же хотел. Смотрите не испугайтесь!..

Клара. Не беспокойтесь!..

Кокорику.

Не испугайтеся смотрите;
И рядом лучше б нам сидеть...

Клара.

Я не боюсь, не хлопочите...
И гром перестает греметь...

(Удар грома и молния. Она вскакивает и тащит свой сноп ближе к Кокорику. Он делает то же.)

Клара.

Ай-ай!

Кокорику.

Ай-ай!.. еще сильнее!..
Смотрите, небо всё в огне!

Клара.

Час от часу гремит страшнее.

Кокорику.

Еще подвиньтесь вы ко мне!..

(Она и он придвигаются.)

Я говорил; вы не хотели
Поверить дружеским словам,—
Надули губки, в угол сели...
А рядом сесть всё лучше нам!..

Гром.

Клара. Ах! Гроза всё больше и больше!..

Нечувствительно придвигаются друг к другу.

Кокорику. Ведь я вам говорил, вы только не хотели мне поверить; я говорил, что должно сесть рядом.

Гром.

Клара *(в ужасном страхе)*. Пожалуй!.. Но только сделайте милость, оборотитесь ко мне задом — и не смотрите на меня. *(Сама садится к нему спиной.)*

Кокорику *(печально)*. Извольте, если вы непременно этого хотите. Я, чтоб вас успокоить, буду смотреть к себе в карман. *(Оборачивается также спиною.)* Ах, мамзель Клара! Посмотрите-ка вокруг — в какой мы компании!..

Клара повертывает тихо голову, в это время и Кокорику делает то же; наконец они встречаются взорами, что заставляет их быстро принять прежнее положение.

Клара. Я ничего не хочу видеть!..

Кокорику. И я также!.. Это так мне вздумалось показать вам... а впрочем, посмотрите на этих курочек.

Как дружно к петушку припали!..
К нему в кружок все собрались!..

(Берет ее руку.)

Ах, если б вы так поступали,
Как сладко б дни наши неслись!

Гром.

Вокруг их бури и ненастье!..
Они ж без страха сладко спят.
Кто любит, тот вкушает счастье,
К нему все радости летят!..

(Обнимает ее одной рукой. Гром. Клара прижимается к нему.)

Теперь вам нечего страшиться!
Пройдет гроза — и мы пойдем,
И, если уж беде случиться,
В беду мы оба попадем!..

Стало быть, во всяком случае, не одни будете страдать, а со мною вместе.

Сильный удар грома и блеск молнии. Клара от страху склоняет голову на колени Кокорику. Он целует ее; приподнимает и сажает к себе на одно колено.

Кокорику. Придите в себя, моя милая Кларочка!.. Это ничего, пройдет... это последний удар, уже больше не будет!.. Сейчас разгуляется... Успокойтесь!

Клара *(в слезах)*. Ах, Кокорику! Я вам вверилась, как честному человеку, а вы вот как поступаете!..

Кокорику. Да что же такое я сделал?

Клара. Как что? Да ведь вы поцеловали меня... экой злодей!..

Кокорику. Это совсем не злость, а что-то лучше этого...

Клара. Да что ж такое?

Кокорику. Это... это любовь, мамзель Клара!

Клара. Любовь?.. *(Отбегает в прежний угол.)* Уйдите и вы, сделайте милость!.. Любовь!.. Ах, господи! Да знаете, сударь? Моя матушка умерла от этого, вот и я, верно, также умру... А! вы хотите моей смерти, бог с вами!..

Кокорику. О! Что за слова?.. от любви не умирают, а живут двойною жизнью!.. Буря утихает; теперь можно и в путь... Пойдемте!..

Клара колеблется.

Теперь вам нечего бояться: кто бы ни встретился, вам ничего не сделает, потому что с вами я, и не просто провожатый, а много больше этого... теперь я защищаю вас и самому черту рога сломаю, не только какому-нибудь негодному сержанту... Ах! совсем было забыл! Сейчас возьму курочку вашу и со всем семейством явлюсь к бабушке — я сейчас ворочусь — она здесь недалеко у меня спрятана.

Я сейчас!.. Вы подождите,
Я к вам с Белянкой ворочусь,
Прощайте, ангел мой!

Клара.

Идите!
Я долго быть одна боюсь...

Кокорику.

Чего ж бояться? Под рукою
У вас защита.

Клара.

Знаю я...
Но вы теперь еще со мною;
А я боюся за себя...

Кокорику уходит в большое окно и в виду зрителей спускается вниз.

Явление 3

Клара, потом Бутондор.

Клара *(смотря на Кокорику)*. Ну, если ее опять украли?.. *(Подходит ближе к окну.)* Ах нет! вон она, у него в руках... О, Беляночка! погоди ж, вот я тебя!.. Ах! вырвалась!.. убежала!.. Он бросился за нею... Скорей, скорей, Кокорику! Уйдет!.. Поймал, поймал; несет сюда... А! за ним гонится петух!.. Это что за новости?.. Кокорику гонит его прочь!.. Хорошенько его!.. Хорошенько!.. *(Продолжает смотреть.)*

Бутондор *(показываясь на лестнице; нос его красен от вина; он ходит пошатываясь).* Ах, черт возьми! Кажется, только четыре бутылки выпил, а пьян!.. Ну что ж такое, в самом деле? Пьян да умен — два угодья в нем!.. Я даром что пьян, а всё сделал, как должно, и всем распорядился для общественного спокойствия... Скотов сторожей нынче выдерут, как должно, а этого сорванца поймают. Нет! Тю-тю! меня, брат, не надуешь — я ведь старый воробей! Где б ты ни притаился, а от меня не уйдешь!.. Ворота я приказал караулить и сам лично обыскал все мышьи норки... вот только здесь, кажется, еще не был... точно, не был... *(Осматривается и видит Клару.)* А, милочка!.. Какими судьбами?.. Здравствуй, моя прелесть!..

Клара. Ах, боже мой! Опять солдат!.. Куда деваться?..

Бутондор. А! Наконец!.. я поймал тебя, вострушка!.. злодейка быстроглазая!.. Ты заставила сержанта Бутондора понапрасну хлопотать,— постой же! Ты со мной расплатишься, как должно!.. *(Идет к ней, она бежит от него.)*

Клара *(убегая от него).* Ах, господин сержант! Сделайте милость, не трогайте меня...

Бутондор. Ну нет, я долго терпел! Теперь не жди пощады — я ведь старый воробей!.. И непременно тебя атакую... для общественного спокойствия! *(Бежит к ней шатаясь.)*

Клара *(бежит к окну).* Кокорику! Кокорику! Скорей сюда! Кокорику!

Бутондор. Зови, кричи... Сержант никого не боится!..

Клара. Кокорику! Кокорику!

Явление 4

Те же и Кокорику (показывается на лестнице).

Кокорику.

Что здесь за шум? Что это значит?
Ах! Здесь проклятый наш солдат!..

Бутондор *(схватив за руку Клару).*

Меня никто не одурачит!
Я рассержусь — мне черт не брат!..

Кокорику *(отталкивает его и становится между им и Кларой).*

Потише!.. К ней не подходите!..

Бутондор.

Мужик! Изрежу по кускам!..

Кокорику.

Свой нос и уши берегите —
Вы страшны только по усам!..

Бутондор.

Мужик! Ты смеешь грубиянить?
Ведь я с тобой, брат, не шучу!..
Пошел же прочь!

Кокорику *(отпихивая его).*

Ну, не буянить!..
Не то я вот чем проучу!

(Грозит кулаком.)

Бутондор *(вынимая саблю).* Ты смеешь грозиться на меня?.. Теперь жизнь твоя на волоске!..

Клара *(тащит назад Кокорику).* Кокорику! Он убьет вас... ради бога, не подходите близко!..

Кокорику. Ничего! Ну где ж старой вороне убить Кокорику?.. Постой, мне сама судьба посылает оружие. *(Схватывает деревянные вилы и бежит на Бутондора.)* Берегись, господин сержант, назад!

Бутондор *(пятится назад, махая саблей).* Мужик! Смотри, в глаз попадешь!.. Изрублю!..

Кокорику *(двумя концами вил схватывает за шею Бутондора и роняет его на сноп соломы, что около правой стены, и упирается вилами в стену).* Вот так, господин сержант! Это необходимо для общественного спокойствия.

Мамзель Клара! вы свободны, идите скорей! На лестнице стоит корзинка с Белянкой... я сейчас за вами!..

К л а р а *(убегая)*. Благодарю вас, Кокорику!

Б у т о н д о р *(во всё это время кричит)*. Пусти!.. Изрублю!.. Пусти, говорят тебе!.. Ты можешь удавить сержанта Бутондора!.. Мужик!.. берегись — изрублю!..

К о к о р и к у *(укрепляя конец вил в пол, убегает за Кларой)*. Будьте здоровы, господин сержант!

Б у т о н д о р *(рубит вилы саблей и кричит)*. Пусти меня!.. изрублю!.. Скот!.. Мужик!.. Ой батюшки! Помогите!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Бабушка.
Клара.
Кокорику.
Нотариус.
Соседи и соседки.

Действие там же, где было первое действие.

Комната первого действия.

Явление 1

Клара, бабушка и Кокорику.

При поднятии занавеса дверь средняя отворена; бабушкина мантилья брошена на кресло; всё в беспорядке; Клара стоит на коленях перед бабушкой со сложенными руками; бабушка стоит подле нее, поднявши трость.

Бабушка. Замолчи, несчастная! Я ничего не хочу знать и слышать!.. Не знаю, право, что меня удерживает?..

Клара. Бабушка! Сжальтесь надо мною!..

Бабушка. Оставить дом, несмотря на мой строгий приказ!.. а?.. да как ты смела?.. Приезжаю домой — ни души!.. Спрашиваю — никто не отвечает! Ни тебя, ни Белянки... точно вымерло всё!.. Вот и карауль девчонок! Вот и воспитывай курочек!.. Оставить на минуту, а они расправят крылья — и поминай как звали! Неблагодарные!..

Клара. Бабушка! Клянусь, что этого вперед не будет!..

Бабушка. Да мне-то что от этого за польза?

Клара *(встает)*. Всех виноватее Белянка. Если б она воротилась, когда я ее звала, то ничего бы и не было!

Бабушка. Негодная! О, только бы найти ее!.. Уж

я бы ей дала знать, как выбегать на улицу!.. *(Говоря эти слова, она взглядывает на корзину и видит в ней Белянку.)* Ах, господи! да она здесь!.. Бедненькая! Как похудела!..

Клара *(подходя к корзине).* Неужели здесь?.. Ах, бабушка! Я, ей-ей, не знаю, как это сделалось,— это, верно, колдовство!..

Бабушка. Колдовство? Так!.. И ты ничего не знаешь?.. Ох, Клара!.. Хитришь. Из этого я вижу, что всё рассказанное тобою была басня!.. да, да,— одна выдумка!..

Клара. Ах, бабушка!.. вам грешно подозревать меня во лжи,— я всегда говорила вам правду.

Бабушка. Но можно ль поверить, чтоб беззащитная девушка могла ускользнуть от стольких опасностей и соблазнов?..

Клара. Да ведь я вам говорила, что всё это делалось каким-то колдовством; и если вы теперь еще видите свою Кларочку, то этим обязаны храбрости одного...

Бабушка. Кого это одного?

Клара. Да, одного человека, который с опасностью жизни защищал меня и курочку и сохранил нас от погибели.

Бабушка. И этот храбрец молодой или старый? а?.. Что ж ты не отвечаешь?.. а?.. Злодейка! верно, молодой?

Клара. Да, бабушка, молодой-с!

Бабушка. Несчастная!.. Погибшая!.. И, верно, говорил тебе о любви?

Клара. Да, бабушка, говорил-с!

Бабушка. Господи боже мой! Вот куда пошли мои труды и попечения!

Клара. Но, бабушка! он такой хор...

Бабушка. Молчи!.. Я ничего слышать не хочу!.. Чего я боялась, то и сделалось!.. По крайней мере, знаешь ли, кто он? Как зовут?

Клара. Кокорику.

Бабушка. Кокорику?!

Ну, не ждала такой печали
Узнать я на своем веку!..

Клара.

Но если б, бабушка, вы знали...

Бабушка.

И знать я, внучка, не хочу!..
Ох, умираю!.. Поддержите!..

Клара хочет говорить.

Ни слова больше!..

Клара *(поддерживая ее)*.

Я молчу.

Вы лучше сядьте, отдохните.
(Ведет ее к креслу.)

Не знала я, что навлеку
Поступком этим огорченье...

Бабушка садится. Слышен крик.

Бабушка *(в ужасе вскакивает и смотрит на кресло.)* Кто здесь? Скажи!..

Кокорику сбрасывает мантилью, которою был закрыт.

Клара и Кокорику. Кокорику?!

Бабушка. Нет!.. Привиденье!..

Клара. Ах, какое счастье! вас сержант-то не убил?..

Бабушка *(берет за ухо Кокорику и заставляет его сойти с кресла)*. Как! Ты опять здесь, разбойник этакой! а?.. Тебе мало, что нарушил спокойствие моего дома, ты еще осмелился пугать меня самое?.. а?.. Кто тебе позволил сюда прийти?.. а?.. Зачем ты пришел?.. И как вошел сюда?.. а?..

Кокорику. Бабушка! Не сердитесь. Я пришел сюда затем, чтоб узнать, благополучно ли дошла до дому мамзель Клара, потому что я ее никак не мог догнать... и не знаю, как пришел сюда прежде ее. Подхожу к дому, дверь отворена; вхожу, пускаю Белянку на прежнее место, оглядываюсь — а вы стоите ко мне задом... я не знаю, как это вы меня не видали...

Бабушка. Видишь, какую историю рассказывает!.. Убирайся вон, или худо будет!.. Ведь я не Клара и шуток не люблю!.. Слышишь?.. Вон сейчас! *(Подымает трость и идет к Кокорику.)*

Клара *(удерживая ее и бросаясь на колени)*. Бабушка! Милая, добрая бабушка! Не бейте его!

Кокорику *(также бросаясь на колени сзади Клары)*. Бабушка! успокойтесь и бросьте вашу палку,— вы только измучите себя!.. А ведь я ни за что не уйду отсюда. *(Встает.)* К тому же палка — не свой брат... и я совсем не привык к таким увещаниям!..

Клара переходит направо к бабушке.

Я же пришел к вам по делу, важному делу... я принес вам письмо от нашего пастора, с которым я сейчас виделся и во всем ему открылся. И он, по просьбе моей, решился к вам написать. Извольте, прочтите!.. *(Подает ей письмо.)*

Бабушка. Письмо от пастора?.. дай скорей!.. Ах, боже мой! ведь я так-то не вижу, а очки потеряла.

Кокорику. Нет, вы вчера забыли их в моем кармане, а нынче я вам их возвращаю. *(Подает ей очки.)*

Бабушка. Как! и это твое дело?.. Ну, повеса!.. *(Надевает очки.)*

Клара. Бабушка! Читайте поскорей! Может быть, пастор советует вам... отдать меня замуж.

Бабушка *(снимая очки)*. Замуж? *(Берет ее за ухо.)* Раненько собралась!.. раненько!.. да!.. Если б он и в самом деле советовал, то где найдется жених для такой невесты, как ты? У тебя теперь ровно ничего нет.

Клара. Как, бабушка, ничего нет?

Бабушка. Да так, внучка! Наше дело проиграно, всем завладел твой проклятый двоюродный братец — и ты ничего не получишь из наследства.

Клара. Неужели ничего? Ах, боже мой! Какой он жадный!.. Да вы бы, бабушка, поговорили с ним, попросили...

Бабушка. Попросили!.. Поговорили!.. А где мне прикажешь его сыскать?.. Я его и не видала!..

Кокорику. И я то же скажу вам, бабушка! Вы напрасно его не поискали, а, кажется, найти не трудно. Наденьте-ка очки!

Клара. Да разве вы его знаете?

Кокорику. Как самого себя; я с ним никогда не разлучался.

Бабушка. Как! Ты знаком с ним?

Кокорику. Да еще как знаком-то! Я знаю, где он теперь, знаю даже, что он влюблен в вашу внучку до страсти, знаю, что он за ней ничего не потребует приданого, а только одну ее, знаю...

Бабушка. Но скажи, пожалуйста, где он теперь?

Кокорику. Он... перед вами!

Клара. Как! вы?

Бабушка *(вместе с Кларой)*. Как! Ты?..

Кокорику. Да, я, прелестная Клара! Карл Патю, прозванный Кокорику за то, что раньше всех просыпался и всех будил на работу. Мне хотелось прежде узнать ваше сердце и доказать вам мою преданность и потом уже сказать, кто я в самом деле. Мой крестный отец никогда меня не выгонял, а ждет меня, как родного сына... Клара! прости меня за это дерзкое испытание.

Клара *(стыдливо)*. Ах, братец! если б я знала...

Кокорику. Если б и знала, то лучше бы не могла себя вести.

Бабушка. Вот неожиданное превращение! Как! да неужели в самом деле ты?.. ох, виновата!.. Вы тот самый...

Кокорику. Я, я, бабушка! Простите и вы меня за маленькие вольности; право, я всё это делал из любви к вашей прекрасной внучке. Вы сейчас горевали, что у Клары нет приданого, я ей отдаю всё мое имение, а у меня его очень довольно, не считая нового наследства. За всё это я прошу одной награды — руки ее.

Клара *(тихо бабушке)*. Бабушка, я пойду надену новую юбочку.

Бабушка. Уж теперь поздно, он тебя и так видел. *(Ему.)* Ах, батюшка! я, право, не могу прийти в себя... прошу покорно садиться... Я не прочь. Но вот вчерашний-то ее поступок... впрочем, отец мой, ведь она это сделала, право, по неопытности.

Кокорику. Этот самый поступок и доказал всю ее невинность. Я не оставлял Клару ни на минуту — и отвечаю за нее. Об ней не беспокойтесь; вот за Белянку я не поручусь — она очень дурно себя вела!..

Бабушка. Э, батюшка! да что ж может сделаться с курицей, особенно с моей?

Кокорику. Ну, не говорите этого, а лучше посмотрите. *(Идет к корзине, в которой сидит курочка, бабушка за ним; он берет корзину в руки, открывает ее и по-*

казывает.) Видите, у вас скоро будет целое куриное семейство!

Бабушка *(вскрикивая в испуге).* Ай-ай!.. *(Быстро закрывает корзинку.)*

Клара *(подходит с любопытством).* Что вы, бабушка?.. Что с ней?..

Бабушка *(быстро).* Ничего!.. ничего!.. ох мне твое любопытство!.. После всё узнаешь!..

Кокорику *(ставит корзинку на прежнее место).* Когда же после? После нашей свадьбы?.. Бабушка! Не препятствуйте нашему счастию! Умоляю вас! Вот посмотрите: сюда идет вся наша деревня, я уж всех пригласил бы ко мне на свадьбу.

Бабушка. Да что ж? Я не прочь, если есть на то ваше обоюдное желание.

Клара *(с радостью).* Так вы согласны, бабушка?

Бабушка. Да, что ж с вами делать?

Клара *(прыгая к ней на шею).* Ах, бабушка! Милая, добрая, хорошая!.. Ну, бабушка, теперь я уж невеста!.. Скажите же, пожалуйста, что вы увидали в корзинке?

Бабушка. Ведь этакое любопытство!.. Ну ничего, да и только!.. досадно даже, право!..

Кокорику *(Кларе).* Т-с!.. об таких вещах не спрашивают,— это тайна бабушкиной курочки... *(К входящим нотариусу, крестьянам и крестьянкам.)* Милости просим!..

Бабушка. Прошу покорно!.. *(Сажает нотариуса.)*

Явление 2

Те же, нотариус, крестьяне и крестьянки.

Хор *(кланяясь бабушке).*

Здорова ль, бабушка ты наша?
Мы к вам пришли попировать:
Выходит замуж внучка ваша,—
Пришли ей счастья пожелать.

Нотариус. Можно приняться и за контракт?

Кокорику. Разумеется, можно... ах нет, позвольте! *(Кларе.)* Клара! Я тебя от многих бед избавил; избавь же и меня. *(Показывая на зрителей.)* Теперь твоя очередь. Проси о снисхождении.

Клара *(робко к нему)*.

Но как просить?.. Ах! я не смею...
Мы виноваты так с тобой...

Кокорику *(указывая на зрителей)*.

Они добры...

Клара.

Но я робею...

Кокорику.

Но что ж ты делаешь со мной?
Меня зарежут!..

Клара *(испугавшись, быстро подходит к зрителям)*.

Ах, простите,
Что навели на вас тоску!
И сжальтесь: крыльев не щиплите
У моего Кокорику.

Все.

И сжальтесь: крыльев не щиплите
У моего Кокорику!..

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ
(1855—1856)

<1>

Старуха *(скромно).* Скажите, почтенный, дома ли... Владимир[1] Михайлович?.. Его превосход<ительство> Вл<адимир> Мих<айлович> X.—

Швейцар. Что такое? Его превосходительство? Тут никакого превос<ходительства> нет... Ступай-ка, откуда пришла... видно, ошиблась...

Старуха. Нет, я знаю — он тут живет.

Шв<ейцар>. Кто он? Говорят тебе, ник<акого> превосхо<дительства> здесь нет. А если хочешь видеть нашего барина — так подымай выше.

Стар<уха>. Ну так его высокопревосходительство, что ли, он, по-вашему?

Швейц<ар>. И то нет... То есть оно, пожалуй, и так, только ты подымай еще выше.[2]

Стар<уха>. Ну так его сиятельство, что ли?

Швейцар. Вот это по-нашему... Так-с! Так вам угодно знать, дома ли его сиятельство князь Влад<имир> Мих<айлович> X.—?. Так, что ли?

Старуха. Так точно.[3] *(Про себя.)* Какой громкий титул, я его просто Володькой звала и за усы щипывала...

Швейцар. Ну так бы и говорили. У нас на это строго. На днях один какой-то барин — проситель, что ли,— принес прошение и мне отдал, да еще три целковых дал: «Подай,— говорит,— барину. Я дня через три зайду проведать». Я — ладно. Подал. Только посмотрел князь и не распечатал даже — отдал назад — и пошел в лестницу: «Не ко мне!» А на конверте написано четко: «Его выс<око>прев<осходительству> Вл<адимиру> М<ихайло-

---

[1] *Было:* Иван
[2] *Было:* старше
[3] *Было:* [Ну] так [батюшка].

вичу> Х.—». Что за оказия! Я диву дался. Экзекутор, спасибо, растолковал: «Князь,— говорит,— знал, что делал:[1] адрес не так написан. Когда,— говорит,— генерал, да еще и князь, так надо писать „сиятельству"!». После проситель пришел. «Что,— говорит,— какой ответ?» — а ему пакет назад. «Возьмите,— говорю,— научитесь пра<вильно> писать адрес». Уж стыдил я его, стыдил! *(Смеется.)*

Старуха. Доложите же об нас-то, сделайте милость; мы вас благодарить будем. *(Роется в ридикюле.)*

Швейцар. Не беспокойтесь! Первое, его теперь дома нет, а второе — сегодня дома нет. Приходите в пятницу — в приемный день. Всех будет принимать и вас примет.

Стар<уха>. О, нам нужно сегодня... Нам нельзя со всеми. У нас дело не такое... Доложи... или мы подождем.

Швейцар. Нельзя-с, никак нельзя-с. *(Старуха просит — швейцар отказывает. Она опять отправляет руку в ридикюль, он ее останавливает.)* И не просите. Мне мое место дороже. В пятницу, со всеми.

Старуха. Голубчик, пожалуйста.

Шв<ейцар>. Не просите. Да что мне с вами говорить. Ступайте. *(Затворяет дверь и скрывается.)*

Старуха *(стоит в раздумье, потом отворяет дверь)*. Послушай, почтенный, у меня такое дело, что барин будет бранить, если не пустишь...

Швейцар *(опять в дверях)*. Что там барин скажет — это наш ответ. А вы, говорю, ступайте; нечего тут слоняться!

Старуха *(строго)*. Ой будешь жалеть... Ты погляди... ты... ведь кабы я была одна... а то дашь ты ответ барину,— я не одна, ты вот погляди. *(Быстро поднимает вуаль со своей спутницы и показывает молодое прекрасное лицо и тотчас же опускает вуаль.)*

Швейцар *(увидев, усмехается)*. А давно бы ты сказала... А то что ему в старухе... Ступайте,[2] подождите. Он скоро будет. *(Кричит.)*[3] Сергей Иванович!

Является камердинер сверху.

---

[1] *Было:* смотрел
[2] *Было начато:* Пожа
[3] *Было:* (*Вводит их* <*нрзб*>)

Вот к барину... очень нужно... *(Шепчет, показывая на Наташу.)* [1] Просто, брат, писаная, я тебе скажу! такой давно не приводили...

Сергей. Пожалуйте... *(Вводит их в приемную и оставляет одних.)*

<2>

Сцена I

Старая женщина и девушка под вуалью подходят к подъезду богатого дома. Швейцар им говорит: дома нет. Это уже в 3-й раз. Старуха горячится, швейцар не внимает [2] — тогда старуха, потеряв надежду, шепчет дочери: «Подыми вуаль» — и с болезненным чувством, подавляя гордость и стыд, говорит швейцару: «Смотри, чтоб после тебе не досталось от барина,— я ведь не одна — может, князь и не отказался бы видеть ее». Эти слова произносит она с отвращением. Швейц<ар>, взглядывая на Наташу, усмехается и тотчас переменяет тон: «Давно бы вы сказали, а то что ему в старухе». Наташа быстро опускает вуаль. Старуха подавляет гнев. Швейцар вводит их в приемную и оставляет одних.

<Сцена> II

(Мать и дочь). Из приемной видна анфилада богато убранных комнат. Роскошь эта удивляет и восхищает девушку. Мать резко всё критикует, причем обнаруживает вкус. В то же время можно понять из разговора, что она уже бывала в этом доме, что всё ей знакомо. Монолог ее исполнен грусти и подавленного негодования и горечи. Наташа в недоумении. (Можно даже сделать, что она ходит по комнатам; в одной из них Наташа узнает портрет своей матери (в молодости), но мать заминает это.)

Сцена III

Является X. Наташа бросается ему первая в глаза; он ее хвалит. Старуха слушает с жадностью, но потом, заметив, что старичишка...

---

[1] *Было начато: (Шепчет.)* Писаная — надо

[2] *Вместо:* швейцар не внимает — *было:* он говорит

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

(С. 7)

Варианты цензурованной рукописи (ЦР) ГЦТМ

С. 7.

2 Драматическая фантазия / Детская драматическая фантазия

3 в одном действии / в двух сценах

4–8 *Текста:* Действующие лица ∾ Извозчик.— *нет* ◊

12 мальчик с книгой / *а.* мальчик *б.* мальчик лет десяти *в. как а.* ◊

24 и пищу,— не тужи / и пищу даст, не бойся!

С. 8.

4 Да не плошай и сам / А сам всё не плошай

10–11 Зато наш сын ∾ прокормит нас /
Мы выбьемся из сил, а сын войдет наш в силу:
На старость лет призрит, умрем — нам даст могилу.

12 Михайло / *а.* Васютка *б.* Мишутка ◊

13 поди скорее / поди же поскорее

14 Михаил / *а.* Василий *б.* Михайло

С. 9.

10 дрянные / грязные

11 Михаил / Василий

С. 10.

12 Лишь вы / И вы ◊

16 пристрастило / пристрастило <*нрзб*>

С. 11.

9 А я / *Начато:* А вот в<едь>

13 Михаил / Михайло

18 на чем свет стоит, изведал / на чем свет стоит проведал ◊

19 И, как вертится свет / И как вертится он

С. 12.

17 лишь можно б было / лишь чтобы можно б было

С. 13.

6 Пусти учиться! / Пусти ж меня!

7–8 Женщина. Ась! / *а.* Старик. Молчать! *б.* Женщина. Цыц! ◊

23 правда, что недобр тот человек / правду говорят, недобр тот человек

С. 14.

8 пока живу я / пока живу на свете

20 *Текста:* Поле. ∾ большая дорога.— *нет* ◊

С. 15.

22 Иди лишь не кривым путем / Иди только прямым путем

23 Будь честен, добр, покорен, прямодушен / Будь честен, ласков, прямодушен

С. 16.

10–11 А доказать ∾ он ошибся! /
Когда бы можно, я бы доказал,
Что я не брежу

С. 18.

7 я подвезу / я дов<езу>

10 ты тужил / сам тужил

С. 19.

19 Ломоносов сидит / *а. Как в окончательном тексте б.* Пожилой человек сидит

20 Ломоносов / Пожилой человек

30 от разной / от этой

С. 20.

38 И от нее почтен вниманьем / И от нее, как сын, обласкан

40–43 Горжуся тем ∾ даже будет жить! /
а. Горжуся тем, что сердце Россов
Моя песнь тронет хоть слегка,
Что сын простого рыбака
Жить будет вечно Ломоносов.

б. Горжуся тем, коль сердце Россов
Могу я пеньем усладить
Что сын крестьянский Ломоносов
По смерти даже будет жить!

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

(С. 21)

Варианты цензурованной рукописи (ЦР) ГЦТМ

С. 21.

2 *После:* Детский водевиль в одном действии — Соч. Николая Перепельского

С. 22.

8 понимать / обижать
13 *После:* и позволит — *начато:* но как оставить
14 Шпринку / Шприцу

С. 23.

5–6 Лоб его или затылок ∾ как раз /
И как раз его затылок
Будет просто на п<олу>
20 Шпринк / Шпруц
28 так / <опять?> так
34 тут / *Начато:* и они

С. 24.

7 Шпринк / Шпруц
15 Шпринк / Шпруц ◊
17 Шпринк / Шпруц
20 Шпринк / Шпруц

С. 25.

1 Вы стул изломанный мне подали / Вы сударь стул изломанный мне подали

С. 26.

4 Миллер / Господин Миллер

С. 27.

29 *Перед:* Ваня — *начато:* На <чем?>

С. 28.

6 Шпринк / Штуц
10 Миллер / Господин Миллер
19 (*Шпринку.*) / (*Штруцу.*)
22 Шпринк / Штруц
27 Шпринк / Шрутц ◊
37 Шпринк / Штуц

С. 29.

11 сестрицы что скажут / что скажут сестрицы
21 Что всё это / И что это

С. 30.

3 Ваня / Митя [1]
4 у Шпринка / у Шруца
35 просить отпуска / просить прощения

С. 31.

16 Я сам не знаю, отчего / Я сам не знаю почему
18 боялся я всего / боялся я всегда

С. 32.

6 у Шпринка / у Штруца
9 не допущу / я не хочу
22 мой Митя милый / любезный Митя
26–27 Полюбит ∾ душа моя... / Ты братом будешь мне, мой Митя

С. 33.

2 не мог бы сделать / не могу сделать
3 Шпринка / Штруца

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ

(С. 34)

Варианты цензурованной рукописи (ЦР) ГЦТМ

С. 34.

1 Федя и Володя / Влюбленный Феденька
7 Володя / Вольдемар ◊
24–25 и беспрестанно / и потому беспрестанно

---

[1] *По-видимому, описка.*

С. 35.

2 не любил танцев / не любил танцевать

28 Что за наслаждение / *(Поэт)* Что за наслаждение

29 Ловко / <*нрзб*>

33 Всех очаровать! / Всех обворожить!

С. 36.

3 твердости вашего слова / твердости вашего характера

9 Но как не должно расточать клятв / Не нужно расточать клятвы

35 уж мой папа́ / ведь мой папа́

36 Губил врагов / Уже владел

39 И я готов прицелить в лоб / И я готов подставить лоб

С. 37.

2 на врагов отечества, чем драться / *Начато:* на защиту отечества, чем доказывать

16 всё равно / это всё равно

С. 38.

32 В лице не вспыхнул пламень краски / Лица не бросились все [1]

36 Лишь правду / Всю правду

38 об Сонюшке / об Софии

С. 39.

3 должной доверенности / той доверенности

6 Д а л ь в и л ь / В и д о в с к и й

7 о m-lle Sophie / о m-lle Софье

7–8 самые важные тайны / самые нескромные тайны

10 все, думая, что / все думают, что

30–31 не приметила / и не приметила

С. 40.

9–11 она даже не любит ∾ худо танцую... / она даже не любит танцевать со мной или танцует как-то нехотя и говорит, что я сбиваюсь с па.

12 мне всегда неловко / мне всегда <*нрзб*>

23 *После:* сбиваюсь в *па*! —

Ведь это хоть кого обидит,

---

[1] *Правка не доведена до конца.*

Вот потому сегодня я
Всё танцевал; пускай увидит,
Хуже ль других танцую я.

С. 41.

5–6 которые не будут / которые сегодня не будут

15 А Володя будет? / А Вольдемар будет?

19 вы / но вы

31 Сонюшку / Софью

С. 42.

16 Володю / Вольдемара

21 Володи / Вольдемара

С. 43.

5–6 Что Феденька ∾ и упрямый /
Что Федя как зверь
Неловок и дик нестерпимо

13–15 Хоть всех их зови ∾ Посмотрит тогда с удивленьем! / *Начато:*
Шепнет мне Софи
<Сейчас?> позови

15 Посмотрит тогда с удивленьем! / Посмотрит с большим удивленьем!

С. 44.

21 У нее русые волосы? / Она беленькая?

34 *После:* над Сонюшкой! — *(Уходит)*

С. 45.

11 без дурного намеренья / без намерения

13 Сонюшка / *<нрзб>*

18 с Володей / с Вольдемаром

25 с Володей / с Вольдемаром ◊ [1]

С. 47.

19 что ты / что мы

С. 48.

12 в кругу детей / в числе детей

14 *После:* Понимаю цель вещей! —
Я ребенок, нет игрушки
Уж не радуют меня,
Не боюсь я грома пушки,
Не бегу я от огня.

---

[1] *Далее всюду в рукописи Вольдемар вместо Володя.*

18 Чтоб их после съесть тайком. / После съесть чтоб их тайком.
22 То безвестным чем-то я. / То страстей потоком я.
27–28 нет, я знаю ∾ и меч /
нет, уж знаю
Я что меч и что свинец
33 А что смыть / А что мст<ить>
34 я отомщу / я докажу

С. 51.
20 *Перед:* Вы обещание примите — *начато:* Папá
35 с Сонюшкой / <*нрзб*>

ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ, ИЛИ МУЖ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

(С. 72)

Варианты цензурованной рукописи (ЦР) ЛГТВ

С. 78.
17 два с половиной!.. / четыре часа.
41 двух часов / трех часов

С. 79.
6 *После:* Я погиб...— *начато:* Тем <более>

С. 82.
24–25 я еще такого в России не видывал / я еще такого во всей России не видывал

С. 83.
31–32 со двора ушла / со двора ушедши
33 Ушла? О, какой терзательный элемент... / «Ушедши»? Какой терзательный элемент...

С. 89.
36 *После:* ха-ха-ха! — *начато:* Однако будем продолжать...

С. 91.
12 *После:* неблагодарной! — Она пустилась в прегрешенья

С. 101.
7 гибельной / губительной

АКТЕР

(С. 116)

Варианты автографа (А) и цензурованной рукописи (ЦР) ЛГТБ

С. 116.

3–9 Действующие лица ∾ происходит в С.-Петербурге. /

а. Кочергин — пожилых лет помещик.
Сухожилов — молодой человек[1] и жених.
Лидия — дочь Кочергина и невеста Сухожилова.
Стружкин — актер — приятель Сухожилова.
Слуга. *(А ◊)*

б. Действующие лица
Кочергин, саратовский помещик.
Лидия, его дочь.
Стружкин, актер.
Сухожилов, чиновник.
Г-жа Сухожилова. }
Татарин. }
Итальянец. }
Слуга. (*ЦР* ◊)

10 Театр представляет комнату / Комната (*А* ◊)

11 в комнату Лидии / в комнату дочери (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14 с кием выходит / с кием в руке выходит (*А* ◊, *ЦР* ◊)

18 дублет в угольную... Я надеюсь / дублет в угольную... А заметили вы карамболь... вот так шары и колются, сердечные... даже жаль... однако ж я надеюсь (*А* ◊, *ЦР* ◊)

19 вы не сердитесь / что вы не сердитесь (*А*)

21–22 на то игра / на то игра, чтоб одному выигрывать (*А*)

24–25 не замечал, чтоб вдруг ∾ сочинены игры... / не замечал этого, кажется этого и в других играх не

26 за сухую партию / что я вам задал сухую партию... не дал ни одного очка сделать (*А* ◊, *ЦР* ◊)
бывает... Так уж странно как-то сочинены эти игры (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] помещик (*ЦР*)

С. 117.

3 Да; от этой сухой партии / *а.* Ха-ха! любезный! Какое уж у меня теперь искусство... Мне как удалось [1] вам из десяти игор одну сухую задать... Зато от этой сухой партии (*А*) *б.* Ха-ха! любезный! Какое уж у меня теперь искусство... Ведь от этой сухой партии (*А* ◊, *ЦР* ◊)

4 лоб мокрый... / лоб мокрый... а бывало! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

7 Играл тогда я бойко, славно! / Играл поистине я славно (*А*)

10–13 Хоть на три тысячи изволь ∾ отлично в блузу! /

а. Я мастер был шары катать [2]
Давай мне их хоть по арбузу
И молодчина [3] попадать
В середнюю в то время лузу. (*А*)

б. Я мастерски шары катал
Величиной хоть по арбузу
И превосходно попадал
Я <в> среднюю в то время лузу [4] (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14–15 и стар, и слеп, и слаб / и стар, и слаб (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16–27 Явление 2 ∾ Она уж едет /

А знаете, так <как> завтрак еще не принесли, так мы покуда еще партийку сыграем.

Сухожилов. Нет, нет. Я заехал только повидаться с моей милой Лидией... да у меня еще тьма дела... ваши же поручения... Хлопочу, чтобы поскорее кончить, да и за свадьбу... Матушка...

Кочергин. Ну, что матушка? Едет?

Сухожилов. Уж едет (*А*)

После: не расстанетесь...— *а.* Постушайте, что пишет «Милый [Сер]...» Милый (*А*) *б.* Послушайте, что пишет: «Бесценный Валеренька», бесценный! «...Я очень рада, что ты (*А*)

32 волосы дыбом поднимаются / волосы дыбом подымаются от восхищения (*А* ◊)

---

[1] *Начато:* Вот я как (*А*)
[2] *Начато:* Шары был мастер (*А*)
[3] молодецки (*А*)
[4] *Далее начато:* Тогда я (*А*)

34 береги свое здоровье / пожалуйста, береги свое здоровье

С. 118.

1 Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет... / *а.* В самом деле. Добрая, видно, баба! (*А*) *б.* В самом деле, так она скоро будет? (*А*) *в.* Вот, сударь мой, матушка ваша скоро будет... (*А* ◊) *г.* Вот, сударь мой, матушка ваша будет... (*ЦР* ◊)

3 чтоб незаметнее время прошло / чтоб время скорее прошло (*А* ◊, *ЦР* ◊)

5 Некогда... / Право, некогда (*А*)

6 *После:* с Лидией Степановной.—

Явление 2

Те же и Лидия.

Сухожилов. Здравствуйте, Лидия Степановна! Позвольте поцеловать вашу ручку... Как я счастлив (*А*)

8–9 срезал желтого в среднюю ∾ у меня дочь / срезал желтого... как вам не грех! Берете у меня дочь (*А* ◊, *ЦР*)

10 мне ведь будет скучно / мне ведь скучно (*А* ◊, *ЦР* ◊)

11–14 что вам будет скучно ∾ на биллиарде / что вам скучно (*А* ◊, *ЦР* ◊)

15 Ну... так что же? / Ну да... так что ж?

Сухожилов. Вам сейчас будет весело! Уверяю вас!

Кочергин (*с чувством, берет его за руку и ведет*). Так вы хотите сыграть.

Сухожилов. Нет... но вы увидите, что вам будет весело... Уверяю вас (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16–17 Я приведу к вам ∾ и обыграет... / Я приведу к вам славного малого...[1] насмешит вдоволь, это его ремесло. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

18 Обыграет? А кто он такой? / А кто он такой? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

21 к нам хотят привести актера / *а.* у нас будет актер (*А*) *б.* к нам приведут актера (*А* ◊, *ЦР* ◊)

24–25 (*Берет его за руку.*) / (*Берет Сухожилова за руку.*) (*А* ◊)

[1] славного малого... актера (*А*)

30 Лидия / Катя (*А* ◊, *ЦР* ◊)
31 зазвали / зазвали мы (*А* ◊, *ЦР* ◊)
35 *Перед*: Двадцать пять — *начато*: Вам (*А*)
35–36 вперед дам, сыграем; и выставку дам! / *а.* вперед дам, сыграем покуда. (*А* ◊) *б.* двадцать пять вперед дам, сыграть покуда. (*ЦР* ◊)
37–38 мы скоро увидимся / мы сейчас увидимся (*А* ◊, *ЦР* ◊)
40–42 Двадцать пять ∾ Сухожилов уходит. / Двадцать пять и выставку. Время терпит... сыграем. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 119.

9 не в гостях / не дома (*А*)
11 Да тогда бы его никто в дом-то не пустил / Да тогда его никто и в дом-то не пустил (*А* ◊, *ЦР* ◊)
12 Ну, об нем после / Ну об этом после (*А* ◊, *ЦР* ◊)
13 *После*: приискал? — *начато*: Кочергин. Постой, постой. Вишь (*А*)
14 Очень довольна; лучше этой / Лучше этой (*А*)
16–17 очень тороплива / больно тороплива (*А* ◊, *ЦР* ◊)
17 Пятьдесят девять еще не партия! / Это еще не совсем партия! (*А* ◊, *ЦР* ◊)
19 вот тогда ∾ с удару кончишь / вот тогда и будет партия... ровно шестьдесят очков (*А* ◊, *ЦР* ◊)
20 Жаль / Вот жаль (*А* ◊, *ЦР* ◊)
30 И уж к себе не подпускала ближе / Меня к себе не подпускала ближе (*А* ◊, *ЦР* ◊)
31 печатную сажень / квадратную сажень (*А* ◊, *ЦР* ◊)
36–37 Так шли дела ∾ во всем привык... /
Так ей во всем два месяца не дольше
Покорным быть невольно я привык... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 120.

7 *После*: очень приятно...—
С т р у ж к и н.
Забот хоть по горло,
Делам нет конца,
Рука моя стерла
Пот крупный с лица,
Желанию дружбы
Покорен я был;
Занятия службы

И всё позабыл.
И вот честь имею
Пред вами предстать
Я льстить не умею
И тон задавать
Порой и вельможи
Ласкали меня,
Но дружба их то же,
Что искра огня.[1]
Тщеславье пустое
Артисту не льстит.
Знакомство такое[2]
Он больше ценит,
Где б маску двуличья
Он мог позабыть
И сбросив приличья
Душою пожить! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

8–9 хотели со мной познакомиться: благодарю вас за честь / хотите видеть меня и я поспешил исполнить его просьбу (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 И я благодарю, чудесно! / Благодарю, благодарю... чудесно! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20 я иду... / я иду... пора (*А*)

22 покажу вам мою работу / покажу вам сперва мою работу (*А* ◊)

30 должно быть, хорошая / должно быть хороша (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30 о таких пустяках / об этих пустяках (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 теперь никуда не годится / теперь превратилось в пошлость (*А* ◊, *ЦР* ◊).

С. 121.

10 так у него и выливается / так и выливается (*А*)

24 Оно так и надо, конечно / Оно так и надо (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] *Вместо:* Порой и вельможи ∾ искра огня —
а. начато:
Порой и вельможа
Мне руку давал (*А*)
б. Порой и <с> вельможей
В знакомстве был я
Но дружба их то же,
Что дыма струя. (*А*)

[2] простое (*А*)

32 Как вы вошли ∾ не фыркнул... / *а.* Как вы взошли, я сейчас вижу... (*А* ◊) *б.* Как вы вошли я сейчас вижу... (*ЦР* ◊)

34–35 рожу скорчили... браво! ха-ха / рожу сделали... браво! (*А* ◊, *ЦР*)

36–37 Что... чуть не фыркнул? Так я вас насмешил?.. / Понимаю... так я вас насмешил [1] (*А*)

С. 121—122.

41–2 Вы ошибаетесь ∾ с дарованием... / Да черт вас возьми! Говорят, что я не шучу... Я смешу на сцене, за деньги, а в дома я хожу совсем не затем, не как актер, а как человек, смешить по домам значит отбивать доход у дирекции (*А* ◊, *ЦР*)

С. 122.

2 с дарованием / с талантом (*А*)

3–4 Валерьян Андреич / Валериан Александрыч (*А*)

8–9 Сделайте одолжение, перестаньте смеяться! / Да перестаньте смеяться, черт вас возьми! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14 чтоб я смешил / чтоб смешил (*А* ◊, *ЦР* ◊)

15 Вы приняли / *а.* Вот вы приняли *б.* Так вы приняли (*А*)

16 за уличного паяццо, за фарсера / *а.* за уличного плясуна, за фарсера (*А* ◊) *б.* за уличного плясуна, за фигляра (*ЦР* ◊)

21 Талант твой / Искусство (*А* ◊, *ЦР* ◊)

25 Очень хорошо! / Еще лучше, продолжайте, пожалуйста! Очень хорошо! (*А*)

29 ха-ха-ха-ха! / ха-ха-ха! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30–31 Нет, это выше сил! ∾ этот повеса / Тьфу! Говорят вам я не за тем пришел.[2] Этот Валерьян, этот дурак (*А* ◊, *ЦР*)

32 я покажу ему / надо ему показать (*А* ◊, *ЦР*)

33–34 (*Уходя.*) Мое почтение. / *а.* (*Идет*) (*А* ◊) *б.* (*Уходит*) Мое почтение. (*ЦР* ◊)

36 Кочергин / *а.* Кочергин (*один*) (*А* ◊) *б.* Кочергин (*один, говорит вслед*) (*ЦР* ◊)

С. 123.

1–2 у него и голос ∾ походит / *а.* *Начато*: Ушел... пойду (*А*) *б.* Хорошо, очень хорошо! Что все твои

---

[1] *Далее начато:* вам меня выдал (*А*)

[2] *Далее:* говорят вам (*А*)

комедианты. У него и голос словно как музыка (*А* ◊, *ЦР* ◊)

2 походит / похож (*А*)

2–3 А если еще он может усовершенствоваться / А если еще взять в рассуждение, что он молод; может усовершенствоваться (*А* ◊, *ЦР* ◊)

5–6 Валерьяна Андреича / Валерьяна Александрыча (*А*)

7 с удару / сразу (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9 и госпожа С у х о ж и л о в а / и С т р у ж к и н в костюме архангельской помещицы Сухожиловой (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10–11 господи боже мой / господи мой (*А* ◊)

11–12 по заведениям / по кабакам (*А* ◊, *ЦР* ◊)

12 *После*: разбежались — уж это беда такая в городе: на каждом шагу то кабак, то харчевня — соблазны, прости господи (*А* ◊, *ЦР* ◊)

13 Откуда вы! ∾ угодно? / Откуда это? Что вам угодно? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14 Вестимо, недаром пришла... / Вестимо, что надо... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14 ах! / *Начато*: ах, надо (*А*)

18–19 Да, да, вспомнила ∾ господина Кочергина? / Да, да, Кочергин. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20 чего спрашиваете / чего вы спрашиваете (*А* ◊)

26–28 (*Целует ее руку*.) ∾ прикажете / *а. Начато:* Так я (*А*) *б. Начато*: <С у х о ж и л о в а>. Отчего же и не так... целуй б<атюшка> (*А*)

28 растрясти стариковские кости / растрясти стариковские кости так, что после и в бане не отпаришь (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31–32 Что это у тебя за палка в руке? / Что это у тебя за палка там? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 плетка сделана / плетка такая сделана (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 124.

4–5 выдумщик какой / срамник какой (*А* ◊, *ЦР*)

6 проучили меня / учена<я> (*А*)

6–8 Чтоб я стала ∾ не купишь / Чтоб я стала закусывать, нет закуской меня не купишь (*А* ◊, *ЦР*)

13–14 говори, что ты даешь за своей дочкой-то / Ты вот давай-ка мне сюда роспись приданому, что ты даешь за своей дочкой-то (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27 нет, голубчик / нет, разбойник (*А* ◊, *ЦР*)

29—30 есть ли в тебе душа-то / есть ли в тебе душа-то, нехристь (*А* ◊, *ЦР*)

37 По силе духовной ∾ переселения / Немедленно после переселения (*А*)

41—42 когда ты с душенькой своей расстанешься / когда ты черту душеньку свою отдашь (*А* ◊, *ЦР*)

43 Вишь ты, какой бочонок / Вишь у тебя пузо-то плотное (*А* ◊, *ЦР*)

С. 125.

1—2 Ну, нашел мой сынишка сокровище!.. / Хитер, нечего сказать... Ну, нашел мой сынишка сокровище! (*А*)

2 не видать тебе моего сына / не видать сына, разбойник (*А* ◊, *ЦР*)

7 Что здесь за шум? / Что здесь за шум? Ах! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

8—9 Что вы кричите... ∾ и никого! / Что вы кричите... Уймитесь! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 Не уймусь... буду кричать... / Не уймусь, не уймусь... буду кричать... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

11 не она-то ли / уж не она-то ли (*А* ◊, *ЦР* ◊)

13 голубушка / сударушка (*А* ◊, *ЦР*)

25 Почище этой есть / Получше этой есть (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27 *После:* тараторит...—

К о ч е р г и н.

Когда ж вы перестанете [1]
Шуметь как стрекоза?

С у х о ж и л о в а.

Нет, прежде чем обманете
Я выткну вам глаза!

К о ч е р г и н. Уймись реветь медведица!

С у х о ж и л о в а. Уймись подсохлый дуб!

К о ч е р г и н. Колдунья, людоедица!

С у х о ж и л о в а. Предатель, душегуб!

К о ч е р г и н.

Такая же разбойница,
Вот точно как она,
Была моя покойница
Покойного ей сна!

---

[1] Да скоро ль перестанете (*А*)

Сухожилова.

Таким же вот разбойником
Был муж мой как и он
Две капли схож с покойником
Покойный ему сон (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27–28 сыну моему ∾ вашей дочки / *а.* сыну моему не быть за вашей дочкой (*А* ◊) *б.* сыну моему не бывать за вашей дочкой (*ЦР*)

29 обманщики / *а.* разбойники (*А* ◊, *ЦР*) *б.* обманщик этакой (*ЦР* ◊)

С. 126.

7–8 я бы просто кием ∾ сочинил!.. / я бы ее просто кием хватил! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

8 Да жаль кия-то / Да пожалел кия-то (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10–11 И так на душе / И так уж на душе (*А* ◊, *ЦР* ◊)

11 а она / она (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16–17 в нем и так злости-то / в нем злости-то и так (*А* ◊, *ЦР* ◊)

18 И ничего / Ничего (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22–24 Свадьбе не бывать ∾ в Архангельскую губернию! / *а.* Свадьбе не бывать! Если эта старая чертовка сейчас же не провалится сквозь землю или навсегда не уедет в свою Архангельскую губернию! (*А* ◊, *ЦР*) *б.* Свадьбе не бывать, если эта старая чертовка сейчас же не отправится к черту или навсегда в Архангельскую губернию! (*ЦР*)

24 *После*: губернию! — *начато*: Лидия. По<милуйте> (*А*)

27 татарин / Стружкин, переодетый татарином (*А* ◊, *ЦР*)

27 с тюком товаров / с тюком товару (*А* ◊)

31 барын / барин (*А*)

32–33 *После:* Ах, татарин! — бритый (*А*)

С. 126—127.

33–2 *Текста:* Зачем черт принес ∾ поступает по-татарски...— *нет* (*А*)

С. 126.

33–34 не в пору / не вовремя (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36 судыр / судар (*А* ◊, *ЦР* ◊) [1]

---

[1] *Далее всюду в ТР усилено воспроизведение акцента («любыть», «судыр», «купыть» и др.).*

С. 127.

2 поступает по-татарски / поступает хуже татарика (*А*)

12 уж такой / уж така (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16 Колы не любит, судыр / *а.* Колы не любить, барин (*А*) *б.* Колы не любить, судар (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 кажда / каждый (*А* ◊. *ЦР* ◊)

36 любыт деньга / *а.* деньга любит... настоящее золото, серебро (*А*) *б.* любит деньга (*А* ◊, *ЦР* ◊)

38 любишь деньги / деньги любишь (*А* ◊)

С. 128.

1 Вестымо / *а.* Разум<еется> (*А*) *б.* Вестимо (*А* ◊)

3 достать / достать в свете (*А*)

3 судыр / *а.* барын (*А*) *б.* судар (*А* ◊, *ЦР* ◊)

8–11 возишься с товаром ∾ Ходишь по улицам / возишься с товаром и ходишь по улицам (*А*)

9–10 чужие дела обделываешь / чужие дела обделываешь да дерешь глотку (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 ох, деньга, деньга / ох, деньги, деньги (*А* ◊, *ЦР* ◊)

12 вот те Аллах, право / вот те Аллах, право!
К о ч е р г и н. Вот что!
Т а т а р и н. Всякие старания прилагаешь... вот те Аллах свидетель... только и молышься, чтоб побольше деньга послал (*А*)

13 Родом я не знатный барин / Я не князь, не знатный барин (*А*)

15 Просто, судыр / *а.* Бедный малый (*А*, *ЦР*) *б.* Просто сударь (*А* ◊, *ЦР* ◊)

19 Дамы, судыр / *а.* Дамы, вдовы (*А*, *ЦР*) *б.* Дамы, сударь (*А* ◊, *ЦР* ◊)

25 Малый, судыр, я не промах / Малый я и сам не промах (*А* ◊, *ЦР*)

26 Знаем, где стоять, где сесть / *а.* Знаю деньги как нажить (*А*) *б.* Знаем, как на свете жить (*А* ◊)

28 Как в прихожей дружбу свесть / *а.* Как на всех вдруг угодить (*А*) *б.* Чтоб награду заслужить (*А*)

29 Мы товар других не хуже / Знаю свет других не хуже (*А*)

37–38 Если в барыню ∾ до ушей /

Если в барышню влюбиться
Вздумал барин до ушей (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

С. 129.

2 Судыр, ей передадим! / Как-нибудь **передадим** (*А* ◊, ***ЦР***)

2 *После:* передадим! —

а. Мы всему конец хороший
Лихо сладим, подведем
Не скупись только на гроши
Всех отлично проведем. (*А*)

б. И всему конец хороший
Мы спроворим, подведем
Лишь давай побольше грошей
Всех отлично проведем. (*А* ◊, ***ЦР***)

в. Не тянуть чтоб дело дольше
Мы спроворим, подведем —
Лишь давай побольше грошей
Всех отлично проведем. (***ЦР***)

6 Разве, судыр / Разве только (*А* ◊, ***ЦР***)

9–10 что у тебя еще есть / что у тебя **есть** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

14 Хорошо, хорошо / Хорош, хорош (*А* ◊)

25 уж продана / уж продана... **заказана** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

26 барыну / барину (*А* ◊)

34–35 говоришь / *а. Как в окончательном тексте* (*А*) *б.* городишь (*А* ◊)

37–38 Да у него ∾ и никого! / Да у него **уж есть невеста!** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

39 **И полна, судыр / И полно, сударь** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

40 **ему надо / ему нада** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

С. 130.

2 **просыл** / просил (*А* ◊)

7 **шутыл** / **шутём** (*А* ◊)

9 **Шутил!** / **Шутём!** (*А* ◊)

10 **Ему нельзя** / А ему нельзя (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

12 **видишь, барын** / **видишь, барын, что** (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

17 **любят подарки** / **любят, чтоб их дарыли** (*А* ◊, ***ЦР***)

25 Уф! Двадцать один и никого! / Уф! (*А* ◊, ***ЦР*** ◊)

27 я и ищу / я и хлопочу (*А*)

30 Нет! / Уф! нет! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 сговоры будут / сговоры будут... дай Аллах! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

37 доводить дело не хочется / доводить дела не хочется (*А* ◊, *ЦР* ◊)

40—41 Татарин уходит ∾ шали!» /

а. Т а т а р и н. Ну, прощай, барин! Пойду, не купит ли у вас в дому кто (*уходит; из-за сцены слышен его голос: «Халаты бухарские, шали, платки» и пр.*) (*А*)

Явление [1]

б.

К о ч е р г и н, потом С у х о ж и л о в.

К о ч е р г и н. Ах, черт возьми, чуть было дочери не отдал за такого забулдыгу.

Он притворялся как святоша
Был и почтителен и тих,
А вышло вдруг, что он без гроша,
Что всем невестам он жених.

Т а т а р и н.

Прощайте, рад я вам служить
И сам собою и товаром
Как будет надо что купить
Так посылайте к нам татарам.
Торгуем всех купцов честней! [2]
Товар отличнейшего сорту.

К о ч е р г и н.

Да убирайся же скорей
Ты от меня бродяга к черту!

Татарин (*уходит, слышен за дверью голос: «Халаты разные, материи бухарские, платки, шали»*) (*А* ◊)

в. <Т а т а р и н>.

Прощайте, я готов [3] служить!
Вам всем сударь моим товаром.[4]
Как будет надо что купить
Так посылайте к нам, татарам.

---

[1] *Так в рукописи.* (*А*)
[2] Торгуем честно мы ей-ей! (*А*)
[3] рад я вам (*ЦР*)
[4] И сам собою и товаром (*ЦР*)

Торгуем всех купцов честней,
Товар отличнейшего сорту.

Кочергин.

Да убирайся же скорей
Татарская ты рожа к черту.[1]

Татарин уходит, слышен за дверью голос: «Халаты разные, материи бухарские, платки, шали» (*ЦР* ◊)

С. 131.

3 Что я узнал!.. / Черт возьми. Что я узнал. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

4 (*входя*) / *а*. (*входит*) Вот (*А*) *б*. (*входит*) (*А* ◊)

6 плутом / мерзавцем (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 *После*: Он негодяй! —

Он притворялся, как святоша,
С тобой был нежен он и тих,
А вышло вдруг, что он без гроша,
Что всем невестам он жених.
Он мот большой; как мне сказали
Подарки делает другой;
Ах, черт возьми! от этой шали
Теперь хожу я как шальной!

Лидия. Да что с вами? Что за шаль папенька?
Кочергин. Молчи! Ты ничего не понимаешь (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16–17 Чтобы нога ваша не была в моем доме / Ступайте к черту и чтобы нога ваша не была в моем доме (*А* ◊, *ЦР* ◊)

19–21 Ищите себе татарскую невесту ∾ и никого! / Ищите себе невесту в другом месте! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26 ступай / под<и> (*А*)

29 *После*: Вас вытолкают... —

Сухожилов. Если я виноват простите.
Лидия. Простите, папенька (*плачет*) [2]

№ 11-й

Сухожилов и Лидия.

За что же нас несчастных вы браните [3]
Скажите чем мы провинили вас,

---

[1] Ты от меня бродяга к черту! (*ЦР*)
[2] *Далее:* Кочергин. Ничего, ничего (*А*)
[3] *Далее начато:* Пред вами чем вдруг прови<нились>? (*А*)

За что же нас вы разлучить хотите
Когда уж вы и обручили нас.
Мы чтили вас, любить вас были рады
Чего ж [1] от нас вам требовать еще?
Мы разве в том пред вами виноваты
Что любим мы друг друга горячо!

Кочергин. Ничего знать не хочу... извольте отправляться... а ты в свою комнату (*толкает Лидию в дверь*) (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 А! выпроводил / Выпроводил (*А* ◊, *ЦР* ◊)
38 Morbleu! / Что вы делай, morbleu! (*А*)

С. 132.

7 Parbleu!.. / Corbleu!.. (*А* ◊, *ЦР* ◊)
7 Мой Вольтер / Мой Напол<еон> (*А*)
7–8 два двугривенник / *а.* за Наполеона рубль сорок копеек (*А*) *б.* два двугривенных за Наполеона (*А* ◊, *ЦР* ◊)
8 Donnez-moi l'argent / O, diable t'importe! Donnez-moi l'argent (*А* ◊, *ЦР* ◊)
9 деньга... деньга... / деньга за мои статуй! (*А*)
10 ржавые / заржавые (*А*◊, *ЦР* ◊)
12 два двугривенник / два двугривенных (*А* ◊, *ЦР* ◊)
13 два с полтин / *а.* пятиалтынный (*А*) *б.* два с полтиной (*А* ◊, *ЦР* ◊)
13 бюсты корош / бюсты хорошо (*А* ◊, *ЦР* ◊)
14 отдайте, синьор, деньга / отдайте деньга за Наполеон (*А*)
15–16 За Наполеона ∾ два с полтиной? / За Наполеона деньги. Какие деньги? (*А*)
16 я ничего не понимаю / я ничего не знаю (*А*)
17 Как не понимай!/ Как не знай! (*А*)
17 бежит / выбежал (*А* ◊, *ЦР* ◊)
18 стара дурак / старый дурак (*ЦР* ◊)
21 он толкай меня, э... / он толкнул меня, опрокинул статуйка (*А* ◊, *ЦР* ◊)
22–23 нога сломай Тальони ∾ Вольтер / возьмите себе... Вольтер (*А* ◊, *ЦР* ◊)
23 Деньга подай / Деньга подайте (*А* ◊, *ЦР* ◊)
28 на вашу дверь / на ваша дверь (*А* ◊)
29 Ай-ай / Ай-ай! У Тальони ногу сломай. И за Та-

[1] Что ж (*ЦР*)

льони давайте деньга. Возьмите ее себе, куда без ноги Тальони годится... или давай мне новой Тальони, целой (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30 Да не кричи ∾ и никого! / Да не кричи так. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 не карашо / не хорошо (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 133.

1–16 Ма — зачем ∾ Всё на голова моя! /
Понапрасну вы бранитесь [1]
Я не глупой человек:
Посмотрите, оглянитесь
Я с умом ношусь весь век. [2]
Был я прежде лазарони,
Да на разум вдруг попал:
Продавать не макарони,
А людей великих стал.
У меня карманы пусты,
Так, чтоб денежки нажить
По домам [3] таскать стал бюсты
Стал чужою славой жить.
У меня есть Шиллер, Гете,—
Все о ком трубит молва
Сколько есть ума на свете [4]
Всё ношу на голова! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

19 видит / видите (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20 отдайт / отдайте (*А* ◊, *ЦР* ◊)

21 обижал / обижать (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26 делай с моей / *а.* делать с мой (*А* ◊) *б.* делать с моей (*ЦР* ◊)

30 уж сказал ви / уж сказаль вам (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30 за Гете / за Наполеона, за Наполеон (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31–32 за Талиони три рубль / за Тальони два рубль (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 синьор / синьоро (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 133—134.

37–22 Наша брат такой товаром ∾ За четырнадцать рублей. /

---

[1] Понапрасну ваш бранится (*А*)
[2] Я с умом хожу весь век (*А*)
[3] *Вместо:* По домам — *начато:* Продавать (*А*)
[4] Сколько был ума на свете (*А*)

а. Я уж этому товару
Цену знаю хорошо
Пять рублей возьму за пару —
За Вольтера и Руссо,
За Мольер пятиалтынный
Полцелкова за Скаррон,
Фанни Эльслер два с полтиной
Рубль сорок Наполеон,
Три рубля за Паганини,
За Тальони ровно два,
Шиллер с Гете по полтине...
Брал дороже я сперва.
Меньше взять нельзя по чести
За таких больших людей,
А гуртом отдам всех вместе
За четырнадцать рублей! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

б. Наша брат такой товаром
Корошо вся цена знай
Можно всё продай задаром
Только деньга нам давай.
За пять рубль отдам Венера
И большой Наполеон,
Два с полтиной за Вольтера
За Руссо и за Скаррон;
Trois roubles за Шиллер с Гете
Много ль тут за два sinior?
Материал возьми в расчете
Выйдет вздор, parole d'honneur!
За Сенека, за Гораций,
За Сократ и за Платон
По полтина ассигнаций
Можно взять за chaque personne!
Я охотно продает
Вам фигура всяка
И антична лошадь Клот
И урод Бальзака.
Нынче древняя персона
Очень дурно сходит с рук,
А вот Эльслер и Тальони
По целкова кажда штук.
Меньше взять нельзя по чести
За людей и лошадей,

А гуртом отдам всех вместе
За четырнадцать рублей. (*ЦР*)

23 Вот так! / Вот как! (*Рассматривая бюсты*) (*А* ◊)

24 два двугривенных / рубль сорок копеек (*А* ◊, *ЦР* ◊)

24 за эту, как ее / за Фанни (*А*)

25 Талиони / Фанни Эльслер (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26 Да, за эту мадам три с полтиной? / А за эту мадам два с полтиной? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

28–29 Вот что-с! Regardez... та Талиони / *а.* Вот видите эта Фанни Эльслер (*А* ◊, *ЦР*) *б.* А вот что-с. Regardez эта Фанни Эльслер (*ЦР* ◊)

30 вот разнис / *а.* вот оттого и дешевле (*А*) *б.* вот оттого и разница (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32 синьор. Пожалуй же / синьоро. Пожалуйте же (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 без десять копейка / без десяти копеек (*А* ◊, *ЦР* ◊)

34 персон / человек (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 как il furioso, и скажи мне, что я здесь получит / как сумасшедший сказал мне, что я здесь получу (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36–37 тут пять рублей; ведь за другого / *а.* пять рублей и то за другого (*А* ◊) *б.* пять рублей серебром, за другого (*ЦР* ◊)

С. 135.

1–2 синьор, ничего не купит? Rien? / *а.* синьоро, ничего не купите? (*А* ◊, *ЦР*) *б.* синьоро ничего не купите? rien? (*ЦР* ◊)

4–5 Возьмит, синьор ∾ голова болит! / *а.* Возьмите, синьоро хоть Руссо очень голове тяжело (*А*) *б.* Возьмите, синьор хоть Руссо такой тяжелый! голову ломит (*А* ◊, *ЦР* ◊)

11 *После:* народец! — Ходят

12 болванами торговать / *а.* болванов таскать (*А*) *б.* болванов продавать (*А*)

13 того же делать / *а.* того же сделать (*А* ◊) *б.* так же сделать (*ЦР*) *в.* таких же сделать (*ЦР* ◊)

21 оправдаться / сказать может быть и узнать (*А*)

22 Кочергин. Оправдаться ∾ поздно! / *а.* Кочергин. Не оправдаться... (*А*) *б.* Кочергин. Оправдаться... ха-ха-ха! Хорош резон! Накутивши

поздно оправдываться, сударик мой... стыдно, стыдно (*А*)

22 *После:* поздно! —

Сухожилов. И вы решительно не принимаете моих объяснений, решительно отказываете мне от руки вашей дочери...

Кочергин. Да, да, тысячу раз — да!

Сухожилов. Знаете ли, что вы этим лишаете меня счастия,[1] я с ума сойду... я не переживу этого! (*плачет*) И что могло так ужасно изменить мою судьбу... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26–27 Я услышала голос моего Валерьяна... он почти плачет... / Я узнала голос моего Валериана... он плачет.... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

29 Сорок пять и никого! / Поди в свою комнату и не смей показываться...

Сухожилов. Позвольте хоть проститься с ней.

(Лидия и Сухожилов прощаются и громко плачут)

Лидия. Прощайте!

Сухожилов. Прощайте навсегда!

Кочергин (*отводя Лидию*). Ну довольно! ступайте... после того, что вы с нами сделали, вы не сто́ите сожаления.

Сухожилов (*горько рыдая*). Прощай, Лидия! (*идет*) [2] (*А* ◊)

С. 136.

1–6 Явление 15 ∾ вместе плачут. /

Явление XV. Последнее.

Те же и Стружкин.

Стружкин. А! Они плачут! Они все огорчены. Цель моя достигнута. (*Валериану*). Погодите, сударь. Знаете ли, что причиною вашего несчастия?

Сухожилов. Нет!

Стружкин. Ваш язык... Вы выдали меня перед господином Кочергиным за негодяя, за пая-

---

[1] *Далее:* отравляете радость моей жизни... (*А*)

[2] (*идет и сталкивается в дверях с Стружкиным*) (*А*)

ца... Вы оскорбили меня... Я отплатил[1] вам,— я мог бы продолжить мою месть, но я не хочу лишать вас счастья: я благороднее вас...
С у х о ж и л о в и К о ч е р г и н. Что такое?
С т р у ж к и н. Г-н Кочергин! Валериан не виноват[2] в том, в чем его сегодня обвинили, потому что под видом этих обвинителей был я.
К о ч е р г и н. Как, что такое? (*А*)

3–4 от господина Стружкина (*Отдает* ∾ *и уходит.*) / от господина Стружкина (*А* ◊)

7 От Стружкина?.. (*Читает.*) / (*Читает.*) (*А* ◊)

10–11 этих обвинителей ∾ был я / этих обвинителей был я (*А* ◊, *ЦР* ◊)

12 за паяца / за негодяя и паяца (*А* ◊, *ЦР* ◊)

12 *После*: так что — *начато*: я пока<зался> (*А*)

14 *После:* тем же.— Старуха, татарин, итальянец, которые вас вооружили против г. Сухожилова — это я!» Вот тебе раз. (*А*)

16 он будет с нею счастлив / он с нею будет счастлив (*А* ◊, *ЦР* ◊)

17 пообдуманнее / поосторожнее и пообдуманнее (*А* ◊, *ЦР* ◊)

17–19 оценять людей! Прилагаю при сем ∾ мнимым итальянцем» / *а.* оценять людей! (*А*) *б.* оценять людей! Прилагаю при сем и ваши десять рублей серебром, взятые „итальянцем“...» (*ЦР* ◊)

27–29 не плачьте же ∾ (*Обнимаются.*) / *а.* не плачьте же... подите ко мне.
Л и д и я. О, как я счастлива!
С у х о ж и л о в. Я готов упасть перед ним на колени. Свадьба наша не расстроится. О боже мой!
К о ч е р г и н. Ничего не бойтесь...[3] Ха ха-ха! У меня он до сей поры из ума нейдет. Обнимитесь же. (*Обнимаются.*) Ну, теперь всё кончено. Все помирились (*А* ◊) *б.* не плачьте же... подите ко мне, ничего не бойтесь... ха-ха-ха... Обнимитесь же... теперь всё кончено. (*Обнимаются.*) (*ЦР*) *в.* Ну, дело кончено (*ЦР* ◊)

29 Только, чур / Только чур никакими делами не отговариваться, сейчас (*А* ◊)

---

[1] *Начато:* Я хоте<л> (*А*)
[2] Ни в чем не виноват (*А*)
[3] Нет нет, (*А*)

30–40 Ах, как он ∾ Насмешил ли вас актер? /
а. Сухожилов. Сколько угодно. Хоть сто партий. Идемте.
Кочергин. Нет, погоди немного. Ха-ха-ха! Как вспомню Стружкина, так смех и пронимает.

И теперь всего важнее
Ваш серьезный приговор
Так решите поскорее
Насмешил ли вас актер (*А*)

б. Сухожилов. Сколько угодно...
Кочергин. Нет погоди немного... ха-ха-ха! как он нас обморочил, как потешил, ха-ха-ха

(*К публике.*)

Ха-ха-ха должно признаться
Он нас очень насмешил
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил (*ЦР*)

30–31 Ах, как он нас обморочил! / Эк, как он нас обмо-морочил! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

37–40 Но для нас всего важнее ∾ Насмешил ли вас актер? /
Но слов наших поважнее
Для него ваш правый суд.
Что ж решите поскорее,
Наш актер хорош иль худ! (*ЦР*)

Вторая редакция окончания пьесы (ЦР)

Явление XIII

Входит Мартынов в костюме Фанни.

Кочергин. Это что за барыня?
Мартынов. Где изменник? Где мой злодей Сухожилов? Говорят он в этом доме сватается на другой.
Кочергин. Что, что такое?
Итальянец. Это невеста г. Сухожилов... первая танцовщиц на театр... глядит: какой красавец... Это не то, что ваш дочка.
Кочергин. Так вот таков мой будущий сынок! Ох, черт возьми!

Итальянец. Нет, вы смотри, как она грациозна в качуча... (*Насильно сажая его.*) Садись синьор.

Кочергин (*падая на стул*). У меня голова кругом идет!

(*При конце танцев входит Сухожилов и дочь.*)

Кочергин (*увидя Сухожилова*). Вон! Вон! Это что за танцовщица? Ты мот, шалун, повеса — и хочешь жениться на моей дочери?

Сухожилов. Я ничего не понимаю: объяснитесь.

Мартынов (*приседая подает письмо*). Вот объяснение.

Кочергин (*читает*). «Милостивый государь! Валерьян Андреич нисколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвиняли, потому что под[1] видом этих обвинителей был я и товарищ мой, тоже актер». Что такое? (*Всё письмо дочитывает из пьесы.*)

Самойлов (*входя при последних словах*). Вот ваши 10 руб<лей>, взятые итальянцем.

Кочергин. Виноват, виноват... (*к Мартынову*). Неужели вы тоже актер?

Мартынов (*басом*). Да, играю смешные роли.

Последний куплет (*ЦР* ◊)

ЗАБРАКОВАННЫЕ

(С. 190)

Варианты цензорской корректуры (Ц Кор) ИРЛИ

С. 190.

2–4 Трагедия ∾ бенгальским огнем / Драматическое представление в 3-х действиях, с эпилогом, с музыкальными песнями, плясками и великолепным бенгальским огнем

7–8 *Слов*: кончивший курс в губернской гимназии — *нет*

9 Калистрат, второй сын Григория, 7 лет. / Калистрат, сын его, 7 лет.

---

[1] *Далее:* этим (*ЦР*)

10 Константин Харчин ∾ приказного. / Константин Харчин, 20 лет, сын уездного приказного, кончивший курс в гимназии.
13 Кадыков / Сладковещенский
19 в стоги / в копны
21 *Фразы*: Невдалеке видна река.— *нет*
22 *Слов*: Сцена 1 — *нет*

С. 191.
2 Или домой — чтоб нацедили квасу. / Иль лучше до дому дойди, чтоб нацедили квасу.
3–4 (*Калистратка, живой мальчик* ∾ *с жбаном.*) / *Калистрат* (*живой мальчик, в халате, босиком, убегает с кувшином*)
6 И рожь поджали ко второму Спасу / Жнитва наступит ко второму Спасу
15–16 *Слов:* Сцена 2. Григорий и девушки, 1-я, 2-я и 3-я.— *нет*
30 вижу я / знаю я

С. 192.
24 Сцена 3 / Действие второе

С. 193.
3 Не выдержал!.. / Не выдержал?

С. 194.
18 Ребенком ветреным, с косичкой / Ребенком бегая с косичкой
27 К сеченью / К мученью

С. 195.
13–16 Причину — почему не принят? ∾ строгости какой-то небывалой... / Причину...

Триумвиратов

Я зубрил, зубрил,
А вышло, что зубрить не надлежало...
29–30 Вот батюшка... ах, братец!.. ты... / Вот батюшка, вот братец мой! (*Входят*).

С. 196.
1–3 *Текста*: Действие второе. Григорий, Триумвиратов, Харчин, Калистратка.— *нет*
10 *Фразы:* (*Ласкается к брату.*) — *нет*
16–24 Благородный господин! ∾ хотите. /

Любопытно знать,
В каком ты состоянии родился? Что делал?

Триумвиратов

Расскажи ему, Харчин!

С. 199.

14 Вся бедная семья / Вся странная семья

С. 200.

23–25 Для экстренной оказии ∾ Учителя гимназии... /
Сидят экзаменаторы —
Крутые господа,
Угрюмы, как сенаторы

32–42 *Текста:* В ушах: лю-ли! лю-ли! ∾ К развитью головы...— *нет*

С. 201.

33–35 (*Падает* ∾ *рогов.*) / (*Падает на копну сена и умирает, но присутствующие думают, что он уснул, и остаются спокойны. Слышится звук охотничьих рогов.*)

С. 202.

6–13 Что? ∾ Доеду... /
Нет и здесь! Проклятый зверь!
Надул разбойник! Да куда ж он скрылся?
Эй, Трошка! Где ж искать его теперь?
Надул собак. Уж тебя косой
Доеду...

14 Поедем-ка / Пойдем-ка

19–20 Целый день теперь ликую! ∾ как орел. /
Целый день теперь на воле
С собаками гарцую в чистом поле

27–28 Сергей! Мирошка! ∾ Дай лошадь им... /
Сергей или Мирошка! Кто-нибудь слезайте.
Сажайте их...

32 Что пятишься? / Что пятитесь?

С. 203.

10 *После*: Подобной роли...—

Тузов

О, полноте упрямиться! Велите
Им ехать. Будем ужинать потом.

Дьячок

Пошел! Я говорю!

(*Харчину.*)
И вы, коли хотите.
Немножко бы проехались верхом (*сыну*).

18 а ты / и ты

21 Что хотите — дам! / Не уходите только. Что хотите — дам!

23 Так мы попляшем для твоей потехи. / И поплясать готовы мы для твоей потехи.

24 *Слова*: Дивертисмент.— *нет*

С. 204.

6 довольных / счастливых

25–26 на притаившегося в кусту зайца / на зайца

34–35 Так вот где ∾ черномазый! /
Так вот он, где укрылся! Подавай
Мне лошадь поскорей...

С. 205.

12 спасите! / спасайте!

15 Был человек и вдруг погиб, как мышь / Был человек и вдруг, точно как мышь

25–27 Еще беда! ∾ Двух разом... /
Что делать? Тут сгорят они
Снесу — двух разом...

С. 206.

5 К а д ы к о в / С л а д к о в е щ е н с к и й

17 Как прошлый год / Прошлый год

19 А — видит бог / А право же

<ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

(С. 207)

Варианты чернового автографа (ЧА) ГБЛ

С. 207.

2 Часть первая / Действие первое. Явление 1.

20 не хотелось папеньку при ювелире стыдить / *а. Начато:* не хотелось папеньку при все<х> *б.* не хотелось говорить *в.* не хотелось начинать ссор<у>

26 Л ю б о в ь. / Л ю б о в ь (*с <браслетом?>*)

С. 208.

1–2 для княгини!.. / для княгини! Да <словно?> бы даже нарошно так случилось

9 имя мне выбрал / имя мне дал
20 *за Дуняшей / за ней*
37 Те были малы / Те были мне малы

С. 209.
1–2 гадкого башмачника прислал / гадкого башмачника нам такого прислал
2 Только возится / Только и знай возится
8–9 а теперь и какому-нибудь жениху была бы радехонька! / а вот теперь и плохому-то жениху [1] была бы радехонька
10–11 Разве Виктор ∾ жених? / *а.* А чем же <*нрзб*> *б.* Разве Виктор Иванович плохой жених?
12 *После*: что он — *начато*: за
20 Рассказывай... а я так знаю свое... / Вот уж вздор так вздор.
23–24 а? махнем-ка?» — а сам книгу в руках вертит... / а сам книгу в руках вертит... Марлинского сочинения...
31 (*в сторону*) / (*Смеется.*) Выдумаете!
35 Дуняша! / Дуняшка!

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ — ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ НЕ УДЕРЖИШЬ

(С. 217)

Варианты авторизованной рукописи (АР) и цензурованной рукописи (ЦР) ЛГТБ

С. 217.
13 *После*: Картина первая — Дядюшка и... около того (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
18 *и письмом в руке*) / *и палкой в руке*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
19 Есть же люди / Есть люди (*АР*)
20–21 (*Смотрит в письмо.*) / (*Вынимает письмо и смотрит в него.*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
25 а в начале другой / а на другой (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 218.
5 нет, не *гугу*... / нет, ни гугу! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
18 Э! да что / Сколько раз я тебе говорил, что если я около того, что хорошо делаю, так это во мне

[1] какому-нибудь жениху

действует не ум, а сила политики... Э! да что (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

23 саперлот! упрямство? Ну да ужо / саперлет! упрямишься? Ну да что (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

25 всё дверь / вы дверь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

29 (*за сценой*) / (*за кулисами*) (*ЦР* ◊)

33 (*показываясь в дверях*) / *а.* (*за сценой*) (*АР* ◊) *б.* (*за кулисами*) (*ЦР* ◊) 37 *слышно, как он запирает снаружи дверь.*) / *и слышно, как он запирает дверь.*) (*ЦР* ◊)

С. 219.

28 Это Филипп Иваныч. / *а.* Филипп Степаныч. (*АР*) *б.* ***как в окончательном тексте*** (*АР* ◊) *в.* Филипп Иванович. (*ЦР* ◊)

С. 220.

1 Что же делать? / Что же делать! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

4 я и сама / он уж очень лих к вам... Я и сама (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

8–9 дядюшки дома нет! / дяди дома нет! Надо ему всё сказать... Что-то он придумал... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

22 *После*: Какая же радость? —

Фортункин. Большая, ужасно большая радость.

Розина. Какая же? (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

26 Ев-*графа* Тупеева / Евграфа Трезмеева (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

34 сегодня женюсь / сегодня же женюсь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

37–38 Розина! ∾ То было / Розина, то было (*АР*)

С. 221.

2–3 с печатями ∾ Excellentissime / с печатями... Excellentissime (*АР*)

11 неподвижность. Я / *а.* неподвижность, я (*АР*) *б.* неподвижность, т. е. опоить всех опиумом, я (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

25 *После*: А повиновался! —

Вдруг я курс кончаю
И теперь свою судьбу (*АР*)

С. 222.

2 Дядюшка решительно / Мне кажется, что я никогда не буду Госпожа Фортункина, а навсегда останусь с этой гадкой фамилиею...

Фортункин. Почему так?
Розина. Я уж вам говорила, что дядюшка решительно (*АР* ◊, *ЦР*◊)

6 ничего бы этого не было / ничего бы не было (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

10 Ну отец и кончено, а / Ну отец, конечно, а (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 223.

5 чудный способ, удивительный / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* чудесный способ (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

23 *Перед:* Анисья (*вбегает*) — *а.* Фортункин. Во всяком случае сегодня мы будем счастливы... (*АР* ◊) *б.* Фортункин. Во всяком случае мы будем сегодня счастливы (*ЦР* ◊)

29–30 Уходят. ∾ *вполголоса*). / *а.* (*уходит, Розина садится за пяльцы*). Розина (*напевает вполголоса*) (*АР* ◊) *б.* (*уходят, Розина садится за пяльцы и напевает вполголоса*) (*ЦР* ◊)

34–35 Розина и Руперт. ∾ (*входит с расстроенным лицом*). / Розина и Руперт (*входит с расстроенным лицом*). Руперт. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 225.

12–13 выйти за меня замуж? / *а.* выйти за меня (*АР* ◊) *б.* выйти замуж за меня? (*ЦР* ◊)

14 вы не нравитесь мне / вы мне не нравитесь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

21 на ум наставить! / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* наставить на ум... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

31 не прилагал / не принимал (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 в чистоте святой / в чистоте и в святой (*ЦР* ◊)

35 политики ювелирского / политики и ювелирского (*ЦР* ◊)

37 злонравная и... / злонравная — (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

37 около того... / *а.* и около того! (*АР* ◊) *б.* и... около того... (*ЦР* ◊)

С. 226.

4 Теперь душа его на облаках! / Теперь душа его на небесах! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

11 ее нескоро запугаешь / ее не напугаешь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

12 около того. (*Ей.*) Нечувствительная / *а.* около того... нечувствительная (*АР*) *б.* около того... (*вслух*) нечувствительная (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
15 так по мне / так и около того... по мне (*АР*)
17 накажет тебя / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* накажет тебя около того... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 227.

6–7 он тогда рассчитывался с небом / *а.* Есть ли тут здравая политика! (*АР*) *б.* он тогда рассчитывался с небом... и около того... Есть ли тут здравая политика! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
13 около того. А / и около того... А (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
16 около того ∾ купите / около того... купите (*АР*)
20 голландская ключница / немецкая ключница (*АР*)
38 говорит то ∾ с расстановкою / говорит с расстановкою (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 228.

13 Руперт (*тихо*). Розина! / Руперт. Розина! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
15 (*Ему.*) Чему / Чему (*АР*, *ЦР* ◊)
17 *После:* около того...—

Фортункин. А то, что предки мои — Германию спасли. Вникаете? Вы, плебеи, не учились истории, так не понимаете, что это значит — спасти какое-нибудь государство.

Руперт (*в сторону*). Какой туз! около того[1]...

Фортункин. Это значит, что они отбросили тень знаменитости на всё свое родословное дерево... и избавили потомков своих от хлопот сделать что-нибудь великое... вникаете?

Руперт. Как же-с? за честь поставляю быть... около того... позвольте спросить, что вам угодно? (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

23 Сейчас... Я вам объясню. / Сейчас объясню. (*ЦР* ◊)
24–25 не подсыхало / не умирало (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
31–32 Всепокорнейше прошу садиться. / Прошу садиться наивсепокорнейше. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
36 ювелир / человек (*АР*)

---

[1] и около того (*АР*)

С. 229.

1 сохранять / сохранить (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 Как, помилуйте / Как-с, помилуйте (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

34 Да, мне / Итак мне (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

39 Нет... около того. / *а.* Нет еще... (*АР*) *б.* Нет еще... около того (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 230.

3 пошло бы скорее / пошло бы быстрее (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

5 прелестная / прекрасная (*АР*)

6–7 будущая жена моя / будущая моя жена (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

11 *Слов:* (*отходя от нее, громко*) — *нет* (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

24 вникаете чем / как думаете... чем (*АР*)

25–26 приличнее всего / всегда приличнее (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

30 дядя мой / дядя мой, знаменитый сучок нашего родословного дерева (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32–33 сумму? вникаете? / *а.* сумму? или около того... (*АР*) *б.* сумму? (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

39 жаль слова-то было! / *а.* жаль слова-то было? (*АР*) *б.* жаль слова-то было? Вишь как много говорит... видно не на медные деньги учился... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 231.

7–8 вникаете? ∾ принимать / *а.* вникаете? (*АР*) *б.* Коротко сказать: одно<ю> рукою будете давать вещи, другою брать (*АР* ◊) *в.* вникаете? коротко сказать одной рукой будете давать вещи, другой будете брать (*ЦР* ◊)

16 самых лучших / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*). *б.* самой лучшей воды (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

18 было не дешевле / *а. Как в окончательном тексте* (*АР, ЦР*) *б.* не было дешевле (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

21 Я слышал / Я слыхал (*АР*◊, *ЦР* ◊)

22–23 вместе отправимся / *а.* велите отправить (*АР*) *б.* вместе отправить (*АР* ◊)

24 К барону? / Как к барону? (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

29 Если б я / *а.* Помилуйте! Конечно если б я (*АР*) *б.* Конечно если б я (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 на подъем / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* на подъеме (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

33 схожу... вникаете? / схожу... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 232.

15 не любил Розину / не любил Розины (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

17–18 немного решительное / немного решительно (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

19 старого скряги / старика (*АР*)

20 *После:* не отдает — (*слышит голос Розины*) (*АР*)

25 *После*: А к тому, что — *начато*: ей<-ей> (*АР*)

26 поедем венчаться / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* поедем венчаться самым блистательным образом... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

29–30 не нашли способа отыскать завещание / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* не нашли завещание (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 233.

1–2 в его шкатулку / в бюро (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

16 об самом-то главном / об самом-то важном (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

23–24 не иначе как в прекрасную девушку / не иначе в прекрасную деву (*АР*)

27 выходил сучок / выходил всегда сучок (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

29 и дядюшка / и мой дядюшка (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

30 десять докторов. Десять / *а. Как в окончательном тексте (АР) б.* десять докторов, чтоб его учили, десять (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 234.

4–5 уже тридцать лет доктор,— заметьте, тридцать... / уже пятьдесят лет доктор, заметьте, пятьдесят. Руперт (*в сторону*). Пятьдесят [1] тысяч, пятьдесят лет (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

10 припадке сумасшествия / сумасшествие (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

17 *После:* всё... около того...— Да знаете ли, сударь, что эта поговорка досталась мне от моего деда,

[1] Руперт. Пятьдесят (*АР*)

который был величайший политик, а ему от бабушки — и таким образом спускайся около того... ниже до седьмого колена. Я горжусь ею и вы над ней смеетесь... вот я около того... объясню вам,[1] что значит около того (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

37–40 Писатель раз ∾ *около того.* /
Писатель раз умно напишет,
Так, что похвалят все его,
Вертится *около того*,
Да после тем же всё и дышит, (*АР*)

С. 235.

12 около того / около того... пора (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

13 ключи. (*Подает.*) / *а. Как в окончательном тексте* (*АР* ◊) *б.* ключ (*ЦР* ◊)

19 я сейчас / я ей сейчас (*АР*)

24 (*в дверях* / (*за дверьми* (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 вы запрете / вы запираете (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

36 Плебеизм, варваризм! / и любезная. (*АР*)

С. 236.

6–8 Они уходят ∾ завещание! /
а. Руперт. Увидим! около того... Прощай же Розина, веди себя скромно...
Розина. Прощайте! (*Они идут, слышно, как Руперт запирает снаружи дверь.*)
Розина. Ну, что-то из этого будет.... пойду прочту завещание (*АР*)
б. (*Уходит.*)
Розина. А я пойду прочту завещание. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

8 *После:* завещание! — Конец первой картины (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

9 *После:* Картина вторая — Кто из них без ума? (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

11 Впереди ∾ и бумаги. / На столе две свечи; книги разбросаны в беспорядке. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

13 Хоть бы / Ах, невесело! целый день ездил по больным, а хоть бы (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

20–21 виноваты... всё доктора / виноваты, доктора (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] спою вам (*АР*)

27 Добывали мы доход / Получали мы доход (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 237.

1 И теперь *водопроводов* / А теперь *водопроводов* (*АР*)

7 Но дождутся злого году... / Но как высушат природу... (*АР*)

15 фон Лохенкрет / фон дер Лохенкрет (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

19 коньком помешательств / коньком помешательства (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

20 Кто же напомнит / кто напомнит (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

26 увидел на Гороховой улице / увидел (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

31 показалось ему / ему показалось[1] (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

33 в свете / в столице (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

36 Кто? Я, доктор / Кто? Я? Доктор (*АР* ◊,*ЦР* ◊)

37–38 обществ и благотворительных заведений, не / обществ, не (*АР*)

С. 238.

6–7 ему противоречить... вникаете? / ему противоречить... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

8 Сердит? прекрасно! я уж знаю / Я уж знаю... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

12 и выгод / и выгоды (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

14 совсем здоровым / или совсем здоровым (*АР*)

19–20 есть важное дело... вникаете? / получить доход из почтамта... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

23 скажи Ивану / скажи Иогану (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

25–26 вообще замечена благородная привычка / *а.* вообще это не замечено (*АР*) *б.* замечено благородное свойство (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 Фортункин уходит со слугою. / (*Он уходит со слугою.*) (*АР* ◊)

34–35 Д о к т о р, потом с л у г а ∾ Нынешний / Д о к т о р (*один*). Нынешний (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

36 удобнее поместить / удобнее положить (*АР*)

С. 239.

35 уж тридцать лет / уж 50 лет (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] *Далее начато:* не (*АР*)

36 Тридцать, гм! / Пятьдесят, гм! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
38 эти несчастные бриллианты / эти бриллианты (*АР*)
39 светлыми мыслями / здравыми мыслями (*АР*)

С. 240.

2 никаких светлых / никаких (*АР*)
9 пошел городить / пошел говорить (*АР*)
11 к вам / *а.* к вам (*АР*) *б.* к вам от меня (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
14 записки... (*Ему.*) / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* записки... это первый больной в этом роде... (*Ему.*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
18–19 (*Ему.*) Что вы / *а.* Что вы (*АР*) *б.* Начну его сердить! Что вы (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
29–30 (*Идет.*) Пора связать, пора! / Теперь время! (*идет*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
33–34 Доктор уходит. ∾ разорен! / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* Доктор (*уходя*). Пора связать,[1] пора! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 241.

1 Вот тебе того ∾ сплошал... / Вот тебе и того и около того! Как я оплошал... А всё политика... положился на честь... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
2 или у барона / или барона (*АР*)
6 что будет / что будет, то будет (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
13 Не должно / Не должно б (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
17 я знаю уж / я уж знаю (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 242.

13 около того. Ох, господи! / около того. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)
14 Доктор. Отравил? это уж слишком! / Доктор. Уверяю вас, что это не отрава! Руперт. Ох господи! или я сам верчусь около того, или всё вертится около меня, или я с ума сошел, или попал в дом сумасшедших... или... Нет, г-н барон, так не шутят: это не пройдет вам даром! Это хуже всякого грабительства и около того. Отдайте скорее или следующие мне 50 тысяч, или возвратите бриллианты, а там, что скажет полиция.

---

[1] связать его (*ЦР*)

Доктор. Барон! бриллианты! А! видите, как сильно укоренилась в нем дурь? Какие же бриллианты, ваше сиятельство?

Руперт. Я совсем не сияю... около того... что вы толкуете? [1] Отдайте сейчас бриллианты [2] назад, а невеста вашей баронской милости может обойтись и без них. Сейчас, сейчас! у меня голова пошла кругом около того; от ваших шуток и от вашего яда.

Доктор. Граф, я уж вам сказал, что это не яд, а спасительный бальзам.

Руперт. Долго ли вы будете меня морочить, г-н Барон, мне дорога каждая минута, дома я оставил под замком племянницу — она может умереть с голоду... и около того... Какой я к черту Граф? отдайте мои бриллианты и бог с вами! Виноват ли я что на вас дурь около того находит, высокопочтенный г. Барон.

Доктор. Да почему я кажусь вам каким-то Бароном? Опомнитесь, Граф.

Руперт. Лучше вы образумьтесь! Черт меня принес к вам в такую несчастную минуту! И так коротко и ясно, господин Барон!

Доктор. Успокойтесь, Граф, и дайте лекарству подействовать!

Руперт. Что?.. я не хочу, чтоб подействовала эта отрава!

Доктор. Отрава! Опять, это уже слишком! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

17 (*вскакивая*). Я сумасшедший! / Я сумасшедший!! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

24 барон фон Аффен... / барон Аффен... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

30 образумьтесь, барон / *а. Как в окончательном тексте (АР) б.* образумьтесь, барон... вы в припадке (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 243.

19 будьте готовы / (*входят люди*) не пускайте его (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

33 что со мной? / Что со мной?.. Около того... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] говорите (*АР*)

[2] Отдайте брилланты (*АР*)

С. 244.

1 Начисто... около того? / И около того... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

24–25 (*в сторону*) ∾ (*Ему.*) / *а.* А! а! Он дело говорит! (*АР*); *б.* (*в сторону*). Он что-то дело говорит! (*громко*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

28–29 помилуйте... (*В сторону*). Вот надоумил! (*Ему.*) / *а.* помилуйте... (Вот надоумил!) (*АР*) *б.* помилуйте... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

32 (*в сторону*). Ну, опять понес! (*Ему.*) / (Ну опять понес!) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

36 для показания вам. / для показания... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

40 вот по этому реестру, около того... / и... около того... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 245.

1 Складно, очень складно / (*в сторону*). Складно, очень складно; (*ему*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

4 бумага в руках / бумаги в руках (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

8–9 которых ∾ свидетельствуюсь / *а.* для которых я написал рецепты (*АР*); *б.* которых может быть нет уже на свете; но всё-таки свидетельствуюсь... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

12 я начинаю / я теперь начинаю (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

19–20 И могу доказать ∾ Так на вас / *а.* И могу доказать... Так на вас (*АР*) *б.* И могу доказать... спросите в Гороховой... Так на вас (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

22 И на вас? / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*, *ЦР* ◊) *б.* А на вас? (*АР* ◊)

30 их украл / их унес (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

34 мошенник / надуватель (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 246.

26 мои бриллиантики / мои бриллианты (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

31 возвратить / *а. Как в окончательном тексте (АР) б.* возвратить потерю (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 247.

17 бриллианты... о! / *а. Как в окончательном тексте (АР) б.* бриллианты... что у нас в Гороховой улице? о! (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

25 Я прошел / Я пришел (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 248.

8 не барон / не Барон, а кандидат университета (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

16–21 потому. Фортункин. Он скрыл ∾ Я решился /
а. потому.
Доктор. Понимаю.
Фортункин. Он скрыл завещание ее покойного отца и никак не хотел отдать денег.
Руперт (*в сторону*). Какой же сумасшедший сделал бы это!
Фортункин. Я решился (*АР*)
б. потому.
Фортункин. Я решился (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

24–32 Руперт. И всё ∾ скорей бриллианты... /
а. Фортункин. Теперь мне остается только просить у вас прощения за мой поступок...
Розина. Извините нас, г. Доктор... это всё произошло от его ветрености и торопливости.
Доктор. А вот что скажет г. Руперт.
Руперт. Что я скажу? я только скажу, около того, что г. подложный барон открыл отличный способ надувать человечество... около того... но это ему со мной не удастся... Отдайте мне мои бриллианты, г. Фортункин, и... идите куда хотите с этой негодницей... и... около того...
Фортункин. Вы ее браните... а она еще об вас беспокоилась... Если бы не она, то вы бы еще долго пробыли в недоумении... потому что я бы никогда не решился обеспокоить почтенного доктора...
Руперт. Что вы около того-то вертитесь... отдайте скорей бриллианты... (*АР*)
б. Руперт. Что вы около того-то вертитесь... отдайте скорей бриллианты (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

35–36 ее приданое... для того я и взял их у вас / *а.* ее приданое (*АР*) *б. Как в окончательном тексте* (*АР*) *в.* ее приданое... для того-то я и взял у вас бриллианты... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

38 хотите так взять / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* хотите взять (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

39 еще жаловаться / еще пожаловаться (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 249.

6–34 сейчас же взял ∾ Благословить вас просим так! / *а.* сейчас же [1] и женился...

Руперт. А как же вы взошли?

Фортункин. Я [2] уж вам сказал, по черной лестнице.

Руперт. Вот тебе и верность Анисьи, а я еще купил [3] замок с пружинами... около того...

Розина. Простите же нас, дядюшка, мы будем вас любить, будем вам хорошими детьми.

Руперт. Детьми... около того... очень хорошие дети [4]... отца провели...

Фортункин. Простите нас г. Руперт теперь уж всё кончено... мы обвенчаны... и я право буду хороший муж Розине, хоть сначала я вам и нехорошо зарекомендовал себя... зато уж сколько я и сам страдал...

К Розине страстною любовью
Еще студентом я пылал,
Готов был жертвовать я кровью
За мой прекрасный идеал.
Мне, как в лесу, встречались сучья,
Насилу пристань я нашел...
Да, я на верх благополучья
По черной лестнице взошел!

Розина.

И я сама его любила,
Он мне являлся день и ночь,
И от меня не отходила
Мечта о нем ни шагу прочь!

Розина и Фортункин.

Давно друг друга мы любили,
И наш вполне счастливый брак,
Как небеса благословили,
Благословить вас просим так! (*АР*)

---

[1] была бы невеста, как скоро я вас здесь оставил, сейчас же (*АР*)
[2] взошли? не может быть. Фортункин. А я (*АР*)
[3] а еще купил (*АР*)
[4] хорошие дети... около того... (*АР*)

б. сейчас взял да и женился.

Фортункин. Простите нас г. Руперт теперь уж всё кончено... мы обвенчаны... и я право буду хороший муж Розине.

Розина. Простите же нас, дядюшка, мы будем вас любить, будем вам хорошими детьми. (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

36 Вы так хорошо / *а.* так хорошо (*АР*) *б.* еще бы вы были дурными... так хорошо (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

37 не утаить / не утаишь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

38 не удержать / не удержишь (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 249—250.

38–2 Как скажете ∾ всё так... /

а. около того... Благословляю, прощаю... будьте счастливы, любите друг друга... и около того... меня вашего дяди....

Розина. Ах, как вы добры, дядюшка!

Руперт. Уж нечего делать, лучше отдать тридцать тысяч племяннице, чем пропали бы пятьдесят... около того.

Фортункин. Именно... любезный дядюшка... теперь г. доктор, надеюсь, что и вы нас простите...

Доктор. С удовольствием...

Розина. Едем же домой, дядюшка, мы беспокоим г. доктора.

Руперт. Да домой и там я вам отсчитаю законную часть приданого... Только погодите немножко, надо еще раз повернуться около того... (*АР*) *б.* Как думаете, доктор, так ли...около того? [1]

Доктор. Да и около того, и около этого и около другого... как ни поверни, всё так...

Руперт. А вот спросим у них... около того... (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

С. 250.

26 То правда — способ беспримерный / *а. Как в окончательном тексте* (*АР*) *б.* Хоть точно способ беспримерный (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

38 А хоть бы — около того! / А толь<ко> около того! (*АР*)

38 *После:* около того! — Конец (*ЦР* ◊)

---

[1] *Далее начато:* Док<тор>. Я так думаю (*АР*)

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!

(С. 251)

Варианты чернового автографа (А) и цензурованной рукописи (ЦР) ЛГТБ

С. 251.

8 сын его / сын Дюрваля (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9 г-жи Дюмениль / Дюмениль (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 *Перед:* Театр ∾ с левой — *заглавие:* Tiridat (*А* ◊)

11 от окна / от туалета (*А*)

12 *Перед:* на креслах — *начато:* несколько (*А*)

15 мамзель Дюмениль / мадам Дюмениль (*А*)

20 заставляет плакать... / заставляет плакать, а чего бы, кажется? и множество людей, которых я совсем не знаю. (*А*)

22 вот она уж / вот уж она (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27–28 Ах, как ∾ всех пленять /
а. Быть актрисой [1] мило, чудно
Лучше нечего желать... (*А*)
б. Право мило, славно,[2] чудно
Быть актрисой, всех пленять: (*А*)

С. 252.

12 *Перед:* Будь дурна — *начато:* Часто (*А*)

34–35 Постой ∾ слабеют силы! /
а. «Здесь остановимся, меня тревожит страх...
Ни шага далее, останемся здесь, милый!» (*А*)
б. «О погоди, Энон, меня волнует страх...
Ни шага далее, останемся здесь, милый!»

(*Берет Луизу за руку*)

Л у и з а. Что вам угодно милая маменька?

Д ю м е н и л ь (*продолж<ая> декл<амировать>*).
«Я не могу держаться на ногах,
Меня уж покидают силы!» (*А, ЦР*)

С. 253.

1–2 Болезненным ∾ подо мной! /
«И светом дня глаза ослеплены
И подгибаются дрожащие колена!» (*А, ЦР*)

---

1 *Далее начато:* чуд<но> (*А*)
2 право (*А*)

13 стало быть: верно, хорошо / *а.* Для истинного успеха этого и надобно[1] (*А, ЦР*) *б.* Стало быть хорошо! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

15 Боже мой! / Боже! (*А, ЦР*)

23 и за ним дело не станет / и он найдется (*А*)

24 Ребенок / Дитя (*А, ЦР*)

25 Расина / *а.* Шекспира (*А, ЦР*) *б.* Корнелия, Расина (*А* ◊, *ЦР* ◊)

25–26 сама порядочно выражать своих мыслей. / *а.* еще говорить сама! (*А, ЦР*) *б.* сама порядочно говорить! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

29 талант... / талант... Есть еще верный инстинкт, который сначала руководит нас в первых опытах... (*А*)

29 Я еще совсем не знала / Я еще не знала совсем (*А, ЦР*)

29–31 а уже ум ∾ вдохновение... / но постепенно ум мой стал одушевляться обаянием прекрасных стихов, постепенно начала пробуждаться во мне энергия, могуществом сильных страстей. (*А, ЦР*)

33–34 дано не всякому ∾ ниспосылает нам / *а.* само небо ниспосылает на меня (*А*) *б.* дано не всякому, само небо его ниспосылает на меня (*ЦР* ◊)

36 я забываюсь / Луиза, я в исступлении (*А*)

38 небесный свод / свод небесный (*А* ◊)

38–39 надо мною / *а.* передо мной (*А*) *б.* над моей головою... для меня не существует ни пространство, ни время... (*А*)

39 Рима и Греции / Греции и Рима (*А*)

39–40 новою жизнию / другою жизнию (*А*)

40–41 Ах! не завидуй мне, милая Луиза /

Когда на сцену выду я —
Волнует грудь восторг небесный,
И создает мечта моя
Вокруг какой-то мир чудесный!
Я в нем дышу, я в нем люблю
Его звено я составляю,[2]
Его страстями я киплю,
Его страданьями страдаю!

---

[1] *Далее начато:* Ах я и теперь с удовольствием помню тот вечер, ко<гда> (*А*)

[2] Его душой я понимаю (*А*)

Я в небеса душой несусь,[1]
Во мне молчат земные чувства,
Я лишь к тому тогда стремлюсь,
Чтоб быть достойною искусства.[2]
Забыв себя, я не чужда
Ни к чуждым радостям, ни к мукам,
И вырывается тогда
Душа из груди вместе с звуком!
И я вкушаю торжество,
Полна высокого призванья,—
Пока восторга моего
Вдруг не прервут рукоплесканья!

Ах, не удивляйся, милая Луиза (*А, ЦР*)

С. 253—254.

41–4 потому что ∾ такой человек... / если на другой день, войдя в себя, я бываю грустна, задумчива, даже скучна — тогда я мысленно переношусь к нашему родному[3] домику на берегу моря, где мы жили в младенчестве, где было бы так приятно теперь жить и проживать богатство для одного человека, который понимал бы меня, который меня любил бы... если бы нашелся такой. (*А, ЦР*)

С. 254.

5 Да, может быть / Да вот то-то же (*А* ◊, *ЦР* ◊)

7 он очень хорош / очень хорош (*А*)

7–8 еще какие-то бумаги / еще бумаги (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9 Опять рукописи / Опять рукопись (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9–11 В этой куче ∾ меня поразило... / В этой смеси плохих сочинений, которыми наполняют наш театр, я не отличила ни одного в продолжение трех лет... Только вот это меня поразило... (*А, ЦР*)

14 (*подавая записки*) / (*подавая еще*) (*А*)

17–20 эти поддельные нежности ∾ предан мне... / Нежности, диктованные хвастовством, грубости, подсказанные гордостью, самонадеянностью, а всё вместе ужасная пустошь! Я выду замуж за добряка Мальво... по крайней мере он стар и смирен... (*А, ЦР*)

---

[1] лечу (*А*)
[2] Тогда я только быть хочу
Достойной жрицею искусства (*А*)
[3] *Далее начато:* для (*А*)

20–21 каждое утро / каждый день (*А, ЦР*)

21 и каждый вечер / и каждый день (*А, ЦР*)

22–23 где изъясняется ∾ сегодня / чтобы волочиться за мной (*хлопает в ладони* [1]) жестами и аплодисменами [2]... Сегодня (*А, ЦР*)

41–42 *держала Луиза* / *держит Луиза* (*А, ЦР*)

42 как хорошо! / хорошо! Поэтические чувства... (*А, ЦР*)

С. 255.

3 крестная, он / крестная, если (*А* ◊, *ЦР* ◊)

7–8 его видели / его видали (*А* ◊, *ЦР* ◊)

14 «Ах, сударыня!» / «а!» (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20 никакого внимания / ни на кого внимания (*А, ЦР*)

23 вчера оказал мне большую услугу / так много вчера для меня жертвовал (*А, ЦР*)

23–27 Лошади маркизы ∾ исчез! / Лошади маркизы де Верьер готовы были опрокинуть мой экипаж. Мы готовы были выскочить с опасностью жизни... вдруг подбежал молодой человек, ловко удержал лошадей маркизы... и вдруг исчез! (*А, ЦР*)

С. 256.

4–5 (*Берет стул и садится.*) ∾ с места / Понравится ли ей моя физиономия [3] или нет,[4] что делать... насильно мил не будешь... (*Берет стул и садится.*) Я не тронусь с места, пока меня не тронут силой... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

8 Государь мой! / Милостивый государь! (*А, ЦР*)

12 Ничего нет / Ничего, ничего нет (*А* ◊, *ЦР* ◊)

12 странного / странного... Я привык (*А*)

15 Что ж вам угодно? / Наконец, государь мой... Что вам угодно? (*А, ЦР*)

18 Говорите. / Ну-с? (*А, ЦР*)

22–23 Дюрваль. Грубияном ∾ понравиться /
Дюмениль. Грубияном, хочешь ты сказать?..
Дюрваль.

Как, что такое? Черт возьми!
Я пятьдесят три лье промчался,
Чтоб только с вами говорить,

[1] *в ладоши* (*ЦР*)
[2] *Далее начато:* О, я его (*А*)
[3] наружность (*А*)
[4] или нет, мне до этого дела нет (*А*)

Но, видно, вам не показался...
Конечно, я не мастер льстить,
Но никому своей персоны
Я не позволю обижать:
Я издержался на прогоны,[1]
Так вам нельзя меня прогнать!
Чтоб вам понравиться (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 не прошу вас садиться / не предлагаю вам стула (*А, ЦР*)

С. 257.

4–5 занимаю должность ∾ городе. / занимаюсь я должностию стряпчего в родимом городе Мане.[2] У меня много клиентов, сударыня, я[3] веду процессы как лучший прокурор. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

6 *Перед:* единственный сын — *начато:* я (*А*)

13–14 его советами... / его советами и сведениями... у нас бы у двоих практика была чудесная... он был бы красноречивым оратором,[4] а я светом разума... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

15 Но я не вижу, сударь / Но милостивый государь, не вижу (*А, ЦР*)

17 Как что мешает? / Как что?.. Помилуйте, сударыня (*А*)

19–20 и до сей поры ∾ вместо того / под надзором одного стряпчего главной моей коллегии... и ужасно, что он до сей поры не виделся с г. Патрю... и нога его еще не была в палате, а вместо того (*А* ◊, *ЦР* ◊)

21 Надобно вам / В-третьих надобно вам (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23–24 различить... одним словом / различить... Да обворожен, с позволения сказать, каким-то олицетворенным дьяволом, потому что... одним словом (*А*)

25–26 На жизнь ∾ был отцом /

а. На жизнь не на беспутную
Отпущен он отцом (*А*)

б. На жизнь он не беспутную
Отпущен был отцом (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] Я заплатил сюда прогоны (*А*)

[2] *Далее начато:* я не (*А*)

[3] и я (*А*)

[4] Цицироном (*А*)

32 пули отливать / штуки отливать (*А* ◊, *ЦР* ◊)
37 Теперь, наместо прибыли / На шаг он от погибели (*А*)
39 Уж близок он к погибели / На шаг он от погибели (*А*)

С. 257—258.

41—2 А мог бы ∾ завлечен... /
а. А мог бы и четверкою
В карете ездить он,
Как был бы не актеркою [1]
С дороги совращен. (*А*)
б. А мог бы и четверкою
Кататься, как барон,
Когда бы здесь актеркою
Вдруг не пленился он! [2] (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 258.

3 С чем он теперь воротится / Теперь с чем он воротится (*А* ◊, *ЦР* ◊)
11 Короче сказать / Несчастный (*А* ◊, *ЦР* ◊)
13 Ну, сударь... / *а.* Милостивый государь! (*А*, *ЦР*) *б.* Но сударь... (*А* ◊, *ЦР* ◊)
14—15 Да, мне пишут ∾ не пьет /
О я их знаю... этих актерок, не потому чтобы я когда-нибудь бывал в комедии,[3] избави бог... но я знаю, что у нас говорят там.... ну...[4] слухами земля полнится!
Дюмениль. Но точно ли вы уверены, по крайней мере...
Дюрваль. Вот что мне пишут... В первый день по приезде он был в комедии и там едва мог расслышать, что говорят,— от вздохов, воспламенения и других глупостей... вы понимаете... несчастный вздыхал, да, вздыхал, и пристрастился к трагедии... Он не пьет (*А* ◊, *ЦР* ◊)
16 одною Дюмениль / одною какою-то Дюмениль (*А*)
19 вид удивления, будто / вид, что (*А*)

[1] Когда бы не актеркою (*А*)
[2] Вдруг не был обольщен! (*А*)
[3] *Далее начато:* но (*А*)
[4] *Далее начато:* что (*А*)

20 *После:* В первый раз слышу...— Вы, сударь, первый делаете мне это открытие. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

21 Не может быть, не может быть... / Вот например... искусно, искусно... вот сказка! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22 А каков собою / Помилуйте, разве (*А*, *ЦР*)

23–24 славный малый ∾ на меня. / Прекрасный малый, хорошо сложен, очень хорошо, почти как я... прекрасная улыбка, белые зубы... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

29–30 *держит в руках*) / *держит еще в руках*) (*А* ◊, *ЦР* ◊)

41 Тогда мое ∾ бьется! /
Тогда мое младое сердце бьется
Ударом сильным и глухим,— (*А*)

С. 259.

1 так это его стихи / так эти стихи он писал (*А* ◊, *ЦР* ◊)

4–8 Д ю р в а л ь. Стихи! сын мой ∾ влюблен в меня, сударь? /

Д ю р в а л ь. Да за кого вы его принимаете... Да какой черт научил его делать стихи... ведь он мой сын... Дурак! [1] за сколько он их купил? Уж верно франков 15 дал! Вот еще новый расход! [2]

Д ю м е н и л ь. Вы думаете они заказные...

Д ю р в а л ь. Как, а вам кажется, что он сам их писал... неужели? Несчастный!

Как неужли и [3] рифмобесья
Мой бедный сын причастен стал?
Теперь совсем хоть нос повесь я —
Навек я сына потерял...
Пропащий человек он в свете,
Когда в писатели попал,
Уж лучше б он писал мыслете,
Да лишь стихов бы не писал!

Вот новость... в самом деле... Несчастный! Этого только недоставало...

---

[1] *Далее начато:* сколько (*А*)

[2] *Далее начато:* Д ю м е н и л ь. Как эти возвышенные чувства, этот восторг, который я внушила ему сама того не зная, эти благородные идеи, эта поэзия, которой звуки способны тронуть до глубины души,— всё это его — вашего сына, который вы говорите, в меня влюблен... Ах сударь! (*А*)

[3] что (*А*)

Дюмениль. Как эти возвышенные чувства, этот восторг,[1] эта поэзия [2] всё это его, вашего сына, вы говорите,[3] что он влюблен в меня, сударь! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9 Да... вы видите... он чудесный малый!.. / Итак (*А*)

13 Повторяю вам / Еще раз говорю (*А*, *ЦР*)

16 сами не научили / между прочими уроками народного права не научили [4] (*А*, *ЦР*)

19 у меня такая натура... / такая у меня натура... но я добр. (*А*, *ЦР*)

21 очень жалею, если / это мне очень досадно, потому что (*А*, *ЦР*)

30–31 Бедный Адриан! / Простите отца, который отчаявается за своего сына... Мой бедный Адриан! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31–32 он пропадает от любви ∾ пропадает! / Он совсем пропадает от любви... даже [5] уже начал пропадать [6]... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32 выгодной должностью / должностью, которая доставила бы ему выгоды (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 от женитьбы / от женитьбы, которую я задумал... он такую кислую рожу сделал в последний раз (*А*)

34 всё расстроится / стоит только сделать ей кислую рожу и всё расстроится... Судите сами... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

39 От этого / Ах боже мой... от этого (*А* ◊, *ЦР* ◊)

42 в таком случае / я вас понимаю... Итак (*А*, *ЦР*)

42–43 его исцелить / его излечить (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 260.

1 Исцелить? / Излечить? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

2 Это довольно мудрено; я подумаю. / Это не мудрено, только надо его отыскать. (*А*, *ЦР*)

---

[1] этот восторг, который я ему внушила, сама того не зная, эти благородные идеи (*А*, *ЦР*)

[2] эта поэзия, которой звуки способны тронуть до глубины души (*А*, *ЦР*)

[3] вы говорите, в меня влюблен! Ах сударь (*А*, *ЦР*)

[4] не научите (*А* ◊)

[5] *Далее начато:* Чего (*А*)

[6] вот я его никак найти не могу (*А*)

9–11 увидит вас ∾ тогда / увидит вас... несчастный! он еще более воспламенится и тогда (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16 Кто же это? кто он? / Кто ж это? он? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

18 ах несчастный! / ах, несчастный! простудится! насморк схватит! (*А*)

19 он простудится / несчастный! простудится, насморк схватит... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20 очень недурен / очень хорош (*А*, *ЦР*)

21 Ну вот / *а.* Хорош... Ну вот беда (*А*, *ЦР*) *б.* Ну вот беда (*А* ◊, *ЦР* ◊)

24 (*отводя его от окна*) / (*отводит его от окна*) (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27–28 Д ю м е н и л ь. Не мешайте же мне ∾ обещаю вам. /

а. Д ю м е н и л ь. Оставьте меня делать, что я хочу.

Д ю р в а л ь. Как? вы надеетесь...

Д ю м е н и л ь. Да, да... (*она звонит*) я его излечу... я вам обещаюсь... (*А*)

б. Д ю м е н и л ь. Предоставьте мне поступать как я хочу. Я его излечу... я вам обещаю (*А*)

29 Вы обещаете? / Вы обещаетесь? (*А*)

30 Честное слово. / Честное слово актрисы! (*А*, *ЦР*)

С. 261.

1 уж трудно / уж это трудно (*А*)

7 А мне уйти? / Ах... уйти? (*А*)

8 (*показывая на дверь* / (*показывает на дверь* (*А* ◊, *ЦР* ◊)

11–12 Отделайте его ∾ вам вечно... /

а. (*в сторону*) Если бы я знал, как она его примет. (*Вслух*). Надо излечить его от такой глупости.

Д ю м е н и л ь. Я постараюсь.

Д ю р в а л ь. Я буду обязан вам вечно... (*уходит*).

Л у и з а. Что всё это значит? (*А*)

б. (*в сторону*) Если бы я знал, как она его примет. (*Вслух.*) Я буду обязан вам вечно... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

13 Д ю м е н и л ь. Хорошо ∾ я постараюсь. /

а. Д ю м е н и л ь. (*Дюрвалю.*). Я постараюсь...

(*Луизе.*) А ты, когда он придет, будь с ним скромна в ожидании моего возвращения. (*А, ЦР*)
б. Дюмениль. Хорошо, хорошо... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

18 Он не хотел / Еще не хотел (*А* ◊, *ЦР* ◊)

19 (*Подходя к окну.*) / (*Подходит к окну.*) (*АР* ◊, *ЦР* ◊)

21 (*К окну.*) / (*В окно.*) (*А* ◊)

21 государь мой / сударь (*А*)

С. 262.

5–6 привыкнуть к этой мысли / *а.* себе представить (*А*) *б.* свыкнуться с мыслию (*А, ЦР*)

18 Он очень недурен! / Он очень мил! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23–25 А! так вот ∾ увижу ее?.. /

Так вот чертог, где пролетали
Дни вдохновенные ея...
Ах, боже мой! да не мечта ли
Мое блаженство? Жив ли я?
Ужели я ее увижу,
Ее, владычицу сердец...
Ужель слова ее услышу?
Ах, как я счастлив наконец!
Любил я страстно, безнадежно,
Часы страданьями считал,
Огонь в груди моей мятежной
Как лава в Этне клокотал.
Но прочь любовь, прочь мысль земная! [1]
Благоговенья грудь полна...
Она не женщина простая,
Сама поэзия она!.. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32 к ней адресовать... / к ней адресовать... Один язык богов достоин ее. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36–37 однако попробую / попробую (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 263.

2–4 Адриан и Дюмениль ∾ Дюмениль (*в сторону*) / Адриан, Дюмениль (*с убранною головой, в платке с большими разводами, несколько нахмуренная; в сторону*) (*А* ◊)

5 сдержать свое ∾ задумался? / исполнить... вот он... Хорошо... надобно сперва вникнуть в его мечты... (*А, ЦР*)

---

[1] Но прочь из сердца мысль земная (*А*)

10 сударь / государь мой (*А, ЦР*)

12 ожидал госпожу / *а.* дожидался г-жи (*А* ◊) *б.* дожидался г-жу (*ЦР* ◊)

18 большое сходство / это сходство (*А, ЦР*)

28–29 Дюмениль, Дюменильша ∾ называют / Дюмениль, г-жа Дюмениль, как говорят (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31 и в кофте / и в дезабилье (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32 А! театр / Театр (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 она переменяется! / она изменилась... (*А*)

34–35 Бьюсь об заклад ∾ все одинаковы. / Я готова биться об заклад, что вы из провинции... Они все таковы эти деревенские жители... Это меня занимает... (*А, ЦР*)

35–36 Ну что же вы стали, подойдите же / *а.* Да что вы там делаете, да подвиньтесь же (*А, ЦР*) *б.* Ну что ж вы стали. Пойдемте же (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 264.

2 великая актриса. / великая артистка! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

3 Мне сказали / Мне сказывали (*А* ◊, *ЦР* ◊)

5–16 Да, вы угадали ∾ я ответ! /

а. Точно, сударыня, уже 8 дней
Я вас преследую глазами,
Хоть оскорбить вас тем страшусь.
Повсюду сердцем и мечтами
Как раб за вами я стремлюсь!
Где вижу вас, где только можно,
Бегу безумно вам вослед
С одной надеждою тревожной...

Д ю м е н и л ь. Понимаю, понимаю... вам нужен билет в партер... (*А*)

б. Я всюду вас слежу глазами,
Хоть оскорбить вас тем боюсь...
Повсюду сердцем и мечтами
Как раб за вами я стремлюсь!
Давно душой я с вами дружен,
Бегу безумно вам вослед...

Д ю м е н и л ь.
Билет вам, что ли,[1] в кресла [2] нужен?

---

[1] видно (*А*)
[2] в кресла (*ЦР* ◊)

Адриан (*допевая куплет*).

Билет!.. О, боже мой! билет!.. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

17–19 Хорошо, хорошо ∾ ладоней. / По крайней мере, послужите ли вы мне хорошенько (*хлопает в ладоши*).[1] Поддержите ли вы меня? Чур не жалеть ладоней! [2] (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20–21 я с восторгом приветствую вас / с каким восторгом приветствую я вас (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22 и всем / всем (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23–24 так глубока! слезы / так глубока! что слезы (*А*)

25 ощущения / ваши ощущенья (*А*)

26 произносятся словами / произносятся губами (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30 Боже мой! / В добрый час... вот наивность-то! Господи боже мой!.. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31–32 из провинции / приехал из провинции (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32–33 Жаль мне вас ∾ садитесь же. / Но, бедный друг мой, вы ошибаетесь... вам надобно объяснить; садитесь... да садитесь же! (*Подвигает к нему стул и сажает его.*) (*А, ЦР*)

34 на театре / у нас (*А, ЦР*)

С. 264—265.

35–15 одна наружность ∾ Адриан. Два десятка! / *а.* наружность, подражание,[3] мечта и ничего существенного, всё подделано, поверьте мне небо из картона, солнце из свечей, их снимают, от времени до времени, чтобы оживить природу, природу из размалеванной холстины... Даже у нас самих, у кумиров ваших, восторг, восклицания, тяжкие вздохи, порывы отчаяния, всё рассчитано по нотам, всё запасено наперед в должной препорции; они в деле пока роль того требует, но занавес опускается и в тот же миг всё кончено, вся наша чувствительность пропадает вместе с румянами и белилами.

Адриан (*удивленный*). Возможно ли? Как эти слезы!..

Дюмениль. Откуда взять истинной печали на каждый вечер?

[1] (*хлопает в ладони*) (*ЦР* ◊)

[2] (*хлохпает в ладоши*). Поддержите ли меня? (*А*)

[3] наружность, слабое подражание (*А*)

Адриан. Эти возвышенные чувства...

Дюмениль. Что до меня, то я никогда не понимала этих трагических глупостей... А вы думали, что я всё это чувствую в самом деле? Вот было бы забавно! Хороша была бы я, покорно благодарю! (*Смеясь*) Ха-ха-ха, мы точно такие же женщины, как и другие; за нами можно так же свободно волочиться, без больших опасений... всякая из нас имеет толпу обожателей, на мою долю также, слава богу, есть их дюжинки две.

Адриан. Дюжины две! (*А, ЦР*)

б. наружность... подлог, мечта и ничего существенного, всё подделано... поверьте мне.

Что вас в театре занимает,
Что из партера вас и лож [1]
Так веселит, так поражает,[2] —
Всё подражание, всё ложь!
У нас поддельные картины,
Умны мы — от чужих речей;
Природа наша из холстины,
А солнце наше — из свечей!
Что вам так нравится, так мило
У нас рассчитано давно,
Румяна вздохи и белила —
Всё наперед запасено! [3]
Заучены все чувства наши,
Румяна — наше волшебство,
И сами мы — кумиры ваши —
Актрисы, больше ничего!
За нами можно волочиться,
В честь нашей славе и красе,
Мы даже любим тем гордиться,
Мы так же женщины, как все!
Поклонников у каждой вволю,
На сцене явится едва,
И на мою, признаться, долю
Их верно есть десятка два!

---

[1] Что вас из партера и лож (*А*)

[2] С природой сходством поражает (*А*)

[3] Всё наперед припасено!
И сами мы, кумиры ваши,
Такие ж женщины, как все (*А*)

Адриан. Два десятка! (*А*)

в. одна наружность... притворство, подражание, мечта... всё подделано и ничего существенного. Поверьте мне, у нас небо из полотна, солнечные лучи от свечей, с которых снимают почаще, чтоб оживить природу, а природа из размалеванной холстины, даже у нас самих, у кумиров ваших, восторг, слезы, восклицания, тяжкие вздохи, рыдания, всё рассчитано по нотам, всё запасено в должной препорции. Они в деле, покуда роль этого требует. Но занавес опускается, и в тот же миг всё кончено. Вся наша чувствительность пропадает [1] с румянами и белилами.

Адриан (*удивленный*). Как, возможно ли?..

Дюмениль. А вы воображали, что мы всё это чувствуем в самом деле... Помилуйте, буду я себя мучить каждый вечер, да никакого тут здоровья не станет. (*Смеясь.*) Ха-ха-ха! Мы точно такие же женщины, как и другие; за нами можно волочиться, не боясь кинжалов... всякая из нас имеет толпу обожателей; слава богу и у меня их наберется десятка с два.

Адриан. Два десятка! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 265.

16–22 А вы как думали? ∾ Не прикажете ли? /

а. Да, любезные люди... они шутят, любезничают, злословят, это меня занимает, особенно если они из моих товарищей, как вчера утром этот Шампу... Боже! как он любезен!.. он нам рассказывал такие анекдоты... мы помирали со смеху... Ха-ха! я ужасно люблю смешные историйки... Принесите мне когда-нибудь вместо мадригалов — эпиграммы...[2] Теперь, когда я вам сказала, что эта печаль, эти слезы, эти порывы отчаяния, которыми я так трогала вас на сцене не что иное как обман, маска...

Адриан. Как? Эти восторженные движения души... Неужели...[3]

---

[1] исчезает вместе (*А* ◊)

[2] *Далее:* Теперь ваш урок кончен; я вам скажу, как Гермиона: «Я хотела вам дать средство мне понравится». (*Открывая табакерку*) Не угодно ли вам? (*А*)

[3] Неужели правда... (*А*)

Дюмениль. Ха-ха,[1] вы всё еще думаете, что я всё это чувствую в самом деле? Вот было бы забавно... Хороша была бы я; покорно благодарю... ха-ха-ха!.. Итак теперь, когда ваш урок кончен я вам скажу как Гермиона: «Я хотела вам дать средство мне понравиться». (*Открывая табакерку*) Не угодно ли вам? (*А, ЦР*)
б. Что вы удивляетесь?.. Мне это очень нравится...

Они болтливы все, любезны,
И даже остры на пол-дня,
Притом они мне и полезны:
Они так хвалят все меня,
Так аплодируют, что стены
В театре ломятся, мой друг...
А я зато порой со сцены
Им глазки делаю всем вдруг! [2]

Адриан. Боже мой! (*А, ЦР*)
в. А вы как [3] думали? Прелюбезные люди: они шутят, любезничают, злословят, рассказывают анекдоты про наших товарищей, это гораздо занимательнее всех ваших мадригалов. Примите-ка всё это к сведению, и я скажу как Гермиона:

Давала средства я любви моей к снисканью... (*потчует табаком*) [4] не прикажете ли? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

24–26 Вы не нюхаете? ∾ учишь роль. / *а.* Это очень хорошо, это освежает [5] мозг. (*Чихая*). Будьте здоровы! (*А, ЦР*) *б.* Вы не нюхаете? напрасно, это очень здорово: освежает мозг, особенно, когда учишь роль. (*Чихая.*) Будьте здоровы! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

28–29 жаль его... / становится как-то неловко! (*А, ЦР*)

29–30 что-то расстроены, побледнели / побледнели, вне себя (*А, ЦР*)

30 еще не завтракали / вы еще не завтракали (*А, ЦР*)

---

[1] *Далее начато:* как (*А*)
[2] Дрожат в театре милый друг...
А я за это им со сцены
Лишь глазки делаю всем вдруг! (*А*)
[3] А как вы (*А*)
[4] (*открывая табакерку*) (*ЦР* ◊)
[5] возбуждает (*А*)

30 бедняжка / бедный молодой человек (*А*, *ЦР*)

31 Досадно, час моего завтрака / Мне досадно, но час моего завтрака (*А*, *ЦР*)

32—33 самую умеренную ∾ издержек / не делаю пустых издержек (*А*, *ЦР*)

33—34 себе что-нибудь ∾ я себе на уме. / *а.* себе запасти на старость... Ох старость! [1] (*А*, *ЦР*) *б.* себе запасти на старость... да и она придет (*А*) *в.* себе запасти что-нибудь на старость... Я себе на уме (*А* ◊)

34 Все деньги / *а.* Все деньги мои (*А*, *ЦР*) *б.* Все мои деньги (*А* ◊)

35 меня не проведешь... / О, я расчетлива... (*А*, *ЦР*)

35 десять тысяч франков / десять тысяч ливров (*А*, *ЦР*)

36 сто раз / около ста раз (*А*, *ЦР*)

36 по сту франков / по сто ливров (*А*, *ЦР*)

37 Коротко и ясно... / это коротко и ясно (*А*, *ЦР*)

38—39 расчесть по пальцам, что приносит каждый стих, который я скажу на сцене / расчесть даже то, что стоит каждый стих (*А*, *ЦР*)

41 она превосходна / она бесподобна (*ЦР*)

С. 265—266.

42—10 Дюмениль (*декламирует*). ∾ Ты должен вырвать дочь из сих кровавых рук. /

Дюмениль.

«Нет я не привлеку [2] вас к казни никогда
Двойную жертву вы для Греков принесете»
Один ливр... (*одушевляясь*) [3]
«Нет ни почтение, ни страх мой не спасут
Его от рук моих кровавых... он погибнет.
Ужаснейший супруг и вместе злой отец,
Приди, когда ты мать мою похитить смеешь!» (*А*, *ЦР*)

С. 266.

12—13 на три франка с половиной / три ливра и десять су (*А*, *ЦР*)

16 какая жалость / мне жаль его! но я дала слово (*А*, *ЦР*)

---

[1] Ох старость, старость! (*А*)

[2] не привлекла б (*А*)

[3] (*Одушевляясь*) Тут на полтора франка (*А* ◊, *ЦР* ◊)

16 (*Громко* / (*Громче* (*А* ◊, *ЦР* ◊)

17 какого вы звания? / *а.* каково ваше звание? (*А, ЦР*) *б.* какова звания? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22–23 тоже род актеров... только прескучные роли... / *а.* это другой род актеров... род скучный (*А, ЦР*) *б.* Да это тоже[1] род актеров... только прескучный... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23–24 вы тоже обязаны / вы обязаны (*А, ЦР*)

24 Придите сюда, осиротелые дети! / *а.* Придите вооружитесь мужеством, кто хочет помочь обиженным сиротам? (*А*) *б.* Придите вооружитесь великодушием, вы желающие помочь обиженным сиротам? (*А, ЦР*)

25 взгляните на их / видите наши (*А, ЦР*)

26 за своих / для своих (*А, ЦР*)

27 она смеется / она теперь смеется (*А*)

29–30 Адвокат! ∾ объясню ее. / *а.* Но постойте, господин адвокат, у меня есть тяжба, я вам объясню ее. (*А, ЦР*) *б.* Постойте-ка, постойте, г. адвокат! ведь у меня есть тяжба, кстати я вам объясню ее. (*А* ◊) *в.* Постойте-ка, постойте, хорошо, что вспомнили, ведь у меня есть тяжба, я вам объясню ее. (*ЦР* ◊)

32 Судьи не поняли ее / Служители закона никогда не заставляют себя ждать (*А, ЦР*)

33–34 отрубить себе руку по локоть / себя растерзать (*А, ЦР*)

34–35 хоть на волос ∾ ах, ох! / *а.* что-нибудь из своего иска... Ни за что... Ах, ох! (*А, ЦР*) *б.* хоть на волос, не будь я Франциска Дюмениль, ох! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

37 (*держа его* / (*всё еще держа его* (*А* ◊, *ЦР* ◊)

38 как-то вышли / вышли (*А, ЦР*)

39 Гермионы / Клеопатры (*А, ЦР*)

40 мне рекомендовали торговку / мне дали адрес одной торговки (*А, ЦР*)

40 делает разные / делает различные (*А, ЦР*)

С. 266–267.

41–2 яркие ∾ это ее работы. / придающие свежесть... вы видели, каков у меня цвет лица каждый вечер... Благодарите ее. (*А, ЦР*)

---

[1] Это тоже (*ЦР*)

С. 267.

5 Д ю м е н и л ь. Слушайте же. / *а.* Д ю м е н и л ь (*продолжая*) Это [1] неоцененное сокровище. (*А*, *ЦР*) *б.* Д ю м е н и л ь (*продолжая*). Слушайте же. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

7–8 правда, с условием ∾ понимаете? / с тем только, чтобы этих румян она не продавала больше никому во всем Париже... (*А*, *ЦР*)

9–10 сохранить такой секрет для одной себя. Как вдруг / сохранить для себя то, что придает особенный блеск... Вдруг (*А*, *ЦР*)

11 она прегадкая, а тут показалась мне почти / она показалась мне (*А*, *ЦР*)

12–13 это, верно, от моих румян / уж не мои ли румяна произвели такой эффект (*А*, *ЦР*)

14–15 я подала просьбу на мою торговку-злодейку / Что же я сделала?.. я подала просьбу на мою торговку, на предательницу [2] (*А*, *ЦР*)

17 Д ю м е н и л ь. Я подала / Д ю м е н и л ь (*удерживая его за платье*). Я подала (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22 подала на апелляцию / подала апелляцию (*А*, *ЦР*)

25–26 молодой человек! ∾ гораздо учтивее. / *а.* молодой человек, молодой человек! Наши парижане гораздо учтивее. (*А*, *ЦР*) *б.* молодой человек, у нас в Париже гораздо учтивее. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26–27 вы еще ничего не сказали мне; ведь / мы еще с вами мало говорили. Если (*А*, *ЦР*)

27–29 вы так настойчиво ∾ виды / если вы меня терпеливо преследовали, уж не было ли какого умысла с вашей стороны? (*А*, *ЦР*)

33 Трагедия? провинциальная? / Об трагедии провинциального вдохновения? (*А*, *ЦР*)

42 Как, вы автор этой трагедии? вы? / Как, это создание... вы его автор, вы? (*А*, *ЦР*)

С. 268.

2–3 прекрасная роль ∾ создана им! / *а.* прекрасная роль, которою я восхищена, которую учила с такой любовию — его! (*А*, *ЦР*) *б.* прекрасная роль,

---

[1] Вот (*А*)

[2] на предательницу (*ЦР* ◊)

которую я учила с таким восхищением! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

7–8 Плохо, мой друг ∾ до смерти надоели. / *а.* Римляне, всегда Римляне! пренесносные, мой друг, пренесносные... (*А, ЦР*) *б.* Римляне, вечно Римляне! надоели, мой друг, до смерти надоели. (*А* ◊, *ЦР* ◊)

10 нет поэзии, нет огня / нет ни поэзии, ни огня (*А, ЦР*)

10–11 Займитесь вашими ∾ не пишите / *а.* Судите, защищайте права невинных, обличайте виновных, но не пишите (*А, ЦР*) *б.* Занимайтесь вашими тяжбами, вашими приказными делами, только, ради бога, не пачкайте (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26 Теперь он совсем разочарован, бежит. / *а.* Я его разочаровала, я спасла его. (*А, ЦР*) *б.* Совсем сбила его с толку, он пустился бежать со всех ног. (*А, ЦР*)

27–28 Кто ж после ∾ комедии / Кто не признает теперь во мне комического таланта (*А, ЦР*)

28–29 сдержала слово / сдержала свое слово (*А*)

30–31 я думала ∾поэт / я думала играть ветреником, а это поэт (*А, ЦР*)

31 его сердце? / его сердце? Но имела ли я право на это сердце, богатое мечтами и любовью... Он из тех людей, которые понимают, ценят нас, артистов. Да, в нем та возвышенность идей, то могущество чувства, которые делают нас великими, знаменитыми и славными... Отнимите таких людей у света, и мы будем иметь перед собой толпу грубую и холодную, об которую разобьются все наши лучшие усилия. (*А, ЦР*)

36 злою... / *а.* злою... дала заметить столько страстей и нестерпимого раздражения... (*А*) *б.* злою, дала заметить столько страстей, столько мелких капризов... (*А, ЦР*)

С. 269.

3 боже мой! маменька / боже мой! Кто бы мог поверить? Ах, маменька (*А*)

7–8 в ужасном / в ужаснейшем (*А*)

13 что мне некогда / что я занята, что не имею времени (*А, ЦР*)

15 всё ли готово? / Если чего-нибудь недостанет... (*А, ЦР*)

16 Я совсем / Ах, я совсем (*А* ◊)

21 прислала сегодня / прислала сюда (*А* ◊)

23–24 требует, чтоб вы извинились перед ней / просить извинения (*А* ◊, *ЦР* ◊)

26–27 помог нам в этом случае / *а.* спас ваш экипаж (*А*) *б.* помог вам в этом случае (*А*)

28 кто этот молодой человек / *а.* кто был это (*А*) *б.* кто это был (*А*)

40 спас меня / сохранил нас (*А, ЦР*)

С. 270.

1 *Перед:* а я — *начато:* Как (*А*)

1 где он / Как наградила я его преданность... Где он (*А, ЦР*)

10 пусть войдет / Ах, пусть войдет (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23 он способен / о, он способен (*А* ◊)

24 у него такая натура... рука не дрогнет / у него рука не дрогнет (*А*)

24–25 вы будете всему виноваты. / И все-таки вы виноваты... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27 *Перед:* Э! нет! — *начато:* О (*А*)

27 он вас теперь ненавидит... / он вас ненавидит теперь... вот несчастие! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 кричит, что всё ложь, всё обман!.. / наконец, он безумствует!.. не любит уж более никого... ни вас, ни меня, ни жизнь... несчастный! «Я ничему не верю,— кричит он,— всё ложь, всё обман!» (*А* ◊, *ЦР* ◊)

35 проклятиями... / проклятиями... несчастный! проклинал своего отца! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36 *Перед:* на что ж — *начато:* Что (*А*)

37–38 запер его как сумасшедшего / запер его на ключ (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 271.

3 слишком сильно, даже вредно / слишком сильно, слишком... более вредно (*А* ◊, *ЦР* ◊)

3–4 право лучше бы / Ах, лучше бы (*А* ◊, *ЦР* ◊)

5 *Перед:* он глупец — *начато:* Бедн<ый> (*А*)

5 но у меня нет другого... / он легкомыслен, но всё-таки он мой сын... у меня нет другого... Надо, чтоб он был жив... не правда ли? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

6 отдайте мне / отдайте ж мне (*А*)

6 *После:* спасите... —

а. Отличный был бы он детина,
Когда б с ума вдруг не сошел
Отцу единственного сына
Спасти просить я вас пришел!..
Я плачу горькими слезами,
Ему не жить без вас и дня...
Я на коленях перед вами,—
Поставьте на ноги меня! (*А*)

б. Отличный был бы он детина,
Когда б с ума вдруг не сошел
Спасите мне родного сына
Я за лекарством к вам пришел!..
Я плачу горькими слезами,
Без вас погибнем мы в два дня...

(*Хочет стать на колени.*)

Я на коленях перед вами,—
Поставьте на ноги меня! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

13 Да, да ∾ напомните ему / Да... он поэт... правда так... Скажите ему (*А*, *ЦР*)

15 О ком? / Об ком сказать ему? (*А*, *ЦР*)

20–21 (*Идет к столу*). Погодите! / Когда вы его учили (*идет к столу*).
Д ю р в а л ь. Тогда как я его учил?
Д ю м е н и л ь. Да, погодите... (*А*, *ЦР*)

24 заниматься делами / заниматься моими делами (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27 Он попал / *а. Начато:* Точно сде<лался> (*А*) *б.* Так он точно попал (*А*)

30 вы этого не сделаете / Вы не будете столь жестоки (*А*, *ЦР*)

31–32 ведь вы ∾ спасите его! / ведь надобно беречь такую голову... вы так его любите, а хотите поразить[1] его в самое сердце... Ах, вы говорили сейчас: «Жизнь моего сына прежде всего!» Теперь я повторяю вам в свою очередь: спасите его, спасите его! (*А*, *ЦР*)

33–34 точно, точно — надо спасти! / Точно, точно (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] *Начато:* у<бить> (*А*)

35 успокойте его / время летит, успокойте его (*А, ЦР*)

38–39 Ну! ну! ∾ Тиридата / Ну, пускай уже идет Тиридат (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 272.

3 Странно! / Ах, я трепещу! Странно! (*А, ЦР*)

4–5 Но чего же ∾ придет!.. / Что же такое моя привычка [1] изображать чувства? О, какая разница... как далеко от действительности... Но я боюсь испугать его... Нет кажется мое средство хорошо... он придет! (*А, ЦР*)

9 Что такое? ты с ума сошла! / Ты [2] с ума сошла! (*А, ЦР*)

17 Ему быть моим мужем? / *а.* Он? Полно ты! (*А*) *б.* Он? Поди ты! (*А, ЦР*)

22 (*взволнованная*) / (*сильно взволнованная*) (*А* ◊, *ЦР* ◊)

24 *После:* себя жизни? —

а. Хорошо, что он [3] не меня видел сегодня... хорошо, что та,[4] которую он обожает, о которой мечтает так высоко... это благодаря бога я... (*А*)

б. Лишь обо мне мечтала и тужила
Его душа, любовию <сгорая?>
А я шутя кумир его разбила,
А я души его не поняла!
Я в те часы как в нем кипело чувство,
Играла роль, несвойственную мне...
О, я кляну теперь мое искусство!
Зачем мой план удачен был вполне! [5] (*А*)

в. Лишь обо мне мечтала и грустила
Его душа, лишь мной она жила,
А я шутя кумир его разбила,
А я души его не поняла!
Я в те часы как в нем кипело чувство,
Играла роль, довольная вполне...
О, я кляну теперь мое искусство!
Зачем, зачем обман удался мне! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] А я так привыкла (*А*)
[2] Вы (*А*)
[3] Конечно, он (*А*)
[4] Да, та (*А*)
[5] *Начато:* Зачем обман мой (*А*)

26–27 а театр! ∾ примерять / *а.* Театр... час наступает, а еще надобно примерять (*А*) *б.* Театр... проходит время, а еще надобно примерять (*А*) *в.* Театр... пора ехать, а еще надобно примерять (*А* ◊, *ЦР* ◊)

28 я сама поговорю с ним / сейчас я буду с ним говорить (*А*, *ЦР*)

29 нужна теперь / нужна (*А*, *ЦР*)

30 Л у и з а. Как! / Л у и з а. Хорошо, маменька. Как (*А*)

35 Д ю р в а л ь и А д р и а н / Д ю р в а л ь, А д р и а н (*входят с левой стороны*) (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36 говорят тебе / говорю тебе (*А* ◊)

37 о твоей трагедии / о твоем Тиридате (*А*)

37–38 я ведь знаю всё ∾ конфузиться / Ведь я знаю всё... экой скрытной... Да слушай же, что я тебе говорю, я не буду сердиться... увидишь... ну садитесь же (*А* ◊, *ЦР* ◊)

С. 273.

1 *После:* сюда идти — *начато:* меня ужас здесь (*А*)

8 твоя трагедия... диво! / твоя трагедия... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

13 *Перед:* (*В сторону.*) — *начато:* И ты вдр<уг> (*А*)

27–28 Право? ∾ обратиться / Точно, братец, точно. Трагедия твоя готова — пусть же будет — что будет! Очень хорошо... видно всякий молодой человек должен написать трагедию... это в моде... Но сын мой, теперь, когда твоя лира, как ты говоришь, разбилась вдребезги... что остается [1] делать тебе, как не обратиться (*А* ◊, *ЦР* ◊)

36 твой брак / твоя женитьба (*А* ◊, *ЦР* ◊)

41 Что? что? / Гм! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

42 нет, сударь, я / нет, нет... я (*А*)

С. 274.

1 А! ты опять ∾ хорошо же, ты / Ну ты опять начал... опять принял тот же тон... Нет, я не буду более снисходителен... Ты (*А* ◊, *ЦР* ◊)

2–4 слушай же ∾ в Бордо... / силой родительской власти я тебе приказываю — все глупые идеи вы-

---

[1] осталось (*А*)

кинуть из головы и принять мои... вместе с местом в карете, которая отправится в Ман (*А* ◊, *ЦР* ◊)

6 Вы хотите / Так вы меня хотите (*А*)

17 (*делает* / (*делая* (*А* ◊)

18 Остановитесь! / Остановитеся! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

22–25 Я волю царскую ∾ всегда со мной... /

а. Престаньте слезы лить [1]
И гласу моему внимайте молчаливо —
Я от царицы весть последнюю несу,
Великой нам всегда, и в доле несчастливой,
Которая сложив с высокого чела
Корону царскую, покинув бремя власти,
Кумиром всех сердец по-прежнему была
И будет им вовек, в несчастии и в счастьи (*А*)

б. Что плакать и грустить!
Отрите слезы с глаз. Внимайте молчаливо!
Я волю царскую пришла вам объявить...
Венец слагаю [2] я, но в доле несчастливой
Сердцами властвовать по-прежнему хочу...
Та власть всегда со мной... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

30 я скрывала от вас / я сухо объяснилась с вами (*А*, *ЦР*)

31 роль так хороша, так поэтически обрисована / *а.* роль, написанная так хорошо, так поэтически обрисованная, внушила мне какой-то непонятный восторг... (*А*) *б.* роль так хороша, так поэтически обрисованна внушила мне какой-то непонятный восторг (*ЦР* ◊)

31–32 Я поняла, я разгадала душу / Я поняла идею, поняла душу (*А*, *ЦР*)

32 я обдумывала / *а.* Я изучала (*А*) *б.* Я училась (*А*, *ЦР*)

33 для выражения чувств / для изображения несчастной (*А*, *ЦР*)

34 отечество / страну (*А*, *ЦР*)

37–38 соперницы ее / с ее женихом (*А*)

38 с своим любезным / с своим героем (*А*, *ЦР*)

С. 275.

4 Кто, я? / Как я? (*А* ◊, *ЦР* ◊)

---

[1] *а.* Умерьте скорбь свою *б.* Отрите с глаз слезу (*А*)

[2] сложила (*А*)

5 проклинать его / его проклинать (*А, ЦР*)
12 следуешь / следишь (*А* ◊)
13 мне приказывает / мне предсказывает (*А* ◊)
14 *После:* к моему Тиверию.—
Последуй же словам жестокого отца
Далеко от меня, на ратном поле чести
Летай, на острый штык нанизывай сердца... [1]
Мечтай не обо мне, о славе и о мести!.. (*А*)
15–18 Ах! ∾ и удаляюсь... /
а. Но тщетно я скрывать стараюсь грусть мою,
Хоть,[2] слабость победив, тебя я отпускаю,
Но сердцу тяжело... невольно слезы лью...
Я всё тебя люблю... люблю... но оставляю (*А*)
б. Как в окончательном тексте, но с вариантом последней строки:
Я всё тебя люблю... люблю, но удаляюсь... (*А* ◊, *ЦР* ◊)
18 *После:* Я всё ∾ и удаляюсь...—
а. (*Указывая на Дюрваля*)
Отец твой римлянин... Как гордо пренебрег
Рукой царицы он, о славе лишь мечтая...[3]
Что ж в пленнице найти достойного он мог,
В его глазах я женщина простая...
Не видит он блестящего венца,
Что [4] на главе моей всегда сияет,
Который чтут в подлунной все сердца
И только Римлянин один лишь презирает! (*А*)
б. (*Указывая на Дюрваля.*)
Отец твой римлянин... надменно пренебрег
Он царственной рукой, о славе лишь мечтая...
Что ж в пленнице найти достойного он мог,
В его глазах я женщина простая...
Не видит он венца блестящего на мне,
Который красотой торжественной сияет,[5]
Который все так чтут в юдольной стороне
И только Римлянин один лишь презирает (*А*)

---

[1] *а. Начато:* Сражайся (*А*) *б.* [Летай,] [Рази,] [Губи,] Летай, достоин будь названья храбреца... (*А*) *в.* Мечтай на острый штык нанизывать сердца (*ЦР* ◊)
[2] *Начато:* И (*А*)
[3] Он для тебя рукой <царицы> гордой (*А*)
[4] Который (*А*)
[5] Который так блестит, торжественно сияет (*А*)

23–26 А ты, счастливая ∾ не умею? /
Но ты, ты юная соперница моя,
Ужель ты думаешь — я сердца не имею,
Что не могу любить и горько плакать я
И умереть от горя не умею? (*А*)

26 *После:* И умереть ∾ не умею? —
Нет, если разлучат нас в этом мире люди,
Нет, если ты его отнимешь у меня...
Разлуки не снести... Жизнь вылетит из груди,[1]
И вместе мы умрем, судьбу свою кляня! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

31 (*Дюмениль.*) / (*г-же Дюмениль.*) (*А* ◊)

33–37 А ты ∾ во взоре /
А ты бесчувственно глядишь на наши слезы,
Но будет страшный час... когда твой бедный сын
В печальном трауре, с отчаяньем во взоре (*А*, *ЦР*)

С. 276.

1–4 Увы, уж гроб ∾ тебя! /
Увы, увы! он пал под бременем мученья [2]
Он рано отжил век, страдая и любя,
Ты будешь проклинать былые заблужденья
И совесть назовет убийцею тебя! (*А*)

5 Что ты / Что, что ты (*А* ◊, *ЦР* ◊)

9 ужасное мгновенье / такой несчастный случай (*А*)

12 напрасны все моленья / пред бурей неминучей (*А*, *ЦР*)

14 Но ты ∾ на земли! / Но ты молчишь? Нет счастья на земли! (*А* ◊, *ЦР* ◊)

20–21 уж в третий раз / в третий раз (*А* ◊, *ЦР* ◊)

23–24 крепился, крепился ∾ тронут... / Что ж мне глотать что ли слезы (*А* ◊, *ЦР* ◊)

27 эти звуки, звуки / эти звуки, эти звуки (*А*)

30 я!.. И на коленях / я... я [3] на коленях (*А* ◊, *ЦР* ◊)

33 Ты должен ∾ потому / Живи... о,[4] потому живи, что я тебя люблю! (*А*)

36 из опасности / от опасности (*А*)

---

[1] *Начато:* Душа в тот страшный час покинет наше тело (*А*)
[2] страданья (*А*)
[3] *Далее начато:* ожи<даю> (*А*)
[4] *Далее начато:* для (*А*)

С. 277.

2 потерянный тобою / *а.* утраченный (*А*) *б.* в борьбе потерянный (*А*)

4 Возьми... / возьми его... (*А*)

15 ведь это событие / несчастный (*А* ◊)

19 большие способности / раннюю спелость (*А, ЦР*)

22 на свою родину / на морской берег (*А, ЦР*)

25 увенчаю успехом / приготовлю успех (*А, ЦР*)

31 любит! / любит! О, счастие... (*А* ◊, *ЦР* ◊)

32 (*Бросается* ∾ *на колени.*) /

Д ю м е н и л ь (*к публике*).
Без последнего куплета
Водевиль не может быть —
Переводчик наш совета
Хочет в том у вас просить,
Чем ему теперь заняться? —
Вновь писать, переводить
Иль от сцены отказаться
И бумаги не губить? [1] (*А* ◊, *ЦР* ◊)

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

(С. 278)

Варианты авторизованной рукописи (АР) ГЦТМ

С. 278.

6 С т у к а т у / С т у к а т у, ментор Анатоля ◊

7 Ж е р о м / Ж е р о м, товарищ Анатоля ◊

9–11 Графиня ∾ несколько пансионерок /
Г р а ф и н я А г н е с а П о л ь, пансионерка.
А г а т а, пансионерка.
Еще несколько пансионерок без речей. ◊

14–17 Театр ∾ клетка / Театр представляет сад, обнесенный высокою стеною; прямо против зрителей калитка, ведущая на улицу; вдали виден замок; направо, ближе к зрителям, между разными украшениями и принадлежностями сада стоит огромная клетка ◊

---

[1] *Далее:* Конец (*ЦР* ◊)

С. 279.

7–8 чего же бы / *а. Как в окончательном тексте б.* чего бы ◊

24 на нашем дереве / *а.* на наше дерево... *б.* у нас на дереве ◊

33 Может, он приедет сегодня же / *а.* Может приедет сегодня же *б.* Может быть он придет еще сегодня ◊

34 выпить сегодня лишний / выпить лишний ◊

36 небывалые / *а.* необыкновенные *б. Как в окончательном тексте в.* странные ◊

С. 280.

2 могу похвастать / *а. Как в окончательном тексте б.* могу и похвастать ◊

9 к приезду маркиза / к приезду графа ◊

9–10 *в среднюю дверь* / *а. Как в окончательном тексте б. в калитку* ◊

27 Да, отчего? / Отчего? ◊

37–38 будем и мы обниматься / будем и мы с тобой обниматься ◊

С. 281.

19–30 Тут что-нибудь да скрывается. ∾ отлички? / *а. Как в окончательном тексте б.* Тут что-нибудь да скрывается. ◊

37 дедушку Стукату / дедушку ◊

С. 282.

2 может быть, узнали бы / *а. Как в окончательном тексте б.* может быть все узнали бы ◊

7 Ну так просто дал... / Ну так просто... дал... ◊

10–11 Просто нас, кажется, обманывают. / *а.* просто он, кажется, обманывает. *б.* просто он нас, кажется обманывает. ◊

13–15 Те же ∾ Стукату). / Те же и несколько пансионерок с шумом вбегают в калитку, которую забыл запереть Стукату ◊

33 (*изумленный*) / (*изумленный, тихо Жерому*) ◊

С. 283.

5 Анатоль. Должно быть / Анатоль (*ему*). Должно быть ◊

5 *После:* какие-нибудь птицы...—

Жером. Особенной... породы... большие...

Анатоль. Молчи, молчи, Жером, не улетели бы ◊

9 Жером. Да они говорят / Жером (*Анатолю*). Да они говорят ◊

10 *После:* что впереди...—
Жером. Да нет, та лучше...
Анатоль. Молчи! ◊

17 хозяин замка / *а.* барин замка *б.* господин замка ◊

20 мадам Гро-Гро / Madame Гро-Гро

21 Мадам Гро-Гро / Madame Гро-Гро ◊

26–27 Маменьки? ∾ и маменьки? / Маменька? разве у вас есть маменька?

34 У меня вот нет маменьки... / *а.* У меня нет маменьки *б.* Вот у меня нет маменьки ◊

С. 284.

15–31 учителя и слуги ∾ поверили потом. / учителя и слуги. ◊

35 *в разных местах сада* / *в разных местах*

38–39 поблагодарить вас / вас поблагодарить ◊

С. 285.

5 (*Склоняется* / (*Кланяется* ◊

9 Ах, как хорошо! как хорошо! / Ах как это хорошо! ◊

12–13 (*Ему на ухо.*) ∾ *за Агатою.*) / *а. Как в окончательном тексте б.* (*Шепчет ему на ухо и уходит с Агатой.*) ◊

19 мне обнять вас / мне объяснить

С. 285—286.

24–1 Я люблю вас. ∾ Я люблю вас!.. / Я люблю вас!◊

С. 286.

7 беда!.. беда!.. / Бегите, бегите! ◊

9 Анатоль. Что нам делать? / Агнеса. Что нам делать? ◊

14 высадили своих / высадили

18 и маркиз / и маркиз Дортеваль ◊

26 мой сын / мой друг ◊

С. 287.

5 Подите покуда, гуляйте, друзья мои / Подите, друзья мои, погуляйте в саду ◊

11–13 согласитесь сами ∾ ваш сын / можно ли прыгать невиннее их... в каждом шагу их высказыва-

ется совершенная чистота души и непорочность [1] сердца ◊

14 Хорошо. Но главное-то / Благодарю, благодарю вас: вы оказали мне истинно дружескую услугу; но главное ◊

17 *После:* о женщинах...— С гордостию могу сказать, что ни ваш сын, ни Жером, которого вы дали товарищем его уединения, никогда не видали женщин даже... даже в щель или через замочную скважину...

М а р к и з. О, если б так... ◊

19 чтоб / чтобы ◊

20–21 дочь старинного моего друга / дочь моего друга ◊

22 если план нашего воспитания... / и следовательно влюбится. ◊

С. 287—288.

23–20 О, помилуйте ∾ своею честию... / Точно так, господин маркиз.

М а р к и з. Но любезнейший друг, это еще не всё, что было нами [2] предположено; вы верно помните, что он не только не должен был видеть женщин, но даже получить об этом какое-нибудь понятие, малейшую идею... Это главное...

С т у к а т у (*с важностию*). Эдуард-Фридрих Стукату, член разных академий, бывший профессор словесных наук и философии осмеливается уверить вас в этом... Он решительно не имеет понятия о женщинах, хотя нужно признаться, это мне много стоило... Молодые люди, у которых такие прекрасные способности, как у вашего сына, часто слишком догадливы. Притом эти исторические женщины... без них не полна история, а с ними она противоречила бы плану воспитания вашего сына.[3] Несмотря на все таковые рассуждения смею уверить, что сын ваш чист и непорочен как горлица никогда [4] не видал женщины и не имеет о них никакого понятия...

М а р к и з. Благодарю, благодарю вас...

---

[1] невинность

[2] вами

[3] развратила бы вашего сына

[4] и никогда

Явление VIII

Те же, Жером и Анатоль проходят.

Маркиз. Поди сюда сын мой... Я тобой очень доволен и тобой, Жером.

Анатоль. Мне очень приятно, папенька... Ах да! Дедушка Стукату сказывал нам, что наша жизнь должна скоро перемениться. Правда ли? [1]

Маркиз. Точно так, мой друг... И если всё то правда, что я сам замечаю и что мне говорил ваш почтенный наставник...

Стукату. Уверяю вас, что в моих словах не было [2] нисколько лжи... Сын ваш воспитан совершенно согласно с вашими желаниями. ◊

С. 288.

20 время пребывания здесь сын ваш / время своего пребывания здесь он ◊

23 сам садил / *а. Как в окончательном тексте б.* садил ◊

24 он сам работал / он любил сам работать ◊

24–26 Согласитесь ∾ о женщинах... / *а.* Всё это, как изволите видеть, вещи, занятия, которые не могут подать понятия о женщинах... *б.* Всё это, как изволите видеть, вещи, которые не могут подать идеи о известном предмете ◊

27 хорошо исполнил свое поручение / исполнил свое поручение ни со стыдом для себя ◊

28 о, надобно / (*в сторону*) Гм! Нужно ◊

29 от взора / от взоров ◊

30–32 Маркиз. Благодарю ∾ для чего? / Маркиз. Сто раз благодарю... какие прекрасные клетка! (*подходит к клетке*) А это что такое? ◊

33–36 Так-с ∾ Прекрасная коллекция! / Так-с, невинные товарищи Анатоля в его уединении... попугаи... он их очень любит... и я не мог ему отказать... прекрасная коллекция! ◊

36–37 (*Он отдергивает* / (*Отдергивает* ◊

---

[1] *а.* Не правда ли? *б.* Правда ли это?

[2] *Далее начато:* ни одной

39–40 *с вопрошающим взором* / *с вопрошающим взглядом* ◊

41 Маркиз. Что / Маркиз (*с сердцем*). Что ◊

С. 289.

1–3 Я... я, право ∾ превращений... / Я... я сам не знаю... право никого не было, ах... ◊

5 Ах, какой он страшный! / Ах! ◊

6 (*подходя к ней*) / (*подбегает к ней*) ◊

8–9 Нам так хорошо было в клетке... а здесь... убежим / Как нам наскучило сидеть в клетке... Ах! ◊

11–28 Маркиз. Так вот ∾ Несчастный! / Маркиз (*отводя сына от Агнессы*) Оставь ее. ◊

С. 289—290.

33–2 проклятая малага ∾ мадам Гро-Гро / Вот плод моих стараний... пропала моя седая головушка.

Жером. Чего вы так перепугались дедушка Стукату?

Маркиз. Объяснитесь!

Стукату (*подбегая к калитке*). А! господи... Она не заперта... проклятая малага! первый раз в жизни забыл запереть... дверь... простите, господин маркиз ◊

2 мадам Гро-Гро / madame Гро-Гро с гувернантками ◊

3 Нет ли их здесь?.. А! Наконец я нашла... / А они здесь, наконец мы нашли наших беглянок! ◊

С. 290.

6 уж поздно / уже поздно ◊

7 Объяснитесь! / Объяснитесь, пожалуйста ◊

8 Гро-Гро. Представьте себе, сударь /

Стукату. Просите у них объяснения. Я с ума сошел!

Гро-Гро. В пансион, в пансион, сударыни! Представьте себе... ◊

10 мои пансионерки ушли и пропали / убежали из пансиона ◊

11 насилу нашла / насилу нашли ◊

14 Пойдемте в класс / Пожалуйте, пожалуйте ◊

16–17 не велите уходить Агнесе, / велите не уходить мамзель Агнессе... ◊

16 *После:* Я умру...—
Жером. И я умру, если уйдет Агата... ◊

20–22 графа Поля ∾ платит деньги... / графа Шарля Поля, который живет в нашем округе... ◊

23 Маркиз. Дочь графа Поля! / Маркиз (*с радостию*). Шарля Поля ◊

26 Анатоль. Боже мой! Как я счастлив! /
Я очень рад, что так случилось... нужно только увидеться с ее графом, чтоб кончить дело (*Агнессе*) Вы вероятно согласны?
Агнесса. Да...
Анатоль. О как я счастлив! ◊

28 за тебя / об тебе ◊

С. 290—291.

29–9 Маркиз. И я! ∾ со сцены улететь. /
Маркиз. И я!
Стукату. Слава богу, как гора с плеч свалилась! ◊

КОЛЬЦО МАРКИЗЫ, ИЛИ НОЧЬ В ХЛОПОТАХ

(С. 351)

Варианты авторизованной рукописи (АР) ЛГТБ

С. 352.

4 Делаю, что нужно... и не прошу / *а.* Подрезываю, что нужно и никого не прошу *б.* Делаю, что нужно... и никого не прошу ◊

18–25 Маркиза не поедет ∾ Добрый вечер! /
Барыня не поедет туда. Она никогда не ездит на бал без маркиза. А ведь маркиз в Париже.
Пикар. Правда... однако... я думал, что она поедет с виконтом.
Мариетта. О! Маркиза ни с кем не ездит на балы кроме мужа.[1]
Пикар. Стало быть, во мне надобности не будет, я могу [2] поужинать и лечь спать?

---

[1] кроме маркиза
[2] Стало быть, я могу

Маp и е т т а. Да.
П и к а р. Слава богу! Добрый вечер.

30 *После:* прелестный... и — *начато:* сшит

36–39 Эти продолжительные ∾ не учит. / эти длинные прогулки, взоры, полуслова... О! я эти вещи чрезвычайно хорошо понимаю... хоть никто меня не учил!

С. 353.

37 *После:* О! — *начато:* ничто

С. 354.

42 готовлю тебе / готовлю для тебя

С. 355.

1–2 Мне? ∾ от восхищения! / Мне?.. ты?.. Галстух! О, я задохнусь от восхищенья! Сердце так и забилось (*кладет руку на сердце*).

18–19 тратите ваши убеждения. / вы напрасно хлопочете...

С. 356.

27–34 Нам узы ∾ то же подтвердит! /
Зачем друг другу нам не верить?
Когда б любовь погасла в нас,—
О, мы не стали б лицемерить!
Мы объяснились бы тотчас:
— Я не люблю уж вас, маркиза! —
«Я ненавижу вас, маркиз!»
И дружелюбно разошлись,
И тем, что любо, занялись.
Но узы брака нам не скучны...
Маркиз внимателен и мил,
Когда мы были неразлучны,
Мне о любви лишь говорил.
Теперь, ручаюсь, по приезде
На деле то же подтвердит!

С. 357.

11 (*в сторону*). Он меня обманывает? / Что? (*В сторону.*) Неужели он меня обманывает? О!..

31 (*продолжая читать*). «...де Люси / (*продолжает читать*). «Де Люси

35–36 (*Движение ревности*) / (*Движение досады.*)

38 кузина. / бедная кузина...

42 (*Звонит.*) / (*Она звонит.*) ◊

С. 360.

30 (*Руже*) / (*к Руже*)

С. 361.

1–8 Нет, нет! ∾ буду! /
Нет! нет! я дома остаюсь!
Для мести срок еще так длинен!..
Что если мстить сейчас примусь,
А муж окажется невинен?
Как назовут поступок мой?..
Я от стыда сгорю в минуту...
Тогда не он передо мной,
Я перед ним преступна буду

26 ласкает меня / она ласкает

26 получше надуть / получше провести меня

С. 362.

6 *После:* быть одна.— *а.* до завтра. (*Она уходит.*) *б. начато:* оставь м<еня>.

С. 363.

7–10 Скажите ∾ сходна? /
Скажите, неужели
Я так мила, стройна,
Что очень в самом деле
С маркизою сходна?..

С. 364.

3–4 *Перед:* насмешливый — *начато:* с

С. 365.

7 В м е с т е. / А л ь ф р е д и М а р и е т т а. ◊

10–11 Всякий ∾ считал! /
Быть на нем теперь наверно
Всяк за счастье бы считал!

18 (*Говорит.*) / (*говоря.*) ◊

С. 366.

12 мне нужно / теперь мне нужно

14 *является Руже* / *Руже является* ◊

32–34 Ты бы ∾ стеречь жену / Ты бы поберег свои силы на будущее время:[1] тебе надоест еще стеречь его

38–39 ты найдешь себе невесту / *а.* ты когда-нибудь женишься *б.* ты найдешь невесту

---

[1] *Далее начато:* еще

С. 367.

33–34 Принеси чего-нибудь... / Принеси чего-нибудь сюда

С. 369.

17 так он... / И он...

27 Как бы разъяснить дело? / Как бы мне разъяснить дело

27–28 неужели ∾ молния! / *а. Начато:* тысяча *б.* гром и молния!

41 Любовь жена моя свою! / Любовь преступную свою!..

С. 371.

16–17 Ты бы ∾ силой. / Нужно было призвать кого-нибудь и силой вывести его отсюда

21 *После:* на мне... — *начато:* прито<м>

21–22 Такой ревнивец! Я стала / Я сама стала

22–23 и вдруг услышала голос Руже и ваш / и услышала ваш и Руже голос

С. 372.

9 *После:* усталости — *начато:* и я, так как ты уж

16 *После:* что я — *начато: а.* скучала *б.* уми<рала>

С. 373.

17–18 так для ∾ маску? / не для тебя ли приготовлено домино? не ты ли хотела надеть маску?

29 *После:* уйти... — *начато:* вас

С. 374.

24 *После:* Обман!.. — *начато:* Если б я делала какое

32 *После:* письмо — *начато:* в котором

34 Но зачем же Альфред спрятался / Если б это была правда, то вероятно Альфред не стал бы прятаться

С. 375.

13 и я в вашем присутствии потребую / и в вашем присутствии я потребую

С. 376.

3 сколько упреков посыпалось бы на вас / если б он узнал, что я там... Сколько упреков посыпалось бы на вас

5 Уверяю вас, что я была / Вас уверя<ю>, что я была очень спокойна ◊

39 Литься кровь здесь не должна! / Кровь здесь литься не должна...

С. 377.

27 Ба! / Уф!..

ВОЛШЕБНОЕ КОКОРИКУ, ИЛИ БАБУШКИНА КУРОЧКА

(С. 487)

Варианты ранней рукописной редакции (РР) ЛГТБ

С. 487.

1–9 Волшебное ∾ И. Ш-ъ. / Волшебное кокарику, или Бабушкина курочка ◊

С. 487—488.

10–1 Действие первое ∾ Явление 1 /
Действие 1-е
Явление 1-е ◊

С. 488.

19 восьми лет / 2 лет ◊

19–20 у меня не было доброй / *Начато:* у меня доброй ◊

С. 489.

5 пролетит — и ты / пролетит, а ты ◊

8 если отвечать / если бы отвечать ◊

С. 490.

27–28 одно скучно — мне / одно скучно мне,— ◊

29 окна в поле / окно в поле ◊

С. 491.

5 Иль, может / Или может ◊

16–17 *и отворяет дверь.*) / *и отворяет.*) ◊

18–19 *и несколько раз оборачивается*) / *и оборачивается*) ◊

20–31 Бабушка трясет ∾ Здравствуйте /
(*почти вталкивает в дверь Клару и запирает*).
Бабушка (*идет к двери*). Кто бы это был? Кто там?
Кукарику (*с письмом*). *Говорит за средней дверью, перемен<ив> голос.* Это я, дядя Реми, письмо к вам принес...

Б а б у ш к а. А! милости просим!.. Клара правду сказала, он верно мне пишет об[1] нашей проклятой тяжбе... (*Отворяет дверь.*) Милости просим!.. (*Отворяет дверь.*) Милости просим!..

Я в л е н и е 2-е

Б а б у ш к а и К у к а р и к у (*быстро вбегая*).

К у к а р и к у. Здравствуйте ◊

С. 492.

4 переломил ногу / переломил себе ногу ◊
11 увидеть Клару / увидать Клару ◊

С. 493.

8 с петушком / с петухом ◊
15 разбирает / разберет ◊
19 *и как ни в чем не бывало* / *и* ◊
39 Сейчас надевала / Сейчас надевали ◊

С. 494.

1 (*стараясь прочитать*). Нет!.. / Нет!.. ◊
3 *надел очки* / *надев очки* ◊
13–14 моя милостивая / милостивая ◊
18 А нотариус-то / А! нотариус ◊
28 тяжеле / тяжелее ◊

С. 495.

25 *дверь Клары.*) / *дверь к Кларе.*) ◊
29 (всё спрятавшись) / (спрятанный) ◊
30 (*вбегая, осматривает*) / (*вбегает осматривая*) ◊

С. 496.

1 Ах! Клара! / Эх, Клара! ◊
3 простудился. А / простудился, а ◊
35 и хлеб, плоды / хлеб, плоды ◊

С. 497.

2 а я между тем / а между тем ◊
6–7 Клара идет ∾ за бабушку. Б а б у ш к а. Клара! / *Клара входит* (*бабушка ее останавливает, Кукареку прячется за бабушку*). Б а б у ш к а. Клара ◊
16 спокойна!.. и могу уехать / спокойна, и могу ехать ◊

---

[1] *Далее начато:* этой

С. 498.

20 Клара провожает. / (*Уходит. Клара, проводив ее, запирает дверь.*) ◊

22 (*одна, запирает дверь*) / (*одна*) ◊

24–25 Беляночка / Белянка ◊

27–28 Узнала, что бабушки нет, и улетела... что ж / что ж ◊

34 цып! цып-цып! / цып! цып! цып! цып! ◊

С. 499.

1 *Слов:* Музыка ∾ оригинальная.— *нет* ◊

18–20 Музыка ∾ *курочка уходит.*) / (*Как будто хочет ее поймать, но курочка уходит.*) ◊

25–26 (*Бросая* ∾ повторял бы / (*Бросает перед собой зерны; оркестр тихо повторяет* ◊

С. 500.

1–20 Действие второе ∾ вход в трактир. /
Действие 2-е
Картина 2-я. Волшебник ◊

С. 501.

16 Лявенет, Колибри. / Лявенет и Колибри ◊

24 я приказывал это... / я приказывал... что... ◊

С. 502.

19 Клара (*за кулисами слева, зовет*). / Клара (*за кулисами; зовет с левой стороны*). ◊

21 под sourdine / под сурдиной ◊

31 и вы / а вы ◊

С. 503.

6–7 и всё ближе подходит к той кулисе / *и подходит к той кулисе, где Клара* ◊

16 Ух! какие / У! Какие ◊

21 и прямо сталкивается / *и сталкивается* ◊

38 Лявенет (*выходя из кулис, к ней*). /
Лявенет входит.
Лявенет.

С. 504.

4 красота — родная / красотка — родная ◊

10 Да! что ж / Да что ж ◊

25–26 (*Быстро* ∾ *на сцену.*) / (*Убегает.*)
Толпа крестьян выходит из балагана, в которую скрывается Клара. ◊

28 Те же, крестьяне выходят из балагана. / Те же и крестьяне. ◊

34 (Крестьяне входят в трактир налево) / Крестьяне уходят в трактир, сцена пуста, только в глубине несколько человек убирают товары. ◊

С. 505.

6–7 (*Уходя налево.*) ∾ Бутондора!.. / Был в огне и в воде!.. кто не знает сержанта Бутондора!.. (*уходит налево*)

На сцене никого нет. Темнеет. ◊

12–13 чтоб Белянка / что Белянка ◊

15–16 Входит Кокорику ∾ под балконом. / Входит Кокорику и становится под балконом, у него корзина, в которой сидит курочка. ◊

21–23 Клара и Кокорику ∾ Кокорику (*ставит корзину у дверей овина*). В одной /

Клара и Кокорику

Кокорику подходит, будто не замечая Клары, и ставит корзину у дверей овина.

Кокорику. В одной ◊

27 *слушает с осторожностью*) / *слушает. В сторону говорит*) ◊

С. 506.

10 (*так же*) / (*в сторону*) ◊

25 Клара (*про себя*). / Клара. ◊

С. 508.

10 не посмотря / не смотря ◊

30 ровно целая миля / целая миля ◊

39–40 (*Слева выходит Бутондор.*) / (*Бутондор входит слева.*) ◊

41 спокойны / покойны ◊

С. 509.

23–24 Если и после / Если после ◊

С. 510.

3–4 (*Подает* ∾ *галлопада.*) / (*Подает ему руку.*)

Вдали слышна музыка галлопада ◊

5 Кокорику (*берет*). / Кокорику. ◊

7 (*вырывает руку*). Нет / Нет ◊

9 не нужна Белянка / не нужно Белянки ◊

10 *После:* не отдам.—

Из трактира несколько пар пробегает через сцену в галлопаде. ◊

16 (*тихо подает руку. В сторону*) / (*в сторону*) ◊

18–19 Через сцену пробегают несколько пар, танцуя галлопад; <Кокорику и Клара> начинают / Начинают ◊

22 Кокорику (*на музыку танцев*). / Кокорику. ◊

32 Вместе. / Кокорику и Клара вместе. ◊

С. 510—511.

37–5 Скрываются и вместе с другими ∾ Кокорику. Ну, видите ли / Кокорику. Ну, видите ли ◊

С. 511.

8–9 ля! ля! ля! / ла-ла-ла-ла! ◊

31 Кокорику (*открывая корзину*). / Кокорику. ◊

32–33 (*Открыв* ∾ *корзину.*) / (*Открыв корзину.*) ◊

С. 512.

4–6 (*Входит* ∾ *Лявенет уходит.*) / (*берет корзину; входит в калитку.*)

Бутондор выходит из овина с курочкой и знаком зовет Лявенета, передает ему курочку; Лявенет, взяв ее уходит. ◊

31 должна делать / должна сделать ◊

С. 514.

1–22 Действие третье ∾ ночь. / Действие 3-е ◊

С. 515.

13–19 в это же время с левой стороны Кокорику / Бутондор переодевается. Кокорику с левой стороны в это самое время ◊

23 *в шею*) / *в спину*) ◊

26 я ровно ничего / я ничего ◊

28 меня сталкивают / меня стаскивают ◊

30 Не токмо / не только ◊

33 такая щедрость / такая щедрота ◊

С. 516.

3 Оркестр ∾ марш. / Кукарику переодевается в платье писаря. ◊

5–6 На сцену ∾ и / 2 полевых сторожа с факелами ◊

7–8 *Слов:* Сторожа ∾ в балюстрад.— *нет* ◊

21 Бутондор / Те же, Бутондор ◊

22–24 сторож с ∾ умолкает / за ним Кокарику в платье писаря, садится по правую сторону Бутондора ◊

28–30 Сторож ∾ посередине. / 2 сторожа с палками, которые у дверей стояли, уходят и сию минуту возвращаются и вводят Клару, Лявенета и Колибри. Клара становится посередине, а Лавенет и Колибри садятся на скамью. Между пейзанами шум. ◊

С. 517.

12 (*Ей.*) / (*Обращаясь к Кларе.*) ◊

13 (*перебивая его, также на ухо*) / (*также на ухо*) ◊

16 (*Ей.*) / (*Кларе.*) ◊

26 Я, увидевши / Увидевши ◊

26 стала / я стала ◊

32 уже не было / уж не было ◊

С. 518.

2 (*Ей.*) / (*Кларе.*) ◊

8 *подымает его*) / *подымает Лявенета*) ◊

16 дожидается / и дожидается ◊

С. 519.

13–14 (*Идет* ∾ *стола.*) / Сторожа отворяют двери и все уходят.◊

22–23 Клара и Кокорику. Кокорику ∾ зало. / Клара и Кокорику, когда все уходят, осматривает залу. ◊

С. 520.

1 (*говоря своим* / (*своим* ◊

18–19 (*Снимая парик, очки и мантию.*) / (*Снимает парик, мантию и очки.*) ◊

19–20 дайте ручку / дайте руку ◊

21 (*за кулисами*) / (*за кулисами кричит*) ◊

23 (*бросив в угол платье и парик*) / (*бросая парик и мантию*) ◊

28 *его юбкой.*) / *его собой.*) ◊

31–32 У Бутондора ∾ два сторожа и / Бутондор входит со свечой. За ним двое сторожей ◊

33 *После:* курица.— Стол ставят. ◊

36 *уходят. Он следует за ними до дверей.)* / *уходят.)* ◊
39 (*ему*). Да / Да ◊
40 (*слыша ее слова*) / (*слушая*) ◊

С. 521.

4 (*живо*). У него / У него очень ◊
13 не быть заметным / не быть замеченным ◊
17 *Слов:* Кокорику опять скрывается.— *нет* ◊
19 *ее за юбку*) / *Клару*) ◊
40–41 не хочу / не могу ◊

С. 522.

1 придут на / прибегут на ◊
3 *также встает* / *встает* ◊
11 (*задув свечу, в сторону*) / (*задувает свечу*) ◊
13 Совершенная темнота. / (*Ночь на рампе. Совершенно темно.*) ◊
17 Ну что ж? / Что ж! ◊
27 О, черт / Ах! черт ◊
33 миленькая / мягкинькая ◊
34 (*Целует ее.*) / (*Целует руку Кокарику.*) ◊
35 (*тихо Кларе*) / (*Кларе*) ◊
38 с Кларой переходя / переходя с Кларой ◊

С. 523.

18–28 Б у т о н д о р. О, сколько наслажденья ∾ она уходила. / (*Кокорику дает знать Кларе, чтоб она уходила.*)

С. 524.

8 *толчок убегая*) / *толчок*) ◊
9–10 *навстречу ему вбегают сторожа* / *Сторожа вбегают навстречу Кокарику* ◊
10–11 *его за руку.*) / *его.*) ◊
13 *Слов:* На сцене светло.— *нет* ◊
29 свяжите их / свяжем их ◊
29 посадите в / посадим в ◊
30 (*Приступают вязать.*) / (*Начинают вязать.*) ◊
31 Б у т о н д о р (*не даваясь*). / Б у т о н д о р.

С. 525.

10 Эх, где вы?.. / Где вы? ◊

С. 526.

1–17 Действие четвертое ∾ На сцене ночь. / Действие 4-е ◊

20 Куда это я / Куда я это ◊
21 не могла / никак не могла ◊

С. 527.
2–4 Клара ∾ на чердак. / Клара спящая и Кокарику (*влезает в среднее окно на сцену*). ◊
8 (*Осматривается.*) / (*Осматриваясь.*) ◊
10 бедная Кларочка / бедненькая Кларочка ◊
19 (*вскрикивает*) / (*вскакивает*) ◊
20 *на колена*) / *на колени*) ◊
22–23 (*также* ∾ *руки*) / (*тоже на коленях, сложив руки*) ◊

С. 528.
1 (*плачет*). О, как рано!.. / О Кокарику! ◊
14 *Слов:* и дождик меня не остановит — *нет* ◊
15–17 (*Идет* ∾ *назад.*) / (*Идет к лестнице, чтоб сойти вниз.*) Молния видна в окно. (*Клара отскакивает назад.*) ◊
21 (*трясется от страха*) / (*в страхе*) ◊
23 (*Вдали слышен гром, Клара* / *Гром слышен вдали.* (*Клара* ◊
26 оттого / и оттого ◊
35 Молния. / Гром и молния сильнее. ◊
36 (*быстро подбегает* / (*подбегая* ◊
36 *направо и* / *направо* ◊

С. 529.
4–5 не смеюсь, а / не смеюсь над вами, я ◊
19 А я сяду / я сяду ◊

С. 529—530.
25–10 Кокорику. Не испугайтеся ∾ Гром. / Гром сильный. ◊

С. 530.
16 (*в ужасном* / (*в сильном* ◊

С. 530—531.
30–16 Как дружно ∾ Клара от страху / Стало быть, во всяком случае, вы не одна будете страдать, а со мною вместе...
Молния и сильный гром (*Клара от страха* ◊

С. 531.
25–26 экой злодей / экой злой ◊

27–28 лучше этого / гораздо лучше этого ◊
37 Буря утихает / Буря утихла ◊

С. 532.
6 являюсь / явимся ◊
9–22 Я сейчас! ∾ Кокорику уходит в / (*Кокорику, уходя в* ◊
25 Клара, потом Бутондор. / Клара одна. ◊
28 О, Беляночка / О! Белянка ◊

С. 533.
1–2 красен от вина / красен ◊
8 поймают. / поймаю... ◊
9 Где б / Уж где б ◊
17 Наконец!.. я / наконец я ◊
28 (*бежит к* / (*идет к* ◊
30 Сержант / Сержант Бутондор ◊

С. 534.
1 (*схватив* / (*схватя* ◊
4 (*отталкивает его и* / (*отталкивая его* ◊
16 (*отпихивая его*) / (*отталкивая его*) ◊
24 Ну где ж / Ну где ◊
27 Берегись, господин сержант, назад! / Берегись!.. Сержант! назад!.. ◊
28 *махая саблей*) / *размахивая саблей*) ◊
30–31 *за шею Бутондора* / *Бутондора за шею* ◊

С. 535.
3 (*убегая.*) Благодарю вас, Кокорику! / Благодарю вас, Кокорику (*убегает.*) ◊
5 говорят тебе!.. / говорят тебе, мне душно! ◊
7–8 *Слов:* (*укрепляя* ∾ *за Кларой*) — *нет* ◊

С. 536.
1–17 Действие пятое ∾ трость. /

Действие 5-е

Явление 1-е

Бабушка, Клара, Кокорику (*сидит в креслах закрытый мантильей*) (*Клара стоит на коленях, а бабушка перед ней с поднятой тростью*) ◊

26 как звали! Неблагодарные!.. / как звали! ◊

С. 537.

1–2 *эти слова* / *это* ◊
3–4 похудела / исхудала ◊
32 хор... / хоро... ◊
37 Бабушка. / Бабушка (*в испуге*).

С. 538.

6–9 (*поддерживая ее*). ∾ *к креслу.*) / (*поддерживая*). Вы лучше сядьте, отдохните. (*Ведет ее к креслам.*) ◊
13–14 *на кресло* / *на креслы* ◊
15–16 Кокорику сбрасывает ∾ Кокорику?! /
Кокорику (*сбрасывая мантилью, которой был закрыт*). Кокорику!
Клара. Кокорику!.. ◊
17 Нет!.. Привиденье!.. / Нет, привиденье! ◊
25 пришел сюда / пришел ◊

С. 539.

33–34 мне прикажешь его / мне его прикажете ◊

С. 540.

2 влюблен в / влюблен до страсти в ◊
7–8 Клара. Как! вы? ∾ Как! Ты?.. / Клара и бабушка. Как — вы — ты? ◊
11–15 Мне хотелось ∾ прости / Простите ◊
29 Бабушка. Уж / Бабушка (*ей*). Уж ◊
34 Этот самый / Но для меня этот-то самый ◊
40 а лучше / а вы лучше ◊

С. 541.

3 (*вскрикивая* / (*вскрикивает* ◊
16 (*с радостью*) / (*в радости*) ◊
20 в корзинке / в корзине ◊
21 этакое / экое ◊
26 Прошу покорно!.. (*Сажает нотариуса.*) / (*сажает нотариуса*). Прошу покорно! ◊
29 (*кланяясь* / (*кланяется* ◊

КОММЕНТАРИИ

Н. А. Некрасов никогда не включал свои драматические произведения в собрания сочинений. Мало того, они в большинстве случаев вообще не печатались при его жизни. Из шестнадцати законченных пьес лишь семь были опубликованы самим автором; прочие остались в рукописях или списках и увидели свет преимущественно только в советское время.

Как известно, Некрасов очень сурово относился к своему раннему творчеству, о чем свидетельствуют его автобиографические записи. Но если о прозе и рецензиях Некрасов все же вспоминал, то о драматургии в его автобиографических записках нет ни строки: очевидно, он не считал ее достойной даже упоминания. Однако нельзя недооценивать значения драматургии Некрасова в эволюции его творчества.

В 1841—1843 гг. Некрасов активно выступает как театральный рецензент (см.: наст. изд., т. XI).

Уже в первых статьях и рецензиях достаточно отчетливо проявились симпатии и антипатии молодого автора. Он высмеивает, например (и чем дальше, тем все последовательнее и резче), реакционное охранительное направление в драматургии, литераторов булгаринского лагеря и — в особенности — самого Ф. В. Булгарина. Постоянный иронический тон театральных рецензий и обзоров Некрасова вполне объясним. Репертуарный уровень русской сцены 1840-х гг. в целом был низким. Редкие постановки «Горя от ума» и «Ревизора» не меняли положения. Основное место на сцене занимал пустой развлекательный водевиль, вызывавший резко критические отзывы еще у Гоголя и Белинского. Некрасов не отрицал водевиля как жанра. Он сам, высмеивая ремесленные поделки, в эти же годы выступал как водевилист, предпринимая попытки изменить до известной степени жанр, создать новый водевиль, который соединял бы традиционную легкость, остроумные куплеты, забавный запутанный сюжет с более острым общественно-социальным содержанием.

Первым значительным драматургическим произведением Некрасова было «Утро в редакции. Водевильные сцены из журнальной жизни» (1841). Эта пьеса решительно отличается от его так называемых «детских водевилей». Тема высокого назначения печати, общественного долга журналиста поставлена здесь прямо и открыто. В отличие от дидактики первых пьесок для детей

«Утро в редакции» содержит живую картину рабочего дня редактора периодического издания. Здесь нет ни запутанной интриги, ни переодеваний, считавшихся обязательными признаками водевиля; зато созданы колоритные образы разнообразных посетителей редакции. Трудно сказать, желал ли Некрасов видеть это свое произведение на сцене. Во всяком случае, это была его первая опубликованная пьеса, которой он, несомненно, придавал определенное значение.

Через несколько месяцев на сцене был успешно поставлен водевиль «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь», являющийся переделкой драматизированной повести В. Т. Нарежного «Невеста под замком». В том же 1841 г. на сцене появился и оригинальный водевиль «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке». Критика реакционной журналистики, литературы и драматургии, начавшаяся в «Утре в редакции», продолжалась и в новом водевиле. Появившийся спустя несколько месяцев на сцене некрасовский водевиль «Актер» в отличие от «Феоклиста Онуфрича Боба...» имел шумный театральный успех. Хотя и здесь была использована типично водевильная ситуация, связанная с переодеванием, но она позволила Некрасову воплотить в условной водевильной форме дорогую для него мысль о высоком призвании актера, о назначении искусства. Показательно, что комизм положений сочетается здесь с комизмом характеров: образы персонажей, в которых перевоплощается по ходу действия актер Стружкин, очень выразительны и обнаруживают в молодом драматурге хорошее знание не только сценических требований, но и самой жизни.

В определенной степени к «Актеру» примыкает переводной водевиль Некрасова «Вот что значит влюбиться в актрису!», в котором также звучит тема высокого назначения искусства.

Столь же плодотворным для деятельности Некрасова-драматурга был и следующий — 1842 — год. Некрасов продолжает работу над переводами водевилей («Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах», «Волшебное Кокорику, или Бабушкина курочка»). Однако в это время жанровый и тематический диапазон драматургии Некрасова заметно расширяется. Так, в соавторстве с П. И. Григорьевым и П. С. Федоровым он перекладывает для сцены роман Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Похождения Петра Степанова сына Столбикова».

После ряда водевилей, написанных Некрасовым в 1841—1842 гг., он впервые обращается к популярному в то время жанру мелодрамы, характерными чертами которого были занимательность интриги, патетика, четкое деление героев на «положитель-

ных» и «отрицательных», обязательное в конце торжество добродетели и посрамление порока.

Характерно, что во французской мелодраме «Божья милость», которая в переделке Некрасова получила название «Материнское благословение, или Бедность и честь», его привлекали прежде всего демократические тенденции. Он не стремился переложить французский оригинал «на русские нравы». Но, рассказывая о французской жизни, Некрасов сознательно усилил антифеодальную направленность мелодрамы.

К середине 1840-х гг. Некрасов все реже и реже создает драматические произведения. Назревает решительный перелом в его творчестве. Так, на протяжении 1843 г. Некрасов к драматургии не обращался, а в 1844 г. написал всего лишь один оригинальный водевиль («Петербургский ростовщик»), оказавшийся очень важным явлением в его драматургическом творчестве. Используя опыт, накопленный в предыдущие годы («Утро в редакции», «Актер»), Некрасов создает пьесу, которую необходимо поставить в прямую связь с произведениями формирующейся в то время «натуральной школы».

Любовная интрига здесь отодвинута на второй план. По существу, тут мало что осталось от традиционного водевиля, хотя определенные жанровые признаки сохраняются. «Петербургский ростовщик» является до известной степени уже комедией характеров; композиция здесь строится по принципу обозрения.

«Петербургский ростовщик» знаменовал определенный перелом не только в драматургии, но и во всем творчестве Некрасова, который в это время уже сблизился с Белинским и стал одним из организаторов «натуральной школы». Чрезвычайно показательно, что первоначально Некрасов намеревался опубликовать «Петербургского ростовщика» в сборнике «Физиология Петербурга», видя в нем, следовательно, произведение, характерное для новой школы в русской литературе 40-х годов XIX в., которая ориентировалась прежде всего на гоголевские традиции. Правда, в конечном счете водевиль в «Физиологию Петербурга» не попал, очевидно, потому, что не соответствовал бы все же общему контексту сборника в силу специфичности жанра.

Новый этап в творчестве Некрасова, начавшийся с середины 40-х гг. XIX в., нашел отражение прежде всего в его поэзии. Но реалистические тенденции, которые начинают господствовать в его стихах, проявились и в комедии «Осенняя скука» (1848). Эта пьеса была логическим завершением того нового направления в драматургии Некрасова, которое уже было намечено в «Петербургском ростовщике».

Одноактная комедия «Осенняя скука» оказалась в полном смысле новаторским произведением, предвещавшим творческие поиски русской драматургии второй половины XIX в. Вполне вероятно, что Некрасов учитывал в данном случае опыт Тургенева (в частности, его пьесу «Безденежье. Сцены из петербургской жизни молодого дворянина», опубликованную в 1846 г.). Неоднократно отмечалось, что «Осенняя скука» предвосхищала некоторые особенности драматургии Чехова (естественное течение жизни, психологизм, новый характер ремарок, мастерское использование реалистических деталей и т. д.).

Многие идеи, темы и образы, впервые появившиеся в драматургии Некрасова, были развиты в его последующем художественном творчестве. Так, в самой первой и во многом еще незрелой пьесе «Юность Ломоносова», которую автор назвал «драматической фантазией в стихах», содержится мысль («На свете не без добрых, знать...»), послужившая основой известного стихотворения «Школьник» (1856). Много места театральным впечатлениям уделено в незаконченной повести «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», романе «Мертвое озеро», сатире «Балет».

Водевильные куплеты, замечательным мастером которых был Некрасов, помогли ему совершенствовать поэтическую технику, способствуя выработке оригинальных стихотворных форм; в особенности это ощущается в целом ряде его позднейших сатирических произведений, и прежде всего в крупнейшей сатирической поэме «Современники».

Уже в ранний период своего творчества Некрасов овладевал искусством драматического повествования, что отразилось впоследствии в таких его значительных поэмах, как «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо» (драматические конфликты, мастерство диалога и т. д.).

В прямой связи с драматургией Некрасова находятся «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота"» (см.: наст. изд. т. III), где особенно проявился творческий опыт, накопленный им в процессе работы над драматическими произведениями.

* *
*

В отличие от предыдущего Полного собрания сочинений и писем Некрасова (двенадцатитомного) в настоящем издании среди драматических произведений не публикуется незаконченная пьеса «Как убить вечер».

Редакция этого издания специально предупреждала: «„Медвежья охота" и „Забракованные" по существу не являются драматическими произведениями: первое — диалоги на общественно-политические темы; второе — сатира, пародирующая жанр высокой трагедии. Оба произведения напечатаны среди стихотворений Некрасова...» (ПСС, т. IV, с. 629).

Что касается «Медвежьей охоты», то решение это было совершенно правильным. Но очевидно, что незаконченное произведение «Как убить вечер» должно печататься в том же самом томе, где опубликована «Медвежья охота». Разрывать их нет никаких оснований, учитывая теснейшую связь, существующую между ними (см.: наст. изд., т. III). Однако пьесу «Забракованные» надо печатать среди драматических произведений Некрасова, что и сделано в настоящем томе. То обстоятельство, что в «Забракованных» есть элементы пародии на жанр высокой трагедии, не может служить основанием для выведения этой пьесы за пределы драматургического творчества Некрасова.

Не может быть принято предложение А. М. Гаркави о включении в раздел «Коллективное» пьесы «Звонарь», опубликованной в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (1841, № 9) за подписью «Ф. Неведомский» (псевдоним Ф. М. Руднева).[1] Правда, 16 августа 1841 г. Некрасов писал Ф. А. Кони: «По совету Вашему, я, с помощию одного моего приятеля, переделал весьма плохой перевод этой драмы». Но далее в этом же письме Некрасов сообщал, что просит актера Толченова, которому передал пьесу «Звонарь» для бенефиса, «переделку <...> уничтожить...». Нет доказательств, что перевод драмы «Звонарь», опубликованный в «Пантеоне»,— тот самый, в переделке которого участвовал Некрасов. Поэтому в настоящее издание этот текст не вошел. Судьба же той переделки, о которой упоминает Некрасов в письме к Ф. А. Кони, пока неизвестна.

Предположение об участии Некрасова в создании водевиля «Потребность нового моста через Неву, или Расстроенный сговор», написанного к бенефису А. Е. Мартынова 16 января 1845 г., было высказано В. В. Успенским (Русский водевиль. Л.— М., 1969, с. 491). Дополнительных подтверждений эта атрибуция пока не получила.

В настоящем томе сначала печатаются оригинальные пьесы Некрасова, затем переводы и переделки. Кроме того, выделены пьесы, над которыми Некрасов работал в соавторстве с другими

[1] *Гаркави А. М.* Состояние и задачи некрасовской текстологии.— В кн.: Некр. сб., V, с. 156 (примеч. 36).

лицами («Коллективное»). Внутри каждого раздела тома материал располагается по хронологическому принципу.

В основу академического издания драматических произведений Некрасова положен первопечатный текст (если пьеса была опубликована) или цензурованная рукопись. Источниками текста были также черновые и беловые рукописи (автографы или авторизованные копии), в том случае, если они сохранились. Что касается цензурованных рукописей, то имеется в виду театральная цензура, находившаяся в ведении III Отделения. Цензурованные пьесы сохранялись в библиотеке императорских театров.

В предшествующих томах (см.: наст. изд., т. I, с. 461—462) было принято располагать варианты по отдельным рукописям (черновая, беловая, наборная и т. д.), т. е. в соответствии с основными этапами работы автора над текстом. К драматургии Некрасова этот принцип применим быть не может. Правка, которую он предпринимал (и варианты, возникающие как следствие этой правки), не соотносилась с разными видами или этапами работы (собирание материала, первоначальные наброски, планы, черновики и т. д.) и не была растянута во времени. Обычно эта правка осуществлялась очень быстро и была вызвана одними и теми же обстоятельствами — приспособлением к цензурным или театральным требованиям. Имела место, конечно, и стилистическая правка.

К какому моменту относится правка, не всегда можно установить. Обычно она производилась уже в беловой рукописи перед тем, как с нее снимали копию для цензуры; цензурные купюры и поправки переносились снова в беловую рукопись. Если же пьеса предназначалась для печати, делалась еще одна копия, так как экземпляр, подписанный театральным цензором, нельзя было отдавать в типографию. В этих копиях (как правило, они до нас не дошли) нередко возникали новые варианты, в результате чего печатный текст часто не адекватен рукописи, побывавшей в театральной цензуре. В свою очередь, печатный текст мог быть тем источником, по которому вносились поправки в беловой автограф или цензурованную рукопись, использовавшиеся для театральных постановок. Иными словами, на протяжении всей сценической жизни пьесы текст ее не оставался неизменным. При этом порою невозможно установить, шла ли правка от белового автографа к печатной редакции, или было обратное движение: новый вариант, появившийся в печатном тексте, переносился в беловую или цензурованную рукопись.

Беловой автограф (авторизованная рукопись) и цензурованная рукопись часто служили театральными экземплярами: их

многократно выдавали из театральной библиотеки разным режиссерам и актерам на протяжении десятилетий. Многочисленные поправки, купюры делались в беловом тексте неустановленными лицами карандашом и чернилами разных цветов. Таким образом, только параллельное сопоставление автографа с цензурованной рукописью и первопечатным текстом (при его наличии) дает возможность хотя бы приблизительно выявить смысл и движение авторской правки. Если давать сначала варианты автографа (в отрыве от других источников текста), то установить принадлежность сокращений или изменений, понять их характер и назначение невозможно. Поэтому в настоящем томе дается свод вариантов к каждой строке или эпизоду, так как только обращение ко всем сохранившимся источникам (и прежде всего к цензурованной рукописи) помогает выявить авторский характер правки.

В отличие от предыдущих томов в настоящем томе квадратные скобки, которые должны показывать, что слово, строка или эпизод вычеркнуты самим автором, не могут быть применены в качестве обязательной формы подачи вариантов. Установить принадлежность тех или иных купюр часто невозможно (они могли быть сделаны режиссерами, актерами, суфлерами и даже бутафорами). Но даже если текст правил сам Некрасов, он в основном осуществлял это не в момент создания данной рукописи, не в процессе работы над ней, а позже. И зачеркивания, если даже они принадлежали автору, не были результатом систематической работы Ннекрасова пад литературным текстом, а означали чаще всего приспособление к сценическим требованиям, быть может, являлись уступкой пожеланиям режиссера, актера и т. д.

Для того чтобы показать, что данный вариант в данной рукописи является окончательным, вводится особый значок — ◊. Ромбик сигнализирует, что последующей работы над указанной репликой или сценой у Некрасова не было.

Общая редакция шестого тома и вступительная заметка к комментариям принадлежат М. В. Теплинскому. Им же подготовлен текст мелодрамы «Материнское благословение, или Бедность и честь» и написаны комментарии к ней.

Текст, варианты и комментарии к оригинальным пьесам Некрасова подготовлены Л. М. Лотман, к переводным пьесам и пьесам, написанным Некрасовым в соавторстве,— К. К. Бухмейер, текст пьесы «Забракованные» и раздел «Наброски и планы» — Т. С. Царьковой.

1840

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

(С. 7)

Печатается по автографу (ЦР), с учетом исправлений, сделанных по корректуре Некрасова первым публикатором пьесы П. А. Картавовым.

Впервые опубликовано: Литературный архив. СПб., 1902, с. 24—42.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Цензурованная рукопись (ЦР; автограф Некрасова) — ГЦТМ, ф. 187, № 6 (через всю рукопись проведена разрешающая печатание пьесы подпись: «Цензор Евст<афий> Ольдекоп»). До начала 1950-х гг. в ГЦТМ хранилась подписанная Некрасовым корректура первых двенадцати страниц пьесы. Она обрывалась в начале второй сцены словами: «Не замечаю я ее теченья». В настоящее время утрачена.

«Юность Ломоносова» была, очевидно, написана в 1840 г., одновременно с детскими водевилями. Вместе с ними она была передана книгопродавцу В. П. Полякову с правом владения и, очевидно, публикации (Литературный архив. СПб., 1902, с. 21—22). По обоснованному предположению Т. С. Царьковой, «Юность Ломоносова» и детские водевили Некрасова предназначались для журнала «Магазин детского чтения», издававшегося В. П. Поляковым и А. П. Башуцким (см. об этом в диссертации Т. С. Царьковой «Становление поэтики Н. А. Некрасова» — ИРЛИ, Р. I, оп. 49, № 274). Автограф пьесы и корректура первой и начала второй ее сцен, вместе с рукописями детских водевилей Некрасова, были найдены в 1901 г. П. А. Картавовым среди купленных им у антиквара бумаг В. П. Полякова.

«Юность Ломоносова», так же как и детские водевили, очевидно, предназначалась для любительских спектаклей. Некрасов был в 1840 г. гувернером-учителем в пансионе Г. Ф. Бенецкого, готовившем молодых дворян к поступлению в военно-учебное заведение — Дворянский полк. Для мальчиков — учеников пансиона, возможно, и была написана пьеса. Жанр этого произведения первоначально определен Некрасовым как «Детская

драматическая фантазия». Обращаясь к популярному жанру драматической фантазии, Некрасов видоизменяет его. Он создает «маленькую фантазию», доступную восприятию детей и отвечающую их исполнительским возможностям. Известную смелость проявил Некрасов, сделав героем фантазии Ломоносова. Лирико-драматический жанр фантазии предполагал патетическое выражение чувств героя и автора, восторженное утверждение высокого принципа. В наиболее популярных драматических фантазиях Кукольника в качестве такого «высокого принципа» восхвалялось самодержавие. Некрасов кладет в основу своей маленькой фантазии, еще очень незрелой, совершенно иные идеи, чем в драматических фантазиях Кукольника. Он поэтизирует стремление простолюдина к знанию, рассматривает его преданность науке и искусству как подвиг. Некрасову был близок образ поэта, вынужденного без поддержки, собственными силами пробивать себе дорогу в жизни.

Не связывая себя точным воспроизведением обстоятельств жизни Ломоносова, которые, возможно, были ему известны лишь по самым популярным изложениям, Некрасов изобразил Ломоносова, покидающего родной дом не юношей, а мальчиком,[1] отца его представил бедным рыбаком, вместо мачехи изобразил родную мать Ломоносова, которой ко времени событий, изображенных в пьесе, уже не было в живых.

По-видимому, самое представление о драматической фантазии как свободном лирико-драматическом жанре давало молодому писателю уверенность в своем праве на вымысел.

Изображение деревни в пьесе навеяно личными воспоминаниями Некрасова. Неплодородные земли, оскудение рыбы (жалуясь на это оскудение, старик у Некрасова перечисляет и названия речной рыбы: щука, карась), проезжающие и проходящие по дороге крестьяне, которые стремятся в Питер,— все эти реалии более напоминают Ярославскую губернию, чем Холмогоры.

С. 19. *Читал псалтырь и сказку о Бове...*— Псалтырь — собрание псалмов, религиозных библейских песен и гимнов. Псалтырь зачастую служила первой книгой, которую читали дети, обучавшиеся грамоте. Сказка о Бове-королевиче, широко распространенная в русском фольклоре и многократно выходившая в лубочных изданиях, принадлежала к числу наиболее популярных у народного читателя произведений. Белинский писал о народных книгах — «Бове» и «Еруслане Лазаревиче»: «На Руси не одна одаренная богатою фантазиею натура <...> начала с этих сказок свое литературное образование» (Белинский, т. IX, с. 501).

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

(С. 21)

Печатается по автографу (ЦР).

Впервые опубликовано: отрывки — *Евгеньев В.* Николай Алексеевич Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914, с. 96—98; полностью — ТН, с. 41—56.

---

[1] Возможно, что сдвиг в возрасте Ломоносова в фантазии Некрасова объясняется тем, что пьеса рассчитана на детей.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Цензурованная рукопись (ЦР; автограф Некрасова) — ГЦТМ, ф. 187, № 2. На титульном листе под заглавием водевиля псевдоним автора: «Н. Перепельский»; на первой странице после заглавия: «Соч. Николая Перепельского» (зачеркнуто); в конце последней страницы подпись: «Н. Перепельский». Через всю рукопись проведена подпись цензора Е. Ольдекопа, разрешающая печатание пьесы. В автографе есть небольшие авторские исправления, наиболее существенные в куплетах (см.: Другие редакции и варианты, с. 553—554) и цензорские вычеркивания: «всякого немчуры бояться», «какой-нибудь колбасник, а мы, дворяне, должны его слушать», «который говорит нечисто по-русски». Реальные, но грубые слова дворянских мальчиков об учителе Шпринке, изъятые цензором, могли помимо цензуры показаться неуместными в случае исполнения пьесы детьми.

Пьеса, очевидно, была написана в 1840 г.

Некрасов, видимо, собирался печатать детские водевили (см. выше, с. 652). В них сказывается установка на дидактическое воспитательное воздействие. Автор порицает такие пороки дворянских детей, как чванство, лень, упрямство, недоброжелательное отношение к учителям и товарищам.

При всей наивности этого произведения в водевиле «Великодушный поступок» выражены гуманные педагогические взгляды автора. Строгому воспитанию, основанному на жестокой системе наказаний, противопоставляются доброта и положительный пример как средство влияния на ребенка.

С. 21. *Посвящается десятилетнему мальчику Владимиру Федоровичу Фермору.*— В. Фермор — младший брат Николая Федоровича Фермора. В семье офицера Петербургского инженерного училища Н. Ф. Фермора Некрасов нашел дружеское участие и готовность оказать помощь. Н. Фермор распространял книгу Некрасова «Мечты и звуки» среди кадетов инженерного училища. Д. В. Григорович, обучавшийся в этом заведении, получив от Н. Фермора сборник стихотворений, заинтересовался их автором и через посредство племянника Фермора кадета Тамамшева познакомился с Некрасовым (см.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания.— В кн.: Григорович, т. XII, с. 234; *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.— Л., 1947, с. 192—193).

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ

(С. 34)

Печатается по автографу (ЦР).

Впервые опубликовано: отдельные куплеты — *Евгеньев В.* Николай Алексеевич Некрасов. Сб. статей и материалов. М., 1914, с. 94—95; полностью: ТН, с. 59—79.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Цензурованная рукопись (ЦР; автограф Некрасова) — ГЦТМ,

ф. 187, № 5. На обложке проставленная рукою автора дата: «1840». Первоначальное заглавие «Влюбленный Феденька» зачеркнуто и заменено на «Федя и Володя». Очевидно, одновременно с этим изменением Некрасов в списке действующих лиц, где герой именуется Вольдемар, приписал сбоку: «Вместо Вольдемар везде должно печатать Володя». Эта надпись, так же как и факт представления рукописи в цензуру, подтверждает намерение Некрасова опубликовать пьесу. Рекомендовал В. П. Полякову напечатать пьесу, очевидно, Ф. А. Кони (см. сделанную им на обложке рукописи надпись: «Печатать и печатать. Федор Кони», которая была вычеркнута рукой цензора, как неуместная на официальном цензорском экземпляре рукописи). Через всю рукопись проведена подпись цензора Е. Ольдекопа, разрешающая печатание пьесы. На обложке рукописи надпись рукою Некрасова: «Передаю право в вечное и потомственное владение книгопродавцу В<ладимиру> Петрову Полякову. Н. Некрасов». Чужим почерком, очевидно, уже после передачи рукописи Полякову приписано: «Соч. М. М.».

Датируется 1840 г. в соответствии с авторской пометой. Водевиль «Федя и Володя», так же как и «Великодушный поступок», написан в ту пору, когда Некрасов был учителем в пансионе Г. Ф. Бенецкого. Оба водевиля рассчитаны на возможное исполнение детьми и проникнуты нравоучительной тенденцией. В отличие от водевиля «Великодушный поступок» «Федя и Володя» изображает не школьную, а домашнюю жизнь дворянских мальчиков, и здесь Некрасов пытается в форме, пригодной для пьесы, исполняемой в детском спектакле, показать интимные переживания мальчиков, детскую любовь и ревность.

1841

УТРО В РЕДАКЦИИ

(С. 52)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: ЛГ, 1841, 4 и 6 февр., № 15 и 16, без подписи.

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Автограф не найден.

Водевиль написан в 1841 г. В нем изображен Ф. А. Кони (журналист Семячко) и сам автор (молодой литератор Пельский — ср. псевдоним Некрасова Перепельский). Из пьесы «Утро в редакции» мы узнаем о том, в каких условиях находился Некрасов в начале его писательского пути, какими литературными занятиями зарабатывал на жизнь. Монологи журналиста Семячко дают читателю возможность судить о зарождавшихся уже в это время в сознании молодого Некрасова обширных планах издательской и журналистской деятельности. В водевиле нашли свое отражение дружеские отношения Некрасова и редактора «Литературной газеты» и «Пантеона» Ф. А. Кони, а также особое

положение, которое занимал Некрасов как сотрудник изданий Кони в редакции его журнала. В пьесе ощутимо известное влияние творчества Кони. В ней действуют некоторые персонажи его «Петербургских квартир» (о развитии Некрасовым мотивов водевиля Кони см. ниже, с. 688—689). Само изображение квартиры журналиста не могло не напомнить акт IV «Петербургских квартир», имевший название «Квартира журналиста на Козьем болоте». Высокие нравственные принципы журналиста Семячко противопоставлены продажности хозяина квартиры на Козьем болоте Абдула Задарина (сатирическое изображение Фаддея Булгарина).

В своем отзыве на эту пьесу Кони Белинский отметил, что ее содержание выходит за пределы обычных водевильных сюжетов (Белинский, т. IV, с. 401). Некрасов еще более решительно, чем Кони, отходит от схем, сюжетных коллизий и типов, традиционных для жанра водевиля, и приближается к разработке сцен в стиле физиологического очерка. Именно поэтому он определял жанр своей пьесы как «водевильные сцены», предполагая написать целый цикл «сцен из журнальной жизни». «Литературная газета» сообщала, что подобные «Утру в редакции» сцены «будут по временам продолжаемы» (ЛГ, 1841, 6 февр., № 16).

Основная коллизия «Утра в редакции» — трагикомические страдания перегруженного работой человека, у которого отнимают время обыватели, изнывающие от безделья,— повторится в «Актере» Некрасова. Можно заметить сходство первого монолога Семячко и «выходного» куплета Стружкина в «Актере» (см.: Другие редакции и варианты, с. 561—562).

Эта коллизия, далекая от водевильных штампов, была почерпнута Некрасовым из личного опыта и из наблюдений над жизнью литераторов (таких, как Кони). Последний куплет «Утра в редакции», подводящий итог содержанию пьесы, решительно нарушал традицию заключительного куплета водевиля — в нем нет обращения к публике с просьбой о снисхождении к автору и актерам.

Обилие пародий в «Утре в редакции» предвосхищает водевиль «Феоклист Онуфрич Боб» — произведение, насыщенное элементами пародии, и более поздние стихотворные пародии Некрасова, а куплеты Семячко о тяготах жизни журналиста являются первым, еще слабым прообразом «Газетной» и цикла «Песни о свободном слове».

На сцене пьеса не ставилась.

С. 54. *Как скучны эти господа* ∾ *нас не двое.*— Куплет является перепевом эпиграммы К. Н. Батюшкова «Всегдашний гость, мучитель мой», вошедшей в его книгу «Опыты в стихах и прозе» (1817) и представляющей собой перевод эпиграммы французского поэта Э. Лебрена (1729—1807) «O, la maudite compagnie» («О, проклятая компания» (см.: *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 305 и 563). О переработке эпиграммы Батюшкова в куплете Некрасова см. в статье: *Маллер Л. М.* Об отрывке из водевиля Н. А. Некрасова «Утро в редакции».— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982, № 2, т. 41, с. 160—162.

С. 55. *Умилительно-нравственная сцена, совершенно в роде Катса или Бильдердейка.*— Якоб Катс (1577—1660), Виллем Бильдердейк (1756—1831) — голландские поэты. В «Сыне отечества» за

1838 г. (№ 12, отд. VI, с. 93—94) было напечатано сообщение о том, что П. А. Корсаков, окончивший «Очерк голландской литературы», готовит монографии с разбором произведений Катса и Бильдердейка. Белинский в статье «Литературные новости» (Моск. наблюдатель, 1839, ч. I, № 2, отд. VII) пересказал это известие, отметив, что публика ждет «с нетерпением выхода этих сочинений, которые должны будут познакомить нас с литературою, мало или совсем неизвестною на Руси» (Белинский, т. III, с. 96). Некрасову были, очевидно, известны «Очерк голландской литературы» Корсакова (1838) и его монография «Иаков Катс — поэт, мыслитель и муж совета» (1839). Переводы Корсакова точно передавали содержание произведений голландских авторов. В феврале 1840 г. Ф. А. Кони, по просьбе Некрасова, рекомендовал его Корсакову как «молодого, талантливого поэта» в качестве возможного сотрудника «Маяка». Реакционное направление «Маяка», определявшееся позицией соредактора Корсакова Бурачка, в то время еще не выявилось. Возможно, что Некрасов выполнял для Корсакова некоторые технические работы в течение недолгого времени (ЛН, т. 51—52, с. 319—320). Ироническое упоминание о Катсе и Бильдердейке в «Утре в редакции» косвенно свидетельствует о том, что ко времени написания этой пьесы Некрасов уже не поддерживал связи с Корсаковым и его журналом.

С. 56. *«Саконтала»* («Сакунтала») — драма индийского писателя Калидасы (IV—V в. н. э.), классическое произведение санскритской литературы. В 1840 г. в «Пантеоне» (ч. III, № 7) был напечатан перевод статьи Г. Г. Вильсона «О драматическом искусстве индийцев», в которой дана характеристика «Сакунталы».

С. 65. *...à la Грибовников.* — Иван Иванович Грибовников — персонаж рассказа Некрасова «Без вести пропавший пиита» (1840), провинциальный поэт.

ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ, ИЛИ МУЖ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

(С. 72)

Печатается по ЦР.

Впервые опубликовано: куплет «Табак противен модным франтам ∾ Искоренится корень зла!» (явл. 1), в виде самостоятельного стихотворения, под заглавием: «Табак», с подписью: «В. Б—ой» — Пантеон русского и всех европейских театров, 1841, № 5, с. 85, где ст. 1, 15—16 несколько изменены Некрасовым, а ст. 2, 9, 20 искажены при печатании (см.: наст. изд., т. I, с. 364, 555, 673—674); куплет «Что это за история ∾ За то она в чести...» (явл. 7) с вариантом ст. 8 («Так и урод пригож!») и куплет «Нет, нет! Я точно истый Боб! ∾ И так же точно уши длинны!» (явл. 15) с вариантами ст. 5 («Лицом, как прежде, я красив») и ст. 7 («И так, как прежде, рот мой крив») — Репертуар русского театра, 1841, кн. V, отд. «Современная хроника русских театров», с. 25—26; полностью — ТН, с. 109—158.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР; писарская копия) — ЛГТБ, I, VI, 5, 8, № 4210. На обложке после за-

главия значится: «Соч. Н. А. Перепельского». Вверху заглавной страницы: «В бенефис г-ну Григорьеву 1-му. 2 [марта] мая», ниже: «№ 1201» и отдельно: «17 апреля. № 1456». Внизу страницы: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 26 апреля 1841 года. Цензор М. Гедеонов». Резолюция проведена через все листы рукописи, на последней странице повторная подпись М. Гедеонова.

Водевиль создавался Некрасовым весной 1841 г., в спешке, в очень короткий срок, о чем косвенно свидетельствует то обстоятельство, что на л. 22 об.— 23 (явл. 7, после реплики Боба: «Не хочу... ненавижу табак... они меня ужасно взбесили...» — см. выше, с. 84) и на л. 30—30 об. ЦР (явл. 8, после реплики Боба: «Ваши... ха-ха-ха!» — см. выше, с. 89) были оставлены свободные места для куплетов. Во втором случае после предполагаемого куплета должна была стоять реплика Боба, представляющая переход от куплета к диалогу: «Однако будем продолжать» (ЦР, л. 30 об.). Автор не успел написать куплеты, и при прохождении через цензуру незаполненные части листов были зачеркнуты знаком «Z».

Поспешность работы Некрасова над водевилем «Феоклист Онуфрич Боб» засвидетельствована в отзывах современников о пьесе. Критик «Отечественных записок» (1841, № 6, отд. «Театральная летопись», с. 120) упоминает о «поспешности в сочинении» водевиля. То же утверждает и рецензент «Литературной газеты», который был несомненно в курсе дел Некрасова — сотрудника этого органа, близкого к его редакции (см.: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. М.— Л., 1947, с. 234). По словам рецензента, «водевиль „Ф. О. Боб", как заметно, написан слишком наскоро» (ЛГ, 1841, 20 мая, № 54).

Некрасов и сам признавал, что спешил при работе над водевилем и что эта спешка вредно повлияла на его произведение. Вынужденный рецензировать спектакль, в котором исполнялась его пьеса, в «Летописи русского театра» журнала «Пантеон», Некрасов писал, что история Боба «была представлена публике слабо и неестественно» и что неуспех пьесы объясняется тем, что «публика не любит созданий, состряпанных кое-как на скорую руку» (Пантеон, 1841, № 3, с. 18). Об авторецензии Некрасова в «Пантеоне» см.: Некр. и театр, с. 108; *Успенский Вс.* Драматургия Некрасова.— В кн.: *Гин М., Успенский Вс.* Некрасов — драматург и театральный критик. Л.— М., 1958, с. 36.

Анонимная авторецензия Некрасова содержала и новую попытку «оживления» образа Боба. Отзыв о водевиле Перепельского в этой рецензии излагался частично от лица Боба, героя пьесы и предшествовавшей ей серии стихотворных фельетонов «Провинциальный подьячий в Петербурге», опубликованных Некрасовым в «Пантеоне» в 1840 г. (№ 2, с. 132, № 3, с. 105—106, № 7, с. 49—50). Признавая свою неудачу в разработке водевильного сюжета, Некрасов, таким образом, не только не отрекался от центрального героя, имя которого стояло в заглавии пьесы, но утверждал жизнеспособность этого образа. Некрасов придавал созданному им типу серьезное значение. Образ чиновника-«литератора», тупого и консервативного, занимал существенное место в творческих замыслах писателя начала 1840-х гг. Любопытно, что этот герой

в сознании его автора не был прикреплен к какому-либо одному, определенному произведению или даже литературному жанру. Некрасов стремился создать комический тип-маску, который стал бы нарицательным обозначением всем знакомого, емкого по своему социальному значению явления. Этот герой-тип мог появляться то в стихотворных фельетонах, представляющих собою как бы напечатанный в журнале разговорно-эстрадный монолог, то выходить на сцену в водевиле, то выражать свое мнение в пародийно-критических высказываниях.

Феоклист Боб «своими устами» «подтверждает» в статье Некрасова «реальность» своей личности, кочующей из произведения одного жанра в другое: «Мирно жил я в Пскове, изредка посвящая музам часы досуга. Вдруг меня взяли и вывели на потеху публики. Поверите ли, вывернули наизнанку мои семейные обстоятельства...» (ПСС, т. IX, с. 469).

И в «Провинциальном подьячем в Петербурге», и в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб» главным предметом осмеяния были взгляды и понятия провинциального подьячего, которые он агрессивно навязывает окружающим. Боб мнит себя известным литератором и спешит обо всех явлениях современного искусства — театра, литературы, живописи заявить свое мнение. А. В. Никитенко утверждал через пять лет после появления произведений Некрасова о провинциальном подьячем: «...все провинциальное сделалось обреченною жертвою нашей юмористики» (С. 1847, № I, с. 70).

Но несмотря на «провинциализм» этого героя, которого удивляет опасная «вольность» петербургского быта и искусства, образ Боба во многом родствен столичному типу чиновника, представитель которого в стихотворении Некрасова «Чиновник» осуждает писателя, посмевшего задеть его корпорацию (см.: наст. изд., т. I, с. 418). Боб ощущает себя защитником интересов своего сословия — чиновников. Комическое самодовольство героя водевиля, рассматривающего все, что касается его лично, вплоть до своего брака и возможного прибавления семейства, как события государственной важности, от которых «может быть польза отечеству» (явл. 7), его готовность проявить «бдительность», его реплики, вроде «судя по вашим усам, я вижу в вас человека неблагонамеренного» (явл. 10), выходят за грань водевильного комизма. Этот герой трактуется как выразитель охранительных идей, как воплощение ограниченности, «провинциальности» чиновничества. Такой метод обличения получил впоследствии распространение в литературе «натуральной школы». Черты, соответствующие облику Феоклиста Онуфрича Боба, можно усмотреть в иллюстрации Агина к стихотворению «Чиновник» в «Физиологии Петербурга».

Не только центральный образ водевиля «Феоклист Онуфрич Боб», но и сюжет произведения, несмотря на то что Некрасов в нем широко использовал общие места и привычные для публики водевильные ситуации, не типичен для рядовых водевилей. В его сюжете скорее обнаруживается зависимость от Гоголя, чем от непосредственных предшественников автора по водевильному творчеству. Главная коллизия, порождающая в водевиле Некрасова смешные положения, неожиданные qui pro quo, возникает вследствие сплетни, психоза недоверия и сыска, охватившего обывателей провинциального города, готовых принять участие в пре-

следовании и задержании любого «подозрительного» лица. Воинствующая охранительная подозрительность — социально-психологическая черта, присущая этой среде. Боб — носитель такой подозрительности — сам становится ее жертвой. Сюжет произведения, ситуация невольного самозванства героя роднят водевиль Некрасова с «Ревизором» и «Мертвыми душами» Гоголя.

Замысел Некрасова был чрезвычайно плодотворен. Многими своими чертами этот образ предвосхищает Козьму Пруткова А. К. Толстого и А. М. и В. М. Жемчужниковых. Можно предположить, что литературная «жизнь» Козьмы Пруткова не случайно началась на страницах журнала Некрасова «Современник». Во всяком случае, редактор журнала явно сочувствовал сатирической идее сотрудников, создававших этот образ.

В критическом отзыве Л. Л. (В. С. Межевича) на водевиль «Феоклист Онуфрич Боб» в фельетоне «Александринский театр» содержится намек на то, что водевиль Некрасова написан по заказу. «Горе ему, если он увлечется этим первым успехом <речь идет об успехе водевиля Некрасова «Шила в мешке не утаишь...»> и примет на себя роль заказного водевилиста... Мы пожалеем от души, если вы растратите свое молодое дарование на бенефисные водевили...»,— наставлял Некрасова критик (СП, 1841, 23 мая, № 111). Очевидно, водевиль был написан Некрасовым по просьбе бенефицианта П. И. Григорьева (Григорьев 1-й по сцене) — актера-водевилиста. С просьбой к Некрасову мог обратиться и Н. И. Куликов — водевилист, артист и с 1838 г. режиссер Александринского театра (подробнее о нем и его отношениях с Некрасовым см. ниже, с. 672—673).

Н. И. Куликов осуществил постановку «Феоклиста Онуфрича Боба». Очевидно, ему принадлежат режиссерские пометы, содержащиеся в ЦР,— указание на исполнителей и на предметы реквизита рядом со списком действующих лиц. Куликов же направил в цензуру рукопись водевиля, сопроводив ее соответствующим отношением за № 558, датированным 16 апреля 1841 г., и за своей подписью. 17 апреля 1841 г. рукопись была передана в III Отделение (ЦГИА, ф. 497, оп. 97/2121, № 8755, л. 26). Изложение содержания водевиля, составленное цензором М. Гедеоновым, гласит: «Полиция по ошибке преследует молодого человека. Сестра его упрашивает свою приятельницу принять его к себе и на несколько часов выдать за своего мужа. Приятельница согласна, но на эту пору настоящий муж приезжает. От этого происходят разные забавные сцены, составляющие главную часть пиэсы» (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, № 17, л. 33). Вверху рапорта цензора резолюция Дубельта: «Дозволяется. 25 апреля 1841 г.». Извещение о том, что пьеса одобрена III Отделением, также подписано Дубельтом (26 апреля 1841 г.) — ЦГИА, ф. 497, оп. 97/2121, № 8755, л. 37.

Н. И. Куликов составил и направил в Театральную контору монтировку-заявку на предметы, необходимые для постановки водевиля «Феоклист Онуфрич Боб», назначенного к представлению 2 мая 1841 г. в бенефис Григорьева 1-го (ЦГИА, ф. 497, оп. 2121, № 8786, л. 35—35 об.). Эта монтировка дает возможность представить себе оформление спектакля.

В протоколах III Отделения отмечены цензурные исключения, сделанные в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб». Так, исключены слова Боба: «Изрядный городок... очень хорош<...> Петербург-

ские квартиры смотрел... Булгарина видел» (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, № 46, л. 32; ср. выше, с. 82).

Первое представление состоялось 2 мая 1841 г. в бенефис Григорьева 1-го. Роли исполняли А. Е. Мартынов, О. В. Федорова, В. В. Прусаков, Е. И. Ширяева, Л. Л. Леонидов, Шелихова 2-я и др. Спектакль успеха не имел и был повторен единственный раз — 5 мая 1841 г. Критика разных направлений единодушно писала о неудаче молодого автора, и вместе с тем почти во всех отзывах отмечалось, что от него в дальнейшем ожидают литературных успехов и что куплеты в водевиле остроумны и обладают известными поэтическими достоинствами. Критик «Отечественных записок» (возможно, Белинский — ср.: Белинский, т. XIII, с. 96—97, 316—317) писал: «Пьеса пала, но в ней все-таки заметна способность автора» (ОЗ, 1841, № 6, отд. «Театральная летопись», с. 120). Ф. А. Кони в «Литературной газете» отмечал, что водевилю повредило то, что при постановке из него были изъяты некоторые куплеты: «В нем <...> есть несколько удачных куплетов, которые в представлении были выпущены...» (ЛГ, 1841, 20 мая, № 54). Критик «Северной пчелы» Межевич, говоря о карикатурности, утрированности героев водевиля Некрасова и о банальности многих ситуаций, утверждал, что «молодое дарование» автора «Боба» могло бы быть использовано «на что-нибудь получше и поважнее» водевильных мелочей (СП, 1841, 23 мая, № 111).

Крайне отрицательный отзыв «Репертуара» все же содержал признание достоинств двух «довольно забавных куплетов» водевиля, которые журнал тут же и перепечатал целиком (Репертуар русского театра, 1841, кн. V, с. 25—26). При этом критик ставил под сомнение оригинальность водевиля Некрасова, утверждая, что он как две капли воды похож на историческую пьесу французского писателя Дюваля «Эдуард в Шотландии» (1802). Сличение пьес показывает необоснованность этого утверждения критика. Сходство некоторых частных ситуаций пьес объясняется пародированием штампов драматических положений в водевиле Некрасова.

Элементы литературной пародии занимают важное место в «Бобе» Некрасова. Обилие в речах героя пародийных откликов на произведения разных жанров, на романтическую драму и мелодраму, на драматические фантазии и переделки Шиллера и Шекспира имеет целью связать определенный круг явлений литературы и искусства с охранительно-бюрократической идеологией, представить романтизм стилем, соответствующим архаическим вкусам. Некрасов пародирует не отдельные произведения и жанры, а целые направления искусства и выработанные ими стереотипы образов и сюжетов.

Используя приемы и традиционные ситуации водевиля, Некрасов обогащал их элементами народного фарса; карикатурность образов его героев-масок была сродни стилю произведений народного театра. Отсюда и характер фамилий героев Сыромолотный и Боб, вместе составляющих название сорта табака, и нарочито условные коллизии, например: неузнавание родственниками друг друга или сомнение самого героя в том, кто он, его опасения, не ошибается ли он сам в том, кем является (подобные абсурдные ситуации распространены в юмористических фольклорных произведениях). Известно, что Гоголь не боялся использовать

приемы народного фарса в комедии. Водевилисты же, юмор которых не отличался ни тонкостью, ни содержательностью, претендовали на салонность, на удовлетворение вкусов высшего общества и соблюдение правил «хорошего» тона.

Водевиль «Феоклист Онуфрич Боб» обнаруживает стремление автора учиться у Гоголя. Используя приемы народного комизма, Некрасов шел за Гоголем. И литераторы, подобные тем, которых Гоголь изобразил в «Театральном разъезде» (см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. V. Л., 1949, с. 140), писали о водевиле Некрасова в тех же выражениях, в которых они выступали против «Ревизора». «Этот растянутый донельзя водевиль, имея основу неправдоподобную и не заключая в ходе своем ничего благородно-комического, не понравился образованным посетителям театра»,— говорилось в «Репертуаре» (1841, кн. V, с. 25).

Элемент фарса, сказавшийся в самой фамилии героя «Боб», сходной с фамилией «Бобчинский» из «Ревизора», и в постоянной игре слов, основанной на этой фамилии, имел еще один, дополнительный смысл: Некрасов стремился создать карикатурно обобщенную маску чиновника-литератора и, очевидно, хотел, чтобы герой его воплощал не только языковой (пародийная речь), но и зрительный образ чиновника. Вероятно, он помышлял о возможности создания маски-грима исполнителя и карикатурного портрета героя (недаром в первом действии водевиля несколько раз говорится о портрете Боба, а затем о его отражении в зеркале).

Французский художник О. Домье в своих карикатурах использовал прием упрощения внешности прототипа как средство выявления и оценки свойств изображаемой личности (король Луи-Филипп — груша, маски-образы Робера Макэра и Бертрана, заимствованные из драматургии и ставшие героями серии сатирических рисунков). Вероятно, нечто подобное было задумано Некрасовым в образе чиновника Боба, обобщенный внешний облик которого подсказывался его фамилией.

С. 73. *И даже Фридрих, муж великий Табак в карман жилетный клал.*— Упоминание о прусском короле Фридрихе-Вильгельме (1712—1786) в куплетах, прославляющих табак и содержащих элемент пародии на оду (ст. 5—6 строфы 2 и ст. 1—2 строфы 3), могло восприниматься как намек на распространенное в списках и приписывавшееся перу И. Баркова пародийное стихотворение XVIII в.— «Молитва прусскому королю Фридериху-Вильгельму от подданных его за уничтожение табачного откупа» (см.: Поэты XVIII века, т. II. Л., 1972, с. 458—459, 545).

Среди безымянных стихотворных обличений табака, зафиксированных учеными — историками и фольклористами, имеется записанное в разных вариантах и, очевидно, достаточно широко распространенное стихотворение об адском происхождении табака и его греховности. В стихотворении этом речи защитников табака чередуются с опровержениями их аргументов (см.: *Рождественский Т. С.* Памятники старообрядческой поэзии.— Зап. Моск. археолог. ин-та, 1910, т. 6, с. 71—88, № 56). Аргументы в защиту табака, которые опровергаются в данном стихотворении, имеют

некоторое сходство с куплетами Сыромолотного в водевиле Некрасова. Следующие строки стихотворения (указ. соч., с. 75):

Американская сия чума
Лишила мир духовного ума...
В нем кроется магическая сила —

напоминают строки куплета Боба о столичном магазине:

Там всё творят магически... —

и о модной прорезиненной одежде:

Метода басурманская
На свете завелась:
Смола американская
Повсюду разлилась!

С. 81. *Лишь в Английский придешь...* — Речь идет об английском магазине (фирма Никольс и Плинке) в Петербурге на углу Невского проспекта и Большой Морской (ныне Невский пр., д. 16). Универсальный английский магазин торговал предметами роскоши самого высшего качества — от вин до одежды и драгоценностей. Боб купил в нем прорезиненное пальто («смола американская» — каучук).

С. 82. *Тальони* Мария (1804—1884) — знаменитая итальянская балерина, прима-балерина Большой Оперы в Париже, ежегодно гастролировала с большим успехом в Петербурге в 1837—1842 гг. См. также: наст. изд., т. I, с. 667.

С. 82. *Паста* Джудитта (1797—1865) — знаменитая артистка итальянской оперы (сопрано). В сезон 1840/1841 г. выступала в Петербурге на сцене Большого театра.

С. 82. *...огромных сфинок...* — Статуи гранитных сфинксов из Фив, установленные в 1834 г. на набережной Невы возле Академии художеств, в начале 1840-х гг. еще воспринимались как новая достопримечательность города, которой восхищался некрасовский «провинциальный подьячий» (см.: наст. изд., т. I, с. 287, 667—668). Надписи на пьедесталах сфинксов начинались словами: «Сии огромные сфинксы...». Эти слова, очевидно, и «цитирует» Боб. Ту же формулу («огромные сфинки») Боб повторяет в явл. 13. Ср. также упоминание ее в стихотворении «Провинциальный подьячий в Петербурге».

С. 82. *Петербургские квартиры смотрел... Булгарина видел.*— «Петербургские квартиры» — водевиль Ф. А. Кони (1840). В картине водевиля «Квартира журналиста на Козьем болоте» в лице продажного писаки Задарина изображен Ф. В. Булгарин. В ЦР водевиля «Феоклист Онуфрич Боб» слова «Булгарина видел» вычеркнуты цензором. Упоминание Булгарина могло быть оценено как выпад против личности, тем более что оно непосредственно следовало за упоминанием водевиля Кони и звучало двусмысленно (видел в жизни или в водевиле Кони?).

Постановка «Петербургских квартир» Кони была сенсацией сезона 1840/1841 г.: «...так недавно шумел „Синичкин" г. Ленского, так теперь шумят „Петербургские квартиры" г. Кони»,— писал В. Г. Белинский в конце 1840 г. (Белинский, т. IV, с. 324). При постановке водевиля на сцене картина «Квартира журна-

листа на Козьем болоте» была изъята по цензурным соображениям, но в публикацию в журнале «Пантеон» она вошла.

Фраза «Булгарина видел» могла также восприниматься как пародия на реплику Хлестакова: «С Пушкиным на равной ноге». Водевилист иронизирует над тем, что «великий человек» провинциальных подьячих — Булгарин считается «достопримечательностью» петербургской литературы после смерти Пушкина.

С. 82. *Ну а там какая-то машина* ∾ *в Петербург ужинать...* — Первая в России железная дорога, Царкосельская, была открыта в 1838 г. Она соединяла Петербург с Павловском.

С. 84. *Известно из логики Кизеветтера...* — Иоганн Готфрид Карл Христиан Кизеветтер (1766—1819) — немецкий философ, автор учебника логики, переведенного на русский язык: Логика для употребления в училищах. Соч. Кизеветтера. Перев. с нем. Яков Толмачев. СПб., 1831. Возможно, что Некрасов обращался к этому учебнику в связи со своей работой в 1840 г. в качестве репетитора в пансионе Г. Ф. Бенецкого.

С. 85. *...мой удел — страдание...* — скрытая цитата. Эти слова, варьируя их, несколько раз цитируют и поют герои водевилей Некрасова (см., например, водевиль «Петербургский ростовщик», явл. 7). Источник цитаты не установлен.

С. 85. *Я потерял свой портфель...* — Потеря, а затем находка портфеля, содержащего документы, которые разъясняют таинственные обстоятельства жизни или происхождения героя,— распространенный мотив мелодрам и водевилей. Так, например, в шедшей в 1840 г. в Александринском театре драме О. Арну и Н. Фурнье «Тайна» (перевод с французского П. И. Вальберха) третье действие носило название «Портфель». Рецензент «Отечественных записок» (предположительно Белинский) писал об этом действии: «Третий акт называется „Портфель", а почему именно — трудно и рассказать, благодаря запутанности и бестолковости действия» (Белинский, т. XIII, с. 80). Дальнейший пересказ содержания пьесы рецензентом дает представление о том, сколь большое значение имеет портфель в ее запутанных событиях. Пародийность эпизода потери и возвращения портфеля в водевиле Некрасова проявляется в том, что в портфеле Боба находятся никому не нужные бумаги.

С. 89. *...ваши стихотворения печатались в «Пантеоне русского и всех европейских театров»?* — В журнале «Пантеон» были напечатаны стихотворные фельетоны «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840, № 2, с. 132; № 3, с. 105—106; № 7, с. 49—50), с подписями: «Феоклист Боб» (№ 2, 3) и «Феоклист Онуфрич Боб» (№ 7) (см.: наст. изд., т. I, с. 282—291, 666).

С. 92. *Дни юности припомнил я теперь...* — Куплет воспроизводит в шутливой форме стиль «бытовых» поэм Лермонтова («Тамбовская казначейша», «Сашка») и представляет собою пародию на лирические стихотворения подражателей Лермонтова. Вместе с тем по содержанию — воспоминания о детской игре с кошкой — куплет сходен со стихотворением Г. Гейне «Дитя, мы были дети...» («Mein Kind, wir waren Kinder») из цикла «Опять на родине» («Heimkehr»).

С. 97. *...добродетельная женщина... такой и в Петербурге с газовым фонарем поискать...* — Газовое освещение впервые в России было применено в 1835 г. в Петербурге. В начале

1840-х гг. оно воспринималось как петербургская достопримечательность.

С. 98. *Людоедица! ∾ Тигрица не отвергает своего тигра...*— Этот монолог Боба представляет собою пародию на монолог Карла Моора из трагедии Фр. Шиллера «Разбойники» (д. I, явл. 2) в переводе Н. Х. Кетчера и на многочисленные подражания этому монологу в мелодрамах, в частности в пьесах Кукольника.

С. 98. *Роберт-Дьявол* — герой одноименной оперы Дж. Мейербера (1831; либретто Э. Скриба и К. Делавиня), демонический персонаж. Некрасов в ряде своих произведений иронически упоминает этого героя (см., например: ПСС, т. XI, с. 9; наст. изд., т. VII).

С. 99. *...ни с того, ни с другого... я ослеплен ...* — Трагический эпизод ослепления героя является одним из наиболее напряженных моментов «Короля Лира» Шекспира. Стремясь к максимальной экспрессии и к театральным эффектам, авторы мелодрам часто подражали этому эпизоду. Особенным успехом на петербургской сцене пользовалась драма Э. Шенка «Велизарий» в переводе П. Г. Ободовского (1839). Главную роль полководца Велизария, ослепленного по приказу императора, с огромным успехом исполнял В. А. Каратыгин.

С. 100. *Не понимаю, что со мной делается... а что-то кровавое. ∾ Какой ужасный состав влил он в несчастную жену мою...*— Изображение кровавых событий и коварства злодеев-отравителей составляло общее место позднеромантических произведений французской беллетристики (так называемой «неистовой» словесности). Рецензируя повесть С. Феликса «Герцогиня Лонгвиль» и положительно оценивая сдержанность тона этого переведенного в 1840 г. произведения, Белинский замечал: «Правда, в конце сказки не обошлось без яда, но уж без этого не обойдется ни одно произведение новейшей французской литературы» (Белинский, т. IV, с. 127).

В. А. Каратыгин — первый трагик петербургской сцены — переводил и широко вводил в свой репертуар французские романтические драмы, особенно Дюма. Изменяя названия драм, иногда разделяя их на части и давая названия этим частям, он подчеркивал их эффектные мелодраматические эпизоды (см.: *Заборов П. Р.* Французская романтическая драма в России 1820—1830-х годов.— В кн.: Эпоха романтизма. Л., 1975, с. 134).

В драмах В. Гюго — «Анджело», переведенной М. В. Самойловой в 1835 г. и шедшей на петербургской сцене под названием «Венецианская актриса», а также «Лукреция Борджа», не шедшей, но возбудившей целую полемику в русских журналах (там же, с. 141),— эпизоды отравления ядами разного рода занимают большое место.

С. 101. *Понятен мне ты, бешеный Венецианский мавр!* — Речь идет о главном герое трагедии Шекспира «Отелло».

С. 103—104. *Слуга (с таинственным видом ∾ они хотят привязать меня к лошадиному хвосту...*— Все явл. 16 представляет собою пародию на соответствующие эпизоды романтической драмы. Аналогичные сцены можно найти у Гюго, Дюма и в ложновеличавых драмах Кукольника на исторические сюжеты. Герой Некрасова осмысляет ситуацию, в которой оказался, в соответствии с привычными штампами романтических пьес; таким

образом, Некрасов дает ощутить сходство трагических ситуаций мелодрамы и комических трюков водевиля.

С. 105. *Я всех вас разобью на тысячу кусков!* — пародийное восклицание. В драматической фантазии Н. В. Кукольника «Доменикино в Неаполе» Ланфранко разбивает молотком фрески Доменикино Зампиери и кричит художнику, защищающему свое творение: «Прочь, молотком я и тебя разрушу» (*Кукольник Н.* Соч., т. V. СПб., 1852, с. 251).

С. 109. *...(взбесившись, бьет кулаком по столу).*— В критическом обзоре «Русские театры» (за 1841 г.), напечатанном в «Литературной газете» и перепечатанном в «Текущем репертуаре русской сцены» (1841, № 6; ценз. разр.— 25 февр. 1842 г.), Ф. А. Кони писал, что без кулака, «видно, нет житья нашим драмам, операм и водевилям» (ТР, с. 102), и далее, разбирая пьесу Ф. В. Булгарина «Шкуна Нюкарлеби», прослеживал историю изображения кулака как средства разрешения спора в произведениях Загоскина, Кукольника и Булгарина (ТР, с. 107).

С. 110. *Пролейте благородную кровь Боба ∾ как буду отмщен! ∾ теперь вы в западне.*— Мотив мести и ловко подстроенной мстителем западни — излюбленный мотив романтической драмы (см., например, «Антони» А. Дюма, «Анджело» и «Лукреция Борджа» В. Гюго). Распространена в романтических драмах и ситуация демонстративного самопожертвования героя, его готовности без сопротивления отдаться в руки врагов и умереть, ради того чтобы публично выразить свое презрение к насилию и пороку (Дидье в драме Гюго «Марион Делорм») или утвердить правоту какого-либо принципа (в пьесах Кукольника — принципа величия русского монархического государства,— см., например, окончание драмы «Князь Даниил Дмитриевич Холмский», 1840). Высмеивая этот прием ложновеличавой драмы, Тургенев писал позже, что герой пьесы Кукольника «Генерал-поручик Паткуль», «вероятно из дилетантизма, отправляется в тюрьму» (Тургенев, Соч., т. I, с. 289).

АКТЕР

(С. 116)

Печатается по тексту первой публикации, со следующими исправлениями по А и ЦР: с. 120, строка 13: «Лидия» вместо «Лилия» (по А, ЦР); с. 127, строки 19—28; «Нам и Аллах деньга любить не запрещает ∾ Не любим мы одних свиней!» вместо «всё хорошее любыть можно... Мы такие же люди, судар...» (по А, ЦР); с. 130, строка 7: «шутыл» вместо «шутём» (по А); с. 130, строка 9: «Шутил!» вместо «Шутём!» (по А); с. 131, строка 20: «Сорок пять» вместо «Семьдесят пять» (по А, ЦР); с. 135, строка 11: «народец» вместо «молодец» (по А).

Впервые опубликовано: ТР, 1841, № 8, с. 103—115, с подзаголовком: «Шутка-водевиль в одном действии. Соч. Н. А. Перепельского».

В собрание сочинений впервые включено: Собр. соч. 1930, т. III.

Известен автограф (А) и цензурованная рукопись (ЦР) пьесы — ЛГТБ, I, V, 4, 39, № 3497; I, II, 3, 49, № 1229.

Некрасов начал работу над водевилем «Актер» в апреле 1841 г., до того как был поставлен «Феоклист Онуфрич Боб». Первоначально пьеса называлась «Петербургский актер». В «Текущем репертуаре» сообщалось: «Автор водевиля „Шила в мешке не утаишь...” написал новый водевиль в одном акте под заглавием „Петербургский актер”» (ТР, 1841, № 4, отд. «Летопись русского театра», с. 30). Замысел этого произведения связан с «Утром в редакции» и написанным позже «Петербургским ростовщиком». Всем этим водевилям Некрасов стремился придать нравоописательный характер, изобразив в них в юмористическом ключе характерные черты петербургского быта. Описание Петербурга посетившим его провинциалом составляет значительный эпизод в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб». При этом рассказ Боба, содержащий юмористическое изображение некоторых сторон столичной жизни, служит в то же время средством характеристики самого героя.

Среда петербургских актеров была хорошо известна Некрасову и во многом симпатична ему. Она привлекала его обилием одаренных людей (многие актеры были талантливыми водевилистами и авторами куплетов) и своим демократизмом. Среда актеров объединяла и людей, происходивших из низших званий (детей крепостных, мещан), и бедных дворян, посвятивших себя творческому труду. Изображение быта актеров входило в круг тем, на которых традиционно строились сюжеты французских и русских водевилей. Однако сюжеты пьес из жизни актеров были стереотипны: борьба юной актрисы за получение роли или ангажемента, стремление старого актера устроить в театр свою дочь или получить бенефис, сопротивление самоуправству и капризам примирующих артистов.

Некрасов делает сюжетом своего водевиля попытку актера отстоять свое человеческое достоинство и проучить господ, глядящих на него как на шута, обязанного развлекать тоскующих от безделья бар. Актуальность этой темы в Петербурге, где артисты императорского театра особенно сильно ощущали свое зависимое положение, делала пьесу близкой актерам Александринского театра, но то же обстоятельство вынудило Некрасова отказаться от слишком определенного названия «Петербургский актер» и заменить его более нейтральным «Актер».

Н. А. Пыпин, сопоставляя извещение, помещенное в «Текущем репертуаре» (1841, № 4; ценз. разр.— 12 июня 1841 г.), и письмо Некрасова к Кони от 18 июля 1841 г., где водевиль назван «Петербургский актер», с отношением режиссера Н. И. Куликова в Контору императорских театров от 17 июля 1841 г., где дано заглавие пьесы «Актер», высказал предположение, что именно Куликов был инициатором изменения заглавия (ТН, с. 195). Однако рукописи, которыми мы располагаем,— автограф пьесы и цензурованная копия — не подтверждают этого предположения. В обеих рукописях водевиль озаглавлен «Актер». Таким образом, несомненно именно Некрасов, а не Куликов решил вопрос о заглавии пьесы. Куликов, обращаясь в Контору импера-

торских театров за разрешением водевиля, называл его соответственно авторскому заглавию.

Нельзя не отметить, что, называя в письме к Кони от 18 июля 1841 г. свой водевиль «Петербургский актер», в то время когда в руках Куликова уже находилась рукопись с другим, сокращенным названием, Некрасов продемонстрировал, сколь прочно в его сознании этот водевиль был связан с темой Петербурга.

Источники, которыми мы располагаем, дают возможность проследить этапы работы писателя над текстом водевиля.

Автограф был написан как беловая рукопись, однако затем в нем были произведены многочисленные исправления, главным образом стилистического характера. В цензурованную копию текст А был переписан уже с исправлениями, но некоторые изменения возникли в ЦР. Цензор М. Гедеонов, разрешивший 26 июля 1841 г. исполнение «Актера» на петербургской сцене (резолюция проведена по всей рукописи), внес в нее ряд помет цензурного характера.

Очевидно, обе рукописи (А и ЦР) одновременно использовались при постановке водевиля на сцене. Исправления, сделанные в ЦР, в большинстве случаев перенесены в А.

Цензором был вычеркнут куплет, завершавший явл. 3, и часть предшествующей реплики: «...а, пожалуй ∾ как денщик!». И это, и другие указания цензора не учитывались при публикации водевиля. Театральная цензура решала лишь вопрос об исполнении пьесы на сцене определенного, в данном случае Александринского, театра. Куплет был опубликован в «Текущем репертуаре». Далее цензор вычеркнул упоминания Аллаха в речи Татарина и куплет о религиозных запретах у татар (явл. 10). Этот эпизод не был напечатан в «Текущем репертуаре». Очевидно, он не был пропущен и П. Корсаковым, цензуровавшим «Текущий репертуар», или автор сам не включил его по цензурным соображениям. В ЦР подвергся переработке список действующих лиц. Герои получили более разнообразную и четкую социальную характеристику, чем в А. В А Кочергин характеризовался как «пожилых лет помещик», Сухожилов — как «помещик», а затем — просто как «молодой человек и жених». В ЦР Кочергин — «саратовский помещик», Сухожилов — «чиновник».

Особенно интенсивно переделывались в ЦР куплеты. Рукопись содержит исправления, сокращения и замены, принадлежащие как самому писателю, так и другим лицам — актерам или режиссерам, ставившим водевиль в разное время.

В явл. 4 куплет Стружкина «Забот хоть по горло ∾ Душою пожить!» (см.: Другие редакции и варианты, с. 561—562) был зачеркнут. Он не был напечатан и в «Текущем репертуаре». Между тем в этом куплете молодой писатель выразил очень важные для него мысли. Куплет «Забот хоть по горло», с которым в А и ЦР актер Стружкин выходил на сцену, представлял публике новый в драматургии тип — тип петербуржца, перегруженного работой,— не чиновника, а преданного своему призванию представителя интеллектуального труда. В куплете изображались особенности образа жизни людей такого типа — их увлеченность делом и переутомленность повседневным трудом. Многое в куплете говорило о нелегком положении петербургских актеров. Содержащийся в нем рассказ о занятиях Стружкина напоминал известные многим зри-

телям Александринского театра факты перегрузки некоторых наиболее талантливых и любимых публикой, но не пользовавшихся покровительством дирекции актеров. О бесчеловечной эксплуатации А. Е. Мартынова, В. Н. Асенковой и других преданных искусству актеров вспоминают многие современники (см., например: *Каратыгин П.* Записки. Л., 1970, с. 238—241; *Шуберт А. И.* Моя жизнь. СПб., 1913, с. X—XIV).

Провозглашенный в куплете Стружкина отказ от близости с вельможами и противопоставление их тягостному покровительству искренней дружбы простых тружеников сделали куплет «неудобным» для сцены императорского театра. Очевидно, это и послужило причиной его изъятия не цензором, а постановщиками, с согласия Некрасова. Однако изъятие куплета не изменило основной сюжетной ситуации водевиля, необычной для произведений этого жанра. Молодой чиновник отрывает от дела актера («не велик барин»,— заявляет он), чтобы развлечь скучающего от безделья помещика, отца своей невесты. Актер Стружкин, отстаивая свое человеческое достоинство, простейшими примерами на деле доказывает скучающим господам, что искусство не потеха, что оно может влиять на жизнь людей.

В ЦР подвергся существенной переделке и куплет Итальянца «Наша брат такой товаром ∾ за четырнадцать рублей» из явл. 12. После публикации в «Текущем репертуаре» этот улучшенный и доработанный в ЦР вариант был снова изменен (см. об этом ниже).

Работа над «Актером» была более тщательной, чем работа над водевилем «Феоклист Онуфрич Боб». Однако рукописи «Актера» отражают некоторую торопливость при создании и этой пьесы. В ЦР можно обнаружить несколько случаев, когда переписчик не разобрал слов рукописи Некрасова и неверно переписал их, что в свою очередь не всегда было замечено автором. Так, в явл. 5 слово «фарсер» переписчик не прочел и заменил на «фигляр», в явл. 6 слово «комедианты» было передано им как «комедии и ты», а в явл. 10 — «шутыл» и «Шутил!» как «шутём» (см.: Другие редакции и варианты, с. 563, вариант к с. 122, строке 16; с. 563—564, вариант к с. 123, строке 1—2; с. 568, варианты к с. 130, строкам 7, 9).

Как пример торопливости автора можно привести слова мнимой Сухожиловой, обращенные к Кочергину: «... сыну моему не бывать за вашей дочкой» (см.: Другие редакции и варианты, с. 566, вариант к с. 125, строкам 27—28). Имеют место даже ошибки в именах героев: в явл. 8 Сухожилов назван «Виктошенькой» вместо Валерьяна (в письме матери — в явл. 2 — он назван «Валеренькой»), описка «Виктошенька» сохранилась в тексте водевиля (см. выше, с. 125). В явл. 2 Кочергин называет свою дочь Лидию Катей (см.: Другие редакции и варианты, с. 561, вариант к с. 118, строке 30).

Текст «Актера» в «Текущем репертуаре» имеет отличия от ЦР. Очевидно, он печатался с другой копии, в которой при переписывании была продолжена работа. Не исключено, что некоторые улучшения были внесены и в корректуру публикации.

Общее направление этих изменений характерно для издания, в котором публиковался водевиль. Само его заглавие «Текущий репертуар русской сцены» говорило о том, что это приложение

к журналу «Пантеон» должно отражать жизнь сцены. Публикация передает тот текст, который произносился актерами. Поэтому в публикации по сравнению с ЦР значительно усилена речевая характеристика героев и, что особенно показательно, именно тех героев, которых в водевиле играл В. В. Самойлов: Татарина и Итальянца.

В. В. Самойлов выдвинулся как исполнитель ролей в пьесах с переодеваниями в 1839 г., во время болезни и после смерти прославленного комика Н. О. Дюра. В начале 1840 г. Белинский писал о Самойлове как о молодом артисте, который «ничего положительного еще не обнаруживает» (Белинский, т. IV, с. 16), а в середине того же года уже отзывался о нем с горячим одобрением, особенно отмечая его умение создавать самобытные национальные и социальные типы, художественно гримироваться и воспроизводить характерные черты бытового поведения и речевые особенности своих героев. «Как хорош был этот молодой сухощавый человек в роли старого, толстого грека! Его нельзя было узнать! Как характеристически говорил он ломаным русским языком; как верно выразил он ростовщика <...> Но в роли режиссера он был еще лучше <...> Это режиссер чисто русский...»,— писал критик об исполнении Самойловым нескольких ролей в водевиле П. С. Федорова с переодеваниями (Белинский, т. IV, с. 282—283). Усиленное воспроизведение ломаного языка Татарина и Итальянца в тексте «Актера» и «Текущем репертуаре» несомненно передает трактовку ролей В. В. Самойловым.

Другой чертой, отличающей текст «Текущего репертуара» от ЦР, является исключение ряда куплетов. Можно предположить, что и это изменение текста воспроизводит волю актеров, закрепленную сценическим исполнением. Так, в текст водевиля в «Текущем репертуаре» не вошли диалог Кочергина и мнимой Сухожиловой, очень удачный в литературном отношении (явл. 8, см.: Другие редакции и варианты, с. 565—566, вариант к с. 125, строке 27), куплет Кочергина (явл. 11, см.: Другие редакции и варианты, с. 570, вариант к с. 131, строке 10), зачеркнутый в ЦР, очевидно, в процессе постановки пьесы, и куплет Сухожилова и Лидии (явл. 11, см.: Другие редакции и варианты, с. 570—571, вариант к с. 131, строке 29). В «Текущем репертуаре» было также последовательно проведено смягчение речи героев, особенно Кочергина; заменены или изъяты грубые выражения; исправлены некоторые ляпсусы, допущенные переписчиком ЦР или самим автором в А.

Следует отметить, что в «Текущем репертуаре», как и в А, список действующих лиц дан сокращенно: в ЦР — Сухожилова, Татарин и Итальянец, которых изображает Стружкин, перечисляются как персонажи, а в А и «Текущем репертуаре» они в этом качестве не фигурируют. Важнее, однако, другое. Именно в «Текущем репертуаре» впервые дается указание: «Действие происходит в С.-Петербурге». Эта ремарка, по сути дела, возвращает нас к первоначальному замыслу заглавия. Если действие происходит в Петербурге, то главный герой водевиля Стружкин — петербургский актер. Таким образом, подчеркивался замысел представить петербургского актера, виртуозно изображающего столичные типы (Татарин-торговец и Итальянец-разносчик), а также провинциалку, плохо ориентирующуюся в петербургской жизни.

К роли такого актера как нельзя более подходил В. В. Самойлов — талантливый, интеллигентный артист, трудолюбие которого было хорошо известно.

Особенностью, отличавшей публикацию «Текущего репертуара» от текста, исполнявшегося на сцене, было, как выше отмечалось, то, что изъятия, произведенные М. Гедеоновым, цензуровавшим пьесу для представления на сцене Александринского театра, не учитывались в «Текущем репертуаре», проходившем через Цензурный комитет (цензор П. Корсаков).

Последний этап работы над пьесой отражен на вклеенных в конце ЦР листах, которые содержат позже написанное иное окончание пьесы. Новый вариант, в котором явл. 13—15 заменены одним, тринадцатым, явлением, был набросан рукой Некрасова очень небрежно и наскоро. Он был создан для одной, определенной ситуации, и сам писатель не рассматривал его как окончательный текст, отменяющий предшествующий. Новый вариант конца водевиля, хорошо известного, много раз исполнявшегося на сцене, был написан Некрасовым в начале 1849 г. Осенью 1848 г. в Петербург, без приглашения дирекции театров, приехала на гастроли знаменитая австрийская танцовщица Фанни Эльслер. Директор императорских театров А. М. Гедеонов, покровительствовавший балерине Е. И. Андреяновой, был недоволен приездом Эльслер и предложил ей довольно невыгодный контракт, на который она, однако, согласилась. Успех Эльслер, выступившей в придворном театре в Царском Селе, побудил Гедеонова к некоторым благожелательным жестам в отношении гастролерши. На обложке водевиля П. И. Григорьева (Григорьев 1-й) «Мнимая Фанни Эльслер, или Бал и концерт» А. М. Гедеонов написал: «Поставить немедленно» (ЛГТБ, I, III, 96, № 1884). В этом «à propos-водевиле» пелись куплеты о том, что все хотят смотреть качучу в исполнении Фанни Эльслер. Танцевать коронный номер Эльслер, качучу из балета «Хромой бес», должен был в водевиле А. Е. Мартынов; ему предназначалась роль балетмейстера, который распустил слух о приезде Эльслер в провинцию и был вынужден сам танцевать качучу. П. И. Григорьев не был оригинален в изобретении сюжета своего водевиля. Не говоря уже о том, что ситуация выступления в провинции безвестного актера под именем знаменитости была достаточно распространена (ср., например, водевиль Д. Т. Ленского «Павел Степанович Мочалов в провинции»), пародийное исполнение качучи мужчиной-комиком было в ходу на сценах Европы. Изображения Эльслер, танцующей качучу: статуэтки, гравюры, литографии, карикатуры в театральных и других иллюстрированных журналах, фарфоровые изделия, расписанные этим сюжетом,— были широко распространены. Известный немецкий комик Венцель Шольц, прозванный «местным Фальстафом» и «гейдельбергской бочкой» за свою полноту, с большим успехом исполнял в Вене пародию на качучу в костюме, воспроизводящем платье Фанни Эльслер. С рисунка, изображающего Шольца в качуче, была в 1837 г. сделана цветная литография, другая литография — карикатура — изображала уже двух мужчин, комиков Шадецкого и Шольца, имитирующих исполнение Фанни Эльслер (см. кн.: *Pirchan Emil.* Fanny Elssler. Eine Wienerin tanzt um die Welt. Wien, 1940, S. 95, иллюстр. между S. 33—34).

Эффект подобной сцены — появление мужчины-комика в роли танцовщицы, исполняющей качучу,— был не нов и в России. В 1844 г. он был использован иллюстратором знаменитого издания «Тарантаса» Соллогуба Гр. Гагариным. Гр. Гагарин изобразил рептильного литератора — карикатурного подражателя произведениям французской литературы — пляшущим на книжках Дюма, Ж. Жанена, Бальзака и Э. Сю качучу в костюме Фанни Эльслер (гравюра Е. Бернардского в кн.: *Соллогуб В. А.* Тарантас. СПб., 1845, с. 112). Русский народ, представленный группой крестьян, презрительно отворачивается от литературного фигляра и осыпает его насмешками. Лицу пляшущего литератора-фигляра приданы черты сходства с Булгариным (см.: *Кузьминский К. С.* Художник-иллюстратор А. А. Агин. М.— Пгр., 1923, с. 51, 73, 88, где автор выдвинул неподтвердившееся предположение, что эта иллюстрация принадлежит Агину). Книга Соллогуба «Тарантас» и иллюстрации к ней были горячо одобрены Белинским. Некрасов посвятил анализу «Тарантаса» специальную статью. В ней он высоко оценил достоинства иллюстраций Гр. Гагарина (см.: ПСС, т. IX, с. 153—154). От его внимания не могла ускользнуть карикатура Гагарина на врагов прогрессивной литературы, изображенных в образе фигляра, отплясывающего качучу на подмостках российской словесности.

Успех ли посредственного водевиля Григорьева или желание украсить бенефис приезжей знаменитости, который может привлечь в театр самую высокопоставленную публику, комическим выступлением Мартынова внушили эту идею театральной администрации, но к Некрасову, ставшему уже известным литератором, редактору «Современника», обратились с просьбой приспособить его водевиль «Актер» для специального спектакля. Бенефис Григорьева 1-го, во время которого Мартынов в водевиле «Мнимая Фанни Эльслер» танцевал качучу, состоялся 8 ноября 1848 г., бенефис Фанни Эльслер на сцене Большого театра — 16 января 1849 г. Очевидно, для бенефиса балерины, во время которого предполагалось исполнение «Актера» Перепельского (Некрасова) (до этого он уже ставился на сцене Александринского театра — 3, 4 и 6 января 1849 г.) и был переделан конец водевиля. В бенефис Ф. Эльслер исполнялись балет Ц. Пуни «Катарина, дочь разбойника» с ее участием и «Актер» Некрасова. Та же программа была повторена 4 февраля 1849 г. 6 февраля 1849 г. «Актер» был снова исполнен в сочетании с балетом: в «Эсмеральде» Ц. Пуни выступала Ф. Эльслер, в «Актере» главные роли исполняли П. И. Григорьев (Кочергин) и В. В. Самойлов (Стружкин).

Вероятно, от имени театральной администрации к Некрасову с просьбой о переделке конца водевиля обратился его старый знакомый, водевилист, артист и с 1838 г. режиссер Александринского театра Н. И. Куликов, в доме которого Некрасов бывал в начале 1840-х гг. (см.: Воспоминания о Некрасове М. И. Писарева.— Новости, 1902, 25 дек., № 355). Пути Некрасова и Куликова к этому времени резко разошлись. А. И. Шуберт вспоминает, что брат ее, Куликов, жаловался, что Некрасов, став известным литератором, «забыл <...> хлеб-соль» семьи Куликовых, при этом Шуберт поясняла, что в семье Куликовых не было подлинно радушного отношения к бедствовавшему молодому Некрасову. (*Шуберт А. И.* Моя жизнь, с. XLVIII—XLIX). Но не личные обиды, а причины

принципиального характера разделили Некрасова и Куликова. После 1848 г., когда на передовую русскую литературу и журналистику обрушился цензурный террор, Куликов поспешил продемонстрировать свою лояльность, сочинив пасквильный водевиль «Школа натуральная», направленный против реалистической литературы. Однако отказать администрации Александринского театра Некрасов не счел возможным. Узнав, какие исполнители будут участвовать в спектакле, он приписал сцену, комическая ситуация которой была предопределена, назвав героев именами исполнителей, назначенных для участия в спектакле, и не затруднив себя даже тем, чтобы вспомнить имена персонажей (героиню он просто обозначает как «дочь»).

Вероятно, во время подготовки варианта окончания пьесы, предназначенного для исполнения в бенефис Эльслер, в текст ЦР были внесены некоторые изменения. В явл. 2 в речах Итальянца и Кочергина были зачеркнуты упоминания Наполеона. Эльслер имела репутацию бонапартистки; к тому же распространенная во французской прессе легенда о тайной связи Эльслер с рано умершим сыном Наполеона герцогом Рейхштадтским могла возбудить мысль о «бестактности» упоминаний Наполеона во время бенефиса балерины. Изъята была и реплика Итальянца: «...нога сломай Тальони... ну, куда без ноги годится Тальони...» (см. выше, с. 132). Упоминание о сломанной ноге, без которой никуда не годится балерина, очевидно, тоже было признано неуместным. В нескольких случаях вместо статуэтки Тальони упоминалась статуэтка Фанни. Все эти изменения были произведены небрежно и непоследовательно.

На этом же этапе работы над водевилем на специальном листе в конце рукописи был вклеен новый вариант куплета Итальянца из явл. 12 (см. выше), в котором было дано более распространенное изложение мысли об успехе статуэток Эльслер и Тальони (см.: Другие редакции и варианты, с. 570—572).

Есть, однако, обстоятельство, противоречащее предположению о том, что новый вариант куплета был создан тогда же, когда Некрасов приписал к водевилю другой конец. Дело в том, что в куплет, находящийся на дополнительном листе, включена строфа, в которой упоминается статуэтка Клодта «Античная лошадь». Упоминание этой статуэтки меняет юмористическую концепцию концовки куплета. В варианте «Текущего репертуара» комический образ концовки был заключен в словах: «Меньше взять нельзя по чести За таких больших людей». Это место куплета соответствовало объяснению, которое давал Итальянец Кочергину относительно цены статуэтки: для него «большой человек» — тот, на которого истрачено больше материала — гипса; он и стоит дороже. Последние строки куплета: «Я *гуртом* (курсив наш,— *Ред.*) отдам всех вместе За четырнадцать рублей» навели автора впоследствии на мысль о другом каламбуре, ради которого и было внесено упоминание о лошади Клодта: «Меньше взять нельзя по чести За людей и лошадей, А гуртом отдам всех вместе За четырнадцать рублей». На акварельном рисунке, изображающем В. В. Самойлова в «Актере» в роли Итальянца,— на лотке в числе прочих статуэток (Сократ, Наполеон и др.) находится копия с «Античной лошади» Клодта (опубликовано: Ежегодник имп. театров. Сезон 1903—1904, вып. XIV, прилож.; ТН, между с. 184—

185). Это дает основание думать, что Самойлов исполнял куплет в том виде, в котором он зафиксирован на вклеенном листе. Значит, этот вариант куплета возник скорее всего несколько раньше, чем была написана новая концовка водевиля.

В рапорте цензора М. Гедеонова, поданном вместе с экземпляром пьесы в Контору императорских театров, содержание водевиля было предельно упрощено и обесцвечено: «Актер переряжается в разные костюмы, и никто не узнает его». Подобное содержание не возбудило возражений. 29 июля 1841 г. Дубельт скрепил рапорт цензора резолюцией: «Позволяется» (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, № 46, л. 74 об.— 75, опубликовано: ТН, с. 195—196).

Первая постановка «Актера» состоялась 13 октября 1841 г. на сцене Александринского театра в бенефис Н. В. Самойловой 1-й. Роль Стружкина исполнял В. В. Самойлов, Кочергина — П. И. Григорьев 1-й, оба острохарактерные актеры. На полях списка действующих лиц в ЦР имеются режиссерские пометы об исполнителях.

Водевиль пользовался большой популярностью и вошел в число наиболее долговечных произведений этого жанра. Он продержался в репертуаре до 1863 г., исполнялся на сценах Большого, Александринского и Михайловского театров.

В 1928 г., к пятидесятилетию со дня смерти Некрасова, в Государственном театре юных зрителей (17, 18 и 19 января) были поставлены пьесы Некрасова «Актер» и «Осенняя скука» (постановка Б. Зона, музыка Н. М. Стрельникова, декорации Б. Бейера).

Появление «Актера» было замечено критикой. В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (1841, № 11) изложил содержание водевиля, объяснив все движение его сюжета стремлением Стружкина доказать, «что актер не шут площадной, а артист» (Белинский, т. V, с. 503). В. С. Межевич в «Северной пчеле» (1841, № 246) воспользовался случаем, чтобы свести счеты с литературными недругами своего издания. Он обвинил Некрасова в присвоении сюжета водевиля Монье «Импровизированная семья» и задел Ф. А. Кони, заявив, что его водевили неоригинальны. Некрасова возмутил выпад Межевича, и он испытал желание опровергнуть его клеветнические обвинения. В ноябре 1841 г. он писал Ф. А. Кони: «Вчерась только я прочел в „Пчеле" брань своему „Актеру". Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен <...> Франц<узского> вод<евиля> я в глаза не видал, да и наз<ван> он *оригин<альным>* не мной, а Самойловым, на произвол которого оставил я пиесу, уехав из Петерб<урга> <...> Может быть, пришлю статейку». Однако этого намерения писатель не осуществил.

«Актер» произвел впечатление на серьезных литераторов и деятелей театра. Во всяком случае, в произведениях Писемского и Островского можно усмотреть отзвуки этой пьесы. В написанном в 1851 г. рассказе «Комик» А. Ф. Писемский изобразил столкновение актера с дворянами — «любителями» театра, претендующими на утонченный вкус, но равнодушными к искусству и глядящими на Гоголя как на автора фарсов, а на актера-комика как на шута. Любопытная особенность сюжета рассказа — сочетание в нем мотива оскорбительного барского высокомерия и попытки комика «проучить» господ с эпизодом выступления барышни Фанни с балетным номером качучи — дает основание

предположить, что в рассказе Писемского отразилось впечатление от спектакля, в котором «Актер» исполнялся со вставным номером качучи.

Мотивы третирования дворянами артиста как шута и мистификации актерами богатых обывателей содержатся в комедии «Лес» (1871) Островского. В другой пьесе того же автора — «Последней жертве» (1878) — можно отметить перекликающийся с «Актером» Некрасова мотив интриг ростовщика-татарина, устраивающего браки своих должников — мотов и волокит с богатыми невестами. В пьесах Некрасова и Островского совпадают реплики: «Про невест наводим справки, Как стакнемся с женихом, От булавки до булавки Всё приданое сочтем» (см. выше, с. 128); «Аль ты свадьбы-то смотришь, как мы, грешные? Мы так глаза-то вытаращим, что не то что бриллианты, а все булавки-то пересчитаем» (*Островский А. Н.* Полн. собр. соч., т. IV. М., 1975, с. 327).

С. 116—117. *...в среднюю блузу... дублет в угольную... карамболь...* — термины игры на биллиарде. *Блуза* (луза) — отверстие в углу биллиардного стола (угольная) или в середине длинного борта (средняя) с привешенной к нему сеткой. *Дублет* (дуплет) — удар, при котором играемый шар должен попасть в лузу, отразившись от борта. *Карамболь* — удар, при котором ударяющий шар попадает по двум другим, отскоком.

С. 121. *Как это вы попали ∾ благородному званию артиста.*— Высмеивая барское пренебрежение к актеру и утверждая идеал актерской деятельности как сознательно избранного служения искусству, Некрасов полемизировал не только со взглядами великосветской публики и театральной администрации, но и с понятиями части актеров. Чиновничье отношение к своей службе, искательство, низкопоклонство перед сильными мира сего были присущи некоторым артистам императорских театров, угождением начальству стремившимся упрочить свое положение. «В основу труппы и оркестра им<ператорских> т<еатров> вошло много крепостных актеров и музыкантов богатого барства, таким образом, непривлекательный холопский элемент утвердился на сцене»,— писал А. Н. Островский, вспоминая труппу 1840-х гг. (цит. по кн.: *Лакшин В. Я.* А. Н. Островский. М., 1976, с. 259).

С. 122. *И Гаррик, и Кин, и Лекень, и Тальма!* — Дэвид Гаррик (1717—1779), Эдмунд Кин (1787—1833) — знаменитые английские трагики, Анри-Луи Лекен (1729—1778) и Франсуа Жозеф Тальма (1763—1826) — крупнейшие актеры Франции.

С. 123—125. *Явл. 7—8.*— Создавая образ мнимой помещицы Сухожиловой, Некрасов ориентировался на традиции Гоголя и предвосхищал социальные типы драматургии Тургенева («Завтрак у предводителя»). Острота комического образа Сухожиловой состоит в том, что по самой сценической ситуации чванливый помещик Кочергин признает ее за свою нареченную сватью и таким образом «удостоверяет», что в изображении архангельской помещицы нет шаржа.

С. 132—135. *Явл. 12.*— Изготовление на продажу статуэток являлось распространенным промыслом, а разносчик с лотком таких изделий был привычной фигурой на улицах Петербурга. В. С. Садовников в своей известной панораме Невского проспекта 1830-х гг. изобразил в числе других ремесленников и разносчика

статуэток (см.: Панорама Невского проспекта. Воспроизведение литографий, исполненных И. и П. Ивановыми по акварелям В. С. Садовникова... Изд. подгот. И. Котельникова. Л., 1974). Как характерные представители беднейших слоев петербургского населения разносчики статуэток привлекли внимание писателей «натуральной школы». В 1843 г. молодой Д. В. Григорович, работая, по заданию Некрасова, над очерком «Петербургские шарманщики» для сборника «Физиология Петербурга», тщательно изучал быт итальянских ремесленников, в том числе разносчиков статуэток в Петербурге. В сборнике «Физиология Петербурга» была помещена иллюстрация Е. Ковригина, изображающая итальянца-«фигурщика», на лотке которого помещаются не только упомянутые в очерке Григоровича статуэтки кошки, Наполеона и «вечного амура с сложенными накрест руками» (Григорович, т. 1, с. 11), но и названные в водевиле Некрасова статуэтки Тальони в роли Сильфиды и Эльслер, танцующей качучу. В очерке Григоровича отмечено, что многие итальянские шарманщики в Петербурге, сколотив некоторые средства, основывали небольшие предприятия, такие, например, как «фабрика гипсовых фигур, как известно, раскупающихся плохо и за бесценок» (Григорович, т. 1, с. 14). Многочисленные полукустарные фабрики такого рода и поставляли разносчикам товар. Однако в большинстве случаев гипсовые копии отливались в формах, изготовленных по бронзовым и другим статуэткам с оригиналов хороших художников на специализированных предприятиях России и Европы. Статуэтка Ж. А. Барре «Фанни Эльслер, танцующая качучу», отлитая в Париже в 1836 г., была высоко оценена многими французскими газетами и журналами (см.: *Ehrhard Auguste.* Une vie de danseuse. 2-me éd. Paris, 1909, p. 265—266). Барре выполнил затем и статуэтку Тальони в роли Сильфиды. В России эти статуэтки имели большой успех и неоднократно копировались в гипсе.

Белинский, поясняя понятие «беллетристика», использовал факт популярности подобных статуэток: «...беллетристика относится к искусству, как статуйки для украшения каминов, столов, этажерок и окон, бюстики Шиллера, Гете, Пушкина, Вольтера, Жан-Жака Руссо, Франклина, Тальони, Фанни Эльслер и проч. относятся к Аполлону Бельведерскому, Венере Медической и другим памятникам древнего резца ...» (Белинский, т. IV, с. 148—149).

1844

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОСТОВЩИК

(С. 137)

Печатается по ЦР.

Впервые опубликовано: куплеты Ростомахова (явл. 10) (в ином, чем в водевиле, варианте) — ЛГ, 1844, 31 авг., № 34; куплеты Лоскуткова «Было года мне четыре ∾ Плутни — капитал!» (явл. 2) (с вариантами; на шесть строф полнее театрального текста, но с изъятием, очевидно по цензурным соображениям, ст. 23—24 и 31, с заглавием: «История ростовщика. Из нового не-

изданного водевиля» и подписью: «П-ре-й <Перепельский>» — см.: наст. изд., т. I, с. 410—412, 684) — ЛГ, 1845, 4 янв., № 1 (перепечатано: ПА, с. 28—31, без подписи); куплеты Лоскуткова о пощечине (явл. 13) (с вариантами ст. 19 и 23) — ПА, с. 36—37, без подписи; полностью — Собр. соч. 1930, т. III, с. 310—337.

В собрание сочинений впервые включено в последнем из названных изданий.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР; писарская копия) — ЛГТБ, I, VI, 3, 43, № 4049. Была подана в Контору императорских театров для препровождения в цензуру 14 ноября 1844 г. режиссером Александринского театра Н. И. Куликовым. Заключение цензора М. Гедеонова, подпись которого проведена через всю рукопись пьесы, было не вполне благоприятно. Считая, что в водевиле нет ничего предосудительного и разрешая его, Гедеонов тем не менее утверждал, что пьеса «довольно грязная». В соответствии с этим взглядом Гедеонов произвел довольно много изъятий наиболее резко обличительных куплетов и фривольных выражений и потребовал некоторых изменений в тексте с целью устранить упоминания о боге, религии и черте. Цензором вычеркнуты следующие строки и отдельные слова: с. 137—138, строки 32—1: «вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут...»; с. 138, строки 19—20: «я уж о других расходах не говорю...»; там же, строки 36—38: «вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите»; с. 139, строка 9: «(*крестится*)»; с. 140, строки 37—40: «Вот черта так совсем в свете нет ∾ верь тут ученым!..» (в связи с вычеркиванием этой фразы заменено: «черт тебе их не даст» на «никто тебе их не даст» — с. 141, строка 2); с. 141, строка 5 — с. 142, строка 20: «Было года мне четыре ∾ Плутни — капитал!»; с. 144, строка 42: «моим богом»; с. 145, строка 25: «Подлинно рука провидения...»; с. 146, строка 23: «богом божусь»; с. 149, строки 5—6: «подлецы вы, мошенники!» (вместо этого вписано: «обман...»); с. 149, строка 19: «богу»; с. 152, строки 2—3: «Господи! Мать пресвятая богородица!..»; с. 152, строка 6: «мошенник!».

Рукопись отражает особенности бытования пьесы на сцене (режиссерские пометы об исполнителях и реквизите).

Разрешение поставить пьесу «Ростовщик» с указанными выше цензурными изъятиями и исправлениями было дано Дубельтом 8 декабря 1844 г. (ЦГИА, ф. 497, оп. 1, № 9937, л. 92). Она была представлена на сцене Александринского театра под названием «Петербургский ростовщик». Таким образом, название этого водевиля совершило эволюцию, обратную той, которая привела к превращению «Петербургского актера» в «Актера».

Замысел изобразить ростовщика как петербургский тип и как принадлежность социального быта столицы связывал этот водевиль более тесно и непосредственно, чем «Актера», с «натуральной школой» и с издательскими начинаниями молодого Некрасова, способствовавшими ее становлению.

У Некрасова было намерение включить водевиль «Петербургский ростовщик» в программный сборник «натуральной школы» «Физиология Петербурга». 12 ноября 1844 г. «Русский инвалид» (№ 256) в фельетоне «Журнальные отметки», сообщая о подписке на «Физиологию Петербурга», перечислял статьи будущего сбор-

ника. Фельетон этот скорее всего был составлен Некрасовым, сотрудничавшим в «Русском инвалиде», или основывался на сведениях, от него полученных. Среди перечисленных в фельетоне статей «Физиологии Петербурга» указан и водевиль «Петербургский ростовщик» Перепельского. Пьеса, однако, не появилась в сборнике. Вместо нее в «Физиологии Петербурга» была напечатана повесть Некрасова «Петербургские углы». Б. Я. Бухштаб выдвигает предположение, что именно желание автора напечатать эту повесть задержало выход сборника на несколько месяцев (*Бухштаб Б. Я.* Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 60—62).

Первое исполнение водевиля состоялось в бенефис П. Г. Григорьева 2-го при участии В. В. Прусакова, Ю. Н. Линской, В. В. Самойлова, Е. И. Гусевой, бенефицианта и других актеров 1 июня 1845 г. 6 и 8 июня 1845 г. спектакль был повторен.

В Центральной музыкальной библиотеке академических театров в Ленинграде сохранялись оркестровые номера, которыми сопровождалось исполнение куплетов (ТН, с. 253).

Отзывы критики на исполнение водевиля были неблагоприятны. Критик «Репертуара и Пантеона» нашел сюжет водевиля и главное его лицо крайне неправдоподобными (РиП, 1845, т. 81, кн. 7, отд. «Театральная летопись», с. 14—15), а критик «Литературной газеты», напротив, утверждал, что водевиль и его главный герой «грязны» именно в силу их чрезмерной реальности (ЛГ, 1845, 18 окт., № 40).

Есть основание предположить, что водевиль «Петербургский ростовщик» Некрасова был известен А. Н. Островскому. С текстом его Островского познакомил, по-видимому, сам автор — редактор «Отечественных записок». В пьесе Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», напечатанной в 1872 г. в «Отечественных записках», есть сюжетные совпадения с водевилем Некрасова. Главным героем обеих пьес является ростовщик, скрывающий свое богатство из скупости и ведущий образ жизни бедняка. Он морит голодом жену и молодую девушку (у Некрасова — дочь, у Островского — племянницу), создает препятствия для ее брака с любимым человеком. Ростовщик-скряга заставляет дочь (у Некрасова) и жену (у Островского) ходить зимой в мужской шинели, чтобы не тратиться на приобретение верхней одежды для нее. Потеряв несколько тысяч из большого капитала, герой Некрасова пытается удавиться, а герой Островского осуществляет такую попытку. Можно предположить, что эти элементы сюжета пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» были навеяны «Петербургским ростовщиком» Некрасова.

В. Е. Евгеньев-Максимов, обнаруживший в 1921 г. в Театральной библиотеке в Ленинграде рукопись «Петербургского ростовщика», утверждал, что этот водевиль Некрасова «принадлежит к числу тех его произведений, которые до наших дней способны привлекать к себе внимание» (Некр. и театр, с. 169). Действительно, хотя нельзя назвать ни одной сколько-нибудь значительной постановки этой пьесы на современной сцене, неоднократно делались более или менее удачные попытки показать ее на телевизионном экране. В 1964 г. по водевилю «Петербургский ростовщик» на Ленинградской студии телевидения был создан спектакль: режиссер — В. Карпов, композитор — В. Шаповалов, веду-

щий оператор — А. Пономарев, художник — Г. Дрейман, редактор — К. Демченко; роли исполняли: Г. Колосов (Лоскутков), Н. Боярский (Налимов), И. Лепешенкова (Лиза). В спектакле также участвовали Н. Корякина, А. Абрамов и др. В 1977 г. «Петербургский ростовщик» был поставлен на Центральной студии телевидения. Главную роль исполнял А. Адоскин.

К 1979 г. относится телевизионный фильм «Сватовство гусара» (по пьесе Некрасова): постановка С. Дружининой; исполнители: А. Попов (Лоскутков), М. Боярский (гусар, «заменяющий» в экранизации Налимова), Е. Коренева (Лиза).

С. 139. *Микель Анжело... Буэнаротти... или Рафаэля Сакцио...* — Герой водевиля искаженно произносит имена великих и наиболее популярных итальянских художников эпохи Возрождения — Микеланджело Буонаротти (1475—1564) и Рафаэля Санти (1483—1520). Упоминание этих художников как возможных авторов картины, о которой идет речь в водевиле, абсурдно и носит чисто комический характер.

С. 141. *Чив* — от слова чивый, т. е. щедрый.

С. 147. *...с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок...* — Коломенская часть — правый берег Фонтанки при ее слиянии с Екатерининским каналом, в первой половине XIX в. окраинный район Петербурга; Литовский замок — крепость в Петербурге, в которой помещались казармы сначала Кавалергардского, а затем Литовского (отсюда — название) мушкетерского полка. С 1870-х гг. была превращена в тюрьму. Район, окружавший крепость, также именовался Литовским замком (ныне Октябрьский район Ленинграда).

С. 149. *Легран* — владелец ресторана в Петербурге.

С. 151. *А мой удел — сердечный холод И безнадежная любовь.* — См. выше, с. 664, комментарий к водевилю «Феоклист Онуфрич Боб».

С. 152. *...я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей.* — В «Фаусте» Гете Мефистофель превращается в черную собаку (ч. I, сцены «У ворот» и «Кабинет»). Однако никакого упоминания о том, чтобы он ел людей, здесь нет. «Фауст» Гете принадлежал к числу литературных произведений, привлекавших особенно пристальное внимание В. Г. Белинского и его друзей, в кругу которых Некрасов в 1844 г., когда писался «Петербургский ростовщик», был уже «своим человеком». Белинский относил перевод «Фауста», сделанный М. Вронченко, к числу значительных литературных явлений года (Белинский, т. VIII, с. 475). На эту же тему Тургенев в 1844 г. писал большую статью. Упоминая о приключениях Мефистофеля в своем водевиле, Некрасов скорее имеет в виду народную книгу о Фаусте, кукольную комедию или легенды о нем, чем «Фауста» Гете (о литературных и фольклорных обработках сюжета о Фаусте см. в кн.: Легенда о докторе Фаусте. Подгот. В. М. Жирмунским. Изд. 2-е, испр. М., 1978).

С. 157. *...жительствую временно у Демута...* — Гостиница Демута в Петербурге помещалась на набережной реки Мойки (ныне д. 40) и на Большой Конюшенной (ныне ул. Желябова, д. 27). В гостинице были и удобные, дорогие апартаменты, и дешевые номера.

ОСЕННЯЯ СКУКА

(С. 167)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей, т. III. СПб., 1856, с. 253—281.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV.

Автограф не найден.

Первоначальным зерном замысла «Осенней скуки» можно считать небольшой эпизод из написанной в беллетристической, фельетонной манере критической статьи Некрасова о «Тарантасе» В. А. Соллогуба. Некрасов здесь говорит о деревенской скуке в непогоду и распутицу и о впечатлении, которое производит «Тарантас» — остроумная и прекрасно изданная книга — на читателей: «Исчезли с лиц уныние и сонная апатия; не слышно тех бесконечных и беспрестанных ссор с дворнею, к которым иногда прибегают иные, впрочем, очень добрые господа и барыни для сокращения осенней и весенней скуки... „Тарантас", „тарантас", „тарантас" — это слово слышите вы ежеминутно на всех устах; охотник пошутить, старый помещик, называет этим именем всё, что попадается ему на глаза; он даже кличет им своего расторопного, вертлявого казачка, которого обязанность состоит в том, чтобы являться немедленно на все имена и прозвания, произносимые барином с особенною известною интонациею голоса...» (ПСС, т. IX, с. 153—154).

В роман «Три страны света» (1848—1849), написанный им совместно с А. Я. Панаевой, Некрасов включил главу, которая изображает скучающего в деревне старого помещика с расторопным казачком; здесь отсутствует, однако, мотив кличек, которые помещик дает казачку.

На основе главы II («Деревенская скука») части III романа «Три страны света» и была создана пьеса «Осенняя скука». Превращая эпизод романа в самостоятельное драматическое произведение, Некрасов подверг его значительной переработке. Авторское повествование было превращено в развернутые ремарки, монологи и диалоги расширены, осложнено действие, введен ряд новых лиц; по сравнению с соответствующим эпизодом романа текст пьесы увеличился более чем вдвое.

В конце текста «Осенней скуки» в сборнике «Для легкого чтения» стоит дата «1848 г.». Очевидно, этот год обозначает время написания главы «Деревенская скука» романа «Три страны света». Существенные же изменения и дополнения, внесенные в текст этой главы и превратившие его в пьесу, относятся к более позднему времени, скорее всего к периоду между маем 1856 г. (ценз. разр. второго тома сборника — 22 мая 1856 г.) и июнем того же года (ценз. разр. третьего тома — 20 июня 1856 г.).

Исходная ситуация пьесы близка к основной коллизии некоторых водевилей и сцен молодого Некрасова: изнывающий от безделья барин не знает, чем себя занять, и ведет праздные разго-

воры (такова же завязка «Актера»; в «Утре в редакции» скучающие бездельники-посетители атакуют редактора и не дают ему работать). Однако если в ранних водевилях и сценах Некрасов рисует столкновение делового человека со скучающими барами, то в «Осенней скуке» «сторонами конфликта» являются охваченные параличом бездеятельности и скуки барин и его крепостные слуги.

Перерабатывая повествовательный текст в пьесу, Некрасов стремится усилить социальную типичность действующих лиц и ситуаций. В романе «Три страны света» помещик Ласуков — чудак, и этим объясняется его самодурство. Автор поясняет, что Ласуков «был своего рода эксцентрик, и скука одинокой жизни с каждым годом усиливала врожденную причудливость его характера» (ПСС, т. VII, с. 246). В пьесе «Осенняя скука» личность Ласукова и его поведение трактуются как типичные для среды провинциальных помещиков, как порождение крепостного права. Реплика Ласукова: «...и в кавалерии служили, и на балах танцевали <...> молодость прожили, силу пропили...» (см. выше, с. 172) — лаконично характеризует его обычный для среднего дворянина жизненный путь.

Монолог Ласукова, отсутствовавший в тексте романа и открывающий пьесу: «Ну, завывает ∾ Дождь, грязь, слякоть, ветер...»,— является экспозицией действия, определяет его обстановку. Глушь, полная изоляция, прозябание «вдали от центров просвещенья» — таковы условия быта Ласукова, но и столичная жизнь, о которой мечтает невольный затворник, не намного содержательнее: «В Петербурге в Английском клубе, в Дворянском собрании теперь, я думаю, играют. И прекрасно делают»,— размышляет он (см. выше, с. 170). Эпизод жизни провинциального помещика ставится в связь с бытом дворянства в целом.

Оригинальность драматургического замысла пьесы состоит в том, что ее действие является мнимым и маскирует отсутствие событий и мучительное бездействие персонажей. Некрасов вводит в пьесу диалоги Ласукова с дворецким, кучером, портным, скотницей, и все эти сцены показывают запуганность слуг, сбитых с толку придирками барина, их полную апатию. О том же свидетельствует эпизод наказания повара, которому приказано кричать петухом под окном: криков этих не слышно из-за ветра и дождя, но он все же «отбывает» бессмысленное наказание. Повторяясь и варьируясь, через весь текст пьесы проходит один мотив: Ласуков дает своему казачку множество издевательских прозвищ, и на все эти клички мальчик безропотно отзывается. Сам Ласуков отдает себе отчет, что «леность» его слуг — разумная реакция на их неразумное положение: «Дурак, ничего не знаешь!» — кричит он мальчику-казачку, и тут же добавляет, после его ухода: «Славный мальчик! расторопный, умница, молодец!» (см. выше, с. 169). Эти реплики внесены в сцену при обработке, так же как следующее характерное признание Ласукова: «А ведь правду сказать, так и точно им больше делать нечего. Я один, а их у меня человек двадцать» (см. выше, с. 186).

Усиление антикрепостнической направленности пьесы по сравнению с исходным текстом романа соответствовало общей тенденции сборников «Для легкого чтения», которые составлял и редактировал Некрасов. Третий том сборника открывался антикрепост-

нической повестью Григоровича «Антон-горемыка», в нем были помещены обличительные произведения А. Печерского (П. И. Мельникова), М. Л. Михайлова. Даже А. А. Фет был представлен стихотворениями, изображающими народный быт или выдержанными в интонациях народной баллады и песни («Метель», «Сядь у моря — жди погоды», «Хижина в лесу»).

«Осенняя скука» помещена в сборнике «Для легкого чтения» непосредственно вслед за стихотворением Тургенева «Один, опять один я. Разошлись...», которое напечатано без указания автора. Стихотворение это Некрасов впервые опубликовал в статье «Русские второстепенные поэты» с подписью «Т. Л.» (С, 1850, № 1), указав, что оно очень ему нравится (см.: ПСС, т. IX, с. 201). Некрасов составлял сборник «Для легкого чтения» с любовью и вниманием. Несомненно, что включенной в него «Осенней скуке» он придавал известное значение как художественному произведению.

При жизни Некрасова «Осенняя скука» не шла в Петербурге и Москве, но, очевидно, была поставлена на сцене Воронежского театра. 3 декабря 1860 г. тайный советник М. Попов, на основании рапорта цензора Ив. Нордстрема подписал разрешение играть «„Осеннюю скуку. Деревенскую сцену, соч. Н. А. Некрасова" в Воронеже» (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1860, № 37, л. 156). Пьеса должна была исполняться на сцене Воронежского театра в конце 1860—начале 1861 г. (см.: Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. IX, с. 51—52). Публикуя обнаруженное им цензурное дело о постановке «Осенней скуки» в Воронеже, А. М. Гаркави выдвинул вероятное предположение, что пьесу Некрасова порекомендовал поставить воронежским артистам А. Н. Островский, посетивший этот город в мае 1860 г. и с почетом встреченный его театральной общественностью (там же, с. 52).

Предположение А. М. Гаркави может быть косвенно подтверждено тем, что Островский использовал одно из прозвищ, которыми наделяет Ласуков в «Осенней скуке» своего казачка — «Курослепов»,— в качестве фамилии персонажа комедии «Горячее сердце» (1869). Это обстоятельство может быть истолковано как свидетельство того, что Островский знал пьесу Некрасова.

В 1902 г. в бенефис М. Г. Савиной «Осенняя скука» была представлена в первый раз на сцене Александринского театра с В. Н. Давыдовым в главной роли. Успех этой постановки определялся тем, что зрители и критики, оценившие драматургию Чехова, увидели в пьесе Некрасова предвестие «театра настроения» (см.: *Гнедич П.* Некрасов-драматург.— Жизнь искусства, 1921, № 820). Идея этой постановки принадлежала П. Гнедичу, обнаружившему пьесу Некрасова в альманахе «Для легкого чтения». В сезон 1902—1903 гг. пьеса с успехом была исполнена на сценах Александринского и Михайловского театров двенадцать раз. В советские годы «Осенняя скука» ставилась неоднократно, в частности в 1946 г.— на сцене Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

С. 170. *По полтинничку на пиве пропивал, Оттого-то и на съезжей побывал...*— Очевидно, стилизация Некрасова, подражающая камаринской — плясовой песне, имеющей многочисленные варианты. Мотив полтинников, израсходованных на удовольствия, присутствует в «Говоруне» (гл. II). Совпадение этих строк «Го-

воруна» Некрасова и куплета в водевиле П. И. Григорьева «Герои преферанса, или Душа общества» именно в той части, где говорится о проигранных «полтинничках», дало основание А. М. Гаркави высказать предположение, что автором куплета в водевиле Григорьева является Некрасов (Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. IX, с. 51).

С. 172. *...с лечебником Энгалычева...*; с. 188. *Подай Удина!* — П. Н. Енгалычев и Ф. К. Уден — авторы популярных медицинских руководств конца XVIII—начала XIX в. (см., например: *Енгалычев П. Н.* 1) Простонародный лечебник, содержащий в себе пользование разных, часто приключающихся болезней... М., 1799 (переиздан в 1801 и 1808 гг.); 2) Русский сельский лечебник. М., 1810; *Уден Ф. К.* Наставление в скотских болезнях. СПб., 1801). В конце 1840-х гг., когда писался роман «Три страны света», этими медицинскими руководствами уже не пользовались. Некрасов пишет в романе о Ласукове: «*Удин, Пекин* и *Энгалычев*, три старые автора, о которых едва ли и слыхал читатель, были главными его любимцами...» (ПСС, т. VII, с. 246).

1859

ЗАБРАКОВАННЫЕ

(С. 190)

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано: С, 1859, № 10, «Свисток», № 3, с. 501—516, с подписью: «Чурмень».

Авторство Некрасова установлено на основании письма Н. В. Гербеля к М. М. Стасюлевичу, без даты (см.: Ст 1879, т. IV, с. CXLVI; ср.: М. М. Стасюлевич и его современники, вып. V. СПб., 1913, с. 83), и засвидетельствовано гонорарной ведомостью (ЛН, т. 53—54, с. 255). Гербель ссылается на слова самого Некрасова, указавшего на данное произведение как на свое, но при этом неточно воспроизводит заглавие пьесы (см. об этом: Ст 1927, с. 474 (примечания К. И. Чуковского); *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. Л., 1959, с. 366). См. также: «Свисток». Собрание литературных, журнальных и других заметок... Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859—1863 гг. Изд. подгот. А. А. Жук и А. А. Демченко. М., 1982, с. 457.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1927.

Автограф не найден. Сохранилась цензорская корректура (Ц Кор), в тексте которой есть ряд несоответствий с окончательной редакцией,— ИРЛИ, ф. 628, оп. 2, ед хр. 155. Корректура отправлена цензору Мацкевичу 19 октября 1859 г. и разрешена к печати без поправок.

В сатире «Забракованные» Некрасов ставит главным образом социально-политические вопросы. Он ратует против антидемократической политики министерства просвещения и консервативной профессуры, препятствующих проникновению разночинцев в университеты. Осложнение приема, «ужесточение» экзаменов и сокра-

щение числа учащихся высших учебных заведений были мерами, к которым правительственные чиновники и реакционная профессура прибегали в борьбе с революционным движением студентов. Из страха перед студенческим движением они готовы были опустошить университетские аудитории. Пьеса оканчивается иронической репликой: «Зато <...> какая тишина И никаких историй!».

Герцен гневно осудил эти шаги реакционных сил русского общества как мракобесие: «*Из 375 молодых людей*, державших экзамен для поступления в Петербургский университет, приняты *73 человека*. Что это? Просто безумие и глупость или иезуитский план, имеющий целью исподтишка возвратиться <...> к тупой, но откровенной николаевской войне против университетов? Кто экзаменует, жандармы или профессора? и *кто* этот Ирод, выдумавший лицемерную методу — избиение отроков...»,— писал он в конце 1859 г. в «Колоколе» (см.: Герцен, т. XIV, с. 203).

Более подробно о политическом подтексте пьесы «Забракованные» и о месте этого произведения в «Свистке» см. статью: *Жук А. А., Покусаев Е. И.* «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике.— В кн.: «Свисток». Собрание литературных, журнальных и других заметок..., с. 416; а также примечания к «Забракованным» в этом же издании, с. 457—459.

Некрасов сочувствовал молодежи, стремящейся к знаниям и разумной деятельности и встречающей порой непреодолимые препятствия в этом стремлении. Он поддерживал ее материально и морально, приглашал наиболее талантливых разночинцев сотрудничать в журналах, которые редактировал, другим оказывал возможное содействие. Незадолго до смерти тяжело больной поэт был озабочен тем, чтобы дать совет начинающему писателю-провинциалу, а может быть, и оказать ему материальную помощь через Литературный фонд (ПСС, т. XII, с. 27 и 367).

В ранней своей пьесе «Юность Ломоносова» Некрасов, желая показать величие подвига простолюдина, проложившего себе путь в науку, пытался переосмыслить жанр драматической фантазии. В сатире «Забракованные», защищая интересы молодежи, стремящейся к знанию, он пародирует драматическую фантазию как жанр, полностью изживший себя. Пьеса «Забракованные» — типичный образец сатирической пародии 1860-х гг. (см.: Русская театральная пародия XIX—начала XX века. М., 1976, разд. II и IV).

Уже с начала своего творчества Некрасов охотно и удачно пародировал вульгарно-романтическую драматургию. Пародия на романтическую трагедию содержится в рассказе «Без вести пропавший пиита» (1840), многочисленны пародийные эпизоды в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб» (см. комментарий к этому произведению).

Пародия и сатира в «Забракованных» сочетается с лирическими мотивами. Некрасову были близки переживания молодых людей, приезжающих без средств, чтобы поступить в университет, в столицу и испытывающих нужду и разочарование. Он, как и герои его сатиры, был «забракован» при попытке поступить в университет. Один из героев «Забракованных» Харчин, который едет в Петербург, чтобы вырваться из грязной жизни провинции, живет, как молодой Некрасов, на Охте и пешком ходит на Васильевский остров в университет (см.: Некр. и театр, с. 210—211). Ли-

рический смысл имел для Некрасова и эпизод пожара стогов, пародирующий, вместе с тем, театральные эффекты романтических драм и мелодрам. Мотив этот в лирике Некрасова постоянно сопряжен с темой народных страданий (см., например, стихотворение «Дома — лучше!» — наст. изд., т. III, с. 63).

Актуальность и политическая острота сатирической пьесы Некрасова обратили на себя внимание бдительных чиновников. Чиновник особых поручений Ефремов, рецензируя для министра народного просвещения «Современник», спешил, еще не окончив просмотр всего журнала, доложить 29 октября 1859 г. министру о «Забракованных» как о произведении, в котором содержится «крамольная» мысль, «что строгость при экзамене не оправдывается пользою для дела» (см.: *Гаркави А. М.* Некрасов и цензура.— В кн.: Некр. сб., II, с. 455). И хотя министр народного просвещения распорядился оставить это донесение без последствий, Ефремов напомнил ему 29 ноября 1859 г. о своем мнении, пытаясь таким образом побудить его принять меры против автора и журнала.

С. 191. *Второй Спас* — церковный праздник, отмечавшийся 6 августа ст. ст. *Покров* — церковный праздник 1 октября ст. ст.

С. 191. *...Я к «Таинствам натуры» Имел когда-то «Ключ»...*— Речь идет о мистической книге Карла Эккартсгаузена (1752—1803) «Ключ к таинствам натуры», дважды изданной на русском языке в переводе А. Лабзина — в 1804 и 1820 гг.

С. 193. *Повытчик* — чиновник-столоначальник.

С. 194. *Отец! Отец! оставь угрозы ∾ Уже не первые они.*— Перепев стихов из поэмы Лермонтова «Демон».

С. 197. *Под Данцигом...*— Речь идет о сражении русского корпуса под командованием П. Х. Витгенштейна с частями армии Наполеона, которое произошло 17 декабря 1813 г.

С. 199. *У Иверской свидетелем Он руку приложил...*— Икона Иверской божьей матери находилась в часовне возле Воскресенских ворот в Москве; здесь, вблизи присутственных мест — официальных учреждений, происходили деловые встречи, в частности клиенты встречались с ходатаями по делам и находили необходимых для суда свидетелей и лжесвидетелей.

С. 200. *Индижестия* — несварение желудка.

С. 200. *Без чаю с Охты Малыя На остров пробегал...*— Малая Охта — поселок под Петербургом (ныне в черте города Ленинграда); на Васильевском острове находились Университет, Педагогический институт и другие учебные заведения.

С. 201. *...крест тумпаковый...*— Томпак — сплав меди и цинка (вид латуни).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

<ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ>

(С. 207)

Печатается по автографу.

Впервые опубликовано: Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 6. М., 1940.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Автограф — ГБЛ, М—5759, представляет собою восемь листов чернового текста и содержит две сцены, незаконченные, неотделанные и композиционно не увязанные одна с другой. Вторая сцена написана не рукою Некрасова, но на обороте л. 8 есть сделанная им заметка.

Существует два предположения о времени работы Некрасова над замыслом комедии из купеческого быта. Р. П. Маторина относит ее к концу 1840-х гг. (см.: Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 6, с. 28). Эту точку зрения разделяет и К. К. Бухмейер — автор гл. XII коллективной монографии «Некрасов и театр» (Л.— М., 1948, с. 207). К. И. Чуковский предполагает, что «Отрывок» создавался в середине 1850-х гг., «когда Некрасов отошел от водевильного жанра и приступил к нравоописательным драматическим сценам с сильно выраженным сатирическим уклоном» (см.: *Некрасов Н. А.* Драматические произведения. М.— Л., 1947, с. 13).

Скорее всего работа над пьесой началась с конца 1840-х гг. Последний водевиль Некрасова «Петербургский ростовщик» написан в 1844 г., и в нем уже явно ощутимы реалистические тенденции, характерные для литературы того времени. Поэт сам смотрел на этот водевиль как на произведение в стиле «натуральной школы». Вполне вероятно, что Некрасов — один из ведущих деятелей этого направления, инициатор и редактор всех его изданий, мог задумать в это время драматическое произведение, в сатирическом духе изображающее современный купеческий быт. В отрывке дает себя знать стремление следовать за Гоголем. Подражание Гоголю ощутимо в сценах препирательств женщин (ср. у Гоголя споры матери и дочери в «Ревизоре») и в разговорах женихов (ср. «Женитьбу» Гоголя).

Вместе с тем в отрывке можно усмотреть черты сходства с одноактной пьесой Островского «Семейная картина», которая под заглавием «Картина семейного счастья» была в 1847 г. опубликована в «Московском городском листке». В 1856 г. Некрасов вторично напечатал эту пьесу Островского в «Современнике», мотивировав целесообразность ее новой публикации тем, что она «была доныне очень малоизвестна» (ПСС, т. IX, с. 405).

В «Семейной картине» Островского, как и в «Отрывке» Некрасова, изображаются две молодые женщины, разговаривающие о кавалерах. Как и у Некрасова, у Островского они называют себя «сестрицами», хотя в последнем случае это невестка и золовка. Их интересы сосредоточены на «интриге» с молодыми людьми. Один из «кавалеров» дает читать купеческой дочери, за которой ухаживает, книги. Эта деталь есть и в «Картине» Островского, и в «Отрывке» Некрасова.

С. 211. *...да и говорит: «Шарман персонь!».*— Шарман персонь (от *франц.* charmante personne) — очаровательная особа.

1841

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ — ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ НЕ УДЕРЖИШЬ

(С. 217)

Печатается по тексту первой публикации, с включением куплета Руперта «Бегал даром зданий во сто...» (карт. I, явл. 5) на основании заявления Некрасова в «Обозрении новых пьес, представленных на Александринском театре (статья вторая)» (ЛГ, 1841, 20 мая, № 54, с. 205—208, без подписи; авторство Некрасова установлено А. Я. Максимовичем и М. Я. Поляковым — см.: ПСС, т. IX, с. 782). «Водевиль этот, — писал Некрасов о пьесе,— попал в „Репертуар русского театра”, в котором сделано из него неприятное для автора исключение. Вот куплет Руперта, который неизвестно почему выкинут из печати: <далее следует текст куплета>. Почему бы выкидывать такие штуки?» (ЛГ, 1841, 20 мая, № 54, с. 208). Куплет имеется также в рукописных источниках текста.

Впервые опубликовано: Репертуар русского театра, 1841, т. I, № 4, с. 1—20, с подписью «Н. Перепельский».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV.

Автограф не найден. Авторизованная рукопись (АР), цензурованная рукопись (ЦР) и театральная копия, сделанная для суфлера,— ЛГТБ, I, IX, 4, 23; I, VI, 1, 47; I, VI, 1, 48. В качестве источников текста выступают АР — копия с не дошедшего до нас автографа, сделанная актером А. А. Алексеевым и правленная затем Некрасовым, а также ЦР — писарская копия с АР, учитывающая правку Некрасова.

Водевиль, 31 марта 1841 г. представленный режиссером Н. И. Куликовым в Контору императорских театров, был направлен в Цензурный комитет 2 апреля (ЦГИА, ф. 497, оп. 1, № 8755, л. 14). На титульном листе ЦР обозначено: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 23 апреля 1841 года. Ценсор М. Гедеонов».

Печатная редакция «Шила в мешке не утаишь...» представляет собой следующий этап работы Некрасова над пьесой по сравнению с рукописными источниками текста. Для нее характерны сокращения текста, имеющие целью сделать реплики персонажей и действие более динамичными (очевидно, автор учел здесь опыт театральной постановки). Однако в основе этой редакции лежит не АР и не ЦР, а, вероятно, другая копия с не дошедшего до нас автографа, также правленная Некрасовым, так как текст первой публикации часто совпадает с первым слоем АР и не учитывает последующих исправлений в ней Некрасова. В списке действующих лиц первопечатного текста дано распределение ролей, соответствующее первому представлению.

АР и ЦР правлены чужой рукой (карандашом и чернилами). В этих условиях установить, например, авторские сокращения удалось только путем сравнительного анализа этих двух рукописей и первопечатного текста. За авторские исключения в АР принимались только те, которые подкреплялись либо одновременной правкой в тексте рукой Алексеева и Некрасова, либо беловым текстом ЦР, изготовленной с последнего слоя АР.

Суфлерский экземпляр правки не имеет. В качестве источника текста он не учитывался, так как отражает одну из режиссерских редакций пьесы. Текст его не совпадает ни с одним из известных источников текста. Анализ разночтений этого экземпляра показывает, что все они не являются авторскими, это либо сокращения в ремарках (для суфлера безразличных), либо купюры в тексте, совпадающие с неавторскими сокращениями в АР и ЦР, либо заимствования из текста первопечатной редакции. Последние, кстати, показывают, что суфлерский экземпляр был создан уже после публикации пьесы, когда работа самого Некрасова над текстом водевиля была закончена.

Судя по воспоминаниям Алексеева и дате представления рукописи в Контору императорских театров (31 марта), пьеса была написана скорее всего во второй половине марта 1841 г. «Первая пьеса Николая Алексеевича,— пишет Алексеев,— называлась „Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не удержишь". Написал он ее в несколько дней у нас на квартире <Алексеев жил в одной квартире с Н. И. Куликовым>, по переписке ее я был его усердным помощником. У нас дело шло быстро: он писал, я переписывал за тем же столом набело. Кажется, до сего времени в библиотеке императорских петербургских театров эта пьеса сохраняется в том самом виде, в каком она тогда представлена была в дирекцию, т. е. написанная моею рукою» (Воспоминания актера А. А. Алексеева. М., 1894, с. 37).

Водевиль является переделкой драматизированной повести В. Т. Нарежного «Невеста под замком». Основную сюжетную линию и ряд сцен Некрасов сохраняет, но производит значительные сокращения и изменения в тексте, пишет заново некоторые явления, в том числе заключительное, а главное — вводит в пьесу четырнадцать куплетов, которых в повести вообще нет. Куплеты были написаны живо, на злободневные темы и пользовались у публики большим успехом. О почти полном текстуальном совпадении куплетов «Доктора свои находки...» со ст. 53—57 стихотворения «Наш век», отмеченном А. М. Гаркави, см.: наст. изд., т. I, с. 665.

Водевиль был впервые поставлен на сцене Александринского театра 24 апреля 1841 г. в бенефис А. М. Максимова (Максимова 1-го). Постановка явилась, по словам А. И. Вольфа, «„блистательнейшим" дебютом Некрасова в качестве водевилиста» (Вольф, ч. I, с. 93). Фортункина играл бенефициант, Руперта — П. А. Каратыгин (Каратыгин 2-й), Аффенберга — П. И. Григорьев, Розину — В. В. Самойлова (Самойлова 2-я), Анисью — О. Рамазанова, слугу доктора — Фалеев. В этом году водевиль шел семь раз и не сходил затем со сцены четыре года.

Полемика, развернувшаяся вокруг театрального дебюта Некрасова между «Литературной газетой», «Отечественными записками», с одной стороны, и «Северной пчелой» — с другой, явилась одним из выразительных эпизодов театральной борьбы начала 1840-х гг. И в самом водевиле, и в статьях по поводу него Некрасов, солидаризировавшись с Ф. А. Кони, выступил против булгаринского лагеря в журналистике. В пьесу он включает куплет, содержащий намек на Ф. В. Булгарина, выведенного под именем Задарина в водевиле Ф. А. Кони «Петербургские квартиры»

1840). Это было продолжением полемики, начатой Некрасовым еще в «Утре в редакции», «водевильных сценах из журнальной жизни», тесно связанных с тем же водевилем Ф. А. Кони (см. об этом выше, с. 656, 663). Куплет, как уже говорилось, не был напечатан редакцией «Репертуара русского театра», журнала, издаваемого И. П. Песоцким и связанного с «Северной пчелой».

После первой постановки «Шила в мешке не утаишь...» «Северная пчела» сделала попытку привлечь молодого драматурга на свою сторону, поссорив его с Ф. А. Кони, что несомненно также свидетельствует об успехе пьесы. Газета возвращалась к театральному дебюту Некрасова неоднократно (СП, 1841, № 96, 108, 123, 246). Наиболее развернутым был отзыв В. С. Межевича («Л. Л.»), помещенный в № 108. Фельетонист расхвалил водевиль за живость и «непринужденность» сцен, «натуральность» разговоров, «забавность и оригинальность» куплетов, но в то же время упрекнул Некрасова в «подобострастии» по отношению к Кони, эксплуатирующему его дарования. «Смелее, г. Некрасов! — заключался отзыв.— Идите своей дорогой, зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере, ведь это знают все, читавшие „Пантеон" и „Литературную газету"» (СП, 1841, 20 мая, № 108, с. 431). Одновременно Межевич раскрыл псевдоним молодого драматурга и противопоставил его успешный дебют в театре неудачному поэтическому дебюту (Межевич в свое время был автором отрицательного отзыва на «Мечты и звуки», первый стихотворный сборник Некрасова). Некрасов был вынужден ответить «Северной пчеле» письмом в редакцию «Литературной газеты», где печатно изъявил свое неудовольствие по поводу похвал Межевича и раскрытия псевдонима, а также свою благодарность Ф. А. Кони «за добрые советы и указания начинающему заниматься литературою», в частности «за советы и замечания при сочинении водевиля „Шила в мешке не утаишь..."» (ЛГ, 1841, 17 июня, № 66, с. 263). В написании этого письма участвовал и сам Ф. А. Кони (см.: ПСС, т. X, с. 22). Обращение в редакцию заключалось просьбой опубликовать письмо в «Литературной газете» и «Пантеоне русского и всех европейских театров», однако в последнем оно так и не появилось из-за вкравшейся в него ошибки — неправильной ссылки на официальную газету («Ведомости с.-петербургской городской полиции»), что дало повод Межевичу пожаловаться в Цензурный комитет. После открытого письма Некрасова в «Литературную газету» «Северная пчела» резко меняет свое отношение к его пьесе. В том же году в рецензии на «Актера» Межевич снова вернулся к комментируемому водевилю, заявив, что он «слово в слово выкроен из повести Нарежного» (СП, 1841, 3 ноября, № 246, с. 982).

На это «Литературная газета» отвечала в 1842 г.: «Г-н Перепельский может уверить автора бездоказательного обвинения, что из повести Нарежного он заимствовал одну только идею да ход одной сцены, который, по характеру идеи, и не мог быть изменен. Все прочее г. Перепельский написал сам...» (ЛГ, 1842, 26 апр., № 16, с. 330).

«Отечественные записки» похвалили водевиль, который «очень забавен на сцене», но отметили, что автор, «по неопытности в этом новом для него деле, часто прибегает к пустым эффектам,

основанным на беспрестанно, кстати и некстати, повторяемой бриллиантщиком поговорке „около того"» (ОЗ, 1841, № 6, отд. «Театральная летопись», с. 120).

С. 218. *Что, саперлот! упрямство?* — Саперлот (от *нем.* Saperlot) — черт возьми.

С. 219. *Я читала у Бальзака* ∾ *Поступил давно уж в брак!»* — Вероятно, имеются в виду такие произведения Оноре де Бальзака (1799—1850), как «Супружеское согласие», «Воспоминание двух молодоженов», «Жизнь холостяка» и т. п. В 1830—1840-х гг. Бальзак был одним из самых читаемых в России французских писателей. Однако широкой публикой он воспринимался как беллетрист, писатель светский, «дамский», автор произведений, обвиняемых критикой в скабрезности и безнравственности. В таком плане трактовали, например, творчество Бальзака статьи в «Библиотеке для чтения» (1834, т. I) и «Северной пчеле» (1838, 18 июня, № 131).

С. 224. *Петербургские квартиры* ∾ *пришлись!* — Имеется в виду водевиль Ф. А. Кони (см. о нем выше, с. 656, 663 и 688—689). Ср. реплику Семячко в «Утре в редакции» (с. 54): «...Задарин каждый день меня угощает, видно, я ему солоно пришелся».

С. 228. *...разослано при афишах...* — Театральные афиши в 1830—1840-х гг. не только вывешивались на улице и продавались в театре, но и рассылались ежедневно подписчикам, что давало возможность присоединять к ним различные объявления.

С. 231. *Фермуар* — нарядная застежка на ожерелье; ожерелье с застежкой.

С. 236—237. *Доктора свои находки* ∾ *Лечат солью от чахотки* ∾ *водопроводов Тьма на свете завелась...* — Ср.: наст. изд., т. I, с. 665. В куплетах высмеивается повальное увлечение гидропатией, характерное для 1830—начала 1840-х гг., когда в России (как и повсюду в Европе) получили широкую известность методы «гения холодной воды», силезского крестьянина В. Присница (1790—1851), открывшего в своей усадьбе на горе Грефенберг водолечебницу. О лечении солью см., например, в книге «О легочной чахотке. Сочинение Роша, перевод с французского, с прибавлениями практических замечаний доктора медицины Александра Карпачева» (СПб., 1837), где указывается, что некоторые врачи для прекращения ночных потов у чахоточных рекомендуют им есть сильно соленое мясо, утоляя жажду вином. Некрасов обыгрывает также чрезвычайно актуальную в Петербурге того времени проблему создания водопровода. К 40-м годам XIX в. город стал сильно нуждаться в чистой воде: ее привозили и продавали населению в специальных баржах, стоявших на реках и каналах, очищали частным образом, на дому, применяя портативные очистительные машины. Кроме того, тяжела была доставка воды на верхние этажи многоэтажных зданий. В 1838 г. было основано «Общество для снабжения жителей Санкт-Петербурга невской водой посредством водопроводов», однако к строительству водопровода приступили только в 1859 г.

С. 239. *Боэргав* — Герман Бургав или Бургаве (1668—1738) — голландский врач, один из первых европейских клиницистов и диагностиков, пользовавшийся огромной известностью.

С. 242. *Берндт* — вероятно, Фридрих Август Готтлиб Бернд, немецкий врач, автор многих медицинских учебников начала XIX в.

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!

(С. 251)

Печатается по тексту первой публикации, с исправлением опечаток по автографу.

Впервые опубликовано: Репертуар русского театра, 1841, т. II, № 12, с. 1—18, с подписью: «Н. Перепельский».

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV.

Автограф (А) и цензурованная рукопись (ЦР) — ЛГТБ, I, I, 4, 81; I, I, 1, 35. На титульном листе А заглавие: «Вот что значит влюбиться в актрису!» с подзаголовком: «Комедия-водевиль в одном действии. Перевод с французского Н. Перепельского»; на обороте титула — список действующих лиц с распределением ролей; ниже — режиссерские пометы. В А несколько слоев авторской правки, а также правка, принадлежащая, очевидно, режиссерам, которая заключается: 1) в исправлениях текста по первопечатной редакции пьесы, 2) в сокращениях и дополнениях, сделанных в разное время и относящихся к различным постановкам (в пометах на полях рукописи исполнительницей роли Дюмениль называется, например, то Каратыгина, то Орлова, то Жулева). Наиболее существенным и, по-видимому, неавторским дополнением текста является вариант заключающего водевиль куплета, который представляет собой довольно близкий перевод последнего куплета Дюмениль в «Тиридате» Фурнье:

Теперь я вижу, что грешно
Нам выводить людей из заблужденья.
И счастье самое — оно
Не есть ли сновиденье?
Согласны ли со мною вы?
Вот, например, и наше представленье
Окончено, мы ждем успеха — но, увы!
Быть может, это сон прекрасный?
Так не будите нас напрасно!

Замена некрасовского заключительного куплета («Без последнего куплета...» — см.: Другие редакции и варианты, с. 622), в котором переводчик просил у публики совета, продолжать ли ему переводить для сцены, объясняется, вероятно, тем, что со временем его содержание потеряло актуальность.

В ЦР заглавие и подзаголовок на титуле совпадают с А, над заглавием помета: «В бенефис г-жи Самойловой 2<-й>. 10 ноября», внизу — ценз. разр.: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 29 октября 1841 года. Ценсор М. Гедеонов». На первом листе французское название пьесы: «Tiridat<e>». Последние два листа заняты куплетами, которые при помощи корректурных знаков вставляются в надлежащие места текста. ЦР также служила режиссерским экземпляром.

А, ЦР и первопечатный текст соотносятся так: копия для представления в цензуру была сделана переписчиком с белового слоя А; затем Некрасов снова вернулся к указанному автографу и правил его, эта правка была аккуратно перенесена переписчиком в ЦР.[1] С ЦР была изготовлена копия для публикации в журнале, на которой Некрасов продолжил правку. В печатном тексте оказались воспроизведенными некоторые ошибки переписчика, готовившего ЦР. В А, например, читаем: «Что я увидел, что услышал», а в ЦР и первой публикации: «Что я увидел, что я услышал» (второе «я» нарушает размер).

За авторские исключения в А принимаются только те, которые сопровождаются связанной с ними авторской правкой или отражены переписчиком в тексте ЦР.

Текст журнальной редакции более динамичен, чем рукописный. Очевидно, печатая пьесу Некрасов учел опыт ее постановки, так же как и при публикации водевиля «Шила в мешке не утаишь...». В списке действующих лиц первой публикации дано распределение ролей, соответствующее первой постановке пьесы.

Время написания водевиля устанавливается по письму Некрасова к Ф. А. Кони от 18 июля 1841 г., в котором Некрасов предлагает отдать в «Пантеон русского и всех европейских театров» две свои пьесы: «... „Петербургского актера", который у меня давно написан, и другую, которую я теперь переделываю из французской пьесы „Тиридат" для Самойлова за 100 рублей...». Начат перевод был, очевидно, не ранее июня 1841 г., времени первой постановки французского оригинала в России (ценз. разр.— 10 июня 1841 г.), а закончен не позднее 21 октября, когда режиссер Куликов направил его в Дирекцию императорских театров для представления в Цензурный комитет (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1841, № 71, л. 96).

Пьеса «Тиридат, или Комедия и трагедия» («Tiridate, ou Comédie et Tragédie») Н. Фурнье (N. Fournier), опубликованная в 1841 г., в том же году была поставлена французской труппой на сцене Александринского театра и имела большой успех. Переводом пьесы Некрасов занялся по заказу актера В. В. Самойлова (см. об этом выше). Работая над пьесой, он в прозаическом тексте в основном следовал французскому источнику, однако ввел в пьесу значительное число новых по сравнению с оригиналом куплетов. В качестве темы для них поэт, как правило, использовал содержание прозаических монологов «Тиридата». Во французской пьесе семь куплетов, в рукописной редакции некрасовской переделки их двенадцать; все они по существу оригинальные. Из куплетов оригинала Некрасов ни одного не перевел полностью стихами, три переложил прозой, три опустил совсем и только в одном («Повязка спала с глаз моих...» — с. 268) использовал начальную фразу соответствующего французского куплета.

[1] Что правка первоначально была внесена в А, доказывается механическим перенесением в ЦР описок Некрасова. В А, например, ошибочно: «И подгибаются колени предо мной», в ЦР — так же; в тексте первой публикации ошибка исправлена: «И подгибаются колени подо мной».

Куплет Дюмениль «Что вас в театре занимает...», не вошедший в печатный текст (см.: Другие редакции и варианты, с. 608), был напечатан отдельно в «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров» (1843, т. I, № 1, с. 239—240) с прибавлением следующих стихов:

На сцене я для всех загадка,
Иначе действую, хожу;
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы —
Там изменяюсь я тотчас:
Театр, актеры и актрисы
Не то на деле, что для глаз!

При переводе Некрасова затрудняли цитаты из трагедий Расина «Федра» и «Ифигения». В конце концов он заменил свой перевод известным в то время переводом М. Е. Лобанова.

Водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису!», так же как и «Шила в мешке не утаишь...», был опубликован в «Репертуаре русского театра». Некрасов первоначально предлагал его Ф. А. Кони (см. об этом выше), но, не получив от него ни ответа, ни заработанных уже денег, принужден был отдать пьесу в журнал И. П. Песоцкого. «Да там есть два водевиля моих,— отвечал он Кони в письме от 25 ноября 1841 г.,— которые оба, кажется, имели успех, неужели за них Песоцкий не даст и 100 руб.». Пьеса была впервые поставлена в Петербурге 10 ноября 1841 г. в бенефис В. В. Самойловой (Самойловой 2-й). Роли исполняли: Дюмениль — А. М. Каратыгина (Каратыгина 1-я), Дюрваль — П. А. Каратыгин, Адриан — П. И. Григорьев, Луиза — Е. В. Гринева. Пьеса имела большой успех у публики, вскоре была поставлена в Москве и не сходила со сцены в течение двенадцати лет. Ф. А. Кони назвал ее в «Литературной газете» «премиленьким, преумным водевилем» (ЛГ, 1841, 22 ноября, № 133, с. 531). «Северная пчела», не отрицая успеха переделки Некрасова, отнесла его всецело за счет игры Каратыгиной 1-й, «которая в роли актрисы Дюмениль очаровательна донельзя», и заключила свой отзыв полемическим выпадом: «В переводе водевиля мы заметили несколько промахов и два окончательные стиха одного куплета, заимствованные автором из статьи „Водевильные сцены из журнальной жизни" («Лит. газ.», № 15-й, стр. 60). Стихи эти суть следующие:

Я *на коленях* перед вами:
Поставьте *на ноги* меня!

Мы советуем переводчику, на будущее время, лучше заимствовать куплеты из старых пиес Писарева, Ленского или П. А. Каратыгина: у них куплеты гораздо замысловатее этого» (СП, 1841, 5 дек., № 273, с. 1091). Речь шла о том, что для куплета Дюрваля «Отличный был бы он детина...» Некрасов использовал заключительные стихи куплета Шрейбруна из «Утра в редакции» (см. выше, с. 60).

Основная идея пьесы та же, что и в «Актере»: утверждение высокой роли искусства и его служителей. При переводе пьесы Некрасов усилил контраст между образами Луизы и Дюмениль,

воплощающими два типа отношения к актерскому искусству (ср. куплеты Луизы «Ах, как мило! Ах, как чудно...» — выше, с. 251—252, и Дюмениль «Когда на сцену выду я!» — Другие редакции и варианты, с. 597—598). Существует предположение, что образ Дюмениль был связан в сознании Некрасова с образом молодой, безвременно погибшей актрисы В. Н. Асенковой (см. о ней: наст. изд., т. I, с. 146), которая умерла в апреле 1841 г., и должен был напомнить о ней публике. В. Н. Асенкова, как и Дюмениль, прекрасно сочетала в себе комическое и трагическое дарования и отличалась высоким пониманием своего призвания.

С. 251. *Дюмениль* — сценическое имя известной французской трагической актрисы М.-Ф. Маршан (1711—1803), которая славилась своим исполнением ролей Федры, Клитемнестры, Меропы.

С. 252. *Энона* — нянька и наперсница Федры в трагедии Расина «Федра».

С. 264. *Клитемнестра* — здесь: одна из героинь трагедии Ж. Расина (1639—1699) «Ифигения»; жена греческого царя Агамемнона, мать Ифигении, назначенной греками в жертву богам; *Елизавета* — здесь: персонаж трагедии Ф. Шиллера (1759—1805) «Мария Стюарт», английская королева (1553—1603); *Клеопатра* — здесь: героиня трагедии П. Корнеля (1606—1684) «Родогунда», египетская царица (69—30 г. до н. э.).

С. 265. *...знаменитую тираду Клитемнестры?* — Имеется в виду монолог Клитемнестры в действии IV трагедии «Ифигения»: «По праву заняли в своем ряду вы место...» (перевод М. Е. Лобанова).

С. 266. *...давали «Андромаху» ∾ щеки Гермионы...* — «Андромаха» — трагедия Расина. Сюжет ее основан на греческом мифе о пленении Андромахи, жены троянского царевича Гектора, после разорения Трои Пирром, сыном греческого героя Ахилла, убившего Гектора. Гермиона — невеста Пирра в «Андромахе» Расина.

С. 267. *«Тиридат» ∾ герой, который освобождает свою любовницу, или, лучше сказать, это царица, которая была в плену у римлян...* — Вероятно, имеется в виду история, рассказанная Тацитом в «Анналах» (кн. XII, 51). Во время борьбы за армянский престол парфянского царевича Тиридата и иберийского царевича Радамиста последний был вынужден спасаться бегством от преследования восставших против него армян. Он бежит из Армении вместе с беременной своей женой Зенобией. Измученная бегством, Зенобия не может продолжать пути и просит мужа убить ее, «чтобы избавить от надругательств плена». Радамист поражает ее саблей и, думая, что убил, бросает тело в Аракс. Однако Зенобия остается жива, ее находят пастухи и препровождают затем к Тиридату, который против ожидания «ласково принял ее и отнесся к ней как к царице».

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

(С. 278)

Печатается по тексту ЦР.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. IV, с. 307—321. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР) — ЛГТБ, I, I, 5, 71. На титульном листе подзаголовок: «Водевиль в одном действии Н. Перепельского». Вверху помета: «В бенефис г-жи Шелиховой 1-й, декабря 1-го дня 1841 года», ниже: «Для С.-Пет<ер-бургского> теат<ра>». Внизу — ценз. разр.: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 25 ноября 1841 года. Ценсор М. Гедеонов». На последнем листе рукописи — также помета цензора. В тексте посторонняя правка карандашом. Кроме ЦР в ГЦТМ (ф. 187, № 3) сохранилась авторизованная рукопись другой редакции пьесы (АР). Список действующих лиц и первая ремарка АР написаны рукой Некрасова. В тексте им сделан ряд исправлений: мелкая стилистическая правка, устранение ошибок переписчика. Первичной является редакция ЦР, по которой осуществлялась постановка пьесы на сцене. Редакция АР была создана на основе переработки редакции ЦР. Однако считать ее более поздней авторской редакцией, отменяющей первоначальную, а потому и основным источником текста, не следует, так как она является, по-видимому, приспособлением текста пьесы к конкретным условиям какой-то единичной постановки. На это прямо указывает общий характер переработки текста. На титуле рукописи заглавие с новым подзаголовком: «Детск[ий]ая [водевиль] комедия в 1-м действии». Куплеты, очевидно, как наиболее фривольная часть текста, в рукописи опущены, кроме первого («Когда на птичек погляжу...»), который был переписан писарем, вероятно, по ошибке и затем вычеркнут. Убраны явные двусмысленности и, наконец, произведены значительные сокращения в последних явлениях.

Водевиль написан в 1841 г., не позднее октября этого года, так как уже 2 ноября режиссер Н. И. Куликов представляет пьесу в Контору императорских театров с просьбой направить ее в Цензурный комитет (ЦГИА, ф. 497, оп. 1, № 8755, л. 111).

«Дедушкины попугаи» считаются переделкой водевиля Н. И. Хмельницкого «Бабушкины попугаи», который в свою очередь является довольно близким переводом (вплоть до куплетов) французского водевиля «Les perroquets de la mère Philippe», написанного Ф.-В.-А. Дартуа (F.-V.-A. Dartois), А. Дартуа (A. Dartois) и М. Теолоном (M. Thèaulon). По-видимому, идея пьесы и некоторые частности ее были действительно подсказаны Некрасову водевилем Хмельницкого, однако «Дедушкины попугаи» так далеко отходят от указанных выше водевилей, что являются, по существу, новым произведением со сходным сюжетом. У Хмельницкого и во французском оригинале в абсолютном неведении о человеческих существах другого пола воспитываются разочаровавшейся в любви бабушкой две девушки. Когда в уединенный парк, где они живут, попадают мужчины, бабушка выдает последних за больших говорящих попугаев. Некрасов не только

дает обратную ситуацию: у него не девушки, а юноши, но иначе объясняет странность воспитания молодых людей, иначе развивает действие, по-другому обыгрывает самый мотив попугаев. Совершенно оригинальна фигура незадачливого ментора Стукату, оригинальны и куплеты.

Водевиль был поставлен впервые в Петербурге на сцене Александринского театра в бенефис М. Ф. Шелиховой (Шелиховой 1-й) 1 декабря 1841 г. «После „Бабушкиных попугаев", премиленького водевиля Н. И. Хмельницкого, „Дедушкины попугаи" г. Перепельского,— писала «Северная пчела»,— уже не привлекут к себе внимания публики <...> Куплеты все топорной работы» (СП, 1841, 29 дек., № 290, с. 1157—1158). Однако в конце 1841—начале 1842 г. водевиль шел на той же сцене еще шесть раз.

С. 287. *Феодора* — имя нескольких византийских императриц; очевидно, имеется в виду знаменитая жена Юстиниана Великого (VI в.), которая пользовалась неограниченным влиянием на мужа и официально принимала участие в государственных делах; *Катерина Медичи* — королева французская (1519—1589), правительница Франции при малолетнем Карле IX, снискавшая себе известность политическими интригами и преступлениями.

С. 289. *...хуже Овидиевых превращений...* — Имеется в виду поэма «Метаморфозы» (буквально: превращения) римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э.— 17 г.), содержащая изложение мифов о превращениях богов и героев.

1842

МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ, ИЛИ БЕДНОСТЬ И ЧЕСТЬ

(С. 292)

Печатается по ЦР, с восстановлением утраченных заглавия и начала списка действующих лиц по режиссерскому экземпляру.

Впервые опубликовано: куплеты командора (д. III, явл. 3) и Пьерро (д. II, явл. 1) — ЛГ, 1842, 25 окт., № 42; «Песня Марии» — РиП, 1843, № 1, с. 240; полностью — Собр. соч. 1930, т. III, с. 253—309.

В собрание сочинений впервые включено в последнем из названных изданий.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР) — ЛГТБ, I, IV, 5, 71; ценз. разр. для театральной постановки — 7 октября 1842 г. Разрешительная надпись цензора М. Гедеонова проведена через всю рукопись и повторена на последней странице. Режиссерский экземпляр — ЛГТБ, I, IV, 5, 73.

Датируется 1842 г.

Является переделкой французской пьесы А.-Ф. Деннери (A.-Ph. Dennery (D'Ennery)) и Г. Лемуана (G. Lemoine) «Божья милость» («Le grâce de Dieu»), которая с большим успехом шла на сцене парижского театра Gaîté (премьера — 16 января 1841 г.). Краткое содержание пьесы тогда же было передано в «Отечественных записках» (Театральная летопись. Французский театр в Париже.— ОЗ, 1841, № 3, отд. «Смесь», с. 45).

Пьеса Деннери и Лемуана была написана в подражание водевилю Ж.-Н. Буйи (J.-N. Bouilly) и М.-Ж. Пена (M.-J. Pain) «Фаншон, играющая на рылях»[1] («Fanchon la Vielleuse», 1800), чрезвычайно известному не только во Франции, но и за ее пределами. Поэтому мелодрама «Божья милость» ставилась в России под названием «Новая Фаншон» («La nouvelle Fanchon»). Впервые она была сыграна французской труппой Михайловского театра в Петербурге в начале 1842 г. и почти одновременно — французским театром в Москве (РиП, 1842, № 3, с. 41).

Основной автор «Божьей милости» А.-Ф. Деннери (1811—1899) — плодовитый французский драматург; ему принадлежит около 200 пьес, большинство которых он написал с различными соавторами. «Божья милость» пользовалась широкой популярностью. На сюжет, заимствованный из этой пьесы, Г. Доницетти создал оперу «Линда ди Шамуни». „La grâce de Dieu" была шедевром Деннери,— писал Э. Золя.— Нужно вспомнить успех этой мелодрамы. Главные ситуации из нее рисовали на тарелках, по ее темам печатались сотни гравюр, которые встречаются еще теперь на стенах крестьянских домов. Вся Франция рыдала над горем бедной Марии» (*Zola E.* Nos auteurs dramatiques. Paris, 1881, p. 348). Э. Золя, который был принципиальным противником жанра мелодрамы вообще и творчества Деннери в частности, не случайно ввел в свой роман «Чрево Парижа» сцену с четким полемическим заданием: Лиза Кеню, предавшая своего родственника Флорана, в тот же вечер отправляется в театр, где вместе с мужем смотрит именно пьесу Деннери «La grâce de Dieu», проливая слезы над судьбой героини.

Песни из «Божьей милости» долгое время оставались популярными в России. В романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) Катерина Ивановна почти в предсмертном бреду заставляет детей петь на улице «Cinq sous» — «известную петербургским жителям песенку нищих из французской пьесы Деннери и Лемуана „Божья милость, или Новая Фаншон"» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. VII. Л., 1973, с. 392).

Очевидно, внимание Некрасова на пьесу Деннери и Лемуана обратил Д. В. Григорович. Надо думать, что Некрасова привлекли во французской мелодраме ее явная антидворянская направленность, трогательный характер героини, соединение патетических и комических элементов, обилие романсов и песен.

Над своей переделкой Некрасов работал, по-видимому, летом и ранней осенью 1842 г. Д. В. Григорович вспоминал: «Каким образом ухитрился он это сделать, не зная буквально ни слова по-французски, остается непонятным. Сколько нужно было воли, терпения, чтобы, частью пользуясь объяснениями случайно заходивших знакомых, частью по лексикону, довести до конца такую работу» (*Григорович Д. В.* Литературные воспоминания.— Григорович, т. XII, с. 235).

По сравнению с французским оригиналом Некрасов ввел в пьесу значительные изменения. Прежде всего он переменил заглавие: вместо «Божьей милости» у него появляется «Материнское благословение, или Бедность и честь». Двойные названия

[1] Рыли — старинный струнный инструмент, напоминающий украинскую лиру.

были обычными для драматургии тех лет: в одной части заглавия обычно указывалась основная ситуация пьесы или имя главного героя, во второй — формулировалась тема, в данном случае — «бедность и честь». Кроме того, Некрасов ввел заглавия для каждого акта, чего не было во французском оригинале. Актовые заглавия также традиционны для мелодрамы. Диалектизмы, которых было много в «Божьей милости», устранены вовсе, потому что на русском языке передать их было невозможно. Изменены имена некоторых действующих лиц. Отец Марии Лусталот получил у Некрасова имя Бернард, пастор стал именоваться Эрбо, слуга командора (как и пастор, не имевший имени) — Лафлер.

В целом текст французской мелодрамы был значительно сокращен Некрасовым. Роль Шоншон (одно из главных действующих лиц) была им вовсе упразднена. Поэтому отпали целые сцены с ее участием. В других случаях ее реплики или вычеркивались, или передавались Пьерро. Ф. А. Кони в своей рецензии возражал против исключения роли Шоншон (ЛГ, 1842, 25 окт., № 42, с. 866). Однако у Некрасова были основания для такого решения. Шоншон — деревенская подруга Марии — благосклонно принимала ухаживания командора, который устроил ее в Оперу. Никакого раскаяния она не испытывает, напротив, вполне довольна своим положением. Таким образом, роль Шоншон противоречила моральной проблематике пьесы («бедность и честь») и нарушала основную тенденцию мелодрамы.

В общей сложности Некрасов исключил восемь явлений, введя взамен только одно (д. IV, явл. 4) — разговор командора с Марией. Цель его в данном случае заключалась в том, чтобы подчеркнуть низкую натуру командора: он продолжает преследовать Марию, уже зная, что ее любит его племянник.

Некрасову принадлежит еще одно важное добавление. Переведя довольно точно монолог Марии (д. II, явл. 5), он вкладывает в ее уста слова, которых не было во французском оригинале: «Я их <придворных господ> терпеть не могу...».

Некоторые изменения внес Некрасов и в финал: возможно, по цензурным соображениям он решил сделать из злодея командора типичного водевильного дядюшку-добряка, который устраивает счастье влюбленных.

В остальном Некрасов достаточно точно передал прозаический текст французской пьесы. Иначе обстояло дело с текстами стихотворными. Тут он чувствовал себя значительно увереннее и не столько переводил, сколько переделывал или же сочинял сам. В «Божьей милости» было тридцать песен и романсов; Некрасов оставил лишь восемнадцать; из этих восемнадцати тринадцать являются переделками, остальные пять сочинены им самим. Переделки Некрасова по художественной выразительности зачастую превосходили французские стихи. На это обратил внимание еще в начале 1900-х гг. писатель и драматург Ив. Щеглов (И. Л. Леонтьев): «Имея под рукой оригинал пьесы Деннери и сверяя по нем стихотворный перевод двадцатилетнего Некрасова, невольно удивляешься, как легко и вместе как колоритно переложены популярные французские куплеты, приобретшие в свое время, исключительно благодаря талантливому некрасовскому переложению, не меньшую популярность и в России». У Не-

красова, отмечал далее Ив. Щеглов, «очень тонкое „переложение", без тени аффектации, которой страдает „поэзия" французского оригинала,— переложение, стоящее много выше последнего» (*Щеглов Ив.* <*Леонтьев И. Л.*> Народ и театр. СПб., 1911, с. 220, 221).

Оригинальные стихи Некрасова, включенные в мелодраму, соответствуют направлению, которое принимает его поэзия к концу 1842 г. Особенно это относится к «Песне Марии» («В хижину бедную, богом хранимую, Скоро ль опять возвращусь...»). Не случайно Некрасов напечатал ее отдельно вскоре после премьеры (РиП, 1843, № 1, с. 240). Эта песня была популярной до конца XIX в. и вошла во многие песенники.

Переводя французскую мелодраму, Некрасов порою не удерживался от литературной полемики. Это относится к оригинальной песенке Пьерро (д. II, явл. 1). Ф. А. Кони, включив ее целиком в текст своей рецензии, писал: «Куплет этот напомнил нам очень живо одно ученое путешествие, и остроумная мысль его, нам кажется, взята чуть ли не из „Москвитянина"» (ЛГ, 1842, 25 окт., № 42, с. 866). Ф. А. Кони имел в виду последнее четверостишие песни, в которой Пьерро, наивный крестьянин, впервые попавший в Париж, с удивлением рассказывал о нравах парижских торговцев:

На бульварах очень сходно
Фрак иль брюки продают...
Жаль, одно лишь непригодно —
Что примерить не дают!

В данном случае Некрасов пародировал описание Парижа М. П. Погодиным, который в 1841 г. опубликовал отрывки из дневника под названием «Месяц в Париже»: «Купил на базаре летнее платье и с поспешностию, которая всегда мне дорого обходится: мне сперва скучно было примерять много, потом совестно не купить примеривши, наконец, стыдно подать слишком малую цену, в сравнении с запрошенною. Скучно, совестно и стыдно, итого: я купил дурное платье, не впору и дорого» (Москвитянин, 1841, № 2, с. 453). А. И. Герцен назвал этот дневник Погодина «приходно-расходным» (Герцен, т. V, с. 16).

В переделке Некрасова содержится еще один пример невольной, быть может, «русификации». В последнем действии один из савояров рассказывает, что в Париже он заработал 100 ефимков (в оригинале — 100 экю). Ефимок — старинное русское название иностранной монеты; в устах жителя Савойи слово это звучит, конечно, очень неожиданно.

В цензуре «Материнское благословение...» не встретило никаких препятствий. 3 октября 1842 г. помощник режиссера Руссо обратился в Контору императорских театров с просьбой о передаче в Цензурный комитет пьесы «Материнское благословение, или Бедность и честь», «избранной г. Шемаевым в свой бенефис, назначенный ему 19 октября сего года». В тот же день пьеса была препровождена в III Отделение (ЦГИА, ф. 497, оп. 1, № 9006, л. 60) и 7 октября 1842 г., как уже говорилось, разрешена к постановке (ЛГТБ, I, IV, 5, 71, л. 70). В кратком рапорте, который цензор обязан был составить для управляющего III Отделением, «Материнское благословение...» рассматривалось вместе с четырь-

мя другими переводами. М. Гедеонов писал: «Подлинники этих пьес одобрены к представлению. При разборе русских переводов не оказалось ничего предосудительного»,— после чего последовала окончательная резолюция генерал-лейтенанта Л. Дубельта: «Позволяется. 9 окт. 1842» (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1842, № 18, л. 82).

О готовящейся постановке «Материнского благословения...» в Петербурге было сообщено в «Литературной газете»: «На Александринском театре готовят, в бенефис г. Шемаева, драму „Материнское благословение", известную на французском под названием „La grâce de Dieu". Эта драма-водевиль исполнена самых поразительных театральных эффектов. Она давалась в Париже сто раз сряду, а савоярские мотивы, написанные для нее лучшими французскими сочинителями романсов, сделались даже народными. Мы видели эту пиесу в Москве, на французском театре, под названием „La nouvelle Fanchon": это до сих пор лучшая пиеса тамошнего репертуара» (ЛГ, 1842, 18 окт., № 41, с. 843).

Премьера «Материнского благословения...» состоялась на сцене Александринского театра 19 октября 1842 г. Центральную роль Марии исполняла М. Д. Дюр. В спектакле были заняты также В. В. Самойлов (командор), В. А. Шемаев (Пьерро), А. М. Максимов (Артур). Имя переводчика на афише было скрыто за обычным театральным псевдонимом Некрасова: «Н. Перепельский».

Премьера прошла успешно. По свидетельству А. И. Вольфа, актеры, занятые в спектакле, «были очень недурны, и публика осталась очень довольною исполнением» (Вольф, ч. I, с. 101).

Спектакль вызвал ряд откликов в печати. Подробная рецензия была написана Ф. А. Кони. По его мнению, французская драма, не заключавшая в себе особых литературных достоинств, была написана так искусно, что «пьесу можно смотреть с участием и большим удовольствием». Высказав несколько критических замечаний по адресу переводчика (главным образом в связи с исключением роли Шоншон). Ф. А. Кони в целом одобрительно отозвался о спектакле: «Драма сыграна у нас весьма удачно. Г-жа Дюр — в роли Марии — прелестна! Есть сцены, где она глубоко потрясает зрителя истиной своего увлечения, теплотою чувства и простодушной натурой, которая высказывается у нее в самых патетических сценах» (ЛГ, 1842, 25 окт., № 42, с. 866).

В чрезвычайно резких тонах перевод Некрасова был раскритикован в журнале «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (1842, № 21, с. 11). Переводчик обвинялся в том, что он «вовсе не знаком с языком оригинала, а переводит по лексикону». Это обвинение было подхвачено и в «Северной пчеле» (1842, 17 ноября, № 258).

Наиболее сочувственный отклик был помещен в «Отечественных записках»: «Несмотря на особенные названия каждого отделения (обыкновенная бенефисная проделка в наше время!), пьеса, переведенная г. Перепельским, очень удачно выбрана. <...> Это не похоже на наши „трагедии", и оригинальные, и переводимые с немецкого: в них есть только то, над чем можно позевать и поспать. Куплеты „Материнского благословения..." переведены очень мило. Пьеса шла вообще недурно. Г-жа Дюр, игравшая главную роль, была во многих местах очень хороша» (Театральная летопись. Русский театр в Петербурге.— ОЗ, 1842, № 11, отд. «Смесь», с. 42).

В этом отзыве «Северная пчела» не без основания почувствовала стремление противопоставить «Материнское благословение...» псевдоисторическим драмам, проникнутым монархическими тенденциями, которые были характерны для русской сцены тех лет. Поэтому, отрицательно отозвавшись о французском оригинале, «Северная пчела» с раздражением писала о тех, «которые расхваливают эту драму, порицая в то же время безотчетно произведения лучших наших драматических писателей» (СП, 1842, 17 ноября, № 258, с. 1029—1030). Эта позиция булгаринской «Северной пчелы» оставалась неизменной на протяжении ряда лет. Так, в 1849 г., не в силах замолчать успех «Материнского благословения...» у демократического зрителя, газета писала (в связи с постановкой пьесы в Москве): «Артист должен всегда помнить, что судья его партер, и хотя бы число лиц, в нем присутствующих, было очень невелико, все-таки он обязан дорожить только его мнением. В Москве, к сожалению, не то что в Петербурге: верхние галереи имеют перевес» (СП, 1849, 25 авг., № 186, с. 741; см. там же: 1849, 29 сент., № 216, с. 861).

Но при всем различии мнений о французской пьесе и о переделке Некрасова никто из рецензентов не отрицал успеха спектакля, который «понравился нашей публике» (РиП, 1843, № 1, с. 224; см. там же, с. 231). О популярности «Материнского благословения...» свидетельствует один из участников петербургского спектакля — В. В. Самойлов. Вспоминая, как трудно было ему пробиться к большим ролям, он писал: «Я предложил переиграть попеременно все *мужские роли* в драме „Материнское благословение..." («La nouvelle Fanchon»), бывшей тогда в большой моде; предложил это с условием, что если я хоть в одной роли буду хуже тех, которые играли до меня, то подвергаюсь штрафу, какой угодно будет назначить. Согласия не последовало» (Рус. старина, 1875, № 1, с. 212).

В 1846 г. «Материнское благословение...» было возобновлено на сцене Александринского театра при измененном составе исполнителей (особенно удачно играла роль Марии Н. В. Самойлова). Всего на сцене Александринского театра за период с 1842 по 1855 г. «Материнское благословение...» было поставлено 23 раза (Вольф, ч. II, с. VI).

Успешно шло «Материнское благословение...» и в Москве на сценах Большого и Малого театров. 29 октября 1843 г. в бенефис П. И. Орловой (игравшей роль Марии) роль командора впервые сыграл великий русский актер М. С. Щепкин (*Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 231).

Однако, несмотря на успех спектаклей, перевод Некрасова опубликован не был. Этим воспользовался некий Марков, который в 1848 г. напечатал свой перевод той же мелодрамы Деннери и Лемуана (без указания имени переводчика). Прозаический текст был переведен Марковым действительно с оригинала, о чем свидетельствует, в частности, восстановление роли Шоншон (у Маркова она получила имя Фаншеты). Что же касается куплетов и романсов, то все до одного они были взяты из перевода Некрасова. Спекулируя на известности «Материнского благословения...», Марков выпустил свой перевод под этим же, принадлежавшим Некрасову, заглавием, изменив лишь порядок слов: «Благословение материнское» вместо «Материнское благословение...». Таким же

образом были изменены слегка и стихотворные тексты, в том числе и те, которые сочинил сам Некрасов (см.: *Теплинский М. В.* К истории драмы Некрасова «Материнское благословение...».— Научный бюллетень Ленинградского университета. 1947, № 16—17, с. 37—38, где фамилия плагиатора дана ошибочно: Макаров вместо Марков).

Долгое время в Москве драму Деннери и Лемуана играли только по переделке Некрасова, затем сложилась парадоксальная ситуация: в Малом театре одна и та же пьеса одновременно игралась разными составами артистов по разным переводам. Так, известная русская актриса Л. П. Косицкая-Никулина играла роль Марии «по Маркову», а Е. Н. Лаврова-Васильева — «по Перепельскому». В печати того времени делались сопоставления игры этих актрис (СП, 1849, 25 авг., № 186, с. 741). Многие исследователи истории русского театра утверждают, что Л. П. Косицкая-Никулина выступала в «Материнском благословении...», переведенном Некрасовым. Это явная ошибка, проистекающая из широкой известности переделки Некрасова и почти полной неизвестности перевода Маркова (см., например: *Ревякин А. И.* Жизненный прототип Катерины. К творческой истории «Грозы».— В кн.: Вопросы русской литературы. Сб. статей. М., 1959, с. 294 (Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. Н. Потемкина, т. XCVIII); *Куликова К. Ф.* Л. П. Никулина-Косицкая. Л., 1970, с. 94—101; Театральная энциклопедия, т. III. М., 1964, с. 224). Имя Л. П. Косицкой-Никулиной как исполнительницы роли Марии указывается в издании перевода Маркова: Благословение материнское. Драма в 5 действиях, с куплетами, сочиненная гг. Денери и Густафом Лемуани. Изд. Манухина и Салаева. В типографии Александра Семена. М., 1848, с. 6.

Несмотря на то что перевод Маркова был опубликован, именно некрасовское «Материнское благословение...» в течение нескольких десятилетий не сходило со сцены, в то время как «Благословение материнское» было совершенно забыто. 30 августа 1873 г. в Малом театре роль Марии в «Материнском благословении...» сыграла М. Н. Ермолова. Правда, успеха в этой роли она не имела (см.: *Дурылин С. Н.* М. Н. Ермолова. 1853—1928. Очерк жизни и творчества. М., 1953, с. 68—69). Почти одновременно (сентябрь 1873 г.) отрывки из «Материнского благословения...» шли в Москве на сцене Общедоступного частного театра (на Варварской площади); в спектакле участвовали П. А. Стрепетова и Н. Х. Рыбаков.

Чрезвычайно популярно было «Материнское благословение...» в других городах. Спектакли с участием П. И. Орловой в Киеве и Одессе производили настоящий фурор (см.: *Псарев Я.* Русский театр.— Одесск. вестн., 1849, 15 янв., № 5; а также: 1848, 21 апр., № 32 и 20 ноября, № 93). В 1848 г. на сцене Ставропольского театра главные роли в некрасовской переделке французской мелодрамы исполняли Н. Х. Рыбаков и его жена П. Г. Рыбакова (см.: *Клинчин А.* Николай Хрисанфович Рыбаков. М., 1972, с. 119—120, а также с. 151). Шло «Материнское благословение...» и в Самаре (см.: *Альтшуллер А.* Павел Свободин. Л., 1976, с. 16). 13 июня 1880 г. М. Г. Савина писала Тургеневу из Одессы о местном театре, в котором, по ее словам, «Материнское благословение...» дает больше сбору, чем «Женитьба Белугина» (Тургенев, Письма,

т. XII, кн. 2, с. 558). Особенно популярна мелодрама была в Харькове, Казани и Нижнем Новгороде (*Чуковский К. И.* Несобранные статьи о Н. А. Некрасове. Калининград, 1974, с. 66).

Ив. Щеглов, посвятивший «Материнскому благословению...» специальную статью, писал, что это была «популярнейшая пьеса провинциального репертуара». Ему же принадлежит колоритный рассказ о постановке некрасовской переделки в петербургском народном театре «Америка» в начале 1900-х гг. По его словам, зрители чутко воспринимали в пьесе «глубоко демократические элементы: ее неизменное сочувствие униженным и оскорбленным, ее настойчивую защиту человеческих прав всякого несчастного бедняка...» (*Щеглов Ив.* «Материнское благословение» (памяти Н. А. Некрасова).— Ежемес. прилож. к журн. «Нива», 1906, № 11, с. 381—402).

«Материнское благословение...» продолжало идти на сценах театров и в первые годы после Октябрьской революции. Созданный вскоре после 1917 г. и поддержанный А. В. Луначарским «Театр классической мелодрамы и комедии» (Петроград) в качестве премьеры показал «Материнское благословение...» (см.: *Эмче.* «Материнское благословение».— Жизнь искусства, 1921, 6 дек., № 820, с. 5). В прессе тех лет сообщалось, что «Материнское благословение...» «было и остается одной из пьес, не сходящих с репертуара, и эта переводная мелодрама более других некрасовских „оригинальных" пьес напоминает нам о поэте, уже близком к обретению своего пути» (см.: *Новоселов Вл.* Некрасов-драматург.— Вестн. театра и искусства, 1921, 2 дек., № 8, с. 2). О постановках «Материнского благословения...» в 1920-е гг. см. также: *Марков П. А.* О театре, т. 3. М., 1976, с. 13—14. В 1940 г. издательство «Искусство» выпустило «Материнское благословение...» отдельной книгой.

С. 292. *Командор* — лицо, имеющее высшее звание в рыцарском ордене; здесь: знатный барин.

С. 292. *Савояры* — жители Савойи, области на юго-востоке Франции.

С. 303. *Я несу откуп фермы...*— Откуп — здесь: право на временное пользование.

С. 308. *Геридон* — круглый столик на одной ножке.

С. 324. *...чудесный дивертисман!* — Дивертисман (от *франц.* divertissement) — развлечение.

С. 334. *Музыка из водевиля «Приключение на искусственных водах»...*— название популярного водевиля П. А. Каратыгина, премьера которого состоялась в Александринском театре 10 сентября 1841 г. Опубликован в журнале «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (1842, № 4). «Пусть все мужчины злодеи ужасные, но только кроме его» — строки из романса героини водевиля Оленьки, который начинается словами: «Нового чувства всю силу значенья Он мне успел объяснить» (д. II, явл. 6).

С. 340. *Ритурнель* — повторяющийся аккомпанемент в начале и в конце песни.

КОЛЬЦО МАРКИЗЫ, ИЛИ НОЧЬ В ХЛОПОТАХ

(С. 351)

Печатается по тексту ЦР.

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. IV, с. 489—517. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР) — ЛГТБ, I, III, 6, 33. На титульном листе ее, вверху, помета: «Для бенефиса Г-жи Шелиховой 1-ой»; справа, на поле, ценз. разр.: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 19 октября 1842 года. Ценсор М. Гедеонов». В конце рукописи вклеен вариант заключительного куплета под названием «Последний куплет из водевиля „Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах"», имеющий отдельное ценз. разр. («Одобряется. СПб., 27-го октября 1847 г. Ценсор М. Гедеонов»):

Но веселей бы было нам,
Когда б вдобавок вы сказали:
Кольцо изрядно с рук сошло,
Что в нем нет фарсов, шума, вздору,
Оно и критике назло
Всем по руке пришлось и впору.

Принадлежит ли куплет Некрасову, установить не удалось, поэтому в основной текст он не вводится. Режиссерских помет рукопись почти не имеет. В ЛГТБ (I, V, 4, 68) находится также подстрочный перевод пьесы, переработанный Некрасовым, который по существу является наполовину авторизованной рукописью, наполовину автографом первоначальной редакции водевиля (АР). На титуле подстрочника заглавие: «Кольцо маркизы, или [Ночные хлопоты] Ночь в хлопотах. Комедия-водевиль в одном действии. Перевод с французского». Все страницы рукописи поделены вдоль на две половины: слева текст подстрочника с исправлениями рукой Некрасова, справа более значительная его правка — стихотворный текст куплетов, перебеленные куски текста.

Основной источник текста, ЦР, является следующим этапом работы Некрасова над водевилем по сравнению с подстрочником. В разделе «Другие редакции и варианты» приводятся в качестве вариантов некрасовская правка и самый текст подстрочника, не измененный Некрасовым, если они не совпадают с основным текстом. Текст подстрочника, который в дальнейшем был изменен Некрасовым, в вариантах не отражается.

Чрезвычайно интересна и наглядна в подстрочнике работа Некрасова над куплетами. Из пятнадцати куплетов оригинала Некрасов три опускает совсем, один, заключительный, заменяет совершенно другим по теме, остальные одиннадцать перелагает очень вольно, используя основной мотив оригинального куплета или его отдельные мысли, выражения. Приводим два характерных примера такой переработки. Куплеты Мариетты из явл. 11 — «Когда б Руже мой милый...» и «Ах, что за призрак чудный...» — в подстрочнике звучат так:

1) Ах! Правда,
Это мило!
Под этою одеждой

Да каждый моим станом
Должен быть доволен,
Я сомневаюсь, чтоб
Этот грациозный костюм,
Я сомневаюсь, чтоб лучше
И на барыне был.
Но под этой черной маской
Нет возможности
Дышать!.. Нет нужды!
2) Небо, что я вижу?
Страх невольно
Закрался в мою душу...
(смеясь)
Как я глупа, однако,
Увидя себя,
Я думала, что это барыня,
В самом деле за нее бы
Меня приняли.

Пьеса написана в 1842 г., завершена не позднее начала октября этого года (представлена в цензуру 8 октября).

Французским оригиналом водевиля является водевиль П.-Э.-Ш. Лоренсена (P.-A.-Sh. Laurencin) и П.-Е.-П. Кормона (P.-E.-P. Cormon) «Кольцо маркизы» («L'anneau de la marquise», 1842). В библиотеках СССР эта пьеса не обнаружена, но в «Литературной газете» за 1842 г. в разделе «Смесь» (рубрика «Парижские театральные новости») содержится сообщение, позволяющее точно установить оригинал некрасовской пьесы, который ранее указывался лишь предположительно: «В *Водевиле* дали „Кольцо маркизы" («L'anneau de la marquise»). Это характеристическая пьеса из времен Людовика XV. Дело идет об одном довольно простоватом офицере, который, думая, что ему везет счастье в интриге с маркизой, преспокойно одерживает победу над ее горничной. Кольцо было виною всей завязки и развязки. Маркиз отделывается страхом, что его дражайшая половина виновна в измене, а офицер остается в дураках» (ЛГ, 1842, 26 июля, № 29, с. 606). В письме к Ф. А. Кони от 16 августа 1841 г. Некрасов упоминает о своем водевиле в двух актах «Рыжий человек», который должен пойти в бенефис актера Толченова. Поскольку пьесы с таким названием среди русских водевилей не было найдено, высказывалось предположение, что речь в этом письме идет о «Кольце маркизы» Некрасова, где действует садовник Руже (rouge — по-французски красный, ярко-рыжий). Однако письмо относится к 1841 г., тогда как французский оригинал «Кольца маркизы» датируется 1842 г. (см.: Bibliothèque dramatique de monsieur de Soleinne. Catalogue rédigé par P.-L. Jacob, v. III. Paris, 1844, p. 201). Возможно, что оригиналом не дошедшего до нас водевиля Некрасова «Рыжий человек» была пьеса Пиксерекура (P.-Sh.-G. Pixérécourt) «Маленький рыжий человек» («Le petit homme rouge», 1832).

Впервые водевиль был поставлен на сцене Александринского театра 2 ноября 1842 г. в бенефис актрисы М. Ф. Шелиховой (разрешение на постановку получено 20 октября — см.: ЦГИА, ф. 497, оп. 1, № 9006, л. 62 и 69).

Успеха водевиль не имел и после трех представлений был снят со сцены. Возможно, это объясняется неудачной постановкой пьесы. В. Г. Белинский писал, что «Кольцо маркизы» — «очень хорошенький водевиль, если его хорошо обставить и хорошо разыграть на сцене» (ОЗ, 1842, № 12, с. 113).[1] «Северная пчела» утверждала, что водевиль сам по себе «довольно забавен», но «переведен г. Перепельским так же дурно, как и драма „Материнское благословение...“» (СП, 1842, 17 ноября, № 258, с. 1030). В «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров» было высказано мнение, что «Кольцо маркизы» «принадлежит к числу пьес, которые могут иметь успех только на французской сцене» (РиП, 1843, т. I, № 1, с. 224).

С. 351. *Фонтенбло* — город в 59 км на юг от Парижа, старейшая загородная резиденция французских королей.

С. 358. *Домино* — длинный маскарадный плащ с капюшоном.

КОЛЛЕКТИВНОЕ
1841—1842

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА СЫНА СТОЛБИКОВА

(С. 381)

Печатается по тексту ЦР.

Впервые опубликовано: в отрывках — *Максимов В.* Литературные дебюты Н. А. Некрасова. СПб., 1908; полностью (И. Я. Айзенштоком) — *Квітка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори, т. VII. Харків, 1931, с. 702—801.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР) — ЛГТБ, I, VI, 1, 69. На титуле ее, внизу,— ценз. разр.: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 30-го апреля 1842 г. Ценсор М. Гедеонов». Помета цензора есть и на последнем листе рукописи. Текст правлен чернилами, рукой актера и водевилиста П. И. Григорьева (Григорьева 1-го). На полях и в самом тексте режиссерские пометы, сокращения и исправления (другими чернилами и карандашом).

Судя по письму Некрасова к Ф. А. Кони от 2 апреля 1842 г., а также письмам П. И. Григорьева к Ф. А. Кони (ЛГТБ) и

[1] В отзыве «Отечественных записок» была сделана интересная ошибка: рассказывая о содержании «Кольца маркизы», Белинский вместо Мариетты употребил имя Минетта, а вместо маркизы де Люси — госпожа Боливе, заменив тем самым героев водевиля Некрасова героями водевиля Скриба и Дюверные «Женатый проказник, или Рискнул да и закаялся», написанного на сходный сюжет (у Скриба только не «госпожа Боливе», а «госпожа Бониве»).

Г. Ф. Квитке-Основьяненко (ИРЛИ), комедия писалась в конце 1841—начале 1842 г. и была завершена в апреле 1842 г.

Пьеса представляет собой переделку романа Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова» (СПб., 1841). Инициатором переделки являлся Григорьев.

В мае 1841 г. на сцене Александринского театра был поставлен «Шельменко-денщик» Квитки-Основьяненко, в котором Григорьев сыграл главную роль. Шумный успех этого водевиля побудил Григорьева выбрать для своего бенефиса 1842 г., назначенного на 4 мая, новое произведение Квитки. Из писем Григорьева к Квитке (ИРЛИ, ф. 265, отд. 2, № 801) устанавливается, что последний предлагал бенефицианту для переработки несколько своих произведений, но что Григорьев остановился на только что вышедшем (в конце 1841 г.) «Столбикове». Выбор этот трудно объяснить (роман очень громоздок и неудобен для переделки), если не предположить, что Григорьев имел в руках эту уже в основном осуществленную переделку, т. е. знал, что, собственно, он выбирает. Косвенные доказательства этому есть в письмах Григорьева к Квитке и Ф. А. Кони.

Еще в 1841 г. или в самом начале 1842 г., сообщая писателю, как идет продажа его книг, Григорьев впервые в связи со «Столбиковым» упоминает имя Некрасова: «Перепельский мне сказывал,— пишет он,— что и „Столбикова" наверно уже продано до 1000 экземпляров» (ИРЛИ, ф. 265, отд. 2, № 801).[1] По всей вероятности, Некрасов специально интересовался, как расходится книга, задумывая ее переделку. Возможно, уже тогда, т. е. в конце 1841 г. или в самом начале 1842 г., Некрасовым или Некрасовым и Григорьевым совместно был составлен план переработки романа и Некрасов приступил к его переделке. Во всяком случае, в письме от 2 апреля 1842 г. к Ф. А. Кони Некрасов утверждал, что «пьеса делается не наскоро и не кое-как».

К началу апреля 1842 г. водевиль был почти готов. В письме, датированном 3 апреля этого года, Григорьев отстаивает его перед Квиткой, который, видимо, сомневался в правильности сделанного Григорьевым выбора и предлагал ему другие варианты. «О судьбе нашего „Столбикова" не беспокойтесь совершенно,— уговаривает Григорьев Квитку,— он будет сыгран и не обруган». И далее: «Благодарю Вас от всего сердца за „Бессрочного"! Но, увы! его надо обделать с куплетами, а бенефис назначен очень скоро и потому никак не поспеет ко времени: я теперь удовольствовался пока „Столбиковым" <...> Извините, более писать теперь не имею времени,— заключает он,— ставлю свой бенефис и боюсь за потерю времени. „Столбиков" наш будет преинтересная штука!» (ИРЛИ, ф. 265, отд. 2, № 801).

Очевидно, только в эту пору, т. е. когда пьеса была почти готова, у Григорьева явилась мысль привлечь к работе еще несколько известных водевилистов. 2 апреля Некрасов пишет в Москву находившемуся там Ф. А. Кони: «Вот к Вам еще вельми важная просьба. Мы начали с П. И. Григорьевым для его бене-

[1] Это письмо, а вернее приписка к какому-то письму, не датировано. Из текста, однако, ясно, что оно предшествует письму от 3 апреля 1842 г., в котором говорится, что «Столбикова» уже продано 1500 экземпляров.

фиса комедию-водевиль в 4-х актах под названием „Столбиков" в полной уверенности, что Вы не откажетесь также написать акт или хоть сценки две-три. Такое соединение имен, еще небывалое на русской афишке, может принесть существенную пользу бенефицианту. Вот мы писали и поджидали Вас, но между тем Вас нет и, может быть, Вы еще не скоро будете, а время уходит, бенефис 4-го мая. У нас просто руки опустились, и, чтоб не терять долее времени, прибегаем к Вам с усерднейшею просьбою. Напишите в „Столбикова" сколько Вам позволит время и пришлите к нам <...> Прошу Вас от имени бенефицианта и от своего, которое без Вашего на афише будет сиротствовать». Вероятно, одновременно или немногим позже обратился с этой просьбой к Ф. А. Кони и Григорьев: «...наш „Столбиков" делается весьма хорошо, уже три действия готовы и вышли зело интересны, а что уж забавны, о том и говорить нечего! Но вот в чем самая интереснейшая вещь для самого бенефицианта: мы составляем на первый раз честную компанию из имен, заслуживших добрую репутацию в театре, т. е. на русской афише явится четыре или даже, может быть, пять фамилий, участвующих в „Столбикове". По этому вы легко можете догадаться, что без вас обойтись невозможно, да и не должно, а для меня даже крайне невыгодно». Далее из письма выясняется, что Григорьев уже обращался с подобной просьбой к П. А. Каратыгину и получил отказ и что ведутся переговоры с Д. Т. Ленским, который также не соглашается: «Вот, например, похоже ли на дело письмо Д. Т. Ленского? Он тоже был приглашен в компанию, послан был мною ему план 3-й картины „Столбикова" с покорнейшею просьбою, план был разбит на явления, даже все объяснено, кто и что должен говорить и делать,— вдруг злодей присылает обратно, говоря, что это невозможно, и то, и се, и бог знает что!.. Впрочем, так как наша затея была бы вдвое курьезнее при участии москвича, то, невзирая на отказ и извинения Ленского, я послал ему новое письмо и план только на 3 явления пьесы. Неужели он опять зарежет отказом? Батюшка! если вы с ним не в разладе, ради создателя уломайте Митюху! ежели вы не возьмете этого труда услужить мне или узнаете, что он все-таки не берется, прошу вас, пошлите от моего имени взять у него план 3-х явлений и намахайте в укор и позор изменникам!» (ЛГТБ, Р$\frac{I}{294}$).[1]

По-видимому, Ф. А. Кони также отказался участвовать в переделке, и тогда к работе был привлечен популярный в то время водевилист П. С. Федоров.

Трудно с точностью определить, какова была доля участия в переработке романа каждого из соавторов, однако ясно, что основная работа была выполнена Некрасовым. Во-первых, сам Григорьев в эти годы был постоянно чрезвычайно занят как актер. В одном из писем к Квитке (от 6 ноября 1842 г.; И. Я. Айзенштток ошибочно датировал это письмо 1841 г., хотя оно имеет дату) он жалуется на свою загруженность в театре: «Играю каждый день да учу по три новых роли каждую неделю. Согласитесь

[1] Письмо без даты, но по содержанию и упоминанию срока, оставшегося до бенефиса Григорьева, может быть датировано первой декадой апреля 1842 г.

сами, когда тут писать!» (ИРЛИ, ф. 265, отд. 2, № 801). Заботы о бенефисе еще менее оставляли ему времени для участия в коллективной работе над пьесой (см. выше его письмо к Ф. А. Кони). Вероятно, его участие выразилось в разработке совместно с Некрасовым подробного плана водевиля, а скорее даже — в утверждении плана, уже составленного Некрасовым. Кроме того, в ЦР есть следы его правки, сделанной, впрочем, может быть, уже после первой постановки «Столбикова».

Федоров, который приступил к работе не ранее середины апреля, должно быть, ограничился теми тремя явлениями, которые Григорьев тщетно предлагал Ленскому, а потом Ф. А. Кони.

Сличение пьесы с романом Квитки показывает, что в общем драматическая переделка «Столбикова» довольно близка к роману. В карт. I и II пьесы текстуально точно воспроизводятся почти все реплики героев Квитки, а описания, обрамляющие их, обращены в ремарки. Некрасов, очевидно, пытается сохранить относительно острое социальное звучание соответственных глав романа, подчеркивает содержащийся в них протест против чиновно-бюрократического произвола.

Чтобы избежать композиционной расплывчатости, Некрасов, перерабатывая роман, старался создать комедийную интригу. С этой целью некоторые эпизодические персонажи романа объединяются в одно лицо, действующее на протяжении всей пьесы. Так, поверенный Жиломотова Петигорошкин сочетает в себе чиновника, приехавшего ревизовать Жиломотова, кляузника-помещика, у которого Столбикову пришлось служить, и поверенного Жиломотова. «Объединены» также Дуняша, горничная в доме губернатора, и Авдотья Марковна, ставшая женой Столбикова. В романе они никакого отношения друг к другу не имеют.

Карт. IV наименее связана с романом и благодаря быстро развивающемуся в ней действию и ряду специфических приемов по своему характеру наиболее близка к водевилю. Дядюшка Столбикова сделан в пьесе отцом Катеньки — последней невесты Столбикова, тогда как в романе Катенька, дочь одной вдовы-помещицы, никак с дядюшкой не связана. Совершенно отсутствует в романе подмена невесты в карете. У Квитки к женитьбе героя Петигорошкин не причастен, а в пьесе именно он, подкупленный Авдотьей Марковной, устраивает брак Столбикова.

Куплеты оригинальны. В карт. I, II и IV, уже написанных к тому времени, когда явилась мысль о привлечении других водевилистов, они, по всей вероятности, принадлежат Некрасову.

В карт. II Григорьевым были сделаны многочисленные сокращения и изменения, носящие характер цензурных смягчений. Между тем в цензуре комедия никаких сомнений не вызвала. Докладывая 28 апреля 1842 г. о ней начальнику III Отделения Дубельту, цензор М. Гедеонов писал: «В пьесе нет ничего предосудительного». В тот же день Дубельтом было дано разрешение на постановку пьесы (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1842, № 18, л. 29). Протокола о цензурных изъятиях из пьесы в архиве не обнаружено (там же, ф. 780, оп. 1, 1840—1851, № 46). Это, а главное содержание исключений и изменений текста, дает основание предполагать, что цензурные смягчения были сделаны самим Григорьевым или Григорьевым по просьбе Квитки. Не исключена также возможность, что внесены они были в цензурованную рукопись, в

дальнейшем служившую театральным экземпляром пьесы, не до посылки в цензуру и первой постановки, а уже значительно позже, когда от Квитки был получен посылавшийся ему экземпляр водевиля.

Как известно, Квитка очень боялся, что сатирические картины его романа, особенно изображение чиновничьего произвола и взяточничества, вызовут озлобление против него местных губернских чиновников. В письме к П. А. Плетневу от 28 апреля 1839 г. он писал: «А что касается до губернских чинов, так там беда! Куда ни оборотись, все будут ворчать. Вместо *губернского прокурора* о экипаже нельзя ли переменить стряпчий верхнего земского суда; советника, к которому явился Пустолобов (в последнем варианте романа — Столбиков) для получения места, нельзя ли переменить на секретаря наместнического правления; и проч. и проч., всего и не припомню» (*Квітка-Основ'яненко Г. Ф.* Твори, т. VII, с. 642). Под влиянием этого страха он чуть было не остановил вообще издание романа (см.: Твори, т. VII, с. 650—652).

Правка Григорьева касается именно той картины водевиля, в которой выведены губернские чиновники, и сделана в духе пожеланий Квитки: «директор экономии» заменен «членом по экономической части», общее указание «чиновники» в ремарке явл. 10 заменено указанием «стряпчий, советник и другие», исключены те места в тексте, где наиболее открыто говорится о поголовном и наглом взяточничестве чиновников. В письме к Квитке от 6 ноября 1842 г. Григорьев пишет: «Еще прошу Вас прислать нашу пьесу „Столбикова" (только с вашими переделками, не иначе), так мы их выучим и будем играть, сверх того, я хочу ее напечатать в „Репертуаре"».

Поскольку правка Григорьева ослабляет сатирическое звучание пьесы, которая к тому же в основном принадлежит перу Некрасова, в настоящем издании она не учитывается.

Комедия была впервые поставлена в Петербурге, на сцене Александринского театра, 4 мая 1842 г. в бенефис П. И. Григорьева.

Особенного успеха она не имела. После трех представлений (4, 7 и 17 мая 1842 г.) «Столбиков» был снят с репертуара и в Петербурге более не шел, но в том же году ставился в Харькове.

Еще перед спектаклем «Литературная газета» объявила, что от соединения имен таких трех водевилистов, как Перепельский, Федоров и Григорьев, можно «ожидать чего-нибудь замечательного» (ЛГ, 1842, 26 апр., № 16, с. 333). Однако после первой постановки газета была вынуждена признать, что «растянутость четвертого акта и некоторая сухость второго много повредили успеху комедии, которая изобилует многими смешными и оригинальными сценами. Г. Мартынов неподражаемо хорош в роли Столбикова. Г. Григорьев (Петигорошкин) и г-жа Гусева (служанка) много принесли пользы этой пиесе своей оригинальной, одушевленной игрой» (ЛГ, 1842, 10 мая, № 18, с. 371).

«Северная пчела» прямо заявила, что «ни заманчивое заглавие, ни компанство трех водевилистов, ни особенное название, прилепленное к каждому акту, ни предварительные возгласы в приятельской газете, ни наши искренние желания, ни даже игра г. Мартынова не могли спасти комедии этой от торжественного падения!!..» (СП, 1842, 18 мая, № 109, с. 435). Ей вторил «Ре-

пертуар русского и Пантеон всех европейских театров», где в эту пору также хозяйничали Булгарин и Межевич: «Комедия <...> не имела ни малейшего успеха. Это была первая попытка написать пьесу втроем по парижскому обычаю, и попытка не удалась вовсе» (РиП, 1842, т. I, № 1, с. 219).

Суровым был и отзыв «Отечественных записок». В. Г. Белинский, который еще ранее критиковал самый роман за нечеткость общественной позиции автора и его попытку затушевать истинные причины уродств русской жизни, теперь писал: «Эта комедия, с куплетами и с подьяческим заглавием, заимствована из романа г. Основьяненко, вышедшего в конце прошлого года. Читателям известно наше мнение об этом романе, впрочем, весьма почтенного писателя, равно как и самый роман. Комедия — как надо быть комедии, выкроенной из неудавшегося юмористического романа нашими доморощенными водевилистами: тут и преувеличенные против образца фарсы, и потребное количество двусмыслиц, и куплеты — главное куплеты,— в которых остроумию составителей обыкновенно бывает полный простор. Столбиков комедии не похож на Столбикова романа: у г. Основьяненко он — то несбыточный пошлый идиот, то очень умный и нравственный человек, которому автор сильно сочувствует, в комедии он лубочно-смешной и круглый дурак, который, при такой же неестественности, по крайней мере одинаков» (ОЗ, 1842, № 6, с. 108).

С. 383. *...в желтых китайчатых брюках...*— Китайчатые — т. е. из китайки, бумажного материала мутно-желтого цвета, первоначально привозившегося из Китая.

С. 395. *...вон красный отчет, вон белый! ... вон и синий...*— Имеются в виду денежные ассигнации конца XVIII в.: красная — 10 руб., белая — 25, 50, 100 руб., синяя — 5 руб.

С. 403. *...хватай мушкет по темпам!..*— Речь идет о выполнении ружейных приемов по счету.

С. 427. *Бьется ... как калашник...*— т. е. мелкий торговец калачами, который сам и печет калачи, сам и торгует ими вразнос.

С. 430. *Кникса* — книксен, поклон с приседанием.

С. 436. *(Ей.) Апропо!..* — Апропо (от *франц.* à propos) — кстати.

С. 448. *Нижняя расправа* — полиция или суд нижней степени, сельский.

С. 455. *...не уронил реноме фамилии нашей...*— Реноме (от *франц.* renommé) — честь.

С. 456. *Вот я тебе эксплику ю...*— Эксплику ю (от *франц.* expliquer) — объясняю.

С. 460. *Экуте, на дружеское слово...*— Экуте (от *франц.* écouter) — послушайте.

С. 460. *...мы не женируемся...*— Не женируемся (от *франц.* gêner) — не стесняемся.

С. 460. *Нет никакой консолации.*— Консолация (от *франц.* consolation) — утешение.

С. 460. *...пойду обозреть саранчу ... адье.*— Адье (от *франц.* adieu) — прощай.

С. 463. *...одна только книжка, маркиза Глаголь...*— Имеется в виду роман аббата Прево (1697—1763) «Mémoires et aventures

d'un homme de qualité du monde», переведенный на русский язык в 1756—1765 гг. Ив. Елагиным и В. Лукиным под названием: «Приключения маркиза Г***, или Жизнь благородного человека, оставившего свет». Глаголь — старинное название буквы «Г» в русском алфавите.

С. 463. *«Деревенский эконом»* — «Эконом (городской и деревенский), или Книга домашней пользы», соч. И. Ляликова. М., 1796.

С. 463. *«Ехал казак за Дунай...»* — ария из «Казака-стихотворца», «анегдотической оперы-водевиля» А. А. Шаховского (1812); *«Приди в чертог ко мне златой...»* — вошедшая в песенники и особенно популярная в провинции ария из части I «Днепровской русалки» — русской переделки немецкой оперы композитора Ф. Кауера на слова Генслера «Дунайская нимфа» (к трем частям в переделке Н. Краснопольского (1803—1805) А. А. Шаховской в 1807 г. присочинил четвертую часть, с музыкой Давыдова).

С. 467. *...свою предику читает.*— Предика (от *нем.* Predigt) — проповедь.

С. 474. *...много ль вы за честь берете?* — Игра слов: в просторечии выражение «служить из чести» означало «служить за чаевые».

ВОЛШЕБНОЕ КОКОРИКУ, ИЛИ БАБУШКИНА КУРОЧКА

(С. 487)

Печатается по тексту ЦР, с восстановлением цензурной купюры в ремарке д. IV, явл. 2 («приподнимает и сажает к себе на одно колено») на основании рапорта цензора (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1840—1851, № 46, л. 42) и РР, а также с исправлением следующих ошибок переписчика по РР: с. 488, строка 8: «ужасное несчастие» вместо «жалостное несчастие»; с. 489, строка 40: «танцует под реприз музыки» вместо «танцует под музыки»; с. 492, строка 27: «то я дам себя знать...» вместо «то я дам тебе знать...»; с. 493, строка 18: «постой!.. *(Видит на столе очки.)*» вместо «постой!..»; с. 494, строка 40: «Бабушка» вместо «Бабушка *(берет письмо)*»; с. 496, строка 20: «ты этого ничего не увидишь» вместо «ты это ничего не увидишь»; с. 501, строки 10—11: «около балагана» вместо «около балкона»; с. 501, строки 18—20: «не мешало бы перекусить... у меня в желудке ужасная тревога! Колибри: Что у нас есть? Колибри. Кроме» вместо «не мешало бы перекусить... Колибри. Кроме»; с. 503, строки 15—16: «*(Сам в это время смотрит в кулису. В сторону)*» вместо «*(Сам в это время смотрит*»; с. 503, строка 27: «отыскиваете ...а?» вместо «отыскиваете-сь... ее?»; с. 504, строка 24: «покорно вас благодарю!» вместо «и покорно вас благодарю!..»; с. 508, строка 31: «Смейтесь, смейтесь, мамзель Клара...» вместо «Смейтесь, смейтесь!.. мамзель Клара...»; с. 508, строка 33: «вас заставил» вместо «вас заставлю»; с. 510, строки 20—21: «оркестр один играет несколько такт» вместо «оркестр один играет несколько танц»; с. 511, строка 15: «добрый малый» вместо «добрый какой»; с. 511, строка 21: «тоже не скажу» вместо «тоже скажу»; с. 511, строка 22: «Ска́жете!..» вместо «Скажите!..»; с. 511, строка 27: «она не виновата» вместо

«она виновата»; с. 517, строки 32—33: «нарушение спокойствия; на дороге попались» вместо «нарушение спокойствия на дороге. Попались»; с. 519, строка 2: «Сарданапал в лычках» вместо «Сарданапал в —»; с. 523, строка 15: «как я благороден» вместо «как я благодарен»; с. 532, строка 6: «возьму курочку вашу и со всем» вместо «возьму и совсем».

Впервые опубликовано и включено в собрание сочинений: ПСС, т. IV, с. 519—576. В прижизненные издания произведений Некрасова не входило.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР) и рукописная редакция (РР) — ЛГТБ, I, II, 2, 93; I, I, 4, 69. На титульном листе ЦР кроме заглавия и подзаголовка, воспроизводимых в настоящем издании, ряд помет. Вверху, слева: «Для имп<ераторского> СПб. театра. 18 сент<ября>. № 3691»; справа: «Для бенефиса г-на Шемаева 4 октября 1843 года, игранная в Москве». Внизу ценз. разр.: «Одобряется к представлению. С.-Петербург. 24 сентября 1843 года. Помощник цензора <*нрзб*>». Подпись цензора есть и на последнем листе рукописи. В начале рукописи, перед текстом, перечисляются все картины пьесы с названиями, указанием на место действия и действующими в них лицами. В настоящем издании этот перечень картин опускается, так как его содержание в рассредоточенном виде полностью повторяется затем в соответствующих местах пьесы (при каждой новой картине). Рукопись писарская, с большим количеством погрешностей (невыправленные описки, неправильно прочтенные слова оригинала).

На титуле РР — только название: «Волшебное Кокорику, или Бабушкина курочка». Карандашом ниже добавлено: «В 5-ти действиях». Рукопись писарская, с режиссерскими пометами и купюрами. Текст более исправный, чем в ЦР, но также с описками. Данная рукопись предшествует ЦР, так как в ней сохранена в первоначальном виде упомянутая выше ремарка, измененная по требованию цензора. По всей вероятности, ЦР изготавливалась с экземпляра, в свою очередь скопированного с РР и затем правленного, поскольку некоторые ошибки ЦР связаны с особенностями написания текста в РР (см. выше).

Пьеса была завершена не позднее первых чисел ноября 1842 г., так как 19 ноября 1842 г. она была уже разрешена Дубельтом для представления на сцене императорского Московского театра (ЦГИА, ф. 780, оп. 1, 1842, № 18, л. 95). Приступил к ее написанию Некрасов, вероятно, не ранее конца марта 1841 г., поскольку французский оригинал пьесы был разрешен к постановке в Петербурге 11 марта 1841 г. (ЦГИА, ф. 497, оп. 1, 1841—1842, № 8756, л. 6).

Пьеса является вольным переводом французского водевиля в пяти актах «Cocorico, ou La poule à ma tante» Т.-Ф. Вильнева (T.-F. Villeneuve), М. Массона (M. Masson) и Сент-Ива (Saint-Ives), впервые поставленного в Париже в 1840 г. В России, как уже говорилось, водевиль появился на сцене весной 1841 г.

В русской переделке водевиля каждое действие (картина) получило свое название; была значительно переработана карт. III: вместо четырех сцен оригинала дано восемь явлений, что явилось

следствием некоторого усложнения сюжета; карт. V была дополнена новым (2-м) явлением, в ней появилась также эпизодическая роль нотариуса. Что касается куплетов, то лишь немногие из них являются вольным переводом французского оригинала. Большинство их написано по мотивам куплетов французского водевиля. Совершенно оригинальны куплет бабушки (карт. I, явл. 1) «Послушай моего совета...», куплеты Лявенета и Бутондора (карт. II, явл. 1) «Сейчас чтоб было мне жаркое...» и заключительный хор крестьян (карт. V, явл. 2) «Здорова ль, бабушка ты наша?..».

Соавтором Некрасова был некто «И. Ш-ъ». По предположению Н. А. Пыпина, это Иван Антонович Шемаев, брат актера В. А. Шемаева. Судя по работе Некрасова над водевилем «Кольцо маркизы...», можно предположить, что И. А. Шемаев был, вероятно, автором подстрочного перевода пьесы, которым пользовался Некрасов, не владевший свободно французским языком.

Впервые водевиль был поставлен в Москве 4 декабря 1842 г. на сцене Большого театра. 4 октября 1843 г. пьеса была играна в Петербурге в Александринском театре в бенефис В. А. Шемаева. Бенефициант играл роль бабушки, другие роли исполняли: Кокорику — В. Самойлов; Бутондор — П. И. Григорьев; Клара — Н. В. Самойлова (Самойлова 1-я). Музыка к пьесе принадлежит А. С. Гурьянову.

Водевиль был принят публикой хорошо. В сезон 1843/1844 г. он выдержал в Петербурге десять представлений, в следующий — пять. В 1856 г. спектакль был возобновлен на сцене Малого театра в Москве.

Об успехе водевиля свидетельствуют и отзывы критики. В. Г. Белинский характеризовал его как «шалость, которую приятнее видеть, чем тяжелую и важную трагедию» (ОЗ, 1843, № 11, с. 51). Сходная оценка принадлежала Ф. А. Кони: «„Волшебное Кокорику" — фарс, но игривый, милый фарс, нисколько не похожий на обычные фарсы Александринского театра, для которого идеалом шутки служит „Война Федосьи Сидоровны с китайцами" <«Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», сибирская сказка в двух действиях, с пением и танцами,— псевдопатриотическая пьеса Н. Полевого>» (ЛГ, 1843, 10 окт., № 40, с. 724). «Вся эта водевильная идиллия о бабушке и внучке, о курочке и петушке,— заключает Кони,— заимствованная из старинной французской сказки, кажется, проказника Дората, очень мила и забавна на сцене. Она переведена весьма грамотно и ловко и украшена хорошенькою музыкою. Вы смеетесь от начала до конца, и между тем вкус ваш ничем не оскорблен: все наивно, игриво и мило...» (там же, с. 725). Доброжелательный отзыв поместил даже «Репертуар русского и Пантеон иностранных театров», редактором которого был В. С. Межевич. Однако здесь успех водевиля был отнесен за счет «наивной игры» Самойловой 1-й, «которая поет, прыгает и танцует очень мило» (1843, т. IV, № 11, с. VIII). «Русский инвалид» в своем отзыве на бенефис Шемаева советовал «взглянуть на этот фарс, кто любит посмеяться и не будет слишком взыскателен к тем средствам, которыми возбуждается этот смех» (1843, 19 окт., № 232, с. 925).

С. 490. *...за колесо...*— здесь: за прялку.

С. 519. *Сарданапал* — у некоторых древних историков — имя последнего ассирийского царя, прославившегося страстью к роскоши и наслаждениям, которая привела его к гибели; стало нарицательным.

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ <1855—1856>

(С. 543)

Печатается по автографу.

Впервые опубликовано: *Чуковский К. И.* Некрасов, Николай I и Асенкова.— Звенья, II. М.— Л., 1933, с. 296—301.

В собрание сочинений впервые включено: ПСС, т. IV.

Черновой автограф — ГБЛ (Зап. тетр. № 1, л. 20—21 об., 25—26).

Датируется 1855 или 1856 г. по положению автографа в Зап. тетр. № 1.

По содержанию наброски связаны со стихотворением «Так говорила актриса отставная...» (см.: наст. изд., т. II, с. 21), автограф которого находится в той же тетради. Из стихотворения, так же как и из набросков, не вполне ясно, в чем заключалась просьба старухи (в прошлом, видимо, актрисы и любовницы князя), являющаяся завязкой произведения. Комментатор стихотворения А. М. Гаркави высказал предположение, что речь могла идти об определении Наташи на сцену или о денежной помощи (см.: наст. изд., т. II, с. 340). В стихотворении дана трагическая развязка ситуации: князь отказал в просьбе, старуха умирает в нищете, оставляя дочь без средств к существованию. Первый публикатор комментируемых набросков К. И. Чуковский полагал, что в задуманном произведении Некрасов хотел воспроизвести трагическую судьбу актрисы В. Н. Асенковой и ее матери. Несовпадение некоторых деталей в набросках с реальной биографией актрисы показывает, что Некрасов пытался создать художественно обобщенный образ. Тем не менее впечатления от яркого таланта и ранней кончины В. Н. Асенковой, отразившиеся в стихотворениях Некрасова «Прекрасная партия» (1852) и «Памяти <Асенков>ой» (1855), повлияли, по-видимому, на замысел этой неосуществленной пьесы.

В дальнейшем тема зависимости русской актрисы от покровительства высокопоставленных лиц возникнет в ранней редакции «Сцен из лирической комедии „Медвежья охота"» — «Как убить вечер?» (1866—1867). О перекличке сюжетных линий этих произведений см.: наст. изд., т. III, с. 391.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ[1]

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XIII. М., 1953—1959.
Вольф — *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года, ч. I—II. СПб., 1877.
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1966.
Григорович — *Григорович Д. В.* Полн. собр. соч. в 12-ти т. СПб., 1896.
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛГТБ — Архив Ленинградской государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского.
ЛН — «Литературное наследство».
Некр. и театр — *Евгеньев-Максимов В. Е. и др.* Некрасов и театр. Л.— М., 1948.
Некр. сб.— Некрасовский сборник. I—III. М.— Л., 1951, 1956, 1960; IV—VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.
ОЗ — «Отечественные записки».
ПА — альманах «Первое апреля». СПб., 1846.
ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.
РиП — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров».
С — «Современник».
Собр. соч. 1930 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч., т. I—V. М.— Л., 1930.
СП — «Северная пчела».
Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.
Ст 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.— Л., 1927.
ТН — Театральное наследие, сб. II. *Некрасов Н. А.* Драматические произведения, т. I. Л.— М., 1937.

---

[1] См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. изд., т. I, с. 462—464, 709—711.

ТР — «Текущий репертуар русской сцены». Раздается при «Пантеоне русского и всех европейских театров».

Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.— Л., 1961—1968.

Тургенев, Соч.— *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.— Л., 1960—1968.

ФП — Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакциею Н. Некрасова, ч. 1—2. СПб., 1845.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Другие редакции	Комментарии
Оригинальные пьесы			
1840			
Юность Ломоносова. Драматическая фантазия в стихах в одном действии с эпилогом	7	551	652
Великодушный поступок. Детский водевиль в одном действии	21	553	653
Федя и Володя. Детский водевиль в двух действиях	34	554	654
1841			
Утро в редакции. Водевильные сцены из журнальной жизни	52		655
Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке. Водевиль в одном действии	72	557	657
Актер. Шутка-водевиль в одном действии	116	558	666
1844			
Петербургский ростовщик. Водевиль в одном действии	137		676
1856			
Осенняя скука. Деревенская сцена . . .	167		680
1859			
Забракованные. Трагедия в трех действиях, с эпилогом, с национальными песнями и плясками и великолепным бенгальским огнем	190	578	683

	Текст	Другие редакции	Комментарии
Произведения неизвестных лет			
<Драматический отрывок без заглавия>	207	581	685
Переводы и переделки			
1841			
Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь. Водевиль в двух картинах	217	582	687
Вот что значит влюбиться в актрису! Комедия-водевиль в одном действии, переделанная с французского Н. Перепельским	251	596	691
Дедушкины попугаи. Водевиль в одном действии	278	522	695
1842			
Материнское благословение, или Бедность и честь. Драма с куплетами в пяти действиях. Перевод с французского Н. А. Перепельского	292		696
Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах. Водевиль в одном действии, переведенный с французского Н. Перепельским	351	628	704
Коллективное			
1841—1842			
Похождения Петра Степанова сына Столбикова. Комедия в четырех картинах, с куплетами	381		706
Волшебное Кокорику, или Бабушкина курочка. Удивительное происшествие, случившееся в начале XVIII столетия . .	487	632	712
Наброски и планы <1855—1856>	543		715
Другие редакции и варианты	549		
Комментарии	643		
Условные сокращения, принятые в настоящем томе	716		

Подготовка текстов и комментарии

К. К. БУХМЕЙЕР, Л. М. ЛОТМАН, М. В. ТЕПЛИНСКИЙ,
Т. С. ЦАРЬКОВА

Редактор тома

М. В. ТЕПЛИНСКИЙ

Контрольный рецензент тома

Т. С. ЦАРЬКОВА

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 6

Драматические произведения
1840—1859 гг.

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *А. И. Кац* и *К. С. Фридлянд*

Сдано в набор 10.01.83. Подписано к печати 14.06.83. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Печ. л. 22$^{1}/_{2}$ + 1 вкл. ($^{1}/_{16}$ печ. л.) = 37.91 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 37.91.
Уч.-изд. л. 36.71. Тираж 300 000 (2 зав. 100 001—200 000). Изд. № 8219.
Тип. зак. № 3—14. Цена 4 р.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Отпечатано с матриц Головного предприятия на Киевской книжной фабрике республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252054, Киев, ул. Воровского, 24.